

К 100-летию образования СССР

Как и почему мы жили в СССР ?

(опыт ретроспективного взгляда на СССР из 21 века)

Юрий Порошин

Книга 1.

*Наш паровоз,
вперёд лети...*

© Ю. Порошин 2024

Буду благодарен за нелицеприятные отзывы
по адресу euripoe53@gmail.com

*Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.*

Александр Пушкин.

Россия слишком мало известна русским;

Александр Пушкин

«О народном воспитании»

*Чем хуже этот век предшествовавших?
Разве
Тем, что в чаду печали и тревог
Он к самой чёрной прикоснулся язве,
Но исцелить её не мог.*

Анна Ахматова

*Русский народ по своей душевной
структуре народ восточный.*

Николай Бердяев

*Листая старую тетрадь
расстрелянного генерала
Я тщетно силился понять,
как ты могла себя отдать
На растерзание вандалам
... О, генеральская тетрадь,
забытой правды возрожденье
Как тяжело тебя читать
Обманутому поколению.*

Игорь Тальков

*Когда погребают эпоху
Надгробный псалом не звучит.
Крапиве, чертополоху
Украсить её предстоит*

...

*А после она выплывает
Как труп на весенней реке, –
Но матери сын не узнает
И внук отвернётся в тоске.*

Анна Ахматова

«-- Эка штука – Россия ...».

Алексей Толстой, «Гадюка»

*... Мы ведём войну уже семьдесят лет.
Мы считали, что жизнь - это бой,
Но по новым данным разведки
Мы воевали сами с собой.*

*Этот поезд в огне и нам не на что больше жать.
Этот поезд в огне и нам некуда больше бежать.
Эта земля была нашей, пока мы не увязли в
борьбе.
Она умрёт, если будет ничьей,
Пора вернуть эту землю себе.*

Борис Гребенщиков

*Много пройдет ещё лет, я думаю, и изгладится
совершенно из памяти благодарного потомства и
что такое Советская власть, и что такое она
наделала, и что такое были мы все – её несчастные
последыши.*

Дмитрий Быков, из лекции о Гайдаре.

*Что вернёт нам надежда?
Что спасёт красота?
Ты вчера был хозяин империи,
А теперь - сирота.*

Юрий Шевчук

***Русские XX-го века -
жертвы двух фантомов. Наши
родители и деды – сироты
несостоявшейся мировой
революции, мы – сироты не
построенного коммунизма,
брошенные последыши.***

Вместо пролога

Понятие СССР даже для нашего поколения уже стало очень и очень далёким, а для тех, кому слегка за 20 – уже и мифологическим: для них что хрущёвская оттепель, что кронштадтский мятеж - это уже где-то там, в пыли ненужных сейчас библиотек, в бумажных учебниках, где-то очень далеко, в дедушкиных желтеющих странных черно-белых фотографиях. Но именно для нас, шестидесяти- и семидесятилетних, в этом слове - ничего мифического, всё живо, больно или смешно, всё отпечаталось в памяти неистребимо, навсегда, до самой смерти. Может, это потому, что по самой середине нашей жизни, по хребту, прошлись застой, перестройка, развал «нерушимого» Союза, откровенно криминальные 90-ые, войны по окраинам бывшей Родины; и кто-то стали беженцами в собственной стране, кто-то бомжами, кто-то приспособился; те вынуждены срочно сменить профессию, а эти сменили саму страну навсегда. Кто-то не дожил и вообще до этих лет - сгорел, подстрелен, спился, просто пропал Не мог я **не написать** эту книгу, будучи непосредственным свидетелем, участником и соучастником той эпохи.

А ведь большинство из нас в пылу ежедневных забот и в беспамятстве живёт сейчас так, будто и не было 20-го века, будто не было миллионов пропавших и погибших, не было Гулага и братоубийства Гражданской войны.... Может это известный синдром тех, кто лично пережил какую-либо катастрофу, и наша память просто противится «туда» возвращаться, не хочет снова переживать трагедию. Говорят, именно поэтому фронтовики так неохотно рассказывали о войне, о боях. Ведь смерти и врагов, и своих – не самая весёлая тема... Так память покрывается непробиваемым слоем мусора лет, нашего же равнодушия и просто нежеланием помнить.

Но так и будет, пока мы, общество, потомки тех поколений, не дадим оценку: что это было – СССР?

Автор не историк, не учёный и не политолог, не может дать такую оценку; скорее этот рассказ и – лишь повод начать разбираться, приглашение к разговору ... И вообще - а настал ли у нас в стране гражданский мир? И закончилась ли гражданская война?

Не похоже.

Так что это эссе -- просто попытка собрать во что-то упорядоченное то, что больше всего врезалось в коллективную память, собрание воспоминаний и моих

собственных, и моих сверстников, и материалов старых газет, фильмов, книг, статей из интернета, разбавленное фотографиями, анекдотами да песнями. Но это и инвентаризация антресолей личной памяти. Это попытка называния вещей своими именами, уход от лозунгов, штампов и замусоленных советских клише (но даже здесь полностью избавиться от них не удаётся).

Здесь можно найти то, что мы и так знали, а что совсем не знали, или не хотели знать, да это было. Здесь нащупываются неожиданные связи, имена дней сегодняшних и событий столетней давности. Здесь всплывают полузабытые имена или даже такие, о которых мы не слыхивали, но без них наша память была бы не полна.

И, возможно, после прочтения книги молодые современники не будут задавать нам вопросы типа «А кто такая берия»?

В то же время автор сознаёт, что такие попытки уже многожды делались, и даже ещё в конце самого советского периода, и тем более в наши годы, и некоторые из них будут упомянуты здесь. Очень хочется внести и свою долю в этот нестройный хор, свой голос, да буде он услышан.

Посвящаю этот рассказ прежде всего моим ровесникам и тем, кто старше нас, а если к читателям присоединится и подрастающее «наше будущее», хотя бы просто любопытствуя по поводу такого недавнего, но очень непонятного времени, то автор будет просто счастлив. (Иногда в тексте будут встречаться заковыченные пушкинские цитаты без ссылок в силу их общеизвестности).

Тема не подъёмная.

Ну, начнём.

Для затравки

И начнём с наших песен. Современным нашим людям трудно даже представить, насколько плотно и прочно сидела в нас песенная культура. В поколении наших родителей пели всегда, везде и по любому поводу (впрочем, как и пили, также). Ехали туристами в автобусе, в купе поезда – пели, шли солдаты строем – пели, на любых слётах, съездах комсомольцы – пели, мы в стройотряде, несясь бригадой на открытом грузовике – пели, ну и, конечно, при любом застолье после первой же рюмки – запевали. Песен знали море, и самых разных, и что характерно, – наши родители затягивали за столом не только «шумел камыш, деревья гнулись ...» или «*вот кто-то с горочки спустился...*», и не только «*стою на полустаночке ...*», но и грустные, о тяжёлой доле народа до революции, «*догорай, гори моя лучинушка ...*» и о гражданской войне – «*За фабричной заставой, где закаты в дыму, / жил парнишка кудрявый, лет семнадцать ему ...*» и как он ушёл воевать за рабочее дело, «*и, порубанный саблей, Он на землю упал...*». В детской памяти отпечаталось это очень надолго. А мы уже почти не поём за столом, и тем более наши дети, и увидеть и услышать эту традицию можно только в старых фильмах, как, скажем, «Жил-был пёс».

Это культурное явление исчезло из жизни нашего общества навсегда.

А что же мы, дети того поколения, мы, не жившие в землянках и не радовавшиеся в войну картофельным очисткам? Что пели или слышали каждодневно мы в своём детстве?

Обратимся к очень примечательному фильму Элема Климова¹ «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещён», в котором пионеры в летнем лагере выходят на сцену и пытаются репетировать какую-то сценку со словами «Мы бодрЫ, веселЫ, ...» и прочую тягомотину. У них ничего не получается, потому что они вовсе не веселы и не бодрЫ ... Может потому, что товарищ Дынин уж сильно хочет от своих воспитанников и бодрости и веселья, когда самим воспитуемым этого именно сейчас вовсе не хочется. Но, есть такое слово – надо! Впереди – какой-то очередной смотр творческих сил, будет лагерное начальство, и лагерной самодеятельности следует быть на высоте, не ударить в грязь ... и т.д. и т.п. Такие часто вымученные выступления на сцене перед праздниками назывались «монтаж», где вперемежку шли стихи, песни, речёвки, отдельные скетчи, а то и забытые ныне живые, из пионеров пирамиды (как в фильме «Подранки»), иногда с переодеваниями, посвящённые какой-либо тематике предстоящего праздника. Такое происходило так или иначе в каждой школе, лагере.

Лучше всего нам помнятся такие монтажи с революционными песнями накануне, например, 7-го ноября. А сами эти песни составляли часть революционной эпохи, эпохи романтизации и героизации борьбы за советскую власть и тема революции задавала тон в творениях советских музыкантов, художников, поэтов, режиссёров.

Также в фильме «Дикая собака Динго»² в таком же монтаже юная Галина Польских в пионерском галстуке с необыкновенным вдохновением читает «Смерть пионерки» Эдуарда Багрицкого:

*«...Нас водила молодость в сабельный поход,
нас бросала молодость на кронштадтский лёд...»*

Не вникая сильно в смысл малопонятных нам уже слов, мы азартно горланили Тачанку, Каховку³, По долинам и по взгорьям, про Щорса и множество других. Мама Юрия Деточкина, вспоминая буйную молодость в беседе со следователем, сходу запела первое, что прочно сидело в голове - «про паровоз».

И нужно обязательно привести несколько текстов таких песен, чтобы их слова, дух того времени сразу же настроил читателя на волну нашего разговора:

¹ В имени сына, родившегося в 1932 году, родители зашифровали фамилии Энгельс, Ленин, Маркс, что тогда было в моде. Видимо, зарядили на борьбу. Подобно Вилен, Виль (Липатов), Марлен (Хуциев), Нинель, Влаиль, Мэлс (фильм «Стиляги»), Даздраперма, Гертруд, Велиор, Индустрий (Александр Индустриевич в «Я шагаю по Москве»), СталиИна.

² Режиссер Юлий Карасик по книге Рувима Фраермана.

³ Город на Украине.

ПАРОВОЗ

Музыка: П. Зубаков

Слова народные.

Мы дети тех, кто наступал
На белые отряды,
Кто паровозы оставлял
И шёл на баррикады.

Припев:

Наш паровоз, вперёд лети!
В Коммуне остановка,
Иного нет у нас пути,
В руках у нас винтовка.

Пойдём на бой мы, сыновья,
В рядах с отцами вместе,
Мы бьём врага – одна семья,
Горя единой мезтью.

Мы в недрах наших мастерских
Куем, строгаем, рубим
Не покладая рук своих,
Мы труд фабричный любим.
Наш паровоз мы пустим в ход,
Такой, какой нам нужно.
Когда прикажет нам народ,
Пойдём врага бить дружно.

1922 г.

Тачанка

Слова: М. Рудерман,

Музыка: К. Листов

Ты лети с дороги, птица,
Зверь, с дороги уходи!
Видишь, облако клубится,
Кони мчатся впереди!
И с налёта, с поворота,
По цепи врагов густой
Застрочит из пулемёта
Пулемётчик молодой.

Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Конармейская тачанка,
Все четыре колеса!

.....

По земле грохочут танки,
Самолёты петли вьют,
О буденновской тачанке
В небе лётчики поют.
И врагу поныне снится
Дождь свинцовый и густой,
Боевая колесница,
Пулемётчик молодой.

Эх, тачанка-полтавчанка,
Наша гордость и краса,
Пулемётная тачанка,
Все четыре колеса!
1936 г.

Марш танкистов

Музыка: Дм. и Дан. Покрасс

Слова: Б. Ласкин (ранний вариант)

Броня крепка, и танки наши быстры,
И наши люди мужества полны:
В строю стоят советские танкисты -
Своей великой Родины сыны.

Припев:

Гремя огнем, сверкая блеском стали
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И Ворошилов в бой нас поведет!

Заводов труд и труд колхозных пашен
Мы защитим, страну свою храня,
Ударной силой орудийных башен
И быстротой, и натиском огня.

Пусть помнит враг, укрывшийся в засаде
Мы начеку, мы за врагом следим.
Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим.

А если к нам полезет враг матёрый,
Он будет бит повсюду и везде!
Тогда нажмут водители стартеры
И по лесам, по сопкам, по воде....

Припев

Каховка

Музыка: И. Дунаевский Слова: М.
Светлов

Каховка, Каховка, родная винтовка,
Горячая пуля, лети!
Иркутск и Варшава, Орел и Каховка -
Этапы большого пути.

Гремела атака и пули звенели,
И ровно строчил пулемёт...
И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идёт.

Припев:
Под солнцем горячим, под ночью
слепою
Немало пришлось нам пройти.
Мы - мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

Ты помнишь, товарищ, как вместе
шатались,
Как нас обнимала гроза?
Тогда нам обоим сквозь дым улыбались
Её голубые глаза.

Так вспомним же юность свою боевую,
Так выпьем за наши дела,
За нашу страну, за Каховку родную,
Где девушка наша жила.

Припев:

1930

Песня о юном барабанщике

Музыка: В. Валльрот

Слова: М. Светлов

Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо.
Вперед продвигались отряды
Спартакowцев, смелых бойцов,

Средь нас был юный барабанщик,
В атаках он шел впереди -
С весёлым другом-барабаном,
С огнём большевистским в груди,

Однажды ночью на привале
Он песню веселую пел,
Но, пулей вражеской сраженный,
Допеть до конца не успел,

С улыбкой юный барабанщик
На землю сырую упал...
И смолк наш юный барабанщик,
Его барабан замолчал,

Промчались годы боевые,
Окончен наш славный поход.
Погиб наш юный барабанщик,
Но песня о нем не умрет,

1930 г.

Варшавянка

Музыка: Станислав Монюшко

Слова русского текста: Г. М. Кржижановский

Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас ещё судьбы неизвестные ждут.

Но мы подыдем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.

Припев:

На бой кровавый, святой и правый
Марш, марш вперед, рабочий народ.

Мрёт в наши дни с голодухи рабочий,
Станем ли братья мы дольше молчать?
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?

В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей.
Их имена с нашей песней победной.
Станут священны миллионам людей.

Нам ненавистны тиранов короны
Цепи народа-страдальца мы чтим.
Кровью народной залитые троны,
Кровью мы наших врагов обогрим!

Смерть беспощадная всем супостатам!
Всем паразитам трудящихся масс!
Мщение и смерть всем царям-плутократам!
Близок победы торжественный час.

Конармейская

Музыка: Дм. и Дан. Покрасс Слова: А. Сурков

По военной дороге
Шёл в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.
Были сборы недолги,
От Кубани до Волги
Мы коней поднимали в поход.

Среди зноя и пыли
Мы с Буденным ходили
На рысях на большие дела.
По курганам горбатым,
По речным перекатам
Наша громкая слава прошла.

На Дону и в Замостье
Тлеют белые кости,
Над костями шумят ветерки.
Помнят псы-атаманы,
Помнят польские паны
Конармейские наши клинки.

Если в край наш спокойный
Хлынут новые войны
Проливным пулемётным дождём, -
По дорогам знакомым
За любимым наркомом
Мы коней боевых поведём!

Перед вражьей заставой
Мы рассыпались лавой.
Наши сытые кони легки,
Мы болтать не речисты,
Но работают чисто
Конармейские наши клинки.
Для походов рожденный,
С нами снова Буденный
Ворошиловский лучший казак.
Там, где мы пролетаем,
Кружит воронов стая
Да порубанный стелется враг.

К нашей жизни цветущей
Лезут черные тучи
С проливным пулеметным дождем.
По дорогам знакомым
За любимым наркомом
Мы до полной победы дойдем!

1936 г.

Белая армия, черный барон

Музыка: С. Покрасс

Слова: П. Григорьев (Горинштейн)

Белая армия, чёрный барон
Снова готовят нам царский трон,
Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее.

Припев:

Так пусть же Красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой,
И все должны мы
Неудержимо
Идти в последний смертный бой!

Красная Армия, марш вперёд!
Реввоенсовет нас в бой зовёт.
Ведь от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее!

Припев.

Мы раздуваем пожар мировой,
Церкви и тюрьмы сравняем с землёй.
Ведь от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее!

(Ранний вариант припева:

Так пусть же Красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой,
С отрядом флотских
Товарищ Троцкий
Нас поведёт на смертный бой!)

Марш Будённого

Музыка: братьев Покрасс,
Слова: А. Д'Актиль

Мы - красные кавалеристы,

И про нас

Былинники речистые
Ведут рассказ -
О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные
Мы смело и гордо в бой идём!

Припев:
Веди, Будённый, нас смелее в бой!
Пусть гром гремит
Пушай пожар кругом, пожар кругом.
Мы беззаветные герои все,
И вся-то наша жизнь есть борьба.

Будённый - наш братишка.
С нами весь народ.
Приказ - голов не вешать
И глядеть вперёд.
Ведь с нами Ворошилов,
Первый красный офицер,
Сумеем кровь пролить за СССР!

Припев.

Высоко в небе ясном реет алый стяг,
Летим мы на врага туда, где виден
враг.
И в битве упоительной
Лавиною стремительной -
Даёшь Варшаву, дай Берлин -
И врезались мы в Крым!

Припев.

1920 – 1925 г.

ОРЛЁНОК

Написана в [1936 году](#) поэтом [Я. Шведовым](#)
на музыку композитора [В. Белого](#) к
спектаклю [Театра Моссовета](#) «Хлопчик»
драматурга [М. Даниэля](#).

Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца

И степи с высот огляди.

Навеки умолкли весёлые хлопцы

В живых я остался один.

Орлёнок, орлёнок, блесни опереньем,

Собою затми белый свет.

Не хочется думать о смерти, поверь мне,

В шестнадцать мальчишеских лет.

Орлёнок, орлёнок, гремучей гранатой

От сопки врага отмело,

Меня называли орленком в отряде,

Враги называют орлом.

Орлёнок, орлёнок, мой верный товарищ,

Ты видишь, что я уцелел,

Лети на станицу, родимой расскажешь,

Как сына вели на расстрел.

Орлёнок, орлёнок, товарищ крылатый,

Ковыльные степи в огне,

На помощь спешат комсомольцы - орлята

И жизнь возвратится ко мне.

Орлёнок, орлёнок, идут эшелоны,

Победа борьбой решена.

У власти орлиной орлят миллионы,

И нами гордится страна!

Вот такие песни и им подобные мы выводили на слётах и монтажах. Конечно, эти песни надо бы слушать в «том» исполнении, а не читать тексты, ведь эпоху передаёт и сама модуляция голоса певцов того времени. Кстати, в словах «Конармейской» польские паны упоминаются, видимо, как отголосок советско-польской войны 1920-21 годов, когда на гребне успеха в Гражданской войне власти попытались принести мировую революцию на штыках в бывшее под Россией польское царство и через него далее в Германию, что видно из другой песни – «Марша Будённого». Этот неудавшийся бросок на Запад начался было именно войной с «панской» Польшей для создания коридора на помощь германской революции, но об этом дальше.

Стоит вчитаться в эти тексты, которые мы знали почти наизусть - пули, шинели, дым, свинцовый дождь, порубанный враг, танки, пулемёты, бронепоезда, горящая Каховка, кровь, винтовки, – короче, смерть всем врагам! Мы, пионеры 60-х, под руководством наших учителей, пели о славных и героических, как казалось, днях прошедшей 50 лет назад Гражданской войны. Но почему мы пели так весело, задорно и с огоньком о событиях, по сути, невероятно трагических, ибо нет для народа страшнее беды, чем война брата на брата, и сына на отца, ведь это разруха, смерти, это потери тех ценностей, что предыдущие наши поколения копили веками?

Но на этом наши brave учителя не акцентировались, про миллионы погибших русских не рассказывали, не внушали ужаса перед войной, и особенно гражданской! Наоборот, «...Эх, тачанка-ростовчанка,/Наша гордость и краса,/Конармейская тачанка, ...». И «девушка наша» в шинели – это здорово! И тачанка (кстати, изобретение хлопцев батки Махно) – это «наша гордость и краса»! Где наша скорбь за погибших, за потери, за слезы, за страшную разруху, произведённую собственными руками?

Где народная трагедия, когда русский убивает русского? Нам и в голову такая мысль не приходила. Да какая же это трагедия? Напротив, нам создавали впечатление, что война, в том числе и гражданская, – это весело, это наше дело - молодой пулемётчик строчит, пули звенят, бронепоезд мчится на врага, девушки наши в дыму и в шинелях, клинки остры - ух мы сейчас порубим беляков как капусту!

А ведь за окном – вторая половина 20-го века, вроде бы нормальная мирная жизнь, люди строят планы на будущее, космонавты бороздят космические просторы, наши родители строят химический комбинат, наши олимпийцы завоёвывают в честном спорте медали, люди стали ездить семьями на юг на море, в кино показывают замечательные кинокомедии, многие семьи вселяются в новые отдельные нормальные квартиры с белым кафелем и всегда горячей водой, что для многих это как в сказке. Те же пионеры сажают вдоль аллей деревца. Что же не даёт нам забыть пулемёты и заставляет держать под парами бронепоезда? Почему мы такие воинственные, почему нас, детей, поощряли прославлять агрессию и радостную кровожадность, почему в нас не воспитывали ощущения трагичности той войны, скорби по нашим собственным погибшим дедам. Кстати, подавляющее большинство нас, пионеров 60-х, росло без дедов, т.е. тех, кто рождения конца 19-го, начала 20-го века. Бабушек было гораздо больше. Куда же и когда сгинули наши деды? Об этом не было речей.

А если бы кто-то и задавался такими вопросами, то они повисали в душном воздухе того времени, где не было места дискуссиям и рефлексиям. Всё прошлое, как и будущее, было народу растолковано, разжёвано очередным пленумом ЦК или съездом КПСС кто есть кто, или кто был кто.

И вопросы и непонятки всё равно оставались, не исчезали. Взглянуть хотя бы на нашу топонимику. Непредвзятый глаз замечал и замечает, что в нашей стране до сих пор много сёл и городов, фабрик, заводов и колхозов, названных в честь никому не известных сейчас людей, много улиц со странными названиями – Коминтерна, МОПРа, Карла Либкнехта, Клары Цеткин, Марата, Розы Люксембург, Урицкого, Фрунзе, Эрнста Тельмана, Трилисера и даже Фурье ... А в российской глубинке есть города Тольятти, Торез, Димитровград, Энгельс с явно нерусскими названиями. В честь кого или чего они переименованы из исконно русских, украинских древних названий? Было и другого очень много странного и неожиданного. Например, карандашная фабрика им. Сакко и

Ванцетти. Это же по крайней мере очень странно; хотя бы мы знали кто это и почему?

Удивительно начиналась и первая страница каждой советской газете – на самом верху выше орденов самой первой отдельной строчкой, как правило, на всех пятнадцати языках союзных республик красовалась цитата: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», как оказывалось – завершающая фраза манифеста немцев Карла Маркса и Фридриха Энгельса, изданного ещё в 1848 году! Причём начинался этот «Манифест

Одна из советских газет, 1977 год.

Коммунистической партии» странными словами: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма».

А на крышах и стенах домов часто висели огромные транспаранты и даже мозаики (чтобы навечно) типа «Коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым!», «Народ и партия едины!», «СССР – оплот мира и социализма», «Победа коммунизма неизбежна!», которые ежедневно били тебе в подсознание. Видимо, по задумке государственной пропаганды, их пафос должен невольно заряжать тебя восторгом и энтузиазмом по пути на работу. И с работы. И в булочную.

Было много других несообразностей в самой общественной жизни. Инженеру-физику, чтобы поступить в аспирантуру по специальности, нужно было сдать среди прочих вступительных экзаменов «Историю КПСС⁴», и не спрашивали тебя – партийный⁵ ты или беспартийный. Зачем?

Что всё это, или что за всем этим стоит? К чему нас, пионеров и комсомольцев, готовили? И кого из нас хотели сделать?

⁴ Коммунистическая партия Советского Союза.

⁵ Партийность в этой книге понимается только в смысле членства человека в КПСС (ранее ВКПб), а других партий и не было.

Ну а сама жизнь того поколения, военно-революционного, это сплошное метание между понятиями – кто сегодня друг, а кто враг; потому что вдруг вчерашние герои оказывались врагами, вожди - предателями (как Троцкий, или Зиновьев, или Бухарин), союзники – врагами (как югославский лидер Иосип Броз Тито, например), а враги – союзниками (например, первый враг коммунизма Уинстон Черчилль стал в войну верным союзником, но до фултонской речи). А неоспоримый громогласный лидер страны Хрущёв после очередного пленума ЦК в 1964 году вдруг абсолютно пропал со страниц всех газет, с киноэкранов, с плакатов, никто его не вспоминал даже вскользь, будто его никогда не было – только потом лет через 6 краткая строчка в газете о его физической смерти.

Или, например, огромные лозунги о вечной и нерушимой дружбе с Китаем в 50-е годы, brave песни типа «Москва-Пекин» за один день сменились сообщениями о высылке из Москвы китайских студентов целыми поездами, а там и остров Даманский замаячил угрозой большой войны (стоило Мао Цзэ-Дуну направиться в коммунизм своим отдельным от Москвы путём, а наше руководство обозвать ревизионистами марксизма). Так что устоявшиеся понятия регулярно рушились, в наших головах - легко взметаемый хаос и ожидание непредсказуемого. Очень хорошо это сумел выразить Сергей Довлатов, дав краткое резюме, идеологический итог жизни своего дяди в повести с характерным названием «Наши»:

«... Сталина мой дядя обожал. Обожал, как непутевого сына. Видя его недостатки.

Пластинки с речами генералиссимуса хранились в красных альбомах. Были такие альбомы со шнурками и рельефным портретом вождя...

Когда Сталин оказался бандитом, мой дядя искренне горевал. Затем он полюбил Маленкова. Он говорил, что Маленков — инженер.

Когда Маленкова сняли, он полюбил Булганина. Булганин обладал внешностью захолустного дореволюционного полицмейстера. А мой дядя родом был как раз из захолустья, из Новороссийска. Возможно, он честно любил Булганина, напоминавшего ему идолов детства.

Затем он полюбил Хрущева. А когда Хрущева сняли, мой дядя утратил любовь. Ему надоело зря расходовать свои чувства.

Он решил полюбить Ленина. Ленин давно умер, и снять его невозможно. Даже замарать как следует и то нелегко. А значит, невозможно отнять любовь...

При этом мой дядя как-то идейно распустился. Он полюбил Ленина, а также полюбил Солженицына. Сахарова он тоже полюбил. Главным образом за то, что Сахаров изобрёл водородную бомбу. Однако не спился, а борется за правду.

Брежнев мой дядя не любил.

Брежнев казался ему временным явлением (что не подтвердилось)...

В последние годы жизни он был чуть ли не диссидентом. Но диссидентом умеренным. Власова не признавал. Солженицына уважал выборочно.

Брежневу мой дядя посылал анонимные записки. Он писал их в сберегательной кассе фиолетовыми чернилами. К тому же левой рукой и печатными буквами. Записки были короткие. Например:

«Куда ведешь Россию, монстр?» И подпись: «Генерал Свиридов».

Или: «БАМ — это фикция!» И подпись: «Генерал Колужный».

Иногда он пользовался художественной формой: «Твои брови жаждут крови!»⁶

И подпись: «Генерал Нечипоренко»...

Дядя хотел вернуться к истокам ленинизма.

А я не хотел. Вот мы и ругались без конца. Уровень полемики был невысок.

— Немецкий шпион, — говорил я о Ленине.

— Святотатец и болван! — реагировал дядя уже в мой адрес...»

Вот такая полемика поколений. Кроме плоской ругани ни одного аргумента или довода. Что ж, искусством полемики и аргументированных дискуссий мы, советские люди, не отличались никогда, и этому нас нигде не учили. Какая полемика и дискуссия? Партия уже всё давно за тебя решила. Поэтому выкрикнуть лозунг — всегда пожалуйста. Хлёсткий заготовленный лозунг был нашим оружием.

И для того, чтобы хоть как-то разгрести эту кашу в головах, навести порядок в понятиях и может скрытых тогда смыслах событий, придётся начать очень издалека.

Но с какого бока подойти? Ведь стоит лишь именно издалека заговорить об СССР в целом - и тут же начинаются проблемы, потому что жизнь страны и населявшего её народа была столь многогранна, до предела противоречива, истоки столь далеки и укоренены в прошлом, что теряешься, с чего начать об этом веке, веке СССР.

Об этой же растерянности в подходах к разговору о советской эпохе говорит историк Ирина Карацуба:

«С XX веком беда. Потому что слишком много, слишком трагично, слишком густо. Память о XX веке у нас подавлена. Мы стараемся не думать о том, о чем мы не хотим думать. Вместо этого мы от XX века загородились. Есть выражение в социологии «заградительный миф». Мы загородились несколькими мифами. Например, мифом о великих деятелях, главах советского государства, которые стояли у руля. Это Ленин, Сталин». (Семинар проекта «Я - думаю».)

Не в восторге от нашего века и поэты. О его бедах давно предупреждал Блок в поэме «Возмездие» и сравнивает его с 19-м:

*«... Двадцатый век... Ещё бездомней,
Ещё страшнее жизни мгла
(Ещё чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).*

...

*И страсть и ненависть к отчизне...
И чёрная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...».*

⁶ Чёрные и густые брови стареющего Брежнева становились со временем предметом баек и анекдотов.

Блок, всё-таки, пророк. Так и случилось. А в конце 20-х о странностях и враждебности нашего века откровенничает и Эдуард Багрицкий, уже перечувствовавший первую треть века. К нему в стихотворении «ТВС», больному туберкулёзом, в бреду приходит умерший Дзержинский и поучает, каков сейчас век и в чём его неотвратимость:

ТВС.

...Как бы продолжая давнишний спор,
Он говорит: «Под окошком двор
В колючих кошках, в мёртвой траве,
Не разберёшься, который век.
А век поджидает на мостовой,
Сосредоточен, как часовой.
Иди - и не бойся с ним рядом встать.
Твое одиночество веку под стать.
Оглянешься - а вокруг враги;
Руки протянешь - и нет друзей;
Но если он скажет: «Солги», - солги.
Но если он скажет: «Убей», - убей....
... И подпись на приговоре вилась
Струёй из простреленной головы.
О мать революция! Не легка
Трёхгранная откровенность штыка;
... Да будет почётной участь твоя;
Умри, побеждая, как умер я».

1929 г.

Да, чекисты, умирая, конечно всё равно побеждают. Может, об этом же, о жестокости и трагичности века, писал Осип Мандельштам ещё в начале 30-х: «Мне на плечи кидается век-волкодав...». Самого поэта и ещё несколько десятков миллионов советских людей этот волкодав точно загрыз.

Пессимистична и Марина Цветаева (она бедствует ещё в эмиграции, но предчувствует, видимо, что лучше не будет нигде, даже по возвращении домой):

Век мой -- яд мой,
век мой -- вред мой,
Век мой -- враг мой,
век мой -- ад.

1934 г.

Что же это за век, на большую часть которого легли тени двух империй, красной и коричневой? Что нам о нём думать, и что нам о нём знать? Что же мы в этом веке делали, что создавали, откуда столько жертв?

О нашей критической неопределённости в этом отношении журналист Леонид Парфёнов говорит:

«У нас нет никакого национального, общественного консенсуса по поводу того, как относиться к советскому периоду в истории и чем был СССР...
Власть по поводу социализма растеряна так же, как и остальное население...»
И далее:

«Это же абсолютная нелепость: не разобрались с собственным XX веком.
И вина элит в этом смысле гораздо больше, чем населения.»

(Я бы добавил, что у нас даже и до сих пор ни по какому вопросу нет консенсуса. Да и не в нашем национальном характере знать, что это такое).

Парфёнов же доказывает, что внутри нас, ныне живущих, всё тот же СССР: *«...все до сих пор живущие представления о державе, вожде, народе, обществе, о том, как важно, чтобы соседи боялись, — идут из него. Система всегда была одна: подавление религии и всякой частной инициативы, всё принадлежит государству, оно — единственный работодатель, только оно ведёт торговлю и только оно обладает практически всем жильём. Всё распределяется: так или иначе все блага и устройство жизни зависят от государственной власти. ...Не было никакого хорошего социализма, и в законченном виде социализм нежизнеспособен. Единственное место, где он существует в самом предельном выражении, — Северная Корея. А хороший социализм, не сталинский, на глазах у всех, кто постарше, дошёл до полного вырождения в лице Черненко⁷. По-человечески было видно, что это — распад буквально в физическом выражении, да ещё и показываемое по единственному тогда центральному телевидению.»⁸*

(Интересно, но точно этими же проблемами ещё в начале 20-го века задавался Антон Чехов словами студента Трофимова в «Вишнёвом саде»:

«...у нас нет ещё ровно ничего, нет определённого отношения к прошлому, мы только философствуем, жалуемся на тоску или пьём водку.»)

И то же самое о утверждает историк Наталья Нарочницкая в интервью 07.11.2017 г.:

«...при настоящем социализме мы и не жили. Да, социальное расслоение в нашей стране долгое время действительно контролировалось жёстко. Однако тотальная принудительная вовлечённость в политическую идеологическую систему государства и жизнь в условиях постоянного ограничения материальных, бытовых потребностей людей никак не являлись признаками зрелого социального государства. В итоге к концу СССР утверждение «самого передового» строя на Земле выродилось в откровенную талмудистику. В это уже никто по-настоящему не верил, и строй пал.»

А по словам Андрея Шутова, декана факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, время Октябрьской революции — это то время, когда общественность, с одной стороны, и власти, с другой стороны, не слышали друг друга. Он говорит о том времени:

«Произошла трагедия, вызванная победой радикальных политических сил, которые проводили радикальную повестку дня в стране 100 лет назад. В результате этой победы была поставлена задача уничтожить целые социальные классы в обществе ради мифической победы коммунизма. Ради того, чтобы у нас наступило некое светлое будущее. В течение многих десятилетий мы были вынуждены строить общество, толком не зная, что на самом деле строим.»

По мнению политолога, если общество выйдет на то, чтобы извлечь уроки из события, которое произошло 100 лет назад, то оно прежде всего должно отказаться от затеи построить очередное «светлое будущее».

⁷ Очередной стареющий Ген. секретарь ЦК КПСС перед приходом Михаила Горбачёва.

⁸ <http://www.bbc.com/russian/features-41442647>

«Нужно жить настоящим, ... Нам необходимо закрыть эту страницу истории — ведь она до сих пор не закрыта в обществе. До сих пор имеет место разделение на белых и красных. Если гражданское общество выступит с идеей примирения, с идеей преодоления этого раскола, который произошел 100 лет назад, то это будет полезно для нашего общества и его справедливого развития», — комментирует он же. <https://narotchnitskaya.com/interviews/revolyutsiya-1917-goda-tragediya-no-sovetskiy-soyuz-dannost-nataliya-narotchnitskaya.html>

Литературный критик Дмитрий Быков высказался вообще парадоксально и метафорически: «СССР — это страна, придуманная Гайдаром.». А вот Владимир Маяковский просто и отчётливо высказался в поэме «Хорошо»:

«Социализм:

свободный труд

свободно

собравшихся людей.»

Мы и посмотрим далее, что же из этого тезиса первого советского поэта получилось — какой социализм, каких свободных людей.

Интересный краткий аллегорический анализ того, в чём мы жили даёт писатель Андрей Синявский:

«Советская цивилизация сложена из крупномасштабных, тяжелых блоков. Она хорошо приспособлена к тому, чтобы подавлять человеческую свободу, а не чтобы её открывать, питать и стимулировать. В целом она похожа на египетскую пирамиду, составленную из колоссальных камней, тщательно друг к другу подогнанных и притертых. Масса мертвого камня, впечатляющая монументальность постройки, служившей когда-то величественным и нам уже недоступным целям, при крошечном полезном пространстве внутри сооружения. Внутри — мумией — Ленин. Вокруг — ветер пустыни. Песок. Таков — образ.»⁹

Действительно, именно таким, похожим на пирамиду зиккуратом, и получился мавзолей в центре страны.

При этом попытки односложно ответить на многосложный вопрос порождают только вал новых вопросов типа «а что это было и почему?», и их можно задавать бесконечно, особенно со стороны не живших в то время.

И здесь, в этой книге, мы только попытаемся бросить взгляд назад, на прошлое с других, может непривычных сторон, и учитывая, что наши знания о прошлом сильно обогатились, судя «по новым данным разведки». И судя по чуть приоткрывшимся архивам в последнее время.

И потому далее будем не столько задавать вопросы «почему», а сколько рассказывать КАК именно мы жили сами и наши родители, и их родители, или рассказывать о случившихся вокруг нас событиях, о которых мы просто не подозревали,

⁹ Андрей Синявский. «Основы советской цивилизации».

и что от нас власти скрывали, или недосказывали, давая почву для неисчислимых слухов и вымыслов.

Что ж, для затравки попробуем начать с жизни простого советского человека. И чтобы окунуться в ту иную жизнь, пожалуй, без сравнения с днем сегодняшним нам не обойтись.

Итак, возьмите нашего современника - среднего нормального работающего человека в зрелом возрасте (возьмите себя) и отнимите у него (у себя):

- собственность на дом или квартиру, которые он (вы) может сегодня продать, а завтра купить коттедж, скажем, в Испании,
- возможность иметь, купить или продать любую валюту, акции предприятий, другие ценные бумаги,
- изобилие товаров на полках магазинов и обилие самих магазинов (для представления о советской торговле возьмите число магазинов вокруг вас сегодня и сократите его раз в пять-десять, а ассортимент, скажем, современных гипермаркетов, поделите на 20-40),
- возможность иметь свой собственный бизнес и быть финансово независимым от государства (после уплаты налогов, конечно),
- возможность стабильно работающему человеку купить автомобиль,
- возможность взять кредит, ипотеку (и одновременно ответственность по их выплате),
- загранпаспорт и возможность свободно пересечь свою границу как туда, так и обратно (если нет разных больших долгов перед государством),
- интернет и мобильную связь, больше 200 каналов телеящика круглосуточно,
- возможность читать, смотреть что угодно, выписывать практически любые товары из-за границы,
- одеваться, стричься (!), носить что носят в остальном мире, или что хочется и как хочется,
- возможность не работать, если можешь, (скажем, жить на ренту),
- возможность приехать и купить квартиру и жить, и работать в любом городе, включая столицы,
- возможность обращаться в суд с иском против государственных органов, включая международные суды (хоть в Страсбурге),
- возможность участвовать в деятельности любой политической партии, взгляды которой совпадают с твоими, или создать собственную,
- банковские карты и возможность ими расплачиваться, или делать переводы с их помощью в несколько секунд,
- возможность иметь и применять для защиты себя и своей семьи зарегистрированное оружие.
- возможность самому инвестировать свои сбережения в любые финансовые инструменты: акции, фьючерсы, валюту, ПИФы¹⁰ и т.д., и этим зарабатывать,
- возможность взять в долгосрочную аренду землю,
- возможность иметь, а значит, оплачивать своего семейного врача, адвоката, налогового консультанта,
- возможность искать и находить в мировой электронной Сети любую информацию.

И ещё много разных естественных для нас возможностей, о которых и вспомнить-то сразу трудно именно в силу их теперешней естественности.

¹⁰ ПИФ – паевой инвестиционный фонд.

Отняли? А теперь взамен добавьте (возьмём только послесталинские времена):

- бесконечные очереди в магазинах за самым необходимым,
- тотальный контроль «партии» над всеми сторонами общественной и даже твоей частной жизни: что ты читаешься, смотришь, пьешь, слушаешь, носишь на на себе,
- уголовную ответственность просто за хранение иностранной валюты, за хранение и распространение литературы сам- и тамиздата, т.е. книг вроде «Доктора Живаго»,
- однообразную почти одинаковую одежду, одинаковую мебель, одинаковые квартиры и дефицит, дефицит, дефицит всего и вся, отсюда бесконечная беготня по магазинам, отсюда блат, унижения, связи (если они у тебя есть),
- невозможность обычной работающей семье купить собственную квартиру (о кооперативных квартирах и МЖК¹¹ говорим отдельно),
- практическая невозможность купить свой автомобиль, даже если у тебя откуда-то взялись лишние несколько тысяч рублей (оставьте только у одного-двух процентов семей латаные жигули, москвичи и запорожцы, совсем редко - волги. По давним слухам в Москве было только три легальных «официальных» Мерседеса – у Брежнева – кто-то подарил из зарубежных коллег, у Владимира Высоцкого – подарила Марина Влади, у Анатолия Карпова который его приобрёл на собственные деньги, титул чемпиона мира позволял), ну, не считая «цеховиков»,
- невозможность семье взять кредит в банке или ипотеку (такого слова вообще не слыхивали),
- низкие зарплаты, отчего вкупе с дефицитом самых рядовых товаров роль денег в обществе была очень условной, отсюда - распределительная система благ. (Как приговаривал Лёлек в качестве проклятия в «Бриллиантовой руке» Леонида Гайдая: «Что б тебе жить на одну зарплату!»),
- «прописку» родителей, и, следовательно, твой штамп в паспорте при его получении в 16 лет как клеймо при рождении, определяющую во множестве твою будущую жизнь (кто-то прописан оказывался на Малой Бронной, а кто-то на улице Клары Цеткин, скажем, в неведомом Сквородино),
- полный, но неофициальный запрет на выезд за границу граждан по частным делам (кроме гастролей избранных работников искусств обязательно в группах с сексотами, да спортсменов в делегациях на чемпионаты, да рабочих и специалистов на стройки третьих стран под полным контролем и с предварительными строжайшими

Плакат послевоенных времён. Белокурый рабочий с томиком марксизма-ленинизма ведёт вперёд трудящихся остальных национальностей (всего человечества)

¹¹ Молодёжно-жилищный кооператив, один из способов приобретения жилья безденежной молодёжью, при котором будущий член кооператива вносит свою долю не столько деньгами, сколько своим личным бесплатным трудом на стройке – штукатурил, стелил полы, устанавливал столярку, сантехнику и т.д. Многие ради этого вынужденно временно увольнялись со своего постоянного места службы.

инструкциями со стороны кагебешников); правда в середине 60-х наладились групповые туристические поездки в братские страны «народной демократии и социализма», организуемые на предприятиях только для «незапятнанных» работников,

- обязательность коммунистической и атеистической идеологии для каждого¹², постоянное ощущение мобилизации, ощущение, что мы живем в осажденной крепости, кругом враги и империалисты, только и мечтающие о захвате страны и наших природных ресурсов,
- обязанность студентов и аспирантов учить (независимо от твоей специальности и партийности) и, самое главное, сдавать на оценку экзамены по истории КПСС,

Типичный барельеф 40-50-х годов.

марксистско-ленинской философии, «научному» коммунизму, атеизму и по прочей многотомной чепухе, а отсюда – лёгкая возможность лишить тебя высшего образования, поставив тебе «неуд», если ты по какой-либо даже независимой от тебя причине не понравился экзаменаторам,

- ощущение, что ты только собственность государства (например, негласная и необсуждаемая обязанность студентов, работников предприятий, институтов выезжать временами в колхозы убирать урожай вместо колхозников, на

овощные базы сохранять этот урожай, копать траншеи под кабели, отрабатывать 3 года выпускнику вуза там, куда тебя пошлют, и множество других странных обязанностей¹³),

- абсолютное господство касты неприкасаемых партийных чиновников и создание вокруг них отдельной от остальных граждан спецжизни – спецстоловые, спец санатории, спецполиклиники, спецраспределители, куда их жёны хаживали за дефицитом со своими спецпропусками и т.д. В аэропортах они проходили сразу в спецзалы, так называемые «депутатские залы» с особым обслуживанием. Они и были то, что называлось «номенклатура»,

¹² Тем не менее в СССР после войны открывались ранее закрытые храмы Русской Православной Церкви, призванной еще в разгар войны «отцом всех народов» к служению Родине. РПЦ призывала паству к традиционному русскому патриотизму как к еще к одному ресурсу в борьбе с врагом. За это Церковь получила от атеистов разные послабления, открылись Духовная Академия и семинарии. Еще не разоренные церкви больше не разорялись (до хрущевских времен). Также принимали верующих мусульман не разграбленные еще мечети, например, в Выползовом переулке на проспекте Мира; открывались старые буддийские дацаны и монастыри.

¹³ В соцреспубликах средней Азии всех учащихся и школьников (в числе многих других) регулярно ежегодно посылали вплоть до холодов вместо школы на уборку хлопка, и ни один партиец не заикнулся об эксплуатации детского труда. Зато персеки среднеазиатских республик получали за этот хлопок ордена. См. об этом, например, в книге Бибиш Сиддикова Хаджарбиби «Танцовщица из Хивы».

Гимн СССР (с 1944-го по 1956-й годы)

Музыка: А. Александров

Слова: С. Михалков и Г. Эль-Регистан

*Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!*

Припев:

*Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы, народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы, к победе ведет!*

*Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин - на верность народу
На труд и на подвиги нас вдохновил.*

*Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем!*

(т.е. к захвату чужих территорий мы уже не готовимся, как в Интернационале)

- тотальное подавление частной инициативы в какой-бы то ни было сфере, прежде всего в экономической, культурной, и потому невозможность было стать легальным хозяином даже своего магазинчика, парикмахерской, кафе, ателье, автомастерской, булочной, или театра, или рок-группы, и самому работать на себя, платя лишь налоги государству (низзя, ведь у тебя будут наемные работники, а эксплуатация человека человеком у нас запрещена !),
- информационный вакуум, т.е. полное отсутствие независимых, не связанных с КПСС источников информации (если не считать едва доходящие сквозь треск глушилок радиостанции БиБиСи, Голос Америки, Немецкая волна и др.),
- невозможность учредить какую-либо общественную организацию без контроля партийных властей, не говоря уж о создании независимой партии.

Представили? Вот это и будет приблизительный, слабый и очень схематичный эскиз жизненных координат, в которых обитал советский человек (прежде всего в послевоенные годы).

Другими словами, мы жили в системе понятий – пролетариат, революция, кругом враги, коммунизм-социализм, Маркс, пионерлагерь, соцлагерь, империализм, мавзолей, дефицит, комсомол, народ и партия едины, ... диссиденты пусть уезжают, стилиги, антисоветчики, первомай, демонстрации, металлолом, студотряды, колхозы, субботники, партсобрание, невозвращенцы, отказники, членские взносы, эксплуататорские классы, американская военщина ...

(Опять же для сравнения - сейчас российская семья живёт в координатах, привычных и понятных во всем остальном мире: налоговые декларации, ипотеки, кредиты, банки, туристические агентства, социальные сети, аккаунты, спонсорская помощь, валютные курсы, загранпаспорт, страховой полис, таможенная декларация, нотариусы, семейные адвокаты, дьюти-фри, судебные приставы, распродажи и «чёрные пятницы», котировки акций и валюты...)

Но зато сюда же, говоря о СССР, нужно добавить действительно бесплатную для самого пациента медицину (правда, уровень этой медицины отдельная тема), копеечные лекарства, бесплатное для студента высшее образование с символической платой за общежития и ощутимой стипендией 30-40 рублей в месяц (70-е годы), льготы студентам на проезд в транспорте, в том числе на рейсах единственной авиакомпания - Аэрофлота... Так же ты ничуть не заботился, где и кем именно ты будешь работать после вуза, потому что планово-распределительное государство уже заранее знало, куда тебя, выпускника, распределить в соответствии с нуждами народного хозяйства или науки, или армии. Безработицы мы не знали, но сама работа ... тут уж как повезёт, для кого-то

государственная нужда в твоей специальности возникала в сельской школе под Карагандой, а для кого-то - в серьёзном ведомстве в Риге (блат был всегда). Вообще, главное было - где-то числиться, чтоб тебя не замели как тунеядца, как Бродского (поэтому-то, скажем, Цой работал кочегаром на «Камчатке», котельной в Ленинграде).

А вот своя квартира ...своё собственное жильё навсегда до скончания СССР было самой болезненной и безнадёжной темой для большинства советских людей. Конечно, много советских работников свою бесплатную квартиру от государства получили, честно простояв в очереди по месту работы. Да, квартиры «давали», но не всем, и не всегда, и не везде; и лучше всего для вас, если вы уже с семьёй живёте в общежитии и работаете в молодом растущем сибирском городе с предприятиями оборонного, нефтехимического, газового профиля. Так стимулировались переезды молодёжи в глубинку страны в строящиеся города и посёлки. Кроме того, нужно было соответствовать определённым, например, санитарным нормам (в смысле жилых квадратов на одного прописанного) ... Ну и попав в очередь, конечно, годами ждать. А эти очереди иногда имели свойство не только сокращаться с годами, но и удлиняться! Ведь, например, ветеран войны, у которого вдруг возникли жилищные проблемы в связи с прибавлением в семье по закону будет требовать вписать себя в очередь не в её конец, а вовсе наоборот. Кроме того, блатные были всегда. И иногда получалось так, что, когда счастливые родители с детьми въезжали в отдельную квартиру, через пару лет уже самим детям требовалась своя отдельная квартира. И всё должно было начинаться сначала. Знал сам такую семью рабочих московского ЗиЛа. Эту колоссальную проблему с московскими очередями подогрело и решение городских властей в 70-е годы приглашать на важнейшие предприятия с нехваткой низкоквалифицированных кадров людей из провинций, конечно же, пообещав им особые льготы в получении московских жилплощадей. И город захлестнули лимитчики, особая категория новых москвичей - лимита.

Но это уж совсем отдельная песня и о ней в своё время.

Повторюсь, невозможно в одном или даже нескольких предложениях дать в целом представление о нашей стране в то время.

Но всё-таки я попытаюсь формулировать суть нашего государства в одном предложении. И если говорить о послесталинском СССР, когда потрясения в основном улеглись, то его можно определить как романтическое карательное иерархическое идеологическое, тоталитарное, атеистическое автократическое истерическое закрытое государство восточно-деспотического однопартийного номенклатурного типа, с планово-распределительной государственно-монополистической экономикой и тотальным потребительским товарным дефицитом, с запуганным населением и мобилизационной психологией, и управляемое никем и ничем неконтролируемой верхушкой из двух десятков неприкасаемых старцев (которые называли себя политбюро ЦК КПСС).

Уфф...ну и завернул, но короче невозможно! Т.е. страна вполне под стать сегодняшней Северной Корее. Эти то старцы в междусобойчике выбирали из себя для страны вождя и называли его генеральный секретарь ЦК. Населению об этом торжественно объявлялось, но вашим согласием на нового вождя никто не интересовался. Оставалось только пожать плечами да надеяться, что вот сейчас-то новая метла ... далее в воображении освежённого новостью человека невольно рисовались очередные райские кущи – кому-то собственная квартира и изобилие в магазинах, кому-то собственная машина и бесплатные поездки по стране..., в общем огни коммунизма на горизонте как-то становились чуть ближе, как казалось.

Новый генсек избирался бессрочно, навсегда, т.е. пока его не понесут вперёд ногами в сторону кремлёвской стены. Исключение составили Хрущёв и Горбачёв, но об этом в своё время.

А сама же наша повседневная жизнь (в то время, которое я уже помню) напоминала скорее по жанру сентиментальную ироническую трагикомедию в духе повестей, скажем, Платонова, Довлатова, Венедикта Ерофеева, Войновича, многих других. И всё это мы будем здесь далее разгребать.

Ещё немного сведений для общего представления. Административно Союз ССР после войны состоял из 15-ти советских социалистических равноправных республик, объединённых общей Конституцией (с 1940 по 1956 год было 16-ть – добавилась ещё Карело-Финская ССР сразу после окончания Советско-Финской войны, а в 1956 упразднена при Хрущёве). Все республики имели свои компартии и конституции, уставы партий и тексты конституций которых, конечно, были кальками устава КПСС и Конституции СССР, так же, как и гимны. Например, у Таджикской ССР гимн в 50-е годы начинался так (в переводе):

*В семью могучую слила советский весь народ.
Над нами новая судьба в лучах зари встаёт.
Мы древней доблестью вновь сердца зажгли,
Повсюду слава гремит родной земли, родной земли.
В государстве таджикском таджик воле гимн поёт.
Под игом тьмы томились мы.
Но грянул громом благодатным Ленина призыв,
Багряной молнией сверкнуло знамя, тьму пронзив.
Счастливый день, вольный труд, стальную мощь
Несёт нам Сталин родной, любимый вождь, любимый вождь.
Как отец, нас растил он, в трудах, в битвах закалив...*

И т. д. и т. п.

При этом странностей и нелепостей в нашем устройстве было море. Пробежимся по части из них ... К примеру, у нашей РСФСР не было своей отдельной компартии и не было своего гимна в отличие от остальных 14-ти сестёр-республик. И только 23 ноября 1990 года Верховным Советом РСФСР будет утверждён Гимн российской республики, которая тогда была ещё в составе Страны Советов, – и это будет «Патриотическая песня» Михаила Глинки, правда, без слов. О чём гимн, неизвестно.

У Конституции же всего СССР была небогатая история. Поправки были не в моде, менялся сразу весь корпус основного закона и получал неформальные прозвища

по годам: 1924 (только что образованного Союза), 1936 (победившего социализма, сталинская) и 1977 годов (развитого¹⁴ социализма, брежневская). Только в 1990 году были внесены фатально запоздавшие горбачёвские поправки.

Но формальная сторона нашего устройства не столь интересна, как неформальная, понятийная, мифологическая сторона нашего бытия. И далее я буду по возможности касаться только тех фактов и событий, которые послужат пониманию наших идей, мифов и понятий. К тому же формализм и педантизм, юридические тонкости, конституции, законы - никогда не были у нас в чести, мы жили идеологией и понятиями, ведь это у нас в народе родилось: закон - что дышло, куда Тем более ведущий советский поэт Владимир Маяковский сказал сгоряча, приехав из-за границы:

«Катись к чертям с матерями любая бумажка ...», а поэт у нас, как известно, «больше, чем поэт», утверждает в свою очередь другой поэт, Евгений Евтушенко. К ним надо прислушиваться.

Как же был устроен наш многоликий несущийся «поезд в огне», он же корабль-призрак, несущий миру ослепляющий свет такого же призрака-коммунизма, он же летящая гоголевская птица-тройка, да такая, что *«... гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства»* ?

И ещё немного, но обязательно надо сказать о шаткой и парадоксальной системе смыслов в стране Советов.

Несомненно, первым и определяющим понятием после октября 1917-го становится слово «партия большевиков», заменившееся в 50-х годах словом КПСС. Вот с этим последним словом уже наше поколение просыпалось, с ним же отходило ко сну, ведь гремящие радиотарелки в квартирах, скажем, в коммуналках, поначалу не выключались вообще (сравните с телекранами у Джорджа Оруэлла)¹⁵. С него начинались все инициативы, и им же отменялись, им назначались высокие чиновники и им же снимались, им возвышались и им же клеймились, поносились и даже лишались гражданства неугодные старцам писатели и поэты в основном, но также и вообще любые неугодные, инако (иначе) мыслящие граждане. С этого слова начинались предисловия к любой более-менее серьёзной книге учебного характера по любой тематике, или по крайней мере с цитаты какого-нибудь классика марксизма-ленинизма, или даже идеологов «партии», например, А.А.Жданова (в 40-50-х годах).

И тут надо сказать, видимо, об очередном советском парадоксе, что это неоспоримое ядро власти т.е. партия большевиков, пронизывающее всю нашу общественную и личную жизнь, даже не упомянута прямо по своему наименованию

¹⁴ До сих пор не знаем, где здесь правильное ударение. А были даже серьезные споры среди партийцев - где в этом слове ставить ударение: рАзвитого или развитОго? Вот были у них проблемы!

¹⁵ Читаем у Людмилы Петрушевской: «Теперь Витин патефон заводили по воскресеньям Стешины мужики ... а репродуктор не выключался никогда и молчал только от ночного гимна до утренних сигналов точного времени, то есть от двенадцати часов до утра.», рассказ «В маленьком доме».

(КПСС, РСДРПб, ВКПб) ни в Конституции 1924 года, ни в Конституции 1936 года. Так продолжалось вплоть до 1977 года, когда в новой брежневской Конституции роль и место «партии» в формулировках резко усиливается, и всё становится на свои места - она явно упоминается как КПСС и становится не только «отрядом» и «ядром», но и «силой»:

«Статья 6. Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придаёт планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма. Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР.»

В принципе, ничего удивительного, ведь в преамбуле к этой Конституции ясно сказано: «...Высшая цель Советского государства — построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление.»

Поразительно, что при всем при этом ни далее в этой Конституции, ни в каких-либо других принятых документах, законах или подзаконных актах СССР не вводится никаких юридических норм, которые бы определяли саму КПСС, что это такое вообще, ведь и закона о политических партиях, как вы догадываетесь, не было и в помине (ввиду отсутствия оных). Не было и закона о КПСС. Поэтому и говорить, что КПСС - это партия, было и есть логически и юридически абсурдно, т.к. не понятно главное - а что такое партия в СССР вообще - как она управляется, кем, какими законами регулируется её жизнь; и, главное, каким боком касается государства и каждого отдельного гражданина, в том числе беспартийного. Конечно, у КПСС был устав, но ведь устав, писанный самими старцами под себя, не закон. Получалось, что КПСС - это нечто надзаконное, надмирное, надгосударственное, исключительное, само себя порождающее, некий неопределимый и неосязаемый объект, стоящий над всеми остальными понятиями и нормами. И в силу собственной исключительности она сама себя поставила выше всех определений, выше всякого закона, т.е., получается, вне закона. Так что в силу неведомости и неопределенности этого образования я далее и буду закавычивать «партию». Получается, это было государство в государстве, корпорация для самых-самых «своих»; и уж совсем удивительно откровенно и неожиданно высказался об этом сам будущий диктатор ещё в ленинские времена: "Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность"¹⁶ (так и хочется добавить «... и оплодотворяющий» --)). Соответственно и отношения между ними (государством и компартией) строились по этим самым, особым понятиям. А если

¹⁶ И. Сталин. «О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКЕ РУССКИХ КОММУНИСТОВ.» 1921г. Набросок плана брошюры.

точнее – само государство было только придатком, одним из многочисленных отделов ЦК¹⁷ КПСС. (Немалый и занимательный список всех отделов ЦК можно найти в Сети).

(Здесь и далее я часто буду некоторые слова брать в кавычки, поскольку их прямой смысл совершенно искажается в контексте тех времен, и понимать их необходимо не в общепринятом общекультурном смысле, а именно в контексте тех лет. Например, «партия», «выборы», «деньги», «вожди», «экономика», ...).

Абсурд простирался ещё дальше. Снова поразительно, но конституции ни 1977 года, ни 1936 года, ни 1924 не определяли главу государства вообще! У нашего государства не было главы по определению! С кем же было вести переговоры иноземным президентам и премьер-министрам, статус которых однозначно определен в основном законе их стран, т.е. эту книжечку(конституцию) любому западному, например, гражданину можно взять руки и прочитать - что глава страны может, а что нет, как избирается, вопрос импичмента и т.д. А у нас этот вопрос скромно умалчивался, т.е. типа не ваше собачье дело, мы сами тут посоветуемся с товарищами ...и, кто надо – тот сегодня и глава ... Такими азиатскими умолчаниями мы наверняка ставили иностранцев в неловкое положение. Но также по умолчанию (уже международному) наш генсек (персек) признавался всеми вежливыми иностранцами не только за главу «партии», но и конечно за главу его отдела - государства. И в международных контактах переговоры о самых серьезных судьбоносных вещах велись иностранными президентами и премьер-министрами именно с нашим генсеком или персеком, закрывающими глаза на эти восточные извивы в законодательстве ... Все иностранцы вежливо соглашались, что Генеральный (или Первый) секретарь «партии» - это и есть тот самый, кто принимает принципиальные решения и в отношении всего государства, и они будут выполняться. А вот подпись под международными договорами, уже потом, ставил Председатель Президиума Верховного Совета СССР, как бы «официальный» глава государства (хотя и это конечно нигде не оговаривалось). И никогда не было, чтобы этот Председатель заартачился бы в подписании подготовленных за него бумаг. В наше время долгие годы таким зиц-председателем был Николай Подгорный (о котором, собственно, уже никто абсолютно кроме экспертов не имеют ни малейшего понятия).

Также в тексте наших конституций ни слова не говорилось о праве граждан на выезд из страны и возвращении в страну. Правильно, зачем это? У советских граждан даже и мыслей о заграницах не может возникнуть! *«Не нужен нам берег турецкий!»*, сказал ведь поэт Михаил Исаковский. (Оказалось, что нужен, да ещё как!)

Я привёл лишь два из многих примеров, когда важнейший вопрос общественной жизни решался не писаными правилами и законами, а по умолчанию, по понятиям. А понятия – это такой предмет, который воспитывается с пелёнок – «ты пионер – всем ребятам пример» и завтра идём собирать металлолом, студент едет в колхоз собирать вместо колхозников картошку, хлопок, кукурузу, а «КПСС – ум, честь, совесть нашей эпохи», потому она «направляющая сила, ядро ... руководит .. направляет ...определяет... и придаёт ...», а «экономика должна быть экономной». А

¹⁷ Центральный Комитет.

если спросишь, а что такое КПСС, услышишь самый убедительный и единственный аргумент: «Ты что, дурак?» И дискуссия на эту тему заканчивалась (никто ведь не хотел прослыть дураком). И все мы с умным видом понимающих граждан строили дальше «светлое будущее». Замечательные аллюзии на эту тему мы видим и слышим в паническом диалоге Димы Семицветова и его жены по поводу неожиданного отъёма дачи у их соседа: « - Дима, у Топтуновых дачу отбирают!» «-Кто отбирает?» «-Ты что, дурак?»¹⁸. Великая фраза, универсальный советский ответ на все неудобные вопросы.

Действительно, кто отбирает? Да Тот же, кто всё и даёт! А даёт Тот, кому всё принадлежит. А всё принадлежит Тому ..., кому надо принадлежит. («Это нога у того, у кого надо ... нога.» В том же комедии). И сразу становится всё предельно ясно. Это очень забавно в кино, если бы не было столь печально в жизни. (Рязанов и его сценаристы очень точно чувствуют и передают интонации своего времени, и мы не раз ещё будем обращаться к ним за помощью.) Эти примеры из жизни лишний раз показывают, что настоящее устройство нашей страны не могут дать ни писанные законы, ни постановления и конституции, ни проведённые пальцем на карте условные межреспубликанские границы. Или, например, написано в Конституции: «гражданам СССР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций», но перед этими правильными словами стоит чудная оговорка: «в целях укрепления и развития социалистического строя». И попробуй ты только заикнись о шествии или демонстрации с какими-то иными целями – ты обратишься в лагерную пыль или исчезнешь в психушках, и даже родственникам посоветуют о тебе забыть вообще. Так что устройство наше заключалось совершенно в другом, о чём мы и будем далее говорить (если сможем).

Многие историки прошлого для наглядности представляли общественное устройство различных стран в виде островерхой пирамиды. Даже где-то в учебнике истории помню рисунок пирамиды из людей как пояснение к социальному портрету какой-то классической капстраны. На самом верху, конечно, злобно-весёлые капиталисты обязательно в цилиндрах и с сигарами в зубах, на мешках с деньгами. И если применить этот приём, то наша советская пирамида выглядела бы примерно так.

В фундаменте – те же рабочие, инженеры, преподаватели, врачи, строители, научные сотрудники (те, кто непосредственно создавал национальное богатство), выше – военные, милиция, КГБ, оперативные и спецслужбы (те, кто охранял богатство, а если надо и стрелял в народ, как в Новочеркасске), ещё выше – журналисты и деятели газет, радио и телевидения, работники культуры и искусств, клир РПЦ, мелкие партийные функционеры, то есть те, кто воспевал это богатство и его правильных создателей и заботился об их высокой нравственности и чистоте помыслов, ещё выше – сонм т.н. высших партийных, комсомольских и советских деятелей, часто не различимых между собой (те, кто держал в мобилизационном и работоспособном состоянии всех нижестоящих, и которые в фильме Рязанова «Забытая мелодия для флейты» поют о себе: «Мы не пашем не сеем, не строим, мы гордимся общественным строем ...»). Эта гордость и была их профессией, в навыки которой входили также большие способности отравлять жизнь другим людям, тем, кто действительно создавал ценности для

¹⁸ «Берегись автомобиля.» Реж. Эльдар Рязанов.

общества, но выбивался из общего строя. Сами же партийные чиновники больше ничего и не умели.

И, наконец, на самом-самом верху, на Олимпе, выше всех облаков – небожители, «олимпийцы», пребывающие в другом мире, в сансаре, в другой стране и на другой планете, и в другой реальности нового кафкианского Замка, не видимые, но всё видящие, неприкасаемые, но тебя достанут в секунду, никем не избираемые, но всех назначающие и всех снимающие. Это почти как у Георгия Данелии в «Кин-Дза-Дза»: «а правительство, родной, живет на другой планете».

О невидимости «неприкасаемых», о борьбе с тенью, горько заметил писатель Анатолий Кузнецов, автор «Бабьего Яра» пытаясь спасти от советского цензурного изуродования свое произведение (в предисловии к одному из последних изданий книги уже в теперешнее время):

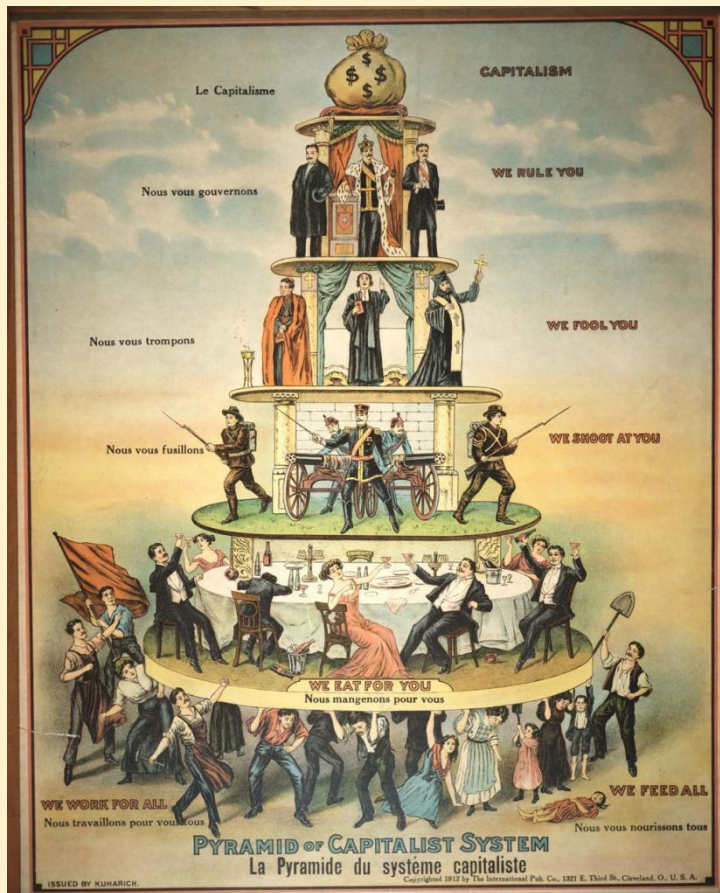
«Я спорил отчаянно, доказывал, что критически описывал злоупотребления культа личности, которые ведь осуждены. Мне возражали так: «Партия осудила достаточно. И нечего дальше об этом писать». А когда уж не было аргумента, то, при плотно закрытых дверях, многозначительно говорили мне:

«Они нам этого не пропускают, понятно?»

«Кто они? — спрашивал я. — Дайте мне с ними поговорить, вдруг сумею их убедить». Но существует правило: никогда, ни при каких обстоятельствах не допускать контакта автора с профессиональным цензором. И сколько я ни пытался, так ни разу не смог увидеть таинственных «их» и не знаю их имён.»

Действительно, нами правили невидимки.

И эти же недремлющие «олимпийцы» испускали некую невидимую эманацию Большого брата¹⁹, гипнотический взгляд удава, которая пронизывала всю пирамиду до основания и регулировала жизнь даже самого распоследнего студента или же свободного поэта-тунеядца (например, Бродского). Этой эманацией являлось упоение своей абсолютной властью и ощущением абсолютной же собственной безнаказанности перед теми, кто под ними, внизу (это упоение властью потрясаяще показал Тенгиз Абуладзе в своем фильме «Покаяние»).

Представление западных социалистов начала 20-го века о пирамидальном устройстве капиталистического общества.

¹⁹ Термин Большой брат (Big Brother) ввёл в литературный оборот, вероятно, Джордж Оруэлл в романе-антиутопии «1984». Хотя еще в 1922 году поэт Николай Тихонов писал: «И Кремль ещё спит, как старший брат, || Но люди в Кремле никогда не спят.». «Баллада о синем пакете».

А снизу вверх шла другая сложносоставная эманация - смесь верноподданничества и обожания, страха и зависти, и ещё беззаветной безотчетной веры в чудо, что там, наверху, всё знают, могут и умеют. При этом же никто не был уверен, что за ним сегодня ночью не «придут». (Так было по крайней мере до смерти диктатора.) Эти два встречных потока и удерживали в равновесии эту пирамиду, эту самую настоящую вертикаль власти (так всегда бывает с устойчивыми пирамидами-обществами: одни верят любому слову сверху и отдаются, другие не верят никому и берут своё). И такая структура общества создавала внизу ощущение абсолютной сакральности и божественности всего, что происходило там, за облаками.

Этот двунаправленный поток в пирамиде очень подробно описывает Фазиль Искандер в терминах искусства гипноза одних и страха других в его философско-сатирической сказке «Кролики и удавы». Один из кроликов, усомнившийся в природе гипноза земноводных, убеждает самих удавов и самого себя:

«Я давно веду наблюдения над удавами.... Теперь я твердо знаю: ваш гипноз — это наш страх. Наш страх — это ваш гипноз.» Т.е. нет страха – нет гипноза.

Точно об этом же ощущении того, что там, наверху, другая жизнь, говорит Юрий Трифонов, описывая смешанные чувства московского пацанёнка, жившего с рождения в старинном осевшем домишке у подножия нового огромного Дома правительства на набережной:

«... Рядом с серым громадным, наподобие целого города или даже целой страны, домом в тысячу окон ютился на задворках, за церковью, за слипшимися, как грибы на пне, каменными развалюхами дом, немного кривой, с кое-где просевшей крышей, с четырьмя полуколонками на фасаде, известный среди жителей здешних улиц как «дерюгинское подворье». ... Серая громада висла над переулочком, по утрам застила солнце, а вечерами сверху летели голоса радио, музыка патефона. Там, в поднебесных этажах, шла, казалось, совсем иная жизнь, чем внизу, в мелкоте, крашенной по столетней традиции желтой краской. Вот и несоответствие! Те не замечали, другие плевать хотели, третьи полагали правильным и законным, а у Глебова с малолетства жженье в душе: то ли зависть, то ли ещё что.»

И вместе с Глебовым мы все знали, что здесь, внизу, в кафкианской деревне, в твоей жизни рядом присутствует «заботливый» и не дремлющий Большой брат. Его невидимая, но вполне ощутимая рука опускалась каждый раз на плечо оступившегося, сомневающегося, шагающего не в ногу с не слишком восторженным взглядом, или слишком увлекающегося, скажем, западной музыкой, «вражескими голосами²⁰» ...и мягко или вполне жестко возвращала его в строй. А если ты оказывался чересчур строптивым – то на это имелись «Лубянка», психбольницы, лагеря наконец, и, если кто-то после всего оставался живым, не сошедшим с ума и по-прежнему упорствующим, то могло последовать лишение гражданства и «выдворение» из СССР. Но эта последняя и самая щадящая для человека мера применялась уже только где-то с начала 60-х и для очень уже известных на Западе людей, например, того же Анатолия Кузнецова, или Александра Солженицына. А до этого времени человек мог просто исчезнуть, мог не вернуться из лагерей, пропасть вообще. Как будто его и не было.

С чего же всё началось? Как устроилась эта новая громадная и непонятная многоликая страна-империя?

²⁰ Радиостанции Би-Би-Си, Голос Америки, Немецкая волна и др.

Главная мифологема раннего СССР - Мировая революция.

Весёлые революционные матросы.

«Манифесте»:

«Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет».

И у россиян с радостного согласия рабочих и крестьян, и части интеллигенции, отнимали Отечество, эту одряхлевшую обузу, эту «копоть икон», как выразился ранний советский поэт.

Так что СССР – вовсе не новая Россия, и никто об этом даже не говорил. Идеологически и изначально созданный большевиками СССР – полностью политический проект и лишь часть большого плана по созданию Мировой Социалистической Советской Республики, а сам СССР – промежуточный этап, платформа, где власть – уже всецело в руках коммунистов, и где этот большой план вынашивается дальше.

Так, выступая на другой день после вооружённого октябрьского восстания 1917 года на II Всероссийском съезде Советов, Лев Троцкий, один из руководителей этого восстания, публично заявляет:

«Надежду свою мы возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию. Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены, — это несомненно. Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу.»

А через год Ленин в письме Свердлову и Троцкому напоминает, что *«...Международная революция приблизилась... на такое расстояние, что с ней надо считаться как с событием дней ближайших».*

Конечно, СССР создавался не просто на замену Российской империи и ни в коем случае не мыслился её преемником. Никакой преемственности и не предполагалось. Прошлое – в прошлом, бывшее – в бывшем мире. Так и говорили злорадно потом о случайно выживших в новых условиях дворянах, интеллигенции, офицерах – «оне из бывших!». Советская Россия, а затем и СССР, идеологически создавалась как совершенно новый тип государства. Вы заметили, что в аббревиатуре СССР нет никакой географической привязки? Он, Союз, вне границ, как бы надмирный. Но он так и замысливался в полном соответствии с заявлением немцев-социалистов Карла Маркса и Фридриха Энгельса в уже упомянутом

А ещё через год в марте 1919 года он же в заключительной речи при закрытии первого (учредительного) конгресса Коминтерна²¹ констатирует:

«Победа пролетарской революции во всём мире обеспечена. Грядёт основание международной Советской республики.»

А в октябре 1919 года Председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев уже заявляет, что в течение года мировая революция распространится на всю Европу. И планы на поход для начала в «панскую» Польшу в качестве коридора в Германию, где очень силен пролетариат, зреют у красных военачальников уже серьёзно.

Изгнанный из страны философ Иван Ильин пишет много позже об этом же, как бы подводя итог первых 30-ти лет новой страны:

«...когда в 1922 году было наконец официально объявлено о переименовании России в Союз Советских Социалистических Республик, то этим была только выговорена основная истина советского строя: Советское государство — не Россия, а Русское государство — не Советский Союз.»

И далее он же:

«Россия есть для коммунистов не более, чем плацдарм для распространения революции во всём мире. Это есть укрепленный лагерь для революционных вылазок в другие страны. Это для них как бы стог сена или бочка дегтя для зажжения мирового пожара.»

Россия есть для них средство, а не цель — орудие, которому предоставляется погибнуть в борьбе коммунистов за мировую власть и о котором не стоит жалеть. Советская власть не служит России, не печётся о ней, не бережёт её культуру: она разрушает её древние дивные храмы, она подавляет в ней свободную науку и свободное искусство, она замучивает её национально мыслящую интеллигенцию, уничтожает её трудоспособнейшие крестьянские силы и подвергает её рабочий класс такой потогонной системе, о которой ни одно буржуазное государство и не слыхивало.

Ей нужна русская территория, ей необходимо русское сырьё, ей нужна русская техника, ей необходима русская армия — для собственных целей, особых, не русских, внерусских, «международных», революционных. Именно на этих основаниях строится советская школа: чтобы дети от молодых ногтей готовились к участию в иноземных революциях. На этих же основаниях строится советская армия — этот паровой каток всемирной революции, советская промышленность — этот коммунистический арсенал против иноземной буржуазии²²...»

²¹ Коминтерн - международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран в 1919—1943 годах. Она и занималась непосредственным разжиганием мирового пожара через свою агентуру и, в основном, на наши деньги.

²² Иван Ильин, статья «СОВЕТСКИЙ СОЮЗ – НЕ РОССИЯ», 1947 г. <http://www.eshatologia.org/554>

Лишний раз повторюсь, что целью идеологов российских большевиков в согласии с учением классиков марксизма-ленинизма является пролетарская револю-

Руководители Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Сидят В. Старков, Г. Кржижановский, В. Ульянов, Ю. Мартов. (Кажется, напряжённые лица членов Союза не сулят своим последователям ничего хорошего).

ция в мировом масштабе и далее неограниченная власть в этой мировой советской республике. Не нужно сразу думать, что это утопия. Ведь эта цель в границах нашей многовековой монархии была фактически достигнута, и всего менее чем за год (!) после отречения царя Николая от престола! Ведь небольшой отряд большевиков почти без боя арестовал временное правительство, через полтора месяца разогнал много лет ожидаемое Учредительное собрание и установил с применением жесточайшего насилия, обмана и радостной помощи тех, кто был ослеплён дешёвой агитацией и кому нечего было терять, свою власть в огромной стране.

(Правда, это случилось только после жесточайшей Гражданской войны, исход которой в некоторые моменты даже был неясен. Но всё решило стечение очень многих разноплановых причин и обстоятельств, как например жестокость и фанатизм «вождей» революции, и даже такой военно-стратегический факт, что почти все

оружейные и патронные заводы страны оказались в руках большевиков. Подробнее об этом скажем далее в причинах поражения белых.)

И в России во второй половине 19-го века начинается гонка за призраком, явленного в видениях Марксу и Энгельсу, и о котором они так честно и пишут в 1848 году (ещё в гоголевские времена): «Ein Gespenst geht um in Europa - das Gespenst des Kommunismus.», что в традиционном переводе звучит как «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма». Но, побродив по Европе, этот гость Ein Gespenst заваливается почему-то не куда-то, скажем, в Баварию, а в нашу Русь и поселяется здесь надолго, на 70 лет; может потому, что он здесь пришёлся ко двору в нищем народном сознании? Или может магическое иностранное слово «коммунизм» лишило последнего разума мужицкие головы, но даже вначале и не мужицкие, а работников вполне умственного труда, с образованием, т.е. интеллигенции – дворянина Плеханова, разночинцев Ульянова, Струве, Мартова ... и лишь потом, через них, пропагандистов, это слово спускалось у нас в низы, соблазняя уже простой народ видимой лёгкостью пути к народному счастью...

Что ж, в конечном итоге «Манифест» констатирует, что буржуазия Европы невольно вырастила своего могильщика – пролетариат и призывает к установлению диктатуры пролетариата в развитых странах, там, где он, сознательный пролетариат, имеется, и где бурлит классовая ненависть, чтобы питать насилие, без которого диктатуру не установишь. Ну а ненависти в нашей истории, этого топлива революций, хватало с избытком, так что наша страна была очень хорошо подготовлена к насилию, а насилие – основа марксизма, и пролетариат есть «могильщик буржуазии». Может быть ещё и потому подошла наша страна для эксперимента, что других способов диалога власть и народ никогда и не знали? Да и понятия о каких-то диалогах между ними никогда не бывало! (Ведь даже русского синонима для «диалога» трудно придумать.)

Поэтому слишком много в нашей стране скопилось пугачёвщины, ненависти, памяти о бунтах и смутах, лицемерия властей, нищеты народа, униженности, продажности чинов на всех уровнях и потому так слишком унавожена народная почва историческими отбросами и отходами, - так что вся эта гремучая смесь не могла не вспыхнуть в какой-то момент. Только спичку поднеси; а десятилетия террора народовольцев и других уже привили народу привычку решать общественные вопросы через бомбы, поджоги и наганы, а для власти – привили вкус к запретам, ссылкам, каторгам и, уже при Столыпине, даже к виселицам.

И тут то призрак коммунизма, этого другого мироустройства, нового, неизвестного, подёрнутого флёром немецкого романтизма и наукообразности, и подкрался к нашему дому. А ведь наша народная почва для пришельца усиленно подготавливается и подпитывается уже с середины 19-го века «новыми людьми», стоит раскрыть «Бесов» Фёдора Достоевского или «Что делать?» Николая Чернышевского. Ещё с 80-х годов стали организовываться группы российских революционеров по изучению и пропаганде модного западного учения упомянутых немцев-социалистов. И одними из первых организованных проповедников становятся у нас среди прочих разночинцы Вера Засулич, Юлий Мартов (Цедербаум), Владимир Ульянов, небогатый дворянин Георгий Плеханов, который и стал надолго ведущим теоретиком и авторитетом российской социал-демократии, сам переводивший Маркса на русский язык. Всё ставится на серьёзные рельсы. Учредительный съезд партии российских

социал-демократов происходит в 1903 году сначала в Брюсселе, затем перенесён в Лондон по соображениям конспирации, где с ходу и происходит первый раскол социалистов (обратим внимание, как легко перемещаются по Европе российские граждане, в том числе и бежавшие из ссылок). Мотив раскола являлся принципиальным – это отношение к способам и формам совершения революции (т.е. цена революции, допустимая мера насилия и мера пренебрежения общечеловеческой моралью и человеческими жизнями), а также – кто может считаться членом новой партии?

Владимир Ульянов являл всегда и до самой своей смерти крайне радикальное крыло будущей партии, и заявлял, что движущей силой революции может быть только вооружённый пролетариат, и после свержения царизма следует установить революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства без участия буржуазии, а саму буржуазию уничтожить физически, для чего уже сейчас следует начать подготовку боевых дружин, - т.е. революция должна совершаться через кровь, невзирая на жертвы и их количество, т.е. это лозунги радикалов.

А для радикализма и теоретическая база уже готова. Ведь ещё наш великий литературный критик Виссарион Белинский, горящий об отсталости простого народа, говорил о необходимости воспитания нравственности и физическом улучшении человека, и что это делается чрез социальность. Однако при этом замечает в письме к другу В. П. Боткину 8 сент. 1841 г.:

«...Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов. К тому же: fiat justitia pereat mundus! (да свершится правосудие, хотя бы мир погиб! (лат.))».

Вот так лучший наш критик! Своим призывом к насилию и радикализму он опережает по времени Маркса и Энгельса! Ну что ж, тысячи так тысячи. А в России не привыкли мелочиться, где тысячи, там и сотни тысяч, и миллионы, вот и бараки ГУЛАГа впереди брезжат. «Белинский – предшественник большевистской морали.» - говорит оправданно философ Николай Бердяев. Видимо, недаром возникло его прозвище "неистовый Виссарион" с лёгкой руки его современника писателя Николая Полевого. Особенно его призыв о крови понравился большевику Григорию Зиновьеву при оправдании будущего террора (см. далее).

Впрочем, чуть позже можно читать у Александра Герцена на эту же тему, что в Женеве в 1848 году он встречался с неким угрюмым немецким социалистом по фамилии Гейнцен, они рассуждали о европейской революции, и этот социалист с наружностью «Собакевича немецкой революции ... впоследствии писал, что достаточно избить два миллиона человек на земном шаре, и дело революции пойдет как по маслу.»²³

Да, немцы мыслят глобальнее, счёт на миллионы. Интересно, кто же здесь первенец - мы или немцы - в деле продвижения (пока на словах) счастливой идеи истребления «небольшого» меньшинства, чтобы оставшееся большинство наконец-то вошло, обнявшись, в царские врата свободы и мирового братства?

²³ Герцен. «Былое и думы. Часть пятая.» (1847-1852)

Но вернёмся к учредительному съезду социал-демократов.

До сих пор мы говорили о радикалах, сторонников кровавых мер.

Другое, умеренное крыло делегатов, наоборот, считали, что главной движущей силой революции должна быть на сегодня буржуазия и лишь после буржуазно-капиталистического развития страна подойдёт к социалистической революции, т.е. продвигали эволюционный и легальный путь развития без массовых жертв. И, по результатам выборов на этом съезде в партийные органы, большинство голосов оказывается у сторонников радикала Ульянова, а сторонники Мартова и Плеханова получают меньшинство. По этому признаку и совершён раскол - делегаты разделились на меньшевиков и большевиков, а проще говоря – на тех, кто при достижении цели признавал общечеловеческие ценности и хоть какие-то этические ограничения своих действий, и тех – кто такими вопросами не обременялся, никаких моральных берегов не придерживался и действовал по принципу «цель оправдывает средства», и это разделение- большевики и меньшевики- и демонстрировали на протяжении всей своей недолгой борьбы. И будущая партия, организованная вскоре большевиками, пошла по пути крайних, радикальных методов борьбы, а слово «большевик» растеклось по всему миру, став в глазах западного обывателя синонимом слова «одержимый», от которого нужно держаться подальше.

Ну и несомненно, что управляться страна в случае победы радикалов-ленинцев будет только большевиками, которые всегда предлагают простые методы для решения сложных проблем, сводящиеся просто к лозунгам типа – «отобрать и поделить», и «если враг не сдаётся – его уничтожают», «Вся власть Советам», «Даёшь Магнитку!», «Даёшь мировую революцию!» и масса других простых решений вплоть до анекдотического «Экономика должна быть экономной» (но этот перл уже из нашей эпохи). Так внедряется лозунговое мышление в народе, что и демонстрируют вдруг ниоткуда взявшиеся полчища шариковых и швондеров (вспоминается сразу Смердяков, появившийся из «банной сырости»), о чем замечательно пишет Михаил Булгаков, представляя крайние типажы большевизма. В пылу полемики профессор медицины интересуется у бывшей бродячей собачки, которой «добрые» и по-пролетарски подкованные новые люди из домкома подсунули для просвещения книжку классиков марксизма:

«- Что же вы читаете, позвольте спросить?»

—Эту... как её... переписку Энгельса с этим... Как его — дьявола — с Каутским²⁴.

...

—Позвольте узнать, что вы можете сказать по поводу прочитанного.

Шариков пожал плечами.

—Да не согласен я.

—С кем? С Энгельсом или с Каутским?

²⁴ Карл Каутский – немецкий социал-демократ начала 20-го века, «ренегат Каутский», как его поносил Ульянов.

—С обоими, — ответил Шариков.

—Это замечательно, клянусь богом. ... А что бы вы со своей стороны могли предложить?

—Да что тут предлагать?.. А то пишут, пишут... Конгресс, немцы какие-то... Голова пухнет. Взять всё, да и поделить...

....

—Вы и способ знаете? — спросил заинтересованный Борменталь.

—Да какой тут способ, — становясь словоохотливым после водки, объяснил Шариков, — дело нехитрое. А то, что же: один в семи комнатах расселился, штанов, у него сорок пар, а другой шляется, в сорных ящиках питание ищет...».

Поделить, конечно, дело нехитрое, а что дальше? «Разруха не в клозетах, а в головах», сокращается профессор.

Лёгкие, заманчивые, простые призывы, не требующие большого ума, но требующие большой глотки. А мы ведь всегда предпочитали лихо махать шашкой, наскоком и напором брать города и крепости, лихо наваливаться всем миром, чем терпеливо улучшать свою жизнь каждодневным упорным и, может быть, скучным трудом, но не ломая в коммунистическом угаре всего того, что накопили предыдущие поколения.

Но скука не для нас! Пришли энергичные, нахрапистые люди-фанатики, громкоголосые горлопаны-трибуны с горящими глазами и сказали: мы **знаем** как дать вам счастье, свободу от капитала, равенство. Вам нужно только отказаться от своей вековой веры, забросить могилы предков, разрушить ваши храмы, забыть многовековую русскую культуру, пустить нас до власти, а самим ...не соваться в политику, ненавидеть наших врагов, и пахать, пахать и пахать, и «копать глубже, кидать дальше». А всё остальное мы сделаем сами и без вас и вашего ума.

Ну, ненависти нашему народу не занимать — судя по дальнейшим событиям взаимной ненависти было столько, будто собрана она со всего остального мира.

Видимо, наш многострадальный измученный народ по малодушию (в тот момент) просто купился на обещания самых талантливых трибунов и авантюристов-фанатиков, спутал пугачёвщину со свободой (о европейском понимании которой, правда, имел самое смутное представление) и, поверил, что стоит только повесить своих попов, расстрелять царскую семью с детьми вместе, выгнать капиталистов и помещиков, и гнилую интеллигенцию (а лучше расстрелять вместе с офицерём и дворянством), и отобрать у них богатства, взорвать церкви отцов и сжечь иконы и церковные книги (где записаны их вековые родословные), и подчиниться горстке сладкоречивых малограмотных пропагандистов-проходимцев, где удивительно много было из инородцев, -- и сразу наступят изобилие, молочные реки и кисельные берега и прочие чудеса, слышимые в детстве в сказках на ночь, ... и вечное счастье, сытость и благоденствие. Да, правда, ещё только надо помочь оружием и деньгами отсталым

европейцам совершить такую же пролетарскую революцию в отношении их эксплуататорских классов, и вот тогда точно всё это наступит ...

Как раз этот соблазн имел ввиду журналист Леонид Млечин, назвав одну из своих недавних книг «Ленин. Соблазнение России.»

(Может быть, именно тогда выплеснулись

подспудные вековые настроения простого народа, выраженные нашим Поэтом в строках, написанных за целых сто лет до этого:

*«Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа*

*Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.»*

Вот такая забава. (По крайней мере, четверостишие приписывается Пушкину, который позаимствовал этот сюжет, похоже, у стихотворцев-французов времён их Великой революции.) Впрочем, есть у Пушкина и собственный «дифирамб» царю Николаю Первому:

*«...тебя, твой трон я ненавижу, || твою погибель, смерть детей, с
жестоккой радостию вижу.»* Поэт – детоубийца? Во всяком случае - оказалось пророчески!)

Но это мы говорим о низших слоях населения – крестьянство, рабочие, служивые, слушающие большевистскую агитацию.

А что же наше образованное дворянство, духовенство, высокие чиновники и царская семья, наконец? То есть те, кто принимал реальные решения в стране. Что они сделали, чтобы помочь народу избавиться от нищеты, пьянства, безграмотности, дикости, раболепия, лакейства, хамства, чтобы не мог трезвомыслящий рабочий или матрос купиться на дешёвые соблазнительные призывы горластых новых агитаторов?

Ведь одни писатели и поэты, просветители одними лишь своими книгами не могли сделать всю работу за них, сколько ни призывай Николай Некрасов «Сейте разумное, доброе, вечное...», сколько ни вырывай горьковский Данко свое горящее сердце из груди, чтоб освещать людям путь, сколько ни строй частных школ для

крестьянских детей ...- эта капля благодетей не могла заменить море необходимых разумных законов государственного уровня, справедливых судов, государственных общеобразовательных школ, выборность органов власти, хотя бы приблизительного равенства в доходах населения, уважения офицерами в солдатах человеческого достоинства и т.п.. И это были бы только самые зачатки более-менее справедливого общества. Но и этого не было. А свято место пусто не бывает, в пустых местах заводятся бесы. «Сон разума рождает чудовищ», говорит испанская пословица, ставшая названием одного из офортов Гойи. Конечно, самоочищение русского общества было необходимо. Но очищение пришло совсем не то и не оттуда, не свежим ветром перемен, не пробуждением русского самосознания на отеческой почве, а страшным чужим неуправляемым ураганом, снежной блоковской маской, губительной вьюгой :

«Нет исхода из вьюг,/ И погибнуть мне весело.»

И... случилось то, что случилось. И химеры не замедлили явиться в сонном обществе. И призраки «немецкого» коммунизма и мировой революции в том числе...

О русском обществе в конце 19-го – начале 20-го веков

Всё-таки – что же представляло на рубеже веков наше общество, столь охотно принявшее призраков и столь быстро распавшееся? Чем жило и о чём мечтало? Попробуем аккумулировать под наши цели высказывания классиков и просто свидетелей тех лет.

Ещё Александр Грибоедов (предположительно) писал о своих наблюдениях за досугом крестьян:

«Прислонясь к дереву, я с голосистых певцов (крестьян - ЮП) невольно свёл глаза на самих слушателей-наблюдателей, тот повреждённый класс полу-европейцев, к которому и я принадлежу. Им казалось дико всё, что слышали, что видели: их сердцам эти звуки невнятны, эти наряды для них странны. Каким чёрным волшебством сделались мы чужие между своими! Финны и тунгусы скорее приемлются в наше братство, становятся выше нас, делаются нам образцами, а народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесён был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он, конечно бы, заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племён, которые не успели ещё перемешаться обычаями и нравами.»
«Загородная поездка». 1826 г.

И то – одетые в иностранное, с непонятными манерами и говорившие по-французски дворяне конечно казались своим собственным крестьянам иностранцами. И один из таких дворян, Чацкий, видит эту нелепицу и мечтает:

«... Воскреснем ли когда от чужевластья мод?/ Чтоб умный, бодрый наш народ/ Хотя по языку нас не считал за немцев!».

Русские – совершенно чужие друг другу. Они – разноплеменники в одной стране! Но это далёкое начало 19 века. Что же изменилось в нашем обществе к началу 20-го века, и как оно оценивает само себя? Вот лишь несколько примеров отношений в сословно разделённом обществе (придётся приводить длинные, но необходимые цитаты):

«...интервью с очевидцем революции 1917-го (человек жив до сих пор, ему 104 года, дай Бог здоровья) - бароном Эдуардом Фальц-Фейном, по матери Епанчиным. Для общей справки – это тот человек, что пытался найти Янтарную комнату - своей целью он сделал возврат в Россию потерянных во время войны предметов искусства. Тогда мы с ним говорили о подробностях революции и эмиграции.

...

- На стене - картина, изображающая руины вашей усадьбы. Её сожгли?
- Дотла. Мне непонятна российская страсть к всеобщему разрушению. Однако какой хороший был дом! Почему революционеры не забрали его себе и не устроили там, скажем, детский сад? Сжигать - кому польза? Другом нашей семьи был Айвазовский, и в огне погибло десять его картин. Такова была ненависть людей - потому что мы имели всё, а они - ничего. Я вам скажу честно: на дворянах тоже лежит большая вина за революцию.
- Да, такое в последнее время редко приходится слышать.
- Но это правда. Вспоминается: еду я в красивой коляске на коленях у маменьки, такой весёлый нарядный барчук. А люди, работающие в полях, смотрят на нас тяжёлым взглядом. Меня воспитывали четыре девушки-гувернантки: англичанка, француженка, немка и русская. Несправедливо. Почему одна семья может позволить ребёнку четырёх нянь, а в деревнях крестьяне с голоду соломой едят? Такое социальное расслоение в итоге и вышло нам боком. Большевиков, разумеется, невозможно оправдать за их жестокость. Но, увы, для революции были весьма объективные причины.
- Почему же дворяне не пытались улучшить жизнь народа?
- Ваш вопрос очень правильный. Уже в эмиграции я спросил дедушку: как же так? Ты был директором Пажеского корпуса, имел невероятные связи при дворе императора. Неужели ты не чувствовал - требуется что-то сделать, иначе такая политика погубит Россию? Дед вздохнул: «Я не знал, что люди так бедно живут. Я вращался в другом мире - балы, выпуски офицеров, званные обеды во дворце». И того, что назревает взрыв, никто не ощутил.»
https://pikabu.ru/story/rasskaz_ochevidtsa_revolyuutsii_1917go_eshchyo_zhiv_104_goda_4601996

(Кроме того, этот барон оказал огромное влияние на поддержку Москве в качестве столицы Олимпиады-80, будучи президентом олимпийского комитета Лихтенштейна. Занимая высокие посты, имел большие связи с бизнесменами и спортивными руководствами ведущих стран мира. Эдуард фон Фальц-Фейн искал

возможность возвращения на родину, поэтому активно принимал участие в организации Олимпиады-80. По имеющимся данным, он лично просил каждого члена МОК, проголосовать за СССР. В результате голосования наша страна получила 39 голосов, в то время, как Лос-Анджелесу досталось 20. Барон награждён кроме прочего тремя орденами новой России).

Правда, некоторые дворяне и интеллигенция остро чувствуют опасное неблагополучие в стране. Так, о сословной отчуждённости в обществе писатель Василий Розанов жалуется в письме Александру Блоку (1909 г.):

«... худо, что даже **кровная** интеллигентность не понимает плачущего мужика, что она даже в христиано-кратических (хор. смысле) представителях не постигает тютчевских «бедных селений», -- и тогда оскорблённый народ (не всегда, но иногда) берет дубьё и начинает погром. В «погроме», конечно, есть 99% **злодеяния**, ... но 1% есть и оскорбленной народной святыни, настоящее. Плачущий старик, ну хоть у гроба Иоан. Кронштадтского, -- пусть весь он полон «суеверия и непонимания» -- есть столь же прекрасное, благородное и **вековечное** явление, как Ваш дед Бекетов. Почему им не обняться?! Да, почему, что мешает?! Загадка всей русской истории. А если бы она разрешилась, не было бы более ни революции, ни реакции.» (жирный курсив здесь Розанова).

Другой дворянин по происхождению Михаил Зощенко в повести «Перед восходом солнца» пишет о самом себе, когда советской власти уже 4 года, и он – заведующий куриной фермой в составе нового совхоза:

«Я хожу по просёлочным дорогам. По временам встречаю крестьян. Всякий раз меня ошеломяют эти встречи. Шагов за пятнадцать крестьянин снимает свою шапку и низко кланяется мне. Я вежливо приподнимаю свою кепку и оконфуженно прохожу. Сначала я думаю, что эти поклоны случайны, но потом вижу, что это повторяется всякий раз. Быть может, меня принимают за какую-нибудь важную шишку? Я спрашиваю старуху, которая только что поклонилась мне почти в землю:

— Бабушка, — говорю я, — почему вы так кланяетесь мне? В чем дело?

Поцеловав мою руку и ничего не сказав, старуха уходит. Тогда я подхожу к крестьянину. Он пожилой. В лаптях. В рваной дерюге. Я спрашиваю его, почему он содрал с себя шапку за десять шагов поклонился мне в пояс. Поклонившись ещё раз, крестьянин пытается поцеловать мою руку. Я отдергиваю её.

— Чем я тебя рассердил, барин? — спрашивает он. И вдруг в этих словах и в этом его поклоне я увидел и услышал всё. Я увидел тень прошлой привычки жизни. Я услышал окрик помещика и тихий рабский ответ. Я увидел жизнь, о которой я не имел понятия. Я был поражён, как никогда в жизни.

— Отец, — сказал я крестьянину, — вот уже год власть у рабочих и крестьян. А ты собираешься лизать мне руку.

— До нас не дошло, — говорит крестьянин. — Верно, господа съехали со своих дворов, живут по хатам... Но кто ж его знает, как оно будет...»

Вот, оказывается, - народ ещё не в курсе, что происходит, и не верит новой власти. Может, для них революция - просто смена одних бар на других, просто с другими названиями - на комиссаров, на председателей, на секретарей? Может, выход к лучшей жизни в другом?

Может быть – в анархизме? Потомственный князь Пётр Кропоткин, один из проповедников русского анархизма, скрываясь от царизма в эмиграции в той же Европе, продвигает идеи анархического коммунизма без государства, для чего революционным путём необходима полная ликвидация частной собственности. И, конечно, будучи убеждённым противником любой формы государственной власти, Кропоткин жёстко отвергает саму идею диктатуры вообще, и диктатуры пролетариата в том числе. Революция делается для личности и её раскрытия — и только учитывая интересы каждого отдельного человека и давая ему свободу самовыражения, общество придёт к процветанию. (Даже у нас в СССР этот князь почитался, в наше время были станция метро, и рядом улица Кропоткинские.)

Журналист Михаил Зыгарь пишет о представлениях русской аристократии о народе перед революцией:

«Хорошее знание Европы сочетается с почти полным незнанием России. Годы спустя великая княжна Мария, двоюродная сестра императора, будет писать, что ни ей, ни её родственникам не приходило в голову, до какой степени различаются русская и европейская провинция, насколько русская деревня беднее.»²⁵

Не знали? Или не хотели знать?

А в самом начале 20-го века, когда одни призывают к силовому свержению власти капиталистов и создают марксистские партии, другие скрупулёзно пытаются понять, что происходит в стране, что происходит с людьми, почему они живут так грязно, почему очень неблагополучно в обществе. Антон Чехов выпускает свою комедию (он сам обозначил жанр) «Вишнёвый сад», но комедией в современном понимании там не пахнет, может, 100 лет назад под комедией понималось другое, или, драматург экспериментировал с жанрами.

Помещица Раневская, долго кутившая за границей и при-ехавшая за деньгами в своё имение, пеняет брату после обильного ресторанного обеда:

«Зачем так много пить, Лёня? Зачем так много есть? Зачем так много говорить? Сегодня в ресторане ты говорил опять много и всё некстати. О семидесятых годах, о декадентах. И кому?...», но и сама сожалеет сейчас о своей в общем-то пустой и бездеятельной жизни:

«О, мои грехи... Я всегда сорила деньгами без удержу, как сумасшедшая, и вышла замуж за человека, который делал одни только долги. Муж мой умер от шампанского, - он страшно пил, - и на несчастье я полюбила другого, сошлась, и как раз в это время, - это было первое наказание, удар прямо в голову, - вот тут на реке... утонул мой мальчик, ...» и далее *«... душа моя высохла. А в прошлом году, когда дачу продали за долги, я уехала в Париж, и там он обобрал меня, бросил, сошелся с другой, я пробовала отравиться... Так глупо, так стыдно...».*

Тем не менее Раневская опять собирается в Париж, и опять будет всё то же, вероятно ... Чехов не жалеет и себя в своём собственном письме из летней Феодосии :

« ... Встаю я в 11 часов, ложусь в 3 ночи, целый день ем, пью и говорю, говорю, говорю без конца. Обратился в разговорную машину. Суворин тоже ничего не делает, и мы с ним перерешали все вопросы. Жизнь сытая, полная, как чаша, затягивающая... Кейф на берегу, шартрезы, крюшоны, ракеты, купанье, веселые ужины, поездки, романсы — всё это делает дни короткими и едва

²⁵ Михаил Зыгарь. «Империя должна умереть».

заметными; время летит, летит, а голова под шум волн дремлет и не хочет работать... Дни жаркие, ночи душные, азиатские... Нет, надо уехать.»²⁶

А из зимней Ялты он пишет своему знакомому, отхлестав современную ему интеллигенцию:

«...Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо её притеснители выходят из её же недр. Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало.»²⁷

А вечный студент из низов в той же комедии пытается говорить о том, что необходимо всем делать и обличает именно интеллигенцию:

«Человечество идёт вперёд, совершенствуя свои силы. Всё, что недостижимо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным, только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину. У нас, в России, работают пока очень немногие. Громадное большинство той интеллигенции, какую я знаю, ничего не ищет, ничего не делает и к труду пока не способно. Называют себя интеллигенцией, а прислуге говорят "ты", с мужиками обращаются как с животными, учатся плохо, серьезно ничего не читают, ровно ничего не делают, о науках только говорят, в искусстве понимают мало. Все серьёзные, у всех строгие лица, все говорят только о важном, философствуют, а между тем у всех на глазах рабочие едят отвратительно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота... И, очевидно, все хорошие разговоры у нас для того только, чтобы отвести глаза себе и другим. Укажите мне, где у нас ясли, о которых говорят так много и часто, где читальни? О них только в романах пишут, на деле же их нет совсем. Есть только грязь, пошлость, азиатчина...».

Но и сам студент никак не может доучиться и далее он увещевает дочь помещиков:

«Подумайте, Аня: ваш дед, прадед и все ваши предки были крепостники, владевшие живыми душами, и неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов?... Владеть живыми душами - ведь это переродило всех вас, живших раньше и теперь живущих, так что ваша мать, вы, дядя уже не замечаете, что вы живёте в долг, на чужой счёт, на счёт тех людей, которых вы не пускаете дальше передней... Мы отстали по крайней мере лет на двести, у нас нет ещё ровно ничего, нет определённого отношения к прошлому, мы только философствуем, жалуемся на тоску или пьём водку. Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое, покончить с ним, а искупить его можно только страданием, только необычайным, непрерывным трудом.».

²⁶ <http://chehov-lit.ru/chehov/letters/1887-1888/letter-460.htm>

²⁷ <http://chehov-lit.ru/chehov/letters/1899/letter-2655.htm>

Непонятно из грустной комедии, доходят ли его слова до бывших душевладельцев, все заняты предстоящим отъездом из проданного дома и сада кто куда, у всех начинается новая жизнь, суетятся, второпях трижды друг у друга спрашивают о заболевшем старом лакее Фирсе, отправлен ли он в больницу, и всё же в финале, под занавес, он оказывается забытым всеми в запертом пустом доме. Как и всегда, и в новой жизни народ забыт за суетными разговорами и пустыми делишками господ. В саду рубят деревья, с каждого листочка которых «*глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов...?*» Не слышат. Под звуки топора сам забытый преданный (что интересно, в обоих смыслах) Фирс безропотно ложится и умирает в одиночестве, но не забыв в последнюю минуту побеспокоиться, а надел ли уезжающий барин шубу?

Шикарный, гениальный, потрясающий финал, вышибающий слезу и не дающий просто так покинуть зал. Может, как раз потому, что один персонаж говорит как бы мимоходом «*Вся Россия - наш сад.*». Выходишь с просмотра с обоснованной тревогой не только за сад, но и за страну, по которой не только «звонит колокол» (у Чехова - это рвущаяся струна), но уже стучит топор; и за брошенного Фирса. Вот такая комедия, которую до сих пор почему-то ставят по всему миру (называемая The Cherry orchard в англоязычных странах). Может потому, что у каждого человека есть свой оберегаемый сад, по которому тоже может застучать чужой топор.

В общем та же тема звучит в его ещё более ранних сценах из деревенской жизни в «Дяде Ване». Сельский доктор Астров жалуется чужой няньке:

«... Заработался, нянька. От утра до ночи всё на ногах, покою не знаю, а ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили. За всё время, пока мы с тобою знакомы, у меня ни одного дня не было свободного. Как не постареть? Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна... Затягивает эта жизнь. Кругом тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а поживёшь с ними года два-три и мало-помалу сам, незаметно для себя, становишься чудаком. Неизбежная участь. (Закручивая свои длинные усы.) Ишь, громадные усы выросли... Глупые усы. Я стал чудаком, нянька... Поглупеть-то я ещё не поглупел, бог милостив, мозги на своём месте, но чувства как-то притупились. Ничего я не хочу, ничего мне не нужно, никого я не люблю...»

И далее:

«В Великом посту на третьей неделе поехал я в Малицкое на эпи-демию... Сыпной тиф... В избах народ вповалку... Грязь, вонь, дым, телята на полу, с больными вместе... Поросята тут же... Возился я целый день, не присел, маковой росинки во рту не было, а приехал домой... сел я, закрыл глаза - вот так, и думаю: те, которые будут жить через сто-двести лет после нас и для которых мы теперь пробиваем дорогу, помянут ли нас добрым словом? Нянька, ведь не помянут!»

Астров говорит о праздно живущей жене профессора, затем о себе:

«В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Она прекрасна, спора нет, но... ведь она только ест, спит, гуляет, чарует всех нас своею красотой - и больше ничего. У нее нет никаких обязанностей, на нее работают другие... Ведь так? А праздная жизнь не может быть чистою... Я не удовлетворён жизнью, как ваш дядя Ваня, и оба мы становимся брюзгами.

... Нашу жизнь, уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу и презираю её всеми силами моей души. А что касается моей собственной, личной жизни, то, ей-богу, в ней нет решительно ничего хорошего. ... Я работаю, - вам это известно, - как никто в уезде, судьба бьет меня не переставая, порой страдаю я невыносимо, но у меня вдали нет огонька. Я для себя уже ничего не жду, не люблю людей... Давно уже никого не люблю.

... Мужики однообразны очень, неразвиты, грязно живут, а с интеллигенцией трудно ладить. Она утомляет. Все они, наши добрые знакомые, мелко мыслят, мелко чувствуют и не видят дальше своего носа - просто-напросто глупы. А те, которые поумнее и покрупнее, истеричны, заедены анализом, рефлексом... Эти ноют, ненавистничают, болезненно клеветают, подходят к человеку боком, смотрят на него искоса и решают: "О, это психопат!" или: "Это фразёр!" А когда не знают, какой ярлык прилепить к моему лбу, то говорят: "Это странный человек, странный!" Я люблю лес - это странно; я не ем мяса - это тоже странно. Непосредственного, чистого, свободного отношения к природе и к людям уже нет... Нет и нет! (Хочет выпить.)»

Сама же профессорша в разговоре с дочерью защищает доктора и его усилия:

«... Милая моя, пойми, это талант! А ты знаешь, что значит талант? Смелость, свободная голова, широкий размах... Посадит деревцо и уже загадывает, что будет от этого через тысячу лет, уже мерещится ему счастье человечества. Такие люди редки, их нужно любить... Он пьёт, бывает грубоват, - но что за беда? Талантливый человек в России не может быть чистеньким. Сама подумай, что за жизнь у этого доктора! Непролазная грязь на дорогах, морозы, метели, расстояния громадные, народ грубый, дикий, кругом нужда, болезни, а при такой обстановке тому, кто работает и борется изо дня в день, трудно сохранить себя к сорока годам чистеньким и трезвым... А я нудная, эпизодическое лицо... И в музыке, и в доме мужа, во всех романах - везде, одним словом, я была только эпизодическим лицом. Собственно говоря, Соня, если вдуматься, то я очень, очень несчастна! (Ходит в волнении по сцене.) Нет мне счастья на этом свете. Нет! Что ты смеёшься?

Соня (смеётся, закрыв лицо). - Я так счастлива... счастлива! »

Чеховский парадокс! Все несчастны в этой жизни, кроме слишком молодой и наивной Сони. Никто не покоен. Странно, что почти все в этих пьесах (как, видимо, и в русском обществе) - несчастны: профессорша – потому что праздна и бездеятельна, доктор – потому что наоборот слишком много работает, причём на благо окружающих людей – лечит мужиков, сажает лес, чертит проекты будущего устройства ... В чем несчастье?

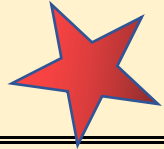
Может в том, о чём писал в полемике Чехов к издателю и журналисту Алексею Суворину (7 января 1889 г.), имея в виду скорее всего не только писательский труд, но и себя самого:

«... Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течёт уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...».

Т.е. возможно так много несчастья потому, что слишком много рабства и вокруг, и в себе самом?

Бунин также поносит интеллигенцию, но по-своему:

«Анархия у нас в уезде полная, своеволие, бестолочь и чисто идиотское непонимание не то что «лозунгов», но и простых человеческих слов —

изумительные. Ох, вспомнит ещё наша интеллигенция, — это подлое племя, совершенно потерявшее чутьё живой жизни и изолгавшееся на счёт совершенно неведомого ему народа, — вспомнит мою «Деревню» и пр.!»²⁸

Т.е. интеллигенция и народ совершенно неведомы друг другу. И в других его дневниках можно прочитать:

«Нет никого материальней нашего народа. Все сады срубят. Даже едя и пъя, не преследуют вкуса — лишь бы нажраться. Бабы готовят еду с раздражением. А как, в сущности, не терпят власти, принуждения! Попробуй-ка введи обязательное обучение! С револьвером у виска надо ими править. А как пользуются всяким стихийным бедствием, когда все сходит с рук, — сейчас убивать докторов (холерные бунты), хотя не настолько идиоты, чтобы вполне верить, что отравляют колодцы. Злой народ! Участвовать в общественной жизни, в управлении государством — не могут, не хотят за всю историю,... Интеллигенция не знала народа. Молодёжь Эрфуртскую программу учила!»²⁹

О грехе интеллигенции, её идеализме и неспособности к деятельной жизни говорит и Алексей Толстой в «Хождениях по мукам» через своего персонажа Сапожкова, «из интеллигентских», но ставшего причудами гражданской войны командиром полка у красных:

« - Скучно, братишка... Буржуазный мир подл и скучен до адской изжоги... А победим мы,—коммунистический мир будет тоже скучен и сер, добродетелен и скучен... А Кропоткин хороший старик: поэзия, мечта, бесклассовое общество. Воспитаннейший старик: «Дайте людям анархическую свободу, разрушьте узлы мирового зла, то есть большие города, и бесклассовое человечество устроит сельский рай на земле, ибо основной двигатель в человеке — это любовь к ближнему...»

« — Наша трагедия, милый друг, в том, что мы, русская интеллигенция, выросли в безмятежном лоне крепостного права и революции испугались не то, что до смерти, а прямо — до мозговой рвоты... Нельзя же так пугать нежных людей! А? Посиживали в тиши сельской беседки, думали под пенье птичек: «А хорошо бы, в самом деле, устроить так, чтобы все люди были счастливы...» Вот откуда мы пошли... На Западе интеллигенция — это мозговики, отбор буржуазии,— выполняют железное задание: двигать науку, промышленность, индустрию, напускать на белый свет утешительные миражи идеализма... Там интеллигенция знает, зачем живёт...

А у нас,— ой, братишки!.. Кому служим? Какие наши задачи? С одной стороны, мы — плоть от плоти славянофилов, духовные их наследники. А славянофильство, знаешь, что такое? — расейский помещичий идеализм. С другой стороны, деньги нам платит отечественная буржуазия, на её иждивении живём... А при всем том служим исключительно народу... Вот так чудачки: народу!..

Трагикомедия! Так плакали над горем народным, что слез не хватило. И когда у нас эти слезы отняли,— жить стало нечем... Мы мечтали — вот-вот дойдут

²⁸ «Устами Буниных. Дневники». май 1917 г.

²⁹ «Искусство невозможного. Дневники, письма» Бунин. окт. 1917 г. Писатель высмеивает наших интеллигентов, занявшихся изучением Эрфуртской программы — первой и единственной программы Социал-демократической партии Германии, написанная с марксистских позиций К. Каутским, тем самым (теоретическая часть) и Э. Бернштейном (практическая часть).

наши мужички до Цареграда, влезут на кумпол, водрузят православный крест над Святой Софией...³⁰ Земной шар мечтали мужичкам подарить. А нас, энтузиастов, мечтателей, рыдальцев,— вилами... Неслыханный скандал! Испуг ужасный... И начинается, милый друг, саботаж... Интеллигенция попятилась, голову из хомута тащит: «Не хочу, попробуйте-ка — без меня обойдитесь...» Это когда Россия на краю чертовой бездны... Величайшая, непоправимая ошибка. А всё — барское воспитание, нежны очень: не в состоянии постигнуть революции без книжечки... В книжечках про революцию прописано так занимательно... ..

А тут,— народ бежит с германского фронта, топит офицеров, в клочки растерзывает главнокомандующего³¹, жжёт усадьбы, ловит купчих по железным дорогам, выковыривает у них из непотребных мест бриллиантовые серёжки... Ну, нет, мы с таким народом не играем, в наших книжках про такой народ ничего не написано... Что тут делать? Океан слёз пролить у себя в квартире, так мы же и плакать разучились,— вот горе!.. Вдребезги разбиты мечты, жить нечем... И мы — со страха и отвращения — головой под подушку, другие из нас — дерка за границу, а кто позлее — за оружие схватился. Получается скандал в благородном семействе... А народ, на семьдесят процентов неграмотный, не знает, что ему делать с его ненавистью, мечется,— в крови, в ужасе...

«Продали,— говорит,— нас, пропили! Бей зеркала, ломай всё под корень!» И в нашей интеллигенции нашлась одна только кучечка, коммунисты. Когда гибнет корабль, что делают? Выкидывают всё лишнее за борт... Коммунисты первым делом вышвырнули за борт старые бочки с российским идеализмом... Это всё «старик»³² орудовал — российский, брат, человек... И народ сразу звериным чутьём почуял: **это свои**, не господа, эти рыдать не станут, у этих счёт короткий... Вот почему, милый друг, я — с ними, хотя произращён в кропоткинской оранжерее, под стеклом, в мечтах³³... И нас не мало таких,— ого! Ты зубы-то не скаль, Телегин, ты вообще эмбрион, примитив жизнерадостный... И есть, видишь ли, такие, которым сознательно приходится вывернуть себя наизнанку, мясом наружу и, чувствуя каждое прикосновение, утвердить в себе одну волевою силу — ненависть... Драться без этого нельзя... Мы сделаем всё, что в силах человеческих,— поставим впереди цель, куда пойдёт народ... Но ведь нас — кучка... А враги — повсюду... Ты слышал

³⁰ Аллюзии на тему мечты славянофилов о завоевании Константинополя и Проливов.

³¹ Толстой имеет ввиду убийство и.о. главнокомандующего русской армией генерала Николая Духонина в декабре 1917 года. Генерал Деникин в «Очерках русской смуты» пишет: «...толпа матросов — диких, озлобленных на глазах у «главоверха» Крыленко растерзала генерала Духонина и над трупом его жестоко надругалась».

³² Один из псевдонимов Ленина.

³³ Пётр Кропоткин, идеолог анархизма, выступал против насилия. В начале Красного террора он пишет Ленину о всевластии ВЧК: «В русском народе большой запас творческих, построительных сил. И едва эти силы начали налаживать жизнь на новых, социалистических началах среди ужасной разрухи, внесенной войной и революцией, как обязанности полицейского сыска, возложенные на него террором, начали свою разлагающую, тлетворную работу, парализуя всякое строительство и выдвигая совершенно неспособных к нему людей. Полиция не может быть строительницей новой жизни, а между тем она становится теперь державной властью в каждом городке и деревушке. Куда это ведет Россию? К самой злостной реакции...»

про чехословаков? Придёт комиссар, он тебе расскажет...Знаешь, чего боюсь? Боюсь, что у нас это самоубийство. Не верю,— месяц, два, полгода — больше не продержимся... Обречены, брат... Кончится всё — генералом³⁴... И я тебе говорю,— виноваты во всем славянофилы...Когда началось освобождение крестьян, надо было кричать: «Беда, гибнем, нам нужно интенсивное сельское хозяйство, бешеное развитие промышленности, поголовное образование... Пусть приходит новый Пугачёв, Стенька Разин, всё равно,—вдребезги разбить крепостной костяк...» Вот какую мораль нужно было тогда бросить в массы, вот на чем воспитывать интеллигенцию... А мы изошли в потоках счастливых слез: **«Боже мой, как необъятна, как самобытна Россия! ³⁵ И мужичок теперь свободен, как воздух, и помещичьи усадьбы с тургеневскими барышнями целы, и таинственная душа у народа нашего,— не то что на скаредном Западе...».** И вот я теперь — топчу всякую мечту!».

И пока толстоевские³⁶ и чеховы препарируют души русских, чтобы понять, как сделать общество чище и лучше, и мирно ждут, когда же над ними запоют гимны ангелы и осыпят русское небо алмазами, нашлись другие люди, которые уже давно и прекрасно знают «как?». Это «наши», те, кто готов дать немереную волю насилию, и кто готов сам пострадать в борьбе за справедливое общество в их понимании.

Ну, а господа или мечтательно дремлют, или развлекаются, пьют шартрезы и крошоны.

Чернышевский и новые люди

Пожалуй, впервые зарождающийся тип людей-революционеров, (он назвал их «новые, особенные люди»), их образ жизни и мыслей выразил художественно Николай Чернышевский в романе «Что делать?», напечатанный в 1863 году в возобновлённом журнале «Современник». Интересно, что роман написан автором, находившимся в то время под арестом в Петропавловской крепости за составление революционных прокламаций, и, говорят, писался он сразу начисто, без черновиков. По современным представлениям книга не содержит совершенно ничего непосредственно революционного, однако, попав в руки Владимира Ульянова вскоре после повешения его брата Александра (см. об этом далее), производит на его подорванную психику неизгладимое впечатление. Ещё со школы мы помним его высказывания: "Это вещь, которая даёт заряд на всю жизнь" и "Он меня всего глубоко перепахал". Он считает созданные персонажи типа Рахметова непревзойденными образцами настоящих революционеров, мужественных, бесстрашных будущих борцов (то, что сам роман — это утопия, он скорее всего не признавал совершенно и это его не интересовало). Интересна, что тоже самое сильное романтическое увлечение испытал юный Сосо Джугашвили в юности в отношении разбойника Кобы, героя романа «Отцеубица», борца за справедливость и заодно против царского режима на Кавказе.

(А ригористу и нигилисту Рахметову, Чернышевский, по-моему, не дал даже имени. Интересный момент. Изобразил человека-функцию? Наверное, новые люди и должны быть без имени. Может, с номером?).

³⁴ Имеет ввиду, что кончится всё диктатурой.

³⁵ Вероятно, обыгрывается высказывание Есенина о России в письме из Европы к Мариенгофу: «...Боже мой! до чего прекрасна и богата Россия...».

³⁶ Шуточный неологизм возник в среде русской эмиграции 20-х годов.

И нам придётся здесь посвятить в этой книге достаточно много места для понимания откуда у русского коммунизма ноги растут и понимания событий, так скоро произошедших со страной. (Николай Бердяев посвятил этому вопросу труд «Истоки и смысл русского коммунизма», где сразу же характеризует наш народ по своей душевной структуре как «народ восточный»).

Характеризуя писателя как одного из провидцев своего времени, Дмитрий Быков утверждает, что безусловно сильным умом Чернышевский «почувствовал одним из первых, что Россия, перепрыгнув через несколько этапов сразу, готовит миру нового человека – сверхчеловека, ставящего под вопрос множество скомпрометированных ценностей.» ... «Это ценности патриотизма, народности, православия, твёрдой государственной руки – в общем, всего того, благодаря чему Николай I, к году эдак к 1855-му, году своей смерти, довёл страну почти до полной деградации по всем параметрам... Вот в это время начинают появляться в России новые люди, которые с невероятной решимостью отвергают эти ценности, ценности, все еще святые для европейского буржуа.»³⁷

Для новых людей «... семья – ничтожность, и они устраивают ... коммуны, все со всеми, но под знаменем новой семьи и новых идей; они устраивают государственный террор и полагают это тоже признаком нового человека, поскольку ни страх, ни сентиментальность им не свойственны».... «... на вкус этих людей смехотворен нормальный человек. И если вдуматься, то ничего смехотворнее мещанина, с его семейшкой, веришкой, работишкой, сбереженьицами, разумеется, нет. Это смешно, жалко и лопнет при первом катаклизме.»³⁸

И всё это действительно лопнуло, как только в Европе началась война, а Россия бодро подхватила, а потом две революции и своя Гражданская, а потом большевистская диктатура – и понеслось. Розанов, кстати, итожит в 1918 году: «Что же осталось? ... Ровным счётом ничего. ...». Государство лопнуло.

На нашу беду из-за восторженных отзывов будущего «вождя мирового пролетариата» Ленина эта нелепая непонятная скучнейшая для нас вещь Чернышевского со множеством бытовых ненужных деталей 19-го века стала обязательной для изучения в курсе литературы, кажется, в 9-м классе. Для чего? Чтобы мы тоже «перепахались»? Не получилось. 5-й сон Веры Павловны, 6-й сон Веры Павловны, 10-й сон Веры Павловны, какие-то царицы, дворцы из алюминия... Может, нездоровая атмосфера Петропавловки сказалась на авторе, сидельце крепости? Единственное, что осталось в нашем протестующем мозгу – гвозди, торчащие из войлочной подстилки, на которой пытался спать, закаляя до кровищи свою волю, «новый человек» Рахметов. Но зачем эти его гвозди были нам, желторотым сытым школьникам в благополучных 60-х, осталось непонятным, блажным. (Школьная программа по литературе составлялась, как и почти все аспекты общественной жизни, исходя только из идеологических предпосылок, а совсем не из желания дать подрастающим людям наиболее полную картину произведений русских писателей и поэтов, в том числе советского периода).

Возвращаясь к самому роману – ведь даже обычную человеческую любовь к женщине Рахметов не мог себе позволить (тоже закалял свою плоть), честно и сходу отвергая перед ней саму эту возможность:

«"Я был с вами откровеннее, чем с другими; вы видите, что такие люди, как я, не имеют права связывать чью-нибудь судьбу с своею". - "Да, это правда,

³⁷ Дмитрий Быков. «Маяковский. Самоубийство, которого не было».

³⁸ Там же.

- сказала она, - вы не можете жениться. Но пока вам придётся бросить меня, до тех пор любите меня". - "Нет, и этого я не могу принять", - сказал он, - **я должен подавить в себе любовь: любовь к вам связывала бы мне руки**, они и так скоро развяжутся у меня, - уж связаны. Но развяжу. Я не должен любить".».

«Такие люди», не способные на любовь вообще, посвящают себя только делу революции и готовы в этом идти на все лишения в точности как христианские подвижники добровольно надевали на себя вериги, селились на столбах, уходили в пУстыни ради единственной цели – спасения души. А подвижничество - одно из непеременимых условий любого вероисповедания. И такие люди, не способные на любовь, собирались не только разрушить старое общество (здесь ни ума, ни души не надо), но построить новое. Какое же человеческое общество могли построить эти «новые люди», не знающие и отвергающие любовь? На каких принципах и основаниях? Из романа это было непонятно. На культе силы и стойкости против другой силы? Чтобы получилось общество человекороботов типа «МЫ» в замятинской антиутопии? Или то, в котором жили люди другого общества из антиутопии «1984» Оруэлла? Или из нас хотели сделать таких «новых самураев», у которых нет цели, но есть путь. Это осталось за скобками романа – ведь если путь Рахметова, человека без имени, более-менее проглядывался, то великая цель других подобных его последователей зыбилась в совершенном тумане. Нельзя же всерьёз призывать нас, школьников, стать строителями такой цели как ... некие дворцы в сонном мареве в голове Веры Павловны! Так мы рассуждали и рассуждаем до сих пор.

Однако, скажем, Николай Бердяев парадоксальным образом отделяет сам роман с его проповедями и снами от личности автора и его реальную жизнь от его творения:

«... лично Чернышевский нисколько не был жёстким типом, он был не обыкновенно человечен, любвеобилен, жертвен... «Что делать?» принадлежит к типу утопических романов. Художественных достоинств этот роман не имеет, он написан не талантливо. Социальная утопия, изложенная в сне Веры Павловны, довольно элементарная... Но роман Чернышевского всё же очень замечателен и имел огромное значение. Это значение было главным образом моральное. Это была проповедь **новой морали**. Роман, признанный катехизисом нигилизма (хотя слов «нигилист, нигилизм» в тексте ни разу нет. - ЮП), был оклеветан представителями правого лагеря, начали кричать о его безнравственности те, кому это менее всего было к лицу. В действительности мораль «Что делать?» очень высокая и уж, во всяком случае, бесконечно более высокая, чем гнусная мораль «Домостроя», позорящего русский народ.».

И далее он же об аскезе в романе:

«... это книга аскетическая, в ней есть тот аскетический элемент, которым была проникнута русская революционная интеллигенция. Герой романа Рахметов спит на гвоздях, чтобы приготовить себя к перенесению пытки, он готов во всем себе отказать».

Наибольшие нападения вызвала проповедь свободной любви, отрицание ревности, как основанной на дурном чувстве собственности. Эти нападения исходили из правого, консервативного лагеря, который на практике наиболее придерживался гедонистической морали. Половая распущенность процветала

главным образом в лагере гвардейских офицеров, праздных помещиков и важных чиновников, а не в лагере аскетически настроенной революционной интеллигенции. Мораль «Что делать?» должна быть признана очень чистой и отрешённой. Проповедь свободы любви есть проповедь искренности чувства и ценности любви как единственного оправдания отношений между мужчиной и женщиной.»³⁹

Кстати, в советских рассказах и фильмах, скажем, о революционере Камо акцентируется его абсолютная стойкость к настоящим пыткам в немецкой тюрьме (в период наших революций) ... По рассказам очевидцев по результатам его обследования в Моабитской тюрьме, проведённого немецкими врачами после его ареста (в революцию 1905-1907 годов), он должен был быть признан душевнобольным. На самом деле Камо притворился неизлечимым сумасшедшим, который не чувствует боли при избиениях. Приглашённый эксперт заметил: «*Терпеть, не показывать боль можно, но, как бы там ни было, а зрачки при ней произвольно расширяются. Во всех случаях*». Однако, когда тюремщики провели по руке арестанта раскалённым шомполом, а тот не дрогнул, хотя расширенные зрачки его выдали, эксперт, потрясённое мужеством этого человека, даёт заключение о невменяемости. По крайней мере так писали в советское время в книжках про Камо.

И под влиянием этого романа через 40 лет после его выхода Ульянов-Ленин так и назовёт свою раннюю основополагающую статью «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения», где он выступает с собственной концепцией партии, которую он видит централизованной и конечно боевой организацией («партия нового типа», а до этого были партии, конечно, «старого» типа). Уже в этой статье он мечтает: «*Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернём Россию!*»⁴⁰. Интересна цель – не всемерно улучшить жизнь народа, а перевернуть страну!

Так и начиналась новая религия. Пока в художественных книжках. Архетип нового героя, почти мессии, уже явно проглядывается. Но религии нужны и жертвы, и жертвоприношения. И скоро они появятся в избытке. И не только в книжках. (Однако слов «революционер, революция, социализм» в романе Чернышевского вовсе нет, автор не мог допустить их из цензурных соображений, ограничиваясь выражением "Общее дело", которое стало, начиная с 1850-х годов, необходимым эвфемизмом, заменявшим понятие "революция" и хорошо известным в кругах читателей, натренированных в эзоповом языке той эпохи.)

Закрывая тему с этой книгой, отметим интересную деталь из биографии Маяковского, на которую обратил внимание Дмитрий Быков. Он говорит, что Маяковский перечитывал «Что делать?» за два дня до смерти. Зачем (если это так)? Предощущал себя «на краю»? А ещё гораздо ранее примерял к себе эти «... *ещё не появившиеся крылья*»⁴¹, становясь одним из неопитов новой религии? Но оставим это биографам.

И первые настоящие, а «не книжные», выстрелы «знающих как» в пореформенной России раздаются в апреле 1866 в Петербурге, когда Дмитрий Каракозов, участник революционной «Организации» социалиста-утописта Николая

³⁹ Николай Бердяев. «Дух и реальность».

⁴⁰ Исползуется высказывание Архимеда: «Дайте мне рычаг, точку опоры, и я переверну Землю.»

⁴¹ Николай Гумилёв. «Шестое чувство».

Ишутина, стреляет в «царя-освободителя» Александра II, но промахивается. В прокламации, написанной им ещё до покушения, подчёркивается необходимость указать народу его главного врага. (Каракозов был повешен по приговору Верховного уголовного суда).

Наиболее откровенное теоретическое обоснование террористическая тактика получает в «Катехизисе⁴² революционера» Сергея Нечаева (1869), в котором предписывается физическое устранение своих противников, дословно:

*«Итак, прежде всего должны быть **уничтожены люди**, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести **наибольший страх** на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу»* (выделено мной - ЮП).

Страх в обществе как одно из средств осуществления революции! Как это пригодились в скором будущем!

«Катехизис» видит в России «поганое общество», которое подлежит «полному, повсеместному и беспощадному разрушению», он требует смотреть на человека как на материал для достижения революционных целей, прибегать к иезуитским методам в разжигании вражды и смуты в стране, опираться на деклассированный элемент и вести к тому, чтобы совершилась «бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих». «Катехизис» не признаёт каких-либо моральных препятствий на пути к цели и оправдывает «кровь по совести».

Очень интересно описывает Александр Бек, впечатление, произведённое на молодого Сталина этим «Катехизисом», случайно (или не случайно) попавшим в его руки: *«... Платоныча потянуло внимательнее рассмотреть строки, отчёркнутые Кобой. Фигурировавший в деле «Катехизис революционера» был особенно уснащён метами. Одна за другой следовали борозды, вонзившиеся сбочь столбца.*

...Революционер — человек обречённый. У него нет ни своих интересов, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Всё в нём поглощено единым исключительным интересом, единой мыслью, единой страстью — революцией.

...Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что помешает ему.

...Он не революционер, если ему чего-либо жаль в этом мире. Тем хуже для него, если у него есть родственные, дружеские и любовные отношения: он не революционер, если они могут остановить его руку...

А вот ноготь Кобы прошёлся уже не на полях, а под строкой. Тут очередной пункт катехизиса начинался так: революционер презирает всякое доктринёрство и отказывается от мирской науки, предоставляя её будущим поколениям.

Далее шли строки: он изучает денно и нощно живую науку — людей, характер, положения...

⁴² Книжно-церковный термин. Здесь - краткое, но предельно исчерпывающее изложение вероучения.

Под эту-то фразу — во всю ее длину — была всажена резкая черта. Странно. Почему именно это выделил Коба? Да, живая наука, видимо, по сердцу ему, воистину сыну угнетённых, родившемуся среди бедняков.»⁴³

Под влиянием судебных процессов над нечаевцами Фёдор Достоевский, бывший петрашевец, отбывший каторгу за участие в кружках Михаила Буташевича-Петрашевского (где, кстати, читалось и письмо Белинского Гоголю) и боявшийся, не заразится ли вся Россия ядами идей атеизма, цинизма и социализма, идущими с Запада (опять Запад пугало!!), этот «тайновидец духа» (по словам Дмитрия Мережковского), приступает к роману «Бесы» - о «наших», о новых людях, об их идеях. Приводит слова одного из «новых людей», из «наших»:

*«... Жажда **образования** есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Всё к одному знаменателю, полное равенство. ...Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. **Урабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность,...**» (выделено мной - ЮП).*

И далее там же:

«— Слушайте, мы сначала пустим смуту, — торопился ужасно Верховенский, поминутно схватывая Ставрогина за левый рукав. — Я уже вам говорил: мы проникнем в самый народ. Знаете ли, что мы уж и теперь ужасно сильны? Наши не те только, которые режут и жгут да делают классические выстрелы или кусаются. Такие только мешают. Я без дисциплины ничего не понимаю. Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха! Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают! С другой стороны, послушание школьников и дурачков достигло высшей черты; у наставников раздавлен пузырь с желчью; везде тщеславие размеров непомерных, аппетит зверский, неслыханный... Знаете ли, знаете ли, сколько мы одними готовыми идейками возмём? Я поехал — свирепствовал тезис Littré что преступление есть помешательство; приезжаю — и уже преступление не помешательство, а именно здравый-то смысл и есть, почти долг, по крайней мере благородный протест. «Ну как развитому убийце не убить, если ему денег надо!» Но это лишь ягодки. Русский бог уже спасовал пред «дешовкой». Народ пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты, а на судах: «двести розог, или тащи ведро»⁴⁴.

⁴³ Александр Бек «На другой день».

⁴⁴ Вероятно, имеется ввиду ведро водки как взятка для судейских, что в силу своей обычности не требует для тогдашнего читателя никаких пояснений от автора.

О, дайте возрасти поколению! Жаль только, что некогда ждать, а то пусть бы они ещё по пьянее стали! Ах, как жаль, что нет пролетариев! Но будут, будут, к этому идёт...».

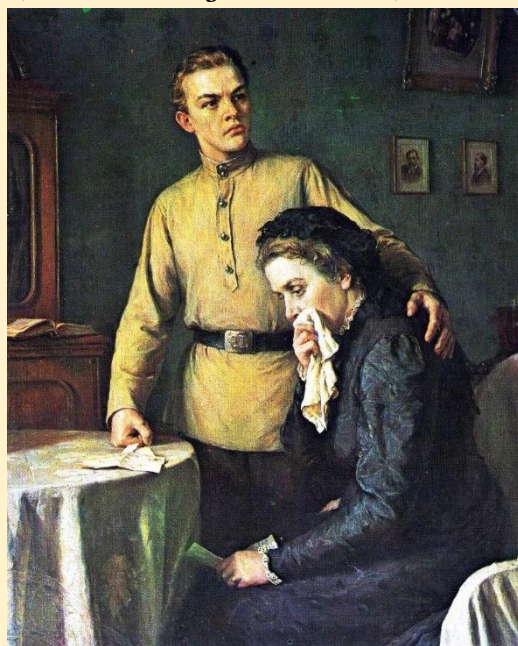
Зачем же Верховенскому пролетарии? Затем, что он самый нищий и потому самый управляемый?

Писатель уверяет, что развратные деяния Николая Ставрогина, его попытки играть сверхчеловека, встать выше черты добра и зла и, в конечном счете, его самоубийство – гибельный путь участников западноориентированных либеральных кружков, «наших», оторванных от самого народа и занятых раздуванием нездоровых нигилистических страстей в среде разночинцев и «интеллигенции». Разложение народа и подготовка его к принятию человеко-бога, земного вождя, избавителя – одна из целей таких кружков (и что самое потрясающее, эта цель будет через 5 десятилетий достигнута!). А «Бесы» писаны в 1871 году.

По этому же поводу философ Фёдор Степун в статье «БЕСЫ» И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ пишет (уже после переворота 1917 года):

«Читая бредовую проповедь Верховенского, нельзя не чувствовать, что она кипит бакунинской⁴⁵ страстью к разрушению и нечаевским презрением не только к народу, но даже и к собственным "шелудивым" революционным кучкам, которые он сколачивал, чтобы пустить смуту и раскачать Россию. В духе Нечаева и Ткачева⁴⁶ Верховенский обещает Ставрогину что народ к построению "каменного здания" допущен не будет, что строить они будут вдвоем, он, Верховенский, со своим Иван-царевичем (т.е. со Ставрогиным - ЮП). Надо ли доказывать, что следов бакунинской страсти к разрушению и фашистских теорий Ткачёва и Нечаева можно искать только в программе и тактике большевизма.

Интересно, что, мечтая о великой революционной смуте, Верховенский жалел о том, что мало остается времени и что в России нет пролетариата. Этими жалобами он касался разногласий между народниками и Плехановым, за примирением которых Вера Засулич в 1881 году обращалась к Карлу Марксу. Думаю, что не будет

«Мы пойдём другим путём».
Художник Пётр Белоусов.
Владимир Ульянов с матерью при получении известия о казни Александра, брата и сына.

⁴⁵ Михаил Бакунин – видный анархист, под влиянием Нечаева ограниченно признавал насилие в революционном движении. Улица Бакунинская - в его честь.

⁴⁶ Пётр Ткачёв, писатель, публицист крайнего левого крыла русской журналистики середины 19 в.

преувеличением сказать, что Достоевский предчувствовал, что социалистическая революция будет произведена по рецепту Нечаева и Ткачёва, то есть преждевременно и без участия необходимого для неё пролетариата. Предчувствия его сбылись.»

К финалу романа писатель вдруг сюжетным поворотом выражает надежду, что может быть подступающее безумие остановится. Отец Петра Верховенского, послушав перед смертью известный эпизод из Евангелия о бесах, изгнанных Христом из бесноватого больного и вселившихся в свиней, неожиданно говорит:

«Мне ужасно много приходит теперь мыслей: видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, — это всё язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века!... Но великая мысль и великая воля осенят её свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море⁴⁷ и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых»... и будут все смотреть с изумлением...»

Увы, надежды писателя не оправдались, никто из «наших» в море не кинулся, а его предостережения, конечно, не были услышаны, и терроризм с перерывами, но снова и снова находит своих адептов и своих жертв. Особенно отличились в этом организация «Народная воля» - известные как народовольцы, а в новом веке – Боевая организация партии социалистов-революционеров (эсеров), где отличался Борис Савинков. Новая волна террора началась с выстрела Веры Засулич, которая в 1878 году тяжело, в упор ранила петербургского градоначальника Фёдора Трепова. К удивлению всех, суд присяжных под председательством Анатолия Кони оправдал революционерку, которая была немедленно освобождена из-под стражи. Оправдательный приговор поселил в обществе мнение, что революционеры-террористы могут рассчитывать на сочувствие.

И началось ... С этого времени и по 1911 год совершены около трехсот покушений на самых первых лиц государства. Среди многих жертв ... Харьковский генерал-губернатор князь Д. Н. Кропоткин (кстати, из той же княжеской фамилии, что и Пётр Кропоткин), император Александр II (с пятой попытки), министры внутренних дел Дмитрий Сипягин и Вячеслав Плеве, великий князь Сергей Александрович, премьер-министр Пётр Столыпин, застреленный, правда, одиночкой анархистом Богровым в присутствии императорской семьи (и по слухам не без помощи охранного отделения, а до этого на Столыпина и семью совершается около десяти покушений. Суды приговаривали бомбистов и стрелков к смертным казням через повешение.).

⁴⁷ Приводит отрывки из Евангелий от Матфея и Луки о бесах, изгнанных из больного человека и вселившихся в свиней, которые бросились в море.

Среди многих осужденных - Софья Перовская (первая женщина в России, казнённая за политическое преступление), Андрей Желябов, Николай Кибальчич (специалист по взрывным устройствам, кроме того разработал оригинальный проект летательного аппарата, способного совершать **космические перелёты**), Александр Ульянов (старший брат будущего «вождя мирового пролетариата»), Степан Халтурин, Иван Каляев. Последний, по свидетельству будущего эсера Бориса Савинкова, выступил на суде в 1905 году с последним словом, а фактически с обвинительной речью в адрес властей:

«...Я — не подсудимый перед вами, я — ваш пленник. Мы — две воюющие стороны. Вы — представители императорского правительства, наёмные слуги капитала и насилия. Я — один из народных мстителей, социалист и революционер. Нас разделяют горы трупов, сотни тысяч разбитых человеческих существований и целое море крови и слёз, разлившееся по всей стране потоками ужаса и возмущения. Вы объявили войну народу, мы приняли вызов!⁴⁸».

Может быть это их призывал поэт Николай Некрасов ещё в 1855 году:

«... Иди в огонь за честь отчизны,

За убежденье, за любовь...

Иди и гибни безупречно.

Умрёшь не даром: дело прочно,

Когда под ним струится кровь...». (опять кровь!)

И они шли, и гибли сами, и убивали сами (но вряд ли за любовь, как надеялся добрый Некрасов). А среди сочувствующих им гимназистов и студентов в кровавом деле свержения царизма поселялась радость и надежда. Сын малограмотного киевского ювелира Александр Маршак говорит уже в старости:

«...Помню я ещё был гимназистом, коммерсантом, мальчиком, это было в 1904 – 1905 годах, мы узнали что убили Плеве, и это было радость. Или когда убили великого князя губернатора Москвы. Это вот Какие молодцы, как хорошо. Эти Убийцы были для нас героями, конечно, они и были фактически героями. Мы тогда, в особенности молодое поколение, все перед этими социалистами преклонялись. И тех, которые жертвовали собой, чтобы идти бороться за народ, мы считали действительно подвижниками. Все выступления для нас были явлением очень радостным, очень приятным... . Это было настроение всего студенчества русского, которое было здесь...».⁴⁹

Убийства радуют молодёжь.

Теракты прививали убеждение: террор революционных боевиков - это самый простой, быстрый и радикальный путь избавления от царизма. И что это здорово, и

⁴⁸ Борис Савинков. «Воспоминания террориста».

⁴⁹ Из сборника «Русское лихолетье. История проигравших». Составитель Иван Толстой.

даже весело. И революционеры знали, на что они шли. Ещё в 1896 году Валерий Брюсов напишет о таких экзальтированных юношах того времени:

*«Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее - область поэта....».*

В настоящем - жизни нет, она в грядущем, возможно, очень скором. А здесь, в настоящем - необходима кровь, смерть ...

И на фоне не решающихся социальных задач в воздухе империи носится ощущение близкой революции. Это ощущение выплёскивается у романтика Максим Горький ещё в 1901 году в призывах и пророчествах близкой бури в стране — он публикует «Песню о Буревестнике» (в школе мы учили наизусть этот белый стих):

*«Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем
гордо реет Буревестник, чёрной молнии подобный.*

*То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам,
он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.*

*В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти
и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.*

.... Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утёсах...

*Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем! ...
Буря! Скоро грянет буря! Это смелый Буревестник гордо реет между молний над
ревушим гневно морем; то кричит пророк победы:*

— Пусть сильнее грянет буря!..»

И буря вскоре грянет, а вскоре и самого Горького уже называют Буревестником революции. А Александр Блок, видимо, основатель русского революционного романтизма в поэзии, поёт тоже о буре, крови, кобылицах:

«... И вечный бой! Покой нам только снится

Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица

И мнёт ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...

Останови!

Идут, идут испуганные тучи,

Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!

Плачь, сердце, плачь...

Покоя нет! Степная кобылица

Несётся вскачь!»

июнь 1908

Опять кровь, четыре раза в небольшом отрывке ... Как романтично! А вот в жизни она уже льётся не на поэтических страницах и не совсем не романтично, а вполне реально.

«... Покушения крестьян на убийство своих господ, грабежи и поджоги усадеб были так часты, что создавали ощущение неутихающей партизанской войны. Это и была настоящая война, продолжавшаяся в России в течение всей эпохи существования крепостного права. Один современник писал о положении в России, что «граждане одной державы, как будто два иноплеменные народа, ведут между собою непрерывную брань», а полицейские донесения из губерний и уездов напоминали собой фронтовые сводки о боевых потерях...»⁵⁰

Похоже, гражданская война бурлит уже давно. Царских судов избегают немногие - Вера Фигнер (народоволка, эсерка в будущем,), Борис Савинков (один из руководителей Боевой организации эсеров, после революции – злейший враг большевиков). Смертный приговор эсерке Марии Спиридоновой в 1906 году позже заменён на пожизненную каторгу; она освободилась после февральской революции (и что характерно - много раз затем арестовывалась уже большевиками, снова сидела по тюрьмам и ссылкам, и была расстреляна в Орловской тюрьме в сентябре 1941 года под угрозой наступления немцев на Орёл вместе со многими другими ещё уцелевшими левыми эсерами. Расстрел объяснялся тем, что перемещение осуждённых данной тюрьмы не представлялось возможным.

Но у террора, у этого занесённого топора, всегда две стороны – и если обух опускается сзади «в самое темя» старухи-процентщицы Алёны Ивановны как бы за дело (в понимании бедного студента), то лезвие топора сечёт прямо в лоб невинную Лизавету (нельзя же оставлять свидетеля), невесть каким образом подвернувшуюся под руку. И так же в революцию – если одной пули маузера достаточно чтобы убить ненавистного царя, то остальные пули обоймы неизбежно летят в его близких – в жену, в пятерых детей и в двух слуг и в доктора, и далее без остановки. Что ж, жертва Лизаветы и случайна, и неслучайна. Зло не приходит в одиночку, и остановиться ему очень трудно, невозможно.

И так же, как комплексующий студент замывал следы крови с топора и сапог, так и цареубийцы вскоре будут в кислоте и в яме пытаться скрыть следы преступлений. Куда проще и откровеннее поступала революционная Франция, смело и торжественно

⁵⁰ Борис Тарасов. "РОССИЯ КРЕПОСТНАЯ. ИСТОРИЯ НАРОДНОГО РАБСТВА".

отрубая головы королям и аристократам на Гревской площади среди ликующей толпы добрых парижан. Время наступило уже не то?

Экспансия

Но несмотря на террор и внутренние неурядицы, внешне жизнь Империи идёт своим чередом. Не мной сказано — определяющий и движущий закон любой империи — экспансия, военная, территориальная, культурная, цивилизационная. Россия — не исключение. И основной вектор нашей экспансии направляется на Восток, что логично, ведь наши относительно новые земли Забайкалья, Дальнего Востока, Сахалина, Камчатки крайне безлюдны, требуют заселения и защиты от растущих appetitов также императорской, послесамурайской Японии. А это уже вопрос геополитики. Маленький Владивосток, чахлый росток будущего русского Сан-Франциско (как задумывалось, но не сбылось) на Тихом океане — оказывался под угрозой. Населения и войск мало, коммуникации до промышленных и снабжающих центров гигантски растянуты примерно на 11 тыс км.

В 1891 году Александр III отправляет своего двадцатидвухлетнего наследника Николая в путешествие по восточной Азии, в том числе в императорскую Японию, не без ознакомительно-разведывательных целей.

Японцы польщены — впервые прямой наследник европейской монархии посещает их страну с дружеским официальным визитом. Однако в местечке Оцу на Николая, ехавшего на рикше

Цесаревич Николай в Японии.

совершается неожиданное нападение местного фанатика, который успевает нанести два несильных удара катаной. Раненому делают на месте перевязки, и он вместе с делегацией уезжает на наш крейсер «Память Азова» (заметим, что у японцев остаются материалы крови будущего императора). Японцы сильно перепуганы, настолько, что сам император Мэйдзи, приехав из Токио, вскоре навещает Николая на борту «Памяти Азова» (говорят, это был даже первый случай в истории, когда император Японии лично посетил иностранное судно).

Связано или нет это с покушением, но вскоре в кратчайшие сроки строится транссибирская железнодорожная магистраль и доходит до Забайкалья. Далее возникает дилемма — либо строить дорогу по нашей территории по северному берегу Амура до Хабаровска и далее на юг до Владивостока, либо сильно спрямить путь и строить другую ветку напрямик от Читы прямо по Манчжурии до залива Петра Великого.

По разным причинам выбирается южная - более короткая и более опасная ветка. Одна из причин этого выбора – от южной ветки легко построить ответвление до Порт-Артура⁵¹ – нашего порта-крепости на арендованном у слабого Китая полуострове Ляодун. А это – геополитический фактор нашего военного присутствия в Жёлтом море и в Тихом океане, что-то вроде Гонконга, который принадлежал тогда Англии тоже на правах аренды. Умирающая китайская империя династии Цин, северо-восточные малонаселенные территории которой оказались зажаты между Россией и агрессивной Японией, соглашается на наши условия и в 1896 году состоялось подписание секретного Российско-китайского договора о союзе России и Китая против Японии, по которому Россия получала право на строительство Китайской восточной железной дороги (КВЖД). В 1898 году в железнодорожном китайском посёлке Сунгари заложили первый барак, с которого и начался город Харбин, который строился как настоящий полноценный русский город со всей положенной инфраструктурой. (Однако, уже к 2000-м годам из нашего огромного наследия там ничего не осталось; наши кладбища снесены хунвэйбинами в «культурную революцию» 60-х; мы в наше недавнее посещение видели только уцелевший храм Святителя Николая, превращённый, правда, в музей непонятно чего – бабочки и проч.). 1903 году строительство железной дороги заканчивается, и порты Порт-Артур, Дальний, Владивосток и город Чита связываются одним узлом с центром в Харбине. Маньчжурия оказалась окружена веткой КВЖД, Забайкальем и реками Уссури и Амур.

Разрабатываются и планы под видом торговых концессий присоединить совсем к себе и Корею, которые были не лишены здравого смысла. Павел Жуков пишет: «Уже с 1896 года Российская империя могла беспрепятственно вводить свои войска

Наши военные в Корее.

на территорию Кореи, поселила в Сеуле своих военных и финансовых советников, а также открыла там Русско-корейский банк.»

Благодаря этому позиции России в том регионе, конечно, были более выигрышные, нежели у соперников-японцев. И российский государь дал добро и денег, а также повелел отправить в Корею специальную экспедицию.

В 1902 году в Корее начались подготовительные работы. В качестве прикрытия для охраны наняли несколько сотен китайцев. Им предстояло оберегать... полторы тысячи российских военных, переодетых в лесорубов. Это вызвало большой резонанс в России. Главным противником такого поведения на мировой арене стал министр финансов Витте, за что он, собственно,

⁵¹ Название связано с более ранним присутствием в этих местах английского флота.

и лишился своей должности. Поддержал его министр иностранных дел Извольский: *«Это совершенно фантастическое предприятие, один из тех фантастических проектов, которые всегда поражали воображение Николая II, всегда склонного к химерическим идеям»*. То же самое говорил и генерал Куропаткин: *«Государь мечтает не только о присоединении Маньчжурии и Кореи, но даже о захвате Афганистана, Персии и Тибета»*⁵². (Неудивительно, что даже Троцкий также будет мечтать об Индии и писать в Политбюро докладные записки об этом. Страсть к территориальным приобретениям, видимо, у нас неистребима.)

Естественно, наши притязания на Дальнем Востоке очень не нравятся нашим традиционным западным союзникам, особенно Англии, и они вместе с американцами спешно вооружают и обучают маленькую, ещё феодальную Японию, в которой всегда был силён боевой дух.

Неизбежно приближающееся военное столкновение с Японией налагается на революционные ожидания внутри страны порождая в обществе самые разнородные настроения - от ура-патриотических и шапкозакидательских до радостно-пораженческих в надежде, что военное поражение царского правительства только ускорит революционные процессы. Даже Чехов ждал революцию. Ещё весной 1904 года уже незадолго до смерти писателя его шурин Владимир Книппер разговаривает с ним о русско-японской войне:

Наш плакат перед русско-японской войной. Дядя Сэм и Джон Буль подталкивают маленькую Японию к нападению на Маньчжурию.

*«Когда я выразил надежду на победу русских войск, то Антон Павлович волнуясь снял пенсне и своим низким голосом веско мне ответил: "Володя, никогда не говорите так. Вы, очевидно, не подумали. Ведь наша победа означала бы укрепление самодержавия, укрепление того гнёта, в котором мы задыхаемся. Эта победа остановила бы надвигающуюся революцию. Неужели вы этого хотите?" Я был сражён и уехал пристыжённый, глубоко задумавшись над этими словами и тем волнением и силой, с которыми они были сказаны Антоном Павловичем.»*⁵³

⁵² <https://diletant.media/articles/31292278/>

⁵³ Чехов "Избранные сочинения", том 2., 1979. Раздел "Примечания", примечание к рассказу "Невеста". <https://ste-pan.livejournal.com/96727.html>

О том же мечтает ждущая революцию будущая эсерка Лидия Кочеткова в документальном романе Михаила Шишкина «Кампанилла Святого Марка»:

«Она едет в Швейцарию, и по дороге из Петербурга шлёт радостное письмо Брупбахеру: “В воздухе чувствуется революция, которую так ждали! Мы, вся русская интеллигенция, верим и надеемся, что японцы русских основательно вздуют. Поражение подорвёт у народа доверие к правительству. Кругом чувствуется всеобщее недовольство и слабость правительства. Великую историю переживаешь только раз в жизни. Прекрасные революции приходят лишь раз в сто лет. Какое счастье дожить до неё, готовить её, участвовать в ней! Да здравствует революция!”»

Но ещё до революции в феврале 1904 года происходит неожиданный неравный бой наших крейсера «Варяг» и канонерки «Кореец» против целой японской эскадры возле южных корейских берегов. Кстати, бой этот получался для нас вынужденным и в военном отношении бессмысленным (два наших корабля всего лишь пытались вырваться из бухты Чемульпо) и командование знало, что наши корабли заранее обречены. Скорее это был порыв и жажда отчаянного героизма, чем осмысленные действия, ведь мы не потопили ни одного японского судна..... После вынужденного возвращения в бухту команды покинули суда и были приняты нейтральными военными кораблями наших будущих союзников в Великой войне, а у Варяга открыли кингстоны и затопили, а канонерку Кореец взорвали. (А вскоре рачительные японцы подняли Варяг с неглубокого дна, восстановили и ввели в свой боевой строй.) Однако сам факт сражения и что моряки не сдали корабли японцам вызвал во всём обществе редкий в последнее время патриотический подъём. Уцелевшие моряки принимаются на Родине с необыкновенным энтузиазмом как герои. В Петербурге они присутствуют на торжественном обеде с императором в Зимнем Дворце, затем парадным маршем проходят по Невскому проспекту. На эту тему писались песни, слагались стихи. Даже спустя 60 лет на волне патриотизма (после победы уже над немцами) в первых классах на уроках пения мы разучивали тягучую и печальную песню:

Встреча уцелевших моряков с «Варяга» и «Корейца» в С.-Петербурге. Матросы держат узелки с подаренными им наборами посуды после торжественного обеда в Зимнем Дворце.

*... Миру всему передайте,
Чайки, печальную весть:*

*В битве врагу не сдались —
Пали за русскую честь!..*

*Мы пред врагом не спустили
Славный Андреевский флаг,
Нет! мы взорвали «Корейца»,
Нами потоплен «Варяг».*

Всех грела мысль: «Хоть мы и проиграли бой, но наши моряки всё равно герои!». Тот факт, что мы на ровном месте потеряли два боевых корабля, как-то не замечался.

Более популярной и более бодрой, маршевой была песня «Врагу не сдаётся наш гордый Варяг», которая дошла до нашего времени, и мы слышим эту жизнеутверждающую строчку в боевом кличе незабвенного дяди Мити в войне с женой из пьесы Гуркина «Любовь и голуби».

Дальше пошло хуже. Весной на внешнем рейде Порт-Артура подрывается на mine броненосец «Петропавловск», на котором погибает адмирал Степан Макаров и художник-баталист Василий Верещагин.

Через год – дальнейшее движение к катастрофе. В Цусимском проливе японский флот почти полностью уничтожает русскую эскадру (в составе которой находилось 30 боевых кораблей), переброшенную на Дальний Восток под командованием вице-адмирала Зиновия Рожественского для подмоги осаждённому Порт-Артуру. Но будучи в пути с Балтики почти полгода, они опаздывают. Наши войска уже оставили Порт-Артур и город Дальний.

На суше в Маньчжурии также успехов нет. Правительство вынуждено идти на мирный договор на тяжёлых условиях. Договор подписывается в Портсмуте (США) при содействии президента Теодора Рузвельта. Мы уступали Японии южную половину Сахалина (уже и так занятую ими, с угольными шахтами), свои арендные права на Ляодунский полуостров и Южно-Маньчжурскую железную дорогу (соединявшую Порт-Артур с КВЖД). Корея признавалась японской зоной влияния.

Мандельштам в 30-х писал о восприятии этих событий подростком:

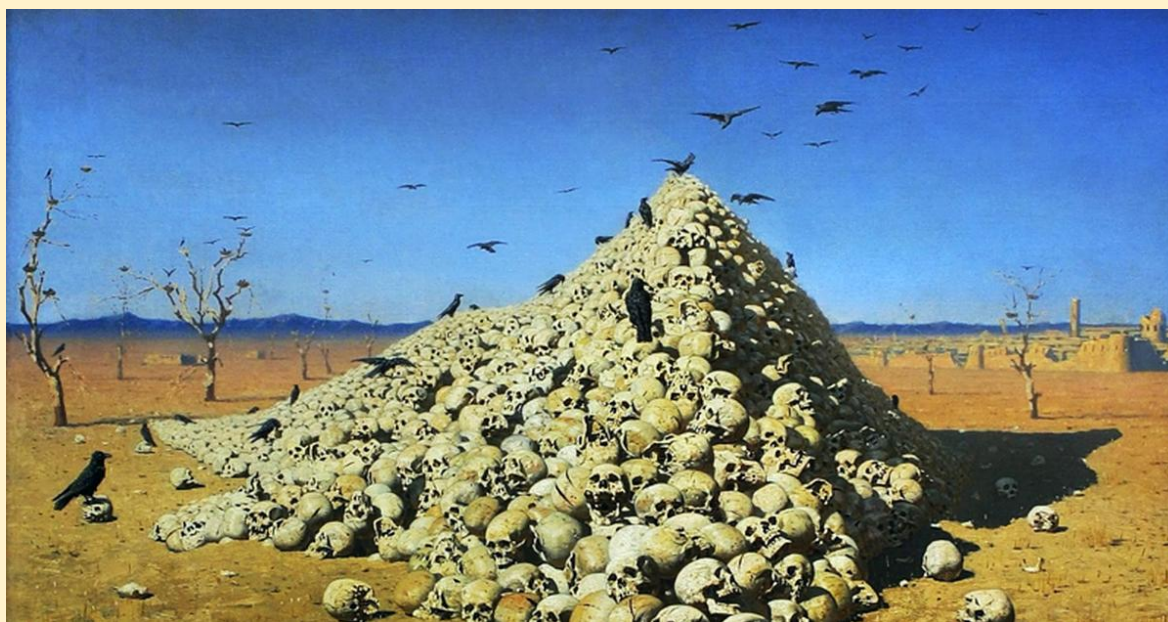
*«... Был от поленьев воздух жирен,
Как гусеница, на дворе,
И Петропавловску-Цусиме
Ура на дровяной горе...».*

(вероятно, надо понимать, что хоть мы и проиграли, но всё равно нам ура).

Это военно-политическое поражение не стало экономической катастрофой для нас, для такой огромной страны, но очень близко к этому. Военно-политический имидж Империи сильно в мире пошатнулся. Нашей экспансии на восток был положен предел. Контролировать 11 часовых поясов от Варшавы и Гельсингфорса до Японского моря стало слишком сложно. Царизм оказался не способен в военном

отношении к защите собственных завоеваний. О новых землях в Маньчжурии и Корее пришлось забыть. Правительство и общество утёрлись и более не возвращались к маньчжурской, корейской и японской теме. Осталась только концессия с китайцами на КВЖД, но при этом в правительстве признаётся необходимым строительство ещё одной ветки железной дороги во Владивосток по северному берегу Амура (которая и до сих пор является нашей основной дорогой на дальний Восток).

Баталист Василий Верещагин. «Апофеоз войны». 1871 г.

Главнокомандующий всеми морскими силами великий князь Алексей, дядя Николая, подаёт в отставку. Поражение удручающе подействовало на настроения в военной среде, но, с другой стороны, отрезвило горячие головы среди командования, заставило понять - насколько опасна оторванность царских политиков от реальной картины мира. Требуется срочная модернизация всего государства. Однако идеи этой модернизации в промышленности и в обществе в целом продвигались со скрипом.

А на карте мира неожиданно для всех появляется новый сильный игрок, императорская Япония, принявшая техническую и военную поддержку Англии и США. Новый центр силы будет портить нам кровь всю первую половину 20-го века. Только что японское общество пережило внутреннюю встряску, похожую на ту, что произвёл Петр I у нас. И если Петр «прорубил окно в Европу», то окружение японского императора сделало то же самое в сторону Америки и Англии. Ведь их современный военный флот с новейшей корабельной артиллерией — включая 6 эскадренных броненосцев и 6 броненосных крейсеров — были построены в Великобритании, Франции и Германии в 1896—1901 годах и по ряду тактико-технических данных (скорость, дальность хода, коэффициент бронирования и т. д.) превосходили стареющие российские корабли. Ведь ещё лет 15-20 назад они не имели понятия о подобном вооружении, о железных кораблях. А самурайское сословие, ратующее за традиционные национальные ценности и самоизоляцию островов, подверглось почти полному истреблению, его остатки выдавлены в свои деревни в горах. Против пулеметов и пушек самурайские мечи и латы оказались бессильны. Закрытость общества от мира проиграла, открытость победила. Очень выпукло и с американским

размахом это показано в фильме «Последний самурай» режиссёра Эдварда Цвика. Но самурайский дух в Японии остался. Китай же, во все времена считающий себя пупом земли, (буквальное самоназвание – «центр земли»), отгородившись от всех стен, ещё дремал.

Поражение в русско-японской войне и условия Портсмутского мира дают знать о себе до сих пор. Владивосток так и не стал новым Сан-Франциско, а Порт-Артур так и не стал Гонконгом, а стал китайским Люйшунем, и мы его потеряли вообще.

В 1931 году японцы вторгаются в Маньчжурию и приглашают последнего цинского императора Пу И восстановить маньчжурское государство, но на самом деле возникает непонятное марионеточное государственное образование Маньчжоу-Го.

И сегодня через Амур нам уже угрожают новые китайцы, которых мы тогда хотели защитить от японцев и освободили от них же в 1945; сами же японцы всё ещё претендуют на наши южные Курильские острова.

Общество в революцию 1905 г.

Ну а что же в столицах? Поражение в войне повергает в уныние разве что ура-патриотов, а, с другой стороны, подогревает радикально-революционные течения в обществе, а также стимулирует ищущую творческую интеллигенцию на поиски иных форм устройства русского общества, других идей для его развития. И эти поиски идут уже давно и иногда приводят к неожиданным результатам.

Так, уже несколько лет смуту в русское общество, в основы православия, вносит граф Лев Толстой, в своих богоискательствах перелопатив все четыре Евангелия в один перевод и написав т.н. «Евангелие от Толстого», послужившее основой для вероучения, известное позже по всему миру как толстовство (Даже Махатма Ганди испытал влияние толстовства.). У него нет уже Иисуса Христа как богочеловека.

Новый учитель *«вычеркнул все строфы о чудесах Спасителя, Которого он считал обыкновенным человеком; толстовское евангелие «по смыслу» кончается смертью Иисуса на кресте, когда Он, «склонив голову, предал дух».* Погребение, воскресение, явление апостолам и вознесение были вычеркнуты им как «ненужные» (его любимое слово), противоречащие его разуму. Толстой превращает христианство в философскую утопию о государстве и о будущем идеальном обществе. Он рисует образ царствия Божия, долженствующего осуществиться на земле. Толстовское евангелие дает такой же утопический образ мира, какой дают описания городов «соляриев» или «утопийцев». Иисус Христос у Толстого не просто фанатик, мечтатель, мученик, идеалист, первый среди равных постигший истину, но и создатель

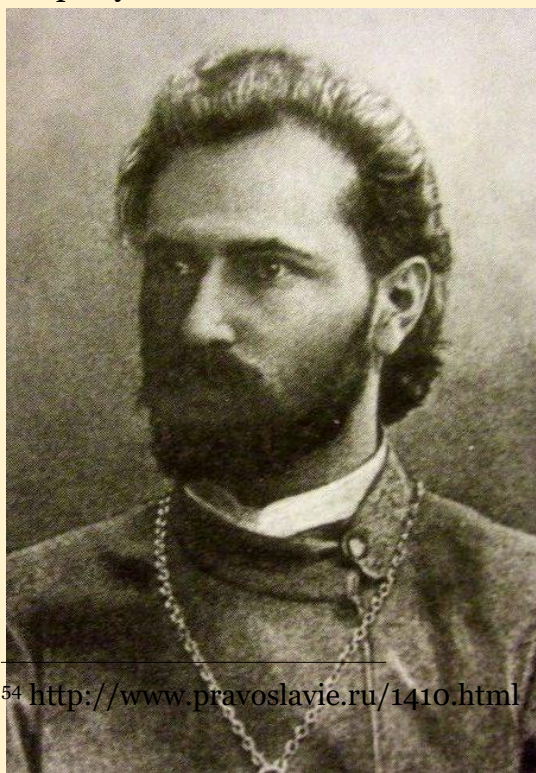

учения о царствии Божием на земле, возвестивший людям о смысле и человеческой жизни, и человеческой истории.»⁵⁴

Также Толстой подвергает острой критике как Русскую Православную Церковь, так и само духовенство, из-за чего в 1901 году публикуется Определение Святейшего Синода об «отпадении» графа Толстого от Церкви (но не об анафеме, как полагают некоторые).

А в самой столице в среде литературной интеллигенции также ищут «новую церковь», даже ставят на себе психофизические опыты. Так подчёркнуто аполитичные Дмитрий Мережковский и его жена Зинаида Гиппиус иницируют мистические и другие рискованные эксперименты по созданию т.н. «Церкви Третьего Завета», которая бы, как казалось им, могла удовлетворить запросы «продвинутой» интеллигенции, выходящие за пределы традиций русского общества. У них дома собираются Дмитрий Философов, Сергей Дягилев, одиозный и эпатазирующий Василий Розанов, другие «ищущие» новый путей из художественной среды Петербурга. Между делом Мережковский пишет цикл романов «Христос и Антихрист», статью «Л. Толстой и Достоевский», где противопоставляет «Божескую правду» Достоевского «человеческой правде» Толстого.

Под влиянием смутных времён течение в обществе «богоискательство» активизируется... Вообще вокруг РПЦ и её места в современном обществе интеллигенция провоцирует резкие диспуты, в том числе даже «разрешённые» и в присутствии самого духовенства, например, епископа Сергия, будущего первого «советского» патриарха. Среди интеллигенции ходят труды недавно умершей путешественницы-философа, основательницы Теософского общества русской дворянки Елены Блаватской, которая критиковала как традиционную религию, так и науку, и вообще рациональные способы познания, утверждая, что знания можно получать напрямую от Учителей человечества. Надо только знать как. А художник-академик

Николай Рерих даже участвовал в спиритических сеансах «столеверчения» с целью освоения метода «автоматического письма», а также установления контактов с Учителями (Махатмами). (Он же позже предпринимает попытки симбиоза идей буддизма и коммунизма, пытался проводить параллели между коммунистической общиной и буддийской.)

Брожение новых идей, поиски путей усовершенствования общества дают свои всходы, и в столице появляется молодой священник из-под Полтавы Георгий Гапон, искренний толстовец, мятущийся между церковью и новыми веяниями в обществе. Он принимает близко к сердцу страдания и нищету рабочих, и одновременно же

⁵⁴ <http://www.pravoslavie.ru/1410.html>

становится осведомителем у Сергея Зубатова, в то время начальника Особого отдела Департамента полиции. Однако, судя по всему, Гапон тщеславен и решает сыграть свою игру - стать лидером в определённой монархически настроенной среде рабочих. С этой целью и с ведома Зубатова он организует для них «чайные» столовые, клубы, где тесно общается с пролетариатом, пытается понять их настроения, даже читает им свои лекции в меру собственного разумения о текущей политике, экономике, возглавлял с 1903 года крупнейшую в столице легальную рабочую организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга».

При всем при этом примат доброго и мудрого монарха в русском обществе не подвергается никакому сомнению, а вот окружающие его челядь, чиновники и губят страну. Именно об этом Гапон и несколько рабочих составляют петицию царю, разъясняя ему суть положения в обществе, смысл их мирных идей и намерений при совершеннейшем неприкосновении монаршей особы. Один из сохранившихся списков петиция начинается так:

«Государь! Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга, разных сословий, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. ... ».

Далее идут требования вполне революционно-демократического характера: Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии; Отделение церкви от Государства; Прекращение войны по воле народа; 8-часовой рабочий день. И т.д. И заканчивается так:

«... Повели и поклянись исполнить их и ты сделаешь Россию и счастливой, и славной, а имя твое запечатаешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, — мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и не зачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу... пусть наша жизнь будет жертвой для страдавшей России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно приносим её!».

Пользуясь всеобщим политическим подъёмом во время стачки на Путиловском заводе в 1905 году, отец Георгий на утро 9-го января организовал многотысячное шествие рабочих из разных концов города в сторону Дворцовой площади для публичной подачи царю петиции, и сам был в составе одной из колонн. Однако вся царская семья уже была в Царском Селе; о чем, вероятно, не знал священник. Судьба шествия хорошо известна и многожды описана.

Горький как всегда эмоционально пишет в очерке «9-е января»:

«...Штыки сильно и неровно дрогнули, испуганно сорвался залп, люди покачнулись назад, отброшенные звуком, ударами пуль, падениями мёртвых и раненых. Некоторые стали молча прыгать через решётку сада. Брызнул ещё залп. И ещё. Мальчик, застигнутый пулей на решётке сада, вдруг перегнулся и повис на ней вниз головой. ...Задние убежали в улицы, во дворы, толпа тяжело отступала, повинувшись невидимым толчкам. Между ею и солдатами образовалось несколько сажень земли, сплошь покрытой телами. Одни из них, вставая, быстро отбегали к людям, другие поднимались с тяжёлыми усилиями, оставляя за собой пятна крови, они, шатаясь, тоже куда-то шли, и кровь текла вслед за ними. Много людей лежало неподвижно, вверх лицом и вниз и на боку, но все вытянувшись, в странном напряжении тела, схваченного смертью ...».

Сотни убитых и раненых, сам организатор легко ранен и чудом спасается – ему помог покинуть улицы эсер Пётр Рутенберг. По дороге его переодели в светскую одежду, остригли, а затем привели на квартиру самого Горького. Некоторое время Гапон прячется на частных квартирах, а затем бежит за границу в Женеву, его «Собрание» разогнано. Дальнейшая его судьба Гапона также незавидна. В Европе он уже знаменитость и примыкает было к эмигрантам эсерам, но работать рядовым членом в коллективе не даёт ему жажда лидерства. Он уходит от эсеров, пытается сам собрать преданных лично ему рабочих в новую организацию, связывается с нелегальными поставками оружия в Россию для восстания, сам нелегально едет в Петербург, скрывается, и в конце концов его находят повешенным на пригородной даче в Озерках, снятой, как оказалось, тем же Петром Рутенбергом.

Деятельность Гапона внесла ещё большую смуту в общество, особенно среди рабочих. Традиционные ценности, в том числе самодержавие в лице царя-батюшки, после 9-го января теряют свою поддержку. Троцкий позже писал о петиции, что

«её историческое значение, однако, не в тексте, а в факте. Петиция была только введением к действию, которое объединило рабочие массы призраком идеальной монархии, — объединило для того, чтобы тотчас же противопоставить пролетариат и реальную монархию, как двух смертельных врагов». (Статья «О девятом января».)

В стране - смута буквально во всех этажах общества, среди интеллигенции, рабочих, военных, даже в самой царской семье. Новые промышленники заигрывают с большевиками и эсерами, художественная интеллигенция – рефлексировать и разделена. Пролетариат слаб, нищ, и стремится лишь выжить. Крестьяне далеко.

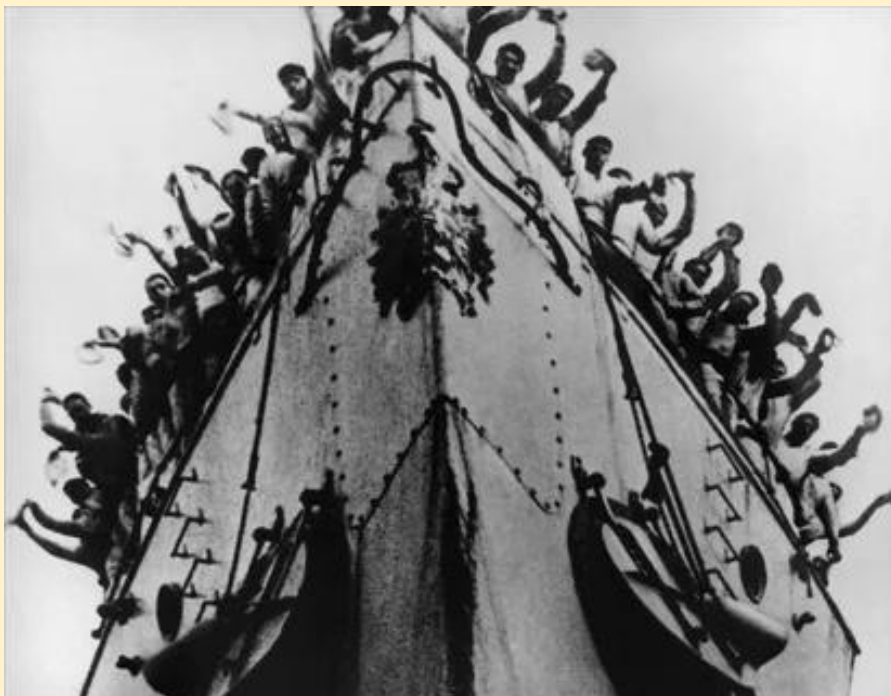
Разложение вековых устоев, запечатлённых в известном призыве «За веру, царя и Отечество», продолжается. Террор со стороны самых отчаянных и не боящихся собственной смерти становится манящим примером – как можно небольшим, но решительным коллективом «новых людей» камикадзе добиваться результата.

И революционные выступления, под неостывшим влиянием расстрела 9 января, продолжаются. Всего через месяц после известий о Цусиме – на рейде Одессы начинается восстание на броненосце «Князь Потёмкин- Таврический», перебиты офицеры, захваченный матросами корабль мечется по Черному морю, наконец, в

румунской Констанце восставшие моряки сдаются местным властям и домой уже не возвращаются. Поставленный через 20 лет фильм Сергея Эйзенштейна по событиям в Одессе «Броненосец Потемкин» с новаторскими художественными решениями в части графики и операторских решений долгое время считался лучшим фильмом в мировом

кинематографе. А лестницу, спускающуюся к морю, по которой в фильме шагали солдаты, расстреливая мирных горожан (чего не было в действительности), одесситы после фильма стали звать Потёмкинской.

Кадр из фильма Сергея Эйзенштейна "Броненосец Потёмкин".

Под действием революционной ситуации и всеобщей забастовки в октябре Николай 2-й скрепя сердце подписывает высочайший Манифест, подготовленный графом Сергеем Витте (кстати, графский титул Витте получил только что за усилия по подписанию не слишком унижительного мирного договора с

Японией).

Уникальный Манифест впервые «даровал» народу свободу совести, свободу слова, свободу собраний, свободу союзов и неприкосновенность личности. Одновременно для законотворческого процесса учреждался новый представительный от общества орган – Госдума, однако, в котором император наделялся правом вето. Т.е. без его утверждения никакой закон не мог вступить в силу или не мог быть отменён.

Правда, об Учредительном собрании в стране – ни слова. Но и без того ликование в обществе было необыкновенным. Сбывались мечты революционеров многих российских поколений, начиная с декабристов. Илья Репин даже написал вскоре картину ликующей толпы, состоящей преимущественно из среднего сословия и интеллигенции. Политзаключённые выпускаются из тюрем и ссылок, кроме террористов (например, членов Боевой организации эсеров), в университетах проходят бесконечные собрания и митинги, из-за границы приезжают политэмигранты, среди них Чернов, Ульянов, Мартов, Струве.... Плеханов же оставался за границей, хотя и призывал к вооружённому восстанию.

Хотя в какой-то степени Манифест напоминал выдержки из конституций других стран, скорее он был похож на билль о правах в Англии - конституционный акт английского парламента, закрепивший завоевания революции 1688-89 годов, расширивший права парламента, гарантировавший свободу слова, парламентских

дебатов и выборов в парламент, запрещавший чрезмерные налоги, штрафы, жестокие наказания. Билль этот действует там до сих и заменяет собой конституцию.

18-го октября, вторник. 1905 г. 18-го октября, вторник.

ВѢДОМОСТИ СПБ. ГРАДОначальства

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
съ доставкой. съ пересылкою.

На годъ	На полъ	На годъ	На полъ
11 руб.	6 руб.	11 руб.	6 руб.
10	5	10	5
9	4	9	4
8	3	8	3
7	2	7	2
6	1	6	1
5	0	5	0
4	0	4	0
3	0	3	0
2	0	2	0
1	0	1	0

LXVII-й годъ изданія.

ТЕЛЕФОНЪ РЕДАКЦІИ № 1450. ТЕЛЕФОНЪ ТИПОГРАФИИ № 36.

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦІЯ: ПЕТЕРБУРГЪ, ВОЛКОВЪ, 11. РЕДАКТОРЪ: ПЕТЕРБУРГЪ, ВОЛКОВЪ, 11. РЕДАКТОРЪ: ПЕТЕРБУРГЪ, ВОЛКОВЪ, 11.

Получено на почту в объявленныя сроки в которых разнесены № 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ:

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи НАШЕЙ великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце НАШЕ. Благо Россійскаго ГОСУДАРЯ неразрывно съ благомъ народнымъ и печаль народная ЕГО печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству Державы НАШЕЙ.

Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ НАМЪ всѣми силами разума и власти НАШЕЙ стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долге, МЫ, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ предначертанныхъ НАМИ къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства.

На обязанность Правительства возлагаемъ МЫ выполненіе непреложной НАШЕЙ воли:

1. Даровать населенію неизбѣжныя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.
2. Не останавливая назначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности,

соответствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣмъ классамъ населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ, засимъ, дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку.

и 3. Установить, какъ неизбѣжное правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ НАСЪ властей.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиною, помочь прекращенію сей неславленной смуты и вѣсть съ НАМИ напроцѣ всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ.

Данъ въ Петергофѣ въ 17 день Октября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же НАШЕГО въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Правда, русская монархия запоздала лет на 200 с лишком, а с ней и весь исторический эволюционный процесс⁵⁵. А британская идет с тех пор конституционным

⁵⁵ Прообраз парламента худо-бедно функционировал в Англии ещё в 13-м веке, эволюционно выйдя из «общего совета королевства», а ещё раньше, в начале века, король и феодалы договорились соблюдать Великую хартию вольностей.

путем, все довольны, и гордятся, что у них есть король (или королева). Если бы подобный манифест издал хотя бы Петр 1-й, кто знает в какой стране жили бы мы сейчас. Для сравнения - в романе Уилки Коллинза «Лунный камень» хозяин дома во время следствия по случаю пропажи у него камня беспокоится, чтобы полиция не оскорбила его слуг даже подозрением на кражу, не унизила бы их достоинства ...(действие происходит где-то в 1860 году)... а у нас в это время своих крепостных слуг помещик мог продать как любой товар, или заporоть до смерти, не считая даже, что они совершают преступления и нарушают заповеди своей же религии (почувствуйте разницу).

И случается очередной русский парадокс – стало ясно, что выпущенный манифест в итоге не устроил никого. Либералы недовольны половинчатостью заявленных реформ, монархисты – тем, что слишком много воли дано интеллигенции и инородцам, и они организуют Союз русского народа для радикальной защиты монархических ценностей, горячо поддержанный правительством вплоть до щедрого финансирования. Наоборот, революционеры-ортодоксы большевики и эсеры, почувствовавшие вкус крови, террора, ощущение власти, когда твой палец на спусковом крючке револьвера - уже не могли остановиться. Провозглашённые свободы были не нужны, нужна уже сама власть.

И Троцкий, пока ещё просто Бронштейн, срочно приехавший из Финляндии, в ударе. Он активно работает в стихийно образовавшемся Петросовете, деятельность которого свелась фактически к одной агитации, в том числе к агитации вооружённого восстания. Но для Троцкого именно этот вид деятельности был самым важным. После ареста в ноябре руководства Петросовета, Троцкий был избран одним из трёх новых сопредседателей. В своём выступлении по этому поводу он обнаружил явную двойственность. Он проявил себя умеренным, выступив против призыва некоторых членов Совета ответить террором на царский манифест (любопытно, что эти предложения были внесены эсерами). В то же время он выступил как экстремист, когда призывал к вооружённому восстанию. Этот призыв был, несомненно, столь же опасен, сколь и бесплоден. Не было ни оружия, ни организации. Для Троцкого это был всего лишь ещё один способ радикализировать таким призывом психологию рабочих масс, но призыв к вооружённому восстанию были явно выше возможностей Совета. По сути, они отражали тот

Восставший Экипаж «Очакова». Лейтенант Пётр Шмидт.

факт, что Совет, по самой своей природе, вообще ничего не может осуществить. Всё это были очевидные суррогаты реальных действий. Троцкий жонглировал словами или, быть может, идеями.⁵⁶ ,

Троцкий и Петросовет призывают не останавливаться, идти к перманентной революции (т.е. безостановочно, без уступок до самого захвата власти).

И в конце октября в Кронштадте – восстание матросов без особых целей и лозунгов, перерастающее в простой пьяный дебош. При подавлении – десятки убитых.

А в ноябре происходит восстание в Севастополе с участием матросов Черноморского флота и солдат Севастопольского гарнизона, рабочих порта и Морского завода. Капитан 2-го ранга Пётр Шмидт, более известный у нас как лейтенант Шмидт, возглавляет восстание на крейсере «Очаков», пытается взять командование всем флотом на себя. После боя с кораблями, верными режиму, он и экипаж «Очакова» были арестованы и по решению военно-морского суда лейтенант Шмидт и ещё несколько человек были расстреляны.

К декабрю власти закрывают несколько революционных газет (Марии Андреевой, Мартова, Троцкого, Милюкова), силой окончательно распускают Петросовет. Многие революционеры опять эмигрируют. Между тем будущий «вождь мирового пролетариата» Ульянов, сам будучи за границей осенью 1905 года, без усталости энергично шлёт своим соратникам духоподъёмные письма и наставляет петербургских революционеров как организовывать боевые отряды, как готовить боевиков, где брать оружие и деньги, учил тактике боёв:

«...Тут нужна бешеная энергия и ещё энергия. Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят больше полгода и ни одной не сделали! А говорят учнейшие люди... ... Основывайте тотчас боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих особенно, и т. д. и т. д. Пусть тотчас же организуются отряды от 3-х до 10, до 30 и т. д. человек. Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т. д.» (так вот кто вдохновил будущих изобретателей «коктейля Молотова»! - ЮП).

... Отряды должны тотчас же начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания, третьи — манёвр или снятие планов и т. д. Но обязательно сейчас же начинать учиться на деле: не бойтесь этих пробных нападений. Они могут, конечно, выродиться в крайность, но это беда завтрашнего дня ... Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избииении городских: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч. Крепко жму руку, товарищи, и желаю успеха.

⁵⁶ <http://rushist.com/index.php/jewry/4832-trotskij-v-russkoj-revoljutsii-1905>

... Отряды должны вооружаться сами, кто чем может (ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, верёвка или верёвочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр. и т. д.).

... Даже и без оружия отряды могут сыграть серьёзнейшую роль: 1) руководя толпой; 2) нападая при удобном случае на городского, случайно отбившегося казака (случай в Москве) и т. д. и отнимая оружие; 3) спасая арестованных или раненых, когда полиции очень немного; 4) забираясь на верх домов, в верхние этажи и т. д. и осыпая войско камнями, обливая кипятком и т. д. При энергии организованный, сплочённый отряд — громадная сила.»

Далее говорит, какого рода могут быть предпринимаемые операции против войск, полиции и чёрных сотен⁵⁷:

«...К подготовительным относится раздобывание всякого оружия и всяких снарядов, подыскание удобно расположенных квартир для уличной битвы (удобных для борьбы сверху, для складов бомб или камней и т. д. или кислот для обливания полицейских и т. д. и т. д., а также удобных для помещения штаба, для сбора сведений, для укрывательства преследуемых, помещения раненых и т. д. и т. д.).

... Начинать нападения, при благоприятных условиях, не только право, но прямая обязанность всякого революционера. Убийство шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, освобождение арестованных, отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания, — такие операции уже ведутся везде, где разгорается восстание, и в Польше и на Кавказе, и каждый отряд революционной армии должен быть немедленно готов к таким операциям.

... Отряды революционной армии должны тотчас же изучить, кто, где и как составляет черные сотни, а затем не ограничиваться одной проповедью (это полезно, но этого одного мало), а выступать и вооружённой силой, избивая черносотенцев, убивая их, взрывая их штаб-квартиры и т. д. и т. д.»

В двух небольших отрывках три прямых призыва к убийствам. Прямой терроризм и экстремизм в чистом виде. Хотя самого «вождя», бегающего по крышам с кипящим чайником, что-то не замечали.

А в Москве происходит почти стихийное, без особого плана и надежды на победу декабрьское вооружённое восстание рабочих и безработной молодёжи, а точнее

⁵⁷ Черносотенцы — разнообразные представители крайне правых организаций в России в 1905—1917 годах, выступавших с позиций русского национализма под лозунгами самодержавия и православия. Их группы проповедовали реакционные, контрреволюционные и антисемитские лозунги и нападали на революционеров.

боевиков и дружинников, снабжённых нелегальным оружием, где в большей цене революционная честь и демонстрация духа, чем реальные боевые достижения. Скорее это смотр сил.

Максим Горький - в Москве, в гуще событий. Он пишет:

"Сейчас пришёл с улицы. У Сандуновских бань, у Николаевского вокзала, на Смоленском рынке, в Кудрине - идёт бой. Хороший бой! (NB! - ЮП) Гремят пушки - это началось вчера с трёх часов дня, продолжалось всю ночь и непрерывно гудит весь день сегодня. Рабочие ведут себя изумительно. Вообще - идёт бой по всей Москве!" –

пишет он в письме П. Пятницкому. Горький очень рад, ведь сбываются его предсказания о грозе, писанные в его белых стихах ещё в 1901 Годы: *«Пусть сильнее грянет буря!»* И первые раскаты грома грянули. И он не просто наблюдатель, он добывает деньги, и даже хранит у себя в московской квартире оружие. А ведь он уже один из ведущих русских писателей, развивающий пока ещё романтически-философские темы. Он хорошо известен в мире, по его пьесам ставятся спектакли, в восточном Берлине после войны даже создадут театр его имени, который существует до сих пор (<https://www.gorki.de/>).

Философии непротивления, психологии покорности Горький противопоставляет правду о свободном Человеке, отвергающем унижающую человека сострадательную ложь. Свои мысли об этом Горький вложил в уста Сатина из пьесы «На дне». Он говорит о великих возможностях человека и человечества, которые своими руками, своей мыслью создадут жизнь будущего: *«Человек – вот правда... существует только человек, всё же остальное – дело его рук и его мозга! Че-ло-век! – Это великолепно! Это звучит гордо!»*. Главным объектом его писаний остаётся сам человек, хотя под влиянием событий 1905 года он пишет роман «Мать», о матери молодого революционера, которая сама постепенно освобождаясь от вековых предрассудков становится в первые ряды борцов с режимом. *«Очень своевременная книга!»* - лично похвалил писателя Ульянов, до тех пор относящийся к нему как к романтику-идеалисту. Потом, в 30-х, когда в идеологии утвердился термин «социалистический реализм», Горький будет считаться первым, кто применил этот метод в работе над книгой. Ну и, как вы догадываетесь, - роман стал обязательным для советской школы в курсе литературы.

Интересно, что декабрьское восстание в Москве обошлось, кажется, вообще без уже известных лидеров и бомбистов... «Любопытно, что лидеры эсеров Виктор Чернов и Борис Савинков, руководители большевиков Владимир Ленин и Леонид Красин в дни восстания в Москве почему-то не появились. Владимир Ильич находился на конференции РСДРП в Финляндии. *«С каким подъёмом она прошла! — писала позднее жена Ленина, Надежда Крупская. — Это был самый разгар революции, каждый товарищ был охвачен величайшим энтузиазмом, все-- готовы к бою. В перерывах учились стрелять»*. Неужто и Ленин палил из браунинга?»

<https://moslenta.ru/city/1905.htm>

Почему же они не на баррикадах? А вот Илья Эренбург, будучи тогда гимназистом, - именно на баррикадах. Он вспоминает всеобщий подъём:

«Шёл бурный пятый год. Богословская аудитория университета превратилась в зал для митингов. Я часто туда убежал. Рядом со студентами сидели рабочие. Мы пели «Марсельезу» и «Варшавянку». Курсистки раздавали прокламации. По рукам ходили огромные шапки с запиской: «Жертвуйте на вооружение». ... Мы таскали камни наверх, в аудиторию: если враг прорвётся, мы его забросаем камнями. Развели костры; жевали бутерброды с колбасой и до утра пели: «Смело, друзья, не теряйте бодрость в неравном бою!...» Мне тогда ещё не было пятнадцати лет, и легко понять, что бодрости я не терял. Помню похороны Баумана.

Когда мы возвращались с кладбища, раздались выстрелы. Помню казака с серьгой в ухе и с нагайкой. Помню декабрь: тогда впервые я увидел кровь на снегу. Я помогал строить баррикаду возле Кудринской площади. Никогда не забуду Рождества — тяжёлой, страшной тишины после песен, криков, выстрелов. Чернели развалины Пресни.»⁵⁸

Действительно, к Рождеству все «успокаиваются». Наступает затишье. Средний класс мрачен, интеллигенция настроена на эмиграцию.

Владимир Зыгарь: «Забастовка заканчивается, снова работает водопровод, идут поезда. В обеих столицах – демонстрации, половина - с портретами императора, вторая – с красными флагами; одни поют гимны, другие – революционные песни. «Те и другие бесчинствуют, учиняют насилие над прохожими, которые не снимают шапок.», вспоминает губернатор Джунковский. Полиция не вмешивается.»⁵⁹

Иван Владимиров. «На баррикадах в 1905 году». Из фонда Музея революции в Москве. Изображение: Михаил Филимонов / РИА Новости.

На улицах продаются вчера ещё запрещённые газеты – Искра и другие. В самой столице революционерами создаётся стихийный Петербургский совет депутатов трудящихся, но у него – только возможности агитации.

Примерно с этого времени и до конца жизни уступчивый Горький становится полезным инструментом в руках тех,

⁵⁸ Илья Эренбург. «Люди. Годы. Жизнь». Т. 1.

⁵⁹ Владимир Зыгарь. «Империя должна умереть».

кто жёстче, решительнее и сильнее его. В начале нового 1906 года Горький с гражданской женой актрисой Марией Андреевой уезжают в США по заданию РСДРПб собирать средства на дальнейшую борьбу, на нужды этой партии. На общих писательских встречах они общаются с Марком Твенем, Гербертом Уэлсом, ставшим впоследствии почти другом писателя. Правда, в пуританской тогда Америке не обходится без скандалов. Журналисты раскапывают, что писатель и Андреева не состоят в браке, и что у него есть законная жена Екатерина, хотя Горький и Андреева представляются именно как супруги. Отношение к ним резко меняются, их даже грубо выселяют из нью-йоркской гостиницы «Бельклер», другие гостиницы тоже закрывают двери. Писатель получает даже письма с угрозами от местных блюстителей нравов. Положение спасает семья американцев Мартинов, почитателей писателя, и предоставляет им жильё на севере штата в горах Адирондака. Там же Горький и дописывает свою «Мать».

У революции не оказывается лидеров. Священник Георгий Гапон убит, Савинков бежит из-под ареста в Румынию, Ульянов переезжает с семьёй в Финляндию, Троцкий арестовывается и ссылается в Сибирь, откуда бежит в Европу. Крайне точно о наступивших мрачных 1906-07 годах пишет Михаил Шишкин⁶⁰:

«1 октября 1906 Лидия в эйфории сообщает в Цюрих из Аткарска о разгромах помещичьих усадеб: «Экспроприации по всей губернии! Наш народ самый чудесный на свете! Его душа – чистый анархист в самом кропоткинском смысле этого слова! Абсолютное игнорирование закона, полное отсутствие самого понимания законности. Экспроприации происходят с той естественностью, с которой это могут делать только люди, у которых в голове нет никакого сдерживающего представления о собственности, о своём и чужом, а есть только коммунистические инстинкты.»

Но очень скоро в её письмах всё сильнее начинают звучать ноты разочарования. Она ждёт начало всеобщей революции с минуты на минуту, её задача – организовывать боевые крестьянские дружины и поднимать восстания, но революционная волна не только не поднимается, но и наоборот, идёт на убыль. Столыпин жёсткими мерами успокаивает страну и готовит свои реформы. Среди революционеров, благодаря работе провокаторов, происходят массовые аресты.

«Снег уже сошёл, - пишет Лидия Брупбахеру в марте 1907 года, - а вместо восстаний – сеют. И в этом году, чуёт моё сердце, не будет никакой революции! Наша программа – призывать к непосредственным восстаниям на местах – это одно. А крестьянская жизнь, похоже, совсем другое. Как только начинается сев или уборка урожая, весь революционный пыл у крестьян исчезает, все, от мала до велика, в полях. Их главная забота – обеспечить своё ежедневное выживание, сегодня, а не социалистическая республика завтра.»

⁶⁰ Михаил Шишкин. «Кампанила св. Марка».

Она задумывается о русских женщинах, о простых крестьянках, которых нужно поднять на борьбу с царским режимом:

«Я сравниваю себя с этими бабами. Им некогда думать о спасении человечества, им некогда заботиться о счастье народа, им нужно спасать свою семью, детей, думать о том, чем их прокормить. Моя главная забота - вложить всю мою душу в работу по их освобождению, и закрадывается мысль: а вдруг моя душа вовсе им не нужна? Какие грустные мысли приходят среди бессонных ночей.»»

В одном из последующих писем говорится о том, что крестьяне смешивают экспроприацию с грабежом.

«Всё растаскивается по домам, а в усадьбах оставляют следы варваров. Я была в одной такой усадьбе – всё разграблено, портретам проколоты глаза, повсюду, во всех мыслимых и немыслимых местах кучи кала. Господи, откуда в моем народе столько кала?! У меня совсем другое представление о нашей революции»⁶¹.

Её всё сильнее отвращает брутальность, с которой происходят революционные акции. Она рассказывает в октябре того же года:

«Вырезали всю помещичью семью – двух детей, мальчика и девочку. Не пожалели и доктора, который с ними в этот момент находился, и бонну – француженку, но, кажется, кстати, приехавшую из Швейцарии. Убеждаю себя, что так нужно, что без крови и насилия великих революций не бывает. Но именно всё дело в том, что я должна себя в этом убеждать... Мне сейчас так тяжело, любимый мой! Такая в людях ненависть! А теперь прибыла из Саратова расстрельная команда, и расстреляли мужиков из ближайшей деревни, не особенно разбираясь, кто виноват, а кто нет. И всеобщая ненависть только растёт. И снова мне приходится убеждать себя, что мы переживаем прекрасную великую эпоху и что это насилие – последнее насилие.»

В её письмах всё сильнее чувствуется разочарование в «эксах»:

«Если это насилие зальёт всю страну, трудно будет его остановить. Для этого потребуется ещё большее насилие. Как страшно.»

Также мрачен и Горький во время упомянутого визита в Нью-Йорк вместе (ввиду необычности текста, характеризующего самого писателя, придется привести длинную цитату):

«Издали город кажется огромной челюстью, с неровными, черными зубами. Он дышит в небо тучами дыма и сопит, как обжора, страдающий ожирением.»

⁶¹ Сравните цитату с оценкой этих событий Сапожковым, стр. 42-43.

Войдя в него, чувствуешь, что ты попал в желудок из камня и железа, — в желудок, который проглотил несколько миллионов людей и растирает, переваривает их.

Улица — скользкое, алчное горло, по нему куда-то вглубь плывут темные куски пищи города — живые люди. Везде — над головой, под ногами и рядом с тобой — живёт, грохочет, торжествуя свои победы, железо. Вызванное к жизни силою Золота, одушевлённое им, оно окружает человека своей паутиной, глушит его, сосёт кровь и мозг, пожирает мускулы и нервы и растёт, растёт, опираясь на безмолвный камень, всё шире раскидывая звенья своей цепи.

Как огромные черви, ползут локомотивы, влача за собою вагоны, крикают, подобно жирным уткам, рожки автомобилей, угрюмо воет электричество, душный воздух напоен, точно губка влагой, тысячами ревущих звуков. Придавленный к этому грязному городу, испачканный дымом фабрик, он неподвижен среди высоких стен, покрытых копотью...

Я впервые вижу такой чудовищный город, и никогда ещё люди не казались мне так ничтожны, так порабощены. И в то же время я нигде не встречал их такими трагикомически довольными собой, каковы они в этом жадном и грязном желудке обжоры, который впал от жадности в идиотизм и с диким рёвом скота пожирает мозги и нервы.

О людях — страшно и больно говорить.

Вагон «воздушной дороги» с воем и грохотом мчится по рельсам, между стен домов узкой улицы, на высоте третьих этажей, однообразно опутанных решётками железных балконов и лестниц. Окна открыты, и почти в каждом из них — фигуры людей. Одни работают, что-то шьют или считают, наклонив головы над конторками, другие просто сидят у окон, лежат грудью на подоконниках и смотрят на вагоны, каждую минуту пробегающие мимо их глаз. Старые, молодые и дети — все одинаково безмолвны, однообразно спокойны. Привыкли к этим стремлениям без цели, привыкли думать, что тут есть цель. В глазах нет гнева против владычества железа, нет ненависти к его торжеству. Мелькание вагонов сотрясает стены домов, вздрагивают груди женщин, головы мужчин; на решётках балконов валяются тела детей и тоже дрожат, привыкая принимать эту отвратительную жизнь как должное, неизбежное. В мозгах, которые всегда встряхивают, вероятно, невозможно мысли плести свои смелые, красивые кружева, невозможно родить живую, дерзкую мечту.

Вот промелькнуло тёмное лицо старухи в грязной кофте, растёгнутой на груди. Уступая дорогу вагонам, замученный, отравленный воздух испуганно бросился в окна, седые волосы на голове старухи затрепетали, точно крылья серой птицы. Она закрыла свинцовые, погасшие глаза. Исчезла.

В мутных внутренностях комнат мелькают железные прутья кроватей, покрытых лохмотьями, грязная посуда и объедки пищи на столах. Хочется увидеть цветы на окнах, ищешь человека с книгой в руке. Стены льются мимо

глаз, точно расплавленные, они текут грязным потоком навстречу, в быстром беге потока тягостно копошатся безмолвные люди...». (статья «Город Жёлтого Дьявола»).

Что это с Горьким? Просто жуть берёт от этих описаний. Какой-то город морлоков. А ещё больше от тональности и стилистики писателя, от болезненных образов и эпатажных выражений. Видимо, у писателя было плохое настроение в эти дни, или что-то с желудком. Или проблема с отелом, откуда их с Андреевой буквально выставили? Горький сетует, что у ньюйоркцев *«нет гнева... нет ненависти к его (города –ЮП) торжеству»*. Да, ненависти у них в жизни не хватает. Непорядок.

В этом же декабре 1905 года случается ещё одна русская беда – царская семья лично, через приживалок и епископа Феофана, знакомится с «божьим человеком Григорием» Распутиным, неведомо как оказавшимся в столице, случайным человеком из Тобольской губернии, ищущим применения своим неординарным психическим способностям. Подорванное последними событиями (революция, гемофилия наследника, отсутствие по-настоящему близких людей) монаршее семейство прониклось к «старцу», обладавшем, по-видимому, психоаналитическими способностями и, возможно, природным владением технологией типа NLP⁶². А «старцу» всего 36 лет, он по-сибирски здоров, могуч, самоуверен, нагл, честолубив, но внешне крайне скромен и благочестив. В то же время знает, чего хочет, видимо, славы и обожания. И он не был интеллигентом, что сильно импонировало простодушному царю, крайне не любившему слишком умных. (Кстати, говорят, Распутин – не фамилия, а прозвище его отца, отличавшимся крайним распутством). «Старец» в разговоре с царской семьёй общается простым народным языком, даёт христианскую надежду болящим и, главное, говорит то, что они хотят услышать – о любви к ним простого народа, что смута идёт от интеллигенции, студентов и инородцев, и т.д. Царь и царица, любящие друг друга и преданные семье, мнительные, в постоянной тревоге из-за болезни (гемофилии) единственного наследника Алексея, но фанатично верящие в своё предназначение помазанников Божьих, ведущих народ (который их, безусловно, «любит») по пути веры и благочестия – уже оторвались от действительности, не общаясь с простым народом, и живут в мире представлений, внушаемых им самым ближайшим окружением придворных, льстивых министров. Распутин с ласковыми и простыми речами пришёлся как нельзя кстати. Царица очарована им и его обращением и полна всяческих надежд. Но самое главное – «старец», вероятно, обладал экстрасенсорными способностями и действительно облегчал болезненное состояние цесаревича. И он не медлит внедриться в царскую семью с её многочисленными проблемами.

(Кстати, говорят, свою гемофилию цесаревич Алексей унаследовал от своей английской родни - прабабки Виктории, которая передаётся по женской линии, но поражает мужчин.)

Художник Юрий Анненков позже делится личным впечатлением от «старца», случайно оказавшись с ним за одним столом:

⁶² Нейро-лингвистическое программирование в эриксоновской психологии - метод вербального влияния на психику и здоровье людей через специально построенную речь. К этому близки народные заговоры.

«... Вульгарная примитивность этого сибиряка, которому удалось проникнуть в императорскую семью, была нескрываемая. Его средневековый успех не доказывал ничего другого, кроме интеллектуального упадничества двора, придворных и аристократии. В этом смысле распутинская эпопея чрезвычайно показательна.

.... Жирные, липкие волосы, грязные ногти. Только его глаза, слишком близкие один к другому, почти прилипшие к переносице и назойливо пристальные, могли, пожалуй, объяснить его гипнотическую силу. Он, несомненно, сознавал эту свою физическую особенность и умел извлекать из нее довольно блистательные эффекты.»

Воля царской семьи словно парализуется «старцем». Всем это очевидно, все недовольны, особенно в отношении царицы; после начала войны 1914 года сразу припомнят её немецкое происхождение (на самом деле немец - её отец Людвиг, мать – Элис, дочь королевы Виктории). Пьер Жильяр, преподаватель царевен и невольный очевидец жизни царской семьи, пишет:

«Народная доверчивость, которой он чрезвычайно ловко умел пользоваться, поспешила признать в нем пророка, одарённого сверхъестественными свойствами и имеющего силу творить чудеса.

Карикатуры на «семью» в русских газетах начала Великой войны.

Для того, чтобы понять столь быстрое увлечение, надо отдать себе отчёт в той страшной силе внушения, которою обладал Распутин, и в лёгкости, с которой народное русское воображение поддаётся прелести чудесного.

... Распутин вскоре приобрёл огромное влияние на новых поклонников. Он сделался обычным завсегдатаем некоторых гостиных высшего петербургского общества и даже был принят некоторыми членами Императорской семьи, которые пели о нем хвалебные гимны Императрице. Большого ему и не было нужно, чтобы сделать последний шаг. Распутин был введён ко Двору через

приближенных Её Величества и по личной рекомендации архимандрита Феофана. Этот факт не следует забывать, ибо в течение многих лет он ограждал его от нападков его противников.

Мы видели, как Распутин, воспользовавшись отчаянием, наполнявшим душу Императрицы, сумел связать свою жизнь с жизнью Цесаревича и таким образом приобрести всё большую власть над матерью. Каждый раз его вмешательство как будто вызывало улучшение в здоровье ребёнка и тем самым усиливало его обаяние, увеличивая вместе с тем и веру в силу его заступничества.

Однако по прошествии известного времени Распутин как будто опьянел под влиянием своего внезапного возвышения. Он счёл свое положение достаточно прочным, бросил осторожность, которую соблюдал на первых порах своего пребывания в Петербурге, и вновь стал предаваться излишествам. Но делал он это с большой ловкостью, так что долгое время вводил многих в заблуждение насчёт своей личной жизни. Власть его была чисто психической и основывалась на вере. **Над теми, кто хочет верить, власть иллюзии безгранична...**⁶³

28 Января
1897 года.

Переписной листъ
ФОРМА В.

ПЕРВАЯ ВСЕОБЩАЯ ПЕРЕПИСЬ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ

Губернія: С. Петербургская
на основании ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ 5 Іюня 1895 года.

Учленъ:
Уваровъ Александръ

Городъ: Царское Село
Дворецъ: Александровскій

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
ФИЛІАЛЪ (присоединеніе) или въ отнесеніи къ ИМЕНИ, или изъ отнесенія.	Въ мѣстѣ родившійся или умершій.	Въ мѣстѣ присоединенія или отнесенія къ своему имени.	Сколько мѣсяцевъ прожилъ или прожила.	Датѣ рожденія, или смерти.	Сколько лѣтъ, мѣсяцевъ или дней.	Вѣкъ или возрастъ.	Вѣкъ или возрастъ.	Вѣкъ или возрастъ.	Вѣкъ или возрастъ.	Вѣкъ или возрастъ.	Вѣкъ или возрастъ.	Вѣкъ или возрастъ.	Вѣкъ или возрастъ.	Вѣкъ или возрастъ.	Вѣкъ или возрастъ.
1. Романовъ Александръ Александровичъ.	Импер. Царское Село.	28. 12.	Импер. Царское Село.	Въ 12 лѣтъ.	12.	12.	12.	12.	12.	12.	12.	12.	12.	12.	12.
2. Романовъ Александръ Александровичъ.	Импер. Царское Село.	28. 12.	Импер. Царское Село.	Въ 12 лѣтъ.	12.	12.	12.	12.	12.	12.	12.	12.	12.	12.	12.
3. Романовъ Александръ Александровичъ.	Импер. Царское Село.	28. 12.	Импер. Царское Село.	Въ 12 лѣтъ.	12.	12.	12.	12.	12.	12.	12.	12.	12.	12.	12.

Подпись лица записывающаго листъ: Николай

Надпись съ вѣдомствомъ: Съ Императорскими Высочайшими въ Царское Село. Александръ Александровичъ.

⁶³ Пьер Жильяр. «Император Николай II и его семья».

Действительно, распутинская «власть иллюзии» со временем обретает такую силу, что даже назначение ключевых министров не обходится без его деятельного участия, так по крайней мере утверждали злые языки. И политическая жизнь Империи на самом верху идёт в разнос. И, пока ещё никому неизвестный «старец» делает свои первые шаги на известном поприще, массовые революционные выступления затихают.

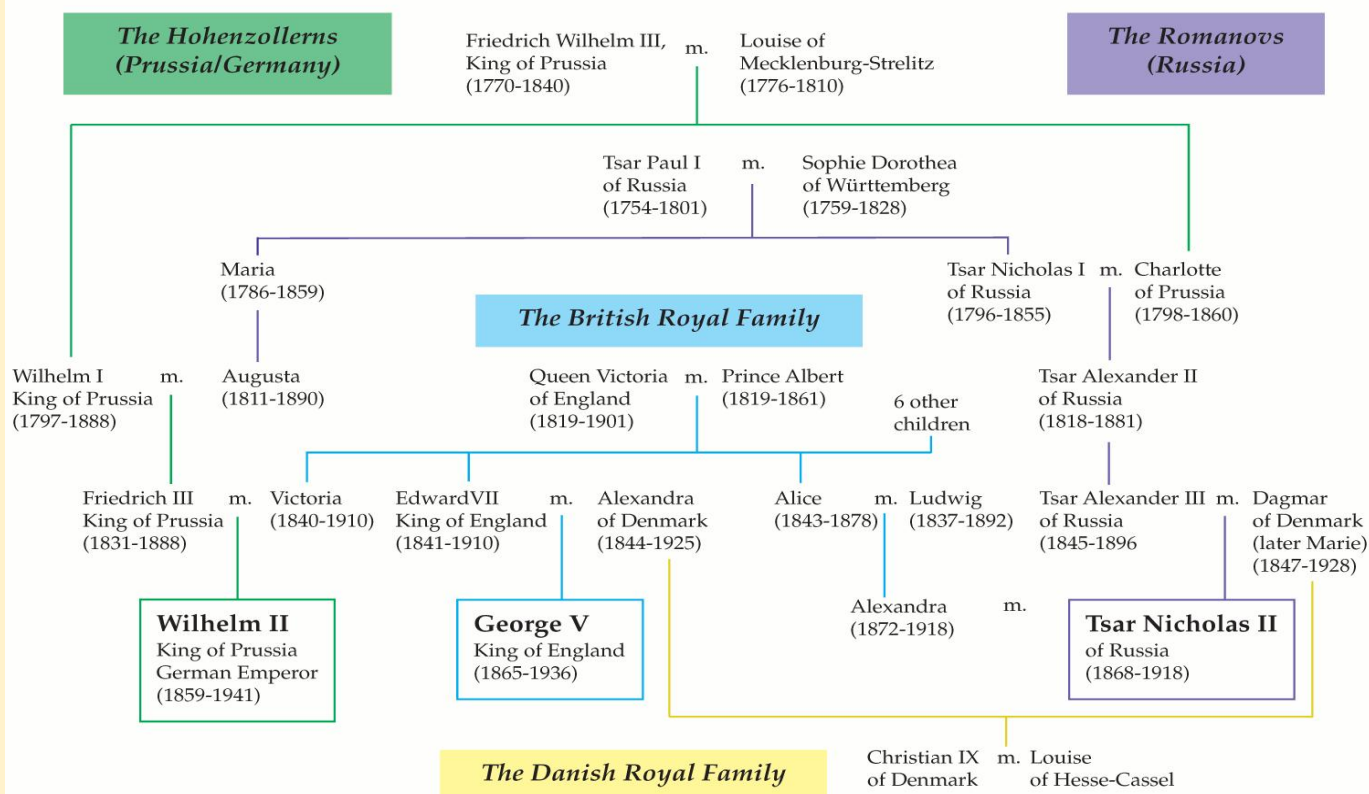
Здесь уместно и очень интересно увидеть из переписного листа Первой Всеобщей Переписи населения Российской Империи кем считают себя сами венценосные особы. В графе «занятия, ремёсла, ...» они пишут «Хозяин земли Русской» и «Хозяйка земли Русской», и в последней графе он - «Землевладелец», она – «Попечительница домов» и ещё – «Трудолюбие». Трудно сейчас сказать, что они имели в виду.

Все устали. Хочется мира и обычной мирной жизни. Как писали в наших учебниках – наступила реакция (что за реакция? - думали мы в школе). Все затаились.

Россия – открытая страна

Между тем Россия – полноправная часть Европы и находится в контексте европейской жизни. Царский Двор ездит в гости к своим родственникам, они к нам (к ним!). Наша царственная чета и монархи Великобритании, Дании и Германии «дружат семьями», а по сути - все они где-то наполовину одна семья,

HOW GEORGE, NICHOLAS AND WILHELM WERE RELATED A Royal Family Tree

Фамильный лес датских, немецких, русских и английских королевских династий (можно увеличить таблицу).

потомки королевы Виктории («бабушки Европы»; с её 9-ью детьми это неудивительно). Георг V (мы по немецкой привычке называем его Георг, хотя он, конечно, Джордж, George) приходится кузеном сразу Николаю и Вильгельму. Наша царица приходится кузиной сразу Георгу и Вильгельму. Тем не менее вскоре они будут воевать между собой так, что положат миллионы своих подданных.

Вслед за монархами дворяне и даже беглые революционеры из нашей империи с необыкновенной лёгкостью свободно ездят по республиканским Парижам, Цюрихам, Каннам и Ниццам. Дворяне ездят туда как к себе или к соседу на дачу – посорить деньгами, покутить, полечиться «на водах», очень редко – для учёбы. Например, помещик Владимир Ленский путешествовал по Европе, учился в университете Гёттингена, и про него потом скажут, что

«Он из Германии туманной

Привёз учёности плоды:

Вольнолюбивые мечты,

Дух пылкий и довольно странный, ...».

(Вероятно, и здесь Пушкин опередил всех, приведя первым в литературе пример российского дворянина, учившегося в Европе.)

А к концу 19-го века идеи, финансы, люди, товары свободно перетекают туда и обратно. Оттого то туда сразу бросались и скрывались разного рода революционеры (по поддельным документам), в том числе беглые каторжники и поселенцы – Луначарский, Ульянов, множество других притесняемых готовить революцию на тихих берегах Женевского озера. А Герцен и Огарёв в Лондоне уже давно быют в «Колокол». Другие же, как скажем российские социалисты, устраивают в европейских столицах совещания, съезды и конференции. Или просто отсиживаются. И обратно - французы победнее приезжают в богатые российские семьи к нам на заработки гувернёрами и боннами. Швейцарцы – швейцарами (откуда и слово, по одной из версий).

Россия – открытая страна и полноправная часть Европы и европейской жизни. Оттуда текут к нам последние идеи в политике и социальном устройстве, машины, моды, технические новинки, туда – сырье, революционеры, деньги на прожигание жизни, на устройство балов.

Рисунок Ахматовой Модильяни.

Антрепренёр Сергей Дягилев устраивает в европейских столицах «Русские сезоны» и балует западных ценителей прекрасного цветом русского театрального искусства – привозит на их сцены Фёдора Шаляпина, Михаила Фокина, Вацлава Нижинского, Анну Павлову, Тамару Карсавину, Матильду

Кшесинскую. Русский балет поражает европейцев своей экспрессией, красочностью. И до сих пор, как известно «... даже в области балета / мы впереди планеты всей», как поёт Юрий Визбор. Также Европа знакомится с нашими художниками-авангардистами Шагалом, Бакстом, Малевичем, Врубелем, Кандинским.

Анна Ахматова путешествует по Европе, позирует своему другу художнику Амадео Модильяни. Константин Станиславский разрабатывает метод актёрской техники, впоследствии признанный и известный в мире как система Станиславского (Stanislavski's system), и применяется до сих пор. Пётр Чайковский с успехом разъезжает со своими концертами в Америке. Князь Мышкин поправляет пошатнувшееся психическое здоровье в швейцарских клиниках, Горький после поездки в Соединённые Штаты с 1906 года поселяется вместе с Марией Андреевой на 7 лет на чудном итальянском острове Капри. Ювелирное искусство Петербургской фабрики Карла Фаберже поражает современников своим мастерством и роскошью и ценится, и покупается коллекционерами и монаршими дворами Европы. До сих пор часть из всех императорских пасхальных яиц (всего их около 50-ти) хранится в коллекциях Европы и США.

Около десятка российских писателей (включая Горького и Толстого) номинируется на Нобелевскую премию по литературе, но в конечном итоге отклоняются по разным причинам. Купцы и промышленники Третьяков, Щукин, Морозов, Рябушинский, Коновалов проникаются силой искусства и вкладываются в собрания художественных ценностей из Европы и меценатствуют. Иван Цветаев (отец Марины и Анастасии) организует Музей изящных искусств.

Россия считается в европейской семье своей, хотя и по-своему странной, и загадочной, но своей, значимой, богатой и сильной в военном отношении, и, главное, предсказуемой, с понятными ценностями, с единой религией. Европейские монаршие дома считали удачей партии своих принцесс с русскими наследниками короны (собственно, датские и немецкие, другие не проходили по конкурсу).

Начиная с преследования остатков наполеоновских войск русской армией до Парижа, ни один серьёзный политический вопрос в Европе не решается без участия России. Так в 1904—1907 годах складывается— военно-политический блок России, Великобритании и Франции под названием «Антанта» (согласие) в качестве противовеса зарождающемуся «Тройственному союзу» Германии, Австро-Венгрии и Италии, а затем и Четверному союзу (добавилась Турция).

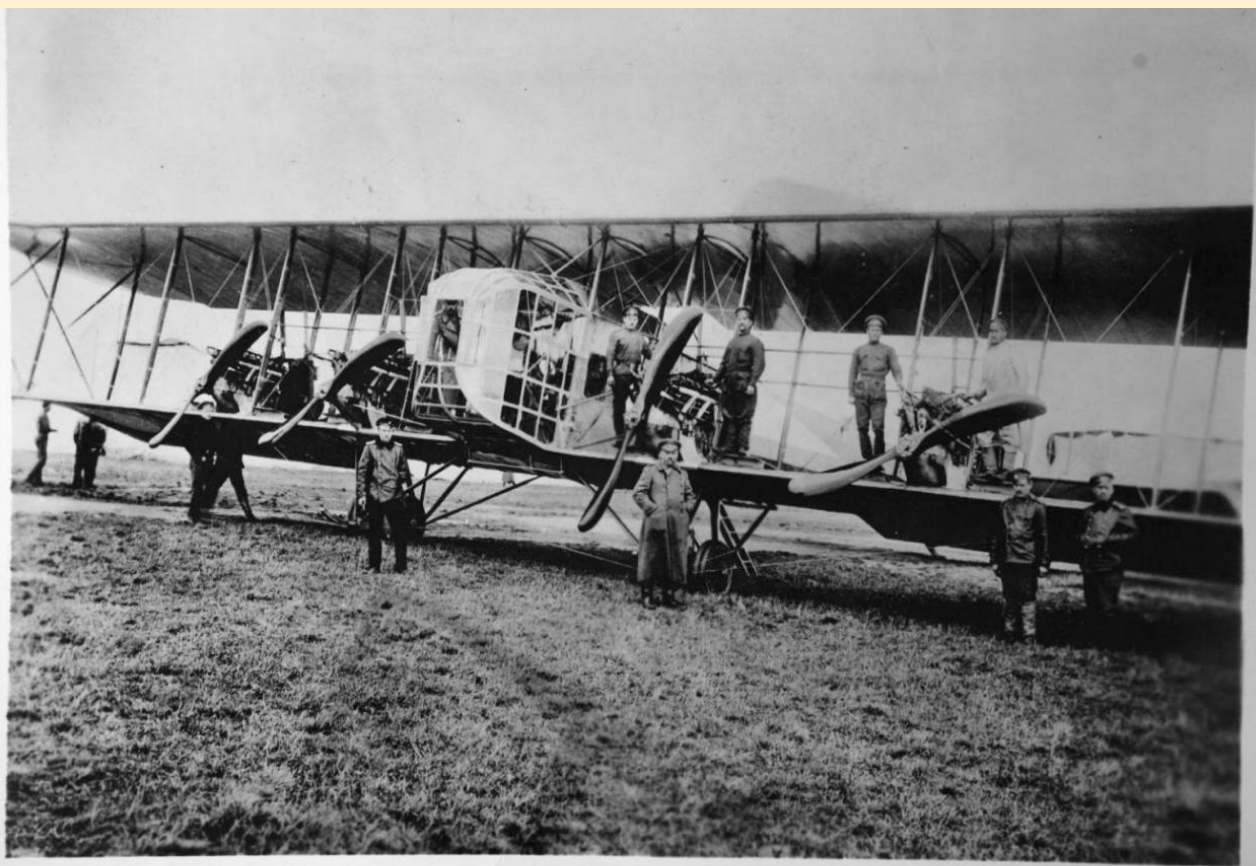
И технический прогресс в России не отставал - Александр Попов конкурирует с итальянцем Маркони за изобретение радио, Зелинский изобретает противогаз.

Александр Можайский проектирует и строит первый в России и один из первых в мире натурных самолётов. В 1913 -1914 годах Игорь Сикорский строит первый в мире четырёхмоторный самолёт «Русский витязь», затем тяжёлый четырёхмоторный бомбардировщик «Илья Муромец», который после доработки становится первым в мире пассажирским самолётом (правда, с немецкими двигателями). Впервые в истории авиации он оснащается отдельным от кабины комфортабельным салоном, спальными комнатами и даже ванной с туалетом.

Самолёт устанавливает несколько мировых рекордов по грузоподъёмности, при этом пилотировал самолёт сам Сикорский. Авиаконструктор Андрей Туполев, ученик пионера русской авиации Николая Жуковского, строит и испытывает свой первый планёр, участвует в построении аэродинамической трубы в ИМТУ (Императорское Московское техническое училище, будущее МВТУ).

Закономерно, что в 1900-м году Россия принимает участие в международной промышленной выставке в Париже, где нам выделена самая большая экспозиционная площадь, а Дмитрий Менделеев является вице-президентом Международного жюри.

"Ilya Mourometz E" - 1914

Русские авиаторы-первопроходцы возле самолёта «Илья Муромец».

Как раз накануне Всемирной выставки открылся через Сену мост, заложенный ранее в ознаменование Франко-русского союза императором Николаем II и названный в честь отца — императора Александра III (так он называется и до сих пор и экскурсоводы говорят, что он был подарен Россией Франции). Всего за экспонаты выставки наши получили более 1500 медалей и призов.

Имена учёных и инженеров Лодыгина, Сеченова, Бехтерева, Докучаева, Лебедева, Столетова, Яблочкова, Тимирязева, Менделеева становятся известными в мире. Труды математиков Лобачевского, Ковалевской, Ляпунова, Чебышева, Стеклова знает весь математический мир.

Физиолог Иван Павлов становится первым Нобелевским лауреатом из России (термин «собака Павлова» до сих пор используется в мировой физиологии). Вторым – физиолог Илья Мечников, правда, работая в Париже.

Полярник Александр Колчак прокладывает через льды северный морской путь на Восток. Безвестный глуховатый провинциальный учитель Константин Циолковский пропагандирует выход на около солнечную орбиту искусственного тела при помощи многоступенчатых ракет на реактивной тяге. В Баку начинают добычу первой нефти при помощи иностранных специалистов. С 1909 года на Русско-Балтийском вагонном заводе в Риге начинается выпуск легковых автомобилей «Руссо-Балт». Транссибирская железнодорожная магистраль протянута до Маньчжурии, переходит в КВЖД и достигает Тихого океана. На рубеже веков наши инженеры и полярники создают технический проект первого в мире ледокол «Ермак» арктического класса и заказывают его строительство на верфях в Ньюкасле, Англия. Корабль исправно таранил наши льды до 1963 года, пока у нас не появился ледокол с атомной установкой на борту.

Российские спортсмены принимают участие в мировых и европейских чемпионатах, в Олимпийских играх. Летом 1908 года в Лондоне проходят IV Олимпийские игры, в которые впервые был включен зимний вид спорта - фигурное катание. И в этой дисциплине российский фигурист Николай Панин впервые в нашей истории завоёвывает золотую олимпийскую медаль в разряде «специальные фигуры». Больше таких соревнований не проводилось, а нашего спортсмен по приезде домой власти едва не отправили в Сибирь, т.к. госслужащим было запрещено участие в каких-либо спортивных соревнованиях.

В то же время развивается русская общественная мысль. Бурно цветёт поэзия и проза, распадаясь на течения символизма, акмеизма, модернизма, футуризма, кубофутуризма. Этот период назовут «Серебряный век русской литературы». Диапазон тем, жанров и разнообразие приемов в литературе Серебряного века поразительны. Ниций Александр Грин пишет о вечной надежде на счастье – «Алые паруса», а Леонид Андреев «Рассказ о семи повешенных», «Чёрный человек». (Кстати, его сын Даниил Андреев, мистик, уже в наше время выпустит мистическую книгу «Роза Мира»).

Александр Блок весел и оптимистичен (пока):

О, я хочу безумно жить:

*Всё сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!*

*Пусть душит жизни сон тяжёлый,
Пусть задыхаюсь в этом сне,-
Быть может, юноша весёлый
В грядущем скажет обо мне:*

*Простим угрюмство — разве это
Скрытый двигатель его?*

Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество! 1914.

Философы Флоренский, Бердяев, Шестов, Хомяков, Соловьёв создают собственные мировоззренческие системы. Андрей Белый создаёт первый в Европе модернистский роман «Петербург», опередив в этом жанре Джеймса Джойса на несколько лет. И что характерно, в основе сюжета романа — бомбисты, предчувствие революции, признаки распада государства и падение его столицы.

Однако именно в технической области страна чувствует себя не столь уверенно, как в поэзии и литературе, и по множеству отраслей (химии, электротехнике, моторостроении) Россия отстаёт от лучших показателей европейских стран и Америки. Россия всё ещё не может считаться развитой индустриальной страной, мы всё ещё сельскохозяйственная держава. Нам нужна модернизация, и очень быстрая, отчасти потому, что из Европы опять потягивает порохом.

Министр финансов Сергей Витте призывает: *«Международное соперничество не ждёт. <...> Медленный рост промышленности может затруднить выполнение великой международной задачи России, ослабить её могущество, повлечь за собой политическую и культурную отсталость России...»*. Позицию модернизации поддерживает и русский учёный, химик и метролог Дмитрий Менделеев: *«Замереть России — гибель. Ограниченный рост промышленности непригоден нашему народу. Народ по здравому инстинкту сознает, что, идя помаленьку, мы никогда не догоним соседей, а надо не только догнать, но и перегнать»*.⁶⁴ (Что-то знакомое по хрущёвским плакатам. Некоторые социологи говорят, что слишком навязчивое стремление кого-то догнать свидетельствует о психологической неполноценности догоняющего.) Он же, Менделеев, тесть Блока, видит во сне таблицу элементов и потом рассказывает, в чём её смысл. Ещё ранее он, как химик, доказывает, что 40 градусов для водки — самое оптимальное соотношение. Потребители и физиологи в мире признали, и признают до сих пор, что «менделеевское» число градусов обеспечивает наилучшую её питкость.

Россия — открытая страна. Поэт Николай Гумилёв путешествует по Африке как свободный человек на свой страх и риск, собирает этнографические коллекции древностей. Писатель Евгений Замятин вспоминает о своей молодости как он проводил время:

«... Зимой — Петербург, летом — практика на заводах и плавание. В эти годы — самое лучшее из моих путешествий: Одесса — Александрия (Константинополь, Смирна, Салоники, Бейрут, Яффа, Иерусалим, Порт-Саид).» Люди свободно путешествуют.

Появляется поветрие среди членов революционных партий — брать себе псевдонимы, что отчасти объясняется и вопросами конспирации и заматания следов. Мода передаётся и писателям. Вслед за Алексеем Пешковым, ставшим Максимом

⁶⁴ <https://epoha-nikolaya-2.ru/imperator-nikolaj-ii-i-kurs-na-industria/>

Горьким ещё в 1892 году, Ефим Придворов становится Демьяном Бедным, Мордхай-Маркус Ландау - Марком Алдановым, Николай Кочкуров - Артёмом Весёлым. Появляются подобные опыты и в образовании имён: начинающий писатель Николай Корнейчуков становится Корнеем Чуковским, и даже дети его официально Корнеевичи. Гораздо позже Михаил Булгаков осмеёт странную тенденцию, назвав молодого поэта Ивана у себя в известном романе — Бездомным, а председателя жил-товарищества дома № 302-бис по Садовой улице Никанором Босым.

Вместе с тем в России по-прежнему существует черта осёдлости для еврейского населения за исключением нескольких категорий, в которые в разное время входили, например, купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, отслужившие рекруты, ремесленники, приписанные к ремесленным цехам (так в Нижнем Новгороде появляется Моисей Свердлов, гравёр, печатник из Полоцка), - это тоже разделяет страну. Фактически черта осёдлости прекратила существование на втором году Великой войны, когда МВД разрешило в виду чрезвычайных обстоятельств военного времени проживание еврейских семей в городских поселениях вне этой черты, за исключением столиц. Совсем эта норма была отменена Временным правительством после Февральской революции.

Как реакция на прошедшую революционную бурю в стране множатся монархические группы и общества по типу «Союза русского народа» с лозунгами православного, монархического характера, антисемитской и вообще антиинородческой направленности, которые получили общее название черносотенцы (хотя исторически этот термин восходит к низовым русским ополчениям Минина времён смутного времени). Звучат призывы «Россия для русских» и более радикальные. Инородцы вообще и еврейское население объявлялись врагами православия. Но не только лозунгами и шествиями занимались черносотенцы – погромы в южных областях не уходили в прошлое, наоборот, их масштаб увеличивался, а дикий кишинёвский погром 1903 года с десятками жертв отозвался на страницах многих мировых сми (эти наши избиения получили такую огласку, что слово pogrom поселилось, например, в английских, французских словарях наряду с терминами massacre, mass slaughter и др., короче, резня.)

При таких настроениях стал неудивителен неожиданный арест киевского приказчика Менахема Бейлиса в 1911 и обвинение его в ритуальном убийстве православного отрока Ющинского, тело которого со множеством ран было обнаружено в городе незадолго до этого. Обвинение инициировалось и поддерживалось рядом крайне правых политиков и чиновников, включая даже министра юстиции Ивана Щегловитова. И только через два года начался сам судебный процесс, активно сопровождаемый как активной антисемитской кампанией, так и общественными протестами всероссийского и мирового масштаба.

С крайне резкой критикой преследования Бейлиса выступил Владимир Короленко, опубликовавший свой протест «К русскому обществу (по поводу кровавого навета на евреев)», к которому присоединились и подписали десятки русских писателей, учёных и других деятелей. Не без этой помощи общественности Бейлис был оправдан, и вскоре вместе с семьёй уехал из России сначала в Палестину, затем в США, где написал

и издал свою версию своего дела. И эта история никак не способствовала созданию образа России как просвещённой и свободной страны.

(Интересно, что ещё раньше с 1894-го по 1906 год почти аналогичный процесс потрясал и раскалывал французское общество, когда Альфред Дрейфус, офицер генштаба еврейского происхождения, был ложно обвинён в шпионаже в пользу Германии (был подставлен), осуждён на пожизненную каторгу, отбывал, но под давлением левых сил дело было пересмотрено и Дрейфуса помиловали, а затем и полностью оправдали. Он был восстановлен в армии, служил и после войны даже получил орден Почётного легиона. Что ж, Франция тоже не показала себя здоровым обществом, особо стойким к националистическим бациллам.)

Средства РСДРПб

Между тем многие революционеры, в том числе бежавшие из ссылок и поселений, скрываются в это время в Европе. К началу Великой войны Ульянов (Ленин) с надеждой Крупской уже давно проживают именно там и с 1908 года вообще не бывали в России. (Интересно, в то же время и в той же Швейцарии живёт и работает другой молодой революционер-эмигрант из Германии – Альберт Эйнштейн, только в другой области – физике, он тоже разрушает её старый фундамент, но тут же участвует в создании нового здания физической науки, существующего до сих пор. Ульянов же методично пишет пока только о разрушении государства. Может, они даже сталкивались где-нибудь в Цюрихской библиотеке, или пивной?)

Но на что же и на какие средства пьют пиво там наши революционеры?

Случалось, что в своё время на Родине они жили в ссылках на казённые средства. О том, какова была их жизнь ранее в сибирской ссылке в енисейском селе Шушенском, рассказывает, например, сама Надежда Крупская, с которой Ульянов обвенчался в 1898 году в Петропавловском храме в том же селе (иначе Крупскую не пускали к нему в ссылку):

«... Правда, обед и ужин был простоват — одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест; как съест — покупали на неделю мяса, работница во дворе в корыте, где корм скоту заготавливали, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю. Но молока и шанег было вдоволь и для Владимира Ильича, и для его собаки, прекрасного гордона — Женьки, которую он выучил и поноску носить, и стойку делать, и всякой другой собачьей науке ... В октябре появилась помощница, (наняли за рубль пятьдесят в месяц) тринадцатилетняя Паша, худющая, с острыми локтями, живо прибравшая к рукам всё хозяйство»⁶⁵.

Совсем неплохо для узника ненавистного царизма. Да и детским трудом семья «вождя мирового пролетариата» не гнушается. Кроме того, мать и тёща помогают молодым деньгами. Но не всем ссыльным выпадал такой комфорт. Да это и не каторга. Беломорские каналы и золото в шурфах на Колыме их рыть не заставляли. Более того,

⁶⁵ Н.К.Крупская. «Воспоминания о Ленине».

государство оплачивало ссыльным съём ими жилья и пропитание. Видимо, чтобы они не занимались грабежом или попрошайничеством. АиФ пишет:

«... В разных районах Сибири жили ссыльные Иосиф Сталин, Яков Свердлов, Михаил Фрунзе, Глеб Кржижановский и другие революционеры. Для обеспечения ссыльных царское правительство платило каждому на содержание около 8 рублей в месяц, чего вполне хватало.»⁶⁶

Европейскую же «ссылку» царизм не оплачивал, и иммигранты крутятся как могут. Они пишут статьи в европейских социал-демократических изданиях, за гонорары и без, дискутируют на съездах и партконференциях, читают и мечтают о революции в России, да и во всей Европе, для чего выискивают все средства, какие только возможно. А живёт Ульянов, как, вероятно, и остальные иммигранты, на средства РСДРПб.

Откуда же берёт средства сама партия? Ведь вынужденных политэмигрантов уже набирается сотни, если не тысячи. Тем же вопросом задаётся австрийско-немецкая исследовательница-славист Элизабет Хереш, говоря в основном об Ульянове:

«Но за счёт чего живет революционер, который обычно кормится добровольными и недобровольными «пожертвованиями для партии», если вдруг этот денежный поток останавливается? Мать Ленина, уже в преклонных годах, высылает ему свою пенсию, которую получает от царя (и это, кажется, не оскорбляет революционного достоинства); тёща, которая совсем недавно умерла, оставила небольшое наследство; гонорары за доклады и публикации представляют ещё один источник дохода. То, что Ленин с супругой месяцами отдыхают в Швейцарских горах, а Надежда Крупская может позволить себе сделать операцию на щитовидной железе у лауреата Нобелевской премии Теодора Кохера, служит доказательством того, что о Ленине не стоит беспокоиться даже в это время.»

Средства для этого он, конечно, получает неофициально — и по большей части от Парвуса⁶⁷: так, например, крупную сумму в виде якобы «дотации на книгу» от «Союза освобождения Украины» через посредников тех государств, которые в этой акции больше всего заинтересованы, то есть Австро-Венгрии и Германии. С этой суммы он финансирует свою новую газету «Дер Социал-демократ». Кескюла⁶⁸ тоже направляет Ленину через русских посредников деньги на большевистские публикации антирусской направленности. Они печатаются немецкими властями и в небольших объемах, выпускаются в

66

https://aif.ru/society/history/mesta_otdalyonnye_i_ne_stol_kogo_i_za_chto_v_rossii_soslali_v_sibir

⁶⁷ Александр Парвус, урожденный Израиль Гельфанд, предприниматель, переехавший из западных областей России в Европу. Ухитрялся быть одновременно коммерсантом, авантюристом и революционером с невероятной энергией.

⁶⁸ Александр Кескюла, эстонский национал-революционер, близко работавший в Европе с русскими эмигрантами.

Швейцарии, затем репродуцируются в Германии и через фронт попадают в Россию.»⁶⁹

Так было в основном во время Великой войны. Но уже давно существуют и другие источники средств. Эту тему профессор РГГУ, германист Борис Хавкин в статье «Немецкие деньги для русской революции» поясняет так:

«Основные источники финансирования русской революции: партийные взносы, спонсирование, экспроприации, коммерческая деятельность партий, лотереи, поддержка из-за рубежа. Были и экзотические способы добывания денег для революции: женитьба на богатых наследницах, обращение состоятельных дам в «революционную веру» и распоряжение их капиталом, завладение крупным наследством и пожертвования средств на дело партии. Впрочем, существенно влиять на материальное положение революционных партий такие источники финансирования, как коммерческие браки, лотереи, издательская деятельность, конечно же, не могли. Кошелёк революции пополнялся главным образом за счёт денег «спонсоров» и путем совершения уголовных преступлений. Революционные партии материально поддерживали банкир и меценат С.П. Рябушинский, мануфактурищик А.И. Коновалов, предприниматель А.И. Ермасов, промышленник и благотворитель С.Т. Морозов. Одним из финансистов революции был владелец лучшей в России московской мебельной фабрики Н.П. Шмит. Морозов и Шмит покончили жизнь самоубийством, а значительная часть их капитала досталась большевикам. Деньги также «добывались» в результате экспроприаций, а проще — грабежей банков, почтовых отделений, вокзальных касс. Во главе партийных «экс» стояли Камо и Коба — С.А. Тер-Петросян и И.В. Джугашвили (Сталин).»

Конечно, этими двумя персонажами список, конечно, не ограничивается, добавим сюда хотя бы Леонида Красина, руководителя Боевой группы при ЦК РСДРП. О том же сообщает Марк Алданов в очерке «Сталин», приводя способы обогащения его партии:

«Первый способ был старый, классический, освященный традицией, которая через века идет от предприимчивых финикиян... Способ этот заключался в подделке денег. Первоначально была сделана попытка организовать печатание фальшивых ассигнаций в Петербурге при содействии служащих Экспедиции заготовления государственных бумаг. Но в последнюю минуту служащие, с которыми велись переговоры, отказались от дела. Тогда Ленин перенес его в Берлин и поручил, в величайшем от всех секрете, «Никитичу» (Красину). Однако маг и волшебник большевистской партии, так изумительно сочетавший полное доверие Ленина с полным доверием фирмы «Сименс», оказался на этот раз не на высоте своей репутации. Или, вернее, на высоте своей репутации оказалась германская полиция. Раскрытое ею дело вызвало в ту пору немало шума. *«Спрашивается, как*

⁶⁹ Элизабет Хереш. «Купленная революция. Тайное дело Парвуса».

быть с ними в одной партии? Воображаю, как возмущены немцы», — с негодованием писал в частном письме Мартов. Чичерин (в ту пору ещё большевик) потребовал назначения партийной следственной комиссии. Ленин охотно согласился на строжайшее расследование дела, организованного по его прямому предписанию. Глава партии имел основание рассчитывать, что концы прекрасно спрятаны в воду. Однако Чичерин неожиданно проявил способности следователя. Заручившись серией фотографий своих товарищей по партии, он представил их тому немцу, которому была заказана бумага с водяными знаками, годная для подделки ассигнаций. «При предъявлении фабриканту карточки Л.Б.Красина он признал в нем то лицо, которое заказало ему бумагу с водяными знаками... Когда расследование Чичерина добралось до этих «деталей», Ленин встрепнулся и провёл в ЦК постановление о передаче расследования заграничному бюро ЦК, в котором добытые Чичериным материалы, разумеется, бесследно погибли».

Второй способ, изобретённый Лениным для пополнения партийной кассы, был гораздо менее банален. Скажу о нем лишь весьма кратко: Ленин поручил своим товарищам по партии жениться на двух указанных им богатых дамах и передать затем приданое в большевистскую кассу. Дело было сделано артистически: оба большевика благополучно женились, но заминка вышла после свадьбы: один из счастливых мужей счел более удобным деньги оставить за собою. Забавно то, что по делу этому состоялся суд чести, — рассказ о нем я слышал от одного из судей, не большевика, человека весьма известного и безупречного. Впрочем, независимо от суда Ленин довольно недвусмысленно грозил в случае неполучения денег подослать убийц к не оправдавшему его доверия товарищу. Об этом глухое указание (вполне совпадающее со слышанным мною рассказом) есть в изданных не так давно письмах Мартова. Краткое, зато весьма живописное упоминание обо всей этой истории сохранилось и в рассказе самого Ленина. В. Войтинский в своих воспоминаниях пишет:

«Рожков передавал мне, что однажды он обратил внимание Ленина на подвиги одного московского большевика, которого характеризовал как прожженного негодяя. Ленин ответил со смехом:

— Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится. Вот вы скажите прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошёл. Это человек незаменимый».

(Верно — незаменимые негодяи, циничные и беспринципные, согласные за деньги на любую грязную «работу», всегда приветствовались этой партией. — ЮП).

Но матримониальный способ пополнения кассы был, разумеется, лишь вспомогательным. Главное своё внимание вождь большевиков после провала первой революции устремил на то, что тогда игриво называлось «эксами» или «эксациями» (в брошюрах того времени часто употребляется и глагол «эксировать»). В этой области ближайшим сотрудником и правой рукой Ленина стал уже в ту пору весьма известный кавказский боевик, по революционной кличке «Коба», он же «Давид», он же «Нижерадзе», он же «Чижиков», он же «Иванович», он же нынешний всемогущий русский диктатор Иосиф Виссарионович Сталин-Джугашвили.»

Тот же Алданов в романе «Самоубийство» дополняет:

«...Были и ещё другие поступления в кассу. Какой-то англичанин сдуру, под обещание Горького, положившись на его славу, дал партии в 1907 году немалую сумму займы с обязательством вернуть ему долг через полгода. Англичанин давно жалобно просил о выполнении обязательств. Ленин назвал эти требования «ростовщичеством». Долг был возвращён после октябрьской революции, да и то не сразу после неё, а в 1922 году. Появились и «матримониальные деньги». Таратута и Андриканис с полной готовностью женились на сёстрах Шмидт. Ленин женихов никак не идеализировал. Называл лучшего из двух «сутенёром». Но, по-видимому, надеялся, что они хоть часть приданого отдадут партии. Действительно, «сутенёр» отдал больше двухсот тысяч франков, за что после революции был вознаграждён, хотя и не очень щедро: получил какую-то незначительную должность, работал при французских коммунистах в России — официально переводчиком, а по уверению одного из них, наблюдателем из ЧК. С другим женихом вышло гораздо хуже.

Он уехал с молодой женой в Париж, там «буржуазно переродился» и убедил жену, что передавать партии наследство её брата незачем. Ему грозили убийством, говорили, что выпишут кавказских боевиков. В конце концов он согласился на «суд чести», с тем чтобы судьями были люди из других партий или же беспартийные. Этот «суд чести» состоялся; львиная доля приданого осталась за молодожёном, но всё же и от него кое-что перепало в партийную кассу. Таким образом, деньги должны были в кассе быть. На восстания они не отпускались, новое восстание было признано безнадежным. Партийные журнальчики стали платить гонорары. Однако

требования с разных сторон шли немалые. Они иногда раздражали Ленина. Троцкий «хочет устроить на наш счёт, негодяй, всю тёплую компанийку «Правды»!» — сердито писал он в редакцию газеты «Социал-демократ».

То есть упомянутые здесь экспроприаторы являлись попросту грабителями. Эта тема всплывает, например, в рассказе Фазиля Искандера «Пир Валтасара», где в Грузии в 30-е годы на ночном пиру в духе восточных сатрапий молодой местный танцор Сандро случайно встречается взглядом с хозяином застолья, «с отцом

Учётная карточка Иосифа Джугашвили (Сталина).

всех племён и народов» Сталиным. И прошлое мгновенно накрыло их обоих, одного животным страхом, другого давним подозрением. Они оба вспомнили случайную очень

давнюю встречу в горах, где совсем мальчишкой, Сандро пас коз и вдруг неожиданно увидел, что

«в нескольких шагах от него по тропе проходил человек и гнал перед собой навьюченных лошадей. Услышав треск кустов, человек дёрнулся и посмотрел на голубоглазого отрока с такой злостью, с какой на него никогда никто не смотрел. В первое мгновение мальчику показалось, что ярость человека вызвана неожиданностью встречи, но и успев разглядеть, что перед ним только мальчик и козы, человек ещё раз бросил на него взгляд, словно какую-то долю секунды раздумывал, что с ним делать: убить или оставить. Так и не решив, он пошёл дальше и только дёрнул плечом, закидывал карабин, сползавший с покатого плеча.

Человек шёл с необыкновенной быстротой, и мальчику почувствовалось, что он оставил его в живых, чтобы не терять скорость Но в самое последнее мгновение, ещё шаг – и скроется за кустом, он опять вскинул карабин, сползавший с покатого плеча и, оглянувшись, поймал мальчика глазами. Мальчику почудился отчётливый шёпот в самое ухо:

– Скажешь – вернусь и убью...

Симон Тер-Петросян (Камо) во время ареста в 1909 году.

<https://masterok.livejournal.com/2975007.html>

Через день до Чегема дошли слухи, что какие-то люди ограбили пароход, шедший из Поти в Одессу. Грабители действовали точно и безжалостно. Мало того, что их возле Кенгурска ждал человек с заранее купленными лошадьми, они сумели склонить к участию в грабеже четырёх матросов. Ночью они связали и заперли в капитанской каюте самого капитана, рулевого и нескольких матросов. Спустили шлюпки, на которые погрузили награбленное, и отплыли к берегу. К вечеру следующего дня трупы четырёх

матросов нашли в болоте возле местечка Тамыш. Через день нашли ещё два трупа, до полной неузнаваемости изъеденные шакалами. Было решено, что грабители поссорились между собой, и двое, оставшиеся в живых, увезли груз неизвестно куда или даже погибли в болотах. И всё-таки ещё через несколько дней, уже совсем недалеко от Чегема, нашли труп ещё одного человека, убитого выстрелом в спину и сброшенного с обрывистой атарской дороги чуть ли не на головы жителей села Наа, упрямо расположившимся под этими обрывистыми склонами. Труп сохранился, и в нем признали человека, месяц назад покупавшего лошадей в селе Джгерды.».

Устрашённый мальчишка никому не сказал о незнакомце, и автор задумывается:

«... а скажи он вовремя отцу о человеке, который прошёл по нижнечегемской дороге, вся мировая история пошла бы другим, во всяком случае не нижнечегемским путем.»

Мировая – да, а СССР бы точно пошёл другим путем? Вряд ли. Ведь в спину Джугашвили дышали такие же троцкие, зиновьевы, дзержинские, охочие до власти ... И их оказалось в нашей стране тьма.

Самым громким и крупным делом экспроприаторов считается, вероятно, ограбления Тифлисского банка 13 июня 1907 года, точнее нападение среди бела дня на 2 банковских фаэтона, вёзших большую сумму в сам банк и сопровождавшихся эскортом полиции и казаков.

Алданов там же, в «Самоубийстве», пишет: «... С крыши дома на углу площади и Сололакской улицы была брошена первая бомба, за ней последовали другие, бросавшиеся с разных сторон, тотчас началась отчаянная пальба из револьверов — и наступил хаос, в котором уже было никак не до диспозиций. Из-за дыма почти ничего и не было видно. Люди рассыпались по сторонам кто куда мог.

С Гановской улицы на площадь примчалась пролётка Камо. Держа вожжи левой рукой, он стоял на подножке, стрелял во все стороны из револьвера и выкрикивал страшные Ругательства. По «диспозиции» ему полагалось схватить в первом фаэтоне мешок с деньгами. Но и найти фаэтон было нелегко. Странным образом он остался цел. Кассира и счётчика выбросило силой взрыва на мостовую, казак был убит. Камо почти никогда в жизни не терялся и уж никак не мог бы растеряться в тех случаях, когда действовал по определённому приказу. Ни малейших сомнений он не испытывал ни до экспроприации, ни после нее: Ленин постановил, Никитич помогал, Коба организовал, — значит, о чем же тут судить? (Никитич – кличка Леонида Красина, будущего Народного комиссара внешней торговли РСФСР. -ЮП). Думать вообще было не его делом. Теперь на площади он действовал почти исключительно по инстинкту. Быть может, он единственный был совершенно спокоен, несмотря на грохот бомб, на пальбу, на дикие крики. Отчаянно кричал и ругался он не от злобы или волнения, а просто потому, что это входило в технику таких дел: так в старину конница неслась в атаку с воем и с рёвом.»

Нападавших (все грузины) во главе с Симоном Тер-Петросяном (Камо), захватили мешки с наличностью и скрылись. На месте никого задержать не удалось, однако в дальнейшем, как пишет Юрий Емельянов,

«...аресты проходили как в России, так и за её пределами. Этому помогло то обстоятельство, что номера 500-рублевых похищенных ассигнаций были помечены⁷⁰. Как только большевики попытались обменять эти

⁷⁰ По другим источникам эти номера были просто заранее переписаны, что было, вероятно, обычной банковской практикой тех лет для крупных ассигнаций.

ассигнации за рубежом, за ними устанавливалась слежка местной полицией, действовавшей в согласии с полицией России. Поэтому значительная часть участников нападения и их помощников была арестована. При попытке сбыть эти ассигнации во Франции были арестованы будущий нарком иностранных дел СССР М. Литвинов, Ф. Ямпольская, Я. Мастерс, С. Равич (будущая жена Г. Зиновьева) и другие. Сам Камо был арестован в Берлине в ноябре 1907 года (О пребывании его в Моабитской тюрьме мы уже упоминали на стр. 56 -ЮП). В то же время после ареста в марте 1908 года Сталину не было предъявлено обвинений в участии в налёте на Эриванской площади...»⁷¹

Всех похищенных денег (всего около 250 тысяч рублей) полиция так и не нашла. Они были переправлены в Петербург и растворились в партийных руках и явочных квартирах.

В связи с необыкновенной жестокостью и числом жертв тифлисское дело получило мировую огласку, некоторые зарубежные газеты писали о 50-ти раненых, включая смертельно раненых (в том числе как полицейских, казаков и работников банка, так и случайных прохожих).

Подобные «робингуды» считались очень ценными товарищами для партии, их «приключения» окружались флёром героики, тайны, революционной романтики и товарищеским почитанием. А в советское время деятельность подобных налётчиков за освобождение простого народа романтизировалась в воспоминаниях партийцев, них писались восторженные книги, ставились фильмы. О самом Камо и его деяниях сняты несколько картин, например, «Последний подвиг Камо», 1973 год, - последняя часть кинотрилогии. При этом о многочисленных неизбежных попутных жертвах среди того самого простого народа никто не парился. Лес рубят ...

Конечно, подобные спецоперации не могли быть осуществлены без одобрения и планирования самого ЦК РСДРПб и кавказского смотрящего Джугашвили...

Хотя его прямого участия в тифлисском деле не доказано (правда, через два дня он срочно скрывается из Тифлиса в Баку, взяв жену и сына Якова⁷²), но в 1918 году один из лидеров меньшевиков, как известно осуждавших «эксы», Юлий Мартов заявлял о причастности Сталина к «эксам» в связи с утверждением, что до революции социал-демократы Грузии якобы исключили Сталина из РСДРП за его участие в «экспроприации».

Также видный меньшевик Фёдор Дан писал в 1925 году, что на Кавказе такие экспроприаторы, как Орджоникидзе и Сталин, снабжали деньгами большевистскую организацию, однако документов не привёл.

Сам Камо, больше всех знавший об экспроприациях на Кавказе, странным образом погибает в 1922 году в том же Тифлисе (на едущего на велосипеде Камо наехал грузовик. Много знал?).

⁷¹ Юрий Емельянов. «Мифы и загадки Октября 1917 года.»

⁷² http://baldin.ru/article/read/istorija_stalina.html ???

Не только от грабежей поступали средства, но, как ни странно, и от деятелей культуры, писателей и даже самих «угнетателей». Характерную и простодушную историю поведал в своём очерке "В.И. Ленин" сам пролетарский писатель Горький:

«К немецкой партии⁷³ у меня было "щекотливое" дело: видный её член, впоследствии весьма известный Парвус⁷⁴, имел от "Знания" доверенность на сбор гонорара с театров за пьесу "На дне". Он получил эту доверенность в 902 году в Севастополе, на вокзале, приехав туда нелегально. Собранные им деньги распределялись так: 20% со всей суммы получал он, остальное делилось так: четверть-мне, три четверти в кассу с.-д. партии. ... За четыре года пьеса обошла все театры Германии, в одном только Берлине была поставлена свыше 500 раз, у Парвуса собралось, кажется, 100 тысяч марок. Но вместо денег он прислал в "Знание" К. П. Пятницкому письмо, в котором добродушно сообщил, что все эти деньги он потратил на путешествие с одной барышней по Италии. Так как это, наверно, очень приятное путешествие, лично меня касалось только на четверть, то счел себе вправе указать ЦК немецкой партии на остальные три четверти его...».

(Книгоиздательское товарищество «Знание» — **издательство** марксистского толка в Санкт-Петербурге, основанное в 1898 году по инициативе К. Пятницкого для материалистической литературы. В конце 1902 Горький возглавил издательство.)

И хотя речь идёт о немецких социал-демократах, цитата показывает внутреннюю бухгалтерию доходов писателя — кому, за что и сколько. А позже, в цикле статей «Несвоевременные мысли», печатавшихся в 1917—1918 годах в газете «Новая жизнь», Горький признается:

«... За время с 1901-го по 17-й год через мои руки прошли сотни тысяч рублей на дело Российской социал-демократической партии. Из них мой личный взнос исчисляется десятками тысяч рублей, а всё остальное черпалось из карманов «буржуазии».» (Зачем писатель закавычил «буржуазию»? Иронизировал?)

Что ж, кто даёт себя стричь, того и стригут. В январе 1905 года, обращаясь из Женевы в Петербург к А. Богданову Ленин писал (тому самому Богданову, с которым он играет в шахматы на вилле Горького, фото на стр. 106):

«... Помощь в первые месяцы нужна дьявольски, ибо, если не будет аккуратного выпуска, то вся позиция большинства понесёт гигантский, едва поправимый удар. Не забывайте этого и тащите (особенно с Горького) хоть понемногу.»⁷⁵
Тащите и грабьте! Что ж, большевистская идеология очень понятна.

Для понимания сумм, о которых идёт речь, приведём цифры зарплат в те времена:

⁷³ Партия немецких социал-демократов.

⁷⁴ Именно Парвус в дальнейшем сыграет значительную роль вообще в происхождении революционных событий 1917 года.

⁷⁵ В. Ленин. ПСС, т.47. Изд. 5-е.

«...прислуга - в месяц: от 3 до 5 рублей женская и от 5 до 10 рублей мужская. При этом ... бесплатно крышу над головой, питание, и, как правило, ещё и одежду с 'барского плеча'.

- простые рабочие провинциальных заводов, деревенских мануфактур, чернорабочие, грузчики - от 8 до 15 рублей в месяц (часть могла быть карточками). Рабочие на металлургических заводах Москвы и Петербурга - от 25 до 35 рублей. Рабочая аристократия, т.е. профессиональные токари, слесари, мастера, бригадиры от 50 до 80 рублей в месяц.

- в размере 20 рублей в месяц получали простые служащие почты, земские учителя младших классов, помощники аптекарей, санитары, библиотекари и т.д.

- врачи, например, в земских больницах, у них было жалование 80 рублей, у фельдшеров 35 рублей, а заведующий больницей получал 125 рублей в месяц.

- Учителя старших классов в женских и мужских гимназиях получали от 80 до 100 рублей в месяц. Начальники почтовых, железнодорожных, паровозных станций - имели месячные оклады от 150 до 300 рублей.

- Депутаты Государственной Думы - в размере 350 рублей, губернаторы имели оклады около одной тысячи рублей, а министры и высшие чиновники, члены Государственного Совета - 1.500 рублей в месяц.

В армии - Штабс-капитан получал оклад от 93 до 123 рублей, капитан - от 135 до 145 рублей, а подполковник от 185 до 200 рублей в месяц. Полковник - в размере 320 рублей в месяц, генерал в должности командира дивизии имел оклад 500 рублей, а генерал в должности командира корпуса - 725 рублей в месяц.»⁷⁶

При этом (всё для удобства пересчитано из российских фунтов в килограммы): батон свежего хлеба весом в 300-400 грамм – от 4 до 7 копеек, картофель свежий урожай 1 килограмм - 15 копеек, мука пшеничная высшего сорта 1 килограмм - 24 копейки, кусковой сахар рафинад отборный 1 килограмм - 60 копеек, молоко свежее 1 литр - 14 копеек, масло сливочное 1 килограмм - 1 рубль 20 копеек, мясо говядина лопатка 1 килограмм - 45 копеек. Подробнее см. на указанном сайте.

Но вернёмся к «карманам «буржуазии»» и посмотрим - что же имел ввиду насчёт неё выше пролетарский писатель? Может, то, чем занималась, его гражданская жена с 1903 года актриса Мария Андреева (Андреева – псевдоним, ур. Юрковская, бывшая жена видного московского чиновника Андрея Желябужского)? Сблизившись с большевиками ещё в самом начале 900-х, Андреева выполняла поручения Московского социал-демократического центра по хранению и транспортировке нелегальной литературы. Используя нужные знакомства и светские связи в охранительных ведомствах, входя в любые начальственные кабинеты, Андреева занималась легализацией подпольщиков, снабжала их документами и устраивала на работу, в частности Николая Баумана⁷⁷, Леонида Красина. Но главное, по поручению Ульянова со

⁷⁶ <https://www.yaplakal.com/forum14/topic944231.html?ysclid=lo3y1x6gk7300289551>

⁷⁷ Николай Эрнестович Бауман – рабочий, большевик-революционер, агитатор, распространитель нелегальной газеты «Искра», участник Московского Комитета РСДРПб. Убит

Горький у ног Андреевой, позирующей Илье Репину.

второй половины 1903 года Андреева целенаправленно занимается сбором денег для РСДРПб. Деятельность оказалась успешной — актрисе удавалось раздобывать весьма крупные суммы. Каким же образом? Может таким, как это произошло с предпринимателем и меценатом Саввой Морозовым, человеком умным и страстным вообще, и равнодушным к театральному искусству в частности? Давно очарованный игрой актёров и актрис МХТ, промышленник жертвовал огромные суммы на нужды детища Немировича-Данченко и Станиславского, вплоть до постройки нового здания театра в 1902 году, фасад которого мы и видим до сего дня в проезде Художественного театра. Он стал другом режиссёров театра, а также Горького, актрисы Андреевой, к которой неожиданно проявил горячие роковые чувства. Она ответила ему взаимностью,

и счастливый поклонник не жалел на неё никаких средств. На неё или на её проекты? Хотя Морозов и был человеком просвещённым и либеральным, но никто не поручится — знал ли он о настоящих «проектах» пассии?

Вероятно, промышленник был в курсе. Близко его знающий Горький в посмертном очерке «Савва Морозов» не скрывает, что:

«... он как-то очень быстро и легко втянулся в дела помощи социал-демократической партии и начал давать деньги на издание «Искры». Кто-то писал в газетах, что Савва Морозов «тратил на революцию миллионы», — разумеется, это преувеличено до размеров верблюда. Миллионов лично У Саввы не было, его годовой доход — по его словам — не достигал 100.000. Он давал на издание Искры, кажется, 24.000 в год. ... много давал денег... на устройство побегов из ссылки, на литературу для местных организаций и в помощь разным лицам, причастным к партийной работе социал-демократов большевиков. Не избегал он и личного риска. Помню, — Московская полиция выследила Баумана,...; шпионы ходили за ним по пятам, измученный травлей человек терял силы. Наконец, решено было спрятать его у Морозова.»

А про Марию Андрееву писатель Б.М. Носик утверждает:

«М.Ф. Андреева в то время уже была агентом Ленина, который, изумляясь её подвигам, называл её «товарищ Феномен». Иные вполне партийные авторы

в стычке другим рабочим, сторонником самодержавия. В честь Баумана называли Московское высшее техническое училище (МВТУ), улицу, район Москвы и пр. пр.

называют её «финансовым агентом Ленина» и «эмиссаром партии»... На путях добывания денег Ленин не признавал никаких моральных препятствий...

Более тонкими операциями по изъятию («экспроприации») чужих денег ведал хитрейший Леонид Красин. Красавица Андреева, скорее всего, и действовала под непосредственным руководством Красина, разработавшего операцию по «экспроприации» морозовских денег».

<https://www.sovsekretno.ru/articles/id/4154>

Операция началась с ошеломляющего сообщения 13 (26) мая 1905 года из французских Канн, где сообщалось, что там застрелился российский предприниматель и меценат Савва Тимофеевич Морозов, оставивший записку, что никого прошу не винить ... и т.д. А вскоре оказалось, что Андреева принесла в банк страховой полис «на предъявителя», подписанный Саввой Тимофеевичем, который завещал в случае самого непоправимого вручить сто тысяч рублей предъявителю этого полиса. Потом она писала:

«Морозов считал меня нелепой бессребреницей и нередко высказывал опасение, что с моей любовью всё отдавать я умру когда-нибудь под забором нищей, что обдерут меня как липку и чужие и родные. Вот поэтому то, будучи уверен в том, что его не минует семейный недуг – психическое расстройство, – он и застраховал свою жизнь на сто тысяч рублей на предъявителя, отдав полис мне». Эту «большевистскую» версию смерти развивает исследователь А.А.Арутюнов:

«Морозов, увлечись Андреевой, вручил ей страховой полис, чтобы она не умерла «под забором нищей». Это произошло в 1904 году. Вероятно, Андреева рассказала об этом своему закадычному другу Красину. Нет сомнения в том, что именно этому профессиональному мошеннику, Л.Б. Красину, и пришла в голову мысль ускорить получение денег по полису. Тем более что после Кровавого воскресенья Морозов отвернулся от большевиков, лишив их тем самым значительной материальной поддержки. ... Именно Красин был организатором планировавшегося ограбления и убийства берлинского банкира Мендельсона,... а исполнитель этой акции, опытный рецидивист Камо, вызванный Красиным из России для ограбления миллионера, был арестован тайной полицией...»⁷⁸

А в день смерти Морозова Красин как раз находился там же, рядом с Каннами - в Ницце!

Горький в том же своём очерке цитирует, скорее всего, официальную версию французской полиции: « ... он убил себя , лёжа в постели, выстрелом из револьвера в сердце».

Удивительно, но похожая история произошла с его родственником фабрикантом Николаем Шмитом, членом РСДРПб (!!), который практически открыто финансово поддерживал восставших рабочих в 1905 году, за что и был после поражения

⁷⁸ Аким Арутюнов. «Убийцы Саввы Морозова».

революции осуждён и отбывал в Бутырке, где то ли покончил с собой, то ли убит. А после смерти остатки его денег в конце концов оказались в кассе партии.

Феномен поддержки капиталистами своих «могильщиков» напоминает помешательство и требует хоть какого-то объяснения. Журналист Валерий Бурт рассуждает по этому поводу:

«... за какие такие коврижки иные богачи так возлюбили революционеров? По разным причинам – иные становились идейными, потому что это было модно. Другие заигрывали с революционерами «на всякий случай» – надеясь, так сказать на особое отношение, если те придут к власти. Но были и примеры особого рода: самый типичный являл собой родной дядюшка Шмита, знаменитый Савва Тимофеевич Морозов – самый известный и самый щедрый большевистский спонсор.»⁷⁹ Ещё пример благотворительства – газета «Искра», издающаяся в Мюнхене, существует за счёт пожертвований молодого и богатого землевладельца Дмитрия Жуковского, увлечёвшегося марксизмом.

То же самое происходит и в партии эсеров. Михаил Гоц, сын и племянник миллионеров, живя и работая в Европе, получает из России исправно деньги, большую часть которых отдаёт на финансирование зарубежного отделения этой партии.

Так что же? Революция – это модно? Дмитрий Быков в очерке «Был ли Горький?» подтверждает это:

«Актриса МХТ Андреева была признанной красавицей и убежденной марксисткой – у тогдашних красавиц это было модно».

Значит, заигрывание с революционерами-экстремистами – это нормально и модно? ... Видимо, именно так. Более того, позже эта мода прилипчивости к власти, объявившей «красный террор», благополучно продолжилась и в советские времена в виде самозванных литературных салонов, как правило левацких. Уже в наше время Аркадий Ваксберг, например, пишет о салоне Лили Брик:

*« Ни симпатий Лили к коммунистической верхушке, ни восторга перед чекистской гвардией поколебать ничто не могло. Её преданность власти осталась всё той же. Есть мнение, что свою роль сыграл не только житейский расчёт, но и эстетический выбор: революция была частью **модерна**. Эта общая позиция людей её круга, причислявших себя к левому искусству...».*

Что ж, понятно: террор – часть модерна. Однако, мы несколько забежали вперёд.

1907 – 1913 гг.

Поражение от Японии породило в обществе разновекторные настроения. Ура-патриоты и гордились, и переживали, противники режима надеялись, что царизму нанесён удар и ожидали ближайшей революции. Троцкого вместе с другими осуждёнными этапируют на Ямал в феврале 1907 года.

⁷⁹ http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/dengi_dla_diktatury_proletariata_808.htm

Между тем обещанные Манифестом выборы в Думу состоялись в 1906 году, и большинство ожидаемо оказалось у кадетов⁸⁰, в то время как эсеры и РСДРПб выборы гордо бойкотировали. Участвовать в этих выборах наравне с другими политическими силами они посчитали ниже своего достоинства. Видимо, они считали себя и свои убеждения выше всяческих предвыборных дебатов, голосований и прочей демократической шелухи. Не к демократии в своей стране они стремились. Да о них тогда почти никто и не знал.

Социальный срез Думы необычайно пёстр – от князей и духовенства до крестьян. Перед первым заседанием Думы -- торжественный прием у императора в Зимнем. Двор и высшее чиновничество, сияющее мундирами, с одной стороны от царя, с другой, напротив, – новоиспеченные народные представители, одетые кто во что горазд. Они вглядываются друг в друга как в зеркала. Зыгарь пишет (видимо, по следам воспоминаний участников):

«Это первая встреча двух миров: депутаты смотрят на настоящего императора, а не на «царя -батюшку», почти сказочного персонажа, о котором слышали в детстве, двор смотрит на народ, о существовании которого никогда не подозревал. Двор в ужасе. «Они смотрели на нас как на своих врагов, и я не могла отвести глаз от некоторых типов, - настолько их лица дышали какою-то непонятною мне против нас всех ненавистью.» - Мария Федоровна, мать царя.»⁸¹

Очень характерное замечание вдовствующей императрицы – два мира одного народа в принципе не понимающие друг друга. Они смотрят друг на друга, но не видят, поэтому не понимают. Народ не един. Можно ли было назвать наш народ нацией? Тогда. А сейчас?

А ведь буквально 2 года назад, высшие чины, чувствуя здесь же простых героев-моряков Варяга, ощущали совсем другую атмосферу и говорили в патриотическом порыве о редком единении простого народа и «сияющих мундиров», что запомнилось всем. Куда делось всё это единение? Баррикады и восстания 1905 года не прошли даром.

Кузьма Петров-Водкин. Купание красного коня. 1912 г. Предчувствие большой войны.

Интересно, что на первом же заседании Думы, пожалуй, впервые упоминается новый термин «конституционный монарх» в отношении Николая 2-го при обсуждении

⁸⁰ Кадеты – члены партии конституционных демократов, иногда называемые либералами, в основном из интеллигенции и богатых собственников.

⁸¹ Владимир Зыгарь. Там же.

задач Думы. Может быть, уже было недалеко и до конституционной монархии, если бы депутаты и правящая верхушка смогли договориться всего о нескольких принципах разделения власти. (Тем более, что к этому времени радикалы, профессиональные революционеры как-то сошли со сцены, а кто-то схоронился из столиц подальше).

Разделение властей? Что? Император должен поделиться своей властью? Сама мысль о разделении власти просто не вмещается в его монаршем сознании. Он же помазанник! Он делится с близкими: *«Как? Мне завещана эта власть от Бога и предков. Я её хранитель ... и я обязан передать её своему сыну такой, какой принял. И я выполню свой долг самодержца российского.»*

Свою роль сыграл и министр финансов В.Н. Коковцов, убеждавший Николая II в том, что «мы не выросли ещё до однопалатной конституционной монархии чисто парламентского образца»⁸². Наоборот, царю окружением внушалась мысль, что надо готовиться к роспуску Думы и к пересмотру избирательного закона, если он вообще нужен. И в июле 1906 года царским указом Думу распускают, а премьер-министром назначается министр внутренних дел Петр Столыпин, бывший саратовский губернатор. Российский «парламентаризм» просуществовал 72 дня, депутаты очень нехотя подчинились. Страна прошла свою очередную историческую развилку и двинулась не по той ветке.

Роспуск Думы и дальнейшее закручивание гаек провоцирует всплеск терроризма по стране; на Аптекарском острове взорвана дача нового премьер-министра, погибли около трёх десятков людей, двое детей Столыпина покалечены. Сам он не пострадал. После этого тут же вводятся военно-полевые суды, выносящие смертные приговоры за 48 часов за очевидностью преступления. За остаток 1906 года приговорят 574 человека, за 1907 – 1139, за 1908 – 1340. Может поэтому массовых выступлений не наблюдается. А виселицы в народе прозовут «столыпинскими галстуками». Репрессии подвигли графа Льва Толстого за 2 года до смерти выступить против правительства, написав статью «Не могу молчать»:

«О казнях, повешениях, убийствах, бомбах пишут и говорят теперь, как прежде говорили о погоде. Дети играют в повешение. Почти дети, гимназисты идут с готовностью убить на экспроприации, как прежде шли на охоту. Перебить крупных землевладельцев для того, чтобы завладеть их землями, представляется теперь многим людям самым верным разрешением земельного вопроса.»

Вообще благодаря деятельности правительства, допускающего возможность убийства для достижения своих целей, всякое преступление: грабёж, воровство, ложь, мучительства, убийства считаются несчастными людьми, подвергшимися развращению правительства, делами самыми естественными, свойственными человеку. ...

Вы водворяете спокойствие и порядок!

Чем же вы его водворяете? Тем, что вы, представители христианской власти, руководители, наставники, одобряемые и поощряемые церковными служителями, разрушаете в людях последние остатки веры и нравственности,

⁸² Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Т. I. Париж, 1933.

совершая величайшие преступления: ложь, предательство, всякого рода мучительство и -- последнее самое ужасное преступление, самое противное всякому не вполне развёрнутому сердцу человеческому: не убийство, не одно убийство, а убийства, бесконечные убийства, которые вы думаете оправдать разными глупыми ссылками на такие-то статьи, написанные вами же в ваших глупых и лживых книгах, кощунственно называемые вами законами. ...

Так что всё, что вы делаете теперь, с вашими обысками, шпионствами, изгнаниями, тюрьмами, каторгами, виселицами -- всё это не только не приводит народ в то состояние, в которое вы хотите привести его, а, напротив, увеличивает раздражение и уничтожает всякую возможность успокоения. ...».

За свою стойкую активную антиправительственную и антиклерикальную позицию, за «оскорбление чувств верующих» Толстой подвергается остракизму со стороны православных деятелей. Так, в следующем году самый известный священник страны отец Иоанн Кронштадтский, член Святейшего Синода, член Союза Русского Народа пишет в дневнике: *«Господи, не допусти Льву Толстому, еретiku, превзошедшему всех еретиков, достигнуть до праздника Рождества Пресвятой Богородицы, Которую он похулил ужасно и хулит. Возьми его с земли — этот труп зловонный, гордостью своею посмрадивший всю землю. Аминь».*

Страна опять в расколе и в тупике. А Европа наводняется русскими беглыми политиками и интеллигенцией.

В 1906 году Горький и Андреева возвращаются в Россию, и вскоре уезжают в Европу и поселяются на итальянском острове Капри, и в течение 7 лет снимают виллы. Они окружают себя приезжающими родственниками, приживальцами, гостями-большевиками. Там же Горький и Анатолий Луначарский в порыве благодеяния к русскому народу пытаются адаптировать марксизм под понятия, доступные простому народу, крестьянству в форме новой псевдорелигии.

Конечно, эти попытки терпят провал, вызывая критику и осмеяния со стороны соратников-марксистов.

Здесь интересно привести историческое фото, существующее, как ни странно, в двух версиях как минимум. Нашли отличия?

На этой известной фотографии (см. ниже первая сверху), сделанной Юрием Желябужским, сыном Марии Андреевой, Ульянов и философ Богданов играют в шахматы на одной из вилл, снимаемых Горьким. Это фото 1908 года хорошо примелькалось нам, поскольку часто фигурирует в отечественной литературе, особенно в биографической и шахматной, но, как ни странно, часто в разных версиях. Я имею ввиду количество персонажей в кадре. Но на нижнем том же фото двух человек и чье-то колено на ближнем плане как ветром сдуло! Это хорошая советская ретушь! Власть решила, что кому-то не место на историческом снимке рядом с будущим «вождём мирового пролетариата». Т.е. это фальсификат. Обычная практика советских лет — историю можно всегда подтереть! (Да и подтереться ею).

А между тем «стёртый» молодой человек на заднем плане между Горьким и женщиной — очень занимательная фигура. Это Зиновий, родной брат Якова Михайловича Свердлова, по рождению Залман. Горький познакомился с семьёй Свердловых в Нижнем Новгороде ещё в начале 900-х на почве революционных дел. (Говорят, Свердлов-старший, Мойше, слыл хорошим гравёром и оказывал впоследствии

услуги большевикам в том числе по изготовлению разных полезных для грядущей революции поддельных печатей.)

Алексей Максимович заметил в молодом

Ульянов и Богданов играют в шахматы на вилле, снимаемой Горьким на о. Капри.

Залмане актёрские способности, поддержал его и способствовал даже его участию в игре в некоторых своих пьесах, в частности, «На дне». Вскоре у Залмана возникли трудности с «чертой оседлости», и Горький даже предложил усыновить его, если он примет православие. Залман согласился, и так появился Зиновий Пешков (по некоторым источникам и «крещение» и «усыновление» Зиновия были лишь фикцией). Вскоре, правда, по юношескому романтизму он покидает Россию и странствует по всему свету. Затем приезжает к Горькому на Капри и живёт некоторое время у крестного отца на правах его личного секретаря.

С началом первой мировой войны уезжает во Францию и поступает в Иностранный легион. Вскоре под Верденом Пешков теряет правую руку, и после госпиталя получает Военный крест с пальмами и производится в офицеры. Заодно близко знакомится с будущим генералом Шарлем де Голлем, что сыграет определяющую роль в его жизни. В частности, Пешков назначается в военную миссию в США, где склоняет правительство этой страны к участию в войне на стороне Антанты, за что получает Орден почётного легиона. Начиная с лета 1917 года в течение 3 лет, Пешков состоял во Французской военной миссии в России - сначала при временном правительстве, затем при белогвардейцах – при Колчаке. Говорят, по ходу своей

работы Пешков неизбежно должен был встречаться со своим братом Яковом, председателем ВЦИК, фактически главой правительства РСФСР. Неизвестно, встречались ли братья просто как братья. Революция развела их навсегда, тем более что очень вскоре Яков Свердлов, здоровый и молодой, неожиданно умирает в марте 1919 года. Зиновий же совершит полную рисков головокружительную карьеру в сфере

военной дипломатии и разведки (Зиновий свободно говорил на 5 языках), заслужит генеральское звание Франции. Похоронен Пешков в 1966 году на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем по православному обряду. Говорят, он завещал положить с собой в гроб фотографию своего крестного - Горького. Удивительная биография, на грани вымысла. Нельзя не уделить и пару слов шахматному визави Ульянова. Басинский говорит об этом философе:

*«Богданов говорил многословно, потому что Богданов, в отличие от Ленина, был реальным философом, автором трёхтомного труда «Эмпириомонизм», нескольких книг по философии... Горький, эрудиция которого многих поражала, был восхищён познаниями Богданова в философии. ... Богданов был ищущим материалистом. Марксизм не был для него догмой. Он искал новые пути в материалистической философии. И вот это то сектанта Ленина и злило в Богданове. **Потому что, если кто-то начинает искать, вся пирамида секты может рухнуть.**»⁸³*

Зиновий Пешков – офицер
Иностранного легиона.

И придавить её вожака, добавим мы от себя. Этого и бояться все вожаки сект.

Эти годы Горький и большевики достаточно близки, цели их общие. Чуть ранее, в 1906 году, Горький, вероятно, по просьбе Ульянова, публикует статью в журнале "Красное знамя", Париж, «НЕ ДАВАЙТЕ ДЕНЕГ РУССКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ!», адресуя её европейским правительствам. Фактически он развивает тезисы большевиков против иностранных займов для царского правительства, чьи финансы были сильно потрепаны японской войной, и семье Романовых.⁸⁴

«...Не давайте ни гроша денег русскому правительству! Оно не имеет связи с народом, миллионы людей уже осудили его на гибель.

Оно почти триста лет держало русский народ в диком невежестве, создав из него огромный, глупый, тяжёлый кулак, который уже несколько раз поднимался над головами народов Европы в то время, когда они шли к свободе, — поднимался и останавливал их на пути. Этот кулак всё ещё висит над вами, вызывая всюду страшное напряжение милитаризма, бессмысленную трату средств на броненосцы и пушки. ...Понимают ли еврейские банкиры Европы, что они дают деньги в Россию на организацию еврейских погромов? Если они это понимают, — их преступление равно разве только их жадности к наживе. ... Нет, не нужно давать денег той анархической партии, которою Европа по

⁸³ Павел Басинский. «Горький. Страсти по Максиму».

⁸⁴ <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-180.htm?ysclid=lapahy951h243504262>

недоразумению, продолжает считать русским правительством, — эти деньги пойдут на убийства. Не давайте денег насильникам над духом и телом русского народа!

Мне так трудно представить, чтобы культурная Европа, видя, как варварская власть, обезумевшая от страха потерять своё положение в стране, давит, душит, убивает тысячи людей, хотела помочь этой власти в её преступлениях. И неужели Европу так мало беспокоит простая мысль, что ведь небезопасно иметь своими соседями сто сорок миллионов людей, которых всячески стараются превратить в животных, упорно внушая им вражду и ненависть ко всему, что не русское, воспитывая в них жестокость — жестокость ещё большую, насилиями — страсть к насилиям ещё более грубым?

... Не давайте денег в руки варваров, политика которых всегда была враждебна культурным стремлениям Европы.

... Россия ограблена ими. Покупательная способность народа — ничтожна, его промышленность не развита, земля истощена, её мало. Народу предстоят долгие годы борьбы за своё освобождение.....Не давайте Романовым денег на убийства...». (как-то очень актуально звучит).

Тем временем в стране по новому избирательному праву избирается новая Дума, и, кажется более лояльная к правительству, однако приветственная речь Столыпина с серьёзным списком законодательных инициатив в стране, «находящейся в периоде перестройки, а следовательно, и брожения», встречает резкий отпор со стороны фракции социал-демократов во главе с их лидером депутатом от Кутаиси Ираклием Церетели. Совместная работа госорганов опять не удалась. Каждый отстаивал свою правду.

Ульянов - уже в Финляндии, и опять поглощён мечтами о пожаре и накануне созыва 2-й Думы пишет:

«Мы будем вновь собирать новые силы для нового, ещё более грозного, решительного выступления, когда разгорится костер левой Думы во всероссийский пожар.» (ВТОРАЯ ДУМА И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА). Оттуда он вскоре перебирается в Женеву и Париж с женой, и уже на 10 лет.).

Почему же Ульянов отсиживается на Западе, не идёт в Думу и принципиально не занимается открытой публичной деятельностью, например, парламентской работой? Может потому, что там нужна открытая дискуссия, в которой ты можешь и проиграть политическому противнику. Видимо большевики принципиально не допускали своего политического проигрыша из-за гордыни. Разве могут они оказаться не правы? Это не допускалось даже теоретически. Признание своей неправоты - недопустимо! Нет, открытая деятельность не для них. Лучше – подполье, тайные сходы, за граница, оскорбления на расстоянии политических противников, а ещё лучше - война на уничтожение соперника. Идеал – монополия власти. Желательно во всемирном масштабе. Зыгарь отмечает характер занятий Ульянова в эти годы:

«... И каждый день пишет огромные статьи о политической ситуации в столице. Он, как обычно, всё время борется, всё время кого-то унижает, всё

время над кем-то издевается — такое ощущение, что он только и делает, что пишет гадости. Ленин упоенно ругает кадетов, эсеров, трудовиков, в общем, всех, кого может, но самая любимая мишень — это ближайшие товарищи, меньшевики. Фракцию социал-демократов в Думе во главе с Церетели Ленин смешивает с грязью с особым наслаждением.

Ленин обвиняет Церетели и меньшевиков в предательстве: по его мнению, единственная цель участия в работе Думы — «разъяснить массам иллюзорность всяких надежд на мирный исход борьбы за власть». ... Никакого мирного исхода быть не может, только **война, только революция**, только диктатура пролетариата. С его точки зрения, любая деятельность, которая не направлена на то, чтобы приблизить кровавую развязку, — это предательство и саботаж. Депутаты-меньшевики «укрепляют в массах надежды на мирный исход», возмущается Ленин, а значит, «они дезорганизуют "силы революции" внутри Думы».

Оскорбления Ленина, утверждающего, что меньшевики пресмыкаются перед кадетами, вдруг переполняют терпение однопартийцев. Они решают провести «партийный суд» над Лениным — за то, что он всё время издевается над своими же.

Ленина судят девять судей: трое от меньшевиков, трое от большевиков, по одному от латышских, польских социал-демократов и от БУНД⁸⁵. Речь Ленина на суде только называется защитной — на самом деле она атакующая. Он говорит, что вовсе не он расколол партию, а Церетели и другие меньшевики из Думы. А раз партия раскололась, значит, она мертва и больше не существует. Он считает себя свободным от каких-либо моральных обязательств в отношении однопартийцев, которые оказались предателями. Тех социал-демократов, которые пытаются договориться с либералами, он считает «политическими врагами», будет проповедовать среди народных масс ненависть, отвращение, презрение к ним и будет вести против них борьбу — на истребление.

На этой откровенной речи суд и заканчивается. Судьям нечего ответить. По сути, ещё раз повторяется эпизод с народниками в ссылке, когда Ленин заявил товарищам, что на их мнение плюёт.

Принцип Ленина: «чем хуже — тем лучше». Он за самые страшные репрессии — потому что они приблизят революцию. В этом смысле он — поклонник Столыпина.

Ленин часто обвиняет своих товарищей в том, что они неясно мыслят. Его ход мыслей предельно чёткий — и в ближайшие десять лет не изменится ни на сантиметр. В феврале 1906 года Ленин пишет статью «Вторая Дума и задачи пролетариата».

⁸⁵ Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России социалистического направления.

Удивительно, насколько пророческим окажется текст этой статьи: «Этот бой будет дан не в Думе. Этот бой решит восстание пролетариата, крестьянства и сознательной части войска. Этот бой надвигается на нас всем ходом событий. Будьте же готовы, рабочие, к серьёзным событиям. Не тратьте своих сил понапрасну. Нам не надо ускорять развязки: пусть царь и его черносотенные слуги нападают первые. Им придётся нападать на народ, разгонять Думу, отменить избирательный закон, начинать ряд насилий, чтобы развязаться с новой Думой.»⁸⁶

И, действительно, в июне 1907 года с подачи Столыпина «они развязываются с новой Думой», проходит ряд арестов депутатов, в том числе Церетели. В стране опять уныние.

Через 2 года выходит сборник статей ведущих наших философов «Вехи», «роковые особенности русского предреволюционного образованного слоя.», как о них много позже выскажется Александр Солженицын. Увы, сборник выходит очень не вовремя. Об этом пишет Дмитрий Быков:

*«Тотальная шариковщина, практически поголовная, тоже сидит в головах, и огромное количество интеллигентов оказалось Швондерами. В этом и трагедия, что «Вехи» призывали к абсолютно здоровым, казалось бы, вещам, но призывали они к ним уж очень не вовремя! Наверно, главным адресатом этого воззвания должна была стать всё-таки не интеллигенция. Должно быть, трагедия русской революции всё-таки произошла в огромной степени по вине власти, потому что это власть сделала её неизбежной. Власть сделала всё для того, чтобы у людей не осталось терпения, чтобы у них осталось только чудовищное горячее желание немедленно, любой ценой что-то изменить. Вот в этом-то, собственно говоря, главная трагедия «Вех»».*⁸⁷

Священник и философ Сергей Булгаков там же в статье «Героизм и подвижничество» пустому героизму революционной интеллигенции и молодежи противопоставляет христианское подвижничество. Никто не слушает. Люди не научились, не умеют слушать друг друга, и не умеют до сих пор.

А наивный, мечтательный и не могущий трезво оценивать реальность Блок, признаваясь в любви к нищей России, к этой своей жене («О Русь моя, жена моя ...») в то же время и не жалеет её, и с чего-то предлагает ей отдаться первому встречному проходимцу, лишь бы было очарование в его глазах:

⁸⁶ Михаил Зыгарь. «Империя должна умереть».

⁸⁷ Дмитрий Быков. «Время потрясений. 1900-1950 годы».

«... Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несущу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!
Пускай заманит и обманет, -
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...»

1908 г.

Странный призыв поэта-пророка! Но такой чародей действительно скоро найдется – тихий, скромный, с больной ручкой, спустившийся с гор сын Кавказа, с жёлтыми тигриными глазами, от одного взгляда которых будут цепенеть люди и терять собственную волю. И Её прекрасные черты ещё как затуманятся. И Русь поэта всё-таки сгинет.

Ну а пока женщины России не дремлют и в декабре 1908 г. в Санкт-Петербурге собирают своих делегатов на Первый всероссийский женский съезд, созвавший более 1 тыс.

представительниц. Идея созыва съезда принадлежит старейшему союзу женщин в России — Русскому женскому взаимно-благотворительному обществу (интересно, что на съезд надо было получить разрешение от министерства внутренних дел). Политически Съезд очень пёстр, на нём заметны будущие общественные фигуры: например, от эсеров - Мария Спиридонова, от социал-демократов - Александра Коллонтай. По итогам в общей резолюции говорится относительно запросов современной русской женщины,

«...что удовлетворение этих запросов возможно лишь при равноправном с остальными гражданами участии женщин не только в культурной работе, но и в политическом строительстве страны. Доступ женщины к участию в политической жизни страны окончательно откроется лишь при водворении демократического строя на основе всеобщего избирательного права без различия пола, вероисповедания и национальности».

Между тем правительство пытается хоть что-то делать, но то ли, что надо именно сейчас? Реформатор Столыпин переселяет желающих крестьян из европейской части страны в незаселенные регионы Сибири и Дальнего Востока, что является частью проводимой Столыпиным аграрной реформы. Около трех миллионов крестьян снимаются с насиженных мест и отправляются на восток, чтобы получить в пользование землю. Для перевозки в 1908 году взяты самые обычные товарные вагоны и переоборудованы. В задней части товарных вагонов были оборудованы специальные отсеки, где мог перевозиться их скот и сельхоз -инвентарь. По имени инициатора переселения эти усовершенствованные вагоны стали называть «столыпинскими».

А проезд к новому месту жительства был бесплатным. Когда волна переселенцев стала угасать, «столыпинские вагоны» стали широко использовать для перевозки арестантов – подследственных и заключённых, а после установления власти Советов в них массовом порядке перевозили репрессированных. В своих книгах Александр Солженицын в красках описывает перевозку зэков в таких вагонах, которые внутри разделены на отсеки-камеры специальными перегородками, одна часть которых была закрыта решётками. Камеры располагались с одной стороны вагона, другую часть занимал коридор, где время от времени прохаживалась ВОХРа⁸⁸.

Но в 1911 году реформатор Столыпин в результате очередного покушения (всего их было около 10-ти) застрелен в киевском городском театре секретным агентом

⁸⁸ Военизированная ОХРа. <https://www.kakprosto.ru/kak-824345-что-такое-stolypinskiy-vagon#ixzz5Dn7wRglF>

охранного отделения Дмитрием Богровым. Остались в истории высказывания Столыпина: «Вам нужны великие потрясения? А нам нужна великая Россия!», "Дайте Государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России."

Не дали, мир в стране не наступает. В этом же году случается Ленский расстрел; журналист Александр Керенский срочно едет в Иркутскую губернию на Лену освещать трагические события.

В 1912 году проходит очередной ряд арестов как большевиков, так и меньшевиков, и эсеров, часть из которых для революционной работы возвратилась в Россию. Аресты становятся слишком частыми. Меньшевики подозревают крота Романа Малиновского, в те годы близкого соратника Ульянова:

«... Меньшевики считают, что всему виной предатель, и подозревают Малиновского⁸⁹. Ленин уверен, что они клеветают на его друга за то, что тот борется с меньшевиками. Однако вскоре жертвой депутата-агента становится большевик Иосиф Джугашвили, который по фальшивым документам возвращается в Петербург и становится редактором газеты «Правда», взяв псевдоним Сталин. Малиновский зовёт товарища на бал-маскарад, где его встречает полиция. Сталин пытается убежать, переодевшись в женское платье, но его ловят, арестовывают, судят и ссылают в Туруханск, селение в Западной Сибири. Попытка бегства Сталина не будет упоминаться в советской истории, а переодевание в женское платье будет приписано врагу большевиков Александру Керенскому.»⁹⁰

Об этом же более сдержанно сообщает историк Олег Хлевнюк:

«В феврале 1913 года ... в Петербурге, был арестован Сталин. Его предал его товарищ Р.В. Малиновский – один из руководителей большевиков, любимец Ленина, который уже несколько лет работал на полицию.»⁹¹

История с упомянутым Романом Малиновским вообще очень занимательна в плане внутреннего устройства большевизма. Журналист Алексей Тарасов поясняет:

«...Малиновский, лидер большевистской фракции в IV-й Думе и агент охраны, глашатай Ленина, объявленный чудой, — человек, не стойкий ни в чем, распадающийся на множество личностей».⁹² Тарасов приводит собственные слова

⁸⁹ Роман Малиновский – большевик, новый активист партии, депутат Думы в 1912 году, познакомился с Лениным всего два года назад и стал одним из самых влиятельных его товарищей. Именно усилиями Малиновского в России впервые начинает выходить легальная большевистская газета – «Правда». При этом он же – агент тайной полиции, самое удачное внедрение МВД в партию большевиков (после разоблачения другого агента, правда, среди эсеров – Азефа).

⁹⁰ Зыгарь. Указ. сочинение.

⁹¹ Олег Хлевнюк. «Сталин. Жизнь одного вождя».

⁹² <https://obshchayagazeta.eu/ru/article/124253?ysclid=m2u6coc6iw536573244>

Малиновского из книги Виктора Сержа: «Я сам себе противоречу, раздваиваюсь и согласен, чтобы меня расстреляли!»⁹³

Ссылаясь на некоторые работы, автор пишет, что революционный эпизод с этим персонажем даёт представление о всей большевистской секте Ленина, о провокаторстве и двойных-тройных играх с участием иностранных разведок во всей полноте, и о том, что работа Малиновского на охранку не составляла для Ленина тайны с самого начала — и он взял его под личную защиту, он его и продвигал. Даже Горький в очерке «В.И. Ленин» приводит в одном из разговоров признание вождя по поводу «чужих» людей в партийном аппарате:

«- А вот негодяя Малиновского не мог раскусить. Очень это тёмное дело, Малиновский...».

Здесь придётся забежать немного вперёд, чтобы закончить тему с Малиновским. В 1914 году под грузом обвинений в двойной игре он уходит из Думы и уезжает за границу, за что его исключают из РСДРПб как дезертира. С началом Первой мировой войны вступает в русскую армию, получает ранение, пленён немцами. Объём обвинений в его адрес был столь велик и неоспорим, что его делом занималась даже Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства.

Освободившись из плена в 1918 году Малиновский добровольно возвращается в Россию, чтобы предстать перед ревтрибуналом и оправдаться от обвинений в провокаторстве уже перед новой властью, партии которой служил перед войной. Собирается Верховный трибунал, и 5 ноября 1918 года в Москве обвинитель Николай Крыленко⁹⁴ убеждает Верховный трибунал ВЦИК в его виновности, и подсудимый был осуждён и расстрелян в тот же день по приговору трибунала «в садах Кремля».⁹⁵ Интересно, что после процесса имя Малиновского предаётся полнейшему забвению и все годы советской власти о нём практически нигде и ничего не упоминалось (чтобы не портить общую славную картину истории «партии»). Хотя в ПСС Ульянова (Ленина) его имя упоминается в 12-ти томах, в каждом из них хотя бы по одному разу.

Все факты в совокупности навевают мысли о скорой расправе со свидетелем, который слишком много знал; удивительно, но там же «в садах Кремля» была расстреляна и сожжена в бочке Фанни Каплан буквально за два месяца до этого (и даже без всякого трибунала), просто после допроса. Там что, в Кремле был расстрельный полигон?

Но что нам до рядового члена РСДРПб, хотя и председателя фракции социал-демократов в 4-й Думе? Не скажите.

Вдруг, в наши дни буквально в самом конце 2021 года мы читаем в новостях в Сети, что

«Верховный суд РФ реабилитировал Романа Малиновского, агента двойного — царской охранки и революционеров, а то и тройного, если иметь в виду использование Ленина и ленинцев разведотделами германского и австрийского генштабов.» (Алексей Тарасов)⁹⁶.

⁹³ Виктор Серж. «От революции к тоталитаризму».

<https://novayagazeta.ru/articles/2021/12/31/predatelstvo-kak-norma> или <https://ryb.ru/2022/01/03/1857857?ysclid=lguh3illja198254119>

⁹⁴ Председатель Верховного трибунала при ВЦИК.

⁹⁵ Виктор Серж. Указ. соч.

⁹⁶ <https://novayagazeta.ru/articles/2021/12/31/predatelstvo-kak-norma>

Резолютивная часть решения судебной коллегии сообщает: *«Признать Малиновского Романа Вацлавовича необоснованно репрессированным. Приговор революционного трибунала при ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 5 ноября 1918 года <...> отменить. Производство по делу прекратить».*

Что это? Какое производство? Какая реабилитация?

Остаётся масса вопросов – кто и зачем вдруг поднял приговор 100-летней давности, в общем-то частного характера, принятый давно несуществующим трибуналом давно несуществующей страны (и даже не СССР, а ещё РСФСР)? Разве можно отменять или хоть что-то делать с юридическими актами в другой стране? В чём смысл? Каковы юридические последствия этого решения? У кого зазудело? И что - теперь предательство – оправдано? Так мы скоро что-нибудь услышим и о Евно Азефе?

Что ж, трибуналы, расстрелы агентов, предателей (больше всего, конечно, мнимых) из своих собственных рядов и вычёркивание их имён из истории страны и партии (РСДРПб - КПСС) вскоре и надолго станут самым привычным делом.

Предощущение. Война началась. Эмигранты.

Напомним, что главной целью политэмигрантов вокруг Ульянова остаётся мировая революция, пути к которой революционеры готовы прокладывать через самый ад, и поэтому мечтают даже о большой войне, лишь бы царский режим (в первую очередь) рухнул. В письме к Горькому, в начале ноября 1913 года, Ульянов-Ленин мечтает:

“Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф⁹⁷ и Николаша доставили нам сие удовольствие”.

Война – это штука? Удовольствие? А большая война между большими державами нужна большевикам как способ ослабить правительства и повернуть вооружённый народ против эксплуататорских классов. И вот эта война, удовольствие для Ульянова-Ленина, уже на пороге.

И Анна Ахматова уже предчувствует беду:

*«... И всегда в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Жил какой-то будущий гул...*

*Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души
И в сугробах невских тонул.*

*Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек,*

⁹⁷ Франц-Иосиф - император Австро-Венгрии в начале 20-го века.

А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.»

«Поэма без героя». ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Ахматова считает, что настоящий 20 век начался только с 1914 года, летом которого большая война, «сие удовольствие» для Ульянова-Ленина, и случилась.

И если её тревожит «будущий гул», то новаторов от искусства, Владимира Маяковского и товарищей, наоборот, тревожит старорежимный застой, и они эпатируют, будоражат и трясут закисшее российское общество, публикуя свой манифест:

Сборник «Пощечина общественному вкусу», 1912 г.

Манифест поэтов-кубофутуристов (Велимира Хлебникова, Владимира Маяковского (дебют), Давида Бурлюка, Алексея Кручёных, Василия Каменского, Бенедикта Лившица.)

«Читающим наше Новое Первое Неожданное.

Только мы — лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве.

Прошлое тесно. Академия и [Пушкин](#) непонятнее [иероглифов](#). [Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности.](#)

Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней.

Кто же, доверчивый, обратит последнюю Любовь к парфюмерному блюду [Бальмонта](#)? В ней ли отражение мужественной души сегодняшнего дня? Кто же, трусливый, устрашится стащить бумажные латы с чёрного фрака воина [Брюсова](#)? Или на них зори неведомых красот?

Вымойте ваши руки, прикасавшиеся к грязной слизи книг, написанных этими бесчисленными [Леонидами Андреевыми](#).

Всем этим [Максима](#)м Горьким, [Куприным](#), [Блокам](#), [Сологубам](#), [Аверченко](#), [Чёрным](#), [Кузминым](#), [Буниным](#) и проч. и проч. — нужна лишь дача на реке. Такую награду даёт судьба портным.

С высоты небоскрёбов мы взираем на их ничтожество!

Мы приказываем чтить права поэтов:

1. На увеличение словаря в его объёме произвольными и производными словами (Слово-новшество).
2. На непреодолимую [ненависть](#) к существовавшему до них языку.
3. С ужасом отстранять от гордого чела своего из банных веников сделанный вами Венок грошовой славы.
4. Стоять на глыбе слова «мы» среди моря свиста и негодования.

И если пока ещё и в наших строках остались грязные клейма ваших «здорового смысла» и «хорошего вкуса», то всё же на них уже трепещут впервые зарницы Новой Грядущей Красоты Самоценного (самовитого) Слова.»

В декабре 1913 года поэты-футуристы — Владимир Маяковский, Давид Бурлюк, Игорь Северянин — отправляются в творческое турне по городам страны, где

читают свои стихотворения и доклады, т.н. «поэзоконцерты». Вероятно, Ахматова появилась на одном из этих концертов, но только в 1940 году пишет о нём, как о молнии в гуле прилива:

«.....

*И уже отзывный гул прилива
Слышался, когда ты нам читал,
Дождь косил свои глаза гневливо,
С городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
Молнией влетело в душный зал,
Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать, как боевой сигнал.»*

При этом он же, футурист Маяковский, в 1914 году напишет в лучших традициях русской словесности:

«Послушайте!

Ведь, если звезды

зажигают —

значит — это кому-нибудь нужно?

Значит — это необходимо,

чтобы каждый вечер

над крышами

загоралась хоть одна звезда?!»

Его место не здесь, и его время не сейчас. Не земля, не страна его отечество, а звёзды и будущее. В дальнейшем он напишет и про солнце, и его с ним единство —

«светить всегда,

светить везде —

вот лозунг мой и солнца!».

Но кто же сейчас достоин быть взятым на борт современности взамен сброшенных? Кто же поплывёт в светлое будущее? Ну, свято место пусто не бывает, и Маяковский, возьмём его как «самого советского» поэта в ближайшем будущем, волею случая, резкого поворота судьбы попадает в окололитературную среду, которая и обратила на колючего юношу внимание и вырастила его как пассажира этого Парохода Современности (у нас на школьных стенах его портрет по иронии висел в одном ряду с теми самыми брошенными толстыми, пушкиными. Правда, Достоевского среди портретов в 60-х не было, хотя «Преступление и наказание» в программе уже было).

А случился этот поворот в его жизни на втором году Великой войны, когда кубофутурист Маяковский в Петрограде случайно знакомится с семьёй литератора Осипа Брика и его жены Лили на вечеринке, в квартире которых сразу же читает «Облако в штанах». Новаторство стихосложения и экспрессия молодого автора навсегда поражают хозяев дома, а его сразу, всего и навсегда поражает хозяйка. И он тут же надписывает на поэме ей посвящение.

Учтивость гостя? Оказалось, не только. И все последующие 15 лет российской и советской литературы и окололитературных событий будут нести отпечаток этих отношений - Маяковский и Брики. И если бы не этот случайный визит поэта, то, возможно, вся советская литература выглядела бы совсем иначе, и школьные программы составлялись бы с другими именами (учитывая, конечно, внелитературные способности Лили Брик; далее будем её называть для краткости ЛБ). Между тем Осип Брик, впечатлившись чтением юноши, скорейшим образом помогает изданию «Облака в штанах» тиражом в тысячу с небольшим экземпляров. Громадный тираж в те времена!

Но поэта призывают на военную службу; он обращается к влиятельному Горькому, и тот, тоже находящийся под впечатлением (пока) от стихов, запускает свои связи, и поэта устраивают чертёжником в ту самую автороту, что удивительно, где служит и Осип Брик. Так призывник фактически косячит от передовой, остаётся в Питере, и в отпуска оказывается опять в доме Осипа, впрочем, куда вхожи тогда были и Велемир Хлебников, Василий Каменский, Борис Пастернак, соратник по Манифесту Давид Бурлюк, будущий критик Виктор Шкловский, Николай Асеев, филологи Роман Якобсон, Борис Эйхенбаум...

Приводимый здесь нами постановочный портрет Маяковского в цилиндре сделан в электровелографии в Казани на Воскресенской. (Видимо, именно об этом портрете пишет Василий Аксёнов в незаконченной книге «Ленд-лизовские. Lend-leasing»:

«...Странным делом довоенное детство было каким-то образом освещено фотографией: ведь нашим ближайшим

Кубофутурист Маяковский перед войной.

соседом был популярнейший в городе мастер электровелографии Соломон Израилевич Майофис. Те, у кого был доступ к его шедеврам, не могли забыть портрет молодого демонического красавца в чёрном цилиндре и выгравированную по

негативу надпись: «Футурист Владимир Маяковский после выступления в Булгарах-на Волге».»)

Между тем война разгорается, но другому поэту Осипу Мандельштаму в бессоннице слышится совсем другое – море, и пишется о любви:

*Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочёл до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладю когда-то поднялся.*

*Как журавлиный клин в чужие рубежи, —
На головах царей божественная пена, —
Куда плывёте вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?*

*И море, и Гомер — всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море чёрное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.*

1915 г.

И именно с началом войны эмигранты-большевики оживляются и начинают искать всевозможные пути по подрыву мощи своей страны. Ульянов-Ленин сразу же выдвигает свой большевистский лозунг в статье «Война и российская социал-демократия»:

«Превращение империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высокоразвитыми буржуазными странами. Как бы не казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом».

И далее в статье «О поражении своего правительства в империалистической войне»:

«Революция во время войны есть гражданская война, а превращение войны правительств в гражданскую войну, с одной стороны, облегчается военными неудачами (поражением) правительств, а с другой стороны, - невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению... Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству...».

И ещё:

«Победа России влечёт за собой усиление мировой реакции, усиление реакции внутри страны и сопровождается полным поработением народов в уже захваченных областях. В силу этого поражение России при всех условиях

представляется наименьшим злом». (Ленин, «Конференция заграничных секций р.с.-д.р.п»).

Причём эту свою навязчивую мысль Ленин повторяет многократно, сопровождая её самыми категорическими заклинаниями уже в дни войны:

«Для нас, русских, с точки зрения интересов трудящихся масс и рабочего класса России, не может подлежать ни малейшему, абсолютно никакому сомнению, что наименьшим злом было бы теперь и тотчас – поражение царизма в данной войне. Ибо царизм во сто раз хуже кайзеризма» (Ленин, «Письмо Шляпникову 17.10.14».)

Да, война – это хорошо! Война вооружила нищих людей, правительство терпит поражение, запасы страны истощаются, народ боится наступления голода ...Прекрасно! И теперь мы меняем тактику – необходимо замириться с немцами и австрийцами... **ведь народ вооружён, остаётся побрататься с противником, заключить мир, а штыки повернуть на свою имперскую столицу. И лозунги теперь – Нет войне! Мир народам!, Домой! Хватит кормить вшей!**

А Плеханов и другие меньшевики – из патриотических побуждений призывают продолжать войну до логической победы, и получают прозвище «оборонцы».

Большевики же - «пораженцы», и занимаются антивоенными публикациями, работая на противника (и частично этим зарабатывают деньги). Но ведь это ведёт к военной победе кайзеровской Германии! Однако Ленина работа на противника ни в коей мере не трогает и не смущает, и он настаивает, чтобы инициатива пораженчества должна исходить именно от русских социал-демократов:

«...Последнее соображение особенно важно для России, ибо это – самая отсталая страна, в которой социалистическая революция непосредственно невозможна. Именно поэтому русские социал-демократы должны были первыми выступить с теорией и практикой лозунга поражения. ... Превращение империалистской войны в гражданскую не может быть «сделано», как нельзя «сделать» революции, - оно вырастает из целого ряда многообразных явлений, сторон, чёрточек, свойств, последствий империалистской войны. И такое вырастание невозможно без ряда военных неудач и поражений тех правительств, которым наносят удары их собственные угнетённые классы.»⁹⁸

Вот это да! По любым меркам это называется просто предательство своей страны. А в 1915 году в Циммервальде на конференцию собираются социалисты-большевики, эсеры и принимают воззвание за мир под общим лозунгом в формулировке Троцкого «за мир без аннексий и контрибуций». (Этот лозунг вновь оживёт ближе к концу 1917 года.)

Но пока же их никто не слышит, и в целом по стране настроения очень воинственны, патриотичны и направлены не только против германцев как таковых, но

⁹⁸ В. Ленин. «О поражении своего правительства в империалистской войне».

и против немцев вообще, в том числе и своих, «русских». Немецкие булочные и колбасные закрываются сами, не ожидая погромов. И ещё более ухудшается моральное состояние царицы, «немки». Ведь она монарх страны, воюющей с её родиной, а император Вильгельм 2-й вообще её кузен (их матери – дочери королевы Виктории), а её родной брат, герцог гессенский Эрнст Людвиг служит в штабе кайзера. И они (царская семья) с Вилли «дружили семьями».

Ожившие вековые мечты о взятии Дарданелл и Константинополя подогревают патриотизм. Поэты Брюсов, Гумилёв в разных качествах, но добровольно едут на фронт. Есенин – с 1916-го по 1917 годы санитар "Полевого царскосельского военно-санитарного поезда № 143 Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны". Маяковский скромно трудится чертёжником в столице, устроенный Осипом Бриком....

Под влиянием патриотической общественности, посчитавшей имя города «Петербург» слишком немецким, уже в августе царь переименовывает столицу в Петроград (а первым это сделал опять же Пушкин: «... над омраченным Петроградом \Дышал ноябрь осенним хладом» ещё почти сто лет назад). Газета промышленника Павла Рябушинского «Утро России» в мае 1915 года выходит со статьей-лозунгом «ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ!». Толпы людей на улицах выкрикивают оскорбления в адрес императрицы, призывая сослать её в монастырь, а Распутина повесить (он настроен против войны вообще).

Но настойчивая пропаганда большевиков против войны приносит результат. Беспорядки нарастают, а особых успехов на фронте не видно. В середине 1916 года Гиппиус пишет в дневнике под впечатлением наступающего хаоса:

«.... всё поздно, все неменяемы. Россия – очень большой сумасшедший дом. Если сразу войти в залу жёлтого дома, на какой-нибудь вечер безумцев, – вы, не зная, не поймёте этого. Как будто и ничего. А они все безумцы. Есть трагически-помешанные, несчастные. Есть и тихие идиоты, со счастливым смехом на отвисших устах собирающие щепочки и, не торопясь, хохоча, поджигающие их серниками⁹⁹.»

Эти настроения через партийную печать из-за границы легко проникают на фронт. Антон Деникин пишет о состоянии солдат на передовой в начале 1917 года:

«... немцы вступили одновременно в тесное содружество с русскими революционерами, в стране и в особенности за границей, среди многочисленной эмигрантской колонии. На службу немецкому правительству прямо или косвенно, привлечены были все: крупные агенты шпионажа и вербовки, вроде Парвуса (Гельфанда); провокаторы, причастные к русской охранке, вроде Блюма; агенты-пропагандисты - Ульянов (Ленин), Бронштейн (Троцкий), Апфельбаум (Зиновьев), Луначарский, Озолин, Кац (Камков), и много других. А за ними шла целая плеяда недалёких или неразборчивых людей, выброшенных за рубеж, фанатически ненавидевших отринувший их режим - до забвения Родины,

⁹⁹ Т.е. спичками с серными головками.

или сводящих с ним счёты, служа подчас слепым орудием в руках немецкого генерального штаба.

Из каких побуждений, за какую плату, в какой степени, это уже детали: важно, что они продавали Россию, служа тем именно целям, которые ставил им наш враг. Все они тесно переплетались между собою, и с агентами немецкого шпионажа, составляя неразрывный комплот. ... Груды пораженческой литературы, заготовленной в Германии, передавались в наши окопы. А в то же время, по фронту совершенно свободно разъезжали партизаны из Совета и Комитета, с аналогичной проповедью, с организацией "показного братанья" и с целым ворохом "Правд", "Окопных правд", "Социал-демократов" и прочих творений отечественного социалистического разума и совести, - органов, оставлявших далеко позади, по силе и аргументации, иезуитскую элоквенцию¹⁰⁰ их немецких собратьев.».

О той же ситуации на фронте упоминает Михаил Шолохов в «Тихом Доне» и приводит озлобленную полемику на эту тему среди казачества на передовой:

« Листницкий... заговорил со сдержанной злобой:

— Меня удивляет то обстоятельство, что в среде нашего офицерства есть такие вот, — жест в сторону ссутулившегося Бунчука, — субъекты. Удивляет — потому, что до сих пор мне не ясно его отношение к родине, к войне... Однажды в разговоре он выразился очень туманно, но всё же достаточно ясно для того, чтобы понять, что он стоит за наше поражение в этой войне. Так я тебя понял, Бунчук?

— Я — за поражение.

— Но почему? По-моему, каких бы ты ни был политических взглядов, но желать поражения своей родине — это... национальная измена. Это — бесчестье для всякого порядочного человека!

— Помните, думская фракция большевиков агитировала против правительства, тем самым содействуя поражению? — вмешался Меркулов.

— Ты разделяешь, Бунчук, их точку зрения? — задал вопрос Листницкий.

— Если я высказываюсь за поражение, то, следовательно, разделяю, и было бы смешно мне, члену РСДРП, большевику, не разделять точки зрения своей партийной фракции...»

А на вопрос о власти и кому она будет принадлежать хорунжий и член РСДРПб не задумывается:

¹⁰⁰ Деникин сравнивает ораторское искусство, красноречие, убедительность немецких и большевистских агитаторов.

« — Ну, свергнете вы монархию... какое же, по-вашему, должно быть правление? Власть-то какая?

— Власть пролетариата.

— Парламент, что ли?

— Мелко! — улыбнулся Бунчук.

— Что же именно?

— Должна быть рабочая диктатура.

— Вон ка-ак!.. А интеллигенции, крестьянству какая же роль?

— Крестьянство пойдет за нами, часть мыслящей интеллигенции тоже, а остальных... а с остальными мы вот что сделаем... — Бунчук быстрым жестом скрутил в тугую жгут какую-то бумагу, бывшую у него в руках, потряс ею, процедил сквозь зубы: — Вот что сделаем!».

Что-ж, откровенно! По Белинскому! Конечно, насилие решит все проблемы с «остальными».

«Швейцарцы», конец Распутина

Конечно, война немцев на два фронта была их стратегической ошибкой. Но это вопрос географии; зажатость между Востоком и Западом не оставляла им другого варианта. «Антанта», Союз Западной Европы с Россией, сыграла свою стратегическую роль для наших партнёров; но немцы не оставляют надежду любым способом вывести из игры какое-нибудь слабое звено среди союзников. И с самого начала войны спецслужбы немцев не дремлют, ищут и гадают — кто мог бы быть этим звеном?

Узнав по данным разведки о «мирных» настроениях большевиков-пораженцев, живущих в основном в Швейцарии, оживляется немецкая дипломатия в этой стране. О подробностях этих событий сообщает исследователь Вернер Хальвег в книге «Возвращение Ленина в Россию в 1917 году», большую часть которой занимают копии текстов подлинных немецких документов из архивов Германии за 1914- 1917 годы:

*«...немецкий посол в Берне барон фон Ромберг уже в сентябре 1914 года устанавливает первые контакты с русскими революционерами в Швейцарии. Его доверенное лицо — эстонец Александр Эдуард Кескюла¹⁰¹ — от имени этих революционеров ставит перед Ромбергом вопрос о позиции Германии в отношении будущей революции в России: **не пойдёт ли она на мирные переговоры с правительством, которое тогда окажется у власти,***

¹⁰¹ Александр Кескюла — кроме того, что уже известно, ещё становится и агентом посла Ромберга.

и не бросит ли она русских революционеров на произвол судьбы?

Высказываться по этому вопросу немецкое правительство на первых порах избегает.

И всё же посол фон Ромберг продолжает и дальше получать донесения Кескюла об организациях, идеях и деятельности русских революционеров в Швейцарии. Вскоре в этой связи возникает имя Ленина. Донесение Кескюлы от 25 марта 1915 г. ... содержит данные о собрании русских «революционеров ленинского направления» и их решениях, в том числе о превращении империалистической войны в гражданскую, о создании нелегальных подпольных организаций повсеместно там, где правительство и буржуазия объявили о введении военного положения и отменили конституционные свободы, о поддержке братания солдат на фронте и вообще массовых выступлений пролетариата, приветствуется поражение царской монархии. По этому поводу посол замечает лишь, что для Германии наиболее важным представляется решение, «касающееся создания тайных нелегальных организаций»...».

И далее приводит документ – письмо Ромберга рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу:

« Секретно!

Эстонцу Кескюля посчастливилось с выяснением условий, на которых русские революционеры, в случае победы революции, были бы готовы заключить с нами мир. Их программа, по данным известного революционера Ленина 6, содержит следующие пункты:

1. Установление республики.
 2. Конфискация помещичьих земель.
 3. Восьмичасовой рабочий день.
 4. Полная национальная автономия.
 5. Предложение мира, без оглядки на Францию, но при условии, что Германия отказывается от аннексий и контрибуций.
- К пункту 5 Кескюла замечает, что это условие не исключает отделения от России национальных государств, которые стали бы служить в качестве буферных государств.
6. Русские армии тотчас же покидают Турцию, и таким образом — отказ от Константинополя и Дарданелл.
 7. Русская армия вступает в Индию.

Я оставляю вопрос открытым, придавать ли этой программе самой по себе большое значение, тем более что сам Ленин, как мне сообщили, довольно неоднозначно оценивает виды на революцию...».

(Наверняка Кескюла слышал о последнем пункте от Троцкого, который опять возвращается к индийской теме уже после революции, см. ниже).

Элизабет Хереш в упомянутой выше книге также касается связей Кескюлы с

немецкими дипломатами:

«Осенью 1914 года немецкий посланник в Берне, фон Ромберг, направил сообщение в Берлин, что один эстонец, некий Александр Кескюла, предложил ему поддержку для ослабления русского военного противника с помощью подстрекательства балтийских нацио-нальных меньшинств. Министерство иностранных дел Германии не хотело лишиться такой возможности, тем более что Кескюла мог бы также оказывать услуги посредника, будучи хорошо осведомленным о революционерах, объединившихся вокруг Ленина. Вскоре после этого через связного ... из немецкого посольства в Берне на имя Кескюла стали перечисляться денежные средства, часть из которых передавалась Ленину и большевистской партии.»

Одновременно активным посредником между немецкими дипломатами и российскими эмигрантами-революционерами в Европе по собственной инициативе выступает уже упоминаемый чрезвычайно деятельный удачливый коммерсант авантюрного толка, социал-демократических взглядов Израиль Гельфанд. Уроженец западных областей России давно перебрался в Европу, с размахом вёл коммерческие дела от Швеции до Турции и стал более известен под псевдонимом Александр Парвус. Ещё в марте 1915 года он направил немецкому правительству подробный план организации революции в России — документ, известный в историографии под названием «Меморандум д-ра Гельфанда». Ключевую роль в своём плане Парвус отводил большевикам, которые будто бы «уже начали действовать», но успех считал невозможным без объединения усилий всех социал-демократов, в том числе европейских, и был поначалу вхож к Плеханову, Розе Люксембург, Адлеру, другим, пытался войти в расположение к Ульянову(Ленину), но не совсем удачно (по крайней мере так считают большинство исследователей).

Встречу этих деятелей упоминают Збынек Земан и Уинфрид Шарлау в книге «Кредит на революцию»:

«Встреча с Лениным была главной задачей Парвуса. Парвус знал, что из всех фракций социал-демократической партии у большевиков самая лучшая организация. Ленин уже высказался против победы царского правительства в войне. Ленин хотел немедленной революции, — международной революции во всех воюющих странах, путем превращения империалистической войны в ряд гражданских войн, по прежде всего он хотел — революции в России. ...

В плане Парвуса Ленин был ключом к успеху. К концу мая 1915 года Парвус ... появился в ресторане, где обычно обедали русские политические эмигранты. Один из русских подвел Парвуса к столику, за которым сидел Ленин с Крупской, с ближайшей приятельницей Ленина Инессой Арманд и другом Ленина Каспаровым. После краткой беседы Ленин и Крупская ушли из ресторана с Парвусом и пригласили его к себе в их скромную квартиру.

Сам Парвус в своей немецкой брошюре «В борьбе за правду» так описал их беседу на квартире Ленина:

“Я изложил Ленину свои взгляды на социально-революционные последствия войны и в то же время обратил его внимание на то, что пока война продолжается, никакой революции в Германии не будет, революция возможна только в России, которая вспыхнет в результате германских побед. Он, Ленин, однако мечтал об издании международного социалистического журнала, при помощи которого он надеялся толкнуть весь европейский пролетариат на путь немедленной революции”.

Видимого продолжения эта встреча не получила, но у Парвуса имелись и другие варианты. Ведь Ульянов-Ленин тогда был всего лишь одним из большевиков-эмигрантов, хотя и очень активным. Во всяком случае по утверждению российского социал-демократа Давида Шуба:

*«Начиная с середины марта 1915 года Парвус стал главным советником германского правительства по революционным делам в России. Ему была поручена организация единого фронта европейского социализма против царского режима в России. Он должен был помочь социалистическим организациям в России при помощи пораженческой пропаганды, забастовок и саботажа привести к крушению существующий режим. В конце марта 1915-го года Парвус получил от министерства иностранных дел первый миллион марок для этих целей.»*¹⁰²

Одновременно в среде эмигрантов-социалистов идут дискуссии о путях, идеях и стратегиях дальнейших действий, особенно в связи с полыхающей войной. Уж очень подходящий политический момент.

Элизабет Хереш упоминает о недавно состоявшейся конференции русских социалистов, организованной Лениным, и о некоторых из её решений: ...Превращение империалистической войны в гражданскую; создание нелегальных подпольных организаций там, где правительство и буржуазия провозгласили военное положение и отменили конституционные свободы; поддержка солдатского братания на фронте и пролетарских масс; приветствие свержения царской монархии.... ... Всё это происходит весной 1915 года.

Хереш добавляет: «Разумеется, Кескюла смог, воздействуя путем убеждения, финансово подпитанного им, осторожно изменить точку зрения Ленина, причем Ленин при этом не потерял своих революционных лозунгов (и своего лица). Если вначале он был готов только к разговорам о мировой революции, испытывая отвращение к патриотизму «защитников отечества» среди своих товарищей¹⁰³, то теперь его высказывание в этом отношении можно интерпретировать так: «помоему, вначале надо победить Россию» (то есть косвенно поддержать необходимость немецкой победы, прежде чем думать о революции) .

Таким образом, Ленин высказался двояко: с одной стороны, изъявил готовность к диалогу, то есть к сотрудничеству с германским правительством, а с

¹⁰² Давид Шуб. «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ РОССИИ (1850-ых—1920-ых гг.)».

¹⁰³ Имеется ввиду западные товарищи, прежде всего австрийские, немецкие социал-демократы.

другой стороны, готов к вознаграждению, которое он надеется у них получить за это....

Впрочем, эта видимая перемена в мышлении Ленина на руку не только германскому правительству, Парвусу и всем тем, кто делает с ним общее дело. Но и самому Ленину и товарищам из его большевистской фракции пригодится моральный и финансовый стимул.

Ленин уже раньше получил сумму от «Союза освобождения Украины» (поддерживаемого Германией и Австро-Венгрией), за счет чего он финансирует свою газету «Дер Социал-демократ». Теперь благодаря Кескюле он располагает в десять раз большей суммой и, кроме того, не должен беспокоиться о технических мелочах: большевистская газета издается в типографии имперского правительства в Швейцарии, а затем тиражируется в Германии. Оттуда газета проделывает путь через фронт в разные области России.»¹⁰⁴

Здесь необходимо сделать оговорку, что тема денежной поддержки большевиков немецкой стороной до и после октябрьского переворота с целью вывода России из военной игры – очень сложная и до конца не закрыта. В научном обороте присутствуют совершенно противоположные версии с разной степенью достоверности и своими источниками. Исследователи продолжают свою работу, и здесь, в рассказе о важнейших событиях столетней давности, эти утверждения о денежных потоках упоминаются мной как необходимый политический и эмоциональный фон, без которого рассказ выглядел бы плоским, однобоким и схематичным, чего автор всеми силами старается избегать. Достоверность же утверждений на эту тему из приводимых источников обеспечивается добросовестностью авторов этих источников.

О настроениях русских социалистов немцы получают информацию и из других источников. Хальвег пишет¹⁰⁵:

«... В августе 1915 года граф Брокдорф-Ранцау (посол Германии в Копенгагене -- ЮП) телеграфирует Министерству иностранных дел о том, что Парвус-Гельфанд поставил его в известность о возрастающих «волнениях» в русских войсках. В сентябре 1915 года барон фон Люциус, со своей стороны, информирует рейхсканцлера о трех основных течениях в среде русских революционеров: на одном крыле находится Плеханов, важнейшей целью которого является уничтожение немецкого милитаризма; на противоположном полюсе — Ленин, для которого война против Германии — ничто, борьба с царизмом означает всё. Он откровенно желает поражения России. Наконец, имеется ещё «середина», к ней принадлежит Аксельрод¹⁰⁶.»

О тогдашних настроениях немецкого командования предельно ясно говорят замечания кайзера Вильгельма II, сделанные им в памятной записке от 7 августа 1916 г. по поводу внутреннего положения России:

¹⁰⁴ Элизабет Хереш. «Купленная революция. Тайное дело Парвуса.»

¹⁰⁵ Вернер Хальвег. «Возвращение Ленина в Россию в 1917 году.»

¹⁰⁶ Павел Аксельрод - российский политик, социал-демократ, меньшевик, впоследствии противник Советской власти.

«Важно — чисто с военной точки зрения — с помощью сепаратного мира отколоть какого-либо военного противника от союзной Антанты, чтобы всю нашу военную мощь обрушить на остальных... Только когда внутренняя борьба в России за мирный договор с нами обретёт достаточное влияние, мы сможем соответственно рассчитать наши военные планы»¹⁰⁷

Итак, явно замаячил вопрос о сепаратном мире. Однако тогда то ли не хватило денег, то ли не созрела в России революционная ситуация (Николай II оставался на троне и являлся главнокомандующим), но дальше распространения газет дело не продвинулось.

Так обстоят дела в 1915-16 годах.

Однако на переломе 1916 – 17 годов события начинают ускоряться. Похоже, что для Германии обстановка на фронтах становится швах, и немцы (и их союзники) даже предложили мир, но Антанта, почувствовав, что вот-вот наступит перевес в их пользу, отклоняют предложение, тем более, что Америка в апреле обещала вступить в войну (и вступила), и поток продовольствия и вооружений из США в страны Антанты начинает расти. Вместе с тем, в 1916 году у нас достраиваются Транссибирская магистраль и магистраль Петроград - Мурманск, что резко улучшило логистику военных грузов.

Царская семья не остаётся в стороне от военных забот и организует госпиталь в нескольких помещениях Зимнего дворца, во дворце Царского села. Великие княжны активно рукодельничают для раненых солдат, принимают участие в уходе за ними в качестве сестёр милосердия. Там же проводятся концерты для раненых, на одном из которых вместе с Николаем Клюевым Сергей Есенин в качестве прикомандированного санитаря знакомится с царской семьёй. И оставляет стихи:

... На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает грудь.
Всё ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печаль на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.

Есенин

Санитар полевого военно-санитарного поезда №143 **Сергей Есенин**, 1916 г.

¹⁰⁷ Сергей Мельгунов. «Судьба императора Николая II после отречения».

Кроме того, история с похождениями Распутина в столице движется к финалу. Несколько депутатов Думы из окружения князя Феликса Юсупова, решаются на крайние меры. Пьер Жильяр пишет:

«Распутин был убит в ночь на 30 декабря. Князь Юсупов заехал за ним очень поздно вечером в автомобиле и привез к себе. Сначала попробовали отравить его, но, так как действие яда заставляло себя ждать, князь Юсупов и депутат Пуришкевич убили его выстрелами из револьвера. Тело его было брошено в Неву, где его нашли через два дня.»¹⁰⁸ (В фильме Элема Климова «Агония» хорошо сыграл «старца» Алексей Петренко.)

Говорят, что Распутин как-то сказал царю: «не будет меня, не будет и вас». Можно прочитать, что существует несколько вариантов «завещания» Распутина, которые скорее всего фейки. Они содержат в том числе «предсказания», которые частично совпали с реальными событиями (например, о братоубийственной скорой войне).

Императрица и две дочери среди раненых.

круглосуточно можно было взять водку Rasputin немецкого разлива, с рисунком бородатого старца на этикетке (и неплохую; правда, до появления отечественных подделок). А в Швейцарии российские социалисты давно готовят революцию в своей стране, но пока без особых успехов. И в начале января 1917 года 46-летний иммигрант Ульянов на собрании швейцарской рабочей молодёжи в цюрихском Народном доме с сожалением говорит:

И нельзя пропустить факта, что всего через два месяца после его смерти закончилась и русская монархия. А сами монархи стали гражданами республики с неопределённым статусом, и не знало Временное правительство, что с ними делать.

Убийство «старца» ввергает царскую семью в депрессию и панику. Привыкнув за 10 с лишним лет безусловно опираться на мнение, слово «нашего друга» (даже при назначении высших чинов), они остаются совершенно без поддержки. Тем более, что сам Николай постоянно находится в ставке, и семья остаётся одна со своими страхами и неизвестностью. (Невероятные, почти невозможные в западных элитах, похождения странного сибирского старца при российском Дворе так впечатлили иностранцев, что и спустя десятилетия в массовой культуре всплывают на эту тему то книга, то фильм, то песня Boney M Rasputin, ставшая хитом в конце 70-х. А в 90-х в любом киоске у метро

¹⁰⁸ Пьер Жильяр. «Император Николай II и его семья».

Хоть такая память осталась от «старца». Помнится по 90-м - немецкое производство. Дизайнерская наклейка производителя имела оригинальную защиту от подделок - изображённый на ней Распутин подмигивал, если смотреть на бутылку под определенным углом (и что характерно -особенно, когда тара пуста).

«Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой грядущей

революции. Но я могу, думаю, выразить с большой уверенностью надежду, что молодёжь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции.».

«Доклад о революции 1905 года».

Отречение

К концу февраля обнаруживаются признаки кризиса продовольствия в магазинах Петрограда, подлинные или спровоцированные (в других крупных городах Империи ситуация, должно быть, никак не лучше). Даже императрица телеграфирует Николаю II из Царского Села:

«...Вчера были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разбили Филиппова¹⁰⁹, и против них вызывали казаков. Всё это я узнала неофициально.»

Дальнейшее изложение последних дней империи следует в основном сборнику «Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев».

26 февраля в Ставку приходит телеграмма председателя Государственной думы октябриста Михаила Родзянко:

«...Положение серьёзное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топливо пришли в полное расстройство. Растёт общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием, составить новое правительство. Медлить нельзя.»

¹⁰⁹ Видимо, известные булочные лавки купца Филиппова.

Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы этот час ответственности не пал на Венценосца...»,

и он же далее предостерегает, что, если революционное движение, начавшееся 23 февраля из-за недостатка печёного хлеба и муки, перебросится в армию, «*крушение России, а с ней и династии, неминуемо*». Он неотложно ставит вопрос о формировании правительства, ответственного перед Думой. Ставка, однако, на эти телеграммы Родзянко, не реагировала.

И на следующий день рано утром началось вооружённое восстание части Петроградского гарнизона, в течение дня были захвачены городские тюрьмы «Кресты», Литовский замок, следственная тюрьма — Дом предварительного заключения на Шпалерной, выпущены все заключённые, в том числе уголовники.

По городу начались убийства полицейских и городских, грабежи и мародёрства. Нелояльную Госдуму Император своим указом распускает, и тогда бывшие депутаты тут же формируют новый орган власти — Временный комитет Государственной думы (который возглавил октябрист Михаил Родзянко), с революционными лозунгами, который тем самым пытается навести своим авторитетом хоть какой-то порядок среди восставших. Позднее бывший депутат кадет Павел Милюков несколько пафосно напишет:

«Вмешательство Государственной думы дало уличному и военному движению центр, дало ему знамя и лозунг и тем превратило восстание в революцию, которая кончилась свержением старого режима и династии».

Почти одновременно левыми партиями создаётся Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, также пытающийся взять бразды в свои руки. Налицо рождается классическое двоевластие.

Общее направление восставших — к центру города. По дороге захватывается Арсенал — Петроградский главный артиллерийский склад. Рабочие получают в свои руки 40 тыс. винтовок и 30 тыс. револьверов. Лишь военный министр Беляев пытается собрать войска, оставшиеся лояльными правительству и телеграфирует в Ставку:

«Положение в Петрограде становится весьма серьёзным. Военный мятеж немногими, оставшимися верными долгу частями, погасить пока не удаётся. Напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с ними нет средств. Необходимо спешное прибытие действительно надёжных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города.»¹¹⁰

Совет министров, не справляясь с беспорядками, практически самораспускается. Императрица продолжает информировать мужа из Царского Села:

¹¹⁰ Старилов Николай. Хроника революции.

Продуктовые карточки и очереди за продуктами в Петрограде и Москве в 1916 г.

«Революция вчера приняла ужасающие размеры. Знаю, что присоединились и другие части. Известия хуже, чем когда бы то ни было».

И далее: «Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войск перешло на сторону революции».¹¹¹

Между тем в Кронштадте анархия, военный губернатор Кронштадта вице-адмирал Р. Н. Вирен убит, офицеры арестованы. А в Петрограде фракции Временного комитета приходят к соглашению, что формируемое Временное правительство объявит политическую амнистию, обеспечит демократические свободы всем гражданам, отменит сословные, вероисповедные и национальные ограничения, заменит полицию народной милицией, подчинённой органам местного самоуправления, начнёт подготовку к выборам в Учредительное собрание и в органы местного самоуправления на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, не будет разоружать либо выводить из Петрограда воинские части,

Николай II в своём поезде. Ещё император.

¹¹¹ https://pikabu.ru/story/nikolay_ii_i_generalyi_27_fevralya_1917_chast_2_6865673

принимавшие участие в революционном движении. Петросовет, в свою очередь, обязывался осудить разного рода бесчинства и хищения имущества, бесцельный захват общественных учреждений, враждебное отношение солдат к офицерству, призвать солдат и офицеров к сотрудничеству. В дальнейшем инициативу по наведению порядка в стране берут на себя бывший председатель бывшей Думы, а ныне председатель Временного комитета Михаил Родзянко, командующий Северным фронтом Николай Рузский, начальник штаба Верховного главнокомандующего Михаил Алексеев и некоторые депутаты бывшей Думы. Сориентировавшись в быстро меняющейся обстановке и, зная положительные стороны и недостатки самого Императора и его семьи, они решаются на крайние меры. И первой такой мерой представлялась необходимость убедить Царя в сложении с себя монархических обязанностей, т.е. в отречении от престола, хотя бы в пользу сына. И момент был подходящий – Распутин больше не советчик, семья далеко (в Царском селе, брат и дядя в Петрограде, он один в ставке в Могилёве), в столице – непосредственная угроза революции, одно из требований которой как раз избавление страны от царской семьи – от самого Николая и «немецкой» императрицы.

Родзянко заявляет Рузскому, что ситуация в Петрограде настолько радикально изменилась, что требование ответственного министерства себя уже изжило и необходимы совсем другие не бывавшие ранее меры:

«Очевидно, что Его Величество и Вы не отдаёте себе отчета, что здесь происходит. Настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так-то легко... если не будут немедленно сделаны уступки, которые могли бы удовлетворить страну. ... Народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно, войска окончательно деморализованы; не только не слушаются, но убивают своих офицеров; ненависть к государыне императрице дошла до крайних пределов; вынужден был, во избежание кровопролития, всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость... Считаю нужным вас осведомить, что то, что предполагается Вами, уже недостаточно, и династический вопрос поставлен ребром...».

И далее он же добавляет:

« ... Ненависть к династии дошла до крайних пределов, но весь народ, с кем бы я ни говорил, выходя к толпам, войскам, решил твёрдо войну довести до победного конца и в руки немцам не даваться. К Государственной думе примкнул весь петроградский и царскосельский гарнизон, то же самое повторяется во всех городах, нигде нет разногласия, везде войска становятся на сторону Думы и народа, и грозное требование отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становится определённым требованием...(Говорят , сама идея отречения в пользу сына была инициирована Гучковым, Рузским, Алексеевым с конкретной целью сохранить монархию.- ЮП). Тяжкий ответ взяла на себя перед Богом государыня императрица, отвращая его величество от народа. Его присылка генерала Иванова с георгиевским батальоном только подлила масла в огонь и приведет только к междоусобному сражению, так как

сдержат войска, не слушающиеся своих офицеров и начальников, решительно никакой возможности нет... Прекратите присылку войск...». (Имеется ввиду присылку в Петроград для вооружённого подавления беспорядков.-ЮП).

Итак, в разговорах впервые прозвучало слово «отречение», кажется, неведомое прежде в романовской династии. И, видимо, просто отречение от престола ни в чью пользу, т.е. прекращение монархии как таковой, первоначально не рассматривалось. (Но *отречение* всё-таки лучше, чем быть удушенным шарфом, или быть взорванным бомбистами.)

И уже 2-го марта Алексеев по собственной инициативе составляет и отправляет краткое изложение разговора об отречении между Рузским и Родзянко всем главнокомандующим фронтами, кроме Северного, и просит их срочно подготовить и направить в Ставку своё мнение прежде всего по «династическому» вопросу. Все высказываются за радикальное решение, если оно приведёт к канализированию революционной смуты в приемлемое русло и прекратит анархию.

Всё это было донесено генералом Рузским до Николая в его поезде, стоящем в Пскове. Трудно себе представить состояние Царя, ведь сейчас, если он согласится, он лишится престола, заповеданного от предков. Однако, с другой стороны, отречение привлекало его как более достойное решение, чем положение конституционного монарха. Этот выход давал ему возможность снять с себя ответственность за те беды, которые, по его убеждению, неизбежно обрушатся на страну, как только управление перейдёт в руки охочих до власти политиков, утверждающих, что пользуются народным доверием. Однако ситуация в итоге оказалась для него лично и для монархии куда хуже, чем он мог тогда представить - ведь речь идёт сейчас «всего только» об отречении в пользу сына.

Из разговоров с Николаем возникает также его «просьба» или «пожелание», чтобы ему разрешили вернуться в Царское Село, дожидаться там выздоровления детей, а затем всей семьёй выехать в Англию через Мурманск.¹¹² (Вероятно, были предварительные договорённости с англичанами.)

Император в своём поезде совершенно один, никого из близких нет, с кем бы он мог хотя бы поделиться своими страхами. Он уже почти арестован. И решение он принимает один. После долгих и утомительных переговоров с Рузским он заявляет, что склоняется к отречению по предложенному проекту манифеста.

И на вокзал Пскова, где находится царский поезд, срочно прибывают представители Временного комитета - монархически настроенные Александр Гучков и Василий Шульгин. В ходе совещания об условиях «капитуляции» Николай вдруг говорит, что ещё сегодня днём принял решение отречься в пользу сына, но теперь, сознавая, что он не может согласиться на разлуку с больным сыном, он готов отречься и за себя, и за сына в пользу брата Михаила. Заявление производит шок на присутствующих, но царь в этом непреклонен, и к вечеру 2 (15) марта 1917 года Николай

¹¹² Об этом намерении упоминается в книге Георгия Каткова «Февральская революция».

официально передаёт Гучкову и Шульгину подписанный Акт об отречении, который, в частности, гласил:

«<...> Заповедуем брату нашему править делами государства в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. <...>»

Т.е. он отрекается в пользу брата. Династия не прерывается. Но в этом то и возникает новая проблема и не меньшая. Восставшие не хотят уже никакой монархии, никаких Романовых. Ситуация опять тупиковая.

И не всё так просто здесь с точки зрения законов ещё не умершей империи. Милюков вспоминает момент получения известия отречения царя в пользу великого князя Михаила:

«... Не имея под руками текста манифеста императора Павла о престолонаследии, мы не сообразили тогда, что самый акт царя был незаконен. Он мог отречься за себя, но не имел права отречься за сына. ... все великие князья сразу поняли незаконность акта императора. Если так, то, надо думать, закон о престолонаследии был хорошо известен и венценосцу. Неизбежный вывод отсюда — что, заменяя сына братом, царь понимал, что делал. Он ссылаясь на свои отеческие чувства — и этим даже растрогал делегатов. Но эти же отеческие чувства руководили царской четой в их намерении сохранить престол для сына в неизменном виде. И в письмах императрицы имеется место, в котором царица одобряет решение царя, как способ — не изменить обету, данному при короновании.

Сопоставляя всё это, нельзя не прийти к выводу, что Николай II здесь хитрил, как он хитрил, давая октябрьский манифест. Пройдут тяжёлые дни, потом всё успокоится, и тогда можно будет взять данное обещание обратно...»¹¹³.

Отречение Николая 2-го. Изображение неизвестного автора.

Итак, инициаторы отречения в растерянности, а обнародование Манифеста об отречении решено притормозить. Но уже поздно, утечка кем-то допущена, недовольство приобретает ещё большие обороты. Родзянко заявляет, что его настоятельная просьба об отсрочке публикации вызвана масштабами народного недовольства, которое уже привело к избиению офицеров,

¹¹³ Милюков П.Н. «Воспоминания (1859-1917)». (Том 2)

антимонархическим настроениям и анархии. Он сообщает о реакции восставших на Манифест:

«Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому ещё подобных я не видел и которые, конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики и которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь заявить. Только слышно было в толпе — «земли и воли», «долой династию»,

«долой Романовых», «долой офицеров» и начались во многих частях избиения офицеров.

К этому присоединились рабочие, и анархия дошла до своего апогея. После долгих переговоров с депутатами от рабочих удалось притти только к ночи сегодня к некоторому соглашению, которое заключается в том, чтобы было созвано через некоторое время Учредительное собрание для того, чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму правления, и только тогда Петроград вздохнул свободно, и ночь прошла сравнительно спокойно. Войска мало-помалу в течение ночи приводятся в порядок, но провозглашение императором великого князя Михаила Александровича подольёт масла в огонь, и начнётся беспощадное истребление всего, что можно истребить. Мы потеряем и упустим из рук всякую власть, и усмирить народное волнение будет некому.»

А Николай после отречения записывает в своём дневнике:

«... Нужно моё отречение. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я поговорил и передал им подписанный и переделанный¹¹⁴ манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжёлым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!»

Все понимают, что такой царский манифест не устроит восставших. И в Петрограде на квартире Великого князя Михаила проходят срочные переговоры представителей Временного комитета с князем. Родзянко разъясняет Михаилу, что в случае принятия им престола немедленно разразится новое восстание, что за его жизнь никто не поручится и что следует передать рассмотрение вопроса о монархии Учредительному собранию. Его поддерживает политик и журналист Александр Керенский.

Однако бывший депутат кадет Милюков проницательно заявляет, в частности, что *«правительство одно без монарха... является утлой ладьей, которая может потонуть в океане народных волнений; стране при таких условиях может грозить потеря всякого сознания государственности и полная анархия раньше, чем соберётся Учредительное Собрание.»*

¹¹⁴ С передачей престола в пользу брата Михаила, а не сына.

Как в воду смотрел. Что за Россия без самодержца? Ведь это верный путь к зыбкому и непонятному лозунгу Великой французской революции - «Свобода, равенство, братство». А Россия веками держится и развивается на его антитезе, на другом триединстве - Православие, Самодержавие, Народность. (Эта краткая формулировка российской идеологии приписывается пушкинскому современнику Сергею Уварову, графу и министру народного просвещения). И в дальнейшем наша история пойдёт именно в русле милюковских опасений.

Наконец Михаила убеждают на непринятие престола до решения этого вопроса Учредительным собранием. Текст акта непринятия престола от 3 марта составляется совместно юристами Борисом Нольде, Владимиром Набоковым и Василием Шульгиным с поправками самого Великого князя, и переписан начисто рукой Набокова¹¹⁵, после чего и подписывается Михаилом Александровичем. Между тем «документ» без названия (записка), в котором он не отрекается от престола, а лишь согласен принять его исключительно по воле народа, т.е. по решению Учредительного собрания (*«...принял я твёрдое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления ...»*) не может являться, конечно, отречением, и, следовательно, вопрос о реставрации монархии повисает до сих пор в воздухе. Стоит лишь собрать правильное Учредительное собрание ...

«Акт непринятия престола» от 3 марта был особенно важен, так как он являлся единственным документом, который в какой-то степени легализовывал единый центр власти - Временное правительство во главе с князем Георгием Львовым, назначенным председателем этого правительства отдельным актом Николая II (ещё будучи законным Императором), а не Михаилом Александровичем.

Неопределённость во власти резко усиливается из-за публикации накануне в утреннем выпуске 1-го марта «официального» органа советов «Извѣстія Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ» **Приказа №1**, адресованного столичному гарнизону, всем солдатам гвардии, армии, матросам флота для немедленного исполнения.

В нём кроме прочего:

- предписывается организовать выборные комитеты из представителей нижних чинов во всех воинских частях, подразделениях и службах, а также на кораблях.
- во всех политических выступлениях воинские части подчиняются теперь не офицерам, а своим выборным комитетам и Совету.
- всё оружие передаётся в распоряжение и под контроль солдатских комитетов.

¹¹⁵ Профессор права Владимир Набоков – отец русско-американского писателя.

- нижние чины уравниваются с остальными гражданами в политической, общегражданской и частной жизни,
- отменяется обращение к офицерам «ваше высокоблагородие» и т.д.

Психологический и фактический урон от Приказа лишает армию всяческой дееспособности. Реальная цель Приказа - чтобы оружие армии не могло быть направлено на революционные органы власти большевиков, меньшевиков и эсеров.

Узнав из доклада Алексеева об отказе великого князя Михаила Александровича от престола, Николай II позднее записывает в дневнике:

«Алексеев пришёл с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрёкся. Его манифест кончается четырёххвосткой¹¹⁶ для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше». (Заметим, через 6 месяцев — это начало сентября).

Из интонации записи, конечно, понятно, как далёк был Николай от понимания реальных вещей, от понимания демократии в принципе в современном ему обществе. Он так и не понял, что мог бы, вероятно, остаться монархом и в новой России после реформ, при народном парламенте, и при конституции, гарантирующей равные права всем гражданам, и т.д. но ... слишком поздно. Монархия уже не нужна. Пожар уже не потушить. Они опоздали, и реформы опоздали лет на 20-30, если не больше. 9 марта он прибывает в Царское Село к семье, находящейся под охраной войск, признавших Временное правительство. Судя по малодостоверным источникам Николай заявлял о своём и семьи будущем совсем противоположное, чем ранее об отбытии в Англию:

Современная памятная доска на вокзале Пскова.

«Дайте мне здесь жить с моей семьёй самым простым крестьянином, зарабатывающим свой хлеб, пошлите нас в самый укромный уголок нашей Родины, но оставьте нас в России»¹¹⁷.

Арестом царской семьи Временным правительством, по словам юриста Набокова,

¹¹⁶ Сложившийся в то время жаргонный термин для обозначения политической системы, основанной на прямом, равном, тайном и общем голосовании.

¹¹⁷ Вырубова А. А. Страницы моей жизни

«... завязан узел, который был 4/17 июля в Екатеринбурге разрублен товарищем Белобородовым¹¹⁸».

В итоге всего беспорядки стихают, народ замиряется, ибо нет главного раздражителя – дома Романовых, в стране – необъявленная ещё республика, но всё чаще люди обращаются друг к другу – товарищ, везде красные ленточки, над Зимним – красный флаг; воюем дальше с немцами и австрийцами и ждём созыва Учредительного собрания.

На волне необычайного ликования Нина Берберова записывает впечатления от событий, происходящих тогда в её школе:

*«...Экзамены отменили, закон божий ликвидировали. Мы заседали в учительском совете, где тоже были и мартовцы, и ленинцы, и тайные оборонцы. Мы отменили молитву перед началом уроков, повесили на стену в классе портреты Герцена, Плеханова и Спиридоновой¹¹⁹.»*¹²⁰

При всём ликовании, однако, тысячелетнее народное ощущение, что ты живёшь в монархии и у тебя за спиной всегда царь-батюшка, не может исчезнуть за несколько дней, недель или даже лет. И постепенно народ стал ощущать какую-то пустоту вокруг, потерю какой-то твёрдой опоры в общественной жизни (не сразу, потом). Кто теперь отец родной, кому присягать военному человеку и к кому прислониться в народном горе, если такое случится, вокруг кого собраться? «Сгрудиться» (С)? Даже патриарха у православных нет. А ведь от моря до моря идёт война. Кто у нас сегодня Минин и Пожарский? Неясно.

В качестве итога этих событий позволю себе здесь упорядочить 5 стадий распада нашей монархии:

1. Отречение Николая от престола **на словах** в пользу сына при регентстве своего брата Михаила.
2. Новое отречение Николая в пользу самого Михаила с подписанием манифеста на бумаге об отречении.
3. Подписание Михаилом «документа» без названия (записки), в котором он не отрекается от престола, а согласен принять его только по воле народа, т.е. только по решению Учредительного собрания: *«...принял я твёрдое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления ...»*

¹¹⁸ Один из организаторов убийства семьи Николая 2-го; подписал решение Уралоблсовета о расстреле его и его семьи. Расстрелян своими в 1938 году на «Коммунарке».

¹¹⁹ Одна из лидеров партии эсеров.

¹²⁰ Нина Берберова. «Курсив мой».

4. Объявление о созыве, созыв и силовой роспуск большевиками, с жертвами, первого заседания Учредительного собрания (см. далее).
5. В итоге - вопрос о монархии до сих пор висит в воздухе.

Всё ещё ждём Учредительное собрание? ■

История пломбированного вагона

А что же наши «швейцарцы»?

Зыгарь описывает так ситуацию в среде иммигрантов в то время:

«... Политические эмигранты, много лет живущие во Франции, Германии, Швейцарии, совершенно оторваны от происходящего на родине, они уже давно не понимают, о чем говорят и о чем думают дома. Русская эмиграция превратилась в секту, даже в несколько небольших, враждующих между собой сект. Они в душе ненавидят всех, кто остался в России, и называют их предателями или соглашателями. Почти все политэмигранты считают, что только они – истинные носители идей русской революции, только они настоящие, а все остальные – подделка. Впрочем, это мессианство служит естественной психологической защитой, способом убедить себя в том, что бедная и унылая жизнь в скучной европейской глубинке – это высокая жертва.

Ленин успешней других проделал этот самогипноз. После полутора десятилетий в Швейцарии он уже не ощущает себя российским политиком, его постоянные противники по дискуссии – это швейцарские или немецкие марксисты. О событиях в России Ульянов знает мало и не очень интересуется ими.»

И вдруг в Швейцарию приходит весть о состоявшейся революции в России, обошедшейся без большой крови. Царизм больше нет! Вождь большевиков застигнут врасплох – «её» сделали без него и без них, «настоящих» революционеров! Её украли у них! По выражению его близкого соратника эмигранта Григория Зиновьева (ур. Радомысльский) в эти дни он “напоминал льва, запертого в клетке”. А над Зимнем дворце уже развевается красный флаг, у многих на груди красные банты или ленточки, созданное Временное (до созыва Учредительного собрания) правительство страны, которое 2-го марта 1917 года по старому стилю утверждает «Рабочую Марсельезу» в качестве государственного гимна. Эта песня – переделка Революционной «Марсельезы» француза Руже де Лилля с русским текстом, написанным Петром Лавровым - философом, революционером, идеологом народничества ещё в 1875 году. (Сама исходная «Марсельеза» в 1793 году была выбрана Конвентом в качестве государственного гимна революционной Франции, и затем становится песней революционеров всего мира, и государственным гимном Франции до сих пор.)

И теперь, после исчезновения с политической доски влиятельного «старца» и после царского отречения в марте 17-го, обстановка в воюющих странах неожиданно являет другую картину. Немецкий и австрийский генералитеты, ведя тяжёлую войну на два фронта, не могли не учесть, что в России в верхах наступило фактически безвластие, правительство временное, и это можно и нужно использовать для дальнейшего раскачивания ситуации с целью ослабить единство страны и военного духа и привести к власти политические силы, готовые заключить с ними сепаратный мир. Тогда можно было бы перебросить освободившиеся дивизии на запад и повести там более решительное наступление. Тем более, что немцев поджигают со всех сторон, и особенно с запада, а Соединенные Штаты уже готовятся вступить в войну за Антанту (это произойдёт в апреле).

И кроме того, политическая амнистия Временного правительства позволяет эмигрантам законно вернуться в страну. И «настоящие революционеры» в Швейцарии и других местах Европы спешно засобирались домой делать после неправильной, буржуазной, свою, «правильную» социалистическую революцию. Да, царя нет, но ведь остались же капиталисты и помещики, кровопийцы народа, непорядок. А само Временное правительство состоит из таких же слуг царизма, чинуш, буржуев и капиталистов. Ульянов негодует:

«...Это новое правительство, в котором октябристы и «мирнообновленцы», вчерашние пособники Столыпина-Вешателя, Львов и Гучков, занимают действительно важные посты, боевые посты, решающие посты, армию, чиновничество, — это правительство, в котором Милюков и другие кадеты сидят больше для украшения, для вывески, для сладеньких профессорских речей, а «трудовик» Керенский играет роль балалайки для обмана рабочих и крестьян, — это правительство не случайное сборище лиц¹²¹.»

И здесь, на истории скорого прибытия «швейцарцев» в Россию стоит остановиться подробнее, т.к. в обстоятельствах этого странного путешествия историки до сих пор находят новые детали, при этом приходя каждый к своим выводам.

И тогда и сейчас Швейцария – нейтральная страна, цветущий островок в окружающем море воюющих между собой стран. Этот островок манит гонимых беженцев и эмигрантов к себе со всего мира до сих пор. Здесь не бывает революций, швейцарский франк твёрд, как альпийская скала, здесь жители не знают даже как зовут их премьер-министра ... но российским социалистам отсюда надо бежать к себе, на родину, и оправдать своё многолетнее служение революции. (Но для чего? Чтобы освободить российский пролетариат и крестьянство от тяжкого бессмысленного труда на других, от унижений и попрания человеческого достоинства? И в конце концов сделать их жизнь такой же осмысленной и свободной как здесь, которая при упорном и сознательном труде и выборной власти сделает их существование таким же достойным, богатым, разнообразным, со свободным временем для развития и отдыха как здесь? Ну, посмотрим, что у них получится, и это ли их цель.)

А пока главной головной болью наших иммигрантов становится вопрос – как именно добраться до своей страны, ведь и по логике и по фактическому положению

¹²¹ В. Ульянов «Письма из далека».

того военного времени нельзя же было вам, гражданину России, воюющего государства, просто пойти в ж/д кассу, взять купейный билет на швейцарский поезд «Берн - Петроград», и проехаться с ветерком по территории другой воюющей с вами страны - Германии, ведя на остановках светские беседы о погоде с гражданами вражеской страны и покупая у них в киосках газеты и сигареты. Вы были бы тут же интернирован на границе с Германией; тем более если вы в толпе соотечественников. Проезд же кружным путём через дружественные союзнические Францию и Англию и затем северным маршрутом в Архангельск не случился – «друзья» по Антанте не давали проездных виз тем, кто открыто призывал к поражению своего правительства в войне с Германией, т.е. «пораженцам»..... Но на деле же реализовался этот самый невозможный вариант – через вражескую немецкую территорию, затем Швецию и Финляндию.

Объяснению причин и обстоятельств этого необычного маршрута посвящены целые исследования. Фактически это спецоперация и почти детективная история. Попробуем сделать из всего известного резюме.

Исследователь Вернер Хальвег пишет о предфевральском периоде:

«... В немецких документах всё в большей мере на первом плане оказывается личность Ленина. В послании ... за несколько дней до начала Февральской революции в России, посол в Берне фон Ромберг направляет рейхсканцлеру два номера «Социал-демократа» — «центрального органа партии господина Ленина», а также брошюру, написанную «господином Лениным».»¹²²

На «господина Ленина» и его призывы, конечно, обратили внимание. Но поездку через Германию, он почему-то даже не рассматривает! Это легко заметить, читая ленинскую переписку тех дней. В начале марта его близкий друг Инесса Арманд получает следующую телеграмму:

«Дорогой друг!.. Вчера... прочёл об амнистии¹²³. Мечтаем все о поездке. Если едете домой, заезжайте сначала к нам. Поговорим. Я бы очень хотел дать Вам поручение в Англии узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать. Жму руку. Ваш В. У.»»

Об умонастроениях в эти дни главного большевика авторы интернет-проекта «1917. Столкновение с бездной» пишут:

« В первые дни после получения этого известия у Ленина были весьма превратные представления о свершившейся революции. Он считал, что Николай II окажет сопротивление и организует свою партию или даже использует армию для реставрации монархии, а также что одна из основных причин Февральской революции — это “заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К^о к власти в интересах продолжения империалистской войны, <...> в интересах избиения новых миллионов рабочих и крестьян России”. В эти дни Ленин постоянно пишет о “фирме” “Англия и Франция”, а членов Временного правительства называет “приказчиками” этой фирмы. В то же время Ленин с первых дней был твердо

¹²² Вернер Хальвег. Указ. Соч.

¹²³ Амнистия всем политзаключённым и беженцам была объявлена Временным правительством по случаю окончания монархии.

убеждён, что Февраль был лишь первым этапом революции. «Я не могу судить отсюда, из моего проклятого далека, насколько близка эта вторая революция», — писал он 11 (24) марта 1917 года.»¹²⁴

Когда известия о революции подтвердились, он посылает письмо Александре Коллонтай в Стокгольм: «Ну, что ж! Этот «первый этап первой (из порождаемых войной) революции» не будет ни последним ни только русским». Ленин замышляет другую, свою революцию в России, а потом везде. Мысль о возвращении в Петроград, в революцию, которую необходимо «исправить» по-большевистски, становится неотступной. Желание самым срочным образом добраться до Петрограда точит Ульянова изнутри.

«Сон пропал у Ильича с того момента, когда пришли вести о революции, — рассказывала Крупская, — и вот по ночам строились самые невероятные планы. Можно перелететь на аэроплане. Но об этом можно было думать только в ночном полубреду. Стоило это сказать вслух, как ясно становилась неосуществимость, нереальность этого плана».

Изобретаются немыслимые планы побега, вплоть до перелёта через линию фронта. В Стокгольме его связной Ганецкий получает по почте книгу из Швейцарии и догадывается, что в переплёте -- ленинское письмо:

*«...Ждать больше нельзя, тщетны все надежды на легальный приезд. Необходимо во что бы то ни стало немедленно выбраться в Россию, и единственный план — следующий: найдите шведа, похожего на меня. Но я не знаю шведского языка, поэтому швед должен быть глухонемым. Посылаю вам на всякий случай мою фотографию».*¹²⁵

А вскоре в письме Инессе Арманд 19 марта он почти на грани отчаяния излагает:

*«В Кларане (та же Швейцария - ЮП) есть много русских богатых и небогатых русских социал-патриотов и т. п. (Трояновский, Рубакин и проч.), которые должны бы попросить у немцев пропуска — вагон до Копенгагена для разных революционеров. Почему бы нет? Я не могу этого сделать. Я «пораженец». А Трояновский и Рубакин + К° могут. О, если бы я мог научить эту сволочь и дурней быть умными!.. Вы скажете, может быть, что немцы не дадут вагона. Давайте пари держать, что дадут! Конечно, если узнают, что сия мысль от меня, или от Вас исходит, то дело будет испорчено... Нет ли в Женеве дураков для этой цели?...»*¹²⁶ (Достойные же характеристики даёт «вождь» для людей-соратников, к которым собирается обратиться за помощью! Цинизм зашкаливает.)

Марк Алданов в романе «Самоубийство» приводит и другие его «любезности» в адрес своих соратников:

«...В своих письмах (раз сам назвал их «бешеными») осыпал грубой бранью и врагов, и единомышленников, и полуюединомышленников, и бывших

¹²⁴ https://1917.tass.ru/?_ga=1.261864525.1957136793.1463045350

¹²⁵ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», с. 487.

¹²⁶ В.И. Ленин. ПСС т.49.

единомышленников, Струве называл «Иудой», Чернова «скотиной», Радека «нахальным наглым дураком», Троцкого «шельмецом», «негодяем», «сим мерзавцем», «подлейшим карьеристом»; говорил о «трусливой измене» Плеханова, о «поганеньком, дрянненьком и самодовольном лицемерии» Каутского, о «подлой трусости» своего друга Богданова, говорил даже о «подлостях» Мартова, недавно ближайшего из друзей;...». Короче, все гады кроме него!

Но мы отвлеклись, хотя и крайне интересно узнать о внутренней кухне революционеров и их взаимоотношениях, кто вот-вот возьмёт абсолютную власть в огромной стране.

В этот же день (19-го марта) представители всех участвовавших ранее в Циммервальдской конференции¹²⁷ русских и польских партий (а всего эмигрантов в центральной Европе набирается сотен пять) собирают совещание в Берне. Тема – план отъезда, ранее предложенный проживающим в Париже меньшевиком Мартовым. Сообразно этому плану единственный путь возвращения - через Германию, ибо о другом не могло быть и речи ввиду вполне очевидного отрицательного отношения Антанты (в отношении Троцкого, бывшего тогда в Америке, эти опасения на пути в Россию как раз оправдались), а также из-за угрозы нападения немецких подлодок в Северной Атлантике и на Балтике. Англия даже выставила свои посты на сухопутных пограничных переходах между Швецией и Финляндией, бывшей ещё провинцией России. Другие страны Антанты также расставили кордоны на путях возвращения большевиков-пораженцев, в то же время Эренбург, Плеханов (оборонцы, т.е. за продолжение войны) и др. получили английскую визу и официально добрались морем до нейтральной Швеции «как положено».

О предложении Мартова Ульянов пишет соратнику Вячеславу Карпинскому подробнее:

«План Мартова хорош: за него надо хлопотать, только мы (и Вы) не можем делать этого прямо. Нас заподозрят. Надо, чтобы, кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты-русские обратились к швейцарским министрам (и влиятельным людям, адвокатам и т. п....) с просьбой поговорить об этом с послом германского правительства в Берне... План, сам по себе, очень хорош и очень верен».

Дело закрутилось. Тут же появляется швейцарский социалист, национальный советник Роберт Гримм, которому поручается вести переговоры с немецкими представителями в этой стране.

Однако ввиду затягивания дела, Гримму выражается недоверие, и Ульянов-Ленин выбирает своим доверенным лицом швейцарского левого социалиста Фрица Платтена, который быстро принимается за организацию переговоров.

Ну и, конечно, о намерении большевистской фракции РСДРП срочно вернуться в Россию прекрасно знает, конечно, и Гельфанд (Парвус), и он в эти же мартовские дни сближается с посланником Германии в Копенгагене Брокдорфом-Ранцау, которому излагает свой новый план. Брокдорф-Ранцау немедленно сносится с

¹²⁷ Конференция европейских социалистов в Циммервальде, Швейцария. Здесь речь идёт о её «левых» делегатах и «пораженцах».

Берлином и уже в начале апреля канцлер поручает германскому послу в Берне фон Ромберга войти в контакт с русскими политическими эмигрантами и предложить им проезд в Россию через Германию. Итак, идея возвращения политэмигрантов через воюющую Германию принадлежит одновременно Мартову и Парвусу с Брокдорфом-Ранцау?

Историк Геннадий Соболев в книге «Тайна «немецкого золота»» скептически относится к этой мысли:

«... опубликованные документы МИД Германии не дают оснований так считать. В телеграмме в МИД Германии 21 марта 1917 г. немецкий посланник в Копенгагене Брокдорф-Ранцау, сообщая о состоявшейся у него беседе с доктором Гельфандом, не приводит на этот счет никаких предложений, кроме общего рассуждения своего собеседника о том, что «возможность эффективно бороться против Милюкова и Гучкова в России появится после вступления там в силу закона о политической амнистии путем непосредственных контактов с социалистами». 25 марта имперский посланник в Берне фон Ромберг направил статс-секретарю МИД Германии Циммерману телеграмму, в которой информировал о ставшем ему известным желании видных русских эмигрантов вернуться в Россию через Германию и просил указаний на тот случай, если ему будет сделан запрос такого рода. С этого времени немецкая сторона активно включилась в процесс возвращения эмигрантов-революционеров из Швейцарии в Россию. В тот же день, 23 марта, Циммерман телеграфировал о желательности разрешить транзит русским революционерам через Германию и просил информировать об этом Верховное главнокомандование на предмет окончательного решения этого неотложного вопроса.

«Поскольку мы заинтересованы в том, чтобы влияние радикального крыла русских революционеров возобладало, — мотивировал он, — мне представляется желательным разрешить этот проезд».

25 марта представитель Главной штаб-квартиры информировал МИД Германии о том, что Верховное главнокомандование не имеет возражений против проезда русских революционеров, если они проследуют в отдельном транспорте».

Т.е. не так важно кому принадлежит инициатива проезда, главное — интересы сторон совпали как нельзя кстати. Сергей Мельгунов пишет о сложившейся в марте ситуации:

«Германское правительство имело полное основание надеяться, что «крайние социалистические фантазёры» усилят в России хаос и что вследствие этого Россия будет вынуждена заключить мир. Людендорф¹²⁸, однако, считал необходимым подчеркнуть, что инициатива, в сущности,

¹²⁸ Эрх фон Людендорф на тот момент - Генерал-квартирмейстер ген. Штаба, аналог нашего генштаба.

исходила от рейхсканцлера и что высшее командование не было будто бы запрошено по этому поводу. Из полемики, возникшей в 1921 г. между Людендорфом и Брокдорф-...было названо и имя того, кто подал счастливую идею «прогнать дьявола при помощи черта» и подорвать русскую революцию посредством анархии¹²⁹ - это опять неизменный Парвус. Министр иностранных дел германской республики (это уже 1921 год - ЮП) не возражал против таких утверждений, он протестовал лишь против приписываемой ему «подготовки переворота» в бытность его послом в Копенгагене. Непосредственное участие Парвуса в подготовке ленинской поездки подчеркивал Керенскому и Эд. Бернштейн (статья Керенского в «Новой России» 37 г.): мысль, внушенная Парвусом копенгагенскому послу, нашла поддержку в министерстве иностранных дел Они убедили канцлера Бетман-Гольвега, и канцлер предложил Ставке осуществить «гениальный маневр», предложенный Парвусом. А Парвусу «гениальный маневр» мог быть подсказан и самим Лениным через Ганецкого или обратно через того же Ганецкого сообщен Ленину. В конце концов, довольно безразлично, откуда исходила инициатива отдельного звена двухстороннего плана.»¹³⁰

О том же пишет Георгий Катков, описывая реакцию немцев на пораженческие настроения большевиков:

«Провозглашение такой политики (т.е. поражение своего правительства - ЮП) произвело впечатление на немцев. Они начали деликатную операцию по перемещению Ленина и его сторонников на сцену революционного хаоса в Петрограде. Вопрос о том, кто инициировал переговоры по возвращению Ленина в Россию через территорию Германии, не столь важен: главное состоит в том, что все заинтересованные стороны были полностью согласны в этом вопросе.» ¹³¹

В любом случае так странно совпавшие интересы сторон антагонистов быстро закрутили маховики этой спецоперации. Ведь именно тогда немецкое кайзеровское государство вынуждено было добиваться скорейшего мира с Россией, принимая во внимание печальное для них развитие военных событий на Западном фронте, и особенности в связи с готовностью Соединенных Штатов вступить в войну, а также по внутривнутриполитическим причинам, в частности из-за усиливающегося сопротивления войне социалистов. Недаром генерал-квартирмейстер Эрих фон Людендорф всего несколько недель спустя после переворота в России так оценил ситуацию:

«В военном отношении следует оценить русскую революцию только как выгодную для нас. Её последствия сказались на нашем военном положении так счастливо, что нам нет больше нужды считаться с возможностью наступления со стороны русских, и мы уже сейчас можем оттянуть наши силы... Если в дальнейшем ситуация на Востоке станет ещё легче, —

¹²⁹ Видимо, Мельгунов имеет ввиду под подрывом революции внесение в страну хаоса и организацию новой большевистской революции.

¹³⁰ Сергей Мельгунов «Золотой немецкий ключ большевиков».

¹³¹ Георгий Катков «Февральская революция».

заключает он, — мы сможем снять оттуда ещё большие силы... С таким пополнением мы уравнием соотношение сил на Западе в нашу пользу. Следовательно, мы вправе с большей уверенностью смотреть на наше положение в будущем».¹³²

О дальнейших же событиях в Швейцарии Шарлау и Земан в книге «Кредит на революцию» пишут:¹³³

«Пока технические и легальные средства проезда русских революционных эмигрантов в Россию через Германию обсуждались в германском министерстве иностранных дел, Парвус уже предпринял первые практические шаги.

Так как отправка большого числа русских революционеров была довольно сложным делом, то он считал, что в первую очередь надо немедленно переправить в Россию через Германию Ленина и Зиновьева — двух главных большевистских лидеров. Тут связь между Парвусом и Лениным через Ганецкого¹³⁴ оказалась очень ценной. Парвус получил сначала согласие на это германского Генерального штаба, а не Министерства иностранных дел, и тогда попросил Ганецкого известить Ленина, что поездка его и Зиновьева через Германию организована, но не говорить ему ясно из какого источника оказана помощь. Германский агент Георг Скларц немедленно отправился в Цюрих сопровождать Ленина и Зиновьева в их поездке через Германию. Но Парвус ошибся, предполагая, что Ленин немедленно примет предложение.

24-го марта Ленин просил Зиновьева послать Ганецкому следующую телеграмму: «Письмо отправлено. Дядя (то есть Ленин) хочет знать более подробно. Официальный проезд только нескольких лиц — неприемлемо». Телеграмма Зиновьева была потом напечатана в «Ленинском сборнике» № 13.

Но Георг Скларц ... осложнил дело в Цюрихе тем, что предложил покрыть все расходы по поездке двух большевистских лидеров. Ленин немедленно прервал переговоры.

Парвус сделал большую ошибку. Без всякого намерения он как бы устроил западню двум большевистским лидерам. Если бы Ленин принял предложение, поехать в Россию только вдвоем с Зиновьевым, он бы так

¹³² Вернер Хальвег . Указ.сочинение.

¹³³ Winfried B. Scharlau, Zbynek A. Zeman: "Freibeuter der Revolution. Parvus - Helphand". Verlag Wissenschaft und Politik, Köln 1964; 382 Seiten.

¹³⁴ Ганецкий, он же Александр Фюрстенберг, революционер-эмигрант, коммерческий партнер Парвуса и связник между ним и Ульяновым, и по слухам держатель кассы Коминтерна (впоследствии). После 1917 года работал в Москве в финансовых органах. Далее сверхтипичный сценарий — 1937 год, обвинения по подозрению в шпионаже в пользу Польши и Германии, арест, расстрел, забвение.

скомпрометировал себя, что не мог бы принести никакой пользы ни большевикам, ни немцам. ... Лидер германской социал-демократии Филипп Шейдеман... позже писал: — «Я впоследствии узнал, что поездка Ленина и его друзей через Германию в Россию была организована доктором Гельфандом-Парвусом, который об этом информировал только нескольких лиц. Нам (то есть социал-демократическим лидерам) он об этом ни слова не сказал».

Т.е. речь шла о достаточно узком круге лиц во главе с Ульяновым. Всего же политэмигрантов в Швейцарии набиралось около пяти сотен, и многие были с семьями. Ульянов не сразу принимает предложение Парвуса, справедливо опасаясь быть скомпрометированным в связях с немецким правительством.

Элизабет Хереш пишет о этих перипетиях, предшествующих транзиту через Германию, что

«сначала он отклоняет предложенное, затем начинает колебаться. Наконец, он ставит условия. Так, например, чтобы поездка не оплачивалась членами имперского правительства. Первоначально, очевидно, против всех правил конспирации, Парвус планировал, что его коммерческий совладелец Скларц должен был сам привезти Ленина и Зиновьева и сопровождать их до российской границы.

Когда Ленин был в принципе согласен принять помощь Берлина, следовало расшевелить товарищей его ближайшего окружения, чтобы они поехали вместе с ним. Здесь он наталкивается на неожиданное препятствие. Они подозревают немцев в намерениях по дискредитации русских социалистов. Наконец, Ленин находит в свойственном ему тоне подходящий аргумент, о чем вспоминает Анатолий Луначарский:

«Когда революция в опасности, мы не можем думать о каких-то буржуазных предрассудках. Если германские капиталисты настолько глупы, чтобы доставить нас в Россию, то они роют себе тем самым могилу. Я принимаю предложение — я еду».

23 марта германский посол в Берне фон Ромберг телеграфирует в Берлин о готовности Ленина и других революционеров вернуться в Россию через германскую территорию. Через три дня приходит ответ из Берлина. Имперское правительство получило от верховного командования сухопутных войск прикрытие с тыла и конвоирование для обратного пути революционеров. Людендорф¹³⁵ ничего не имеет против въезда Ленина — в конце концов, он его даже не знает; позже ему приписали, что именно он осуществлял возвращение Ленина.

МИД хочет сборной транспортировки, то есть ни в коем случае не отправлять Ленина одного или вдвоем (как бы этого желал Парвус), а ещё примерно человек сорок, среди которых должны быть представители различных политических направлений. Не должно слишком бросаться в глаза, что Германия импортирует в Россию как раз тех революционеров, которые ей нужны там для её политических целей».

Хотя отъезжающим предоставлен вагон третьего класса, но поезд считается «дипломатическим», и два прусских офицера должны сопровождать поезд революционеров в качестве защиты.

¹³⁵ Эрх фон Людендорф на тот момент - Генерал-квартирмейстер ген. Штаба.

О решении в немецких верхах Владлен Логинов в книге «Неизвестный Ленин» пишет:

«... статс-секретарь МИДа Артур Циммерман телеграфирует в ставку верховного командования: «Так как в наших интересах, чтобы в России взяло верх влияние радикального крыла революционеров, кажется уместным разрешить им проезд». 25 марта ставка предложение одобрила и 26 (13)- го МИД направил Ромбергу в Берн телеграмму: «Групповой транспорт под военным наблюдением. Дата отъезда и список имен должны быть представлены за 4 дня»¹³⁶.

Итак, проезд разрешён! Австрийский писатель Стефан Цвейг позже скажет о том, что «транспортировка революции опаснее любой бомбы ...».

А Уинстон Черчилль позже в воспоминаниях даёт как всегда точную и едкую характеристику произошедшего: *«... They had employed poison gas on the largest scale and had invented the “Flammenwerfer.” Nevertheless it was with a sense of awe that they turned upon Russia the most grisly of all weapons. They transported Lenin in a sealed truck like a plague bacillus from Switzerland into Russia.»* Что можно перевести как «несмотря на изобретение немцами самых смертельных видов вооружения – отравляющие газы, огнемёты – самое ужасное оружие они приберегли для русских, перевезя Ленина в запечатанном вагоне как чумную бациллу из Швейцарии в Россию».

Между тем облеченный доверием самих эмигрантов швейцарский социал-демократ Фриц Платтен ведёт переговоры с германским посольством в Берне, оговаривает технические детали транзита, составляет с подачи Ульянова (Ленина) условия проезда эмигрантов и передаёт их фон Ромбергу. (Чрезвычайно интересно, что условия проезда здесь диктует не сторона, которая уступает, а сторона, которая пользуется уступкой. ... типа, - а то мы не поедём!) Очень характерный момент во всей этой истории: кто более заинтересован в операции – тот и идёт на уступки.

Впрочем, у немцев эти условия не вызвали возражений, что говорит только о предельной их заинтересованности в этой поездке.

Условия проезда русских эмигрантов через Германию

1. Я, Фриц Платтен, сопровождаю за полной своей ответственностью и на свой риск вагон с политическими эмигрантами и беженцами, возвращающимися через Германию в Россию.
2. Сношения с германскими властями и чиновниками ведутся исключительно и только Платтеном. Без его разрешения никто не вправе входить в вагон.

¹³⁶ http://thelib.ru/books/vladlen_loginov/neizvestnyy_lenin-read-5.html

3. За вагоном признается право экстерриториальности. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из неё никакого контроля паспортов или пассажиров не должно производиться.
4. Пассажиры будут приняты в вагон независимо от их взглядов и отношений к вопросу о войне или мире.
5. Платтен берет на себя снабжение пассажиров железнодорожными билетами по ценам нормального тарифа.
6. По возможности, проезд должен быть совершён без перерыва. Никто не должен ни по собственному желанию, ни по приказу покидать вагона. Никаких задержек в пути не должно быть без технической к тому необходимости.
7. Разрешение на проезд даётся на основе обмена на германских или австрийских военнопленных или интернированных в России.
8. Посредник и пассажиры принимают на себя обязательство персонально и в частном порядке добиваться у рабочего класса выполнения пункта 7-го.
9. Скорейшее как только возможно совершение переезда от Швейцарской границы к Шведской, насколько это технически выполнимо.

Берн — Цюрих. 4 апреля (22марта. Н. М.) 1917 г.

(Подписал) Фриц Платтен, Секретарь Швейцарской Социалистической Партии. (см. например книгу Е.Я. Зазерский, А.В. Любарский. ЛЕНИН. ЭМИГРАЦИЯ И РОССИЯ).

Условия передаются 4 апреля и уже 7 апреля немецкая сторона даёт согласие на эти условия с небольшими оговорками. Отъезжающие знако-мятся с этими условиями и, кроме того, на общее суждение выносятся заявление о том, что каждый участник принимает ответственность за поездку на себя.

Буквально в день отъезда Ульянов-Ленин первым подписывает его. (Второй – Frau Lenin. -ЮП). Затем поставили подписи и другие. Интересно, что, кажется, паспорта при этом с пассажиров никто не требовал. Привожу текст этого заявления (в переводе с немецкого):

«Я, нижеподписавшийся, удостоверяю своей подписью:

1. что условия, установленные Платтеном с германским посольством, мне объявлены;
2. что я подчиняюсь распоряжениям руководителя поездки Платтена;
3. что мне сообщено известие из «Petit Parisien», согласно которому русское Временное правительство угрожает привлечь по обвинению в государственной измене тех русских подданных, кои проедут через Германию;

4. что всю политическую ответственность за мою поездку я принимаю на себя;
5. что Платтенем мне гарантирована поездка только до Стокгольма.

9 апреля 1917 г. Берн—Цюрих».

В путь отправлялись тридцать два человека (включая женщин и двух детей). 9 апреля поезд революционеров отъезжает из Берна под громкие протесты остальных русских. «Предатели! Вильгельм оплачивает вам поездку!» — кричат им вслед.

Приведем для полноты картины список пассажиров этого вагона, известного в историографии как «опломбированный» (взят из газеты Владимира Бурцева «Общее дело» за 14.10.1917 и 16.10.1917).

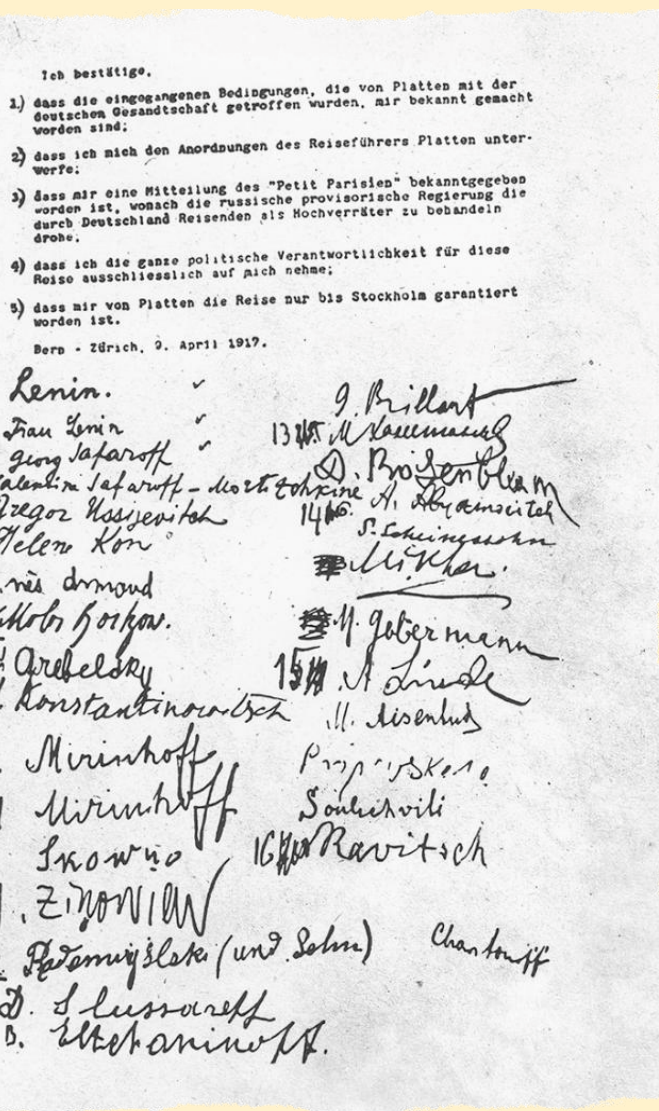
Пассажиры «ленинского» вагона:

1. **УЛЬЯНОВ, Владимир Ильич**, род. 22 [10] апреля 1870 г. Симбирск, (Ленин).
2. **СУЛИШВИЛИ, Давид Сократович**, род. 8 марта 1884 г. Сурам, Тифл. губ.
3. **УЛЬЯНОВА, Надежда Константиновна**, род. 14 февр. 1869 г. в Петрограде.
4. **АРМАНД, Инесса Федоровна**, род. в 1874 г. в Париже.
5. **САФАРОВ, Георгий Иванович**, род. 3 ноября 1891 г. в Петрограде
6. **МОРТОЧКИНА, Валентина Сергеевна**, род. 28 февраля 1891 г.
7. **ХАРИТОНОВ, Моисей Мотыков**, род. 17 февраля 1887 г. в Николаеве.
8. **КОНСТАНТИНОВИЧ, Анна Евгениевна**, род. 19 авг. 66 г. в Москве.
9. **УСИЕВИЧ, Григорий Александрович**, род. 6 сентября 90 г. в Чернигове.
10. **КОН, Елена Феликсовна**, род. 19 февраля 93 г. в Якутске.
11. **РАВВИЧ, Сарра Наумовна**, род. 1 августа 79 г. в Витебске.
12. **ЦХАКАЯ, Михаил Григорьевич** [Миха], род. 2 января 1865 г.
13. **СКОВНО, Абрам Анчилович**, род. 15 сентября 1888 г.
14. **РАДОМЫСЛЬСКИЙ, [Г. Зиновьев], Овсей Гершен Аронович**, 20 сентября 1882 г. в Елисаветграде.
15. **РАДОМЫСЛЬСКАЯ, Злата Эвновна**, род. 15 января 82 г.
16. **РАДОМЫСЛЬСКИЙ, Стефан Овсеевич**, род. 17 сентября 1913 г.
17. **РЫВКИН, Залман Бэр Ошеревич**, род. 15 сентября 83 г. в Велиже.
18. **СЛЮСАРЕВА, Надежда Михайловна**, род. 25

Заявление отъезжающих с подписями.

сент. 86 г.

19. **ГОБЕРМАН, Михаил Вульфович**, род. 6 сент. 92 г. в Москве.
20. **АБРАМОВИЧ, Шая Зеликов**, род. 27 марта 81 г.
21. **ЛИНДЕ, Иоган Арнольд Иоганович**, род. 6 сентября 88 г. в Гольдингене.
22. **БРИЛЛИАНТ, [Сокольников], Григорий Яковлевич**, род. 2 августа 88 г. в Ромнах,

23. МИРИНГОФ, Илья Давидович, род. 25 окт. 77 г. в Витебске.
24. МИРИНГОФ, Мария Ефимовна, род. 1 марта 86 г. в Витебске.
25. РОЗЕНБЛУМ, Давид Мордухович, род. 9 августа 77 г. в Борисове.
26. ПЕЙНЕСОН, Семен Гершович, род. 18 декабря 87 г. в Риге.
27. ГРЕБЕЛЬСКАЯ, Фаня, род. 19 апреля 91 г. в Бердичеве.
28. ПОГОВСКАЯ, Буня Хемовна, род. 19 июля 89 г. в Рикинах (при ней — сын Рувим, род. 22 мая 13 г.)
29. АЙЗЕНБУНД, Меер Кивов, род. 21 мая 81 г. в Слуцке.

Там же у Бурцева можно посмотреть списочный состав других вагонов, проследовавших вскоре таким же путем в Петроград. Среди них Петр Лазаревич Войков (один из будущих организаторов расстрела царской семьи, в честь него же названа станция метро), Анатолий Луначарский, Юлий Цедербаум (Мартов). Вообще среди этих списков надо постараться, чтобы найти славянские имена и фамилии.

Вопреки буквальному пониманию термина «запломбированный» в «ленинском» вагоне были опломбированы лишь три из имевшихся в нём четырёх дверей. Последняя использовалась для общения с внешним миром, проводимого под контролем Платтена¹³⁷ и двоих сопровождавших немецких офицеров, в том числе для получения газет и покупки молока для детей. Между тем, многие исследователи и участники поездки, например, Карл Радек, кстати, ехавший нелегально как австрийский подданный, отрицали факт пломбирования вагонов и утверждали, что имело место лишь обещание не покидать вагонов.

Кстати, термин «пломбированный» в советской «разрешённой» литературе появляется впервые и случайно, видимо, у Эренбурга в книге «Люди. Годы. Жизнь.» где он описывает свое прохождение границы при возвращении в новую Россию на станции Белоостров:

«Офицер показал на меня даме: - Видишь- в шляпе- ещё один «пломбированный». Хорошо, что сразу сцапали...». (Эренбург имеет ввиду, что его и товарищей далее уже везли до Петрограда под конвоем как уклонившихся военнобязанных.) Так что особой тайны относительно тех вагонов никакой тогда не было. То же и у Маяковского в поэме «Хорошо!», о едущих в пломбированном вагоне говорит адъютант-социалист:

«... В Берлине

выходили

с билетом перронным.

Деньги

штаба —

шпионы и аге́нты.

В Кресты бы

¹³⁷ Фриц Платтен, наивный швейцарец-социалист, мечтавший о воплощении своих социалистических мечт в первой в мире социалистической стране, переехал в СССР в 1923 году, и пытался организовать сельхозкоммуны. В 1937 году арестован НКВД и погиб в северных лагерях ГУЛАГа в 1942 году при невыясненных обстоятельствах, могила неизвестна. Типично для истории революционера в Совдепии.

тех,
кто ездит в пломбиро́ванном!» 1927 г.

Итак, погрузившись в Берне в обычный поезд, революционеры отправились в сторону Германии, где на станции Готтмадинген их пересадили в тот самый пломбированный вагон. Сопровождали революционеров офицеры немецкого Генштаба. Вагон почти безостановочно следует через Германию до портовой станции Засниц, где эмигранты пересаживаются на пароход «Королева Виктория» и переправляются в Треллеборг.

Кстати, Швеция не без нажима со стороны немецкого правительства всё-таки согласилась пропустить эмигрантов по своей территории и, кажется, в обычном поезде, и, видимо, без шведских виз. На границе уже в Швеции их встречает Ганецкий и сопровождает до Стокгольма.¹³⁸ В пути Ленин старается воздерживаться от всяких компрометирующих контактов; так в Стокгольме он отказывается от встречи с Парвусом, потребовав засвидетельствовать это трёх лиц, включая Радека, а вот сам Радек проводит с Парвусом почти весь день (13 апреля), ведя с ним переговоры с санкции же Ленина (т.е. практически с самим Лениным).

Об этом же Земан и Шарлау пишут:

«Хотя Фюрстенберг-Ганецкий по-прежнему оставался посредником, на сцене появился новый персонаж, Карл Радек; следует помнить, австро-венгерский подданный. Он взял на себя роль главного переговорщика с Гельфандом со стороны большевиков. 13 апреля они целый день беседовали в обстановке полной секретности. Нам не дано узнать, о чем шел разговор. Маловероятно, что они потратили много времени на обсуждение марксистской теории. Видимо, Гельфанд напрямую предложил поддержку большевикам в предстоящей борьбе за власть в России, а они в лице Радека её приняли. События последующих месяцев ясно свидетельствуют, что именно об этом шел разговор в Стокгольме 13 апреля.»

Парвус мог оказать поддержку только денежную, да своими деловыми связями в Европе. Между тем Ленин старался создать впечатление отсутствия денежных средств: он обращался за помощью, брал деньги у российского консула и т. д.; однако, по впечатлению шведских социал-демократов, прося о помощи, Ленин явно «переигрывал», так как шведы точно знали, что деньги у большевиков были. Затем другим поездом эмигранты проехали на север до городка Хапаранда на шведско-финской границе, где находилась таможня. Пограничный городок в известной мере служил перевалочным пунктом в Россию и пропагандистских материалов, и денег, и людей. В тот момент Временное правительство в остановке всеобщей революционной эйфории не могло не впустить в страну всех пострадавших от царского режима политэмигрантов. И уже 16 апреля российский поезд троянским конём втаскивает наш вагон на перрон Финляндского вокзала революционного Петрограда.

¹³⁸ <https://history.wikireading.ru/34264?ysclid=le8fk3j5mn85620048>

Сейчас, конечно, видно, что была совершена историческая ошибка, беспечность со стороны нового правительства. Ведь экстремистские лозунги большевиков и уголовные похождения их «экспроприаторов» были давно известны, а их политические цели не совпадали с интересами большинства населения по демократизации государства. И вскоре Троя пала, как и писалось в древности.

Ленин на броневике у Финляндского вокзала после прибытия из эмиграции. Худ. Константин Аксенов.

Ну, а пока почти всех возвращенцев из ссылок и эмиграции толпы соратников встречают как героев, с оркестрами, речами, митингами. То же и сейчас – Марсельеза, прожектора. Пассажиры вагона, вчерашние гонимые эмигранты, неуверенно ступают на свою землю, которую они мечтают преобразовать в свой коммунистический рай. И лидера большевиков Ульянова-Ленина возносят на броневик, откуда он в

лучах прожекторов бросает в море людей несколько лозунгов, которые мало кто в толпе слышит, и его увозят в штаб большевиков, занявших разграбленный дом Матильды Кшесинской. Сбылось то, о чём он ещё в ноябре 1913 года писал к Горькому, о своей мечте (не лишне повторить цитату): *“Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие”*.

Мечты сбываются! Писатель Владимир Максимов поясняет «сие удовольствие» для будущего вождя, излагая мысли Адмирала об «этом человеке» в романе «Заглянуть в бездну» (писатель художественно реконструирует мысли адмирала Колчака):

«Сквозь шелуху полых слов, ... сквозила такая исступленность в собственной правоте, такой накал поистине дьявольской страсти, что было ясно — этот человек знает, чего он хочет, и не остановится ни перед чем, чтобы достичь поставленной цели. Этот человек, в чем Адмирал с годами все более убеждался, знал главное для политика — человеческие слабости, и играл на них с виртуозностью гениального музыканта. Он предлагал человеку безграничную свободу, оставляя вне ее посягательств лишь свой личный авторитет — авторитет вождя...

Да, он тоже, как и его предшественники, сулил легковерным золотые горы, молочные реки и кисельные берега, но под внешним флёром этих посулов всегда прочитывалась наиболее близкая сердцу толпы идея: пусть будет хуже,

зато поровну. И, что самое поразительное, в чем Адмирал ни на минуту не сомневался, тот сам, судя по всему, понимал, что у него почти нет шансов. В такой стране, как Россия, где в дремоте устоявшегося быта никто никого и никогда не слышит, создать условия, в которых он окажется в центре внимания, ему могло помочь только чудо. **И это чудо подарила ему война.** Российская телега стронулась с места и покатила под гору. ... и остановить ее теперь мог только тот, у кого тяжелее рука и круче голос, кто не погнушается никакими средствами и не постыдится никаких преступлений. И сегодня такой человек объявился в Петрограде где среди керенских и чхеидзе¹³⁹ у него не оставалось сколько-нибудь серьезных конкурентов и он, в чем Адмирал тоже был убеждён, окончательно становился хозяином положения.»

Вот для чего необходима война – этот человек, в условиях полуразрушенного государства, умирающей экономики, безавторитетного некомпетентного правительства, но зато с вооружёнными замордованными войной мужиками, верящими в большевистские сладкие речи о «молочных реках» - такой человек здесь чувствовал себя как рыба в воде.

И буквально на следующий день немецкая контрразведка направляет из Стокгольма в Главную штаб-квартиру телеграмму, о чем сообщает Соболев:

«... Для немецкой стороны это событие (прибытие поезда на место - ЮП), как выяснится позднее, имело тоже историческое и практическое значение. Пока же начальник германской контрразведки Штейнвакс направил из Стокгольма 17 апреля в Главную штаб-квартиру следующую телеграмму: «Проезд Ленина в Россию прошел удачно. Он действует так, как мы хотели бы. Отсюда негодование социал-демократов, сторонников Антанты в Стокгольме. Платтен задержан англичанами на границе и отправлен обратно, что привлекло здесь большое внимание. Платтен — известный лидер швейцарских социалистов, который сопровождал русских революционеров из Швейцарии через Германию в Стокгольм и хотел проехать в Петроград».»¹⁴⁰

Земан и Шарлау сообщают о переписке в первые дни после прибытия:

«В первом письме Фюрстенбергу, написанном через несколько дней после приезда в Петроград, Ленин выражает недовольство: «Мы всё ещё не получили от вас денег» — и просит заграничное бюро соблюдать предельную осторожность. Во втором письме Ленин подтверждает получение двух тысяч рублей от поляка Мечислава Козловского, адвоката-социалиста, одного из связников Гельфанда.»

Впоследствии генерал Эрих фон Людендорф писал в своих мемуарах: «Посылая Ленина в Россию, наше правительство принимало на себя особую

¹³⁹ Николай Чхеидзе - грузинско-российский государственный и политический деятель, меньшевик. 1-й председатель Всероссийского ЦИК в 1917 году, и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в феврале-сентябре 1917 года.

¹⁴⁰ Геннадий Соболев. Указ. сочинение.

ответственность. С военной точки зрения это предприятие было оправдано, Россию нужно было повалить». И повалили.

Но это было высказано значительно позже описываемых событий, когда уже всё произошло – вплоть до Брест-Литовского договора.

Как бы подводя итоги этой транспортной спецоперации Элизабет Хереш касается дальнейших судеб революционеров, причастных к этим событиям (правда, несколько сумбурно и не совсем точно, хотя общую тенденцию передаёт правильно):

«... Система держалась с помощью силы, но она, помимо многих миллионов людей, поглотила и своих отцов-основателей. Из них всех естественной смертью умерли только Ленин и Парвус, оба от кровоизлияния в мозг и в одном и том же году – 1924-м.

Куда делись другие?

Ганецкий – убит Сталиным, последователем Ленина, как «шпион и троцкист».

Козловский – ликвидирован как «поляк и немецкий агент».

Суменсон – умерла в исправительном лагере.

Шляпников – погиб в лагере.

Троцкий – убит агентом Сталина ледорубом.

Радек – погиб в тюрьме перед началом своего процесса.

Мархлевский (он же «Басок», работал в Константинополе) – погиб в лагере.

Каменев – расстрелян.

Зиновьев – расстрелян.

Раковский (действовал в Румынии) – приговорен к смерти, умер в тюрьме.

Абрамович – после исключения из партии исчез.

Бухарин – застрелен в ходе показательного процесса.

Малиновский – расстрелян во время своей речи перед судом.

Рязанов (действовал в Вене) – погиб в ссылке.

Фриц Платтен – умер в советском лагере для пленных.

Воровский – расстрелян одним патриотом на своей зарубежной службе в Швейцарии. На его швейцарском счету находилось 13 миллионов швейцарских франков.»

Как сказано уже, не всё в этом отрывке точно, но общий посыл понятен – свидетелей оставлять нежелательно. Отсюда и жертвы, жертвы, как при мафиозных разборках.

Лето 17-го

Между тем новое правительство делает первые демократические шаги.

Уже «17 марта Временное правительство объявляет программу беспрецедентных и самых радикальных реформ, которые ещё вчера невозможно было представить: гарантия свободы печати и собраний, общая амнистия, немедленный созыв Учредительного собрания на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, формирование отрядов народной милиции взамен полиции, которую Временное правительство решает распустить. Так Россия первой в мире запрещает смертную казнь и одной из первых – даёт

избирательное право женщинам. Ни в Великобритании, ни во Франции, ни в США ничего подобного в этот момент нет.»¹⁴¹

Однако, Временное правительство не стало единым центром власти. Как минимум работает ещё один политический центр социалистов - Петросовет. Это не может не смущать простое население.

« ... Дело в том, что с начала Февральской революции одновременно функционируют и Временное правительство, и Советы (Петросовет, Моссовет и сотни других по всей стране). Они не борются друг с другом, однако сам факт их сосуществования смущает и путает общество.

Новая система российской власти, возникшая после отречения императора, может быть понятна человеку XXI века, который хорошо знаком с разделением власти на законодательную и исполнительную. Однако российскому обывателю начала XX века, привыкшему к жёсткой вертикали и единоначалию, существование двух центров кажется непривычным и опасным. Он ещё не знает, что такое система сдержек и противовесов, как она устроена. Государственная дума, работающая уже 12 лет, никогда не имела возможности влиять на политические решения, не говоря уже о том, чтобы формировать правительство.

Петросовет, возникший стихийно, вовсе не претендует на то, чтобы считаться органом верховной государственной власти (Лозунг «Вся власть Советам» выдвинет намного позже враг существующей системы Ленин). Председатель исполкома Петросовета Чхеидзе в одном из своих выступлений признается, что только один раз Петросовет позволил себе вторгнуться в сферу ответственности исполнительной власти: в первые дни революции, опасаясь, что посещавший Ставку император убежит и возглавит контрреволюцию, члены Совета пытались отправить солдат, чтобы его арестовать.»¹⁴²

Временное правительство озабочено и символикой новой России:

«Во время революции широко использовался красный флаг, однако Юридическое совещание, состоявшееся 25 апреля 1917 года, предложило оставить в качестве национального бело-сине-красный флаг, поскольку он не несет атрибутов никаких династических эмблем и может считаться флагом новой России. На состоявшемся 6 мая 1917 года заседании Временного правительства вопрос о государственном гербе и национальном флаге был отложен до «разрешения Учредительным собранием». Бело-сине-красный флаг продолжал быть фактическим государственным символом России до Октябрьской революции 1917 года (де-юре — до принятия конституции РСФСР в 1918 году).» <http://россиигордость.рф/simvol/flag-1917.php>

Но двоевластие не бывает надолго, и каждая из двух параллельных властей при любой возможности стремится стать единственной. И уже надолго. И возможности для

¹⁴¹ Зыгарь. Указ. сочинение.

¹⁴² Там же.

этого у советов прибывают с каждым днём, с каждым поездом с эмигрантами с запада и со ссыльными с востока.

Троцкий со спутниками также не без приключений прибывает в Петроград морем из США позже Ульянова. По пути, в Галифаксе, по приказу английского адмиралтейства, их сняли с корабля, арестовали и интернировали в Канаде, справедливо считая их планы выгодными Германии и мешающими успешному для Антанты завершению войны. Но - удивительным образом! - вскоре все они уже тогда были отпущены после заступничества российского Временного правительства (а именно Милюкова). Наоборот, когда патриарх российской социал-демократии «оборонец» Плеханов решил вернуться в Россию, ему и сорока его сторонникам англичане предоставили военный корабль, который в сопровождении миноносцев (для защиты от немецких субмарин) довёз их до Норвегии. Очень интересны наблюдения Плеханова от увиденного после приблизительно 37 лет отсутствия (из записок Валентинова-Вольского осенью 1917 года):

*- Видите ли, я до сих пор считал Россию в большинстве своем населенной русскими - славянами. Думал, что господствует в ней славянский тип, примерно "новгородского образца". Значит - люди высокого роста, по преимуществу долихоцефалы и блондины. Что же я вижу во всех российских, петербургских и прочих советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов? Множество людей черноволосых, большей частью брахицефалов, и говорят эти люди с каким-то акцентом и придыханием. Неужели, думал я, за эти годы, что не был в России, **антропология её населения так сильно изменилась?** ... Должен сказать, что меня не только поразило, а даже шокировало слишком уж обильное представительство русских представителями других народностей, населяющих Россию, как бы почтенны они ни были. В этом видна незрелость русского народа. <https://politics-ru.livejournal.com/6387167.html?ysclid=loxoyoao23>*

Журналист Илья Эренбург прибывает из Парижа летом легально по английской визе через Скандинавию. Из Сибири возвращаются среди многих известные революционеры-большевики Лев Розенфельд, Иосиф Джугашвили, меньшевик Ираклий Церетели и включаются в работу исполком Петросовета. Первые двое, став Каменевым и Сталиным (подчёркнуто рабочие псевдонимы), сходу подминают под себя редакцию «Правды», ориентируя её на курс своей партии.

Большевики организуют свой штаб в бывшем особняке Матильды Кшесинской (брошенном ею и уехавшей навсегда) и для страны начинается новый этап борьбы за власть. Через день после прибытия Ленин выступает с балкона особняка и затем на Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов, где произносит речи, вошедшие в историю КПСС как «Апрельские тезисы», которые были у нас, студентов 70-х всех специальностей обязательными для изучения в курсе «Истории КПСС» и которые подавались нам как сияющая вершина научной марксистско-ленинской мысли. Теперь, глядя незашоренно и с расстояния в век на те события, видишь совсем другую картину.

А именно - представьте себе обстановку на апрель 17-го года: царской власти нет, мутного Распутина нет, царской Полиции и Охранки нет (и уже организуется новая милиция), царские генералы прищучены и в армии начинаются новые демократические порядки, и, видимо, главное – в стране действует назначенное известными политиками Временное правительство – временно до созыва Учредительного собрания России, которое и определит форму государственно-политического устройства страны. Причем делегаты Учсобрания будут избраны со всей страны на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Может быть и не так много, но ведь и времени прошло новой власти всего полтора месяца, и даже идёт война.

И вдруг не живший 11 лет в этой стране человек, мало кому известный журналист-теоретик, большевик, ни копейки не заработавший как пролетарий, но мнящий себя вождём всего трудового народа, кричит, что всё не так, всё не правильно, это обман трудящихся со стороны министров- капиталистов, угнетение трудящихся продолжается, нет доверия Временному правительству, его нужно свергнуть и отдать власть только Советам ... Происходит это публично на апрельском Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов.

*«... Он предлагает устроить конец света: прекратить войну, даже оборонительную, уничтожить государство, в том числе армию (заменив её «вооружёнными народными массами»), чиновничество, полицию, банки; свергнуть Временное правительство, передав власть Советам. Последний пункт присутствующим должен, по идее, понравиться, но после всего сказанного все смотрят на Ленина как на опасного сумасшедшего. Ленин пытается быть максимально резким и жёстким, чтобы не допустить объединения большевиков и меньшевиков. Потому что в этом случае он превратится в рядового партийного деятеля в огромной партии под руководством Церетели.»*¹⁴³

Но он же хочет быть вождём, так что вариант быть рядовым партийцем - ему поперёк горла, «вождь» слышит только себя. А меньшевики тогда соперничали с большевиками по популярности.

Наоборот, в своём выступлении представитель меньшевиков Церетели в спокойном тоне отстаивает демократические принципы и принципы ненасилия в политике, призывает все политические течения максимально слышать друг друга. Алданов также пишет о Ленине в эти дни:

«...Он в самом деле отстал от русской жизни, да, собственно, никогда её хорошо и не знал. Но одно ему было совершенно ясно: веками накопленный запас ненависти, злобы, жажды мщенья — огромная, страшная сила. Если развязать её, эта сила унесёт всё. «Но можно ли

¹⁴³ Зыгарь. Указ. Сочинение.

будет на ней и строить?» — спрашивал он себя и отвечал, что там будет видно. Через много лет Троцкий сравнил его с Наполеоном.»¹⁴⁴

После событий на этом совещании посол Франции в России Морис Палеолог в своих мемуарах описывает настроения в дипломатических верхах после этого выступления в Совете:

«Миллюков говорит мне сегодня утром с сияющий видом: Ленин вчера совершенно провалился в Совете. Он защищал тезисы пацифизма с такой резкостью, с такой бесцеремонностью, с такой бестактностью, что вынужден был замолчать и уйти освистанным... Уже он теперь не оправится. ... Но я боюсь, что Миллюков лишний раз окажется жертвой своего оптимизма. В самом деле, приезд Ленина представляется мне самым опасным испытанием, какому может подвергнуться русская Революция.»

Даже большевик Каменев на страницах «Правды» публично подвергает апрельские тезисы сильному сомнению, акцентируя, что мнение автора – вовсе не позиция партии.

Так что, провал?

Кроме того, слухи, что он и другие большевики проехали по Германии с согласия кайзера, производят совсем не тот эффект, на который он, видимо,

Петроград. Невский проспект. Весна 1917-го.

¹⁴⁴ Марк Алданов. «Самоубийство».

рассчитывал со своими «миролюбивыми» тезисами. В завтрашних газетных статьях - он, Зиновьев и другие прибывшие в его поезде, уже будут названы немецкими шпионами.

Между тем спокойствия в столице нет, Временное правительство и Петросовет балансируют то ли на грани войны, то ли на грани союзничества. Но мало кто понимает, что нужно делать в первую очередь. На фронте – солдатские беспорядки, кто-то за продолжение войны до победы (опять же по разному понимают – что считать победой, адмирал Александр Колчак и даже Плеханов – за взятие Константинополя и оккупацию проливов Босфора и Дарданелл), кто-то вообще против любого продолжения; а как же тогда союзнические обязательства перед Антантой?

Разброд жуткий. Генерал Лавр Корнилов предлагает даже установить свою личную военную диктатуру и прекратить тем самым беспорядки.

Политический кризис разрешается вдруг и внезапно – петросовет и либералы, в основном это кадеты, договариваются о коалиционном составе Временного правительства, и 6 постов министров занимают эсеры и меньшевики, включая Чернова, Церетели и ставшего эсером Керенского (военный министр). Большевики же здесь забыты. Слишком уж они агрессивны и безапелляционны, никого не слышат кроме себя.

Сразу же в июне почти стихийно в Петрограде собираются представители сотен Советов со всей России на 1-й Всероссийский Съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Поразительно, как это могло произойти в те времена хаоса и неразберихи! Присутствующие большевики заявляют свои права на власть и право сформировать свое правительство, но их никто не воспринимает всерьез, и Съезд выражает доверие новому Вр. Правительству. А для защиты нарождающейся демократии – укреплять армию и дисциплину в ней, а вопросы наступления и обороны оставить военным стратегам. Но самое главное – Съезд призвал ускорить созыв Учредительного собрания для определения формы управления в новой демократической стране. Так что, зародыш парламентаризма в новой России в действии?

Здесь же на Съезде происходит очередная принципиальная перепалка между Церетели, сторонником коалиции политических сил, и большевиками. Церетели утверждает, что невозможно одномоментно и в одностороннем порядке закончить войну и что молодой республике необходимо противостоять вооружённым выступлениям любой политической партии и всяческим политическим экспериментам, и что *«... В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Такой партии в России нет.»*. И тут же Ленин с места сгоряча выкрикивает: *«Есть! (такая партия! - ЮП)»*. Однако Съезд принимает тезисы Церетели, ленинские притязания на «взятие» власти отвергнуты.

Не ограничиваясь дебатами на съездах и совещаниях, где их аргументы не очень то сильны, большевики, и прежде всего неугомонный Троцкий (только что неожиданно перешедший в партию большевиков), продолжают на улицах призывать к социалистической революции, обращаются к солдатам и матросам, особенно к кронштадтским, зовут их выйти из казарм и свергнуть временное правительство, а всю

власть передать советам. В общем призывы к насилию. Обещают крестьянам землю, фабрики рабочим, солдатам – мир и возвращение к мирной жизни. А служивые и так не очень хотят мёрзнуть в окопах, да и боятся, что землю в деревне начнут делить без них. И солдаты из крестьян собираются домой. Фронты редуют.

Александра Толстая, дочь Льва Толстого, руководила на фронте «летучкой» (по-нашему – полевой госпиталь), и в беседе она вспоминает о настроениях среди солдат:

«— Пропганда шла отчаянная везде, по всему фронту. Митинги непрекращающиеся. И эта пропаганда, конечно, достигала своей цели. Что неудивительно: солдаты сидели месяцами в окопах, устали, оголодали. И тут им говорят: «Идите домой, земля будет ваша, фабрики будут ваши, жизнь начинается другая».

.... О солдатах на фронте:

«...В сущности, ведь злобы не было. Всё это было наносное, результат пропаганды. Им обещали всё, что хотите: и фабрики, и заводы, и землю. А они очень хотели уйти из окопов как можно скорее — это и сыграло главную роль, а вовсе не революционные идеи, солдатам абсолютно не понятные.»

Она о большевиках:

«...Я видела что-то человеческое и в Калининe. Один раз я пришла к нему просить за семерых священников, приговорённых к смертной казни. Он в какой-то момент вскочил и говорит: «Не мучьте меня, я был единственный во ВЦИКе, кто выступил против казни». Я поблагодарила его и ушла. Говорить больше не о чем было. Даже в Менжинском, звере таком, я видела эти проблески. Я видела их в надзирателях, в солдатах, в красноармейцах, которые меня арестовывали. Но они все находились во власти какого-то гипноза. Я уверена, существо русского человека коммунизм не задел и никогда не заденет. Недаром сейчас в советской России пятьдесят миллионов религиозных людей.»¹⁴⁵

Но пока большевики приобретают сторонников прежде всего в войсках петроградского гарнизона и на Балтийском флоте. В конце июня разгорячённые агитацией солдаты и кронштадтские матросы явились в Петроград, требуя немедленной передачи власти от Временного правительства Петросовету. Но никто к этому на деле не готов. Солдаты чинят самосуд, грабят магазины. Население города в панике, кто может – бегут из столицы.

В Петрограде начинаются стихийные антиправительственные демонстрации, в которых участвовали солдаты ряда частей гарнизона города, рабочие Путиловского и других заводов столицы. Едва не гибнет от солдатских штыков министр земледелия социалист Чернов, буквально спасённый самоотверженностью Троцкого.¹⁴⁶ Ульянов-Ленин считает, что вооружённое выступление преждевременно, т.к. большинство

¹⁴⁵ Это интервью было записано в 1965 году историком Алексеем Малышевым, собиравшим свидетельства о 1917 годе для программ «Радио Свобода». Публикация Ивана Толстого. http://intelros.ru/2007/09/04/aleksandra_lvovna_tolstaja_nestandardnaja_doch.html?ysclid=la7wgxa04y705587260

¹⁴⁶ Ю. Фельштинский Г. Чернявский. Лев Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг.

солдат на фронте ещё не охвачены большевистской агитацией, и восстание в Петрограде может быть ими подавлено.

Тем временем обвинения Ленина и других большевиков в их «немецком шпионстве» со стороны патриотов, особенно журналистов, особенно Бурцева, продолжают раскручиваться, хотя документальных подтверждений не хватает, либо они оказываются фальшивыми. Во всяком случае большевики сильно дискредитированы в глазах патриотической общественности.

В начале июля верные Временному правительству полки входят в столицу, и большевики оказываются под угрозой ареста. Революционно настроенные солдаты разоружены. К тому же на Юго-Западном фронте немцы и австрияки прорывают нашу оборону, войска бегут, полно дезертиров, и общественность связывает это с массовой пропагандой в войсках большевистских агитаторов за мир, братания, за поворот пушек против собственных министров-капиталистов. Сотни большевиков арестовываются.

Ленин в Разливе. Худ. Аркадий Рылов

Угроза ареста по обвинению в шпионаже висит и над их лидером, и многие из его соратников убеждают Ленина сдаться и на открытом суде защитить честь своего имени и честь других большевиков, заодно используя судебную трибуну для убеждения присутствующих в правоте политического курса их партии РСДРПб.

Ну что вы?
Ленин в качестве
подсудимого на

непонятном суде будет оправдываться за свои действия? Да никогда в жизни! Он не Троцкий, который точно бы устроил бурное ораторское шоу на его месте! Ленин и слушать об этом не хочет и вместе с Зиновьевым успевает бежать из города. При помощи местных рабочих они скрываются не очень далеко в местечке у озера Разлив. Обсуждают провал, строят новые планы восстания. Тема «Ленин в Разливе» стала одним из самых популярных и неисчерпаемых сюжетов последующей ленинской мифологизации. Множество советских художников, вдохновившись романтикой изгнания, живописали скрывающегося в шалаше «вождя мирового пролетариата» - костерок, туман над озером, берёзки, стожок, закопчённый котелок с похлёбкой,

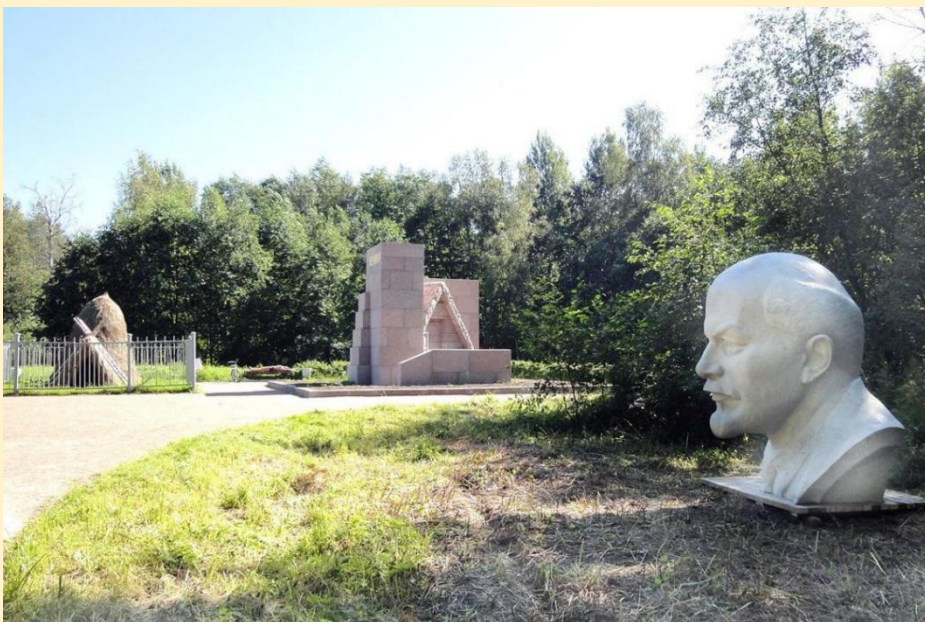
человек в рабочей куртке и огромным лбом строчит что-то в блокноте. Вождь работает. Хорошо, что не зима. Но скоро осень.

Старые революционеры на пенсии пускают перед этой картиной (и другими подобными) скупую слезу. А где же друг и соратник Григорий Зиновьев, коего не замечено в картинах советских художников. Какой Зиновьев? Не было и не могло быть там никакого Зиновьева, врага народа, отщепенца, перерожденца и проч. И он давно расстрелян (в 1938 году). Бенедикт Сарнов сокрушается по поводу доказательства факта присутствия Зиновьева в Разливе:

«Эммануил Казакевич гораздо больше душевных - да и физических - сил, чем на создание своей «Синей тетради», затратил на переписку с партийными функционерами разного калибра. А вся эта долгая титаническая борьба шла только за то, чтобы читатель узнал, что в знаменитом шалаше, в Разливе, вместе с Лениным прятался и Зиновьев.»¹⁴⁷

А вот Сталин, неожиданно оказывается, приезжал, скрываясь от милиции. Советовался. И в советские времена власти соорудили там мемориал, даже стожок тот нашли и сохранили.

После провальных июльских событий эсеров-меньшевистские Советы сочли за благо передать всю полноту власти в руки Временного правительства, которое организовало Особую следственную комиссию для выяснения обстоятельств массовых июльских выступлений. Двоевластие, длящееся с марта, заканчивается. Большевики, кто уцелел, залегли. По приказу Временного правительства аресту подлежали среди прочих Ульянов - Ленин, Луначарский, Зиновьев, Александра Коллонтай, Козловский, Парвус (которого в России тогда не было и уже не будет), Фюрстенберг (Ганецкий), Фёдор Раскольников и др. Неугомонный Троцкий, которого попытался спасти от ареста благодарный Чернов, сам требует своего ареста из солидарности со своими товарищами, видимо, пытаясь выставить себя перед большевиками в лучшем свете (формально он ещё не член РСДРПб). И он попадает в Кресты вместе с Луначарским.

Современное состояние "того" места у ст. Разлив.

¹⁴⁷ Бенедикт Сарнов. «Сталин и Маяковский». Повесть Эммануила Казакевича «Синяя тетрадь» вышла в 1961 году.

Эсеро-меньшевистский ВЦИК Петросовета занял в отношении обвинения большевиков умеренную позицию, но политический разрыв между ними нельзя было залатать слишком быстро, и в августе, на VI съезде РСДРП(б) большевики снимают лозунг «Вся власть Советам». Объяснение простое – такие Советы, которые заключают союз с контрреволюцией (т.е. с Временным правительством) нам не нужны. Сначала Советы должны стать нашими, большевистскими, с классовым подходом к политике, тогда и поговорим о лозунгах.

Между тем толстовец князь Львов уходит с поста председателя Вр. Правительства, и, значит, оно должно формироваться заново, но никто не берет на себя эту ответственность, формальные процедуры на эту тему ещё не прописаны. В Петрограде, а, значит, и в стране опять неразбериха и разброд. Опять власть провисает.

В конце июля Керенский провожает гражданина Николая Романова и его семью почему-то в Тобольск, и они по водному пути из Тюмени в Тобольск странным образом проплывают мимо села Покровского, родины Распутина, и видят даже его выделяющийся дом. Может, это так кем-то задумано? Наставник царевича Пьер Жильяр, разделяющий с ними ссыльный путь, замечает об этой странности в книге «Император Николай II и его семья»: *«В этом для Царской семьи не было ничего удивительного, потому что Распутин это предсказал»*. (Может быть, царская семья сама подсказала место своей ссылки?).

Итак, император в отставке сослан подальше от бурлящей столицы, ведь никто не знает, что с ними делать. Реставрация монархии – не такое уж безнадёжное дело. Другие страны это проходили.

Наконец, все договариваются и поручают Керенскому в должности премьер-министра сформировать правительство, ответственное только перед ним. А поскольку парламента никакого ещё нет, то такой порядок – только до созыва Учредительного собрания, назначенного на 17 сентября. Хотя у некоторых уже возникают подозрения в диктаторских наклонностях Керенского. Ведь созыв Уч. Собрания с сентября он уже переносит на ноябрь.

В июле Керенский для удержания армии от распада новым Верховным главнокомандующим назначает генерала Лавра Корнилова, стойкого вояку и патриота, вышедшего из самых казацких низов.

Лавр Корнилов и Борис Савинков.

Корнилов тут же вводит на фронте смертную казнь за дезертирство и пацифистскую агитацию, прекращает хождение большевистских газет. Армия, офицерство, казаки, купечество, особенно московское, военные училища встают за Корнилова. Впечатлительная Марина Цветаева даже напишет стихотворение «Корнилов» после его речей:

«... Сын казака, казак ...

Так начиналась — речь.
— Родина. — Враг. — Мрак.
Всем головами лечь.

Бейте, попы, в набат.
— Нечего есть. — Честь.

— Не терять ни дня!

Должен солдат

Чистить коня». 1917

Корнилов набирает популярность своими твёрдыми планами разгона советов и наведения порядка в стране жёсткими мерами вплоть до смертной казни смутьянов. И сразу же направляет верные ему части, в том числе кавалерийский корпус под командованием генерала Крымова, в столицу. Идут разговоры о военном положении в Петрограде и о явно диктаторских полномочиях Корнилова, чему явно противится не столь кровожадный Керенский - адвокат, журналист, демократ, не желающий ничьей крови.

Он обоснованно опасается усиления влияния Корнилова и 27 августа (9 сентября) 1917 года объявляет генерала Корнилова мятежником, приказывает ему сдать дела и явиться в столицу. Но Корнилов не подчиняется.

В газетах публикуется заявление правительства Керенского об измене главнокомандующего. При этом Глава правительства обращается к народу, войскам с патриотическими, антинемецкими и антибольшевистскими лозунгами. Он лично встречается с генералом Крымовым, после чего генерал, оказавшийся между двух огней, стреляется. В стране — очередной кризис.

А в самой столице среди оставшихся большевиков — паника, ведь первыми казаки Корнилова повесят их. Перед лицом общей опасности корниловского путча эсеры, меньшевики и большевики создают Военно-революционный комитет (ВРК) по инициативе единственного оставшегося на свободе руководителя РСДРПб Льва Каменева. Они вооружают рабочих, высылают навстречу корниловцам отряды для завалов и для разборки ж.-д. путей и мостов. а в отсутствие командира революционные агитаторы легко распропагандировали казаков и останавливают продвижение 3-го кавалерийского корпуса на Петроград. Усилия агитаторов Петросовета дают результаты, часть остальных наступающих войск изменяют Корнилову и переходят на сторону Вр. Правительства, наступление на столицу рассыпается.

29 августа (11 сентября) 1917 года Керенский издаёт указ об отчислении от должностей и предании суду «за мятеж» генерала Корнилова и его старших сподвижников.

Общими усилиями путч проваливается, Керенский на всякий случай объявляет главнокомандующим себя, и 1-го сентября бывшего главнокомандующего и его приближенных арестовывают в Ставке. Премьер в ярости от заговора генералов, и от пережитого испуга «рубит» головы направо и налево, увольняет своего же ставленника и своего помощника по военным делам Бориса Савинкова. Характерно, что среди прочих закрывают газету Горького «Новая жизнь» за слишком резкую критику правительства, ведущейся войны, действий союзников (он то здесь при чем?).

Столь подробный рассказ об июльских-августовских событиях совершенно нам необходим, он показывает ту новую атмосферу в обществе, особенно среди солдат, которая привела к Октябрю ...После подавления, а вернее саморассыпания корниловского путча под решительными противодействиями ВРК Петросовета на фоне относительного бездействия Временного Правительства, авторитет эсеров и большевиков среди простого народа, рабочих, солдат резко вырос, ведь это их усилия защитили революцию и столицу от диктаторских поползновений генерала Корнилова. А роль Временного правительства выглядела очень бледно. Рейтинг Керенского, скатившегося в пафос и истерику вместо решительных действий, резко падает, даже для Зинаиды Гиппиус он уже не герой, как это было летом... Более того, он становится предметом анекдотов, нелепейших слухов, в зимний дворец присылаются на его адрес шутовские телеграммы.

И тут сама напрашивается историческая параллель с августовским путчем ГКЧП 1991 года, который угас за несколько дней, и тем нам чрезвычайно интересен, что подметил Зыгарь:

«Параллели между корниловским мятежом 1917-го и августовским путчем 1991-го очевидны. Оба выступления имели одну цель – реванш и реставрация прежних порядков. В обоих случаях путчи были инициированы искренними сторонниками империи, пережившей катастрофу. Лидируют среди путчистов военные и представители старой элиты. Власть (Горбачёв, Керенский) играет пассивную, даже двусмысленную роль: у наблюдателей неоднократно возникали сомнения, не было ли сговора между главой государства и путчистами. Часть культурной интеллигенции была на стороне путчистов, большинство населения столиц активно выступило против. Именно активные действия гражданского общества (а не власти) привели к неудаче путча. В итоге путч привел к прямо противоположным результатам, чем хотели заговорщики: они лишь ускорили коллапс прежнего режима. Даже умеренные переходные формы стали невозможны, радикальные противники прежней империи одержали верх. Государство, которое пытались

спасти путчисты, в обоих случаях распалось на куски, хотя до путча был шанс сохранить его территориальную целостность.»¹⁴⁸

И неудавшийся путч одних перерастает во вполне успешный путч других. Популярность большевиков настолько возросла, что Петросовет голосованием принимает их популистские лозунги как своё руководство к действию – отмена частной собственности на землю, фабрики – рабочим, мир на фронте и т.д. В эти дни, вероятно, и совершается тот кульминационный момент предреволюции, когда чаша весов склонилась в ту сторону, где просматривается большевистская «правильная» революция.

На следующий день, 2 сентября, происходит событие, сыгравшее может быть решающую роль в событиях последующих 2-х месяцев – из Крестов под давлением Петросовета и под внушительный залог освобождают Троцкого, уже члена партии большевиков, который радостно сходу бросается в закипающий котёл близкой революции. Благодаря его напору, дару убеждения, прежде всего в адрес солдат и рабочих, он убеждает Петросовет в необходимости действовать по большевистским лозунгам.

И в новой политической ситуации избирается новый ЦИК Петросовета с невероятным результатом - большинство получают лидеры РСДРПб, а эсеры уходят в рядовые революционеры. И в награду за результат ожидаемо председателем ЦИК избирается Троцкий. Курс – на социалистическую революцию, но, возможно, без вооруженного восстания, хотя рабочие продолжают на всякий случай, вооружаться под руководством Военно-Революционного Комитета, образуя отряды красной гвардии (хотя ВРК, образованный для защиты от Корнилова, официально распущен Керенским, но его уже никто не слушает). А в Москве главой исполкома Моссовета становится большевик Виктор Ногин (в честь которого позже и названа площадь и метро перед церковью на Кулишках).

А тем временем в остальной России развал и беспорядки продолжаются, рабочими самовольно захватываются предприятия, поджигаются барские дома, дезертирство на фронте, забастовки на железной дороге, крестьяне захватывают помещичьи земли.

Временное правительство почти не контролирует ситуацию, печатаются бесконтрольно новые купюры по 20 и 40 рублей, мало чего стоящие из-за инфляции, сразу же прозванные в народе «керенками». Экономика валится. И одновременно же проводятся многочисленные демократические совещания, дискуссионные заседания, избирается даже некий предпарламент, очевидно, зародыш будущего парламентского собрания. Но основа всего – созыв Учредительного собрания - всё откладывается.

Между тем в отсутствие Ленина, который, будучи ещё в розыске, тайно перебрался из местечка Разлив в Гельсингфорс, очень активно работают лидеры большевиков Львы - Каменев и Троцкий, действующие в основном по письмам «вождя

¹⁴⁸ Михаил Зыгарь. «Империя должна умереть».

пролетариата». Например, огульно обвиняют Керенского и его правительство, что они хотят сдать Петроград немцам, чтобы те передушили революционеров (а передовые части немцев и правда стоят всего в 400 км на юго-запад от столицы, взята Рига).

Радикализация Петросовета становится следствием провала корниловского наступления на Петроград и последовавшим политическим кризисом. Большевикам удаётся в сентябре провести свою резолюцию «О власти», которая требовала передачу всей власти в России Советам. Впервые за всю историю Петроградского совета при голосовании по кардинальному вопросу большевистская партия получила большинство депутатских голосов. Пытаясь помешать большевизации Петросовета, его эсеро-меньшевистский Президиум подаёт в отставку, и главой Петросовета избирается Лев Троцкий, совсем недавно до этого выпущенный из «Крестов». К началу ноября большевики располагали до 90 % голосов в Петроградском совете.

Благодаря их речам и выступлениям перед массами по несколько раз в день неуклонно поднимается градус намерения солдат рабочих на совершение передачи власти в пользу Петросовета. Однако сам переворот даже среди большевиков видится по-разному – Каменев, Зиновьев и другие считают, что путём агитации и убеждения рабочих и солдатских масс можно добиться большинства в Советах всех уровней (тем более, что лозунг «Вся власть Советам» уже возвращён), созвать 2-й съезд Советов, где выразить вотум недоверия Вр. правительству и получить мандат на формирование нового народного правительства, а затем в ходе Учредительного собрания легитимизировать новую форму власти. Это один вариант, мирный. Но большевики-радикалы во главе с Лениным требуют крайних мер, а именно вооружённого восстания против Вр. правительства, ареста министров и их сторонников, и причём немедленно, пока войска, верные Вр. Правительству, не арестовали самих большевиков, как это было в июле. Троцкий поддерживает Ленина, но хочет приурочить восстание к 25-му октября, ко дню открытия 2-го съезда Советов, чтобы поставить делегатов перед фактом, что все, кто нужно, арестованы и пути назад нет.

Его слово оказалось решающим, ведь он – глава Петросовета.

Октябрь 17-го – февраль 18-го.

Несомненно, что именно о предстоящем вооружённом свержении правительства допускается (или пускается) слух среди рабочих. В итоге о восстании уже гудит весь город, Вр. правительство стягивает к Зимнему 1-й Петроградский женский батальон¹⁴⁹, курсантов училища прапорщиков, юнкеров, но среди защитников Зимнего нет ясного понимания, что происходит. Керенский, чувствуя приближение решительных действий со стороны большевиков, пытается арестовать выпущенных под залог большевиков, отправляет подальше из Петербурга «Аврору» с революционными матросами, предотвращает утечку власти всеми доступными ему, но мирными средствами. Похоже, это только ускорило развязку. Лев Троцкий позже признается, что создавшаяся ситуация только подтолкнула события:

¹⁴⁹ О судьбе этого подразделения и его командире Марии Бочкарёвой смотрите фильм «Батальон» 2016 года, реж. Дмитрий Месхиев.

"Покушение (Временного правительства - ЮП) на закрытие газет, постановление о предании суду Военно-революционного комитета, приказ об отстранении комиссаров, выключение телефонов Смольного — этих булавочных уколов как раз достаточно, чтобы обвинить правительство в подготовке контрреволюционного переворота. Хотя восстание может победить лишь как наступление, но оно развёртывается тем успешнее, чем более похоже на оборону. Кусочек казённого сургуча на дверях большевистской редакции — в качестве военной меры это немного. Но какой превосходный сигнал к бою!"¹⁵⁰

Итак, сигнал дан! К вечеру 24-го октября почти без столкновений захвачены восставшими и взяты под охрану жизненно важные центры коммуникаций, Петропавловская крепость, корабли революционного Балтфлота наперекор приказу правительства, входят в Неву. А приехавший тайно из Гельсингфорса и до сих пор скрывающийся на квартире большевички Маргариты Фофановой Владимир Ленин пишет срочное письмо членам ЦК партии:

«Товарищи!

*Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь уж поистине **промедление в восстании смерти подобно**.... Надо во что бы то ни стало сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д. Нельзя ждать!! Можно потерять всё!! <...>... Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власть в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью. История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять всё. Взяв власть сегодня, мы берем её не против Советов, а для них. Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия. Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой <...>. Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало! **Промедление в выступлении смерти подобно!**»*

К этому времени отрядами красногвардейцев заняты мосты, кроме Дворцового и Николаевского (ныне Благовещенский). И днём 25-го Керенский покидает Зимний, по легенде, на машине американского посольства, сказав, что он едет навстречу войскам, идущим на подмогу правительству. Больше его в Петрограде не видели. (Зиму и весну он мотался по городам, скрываясь, пока, по свидетельству Берберовой, Роберт Локкарт не принял в нём участие. Сначала прятал его в верном месте, а затем, раздобыв ему сербский паспорт, отправил его в Архангельск, откуда он с англичанами ушёл в

¹⁵⁰ Л.Д.Троцкий, «История русской революции». Том второй, часть вторая.

Лондон.) Несмотря на подготовку восстания в Зимний на место своей работы приходят 13 министров, понимая, что они обречены, и что защиты ждать неоткуда.

«Сначала их десять. Потом приходят ещё трое. Кто эти люди? Четверо миллионеров, два адвоката, два профессора-экономиста, врач, ученый-богослов, морской офицер, инженер и рабочий. Всем им от 31 до 54 лет. Предприниматели Коновалов, Третьяков и Смирнов – известные бизнесмены, те самые «молодые капиталисты», которые вместе с Павлом Рябушинским добивались от власти свобод и реформ. Министр юстиции Павел Малянтович – известный адвокат, защищал Троцкого в 1906 году, он же выиграл дело Марии Андреевой против Зинаиды Морозовой, тем самым отсудив у вдовы Саввы Морозова 100 тысяч рублей на нужды большевиков...»¹⁵¹.

Но где же сам вождь мирового пролетариата? По легенде с квартиры Фофановой Ульянов-Ленин пробирается огородами в Смольный институт в штаб ВРК с подвязанной щекой а ля флюс, париком на голове, и с поддельным документом; сначала трамваем, потом пешком, судя по фильму 1937 года «Ленин в октябре» режиссёра Михаила Ромма. По другой версии усы и бороду пришлось для верности сбрить. По третьей версии его сопровождал охранник, но не рабочий Васильев, а эстонец Эйно Рахья. Между тем «министры-капиталисты» не сдаются, отвергают ультиматум, посылая телеграммы своим комиссарам в провинции, что могут передать власть только Учредительному собранию. Но сам штурм неоднократно откладывается по разным причинам. Ситуацию позже описывает военный комиссар ВРК Николай Подвойский:

"Будучи уже обеспечены победой, мы ждали унижительного конца Временного правительства. Мы добивались, чтобы оно сложило оружие перед силой

Собираясь в Смольный. Кадр из фильма «Ленин в октябре». И что характерно - на стене прямо за Ильичём режиссёр Михаил Ромм повесил портрет Чернышевского, «перепавшего» будущего вождя в юности, а теперь наконец-то благословляющего на самое важное в его жизни событие - пробраться в штаб революции и возглавить её, мечту своей жизни. Этот шаг Ленина – как бы его решительный ответ на давний вопрос писателя «Что делать?» - «А вот что! Идти в Смольный и руководить восстанием!». И он идёт.

революции, которую мы в данный момент представляли ... В Смольном постепенно приходит в бешенство Владимир Ленин. Он метался по маленькой комнате Смольного, как лев, запертый в клетку. Ему нужен был во чтобы то ни стало Зимний: Зимний оставался последней заставой по пути к власти трудящихся. Владимир Ильич ругался... Кричал... Он готов был нас расстрелять".

Крейсер «Аврора» стреляет по дворцу для острастки холостыми, но орудия с Петропавловки – боевыми, несколько юнкеров ранены. К середине ночи никто уже не думает о сопротивлении, и отряд восставших под руководством председателя ВРК Владимира Антонова-Овсеенко входит в почти пустой дворец. Министры все на месте, их арестовывают, при этом один из них отвечает, что они подчиняются грубой силе во избежание кровопролития.

Зинаида Гиппиус пишет в своих заметках, находясь в своей квартире почти в центре событий (Сергиевская ул):

«... Опровергается весть о взятии большевиками Зимнего дворца. Сражение длится. С балкона видны сверкающие на небе вспышки, как частые молнии. Слышны глухие удары. Кажется, стреляют и из дворца, по Неве и по «Авроре». Не сдаются. Но — они почти голые: там лишь юнкера, ударный батальон и женский батальон. Больше никого. Керенский уехал раным-рано, на частном автомобиле. Улизнул-таки! А эти сидят, неповинные ни в чем, кроме своей пещечности и покорства, под тяжёлым обстрелом. Если ещё живы.»

Да, ещё живы. Их уводят через Неву в Петропавловку напротив дворца, конвоирующие едва удерживают вооружённую толпу от расправы над бывшими уже «министрами-капиталистами».

А в Смольном продолжается заседание 2-го Съезда советов, который уже покинули меньшевики и эсеры в знак протеста против обстрела Зимнего, что ничуть не огорчает большевиков, а скорее напротив – лавры «победителей» капиталистов из Зимнего дворца достаются только им. Съезд громом аплодисментов встречает сообщение о взятии Зимнего дворца и аресте Временного правительства. Фракция меньшевиков-интернационалистов, во время перерыва окончательно проголосовавшая за уход со съезда, покидает его. Об этом с горечью вспоминает Николай Суханов, левый меньшевик, член Исполкома Петросовета:

«...Итак, дело было сделано. Мы ушли, неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав всё будущее своей организации и своих принципов. Этого мало: мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции.

... Уходя со съезда, оставляя большевиков с одними левыми эсеровскими ребятами и слабой группкой новожизненцев, мы своими руками отдали

*большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей линии Ленина...»*¹⁵²

Большевики и левые эсеры на продолжающемся 2-м съезде Советов избирают Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) как высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган гос власти (и законодательный и исполнительный вместе?), Председателем ВЦИК назначается Лев Каменев (Розенфельд) (но в ноябре неожиданно заменяется на мало кому известного Якова Свердлова, члена ЦК РСДРПб).¹⁵³

Правительственный функционал съездом передаётся новому исполнительному органу - Совету Народных Комиссаров (СНК, Совнарком), который действует до решения Учредительного собрания, главой его назначается Владимир Ульянов-Ленин. В качестве карающего органа формируется Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) во главе с Феликсом Дзержинским. Иосиф Сталин – нарком по делам национальностей, Анатолий Луначарский – нарком просвещения, Лев Троцкий – наркоминдел, Алексей Рыков – нарком внутренних дел. Весь состав наркомов оказался большевистским. Так вчерашние эмигранты, ссыльные и каторжане в большинстве своем вообще без образования, становятся хозяевами страны. Если эта страна их признает.

Характерна парадоксальная реакция Александра Блока на происходящее, переданная словами Маяковского в одной из своих статей:

*«Помню, в первые дни революции проходил я мимо худой, согнутой солдатской фигуры, греющейся у разложенного перед Зимним костра. Меня окликнули. Это был Блок. Мы дошли до Детского подъезда. Спрашиваю: «Нравится?» — «Хорошо», — сказал Блок, а потом прибавил: «У меня в деревне библиотеку сожгли». Вот это «хорошо» и это «библиотеку сожгли» было два ощущения революции, фантастически связанные в его поэме «Двенадцать». Одни прочли в этой поэме сатиру на революцию, другие — славу ей.»*¹⁵⁴

И к этой поэме мы ещё вернёмся.

Декреты

С чего же начинают новые власти? Конечно, с декретов, которые больше похожи на импровизации, чем на продуманные шаги политиков, знающих, что они

¹⁵² Суханов Н.Н. Записки о революции М., 1992. Т. 3, кн. 7.

¹⁵³ Интересно, что после смерти жены его отец Михаил Израилевич Свердлов принял православие и женился вторым браком на Марии Александровне Кормильцевой; в этом браке родилось ещё двое сыновей — Герман и Александр. Об удивительной судьбе Зиновия, брата Якова, мы уже упоминали, стр. 94.

¹⁵⁴ Владимир Маяковский. «Умер Александр Блок».

делают. Декрет – это не закон, поскольку ещё нет никакого законодательного органа (который должен быть установлен предстоящим Учредительным собранием). Скорее декрет – это чрезвычайный законодательный акт в условиях революции, псевдозакон. Так было и во времена Великой Французской революции.

И первым в эту же ночь 2-м Всероссийским съездом Советов принимается обещанный Декрет о мире, скорее просто воззвание к воюющим сторонам; но конца войны действительно все очень ждут.

Собственно, этот ни к чему не обязывающий Декрет принят в порыве революционного пафоса и как выполнение лозунга большевиков, призыв к воюющим странам и народам прекратить войну – без аннексий и контрибуций. Для этого предлагается немедленно заключить перемирие на срок не менее чем на три месяца, в течение которого завершить собственно переговоры о мире на условиях, устраивающие всех. Т.е. типа «Давайте жить дружно!». Здесь интересно, что свое новое правительство в этом Декрете названо Временное рабочее и крестьянское правительство России, которое надеется, что рабочие капстран *«...помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации.»*

А это уже - прямой призыв к революциям в других странах. Конечно, такой декрет не мог найти отклика в стане наших союзников по Антанте. Но, ожидаемо, нашёл скорейшее понимание в правительстве кайзера Вильгельма 2-го, что послужило толчком для скорых переговоров с Германией. И в этом случае они оказывались сепаратными, что, видимо, немцев сильно обрадовало. А наша страна уже через 3-4 месяца узнала на деле что такое контрибуция и что такое аннексия огромных наших западных территорий. Также этот декрет обнадёжил огромные солдатские массы крестьян, действительно уставших от войны и думающих, что пока они кормят в окопах вшей, там, «у меня в деревне, но без меня, уже делят помещичью землю». И бумбараши¹⁵⁵ массово покидают фронты и устремляются на родину.

А землю действительно начали делить уже по «закону», т.е. по Декрету о земле, который принимается Съездом в этот же день.

Этот Декрет:

- отменял помещичью собственность на землю без всякого выкупа,
- право частной собственности на землю отменялось вообще, запрещалась продажа, аренда и залог земли,
- вся земля обращалась во всенародное достояние, то есть переходила в государственную собственность, что означало национализацию земли;
- право пользования землёй получали все граждане при условии обработки её своим трудом, семьёй или в товариществе без наёмного труда, на основе уравнительного

¹⁵⁵ Семён Бумбараш - солдат, герой рассказа Аркадия Гайдара «Бумбараш», бросивший окопы.

землепользования при свободном выборе форм землепользования, в том числе и артельной,
- земли рядовых крестьян и казаков не конфискуются.

Что же получалось – хочет новое государство, или община, дать тебе клочок – даст, не захочет – не получишь, а поводов для этого всегда у государства найдётся. И что делать крестьянину с урожаем, если такой случится? Кому продавать излишки? Или ты весь урожай обязан просто сдать государству? Ведь о рынке – ни слова. В итоге - вместо многих помещиков появился один новый всеильный помещик-собственник, государство, которое и будет определять – кому какую землю давать, что и когда сеять, что делать с урожаем. Ведь в условиях отсутствия рынков земли, рабочей силы и товаров – как можно хозяйствовать? Крестьянин всё равно не становился собственником земли. Прочитав сегодня Декрет, он чешет в затылке и думает, не стал ли он просто придатком обобществлённой земли и нового помещика? И кому принадлежит мой урожай? (Именно так и случится лет через 10. А пока он ещё может взять в пользование для ведения своего хозяйства выделенный ему участок – «... земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме». Из Декрета о земле). Интересно, что решение самых сложных вопросов (в т.ч. о выкупе земли), откладывалось до созыва Учредительного собрания.

И, выполняя положения Декрета о мире, Совнарком (СНК) в ноябре направляет радиотелеграмму и. о. Верховного главнокомандующего Русской армии генералу Николаю Духонину, приказав ему ... *«безотлагательно сделать формальное предложение перемирия всем воюющим странам, как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях»*. В тот же день – за отказ выполнить данное распоряжение – Духонин смещается с должности, а на его место назначается большевик, бывший прапорщик царской армии Николай Крыленко, планировавший сам лично начать переговоры. Ну, то, что простой прапорщик становится главнокомандующим всей армией – неудивительно, ведь у нас особая страна, у нас и кухарка может управлять государством. (Вообще, Крыленко был очень разносторонний человек – в дальнейшем он и *первый* юрист, и организатор советских шахмат, и организатор альпинистских достижений и т.д. Только дни свои закончит типично для первых большевиков за все заслуги – у расстрельной стенки во время Большого террора.) И переговоры с немцами, действительно, скоро начнутся. Пока о перемирии.

Обратимся кратко к остальным декретам. Все они принимаются либо Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК), либо Советом Народных Комиссаров (СНК) РСФСР.

И уже на третий день переворота принимается очень странный как по форме, так и по содержанию Декрет о печати, ввиду уникальности которого приходится привести его полностью.

« Декрет о печати. » (сразу обращаю внимание на стилистику - ЮП)

В тяжкий решительный час переворота (??- ЮП) и дней, непосредственно за ним следующих, Временный Революционный Комитет вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков.

Немедленно со всех сторон поднялись крики о том, что новая социалистическая власть нарушила, таким образом, основной принцип своей программы, посягнув на свободу печати.

Рабочее и Крестьянское Правительство обращает внимание населения на то, что в нашем обществе за этой либеральной ширмой фактически скрывается свобода для имущих классов, захвативших в свои руки львиную долю всей прессы, невозбранно отравлять умы и вносить смуту в сознание масс.

Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулемёты. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая (?? -ЮП) пресса.

Как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены; для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону.

Считаясь, однако, с тем, что стеснения печати, даже в критические моменты, допустимы только в пределах абсолютно необходимых, Совет Народных Комиссаров постановляет:

Общее положение о печати.

1. Закрываются подлежат лишь органы прессы:

- 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому Правительству,
- 2) сеющие смуту путём явно-клеветнического извращения фактов,
- 3) призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера.

2. Запрещения органов прессы, временные или постоянные, проводятся лишь по постановлению Совета Народных Комиссаров.

3. Настоящее положение имеет временный характер, и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни.

Подписал: Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ульянов (Ленин).

Распубликован в № 1 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 28 октября 1917 года.»

Потрясающий исторический документ!!! Это декрет? Этот текст больше напоминает не юридический документ, а оправдательное частное письмо автора своим друзьям. И состоит он из запретов и закрытий. Но более всего удивляет первое предложение – о каком «перевороте» говорит «вождь мирового пролетариата»? А как же революция – Великая и Социалистическая?

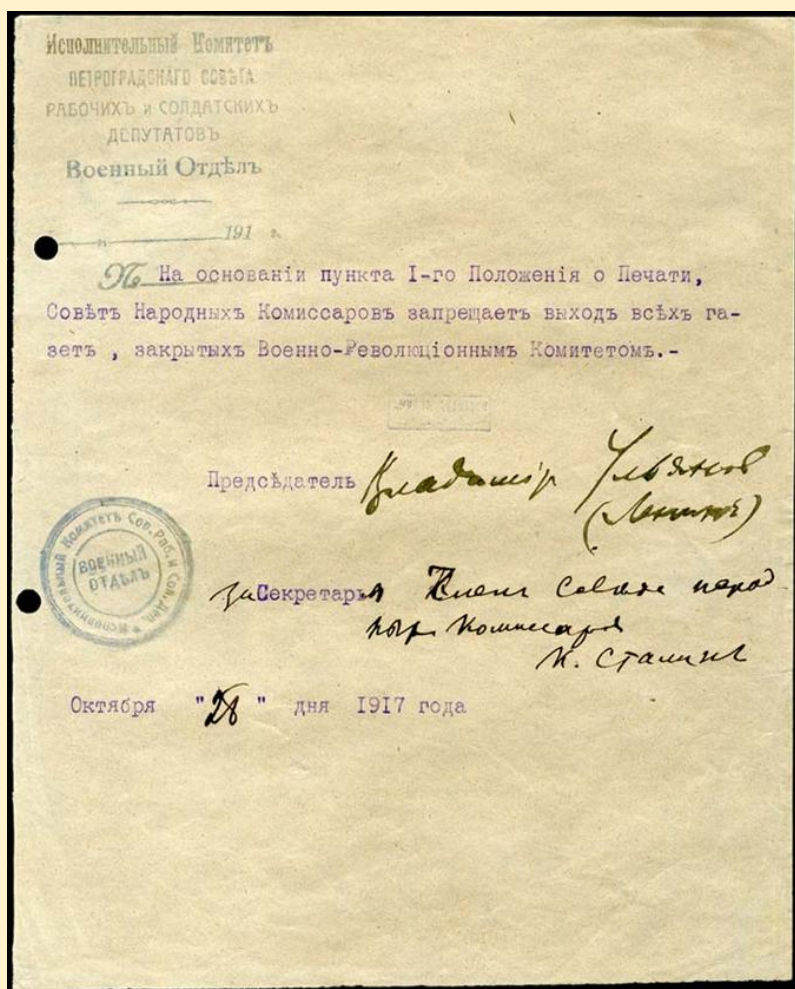

И что это за «целый ряд мер против контрреволюционной печати разных

оттенков» был предпринят? И что это за зелёная пресса? И самое главное – обещания «Как только новый порядок упрочится»..., «... по наступлении нормальных условий общественной жизни». Судя по последующим 74 годам нашей жизни эти «нормальные условия» не наступили никогда, и рты несогласной прессы заткнули навсегда. Даже «Новая жизнь», редактируемая Горьким, закрывается летом 1918 года, как неудобная новой власти. Так появился День всероссийской цензуры.

А теперь сравните этот Декрет с прошлогодним Постановлением о печати Временного правительства, в котором - никаких запретов и ограничений, а в первом же предложении провозглашается главное: «Печать и торговля произведениями печати свободны.». И остальной текст - по-деловому, конкретно, указан порядок регистрации. Издавайся кто хочет!

Почувствуйте разницу в этих документах!! Мало того, уже в марте 1918 года Декретом же

Некий документ, даже без названия и без номера, вдогонку Декрета о печати. Так большевики начинают управлять страной.

создаётся специальный Революционный Трибунал печати, призванный быть карательным органом в отношении тех, кто допускает «преступления и проступки против народа, совершённые путём использования печати» (цитата из этого Декрета).

Но далее. В ноябре принимается специальный декрет о партии кадетов:

«Декрет

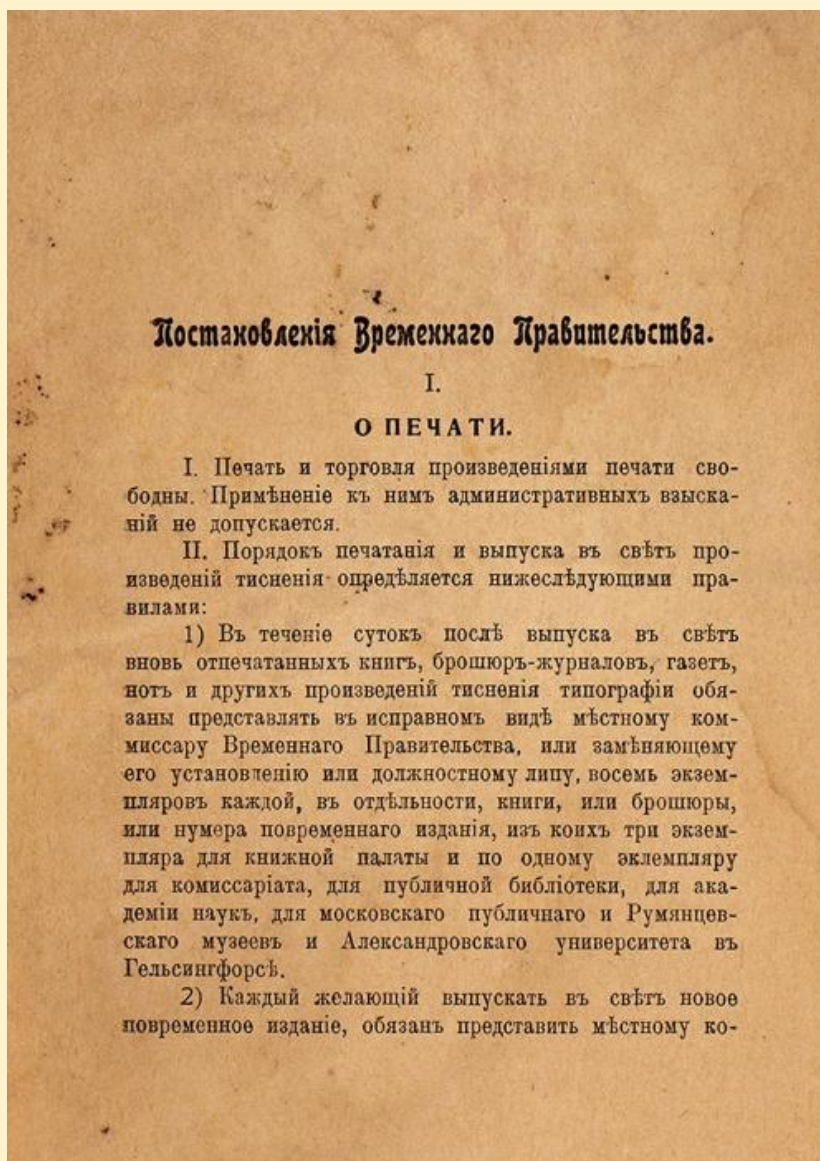
об аресте вождей гражданской войны против революции». (а что, гражданская война уже началась? - ЮП)

Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии **врагов народа**, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов. (ну хоть какие-то суды, не сразу к стенке - ЮП).

На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов в виду её связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции...».

Это что же, на каждый чих в стране – отдельный декрет?

Поводом для этого послужило заявление генерал Алексея Каледина (на тот момент выборный атаман Войска Донского) о непризнании советской власти и уже начал активные боевые действия казачьих войск против большевиков и возглавляемых ими Советов при поддержке прибывших на Дон генералов Алексеева и Корнилова. Отсюда и поспешность декрета – уничтожить одну из политических составляющих зарождающегося белого движения, ведь кадетская партия (партия конституционных демократов) – партия образованного, просвещённого слоя страны, предлагающая народу традиционные конституционные ненасильственные решения и либеральные ценности. Однако, в условиях октябрьского захвата власти, они становятся на сторону силы, противостоящей большевикам.

Так в советских декретах официально впервые появляются понятия **«врагов народа»** и даже «гражданской войны», правда, до полномасштабной её версии ещё далеко. Но уж так не терпится раздуть этот пожар! А в столице (правда, непонятно какого государства) большевики продолжают принимать декреты, касающиеся как политического устройства, так и самых разнообразных сторон новой жизни.

В декабре 1917 года Совет Народных Комиссаров принимает декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния».

Таким образом гражданский брак – это тот, который зафиксирован в книге Записей актов гражданского состояния (ЗАГС), а церковные книги о венчании, рождении и смерти становятся предметом лишь исторической ценности, но не юридической. Да и они скоро почти все сгорят в кострах из икон и этих книг.

Как ни странно, в эти же дни принимается **ДЕКРЕТ О СТРАХОВАНИИ НА СЛУЧАЙ БОЛЕЗНИ, 22 ДЕКАБРЯ**, где в том числе защищаются права работающих рожениц:

«...»

30. Денежное пособие по случаю родов устанавливается в размере полного заработка участницы кассы. Пособие это выдаётся в течение восьми недель до родов и восьми недель после родов. В течение этого времени работодателю запрещается допускать женщин к работе.»

Под кассой понимался, видимо, страховой фонд предприятия по болезни.

При этом слово «отпуск» не упоминается вовсе. Видимо посчитали, что запрет на допуск к работе и может считаться отпуском. А поскольку других законодательных актов на эту тему очень долго не появлялось, то в народе и стали говорить – отпуск, полагающийся по декрету, т.е. декретный отпуск, «уйти в декрет», а не как-то ещё. Интересно здесь употребление термина «работодатель» – кто это, если собственников предприятий уже нет. Или ещё есть?

В самом начале следующего года принимается **Декрет Совета Народных Комиссаров «О введении западноевропейского календаря»**.

Совет Народных Комиссаров постановляет ввести, по истечении января месяца 1918 года, в гражданский обиход новый календарь:

- 1) Первый день после 31 января сего года считать не 1-м февраля, а 14-м февраля, второй день считать 15-м и т. д.

...

- 6) Лицам, получающим жалованье или заработную плату в конце каждого месяца, выдать 28 февраля 1918 г. получаемую ежемесячно сумму за вычетом ¹³/30 оной.

.....

Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин).

Заместитель Народного Комиссара по иностранным делам Чичерин.

Народные Комиссары: А. Шляпников, Г. Петровский, В. Алгасов, В. Оболенский.

Распубликовано в № 18 Газеты Рабочего и Крестьянского Правительства от 26 января 1918 года.»

На раскачку населению и новым советским чиновникам давалось 5 дней. Таким образом стало два календаря, новый - общегражданский и церковный – старый, и каждый день до сих пор можно именовать как по старому русскому календарю, юлианскому (стилю), церковному, так и по-новому, европейскому, григорианскому, гражданскому. А Западная Европа, Северная Америка и некоторые другие страны уже несколько веков жили и живут по григорианскому календарю. Теперь мы синхронизировались с ними в светской жизни.

Старый стиль	Январь 1918	Февраль 1918	...	Октябрь 1918	..	Декабрь, 1918	Январь 1919 г.

(РПЦ).	..	...	30	31	1	2	...	25	26	..	12	...	..	19	..	24	25	...	31	1
																	Рождество (православное)			Новолетие
Новый стиль (Запад и Сов. Россия с 14 -го февраля 18 года)	..	...	12	13	14	15	...	7	8	..	25	...	31	1	..	6	7	...	13	14
											Рождество (запад)			Новый год						Новый год
			Февраль 1918				...	Ноябрь 1918			Декабрь, 1918			Январь 1919 г. и след. годы.						

Получилось, что жители бывшей империи, спокойно уснув ввечеру 31-го января, проснулись 14-го февраля. Так что, дней 1-го февраля, 2-го февраля, ...13-го февраля 1918 года в нашей новейшей истории официально вообще не существовало, эти две недели выпали из реальной жизни. Поэтому, увидев письма, документы, газеты, датированные этими днями, нужно иметь ввиду, что скорее всего это бумаги эмиграции, белогвардейцев, церкви, и всех, кто не принял новую власть и её распоряжений. Впрочем, конечно, эта реформа не носила какого-то политического, тем более большевистского характера, а являлось лишь необходимым календарно-астрономическим феноменом.

Переход на новый календарь 1918 год – 1919 год и далее.

Новое правительство лишь проявило политическую волю к её решительному одномоментному проведению. А вот православная церковь, буквально в эти же дни также декретом отделённая от государства, (а школа от церкви), осталась жить в своём календаре, юлианском, в связи со слишком сложной тысячелетней исторической завязкой церковных памятных дат, переходящих и непереходящих праздников, постов, дней поминовений, служб и т.д.

Ситуацию на сегодня поясняет Отец Владимир (Вигилянский), настоятель храма Святой мученицы Татианы при МГУ:

«... Наши церкви (Русская, Грузинская, Иерусалимская, Сербская и афонские монастыри) никогда не меняли церковный календарь и не смешивали его с григорианским, чтобы не было никакой путаницы в праздниках. У нас единая календарная система, которая привязана к Пасхе. Если перейти на празднование, скажем, Рождества по григорианскому календарю, то "съедаются" две недели ... , каждый день которых несёт для православного человека особую смысловую значимость.» <https://rg.ru/2017/01/11/kak-rossiia-pereshla-na-novyj-stil-ischisleniia-vremeni.html>

Так и появился Старый Новый год, смысл которого совершенно ввергает в ступор иностранцев, а Рождественский пост до Рождества 7-го января стал перебиваться, оскормливаться новогодними весельями, излишествами и искушениями, что перечёркивает для настоящего христианина весь смысл строгого постного воздержания. Должный же порядок этих дат читаем у Бориса Пастернака:

«Снег идёт, снег идёт.

К белым звёздочкам в буране

Тянутся цветы герани

За оконный переплёт.

... Снег идёт, снег идёт,

Словно падают не хлопья,

А в заплатанном салопе

Сходит наземь небосвод.

... Потому что жизнь не ждёт.

Не оглянись — и святки.

Только промежуток краткий,

Смотришь, там и новый год.»

1957 г.

Писано, видимо, в дни Рождества, и для поэта Христос пришёл к людям с неба: «Сходит наземь небосвод.». И здесь Новый год приходится на святки, т.е. святые дни, период от Рождества до Крещения. А так (включая Новый год) происходило и происходит только в Юлианском календаре. Почему же ощущения поэта в 1957 году таковы, будто он смотрит на снег в дореформенном летоисчислении? (Может, воспоминания детства? Да разве должно нас удивлять, что поэты могут находиться сразу в разных местах пространства-времени?)

А в церквях государств Западной Европе (в том числе и протестантских), Америки современный Григорианский календарь принимался постепенно в течение 16 - 18 веков. Там Рождество приходилось и приходится сейчас на 25 декабря.

Вообще, характерным моментом всех декретов становится их юридическая сырость, непроработанность (они больше похожи на лозунги) и очень широкое толкование терминов, чем власть, конечно, оставляет для себя всякие уловки - возможность трактовки декретов в удобную для себя сторону.

Современники о перевороте

Очень эмоционально о хаосе самых первых дней после переворота и о настроениях в народе едко замечает в своём дневнике Зинаида Гиппиус, живущая в самом центре города недалеко от Смольного и бывшая очевидицей происходящего:

«26 октября. Четверг.

Торжество победителей. Вчера, после обстрела, Зимний Дворец был взят. Сидевших там министров (всех до 17, кажется) заключили в Петропавловскую крепость. ... Позиция казаков: не двинулись, заявив, что их слишком мало, и они выступают только с подкреплением. Психологически всё понятно. Защищать Керенского, который потом объявил бы их контрреволюционерами?..

Но дело не в психологиях теперь. Остаётся факт - объявленное большевистское правительство: где премьер - Ленин-Ульянов, министр иностр. дел - Бронштейн¹⁵⁶, призрения - г-жа Коллонтай и т.д.

Как заправит это пр-во - увидит тот, кто останется в живых. Грамотных, я думаю, мало кто останется: петербуржцы сейчас в руках и распоряжении 200-сот тысячной банды гарнизона, возглавляемой кучкой мошенников.

Все газеты (кроме "Биржевых" и "Р. Воли") вышли, было... но по выходе были у газетчиков отобраны и на улицах сожжены. (Получается, ещё даже до выхода Декрета о печати от 28-го октября. — ЮП).

Газету Бурцева "Общее Дело" накануне своего падения запретил Керенский. Бурцев тотчас выпустил "Наше общее дело", и его отобрали, сожгли, - уже большевики, причём (эти шутить не любят) засадили самого Бурцева в Петропавловку. ...

Мы отрезаны от мира и ничего, кроме слухов, не имеем. Ведь все радио даже получают - и рассылают - большевики.

... Непрерывные слухи об идущих сюда войсках и т.д. - очень похожи на легенду, необходимую притихшим жителям завоеванного города. Я боюсь, что ни один полк уже не откликнется на зов Керенского - поздно.

...

27 октября. Пятница.

... То же захватное положение. Газеты социалистические, но антибольшевистские, вышли под цензурой, кроме "Новой Жизни"¹⁵⁷, остальные запрещены. В "Известиях" (Совета) изгнана редакция, посажен туда больш. Зиновьев. "Гол. Солдата" - запрещен. Вся "демократия", все отгородившиеся от б-ков и ушедшие с пресловутого съезда организации, собрались в Гос. Думе. Дума объявила, что не разойдётся (пока не придут разгонять, конечно!) и выпустила № "Солдатского Голоса" - очень резко против захватчиков. Номер раскидывался с думского балкона. Невский полон, а в сущности, все "обалдевши", с тупо раскрытыми ртами...

¹⁵⁶ Лев Троцкий.

¹⁵⁷ Редактором газеты был Максим Горький, издателем — писатель Александр Тихонов.

Слухи, слухи о разных "новых правительствах" в разных городах. Каледин, мол, идет на Москву, а Корнилов, мол, из Быхова скрылся. (Корнилов-то уж бежал из плена посерьезнее, германского... почему бы не уйти ему из большевистского?).

...

Захватчики, между тем, спешат. Троцкий-Бронштейн уже выпустил "декрет о мире". А захватили они решительно всё.

Возвращаюсь на минуту к Зимнему Дворцу. Обстрел был из тяжелых орудий, но не с "Авроры", которая уверяет, что стреляла холостыми, как сигнал, ибо, говорит, если б не холостыми, то Дворец превратился бы в развалины. Юнкера и женщины защищались от нападающих сзади солдатских банд, как могли (и перебили же их), пока министры не решили прекратить это бесплодие кровавое. И всё равно инсургенты проникли уже внутрь предательством.

Когда же хлынули "революционные" (тьфу, тьфу!) войска, Кексгольмский полк и ещё какие-то, - они прямо принялись за грабеж и разрушение, ломали, били кладовые, вытаскивали серебро; чего не могли унести - то уничтожали: давили дорогой фарфор, резали ковры, изрезали и проткнули портрет Серова¹⁵⁸, наконец, добрались до винного погреба...

Нет, слишком стыдно писать...

Но надо всё знать: женский батальон, израненный затащили в Павловские казармы и там поголовно изнасиловали... ».

По последнему поводу у американского журналиста, свидетеля октябрьского восстания Джона Рида читаем отрывок его разговора с каким-то комиссаром ВРК после взятия Зимнего:

«"А что с женским батальоном?" - спросили мы.

"Ах, эти женщины!..- он улыбнулся. - Они все забились в задние комнаты. Нелегко нам пришлось, пока мы решили, что с ними делать: сплошная истерика и т. д... В конце концов мы отправили их на Финляндский вокзал и посадили в поезд на Левашево: там у них лагерь..."»

Революционер, будущая комиссарка, писатель-публицист Лариса Рейснер рассказала в очерке «В Зимнем дворце»,¹⁵⁹ осуждая вселение во дворец правительства Керенского летом 17-го:

¹⁵⁸ Очевидно, известный портрет Николая кисти Валентина Серова (он же - «Девочка с персиками» и т.д.).

¹⁵⁹ «Новая жизнь», 11 ноября 1917.

«..... Разве премьер не знал, ..., что он подвергает величайшей опасности сокровища искусства, посреди которых он осмелился жить. Так и случилось. Толпа искала Керенского – и нашла на своём пути фарфор, бронзу, картины, статуи и всё это разбила... Кабинет Александра II, молельня и т. д. превращены в кучу осколков; мундиры, бумаги, ящики столов, подушки, постель – всё решительно искрошили.

На первый взгляд очень странно отношение ко всему случившемуся придворных лакеев, сторожей и администрации. Никто из них не покинул дворца во время обстрела. Много ценного сохранено благодаря мужеству и порядочности этих людей.

...Но ещё более опасное внимание черни привлекают в Зимний дворец... на этот раз огромные винные погреба. Их завалили дровами, замуровали сперва в один кирпич, потом в два кирпича, ничего не помогает. Каждую ночь где-нибудь пробивают дыру и сосут, вылизывают, вытягивают, что возможно. Рабочие, матросы обещали разнести все здание, если не прекратится низменное паломничество. Лучшее гибель чего угодно, чем зрелище ненасытного, болезненного обжорства, совершаемого в дни величайшей русской революции».

Свидетельствует Джон Рид и о событиях в самом дворце после того, как красногвардейцы разнесли царские комнаты, и грабёж стал неуправляем:

«...Двое красногвардейцев - солдат и офицер¹⁶⁰ - стояли с револьверами в руках. Позади них за столом сидел другой солдат, вооружённый пером и бумагой.

Отовсюду раздавались крики: "Всех вон! Всех вон!", и вся армия начала выходить из дверей, толкаясь, жалуясь и споря. Самочинный комитет останавливал каждого выходящего, выворачивал карманы и ощупывал одежду. Всё, что явно не могло быть собственностью обыскиваемого, отбиралось, причём солдат, сидевший за столом, записывал отобранные вещи, а другие сносили их в соседнюю комнату. Здесь были конфискованы самые разнообразные предметы: статуэтки, бутылки чернил, простыни с императорскими монограммами, подсвечники, миниатюры, писанные масляными красками, пресс-папье, шпаги с золотыми рукоятками, куски мыла, всевозможное платье, одеяла. ... Виновные либо мрачно молчали, либо оправдывались, как дети. Члены комитета в один голос объясняли, что воровство недостойно народных бойцов. Многие из обличённых сами помогали обыскивать остальных товарищей.

Стали появляться юнкера кучками по три, по четыре человека. Комитет набросился на них с особым усердием, сопровождая обыск восклицаниями: "Провокаторы! Корниловцы! Контрреволюционеры! Палачи народа!" Хотя никаких насилий произведено не было, юнкера казались очень испуганными. Их карманы тоже были полны награбленных вещей. Комитет тщательно записал все эти вещи и отправил их в соседнюю комнату... Юнкеров обезоружили. "Ну что, будете ещё подымать оружие

¹⁶⁰ Среди красногвардейцев не могло быть, конечно, никаких офицеров, хотя в оригинале у автора написано: « Two Red Guards, a soldier and an officer, stood with revolvers in their hands.»

против народа?" - спрашивали громкие голоса. "Нет!" -отвечали юнкера один за другим. После этого их отпустили на свободу.»¹⁶¹

Очень интересны воспоминания юриста, эсера Марка Вишняка о том, могло ли восстание в октябре не состояться, и как относятся к самому этому факту сами большевики:

«Это было, как выразился Струве, чудо. Но потом чудесами стали злоупотреблять. И Ленин, который раньше говорил, что это была Социалистическая революция, потом стал говорить, что Октябрь не мог быть социалистической революцией. Он потом когда большевики победили в гражданской войне, сказал: « Октябрь был чудом. Польская война была чудом. То, что русский народ трудящиеся и крестьяне выносили в течение 3 лет такие страдания, - чудо.» Ну если уж безбожник Ленин marxist leninist мог апеллировать к чуду для объяснения того, что он сам в значительной мере произвёл - и главным образом произвел именно он ... Это ведь поразительно, что вместо марксистского анализа того почему Октябрь победил, сам Ленин через 3 года после победы всё время ссылается на чудо. И на чудо ссылается Троцкий».¹⁶² Удивительно!

О чуде же и неожиданном успехе Иван Бунин пересказывает одного своего собеседника в книге «Окаянные дни»:

« ... большевики до сих пор изумлены, что им удалось захватить власть и что они всё ещё держатся: — Луначарский после переворота недели две бегал с вытаращенными глазами: да нет, вы только подумайте, ведь мы только демонстрацию хотели произвести и вдруг такой неожиданный успех!».

Вдруг? Неожиданно? Как же так – всю советскую дорогу нам твердили о самом разнаучном учении о коммунизме, море книг написано именно с таким же названием «Научный коммунизм», экзамены и переэкзаменовки по этому предмету принимались у студентов всех специальностей– и вдруг оказывается, что Великая октябрьская революция всего лишь неожиданный успех, чудо? Т.е. она могла бы легко не случиться, если бы скажем «Аврора» не смогла пройти по невскому фарватеру до Зимнего? Или у Ильича действительно разболелись бы зубы, и он бы не доехал до Смольного института? И где же здесь научность? Марксизм – наука? У Маркса – может быть, а у наших «марксистов» получается, что октябрьская революция – цепь счастливых для них случайностей.

Может быть именно поэтому не оказалось у новой власти планов даже на ближайшее будущее страны – ни экономических (поэтому то и шарахались от военного коммунизма к НЭПу¹⁶³ и далее к коллективизации и административно-командным

¹⁶¹ Джон Рид. «10 дней, которые потрясли мир». Умер в Москве в 1920 году от сыпного тифа. Удостоен был советской властью похороненным у Кремлёвской стены.

¹⁶² «Русское лихолетье. История проигравших. Воспоминания русских эмигрантов времен революции 1917 года и Гражданской войны». Сост. Иван Толстой.

¹⁶³ Новая экономическая политика.

методам, но так и не смогли обеспечить население даже самым необходимым, чтобы оно забыло слово дефицит), ни во внешней политике - не уберегли от войны ... В фильме «Принцесса на бобах»¹⁶⁴ вузовской преподавательнице этого самого «научного коммунизма» после революции 1991 года пришлось идти мыть полы в чужих подъездах, чтобы заработать копейку, потому что её синекура кончилась, бред этот стал абсолютно никому не нужен.

А между тем народ бурно празднует освобождение от капиталистов, и среди радостных воплей бывших угнетённых едва слышны голоса тех, кто ещё трезв и приходит в ужас от происходящего. Гиппиус на четвёртый день переворота пишет:

*«Блевотина войны – октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твоё похмелье,
О бедная, о грешная страна!*

*Какому дьяволу, какому псу в угодую,
Каким кошмарным обуянный сном,
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил – засек кнутом?*

*Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой,
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь!»*

29 октября 1917 года.

Этому ли народу нужна свобода, на который сделали ставку большевики? Был ли он к ней готов? Нина Берберова, горестный свидетель тех событий спустя многие годы вспоминает:

«...Мне и сейчас ещё кажется какой-то фантасмагорией та стремительность, с которой развалилась Россия, и то гигантское усилие, с которым она потом поднималась – сорок лет. Тогда на верхах люди просто бросали всё и уходили: сначала царь и его министры, потом кадеты, потом социалисты. Оставались самые неспособные и неумные, пока не провалились в тартарары и они. От святых (вроде кн. Львова) и до бесов, имена которых всем известны, все были тут налицо, вся гамма российских бездарностей, слабоумцев, истериков и разбойников.

А главный виновник всего, тот, который дал России опоздать к парламентскому строю на сто лет¹⁶⁵, тот, который не дал возможности кадетам и социалистам выучиться ответственному ремеслу государственной власти или хотя бы ремеслу оппозиции государственной

¹⁶⁴ Режиссёр Виллен Новак.

¹⁶⁵ Не очень понятно, что имеет ввиду писательница. Ведь те четыре Думы, собиравшиеся в начале 20-го века вряд ли можно назвать полноценным парламентом.

власти, тот, кто вёл страну от позора к позору двадцать три года, кто считал, что, прочитав в день коронации молитву «помазанника», он, принимая символ за реальность, стал действительно этим «помазанником», никакой так называемой мученической смертью не заплатил за свои ошибки: они остались при нем... И хотя мы все, в унисон, шлем проклятия нашему Камбизу¹⁶⁶ тридцатых и сороковых годов, во всех российских несчастиях прежде всего и больше всего повинен царь.»¹⁶⁷

И об этой же стремительности происходящего в стране искренне и сумбурно, как о катастрофе, с позиции интеллигенции и о её роли пишет изумлённый философ Василий Розанов¹⁶⁸:

«Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три. Даже "Новое Время" нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей. И собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая "Великого переселения народов". Там была — эпоха, "два или три века". Здесь — три дня, кажется даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Странным образом — буквально ничего.

Остался подлый народ, из коих вот один, старик лет 60 "и такой серьезный", Новгородской губернии, выразился: "Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть". Т. е. не сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, но надо по-русски вырезать из его кожи ленточка за ленточкой.

И что ему царь сделал, этому "серьезному мужичку".

... Что же, в сущности, произошло? Мы все шалили. Мы шалили под солнцем и на земле, не думая, что солнце видит и земля слушает. Серьезен никто не был, и, в сущности, цари были серьезнее всех, так как даже Павел, при его способностях, ещё «трудился» и был рыцарь. И, как это нередко случается, — "жертвою пал невинный". Мы, в сущности, играли в литературе.

... По содержанию литература русская есть такая мерзость, — такая мерзость бесстыдства и наглости, — как ни единая литература. В большом Царстве, с большою силою, при народе трудолюбивом, смышленном, покорном, что она сделала? Она не выучила и не внушила выучить — чтобы этот народ хотя научили гвоздь выковывать, серп исполнить, косу для косьбы сделать ("вывозим косы из Австрии", — география). Народ рос совершенно первобытно с Петра Великого, а литература занималась только, "как они любили" и "о чем разговаривали". И все «разговаривали» и только «разговаривали», и только «любили» и ещё «любили».

Никто не занялся тем что в России нет ни одного аптекарского магазина, т.е. сделанного и торгуемого русским человеком, — что мы не умеем из морских трав извлекать иоду, а горчишники у нас «французские», потому что русские всечеловеки не умеют даже намазать горчицы разведенной на бумаге с закреплением её «крепости», «духа». Что же мы умеем? А вот, видите ли, мы

¹⁶⁶ Царь Камбиз правил Персидской империей, отличался жестокостью и властолюбием.

¹⁶⁷ Нина Берберова. «Курсив мой».

¹⁶⁸ Василий Розанов. «Апокалипсис нашего времени», 1918. Не уехавший писатель умер на следующий год от голода и нужды в Сергиевом Посаде. Похоронен с северной стороны храма Гефсиманского Черниговского скита.

умеет «любить», как Вронский Анну... . Боже, но любить нужно в семье; но в семье мы, кажется, не особенно любили, и, пожалуй, тут тоже вмешался чертов бракоразводный процесс ("люби по долгу, а не по любви"). И вот церковь-то первая и развалилась, и, ей-ей, это, кстати, и "по закону"...

.....

Нигилизм... Это и есть нигилизм, — имя, которым давно окрестил себя русский человек, или, вернее, — имя, в которое он раскрестился.

— Ты кто? блуждающий в подсолнечной?

— Я нигилист.

— Я только делал вид, что молился.

— Я только делал вид, что живу в царстве.

— На самом деле — я сам себе свой человек.

— Я рабочий трубочного завода, а до остального мне дела нет.

— Мне бы поменьше работать.

— Мне бы побольше гулять.

— А мне бы не воевать.

И солдат бросает ружье. Рабочий уходит от станка.

— Земля — она должна сама родить. И уходит от земли.

— Известно, земля Божия. Она всем поровну.

Да, но не Божий ты человек. И земля, на которую ты надеешься, ничего тебе не даст. И за то, что она не даст тебе, ты обагришь её кровью.

Земля есть Каинова, и земля есть Авелева. И твоя, русский, земля есть Каинова.

Ты проклял свою землю, и земля прокляла тебя. Вот нигилизм и его формула.

И солнышко не светит на черного человека. Черный человек ему не нужен.

..... С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историєю железный занавес¹⁶⁹.

— Представление окончилось. Публика встала.

— Пора одевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось.»

Честен в описании первых дней захвата власти и Горький, которому приходится горько писать: «Вот уже почти две недели, каждую ночь толпы людей грабят винные погреба¹⁷⁰, напиваются, бьют друг друга бутылками по башкам, режут руки осколками стекла и точно свиньи валяются в грязи, в крови. За эти дни истреблено вина на несколько десятков миллионов рублей и, конечно, будет истреблено на сотни миллионов.

Если б этот ценный товар продать в Швецию — мы могли бы получить за него золотом или товарами, необходимыми стране — мануфактурой, лекарствами, машинами. ... В «Правде» пишут о пьяных погромах как о «провокации буржуев», — что, конечно, ложь, это «красное словцо», которое может усилить

¹⁶⁹ Пожалуй, здесь впервые в публицистике в переносном смысле упоминается чисто театральным техническим термин - железный занавес, т.е. буквально жестяное полотнище в театре, в случае пожара быстро опускающееся сверху и разделяющее тем самым зрительную часть и сценическую.

¹⁷⁰ Вероятно, писатель имеет ввиду именно царские погреба Зимнего дворца, т.к. по всей стране действовал «сухой закон» с начала войны и не отменялся большевиками. Пока.

кровопролитие. Развивается воровство, растут грабежи, бесстыдники упражняются во взяточничестве так же ловко, как делали это чиновники царской власти; ... Всё это творится от имени «пролетариата» и во имя «социальной революции», и всё это является торжеством звериного быта, развитием той азиатчины, которая гноит нас.»¹⁷¹

Об азиатской специфике революции и её последствиях сожалеет и Николай Бердяев: « ... В душе русского народа происходила борьба Востока и Запада, и борьба эта продолжалась в русской революции. Русский коммунизм есть коммунизм восточный. Влияние запада в течение двух столетий **не** овладело русским народом». Интересно, что о внезапно появившихся **азиатских** чертах в русских лицах с ужасом упоминает и Бунин в «Окаянных днях» (см. ниже), и Плеханов.

У нас и здесь свой путь? Скорее всего «ихние» Марксы-Энгельсы Бебели-Каутские оказались здесь совсем ни при чём? Чем же тогда были у нас революции 17-го года? Скорее всего это просто наши русские чудеса и случайности. Бунты, если хотите. А революции делаются осмысленно. Или хотя бы с видимой осмысленностью. Уже лет сорок спустя, думая о неизбежности русских революций, Берберова пишет:

« ... если бы в России не было сопротивления самодержавию (и не было бы революции), то при наличии таких царей, как Романовы, Россия была бы сейчас огромной механизированной Абиссинией, с тонким слоем интеллигенции, вероятно, выселившейся бы в какую-нибудь другую страну, если бы Россия вообще была. Даже в Саудовской Аравии (где правят муллы) есть планирование, но русский царь вряд ли бы дошел до этого. Десять процентов грамотных, как среди подданных Хайле Селассие, – вот что ожидало Россию в двадцатом веке – если помазанник понимал себя не как метафору, а как реальность. Николай Второй жил в убеждении, что Бог реально мазал его и строго запретил делить власть с кем бы то ни было ...».

Как бы то ни было, но после октябрьского переворота никто так не бичует большевиков, в частности — Ленина, как он же, Горький, радушно принимавший его у себя на Капри 10 лет назад. Уже 7 ноября (20-го ноября по новому ст.) 1917 г. он нелицеприятно констатирует в редактируемой им газете «Новая Жизнь»:

«Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия. Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся якобы по пути к «социальной революции» — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции. Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть, что из этого выйдет? Рабочие не должны позволять

¹⁷¹ Максим Горький. «Несвоевременные мысли».

авантюристам и безумцам взваливать на голову пролетариата позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам же пролетариат».

И далее он поясняет:

«В современных условиях русской жизни нет места для социальной революции, ибо нельзя же, по щучьему веленью, сделать социалистами 85 процентов крестьянского населения страны, среди которого несколько десятков миллионов — инородцев-кочевников. От этого безумнейшего опыта прежде всего пострадает рабочий класс... Мне безразлично, как меня назовут за это мнение о «правительстве» экспериментаторов и фантазёров, но судьбы рабочего класса и России — не безразличны для меня. И пока я могу, я буду твердить русскому пролетариату: Тебя ведут на гибель, тобою пользуются как материалом для бесчеловечного опыта, в глазах твоих вождей ты всё ещё не человек!»

Конечно, так и было. Россия — лишь промежуточная станция для экспресса под названием «Загнивающий Империализм — коммунизм, светлое будущее всего человечества».

Ну а для начала необходимо перетрясти всё старорежимное обветшавшее хозяйство, буквально всё — экономику, науку, мораль, образование, религии, смысл искусства и смысл жизни, методы создания литературы, семью и брак, флаги и гимны, общественные отношения, обращения к лицу, структуру управления, алфавит и орфография, единицы измерений весов и длин, царские деньги, губернии, волости и уезды, чины в армии и саму армию, — всё, что хоть как то напоминает старый режим, — а то, что ремонту не подлежит — подлежало уничтожению, на свалку. На свалку пошло очень многое — ведь мы строим новый мир. Сословное деление упразднилось — больше нет духовенства, казачества, офицерства, и конечно аристократии, не говоря уж о царствующем доме.

А потому упраздняются обращения — господин, госпожа, сударь и сударыня, мадам и мадемуазель, ваше высокосбродие, превосходительства и т.п., вводится единое универсальное и бесполое — товарищ !. Товарищ Троцкий, товарищ Корейко! Все — товарищи, а как же? — все равны. Господ и холопов больше нет. Красиво. Равенство! Кто был никем — стал всем. И кухарка может управлять государством — об этом уже упоминалось выше. И обидно, и недостойно нации, что за последующие 70 лет мы так и не придумали уважительно-почтительного обращения хотя бы к женщине типа — пани, синьора, мадам, мисс... Да стоит ли заморачиваться такими мелочами, когда впереди — мировая революция. До сих пор обходимся простым и народным «эй, женщина!».

Ещё о декретах.

Уже в январе 1918 года публикуется декрет в редакции наркома просвещения Анатолия Луначарского, который обязывал все советские печатные издания «печататься согласно новому правописанию». Удаляются из алфавита буквы Ъ (ять), Ө (фита), І («и десятеричное»), а также исключается твёрдый знак (ЕРЬ) на конце слов и частей сложных слов. Унифицировали написание некоторых местоимений.

Так, прежние онѣ, однѣ, однѣхъ, однѣмъ, однѣми заменялись на новые - они, одни, одних, одним, одними; прежние ея (нея) — на её (неё). Были и другие замены. Сгоряча литеру «ер» Ъ так усердно и изымали из типографий, что её совсем не осталось в наборных станках, так что придумали вместо твёрдого знака Ъ, там, где он совершенно необходим, ставить апостроф ` , поэтому в советских текстах 20-х, 30-х мы видим слова под`езд, с`езд, от`ём, под`яремный и т.д. А буква V («ижица»), которая была последней буквой в дореволюционном алфавите, уже и так давно выпала из простых бытовых текстов и осталась только в узкоспециальных церковных терминах греческого происхождения – свнодъ, мвро, впостась, и о ней декрет вообще даже умалчивает (видимо, посчитали, что и слов таких народу больше не потребуется, так что что ижица формально жива и легитимна.).

Конечно, упрощение правил правописания многих слов и сокращение числа букв в алфавите делало чтение и письмо более доступными миллионам неграмотных крестьян и полуграмотных рабочих, и немного укорачивало русскоязычный текст, что в масштабах полуразрушенной страны сберегало тысячи тонн дорогостоящей бумаги, краски, металла, затраченного на типографские шрифтовые отливки.

Но никакое упрощение не происходит даром для культуры ...Упрощённый инструмент и производит всегда упрощённый, обеднённый продукт, в данном случае – русскую речь и письмо. Так, не зная сейчас, что ранее использовались два разных слова - «миръ» (покой, отсутствие войны) и міръ (все люди, человеческое общество, Вселенная), - мы не в состоянии ныне адекватно оценить замысел Толстого в его романе-эпопее, печатая его уже упрощённое название сегодня как «Война и мир» и не зная, какое из двух значений последнего слова имел ввиду писатель?

Кстати, Маяковский в год революции выпускает антивоенную поэму «Война и міръ» (в пику Толстому?) и посвящённую, кстати, уже «Лиле».

И в октябре 1918 года на новую орфографию перешли официальные органы большевиков – газеты «Известия» и «Правда». В это время в стране уже полыхала Гражданская война, и старая орфография, отмененная декретами большевиков, стала одним из символов сопротивления новой власти; такую же роль она играла и для русской эмиграции.... http://www.gramota.ru/class/istiny/istiny_5_orfo1917

Между тем, реформа правописания придумана не большевиками, как некоторые думают. Ещё в 1912 году особое совещание при Императорской Академии наук в общем виде одобрило работу предварительной комиссии. Но далее одобрения дело по разным причинам не пошло. Однако большевики не намерены были останавливаться на этом. Мало кто знает, что реформа Луначарского носила временный характер. В 1918 году большевики активно бредили мировой революцией, а кириллическое письмо в этой ситуации было не самой эффективной платформой для пропаганды. Во-первых, большинство пролетариев в мире, которых следовало объединить, воспринимали только латинское письмо, а, во-вторых, в латинице всего 26 букв. Чудесная экономия в типографском наборе!

....Идею о латинизации нашего алфавита и письменности горячо продвигает Луначарский, тогда нарком просвещения, ссылавшийся на пожелания самого Ленина и не оставлял её вплоть до 1930 года на волне продвижения к мировой революции, к единой советской республике. Осенью 1929 года комиссия Главнауки при Наркомпросе РСФСР начинает работу над проектом перевода русского языка с кириллицы на латиницу. К тому моменту на латинский язык уже перешло почти 70 народов, населявших СССР. К зиме проект направляется на утверждение в Политбюро, однако оно неожиданно предлагает приостановить эту деятельность. Не до того сейчас, усилия нужны в индустриализации, коллективизации, ... но и после 1930 года процесс латинизации языков малых народов СССР продолжается теми же темпами.

Так, в 1931-м переходят на латиницу карелы, эскимосы, ненцы, эвенки. Ситуация меняется только во второй половине 30-х, когда надежды на мировую революцию окончательно развеялись и начался обратный процесс. Все народы СССР, переведённые ранее на латиницу, возвращаются на кириллицу. Их кириллизация окончательно завершается только к началу 50-х годов. (Но в новой, например, Молдове после независимости 1991 года перешли опять с кириллицы на латиницу, и стал, например, Кишинёв - Chişinău).

Похоже и в области языкознания никаких реалистических планов не просматривалось. Шараханье и здесь.

Между тем новые декреты Советской власти и другие постановления законодательного характера во множестве сыпятся по всяким поводам на головы новых советских граждан. И это понятно, ведь новая страна строит новые отношения на совершенно голом законодательном пустыре. Нужно упомянуть хотя бы некоторые, чтобы стала понятна эта беспрецедентная ломка старого мира. Вот совершенно поразительный пример нового порядка.

В ноябре принимается Декрет о введении государственной монополии на **объявления** (даже само название вводит в ступор), по которому каждая живая душа обязана давать свои платные объявления только в советские, т.е. большевистские печатные издания. Вроде бы - просто упорядочение нового быта, но если вдуматься – это поток огромных денег, ведь объявлений – миллионы по стране, а с другой стороны – полнейший контроль за печатными лозунгами, призывами недобитой буржуазии к несанкционированным митингам, демонстрациям, собраниям, т.е. вся неугодная публичная политика пресекалась на корню. Это уже неприкрытая диктатура.

Интернационал (Неофициальный гимн новой страны).

Слова Эжена Потье. Перевод А. Я. Коца

Вставай, проклятьем заклеймённый,

Весь мир голодных и рабов!

Кипит наш разум возмущённый

И в смертный бой вести готов.

Весь мир насилья мы разрушим

До основания, а затем

Мы наш, мы новый мир построим,

Кто был никем — тот станет всем!

Припев:

Это есть наш последний

И решительный бой;

С Интернационалом

Воспрянет род людской!

Никто не даст нам избавленья:

Ни Бог, ни царь и не герой —

Добьёмся мы освобожденья

Своею собственной рукой.

Чтоб свергнуть гнёт рукой умелой,

Отвоевать своё добро, —

Вздувайте горн и куйте смело,

Пока железо горячо!

Издаются декреты об уничтожении сословий и гражданских чинов (теперь все граждане и «товарищи»), об отмене права частной собственности на городскую недвижимость - теперь у вас, товарищ, нет в собственности своей недвижимости, и очень скоро вас могут посетить люди в кожанках и уплотнят вас в вашей же недавно купленной квартире, и на ваших чрезмерных квадратных метрах поселят семей 5-8 пролетариата или совслужащих. И скажите спасибо, если вам оставят хоть одну отдельную комнату. Ну, это конечно, если вы не профессор Преображенский и не имеете прямого телефонного провода туда, откуда очень-очень серьезный усатый человек в шинели, готовящийся к операции (по крайней мере, так в фильме) может просто объяснить любому швондеру, что профессора трогать не нужно, и теперь профессор может относительно спокойно оперировать в операционной, осматривать желающих омолодиться товарищей (здесь же и женщины) в смотровой, и даже обедать в своей столовой, чего уже не могла себе позволить даже Айседора Дункан (да, телефонное право у нас зародилось вместе с самой советской властью).

Издаются декреты о национализации банков, об отмене наследования, о запрещении сделок с недвижимостью (теперь квартиру не продашь и не купишь, да она уже и не твоя), о свободе совести, церковных и религиозных обществах (Церковь отделяется от государства. ... Школа отделяется от церкви). Преподавание религиозных верований во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается.

Принимается Декрет о государственной независимости Финляндии, её отпускали в свободное плавание.

Но Украину отпускать не хотели. Между тем созданная ещё в феврале 17-го года Украинская Центральная Рада (что то вроде украинского центрального совета), возглавляемая Михаилом Грушевским, созывает в Киеве украинское национальное правительство и объявляет в ноябре 1917 года Украинскую Народную Республику (УНР). А в январе 1918 года Центральная Рада, приняв четвертый Универсал¹⁷², провозглашает независимость Украины.

Большевики ограничиваются воззванием к украинским рабочим, солдатам, крестьянам, ко всему украинскому народу, где призывали «Требуйте немедленного переизбрания Рады. Требуйте перехода всей власти на Украине к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». И на этом пока остановились.

Принимается Декрет о национализации предприятий большинства отраслей промышленности, предприятий в области железнодорожного транспорта (касалось всей крупной промышленности кроме предприятий, принадлежащих потребительским кооперативным обществам и товариществам и их объединениям.) И даже принимается Декрет (отдельный!) «О национализации нотных, музыкальных магазинов, складов, нотопечатен и нотоиздательств». Уж очень боятся большевики любых неконтролируемых ими типографий и издательств. Как же они собираются реализовать в стране собственные предреволюционные лозунги о свободе печати?

¹⁷² Универсалы - политико-правовые акты программного характера, типа декретов, издававшиеся Центральной радой, исполнявшей функции высшего законодательного органа Украинской Народной Республики, в 1917 году. Всего их было четыре.

Тем временем новая Страна без названия впервые пересекает рубеж годов и ощупью входит в новый 1918 год. Что там?

А там то, что Михаилу Булгакову вспоминается сквозь свои юношеские впечатления о наступлении этого нового года в Киеве. Года страшного и великого:

«Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская - вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс. Но дни и в мирные, и в кровавые годы летят как стрела, и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь. О, ёлочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем! Мама, светлая королева, где же ты?». «Белая гвардия».

И Алексей Толстой описывает новый страшный Петроград в первую зиму новой эпохи:

«...Всё чаще по ночам стучал молоток, заколачивая досками двери магазинов. ... Испуганный прохожий жался к стене, косясь на патрули — на кучки решительных людей, идущих с красной звездой на шапке и с винтовкой, дулом вниз, через плечо.

Северный ветер дышал стужей в тёмные окна домов, залетал в опустевшие подъезды, выдувая призраки минувшей роскоши.

Страшен был Петербург в конце семнадцатого года.

Страшно, непонятно, непостигаемо. Всё кончилось. Всё было отменено. Улицу, выметенную позёмкой, перебежал человек в изодранной шляпе, с ведёрком и кистью. Он лепил новые и новые листочки декретов, и они ложились белыми заплатками на вековые цоколи домов.

Чины, отличия, пенсии, офицерские погоны, буква ять, бог, собственность и само право жить как хочется - отменялось. Отменено!

... за зеркальными окнами ещё бродили по холодным покоем обитатели в валенках, в шубах, заламывая пальцы, повторяли: — Что же это? Что будет? Гибель России, конец всему... Смерть!..

... какие-то вооружённые люди выносят из настёжь распахнутых дверей мебель, ковры, картины. Над подъездом — кумачовый флажок, и тут же топчется его высокопревосходительство, с бакенбардами, как у Скобелева, в лёгком пальтишке, и седая голова его трясётся. Выселяют! Куда в такую стужу? А куда хочешь... Это высокопревосходительство-то, нерушимую косточку государственного механизма!

Настаёт ночь. Черно — ни фонаря, ни света из окон. Угля нет, а говорят, Смольный залит светом, и в фабричных районах—свет. ... И бухают выстрелы во тьме. Кто стреляет, зачем, в кого? Не там ли, где мерцает зарево, окрашивает снежные облака? Это горят винные склады... В подвалах, в вине из разбитых бочек, захлебнулись люди... Чёрт с ними, пусть горят заживо!

О, русские люди, русские люди!

Русские люди, эшелон за эшелон, валили миллионными толпами с фронта домой, в деревни, в степи, в болота, в леса... К земле, к бабам... В вагонах с выбитыми окнами стояли вплотную, густо, не шевелясь, так что и покойника нельзя было вытащить из тесноты, выкинуть в окошко. Ехали на буферах, на крышах. Замерзали, гибли под колёсами, проламывали головы на габаритах мостов. ... Три года тому назад много не спрашивали, — с кем воевать и за что. Будто небо раскололось, земля затряслась: мобилизация, война! Народ понял: время страшным делам надвинулось. Кончилось старое житьё. В руке — винтовка. Будь что будет, а к старому не вернёмся.

За столетия накопили обиды. За три года узнали, что такое война. Впереди пулемёт и за спиной пулемёт, лежи в дерьме, во вшах, куда жив. Потом — содрогнулись, помутилось в головах, революция... Опомнились, — а мы-то что же? Опять нас обманывают? Послушали агитаторов: значит, раньше мы были дураками, а теперь надо быть умными... Повоевали, повёртывай домой на расправу. Теперь знаем, в чье пузо — штык. Теперь — ни царя, ни бога. Одни мы. Домой, землю делить! ...».¹⁷³

«Я ушёл в Красную Армию в ноябре 1918 года, когда мне не было ещё и 14 лет.

Я был рослым крепким мальчишкой, и вскоре после некоторых колебаний меня приняли на 6-е киевские курсы красных командиров.

В конце вышло так, что четырнадцати с половиной лет я уже командовал 6-й ротой 2-го полка...

А в семнадцать лет был командиром 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом. Когда у меня спрашивают, как это могло случиться, что я был таким молодым командиром, я отвечаю: это не биография у меня необыкновенная, а время было необыкновенное. Это просто обыкновенная биография в необыкновенное время.

Из воспоминаний А. Гайдара»

И вместе со всеми Семён Бумбараш, персонаж раннего рассказа Аркадия Гайдара, едет с фронта верхом на паровозе домой, а там попадает в самое пекло — дома его нет, в родном селе хозяйничают бандиты, его невесты Вари нет, и он мечется между ними и красными, и белыми, и зелёными. И таких по стране — миллионы. Незрелый рассказ написан не так интересно и драматично, и не окончен. Однако он задаёт важнейшую для того времени тему — «пришёл солдат с фронта». О себе же и

о судьбах таких же как он мальчишках, вброшенных в революционный водоворот, писатель кратко скажет: (см. текст на врезке выше).

Но в 70-х за сюжеты ранних рассказов Гайдара взялись режиссеры Николай Рашеев и Аркадий Народицкий, актёр Валерий Золотухин, композитор Владимир Дашкевич, поэт Юлий Ким. В лёгкий стиль мюзикла они обернули трагическую сердцевину из жизни Бумбараша — и получился киношедевр. А тема вечная — маленький человек в жерновах большой трагедии страны, никому не нужный, ни кола, ни двора, красные, белые и просто бандиты — просто хотят его расстрелять, невеста Варя

¹⁷³ Алексей Толстой. «Хождение по мукам».

не дождалась его и сейчас принадлежит главарю шайки, который в конце концов, будучи сам загнанным и окружённым, стреляет в неё по старому принципу «не доставайся же ты никому».

И Бумбараш остаётся уже совсем один, он мечется:

*«... Ах, куда мне деться,
Дайте оглядеться,
Спереди застава, сзади - западня.
Белые, зелёные, золотопогонные,
А голова у всех одна, как у меня.»*

Спрятанный на сеновале
Бумбараш в тоске поёт:

*«Ходят кони над рекою,
Ищут кони водопоя,
А к речке не идут -
Больно берег крут.*

*Ни тропиночки убогой,
Ни ложбиночки пологой.
Как же коням быть?
Кони хотят пить.*

*Вот и прыгнул конь буланой
этой кручи окаянной.
а ... синяя река
Больно глубока.»*

Кадр из фильма «Бумбараш».

С
А-

(Смотреть и слушать!)

(А в титрах фильма значится – «Текст песен ... Ю.Михайлова», это псевдоним Юлия Кима. Он вынужден был его взять из-за своей в те годы репутации диссидента и «махрового антисоветчика», чтобы с ним советские организации могли подписывать договора. Очень власти у нас не любили самостоятельных и независимых людей, каким и являлся Ким.)

Разгон Учредительного Собрания

Итак, новая страна (ещё даже и без официального названия) входит в 1918 год. Большевики укрепляют свою власть. И тут на пути к окончательному захвату власти у большевиков и левых эсеров образовалась очевидная препона - декреты декретами, а обещанное и декретируемое (самими большевиками) Учредительное собрание надо созывать. Необходимость его созыва – как особого общенародного веча, который и должен учредить исполнительные и законодательные институты новой страны, организовать их выборы и передать им законную власть, а самому распустится – была очевидна всем ещё оставшимся политическим силам. Этого давно ждали все революционные силы страны, с этого должны начаться реформы в стране. Эта понятная Идея входила в лозунги всех демократических сил и партий страны и не подвергалась

кем-либо сомнению, даже самими большевиками и эсерами, тезис о которой входил и в предреволюционные воззвания большевиков. Лозунг «Вся власть Учредительному собранию!» был всеобщим, всероссийским, поэтому Временное правительство так и называлось – Временное, т.е. до создания Учредительным собранием постоянных легитимных органов исполнительной и других ветвей госвласти. Так же и Совнарком создан как временный орган — до созыва Учредительного собрания, с началом работы которого теряли силу декреты советской власти.

В этом то и была проблема большевиков – имея сейчас даже большинство во многих городских, губернских Советах, они могли не получить большинство в новых легитимных органах (эсеры – и правые и левые вместе – в целом по стране обладали очень большим влиянием), и тем самым упустить абсолютную власть, которая и была их несомненной целью. Ведь работать в выборных органах в условиях политической конкуренции – это значит учитывать мнения других политических сил, уступать, убеждать, конкурировать идеями, аргументировать, доказывать свою правоту в открытом споре с трибун, в газетах

А зачем? Зачем большевикам делиться властью с другими политическими силами, слушать другие мнения, с кем-то открыто спорить? Не для того бывшие подпольщики и бомбисты сидели по ссылкам и тюрьмам, по туруханским и шусьенским. Вы думаете после революции эти революционеры снова сменят свои партийные клички на родные фамилии и вернутся к мирному труду сапожника, адвоката, журналиста ... нет, профессиональный революционер остановиться уже не может. Власть всегда мало. Мог ли остановиться, скажем, Че Гевара, бросить свой революционный автомат и пойти работать, допустим, почтальоном? Только пуля ...

Так и сейчас. Вопрос с Учредительным Собранием решили с большевистской прямотой и простотой – допустить выборы в ноябре, созыв собрания назначить на 5 января 1918 года. Но одновременно перед этим в декабре в Петрограде вводится военное положение (чтобы подготовиться к силовому разгону?). Тем временем в выборах приняли участие меньше 50 % избирателей. Всего было избрано 715 депутатов, из которых 370 мандатов получили правые эсеры и центристы, 175 – большевики, 40 – левые эсеры, 17 – кадеты, 15 – меньшевики, ... и др. В городе появляется Чрезвычайный военный штаб, подготовленный к силовым операциям. Революционные полки петроградского гарнизона приведены в боевую готовность. И 5 января один из старейших делегатов Собрания Сергей Швецов пытается открыть заседание в Таврическом дворце, но безуспешно.

Известны воспоминания большевика Фёдора Раскольниковца и эсера Марка Вишняка о том, что происходило в день открытия в Таврическом дворце, в котором вооруженные матросы охраны по-хозяйски разгуливали по залам, держа винтовки на плече. Вспоминает Раскольников:

«... Свердлов¹⁷⁴, который должен был открыть заседание, где-то замешкался и опоздал [...]. Видя, что Швецов всерьёз собирается открыть заседание, мы начинаем бешеную обструкцию: кричим, свистим, топаем ногами, стучим кулаками по тонким деревянным пюпитрам. Когда всё это не помогает, мы вскакиваем со своих мест и с криком «долгой!» кидаемся к председательской трибуне. Правые эсеры бросаются на защиту старейшего. На паркетных ступеньках трибуны происходит лёгкая рукопашная схватка. Швецов растерянно звонит в колокольчик и беззвучно, беспомощно шевелит бледными

¹⁷⁴ На тот момент Председатель ВЦИК.

трясущимися губами. Своим шумом мы заглушаем его слабый старческий голос. Вдруг рядом с осанистым рыхлым Швецовым на председательском возвышении вырастает узкоплечий и худощавый Свердлов в чёрной кожаной куртке. С властной уверенностью берёт он из рук оторопевшего старца светлый никелированный колокольчик и осторожным, но твёрдым жестом хладнокровно отстраняет Швецова.

Неистовый шум, крики, протесты, стук кулаков по пюпитрам несутся со скамей взволнованных эсеров и меньшевиков. Но Свердлов, как мраморный монумент, с невозмутимым спокойствием застыл на трибуне и с вызывающей насмешкой глядит на противников сквозь крупные овальные стёкла пенсне. Он хладнокровно звонит в колокольчик и делает широкий повелительный жест худой волосатой рукой, безмолвно призывая собрание восстановить тишину. Когда постепенно шум смолкает, Свердлов с необыкновенным достоинством, громкой и внятной октавой на весь зал возглашает:

-- Исполнительный комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов поручил мне открыть заседание Учредительного собрания...»¹⁷⁵.

Вспоминает Вишняк:

«... С выкриками и свистом слились вой и улюлюканье, топанье, хлопанье пюпитрами и по пюпитрам. Это была бесновавшаяся, потерявшая человеческий облик и разум толпа. Особо выделялись своим неистовством Крыленко, Луначарский, Скворцов-Степанов, Спиридонова, Камков. Видны открытые пасти, сжатые и потрясаемые кулаки, заложенные в рот для свиста пальцы. С хор усердно аккомпанируют. Весь левый сектор являл собой бесноватых, сорвавшихся с цепи. Не то сумасшедший дом, не то цирк или зверинец, обращённые в лобное место. Ибо здесь не только развлекались, здесь и пытали: горе побеждённым!»¹⁷⁶.

Уже под утро подобной «работы» большевики и левые эсеры заявили о своём уходе из Собрания. Цель была достигнута, никаких существенных документов принять не удалось, и под утро «военный работник» Павел Дыбенко, осуществляя волю руководства большевиков и левых эсеров, поручил анархисту-коммунисту кронштадтскому матросу Железнякову распустить Собрание. Тот подошёл к председателю Чернову, и, сказав по известной легенде простую фразу «Караул устал», предложил разойтись, пригрозив в противном случае силой. Оставшиеся делегаты объявили перерыв и разошлись. На этом работа Учредительного Собрания России закончилась навсегда. Таким образом, благодаря только грубой силе, глотке и жёсткому нахрапу власть осталась у большевиков и левых эсеров в Советах, которые они держали в крепком кулаке. Тем самым вопрос о легитимности этой власти повис в воздухе и остался без решения в течение всей жизни Советского Союза.

Нужно констатировать, что власть была грубо и безраздельно захвачена именно в день разгона Учредительного Собрания, а не в ночь ареста Временного правительства в Зимнем дворце. Именно с этого дня Россия окончательно пошла совсем по другому пути развития, свернула с эволюционного на революционный, и мы прошли точку невозврата. Насилие над теми, кто думает по-другому чем они, пришедшие к власти, стало обычным и повседневным советским делом, средством разрешения всех проблем, простых и сложных.

¹⁷⁵ См., например, Рудольф Баландин. «МИФЫ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА».

¹⁷⁶ Юрий Фельштинский. «Большевики и левые эсеры (Октябрь 1917 - июль 1918)».

И в этот же день 5-го января при разгоне демонстраций в поддержку Учредительного собрания проливается кровь того народа, интересы которого якобы пришли защищать большевики. Всего в Петрограде и Москве убиты несколько десятков демонстрантов, сотни раненых.

9-го (22-го) января 1918 года в день похорон в Петрограде погибших от расстрела большевиками участников демонстрации в защиту Учредительного Собрания, Горький пишет в «Новой Жизни»:

«Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного Собрания, — политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность свободно выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови — и вот «народные комиссары» приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи. Напомню, что многие из «народных комиссаров» сами же, на протяжении всей политической деятельности своей, внушали рабочим массам необходимость борьбы за созыв Учредительного Собрания. «Правда» лжёт, когда пишет, что манифестация 5-го января была организована буржуями, банкирами и т. д. ... «Правда» лжёт, — она прекрасно знает, что «буржуям» нечему радоваться по поводу открытия Учредительного Собрания, им нечего делать в среде 246 социалистов одной партии и 140 — большевиков. «Правда» знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знамёнами Российской С.-Д. Рабочей партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов. Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала «Правда», она не скроет этого позорного факта. Итак, 5 января расстреливали рабочих Петрограда безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы.» <https://www.rummuseum.ru/portal/node/2965>

Расстрелы безоружных граждан (вплоть до новочеркасского расстрела в 1962 году) становятся одним из средств общения с населением, другое средство — массированная пропаганда. И дальше — только «наша» власть, только насилие против несогласных.

Здесь же надо привести очень характерную реакцию «вождя мирового пролетариата» на происходящую трагедию. Камил Икрамов в книге «Дело моего отца» вспоминает и передаёт рассказ своего отца, знавшего близко Бухарина, который однажды сам поделился с ним воспоминанием:

«Поезд Ташкент — Москва, два интеллигента в международном вагоне, долгие путевые разговоры вообще, рассказы о себе и среди них такие.

«В ночь разгона Учредительного собрания Владимир Ильич позвал меня к себе. У меня в кармане пальто была бутылка хорошего вина, и мы (следовало перечисление) долго сидели за столом. Под утро Ильич попросил повторить какую-то часть рассказа о том, как происходил разгон Учредилки, и вдруг рассмеялся. Смеялся он долго, повторял про себя слова рассказчика и

всё смеялся, смеялся. Весело, заразительно, до слез. Хохотал. Мы не сразу поняли, что это истерика. В ту ночь мы боялись, что мы его потеряем»». (Неужели Бухарин тоже забирался в туннели и мародёрил по винным подвалам Зимнего? Или эта бутылка результат реквизиции царских вин другими?)

Отец этого Камилы — Акмаль Икрамов, видный партийный и государственный деятель, расстрелянный в марте 1938 года вместе с Бухариным и другими, проходившими по процессу «право-троцкистского блока», сам Камил -- автор книги, был арестован в **шестнадцатилетнем** возрасте, и провёл 12 лет в лагерях и ссылке.

Что ж, безумное веселье вождя, до истерики, из рассказа Бухарина, совершенно понятно — ведь свершилось опять чудо, и больше нет и не будет никаких независимых политических органов, и никаких конкурентов, которые могли бы схватить большевиков за руку (правда, остались ещё левые эсеры.)

И 6-го января (по ст. стилю) ВЦИК издает Декрет о Ропуске:

« ... вне стен Учредительного собрания партии большинства Учредительного собрания, правые эсеры и меньшевики, ведут открытую борьбу против Советской власти, призывая в своих органах к свержению её, объективно этим поддерживая сопротивление эксплуататоров переходу земли и фабрик в руки трудящихся. Ясно, что оставшаяся часть Учредительного собрания может в силу этого играть роль только прикрытия борьбы буржуазной контрреволюции за свержение власти Советов. Поэтому Центральный Исполнительный Комитет постановляет: Учредительное собрание распускается.». Всё просто.

А 18 (31) января III Всероссийский Съезд Советов одобряет этот декрет и принимает решение об изъятии из существующего законодательства ссылок на **временный** характер советского правительства (т.е. изъятие оговорок «впредь до созыва Учредительного собрания»). Вот и всё. В эти дни и совершается настоящий большевистский переворот и крутой поворот в истории России. Поворот не туда.

Но вот как характерно реагирует на эти события Есенин, правда уже с расстояния в 7 лет в стихотворении «Воспоминание»:

*« ...Рассыпались...
Уселись в ряд...
У публики дрожат поджилки...*

*И кто-то вдруг сорвал плакат
Со стен трусливой учредилки.
И началось... Метнулись взоры,*

*Войной гражданской горя,
И дымом пламенной «Авроры»
Взошла железная заря.*

*Свершилась участь роковая,
И над страной под вопли «матов»*

Взметнулась надпись огневая:

«Совет Рабочих Депутатов».» 1924 г. (Удачная рифма «матов»-депутатов).

Интересное восприятие поэта «поворота не туда». Но про «вопли матов» - это точно. Революции так и делаются. Через вопли, глотки и насилие.

Экстремизм, потрясавший Россию последние лет 20, одержал и политическую победу. А вскоре в Гражданскую войну он победит и в военном отношении. Те же экстремизм и террор, но уже освящённые государственными органами, насилие, лагеря для несогласных, ложь, монополия на информацию и пропаганду - станут главными инструментами управления сознанием народа.

Власть большевиков уже не делится ни с кем и никогда до 1991 года (ещё не арестованные левые эсеры, не имеющие в новом правительстве ни одного человека, не в счёт, их окончательно прищучат через полгода после покушения на посла Германии графа Мирбаха). Но она же порождает новую неотъемлемую проблему – легитимность своей власти, проблему, которую также будут тащить за собой до того же 1991 года. Легитимность власти даётся только свободными выборами всего народа своих представителей, и когда есть из кого выбирать. А этого то никогда не было. Мы никогда не выбирали первое лицо государства, не выбирали первое лицо своей области, скажем, губернатора. «Выбирали» только ничего не решающих депутатов Советов разных уровней, причём **одного из одного**. Это – чудесный феномен, неслыханное изобретение советской власти, и к нему мы ещё будем возвращаться. Пока же новая власть упивается своим могуществом и не сильно парится о какой-то легитимности.

Берберова, уже в далёкие от 17-го года времена с горечью вспоминает ту весну, и лето, и наступившую осень, что бездарно прошли они для страны, как бездейтельно правило временное правительство, как пропускали немцев через дырявые фронты, как не могли противостоять большевистской пропаганде, как не смогли устранить двоевластие и распустить нелегитимный Петросовет, и в результате

«... когда пришёл Октябрь, то мы все оказались не с ним (не с Лениным - ЮП), даже Горький в своих «Несвоевременных мыслях», потому что мы не могли принять ни «немецких денег», ни постепенного уничтожения целых классов населения, ни грозящей гибели двух поколений интеллигенции, ни «всё позволено» ленинской идеологии, ни снижения культуры, ни ставки на мировую революцию. Кстати – о немецких деньгах. Теперь, когда факты о них раскрыты и берлинские архивы времён Кайзера стали известны, непонятно, почему эти факты вот уже скоро пятьдесят лет скрываются в Советском Союзе и почему, будучи пораженцем, Ленин не мог этими деньгами воспользоваться? И почему, воспользовавшись ими, что было вполне логично, он потом отрицал это, как и его окружение? Керенский в 1959 году говорил мне, что он достоверно знал весной 1917 года об этом факте (получение Лениным сумм от Кюльманна-Людендорфа¹⁷⁷), но не мог раскрыть эту тайну,

¹⁷⁷ Здесь она объединила разных людей, участвующих в отправке «пломбированного» вагона в Россию. Рихард фон Кюльман - дипломат, статс-секретарь (министр иностранных дел Германии). Эрих фон Людендорф - см. стр.115. Выражение Берберовой здесь нужно считать, конечно, фигуральным.

неопровержимо доказать этот факт, так как был связан клятвой. Какой? С кем связан? С Палеологом и Бьюкененом (послами Франции и Англии)?». ¹⁷⁸

Неизвестно, о какой клятве Керенского здесь идёт речь. Возможно, он блефовал, а Берберовой пришлось поверить.

(Кстати, здесь уместно сказать о странном совпадении в ту революцию: два человека, Ульянов – Керенский, две персоны-символы двух непримиримых противоборствующих политических сил, один -лидер большевиков, поднимающих восстание, другой - председатель Временного правительства, защищающий своё правительство и ту законную власть, которую представляли его министры. Удивительно, что эти вставшие друг против друга люди родились в одном городе Симбирске (правда, с разницей в 11 лет), один 22 апреля по новому стилю, другой 22 апреля по старому календарю. Оба юристы по образованию. Но лично они не были представлены друг другу. А их отцы были близко знакомы, так как один был директором гимназии, где они учились, а другой инспектировал в том числе и эту гимназию. Говорят, что Фёдор Михайлович поспособствовал получению Владимиром, сыном Ильи Николаевича, золотой медали при выпуске (не хватало одной пятёрки). И это несмотря на то, что все в их городке знали, что он – из семьи повешенного террориста, его младший брат. И вполне могло быть, что один из них в октябрьские дни был бы вынужден подписать расстрельный приказ на другого. Но обошлось без драмы личностей. Ленин выиграл их схватку и умер после этого через 6 с небольшим лет. Керенский проиграл революцию и умер в 1970 году. «Бывают странные сближенья».)

Далее Берберова описывает собственное состояние, когда видела крушение прежнего режима:

«...рушилось то, что не только возбуждало ненависть и презрение, но и стыд, стыд за подлость и глупость старого режима, стыд за гниение его на глазах у всего мира: Цусима, «Потёмкин», Восточная Пруссия, Распутин, царица, виселицы и сам он, тот, кому нет и не может быть прощения, пока на земле останется хотя бы один русский. Он думал, что он второй царь Алексей Михайлович и что Россия – та самая допетровская Русь, которой нужны помазанники, синоды и жандармы, когда России нужны были быстрые шаги сквозь парламентский строй и капитализм к планированию, новым налогам, свободному слову и технологии двадцатого века, к цивилизации для всех, к грамотности для всех, к человеческому достоинству для каждого.»

И далее, может, самое главное для неё – вопрос насилия в любую революцию:

«... революция не была неизбежна. Двадцатый век научил нас, что нищету и неравенство, эксплуатацию и безработицу преодолевают иначе... Не «даровать» сверху конституцию надо было, а совместно с оппозицией разработать её и повернуть туда, где страна могла бы дышать и развиваться; не дворцовый переворот был нужен, а спокойный отказ от всех вообще дворцов и фонтанов, чтобы

¹⁷⁸ Нина Берберова. «Курсив мой».

провести линию между мифом и действительностью. А если несчастные войны были России не по силам, то надо было оставить мысль о великой России раз и навсегда.

Только **недоразвитые страны делают революции** – этот урок был нам преподан двадцатым веком, развитые страны меняются иначе.» (выделено мной - ЮП).

Она допускает, что страна без последней революции, возможно, не стала бы супердержавой, и великой, но была бы уважаемой демократической страной, прошедшей 20-й век «...без насильственной коллективизации, без войны армии, лишённой командного состава, без уничтожения культурного слоя – который и в двести лет не восстановим.».

И добавим от себя – без ГУЛАГа, без сталинских ужасов, без разрушения и ограбления церквей и монастырей и т.д. и т.п. Но у нас необходимая для страны модернизация страны пошла не по обычной колее, не европейской ... Наш паровоз понесло по своим рельсам, своим особым путём.

И на этом пути у нас в свою очередь стал Брест-Литовск.

1918 год

Брест-Литовск

И новые правители озабочены сейчас в первую очередь только сохранением этой самой власти, которая теперь могла выскользнуть из их рук только при столкновении с ещё большей силой. А такие силы были, и они быстро сгущались. Летом на Дону будут собираться белые армии, казачество, а с запада уже наступают германцы через огромные бреши разложившейся армии.

Уже 2 декабря очередной этап предварительных переговоров со странами Четверного союза завершается заключением перемирия на 28 дней с автоматическим продлением. Что ж, первый шаг в направлении к сепаратному миру сделан.

Далее необходимо сделать второй шаг, уже в направлении самого мира, т.е. состоянии, дающем обоим сторонам более-менее длительную передышку. И тут начинается целая переговорная эпопея, т.к. каждая сторона пыталась выжать из противника максимум с уступок, но не уступить самим.

К тому же оказывается, что ещё в начале января 1918 года к переговорам присоединяется делегация Украинской Народной Республики, как самостоятельная сторона, претендующая как на полную государственную независимость, так и даже на отдельные территории Польши.

Германия упорно держится своих территориальных требований, по которым она и Австро-Венгрия заняли бы Литву, Польшу, части Белоруссии, Украины, Эстонии, Латвии. Советская Делегация не принимает грабительских условий, но, что хуже, в самом Петрограде нет единства в этом вопросе. Бухарин ратует прекратить переговоры и начать настоящую «революционную войну», полагая, что даже самой советской властью можно пожертвовать ради «интересов международной революции». Троцкий

придерживался линии «ни войны, ни мира»: «Мир не подписываем, войну прекращаем, а армию демобилизуем».

Ульянов- Ленин трезво остужает пыл «наступанцев»:

*«... Несомненно, мир, который мы вынуждены заключать сейчас, — мир похабный, но если начнётся война, то наше правительство будет сметено и мир будет заключён другим правительством. ... Но ведь Германия только ещё беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну.»*¹⁷⁹, заявляет он. (Заметим, вероятно, самое главное здесь — «наше правительство будет сметено»).

В свою очередь Украинская Народная Республика не признаёт у себя в стране ни советской власти, ни московской, и фактически являются на переговорах третьей стороной. А чернозёмная Украина для истощённых Центральных держав прежде всего — источник провианта. И делегации Германии и Австро-Венгрии с оглядкой на сложное экономическое положение в своих странах, заявляют о признании суверенитета УНР и подписывают с делегацией Центральной Рады мирный договор в январе же, согласно которому — в обмен на военную помощь против революционных войск Советов — УНР обязалась в срок до середины лета поставить Германии и Австро-Венгрии 1 миллион тонн зерна, 400 миллионов яиц, до 50 тысяч тонн мяса рогатого скота, а также — сало, сахар, пеньку, марганцевую руду и другое сырьё. (И 1 марта в Киев входят немецкие и австро-венгерские войска, которых не устроил левый и националистический характер Центральной Рады, и в апреле оккупанты способствовали провозглашению Украинской державы во главе с гетманом - бывшим генералом царской армии Павлом Скоропадским, избранным на Всеукраинском съезде хлеборобов. Он защищал интересы крупных землевладельцев и более устраивал немцев в смысле обеспечения продовольственных поставок в Германию по мирному договору. И Рада пала).

...На очередном этапе переговоров нашу делегацию возглавляет Троцкий, который едет в Брест-Литовск (сейчас просто Брест в Белоруссии) с согласованной в Петрограде формулой «мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем».

Но глава делегации немцев Кюльман¹⁸⁰ жёстко предъявляет советской делегации категорическое требование немедленно подписать мир на тяжелейших германских территориальных условиях. При этом ещё в конце января правительства Центральных держав знали по каналам разведки о планах большевиков максимально затягивать подписание мира. Однако наш глава делегации Троцкий с пафосом делает на переговорах официальное заявление:

« ...Именем Совета народных комиссаров правительство Российской Федеративной Республики¹⁸¹ настоящим доводит до сведения правительств и народов воюющих с нами союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннекционистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией

¹⁷⁹ ПСС т.35 В. И. ЛЕНИН. Стр. 256. РЕЧИ О ВОЙНЕ И МИРЕ НА ЗАСЕДАНИИ ЦК РСДРП(б) 11 (24) ЯНВАРЯ 1918 г. ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ.

¹⁸⁰ Это тот самый Рихард фон Кюльман, который активно участвовал в организации и финансировании проезда Ульянова с командой из Берна в Россию. Теперь он же пожинает плоды своих ненапрасных усилий.

¹⁸¹ Название новой страны ещё не устоялось.

прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту.

Л. Троцкий, и др.»

«Гениальный» ход Троцкого – войну прекращаем, но мир не подписываем. Это и есть его формула – ни войны, ни мира. Нормальному человеку трудно осознать такую формулу; немецкие переговорщики в ступоре. Очнувшись, германская сторона всё-таки заявляет в ответ, что неподписание Россией мирного договора автоматически влечёт за собой прекращение перемирия. После этого советская делегация демонстративно покидает заседание и собирается в Петроград для получения дополнительных инструкций. Как следствие Германия прекращает перемирие и возобновляет наступление, быстро двигаясь в северо-западном направлении – до Минска и Могилёва. Общее направление – Петроград, в котором начинается лёгкая паника. Одновременно немцы выдвигают новые условия мира, более обременительные для Советской России чем ранее, которые получены в Петрограде утром 23 февраля. В тот же день проходит «историческое» заседание ЦК РСДРП(б), на котором Ленин в отчаянии требует заключения мира на предъявленных немцами условиях, иначе неизбежно то, что он открыто высказывает на этом заседании ЦК, напутствуя новую советскую делегацию на переговоры:

*«Для революционной войны нужна армия, её нет. Значит, надо принимать условия. ...Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через три недели. Эти условия Советской власти не трогают. У меня нет ни малейшей тени колебания. Я ставлю ультиматум не для того, чтобы его снимать. Я не хочу революционной фразы. Немецкая революция ещё не созрела. Это требует месяцев. Нужно принимать условия...»*¹⁸²

И Ленин в противном случае угрожает подать в отставку с должности главы Совнаркома и выйти из ЦК, что фактически означало раскол партии. Это – ультиматум соратникам, которые понимают, что без него им революцию не вытянуть. (Обратим внимание, что в Германии, по его мнению, революция ещё не созрела, ещё надо пару месяцев ...).

И они сдаются. Троцкий, выразив своё отрицательное отношение к договору и отказавшись участвовать в дискуссии, тем не менее соглашается с Лениным:

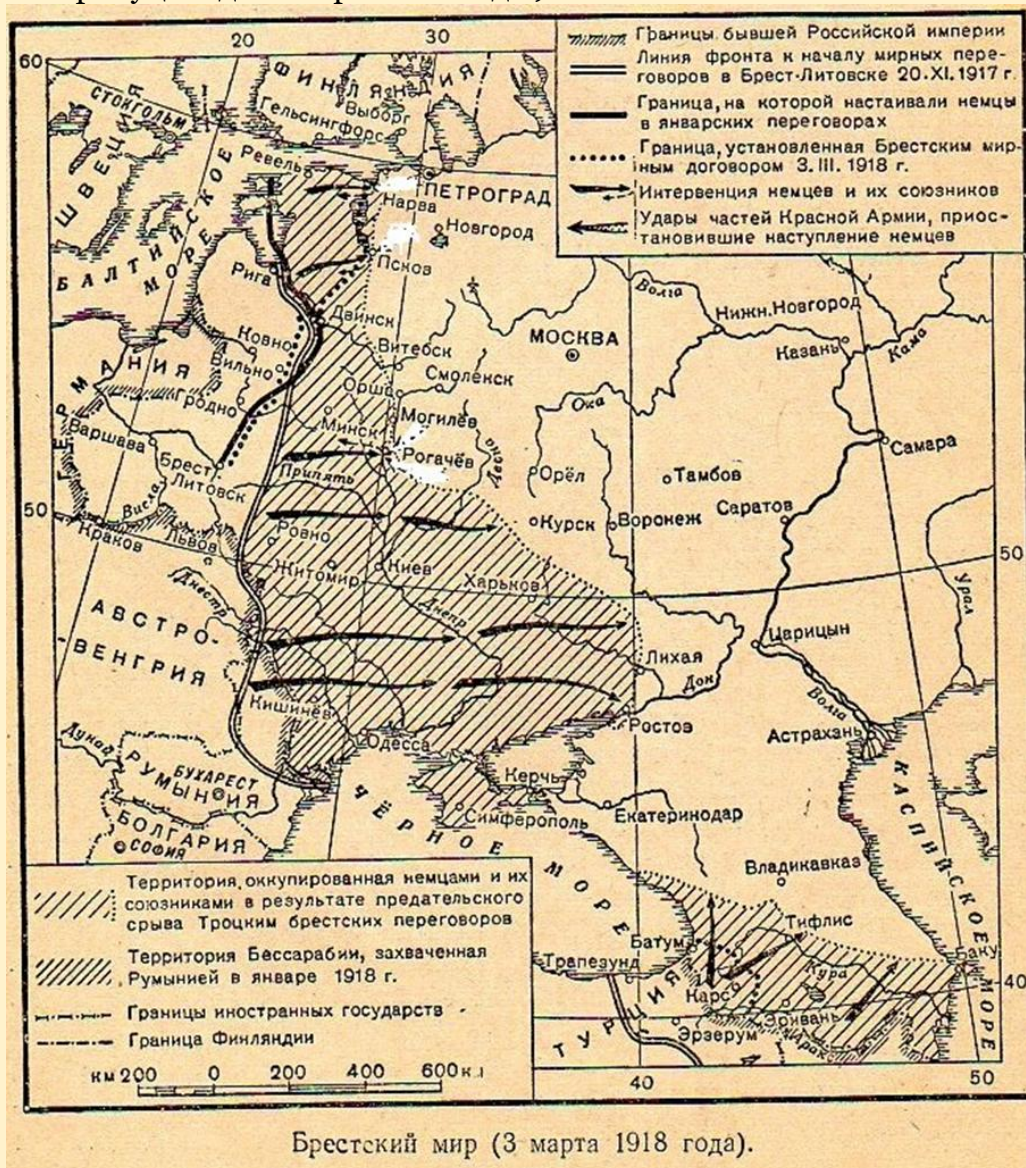
«Вести революционную войну при расколе в партии мы не можем... При создавшихся условиях наша партия не в силах руководить войной... нужно было бы максимальное единодушие; раз его нет, я на себя не возьму ответственность голосовать за войну.» И Советская делегация уже без Троцкого, и во главе с Григорием Сокольниковым вновь прибывает в Брест-Литовск 1 марта при продолжающемся германо-австрийском наступлении, и 3 марта 1918 года она всё-таки подписывает мирный договор.

(Мало кто знает, но в августе 1918 года большевики вынуждены подписывать добавочные договоры, например, ГЕРМАНСКО-РУССКОЕ ФИНАНСОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ, СЛУЖАЩЕЕ ДОБАВЛЕНИЕМ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА К МИРНОМУ ДОГОВОРУ, ЗАКЛЮЧЕННОМУ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ, АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ, БОЛГАРИЕЙ И ТУРЦИЕЙ С ОДНОЙ СТОРОНЫ И РОССИЕЙ С ДРУГОЙ, по которому Россия обязывается выплатить Германии 6 миллиардов марок частично «чистым золотом», частично «кредитными билетами», частично «билетами займа», частично «русскими товарами». Неизвестно, успели ли мы и насколько выплатить эту

¹⁸² ПСС т.35 В. И. ЛЕНИН. Стр.365.

контрибуцию до ноября 18-го года.)

Согласно документу немцы останавливают наступление на Петроград, а Россия теряет огромные территории – полосу земель от Прибалтики до Крыма и Азовского моря, до Донбасса и Ростова с четвертью всего населения бывшей империи (см. карту). Т.е. самые хлебобородные области. Ведь немцам надо кормить свою армию. Балтийский флот должен покинуть порты в Прибалтике и Финляндии. По дополнительным требованиям Черноморский флот частично затапливается, частично передаётся немцам.

(Немцы остаются на Украине до декабря, когда после капитуляции в ноябре на Западе они вынуждены уйти и из Украины. Эти коллизии памятли нам по бегству с ними Тальберга и другим предновогодним событиям в семье Турбиных. С ними же

бежит и гетман Скоропадский (для конспирации обмотанный бинтами, как бы раненый немецкий офицер), и тут же в Киев входят войска Симона Петлюры, восстановившие УНР, но уже через две недели Директория УНР покидает город под давлением наступающих красных, вошедших в город в ночь с 5 на 6 февраля 1919 года. И наступает новая эпоха.)

Но мы сильно увлеклись будущим. А ещё надо пережить 18-й год, в событиях которого было заложено очень многое, что так или иначе всплывёт в последующие 70 лет.

Что же в Бресте-Литовском в итоге? Центральные державы получили, что хотели, большевики – что им дали, т.е. гарантии от ненаступления, УНР – защиту в лице немцев от возможной экспансии большевистских Советов.

Конечно, понятно, почему председатель Совнаркома Ульянов-Ленин так яростно добивался подписания этого договора и добился и именно на условиях немецкой стороны и против мнения большинства своих соратников.

Немцы входят в Киев. Население, кажется, не сильно беспокоится.

Чтобы совсем не углубляться в политические хитросплетения тех месяцев, приведем исчерпывающее мнение историка Юрия Фельштинского в книге «Крушение мировой революции. Брестский мир»:

«Большевизм не только захватил власть в России, но создал реальный и единственный плацдарм для наступления мировой революции, для организации коммунистического переворота в той самой Германии, от которой, как всеми предполагалось, будет зависеть конечная победа социализма в мире. Теперь Ленин стал отводить себе в мировом коммунистическом движении совсем иную роль. Ему важно было совершить мировую революцию под своим непосредственным руководством и сохранить за собою лидерство в Интернационале. Германская революция отходила для Ленина на второй план перед победившей революцией в России. Более того: Ленин не должен был торопиться с победой революции в Германии, поскольку в этом случае центр тяжести коммунистического мира перемещался на индустриальный Запад и Ленин оставался лишь главою социалистической России, являвшейся в глазах социалистов «неразвитой», «отсталой» и «некультурной»».

То есть большевистская Россия едва не осталась на европейских задворках пасынком мировой революции, и вместе с нею – сами большевики. Обидно же, если бы такое произошло. Чтобы не допустить разгрома собственной революции кайзеровскими войсками, Ленин выкрутил руки своим соратникам, пока не добился своего. И далее там же:

«Ленин делал ставку на соглашение с Германией и готов был капитулировать перед немцами при одном условии: если немцы не будут требовать ухода ленинского правительства. Троцкий делал ставку на революции в Германии и Австро-Венгрии... (В этом и было их принципиальное и,

пожалуй, единственное расхождение. Всё-таки влияние Парвуса на Троцкого было огромным. - ЮП). *Рисковать же, по мнению Ленина, было нельзя, поскольку не было «ничего важнее» русской революции... Ленин же верил в успех только тех дел, во главе которых стоял сам, и поэтому революция в России была для него куда важнее шанса на победу революции в Германии. ... Судьба мировой революции волновала Ленина постольку, поскольку у власти в России оставался он.».*

Вот и всё объяснение. И поэтому за несколько дней до подписания позорного сепаратного Брестского мира «вождь мирового пролетариата» пишет в «Правде»:

«Мы и сейчас безусловно должны готовить революционную войну... Реорганизация России на основе диктатуры пролетариата [...] сделает социализм непобедимым и в России, и во всем мире ... Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским. [...]»¹⁸³

Т.е. опять же – сначала революция и социализм у нас и при нас в России, а уж потом – в остальном мире, но по нашему образцу. Потому что мы – самые-самые, мы – пример остальному миру как надо жить. Попросту говоря, неподписание Брестского договора на условиях немцев не гарантировало ему оставления у власти!!! Но и подписание опять же не значит, что мы не должны готовиться к революционной войне. И никто из большевиков, конечно, не принимает всерьёз этот договор и его условия, это лишь временно и вынужденно.

Вот лишь одна цитата из речи Зиновьева на заседании Петроградского Совета 21 февраля 1918:

«Всё строение, возводимое ныне германскими империалистами в несчастном договоре, — есть не что иное, как лёгкий дощатый забор, который в самом непродолжительном времени будет беспощадно сметён историей.»

И приведём для конкретики пару статей этого договора:

«Статья I. Россия с одной стороны и Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция с другой объявляют, что состояние войны между ними прекращено; они решили впредь жить между собой в мире и дружбе.» (Просто благая весть! - ЮП)....

«Статья 5.

Россия незамедлительно произведёт полную демобилизацию своей армии, включая войсковые части, вновь сформированные теперешним правительством. Кроме того, свои военные суда Россия либо переведёт в российские порты и оставит там до заключения всеобщего мира, либо немедленно разоружит. ...».

Требования этого Договора были не единственной и не последней угрозой советскому правительству, т.к. немцы продолжали угрожать новыми наступлениями (однако военные силы их были уже на исходе).

¹⁸³ Статья «К истории вопроса о несчастном мире». Правда, 24 февраля 1918 г.

Со своей стороны прежние союзники по Антанте, шокированные подписанием Договора, не знают, что делать с уже поставленными военными грузами и с текущими поставками. Ведь с лета 1917 года военное снаряжение, которое союзники продолжали доставлять через Архангельск и Мурманск, начинает накапливаться на складах этих портов в связи с развалом большевиками фронтов с немцами и австрийцами. И особое значение приобретают сами Мурманский и Архангельский порты и Мурманская железная дорога, построенная только что в 1916 году для поставок России союзных военных грузов.

И у Антанты, кроме прежней заботы, что немцы пройдут через союзную им Финляндию и перережут железную дорогу Мурманск — Петроград, появляется после Бреста новая — не дать большевикам или немцам захватить уже поставленное снаряжение на складах в Архангельске и Мурманске, коих скопилось миллионы тонн. И летом Англия Франция с участием США организуют массированные десанты в этих портах для охраны военных складов. Одновременно они же готовятся оказать военную помощь белому движению на Севере. (Тем временем большевистские комиссары и даже Троцкий и Свердлов уже щеголяют в импорте — краденых с царских складов новеньких чёрных кожанках, штанах и тужурках, предназначенных было для наших военных авиаторов, шофёров, мотоциклистов. Вспомним, в чём появился на открытии Учредительного собрания Свердлов. (Стр. 198).

А новые правители России продолжают уступать немцам, следствием чего становится в том числе ликвидация Черноморского флота — летом 1918 года часть его была подорвана и затоплена в Цемесской бухте Новороссийска (и видимо, не без участия Фёдора Раскольников), часть отведена в Севастополь и там передана под контроль немцев. Ещё ранее такая же судьба могла постичь Балтийский флот, но вмешивается «неожиданный» фактор для большевиков — чувство патриотизма и привычный героизм русских моряков.

Расскажем об этом подробнее. Фактический командующий Балтфлота адмирал Алексей Щастный ещё в феврале (до заключения позорного мира) стал собирать весь флот на рейде Гельсингфорса (Хельсинки), а затем по собственной инициативе, поддержанный собранием комиссаров флота, в сложнейшей ледовой обстановке, с применением даже ледоколов, стал переводить корабли и подлодки в Кронштадт, чем, собственно, выполнил условия Договора. Корабли не достались немцам, не были взорваны или затоплены. К маю весь флот из 236 вымпелов был спасен. Это был подвиг. Но только не в глазах новых правителей.

Вскоре «красного адмирала» вызывают «на доклад» в Москву (правительство уже переехало), где он был сразу арестован и предан судилищу в специально (!) созданном для этого Ревтрибунале. В следующие дни Троцкий лично расспрашивал свидетелей об отношении Щастного к советской власти. По словам очевидцев, Щастный сожалел, что вынужден сотрудничать с советской властью, однако другой альтернативы у него не было.

Вместо награды Щастный предаётся суду Ревтрибунала, на котором Троцкий, который был единственным свидетелем обвинения, заявил буквально следующее: *«Щастный, совершая героический подвиг, тем самым создавал себе популярность, намереваясь впоследствии использовать её против советской власти».*

Кроме того, по словам Троцкого, *«Щастный настойчиво и неуклонно углублял пропасть между флотом и советской властью. Сея панику, он неизменно выдвигал свою кандидатуру на роль спасителя»*.

Щастного признали виновным «в подготовке контрреволюционного переворота, в государственной измене» и на следующий день расстреляли во дворе Александровского военного училища несмотря на официально отмененную советским правительством смертную казнь! Тело не выдали семье, а закопали в неизвестном до сих пор месте. Почему спешили уничтожить первого «красного адмирала»? Быстрота расправы, жестокость и бесчеловечность власти потрясли всех, кто мог об этом узнать. Сейчас мы можем только догадываться, что в портфеле, с которым Щастный приехал в Москву, были такие документы, обнародования которых смертельно боялись большевики.

Некоторые самостоятельные исследователи говорят, что, вероятно, адмирал Щастный знал о некоторых тайных договоренностях первых руководителей «партии» как с немцами, так и с бывшими союзниками по Антанте. (Не эти ли договорённости составляли тайну Керенского, которую он не мог выдать, и о которой говорил Берберовой?) К тому же, своим тайным переговорщикам нужно было предъявить крайнего, виновного в том, что флот не был уничтожен. Конечно, вся расправа совершена в таком секрете от всех, что когда после перестройки историки занялись этим вопросом, то выяснилось, что материалы этого трибунала даже не значатся ни в каких советских архивах, а имя Щастного не найти в советской истории даже в связи с Ледовым походом Гельсингфорс – Кронштадт. Но вот писатель Лев Никулин в своей автобиографической книге «Записки спутника», вышедшей в 1932 году, проговаривается, приводя услышанную им фразу от Ларисы Рейснер: «Мы расстреляли Щастного». Если вспомнить, что в этот 1918 год она была комиссаром Генерального морского штаба страны, а её муж Фёдор Раскольников заместителем Морвоенкома Троцкого по морским делам, то фраза её понимается однозначно, и ясно, что они и входили в этот Ревтрибунал.

К интересным свидетельским записям Никулина мы ещё обратимся.

Но вот совсем в наше время исследователь Виктор Правдюк создаёт документальный фильм «Адмирал Щастный. Первый приговор», где приводит подробности как этого похода, так и расстрела адмирала (можно найти в Сети).

Вот такая революционная целесообразность.

Конечно, никто из серьёзных большевиков и не думал, что Брестский мир надолго. Они понимали, что *«... Мир был продиктован России, и она нарушит его, как только будет достаточно сильна. Такова была позиция всех комиссаров, с которыми я в то время приходил в соприкосновение.»*¹⁸⁴

Так писал и понимал это Роберт Локкарт, дипломатический представитель Англии, но не посол. И несмотря на эту самую сепаратную сделку и высвобождение немецких частей с восточного фронта англичане, да и другие наши бывшие союзники,

¹⁸⁴ Роберт Локкарт. «История изнутри».

чувствовали, что Центральные державы выдыхаются и глобальный перелом в войне вот-вот наступит. Что и произошло вскоре.

Организация РККА. Комиссары

Между тем для защиты самой себя и своей власти уже в январе 1918 г публикуется Декрет СНК о создании Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА), как раз в разгар брестских переговоров. Основателем этой армии следует считать Льва Троцкого. Он не полководец, не командарм, он - организационный гений. «Свою» РККА он строит на основе назначения командиров всех уровней и строжайшей дисциплины, ответственности каждого за каждого, круговой поруки. Никаких демократических вывихов типа выборов командиров не допускалось. Т.е. РККА строилась на тех же принципах, что и любая другая серьёзная армия в мире – неукоснительное повиновение уставу, жёсткость требований командира и жестокость к врагу. Но только с апреля 1918 года отменяется выборность командиров, которые отныне назначаются вышестоящими командирами. Вводится обязательное военное обучение новобранцев. Утверждается текст присяги, который Троцкий пишет лично и с большим пафосом:

« 1. Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии.

2. Пред лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и, как зеницу ока, охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения.

...

5. Я обязуюсь по первому зову Рабочего и Крестьянского Правительства выступить на защиту Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны всех ее врагов, и в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братство народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни.

6. Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона.

Председатель ЦИК Я. Свердлов ... «25» апреля 1918 года»

(И до сих пор непонятно, почему днём рождения Красной Армии считается и считалось 23 февраля. Что особого произошло в этот день?)

В то же время, остерегаясь заговоров и мятежей в войсках, советское военное руководство ставит командиров частей, военных кораблей в определённую зависимость от руководства политического, и тогда же в апреле в РККА вводится институт комиссаров. Комиссар - должностное, неприкосновенное лицо при командире, которому поручен политический контроль армии. Комиссар вооружён.

«Военный комиссар есть непосредственный политический орган советской власти при армии... Личность комиссара неприкосновенна... Военный комиссар блюдет за тем, чтобы армия не обособлялась от всего советского строя, и чтобы отдельные воинские учреждения не становились очагами заговора или орудиями борьбы против рабочих и крестьян». – из Положения о военных комиссарах.

В ту пору комиссар своей властью мог и отменить приказ командира, чем вносилась дезорганизация в оперативное управление.

Об этих людях и том времени, готовых пасть на войне, примеряя его на себя, Булат Окуджава напишет гораздо позже в «Сентиментальном марше»:

*« ...Но если вдруг когда-нибудь
мне уберечься не удастся,
какое новое сражение
ни покачнуло б шар земной,
я всё равно паду на той,
на той далёкой, на гражданской,
и комиссары в пыльных шлемах
склонятся молча надо мной.»*

Шлемы – это конечно, будённовки. Понятие «комиссар» стало означать предельное служение революции, твёрдость гранита и стойкость стали. Это слово было антиподом мягкотелости, податливости, уступчивости, сговорчивости. Обычно в литературе тех лет комиссар погибал, но его полк, отряд, конечно, всегда побеждал.

Борис Васильев пишет о бывшей комиссарке в предвоенный год, матери девятиклассницы Искры (и имя дочери она дала партийное):

«...Слово «комиссар» для мамы решало всё. В этом понятии заключался её символ веры, символ чести и символ её юности. Слабость была антиподом этого вечно юного и яростного слова, и Искра презирала слабость пуще предательства.»¹⁸⁵

Слабость пуще предательства? Это ещё переварить надо! Вот это воспитание! Об особой роли комиссаров «на той далекой, на гражданской» поговорим подробнее позже.

Пока лишь скажем, что после завершения Гражданской войны, при Реввоенсовете СССР создана комиссия по единоначалию, которая вносит конкретные предложения по ликвидации «уродливости» в вопросах единоначалия». То есть сами большевики признают институт комиссаров временным и не соответствующим функциям регулярной армии, особенно в невоенное время. И в 1925 году издаётся приказ Реввоенсовета СССР «Об осуществлении единоначалия». Комиссары, конечно

¹⁸⁵ Борис Васильев. «Завтра была война».

же, остались, но лишились части своих прав, превратившись в помощников командира по политической части. (Но звание комиссара и его функции ещё дважды будут меняться в Красной армии.)

А пока на чрезвычайных полномочиях комиссаров в армии и на остатках флотов держатся и расширяются завоевания революции.

Но далеко не только на полномочиях комиссаров и революционных лозунгах держится, но и прежде всего на жесточайшей дисциплине и страхе перед наказанием, совершенно по типу децимации в римских легионах. Приведём лишь один приказ Троцкого:

ПРИКАЗ Председателя Революционного Военного Совета Республики войскам и советским учреждениям Южного фронта № 65 от 24 ноября 1918 года.

1. Всякий негодяй, который будет подговаривать к отступлению, дезертирству, невыполнению боевого приказа, будет РАССТРЕЛЯН.
2. Всякий солдат Красной Армии, который самовольно покинет боевой пост, будет РАССТРЕЛЯН.
3. Всякий солдат, который бросит винтовку или продаст часть обмундирования, будет РАССТРЕЛЯН.
4. Во всякой прифронтовой полосе распределены заградительные отряды для ловли дезертиров. Всякий солдат, который попытается оказать этим отрядам сопротивление, должен быть РАССТРЕЛЯН на месте.
5. Все местные советы и комитеты обязуются со своей стороны принимать все меры к ловле дезертиров, дважды в сутки устраивая облавы: в 8 часов утра и в 8 часов вечера. Пойманных доставлять в штаб ближайшей части и в ближайший военный комиссариат.

6. За укрывательство дезертиров виновные подлежат РАССТРЕЛУ.

7. Дома, в которых будут скрыты дезертиры, будут подвергаться сожжению.

Смерть шкурникам и предателям!

Смерть дезертирам и красновским агентам!

Председатель Революционного Военного Совета Республики Народный комиссар по военным и морским делам Л. Троцкий

25 ноября 1918 года Троцкий, подписав этот приказ, доложил Предсовнаркома Ленину и Председателю ВЦИК Свердлову, что «объявлен приказ, возлагающий ответственность за дезертиров на совдепы, комбеды и домохозяев. Первые расстрелы уже произвели впечатление. Надеюсь, что перелом будет достигнут в короткий срок».

Очень уж власть боялась за свою власть, и свою безопасность.

Уже упомянутый писатель Лев Никулин, который побывал в одном из походных штабов Волжской флотилии, описывает накалённую атмосферу первого года советской власти в окружении комиссара разведывательного отряда штаба Ларисы Рейснер.

Отряд - только что из боёв в составе Волжско-Камской флотилии. Она же жена Фёдора Раскольников, заместителя наркомвоенмора Троцкого по морским делам.

*«...Весна восемнадцатого года. Лоскутная гостиница называется «Красный флот. ... Пулемет тёмнозелёной лягушкой уставился во входную дверь. В комнате Ларисы Михайловны — походный штаб. Вишневым бархат драпировок сразу пошел на самодельные знамёна...
Здесь было много разнообразных вещей — телефонные аппараты, полевые бинокли, пишущая машинка, печати, мандаты, пропуска, удостоверения, недописанная статья о «Скифах» Блока и пачка трагических телеграмм из Новороссийска. Ф. Ф. Раскольников читал их как стихи. Его путь лежал в Новороссийск, где надо было топить Черноморский флот, чтобы он не достался немцам. Немцы собирались отхватить половину страны. ... Восемнадцатый год пламенел и обжигал в словах Ларисы Михайловны. Она говорила, как зрелый революционер и боец: «Левые эсеры — кокетки. Саботажники — сволочь, путаются в ногах... Познакомьтесь, это — товарищ Железняков. Он разогнал учредилку. Вошёл и прямо сказал: «караул устал». В памяти возникает рослый черноволосый мальчик, его рукопожатие, сильные, несгибающиеся пальцы и морской кольт на лакированном поясе. Он возникает и исчезает, этот черноволосый парень, однажды появившийся на авансцене истории. Он вовремя сказал свою реплику на первом плане исторической комедии. (Для большевиков законное заседание Учредительного собрания — конечно, комедия. - ЮП).*

Сказал и слился с тысячами таких же, как он, и умер на фронте, с морским кольцом в руках. В коридорах шаги, как глухие выстрелы, гулкие голоса и окрики, постоянный, неугомонный шум военного лагеря. В мелодическом голосе Ларисы Михайловны, в голосе, который неповторимо передавал стихи Райнера Мариа Рильке, теперь звучит медь. Этот голос не заглушают ни грохот шагов, ни едкие соленые слова матросской перебранки. Однажды в белый летний вечер она сказала: «Мы расстреляли Щастного». «Мы» она сказала твердо и несколько вызывающе. Так говорили в то время немногие революционеры-интеллигенты. Сейчас мне казалось, что два-три года назад этот голос звучал несколько неуверенно, звучал в пустоте и что настоящий, неизменный металлический тембр голос Ларисы Рейснер обрёл только теперь, в революцию и в революционной стихии.»

Рильке, статьи о Блоке, расстрел Щастного, разгон учредилки, пулемёты, боевые флотилии — как романтично пишет Никулин! Романтика на крови и страданиях. Но и сами эти комиссары ходят по лезвию ... Оба кончили плохо.

Исход из Петрограда, голод

А что же в столицах?

Чтобы совсем гарантировать свою безопасность от немцев, остановленных Брестским договором (но кто знает, договор - бумажка) новоявленные правители

призывают готовиться к обороне Петрограда, а сами в спешном порядке переезжают в глубинку русской территории, в Москву, в крепость, вглубь, под защиту кремлёвских стен. И именно в Кремль в итоге, а не куда-либо, и не только новые государственные органы и их должностные лица получают новую кремлёвскую прописку, но и их семьи поселяются в царских палатах, спешно переделанных под квартиры.

И стал пуст Петроград-Петербург! А через 6 лет он превратится просто в областной центр Ленинград. Но этого не могло случиться! Ещё Андрей Белый предвещал, что Петербург может существовать только как столица Империи. Не стало Империи, не стало и Петербурга. Проект «Петербург», понимаемый Петром как «окно» для обмена идеями, науками, ремёслами, товарами, модами и специалистами для общего блага – и нашего, и европейского, закрылся. (Хотя что в обмен могли мы дать Европе кроме пеньки, смолы, пушнины, икры да строевого леса в обмен на кофе и табачок, шашки и корабельные снасти, Эйлера и Монферрана, менюэты и котильоны и «Всё, чем для прихоти обильной/Торгует Лондон щепетильный/ И по балтийским волнам /За лес и сало возит нам»). И вот этот свободный обмен был как-то быстро большевиками прикрыт, границы в обе стороны замкнулись, захлопнулось не только окно, но и любая форточка.

Но зато сейчас - новая эпоха, новый товарооборот, вы нам – в качестве импорта марксизм через окно, а мы вам -- мировую революцию, так сказать ре-экспорт, и не в виде туманных идей, а вполне осязаемым образом. И не через убогое окно, а через широкие ворота интернациональной солидарности, мы понесём вам нашу помощь в борьбе с буржуазией в виде штыков для лучшей убедительности.

И это точно случится через пару лет - ворота будут рубить с размахом в сторону Германии с её многочисленным сознательным пролетариатом, но через малосознательную панскую шляхетскую Польшу.

Но мы опять забежали вперёд, и пора вернуться в начало года в новую старую столицу? Как там идёт переезд?

Вначале новое правительство расселилось по московским гостиницам. Затем, когда Кремль немного почистили от октябрьско-ноябрьских боёв, занялись переездом на постоянное место жительства и работы. Официальный представитель ФСО, доктор исторических наук Сергей Девятков рассказывает:

"19 марта 1918 года в Кремль из гостиницы "Националь" (это в Москве, значит из Петрограда выехали ещё раньше - ЮП) переехал Ленин, за ним последовали и другие советские руководители и служащие, разместились аппараты высших органов государственной власти".

http://tsargrad.tv/articles/zhkh-v-kremlevskom-razreze_5689

По его словам, в 1918-1919 годах на территории Кремля находилось ещё и множество учреждений и организаций. Причем "вновь прибывшие" вынуждены были соседствовать с прежними жителями - монахами и монахинями из Чудова и Вознесенского монастырей, придворными и дворцовыми служащими. Поскольку для новых хозяев жизни это соседство было некомфортным, монахов и дворню буквально выдворили из Кремля. Насельников выгнали в 1918 году, но здания монастырей мозолили глаза новым властям ещё десятилетие - до 1929 года, когда их пустили под снос ради казарм охраны - "военной школы имени ВЦИК". Другого места во всей Москве для этого не нашлось, как только на месте древних Чудова и Вознесенского монастырей, а также Малого Николаевского дворца.

Новые обитатели "Кремлевского холма" заняли все хоть сколько-нибудь пригодные для проживания помещения. Это и знаменитые архитектурные памятники, включая Большой Кремлевский, Теремной и Потешный дворцы, Сенат (нынешний Первый корпус) и не сохранившиеся до настоящего времени Малый (Николаевский) дворец, Кавалерские, Офицерский, Гренадерский, Кухонный и Синодальный корпуса.

Жилыми стали даже Константиновская, Тайницкая и другие башни, соборы и монастыри, а также колокольня Ивана Великого. Например, в здании Рабоче-крестьянского правительства, в котором находилась квартира Ленина, более 260 жильцов занимали полуподвал.

"Уже к середине лета 1918 года в Московском Кремле постоянно проживало более 1100 человек, 450 из которых появились здесь после революции. Только в Большом Кремлевском дворце к концу 1918 года официально прописались 59 человек. За 1919 год из Кремля выселили более 1000 дореволюционных обитателей, прописав в него четыре сотни новых жителей. К концу 1920 года в Кремле официально проживало более 2100 человек", - сообщает Девятков.

Он же уточняет, что среди прописанных в Кремле значатся Иосиф Сталин с женой Надеждой Аллилуевой и детьми, Лев Троцкий, Григорий Зиновьев, Климент Ворошилов, Александр Цюрупа, Владимир Бонч-Бруевич, Михаил Калинин, Вячеслав Молотов, Анастас Микоян, Яков Свердлов, Вячеслав Менжинский, Феликс Дзержинский, Анатолий Луначарский, Инесса Арманд.

С конца марта 1918 года здесь же проживал Ленин с женой и младшей сестрой, им были выделены две квартиры. Особенно приглянулся новым властям памятник архитектуры XIX века Большой Кремлёвский дворец. ... Так, в Детской половине дворца находились квартиры семей Свердлова, Рыкова, Осинского, на Собственной половине – Цеткин (это видимо, уже гораздо позже, в 30-е), в Белом (Фрейлинском) коридоре поселились Каменев, Курский, Петропавловский, Сосновский, Демьян Бедный (единственный советский поэт с такой привилегией, и потому невольный свидетель расстрелов в тамошних садах), в Жёлтом коридоре - Менжинский. Дзержинский с супругой прописались в нижних апартаментах дворца.

В это время состав кремлёвских жильцов часто менялся, потому что кто-то приезжал, кто-то съезжал, квартиры перераспределялись. Сталин сменил несколько адресов внутри Кремля. Через несколько дней после переезда Советского правительства в Москву он вместе с супругой прописался на втором этаже Кавалерского корпуса, но прожил тут недолго, перебравшись в одну из фрейлинских комнат Большого Кремлевского дворца. В январе 1921 года благодаря содействию Ленина супруги смогли переехать в более комфортные помещения в Потешном корпусе ... Здесь в 1932 году Надежда Аллилуева покончила с собой, после чего вдовец сначала переехал в Потешный дворец в квартиру на третьем этаже, совершив обмен с Бухариным. Спустя несколько лет для него оборудовали квартиру на первом этаже в здании Рабоче-Крестьянского правительства (Первый корпус), которую он занимал вплоть до своей смерти, но практически в ней не жил.

Вместе с новым правительством перебираются в новую столицу и малочисленный дипломатический корпус (хотя настоящих дипломатических отношений ещё ни с кем нет). Роберт Брюс Локкарт, представитель британской дипломатической миссии, не узнаёт Москвы, хорошо знавший её прежде:

«... Большинство роскошных особняков богатых купцов были заняты анархистами, которые бесчинствовали здесь даже с большей дерзостью чем в С. Петербурге. Самый город также был неестественно весел веселостью, которая шокировала меня. Буржуазия с нетерпением ждала немцев и уже заранее праздновала час своего освобождения. Кабаре процветали. Кабаре были даже и в отеле, где теперь была наша главная квартира. Цены были высокие,

особенно на шампанское, но у посетителей, которые с ночи до утра толпились за столиками, не чувствовалось недостатка в деньгах.¹⁸⁶»

Веселье висельников в надежде на приход немцев, наблюдаемое Локкартом, объясняется ещё и тем, что ВЧК ещё не развернулась как следует и доброе ветхозаветное слово Лубянка ещё не приобрело своего нового, зловещего и неумолимого оттенка. Наряду с кабаре

« ... голод в Москве стоял острый, и даже в столовой, где Чичерин и Карахан угощали завтраками германских, скандинавских и персидских дипломатов, часто бывал жидкий суп и перловая каша, и тяжёлыйтяжелый сырой хлеб, полный соломы и плохо перемолотого овса. Это было только начало. Через полгода уже не было и этого, и только тогда идейные спартанцы на верхах правительства после долгих колебаний начали организовывать, хотя бы для ответственных работников и их гостей, сносное питание. Долгие колебания не давали им этого сделать раньше, потому что – надо это признать – идейным спартанцам, поколению, родившемуся между 1870 и 1890 годами и воспитанному на социал-демократических принципах, было нелегко и непросто признать, что население делится на тех, кому необходимо иметь кусочек мяса и фунт сахара в месяц или новые калоши, и на тех, кто может обойтись без этих роскошеств (если, конечно, он не был контрреволюционером) . Такие категории не входили в их план, и пухнувшие от голода дети мелких советских служащих, и умирающие на скамейках бульваров старики-пенсионеры, которым, разумеется, нельзя было давать карточки первой категории, даваемые ответственным работникам, как-то не входили в схему людей, имевших, по старомодному выражению, идеалы и идеи героев, которым они поклонялись. В этом последнем поколении «чистых» революционеров, со всей их нетерпимостью к врагам, людей, насаждавших «красный террор», были ещё живы принципы, по которым они своих не убивали и голодом не морили и оценку человека производили, принимая во внимание не только его настоящее, но и прошедшее, и возможное будущее.

Но дифференциация была произведена, и очень скоро. Только благодаря дифференциации в рангах они и выжили, другого выхода у них не было. От Ленина до академика И. П. Павлова и от Горького до опоры режима, палачей ВЧК, а также поэтов, воспевающих их, и актёров, развлекающих их, люди были первой категории. Среди остальных граждан, по Дарвину, выживали наиболее приспособленные.»¹⁸⁷

Под «дифференциацией» писательница имеет ввиду введенную очень скоро карточную систему на крупы, хлеб; ордера на одежду, калоши и даже дрова. И в эту же систему входят талоны на питание в спецстоловые. Получилось, что в первые же месяцы своей власти революционеры не выдерживают равенства со всеми перед голодом, ими самими организованным, и говорят, что надо бы ввести ещё один совсем маленький советский принцип – «дифференциацию», иначе «мы и наши семьи и те,

¹⁸⁶ Локкарт Робин (Роберт) Брюс. "История изнутри. Мемуары британского агента."

¹⁸⁷ Нина Берберова. «Железная женщина».

кто нам очень нужны, не выживут». Ну, а остальные 99% населения пусть выживают по Дарвину – выживут, хорошо, не выживут – «эту жертву я приму» (из современного мультфильма). Странно, но ничего у Маркса и Энгельса про «дифференциацию» революционеров во власти не сказано! Но именно так начиналась спецжизнь для власти.

Владислав Ходасевич делится впечатлениями от столицы, уже, впрочем, потерявшей этот свой статус:

«В Петербурге я задержался дней на десять. Город был мёртв и жуток. По улицам, мимо заколоченных магазинов, лениво ползли немногочисленные трамваи. В нетопленых домах пахло воблой. Электричества не было. У Горького был керосин. В его столовой на Кронверкском проспекте горела большая лампа. Приезжал Шаляпин, шумно ругавший большевиков. Выходила к гостям Мария Федоровна Андреева со своим секретарем П. П. Крючковым...»¹⁸⁸

Но и следующий год не принёс, конечно, улучшения: «... Девятнадцатый год, страшный год. Симметрия двух девяток для многих на всю жизнь осталась злоеющим знаком голодной смерти, сыпного тифа, испанки, лютого холода в разрушающихся и разрушаемых (топили паркетами) домах и самодержавного царствования ВЧК. Мертвые лошади лежали, подняв в воздух растопыренные, закаменевшие от двадцатиградусного мороза ноги, наполовину занесенные снегом. В нежилых домах не было ни оконных рам, ни дверей, ни паркетов – всё было сорвано на топку. Петроград в снегу, сугробах и вьюгах, черных ночах был неузнаваем. Люди сначала бежали из него, куда могли, потом бежать стало некуда, с трех сторон был фронт гражданской войны. Не было ни хлеба, ни сала, ни мыла, ни бумаги. От лопнувших труб в коридорах и кухнях квартир бывал каток – до начала апреля месяца. ...дыры от выломанных торцов¹⁸⁹ на Невском засыпали щебнем те, кто питались по пятой категории, т. е. не имели постоянной работы. Их гнали на очистку улиц и починку мостовых, они едва стояли на ногах и не всегда могли поднять лопату.

По площади Зимнего дворца, в Эрмитаж и из Эрмитажа, ходил Александр Николаевич Бенуа, закутанный в бабий платок, а профессор Шилейко стучал деревянными подошвами, подвязанными тряпками к опухшим ногам в дырявых носках. И в квартире Горького, на Кронверкском проспекте, где в ту зиму жило не менее семи-восьми человек (не считая гостей и случайно заночевавших приезжих), весь день толпились учёные, писатели, актёры, художники и даже цирковые клоуны с просьбами подписать бумажку на выдачу калош, аспирина, билета в Москву, очков и свидетельства о благонадёжности.¹⁹⁰».

Итак, Российская власть возвращается в Москву! Но не царская, а комиссарская. Специально или случайно, но получилось так, что сакральный отблеск золочёных куполов и крестов (поначалу) кремлёвских башен волей-неволей пал и на новых

¹⁸⁸ Владислав Ходасевич. «Воспоминания о Горьком».

¹⁸⁹ Торцы – деревянные бруски, напиленные поперёк волокон, использовавшиеся для мощения улиц вместо каменной брусчатки.

¹⁹⁰ Нина Берберова. Указ. соч.

поселенцев и осиял их неземным светом. Поэтому (слегка утрируя, но не забывая, что всего лишь год назад у народа был законный император) любое решение или указание, выходящее из-за стен Кремля, начинает восприниматься бывшим народом-богоносцем сейчас и впоследствии как данность свыше, а кто вдруг засомневается – тому хорошо помогали в понимании что к чему маузеры и револьверы только что образованной ЧК. И эта осиянность становится чрезвычайно важной, вольно или невольно – она становится подменой легитимности для большевиков ...ведь ни на каких выборах не избирались на свои руководящие государственные должности ни Ленин, ни Дзержинский, ни Свердлов, ни Троцкий, ни легион других новых правителей, комиссаров, наркомов, председателей всевозможных комиссий и комитетов...

Но ... если какая-либо бумага вышла из Кремля и подписана его жителем, то она обретала заведомо силу закона. ... И Кремль постепенно становится таким же сакральным источником власти для народа, как и в недавние, но уже такие ветхие царские времена.

(А легитимность руководителям очень просто могло бы дать всенародно избранное Учредительное Собрание, но оно отправлено самими большевиками «на свалку истории». И теперь до конца своего срока их время от времени будет донимать вопрос легитимности. Но не сильно.)

Этот же мистический кремлёвский отсвет новых идей замечает и Бердяев, и в далёком 1933 году он пишет¹⁹¹ :

*«... **Марксизм**, столь не русского происхождения и не русского характера, приобретает русский стиль, стиль **восточный**, почти приближающийся к славянофильству... И русский коммунизм вновь провозглашает старую идею славянофилов и Достоевского. Из Москвы, из Кремля исходит свет, который должен просветить буржуазную тьму Запада»* (выделено мной - ЮП).

Вот как? Ну уж если кремлёвский свет должен просветить тьму Запада, то уж куда деваться самим советским людям от облучения им, люющим из рубиновых звёзд башен? (Нам, скорее позднему советскому поколению, кажется, что звёзды на башнях были всегда, хотя фактически они появляются вместо двуглавых орлов только в 1935-1937 годы. И почему-то вспоминаются башни у Стругацких.)

По-видимому, эта же проблема легитимности слегка напоминала о себе и «вождю всех племён и народов» - отсюда и его слабость к видимым знакам империи, как бы символизирующих легитимность – введение офицерских погонов и офицерских званий в армии, переговоры в Кремле с чудом уцелевшими церковными иерархами о восстановлении патриаршества, вступление перед войной в государственную (не партийную) должность Председателя Правительства, возврат должностей министров, принятие звания генералиссимуса ... (Так и до блеска императорских эполетов было недалеко!).

Но это, блеск, ещё очень нескоро.

¹⁹¹ Николай Бердяев. «Истоки и смысл русского коммунизма».

Военный коммунизм

А пока ...

Пока власть захвачена, с немцами временный мир, кремлёвские стены защищают новоявленных руководителей партии и правительства. Нужно двигаться дальше, поднимать на революционную борьбу пролетариат других стран. Но вдруг обнаруживается, что есть ещё такое понятие как экономика захваченной страны, вернее, то, что от неё осталось, от экономики. Почти 4 года идёт изнурительная «империалистическая» война, мобилизация забрала от станка и плуга самых здоровых и дееспособных, февральский переворот внёс дополнительную смуту – как жить дальше без царя, октябрьский переворот добавил хаоса и неразберихи – кому что принадлежит, бывшие хозяева бежали или посажены, их управленцы по большей части разделили их участь. А рабочих никто не учил управлению, они не знают, что делать с фабриками и заводами. Логистика товаров, сырья, топлива по огромной стране нарушена, не хватает паровозов, угля, паровозных бригад, просто рабочих, которые то ли на фронте, то ли в красной гвардии, то ли в плену, то ли в земле. Привычный рынок дезорганизован. Крестьяне не знают, что делать с трудом добытым зерном; никто не хочет отдавать его и другое продовольствие за катастрофически обесцененный рубль. Хотя о каком рубле может идти речь, если банковской системы ещё нет и в помине.

Но нет не только прежних банков, нет и того, что было у среднего класса в этих банках. Специалисты, руководители компаний, коммерсанты, собственники небольших и больших капиталов – по итогам декретов и бесконечных постановлений лишаются всякой собственности, приобретённой за свою жизнь.

Яков Миркин кратко и точно резюмирует – во что мгновенно превратился средний класс России в ходе реформ 1918 год:

« ... Вы — семья среднего класса в 1917 году. Ваш кусок земли конфискуется безвозмездно. Частная собственность на землю отменяется.

Ваш дом в городе — его больше нет. Отменяется право собственности на земельные участки и строения в пределах городов (в рамках лимитов).

Вскрывают ваши депозитные ячейки в банках и конфискуют все золото (монеты и слитки), которые там есть. Если вы не явитесь сами с ключами, все, что внутри, подлежит конфискации.

Сделки с недвижимостью запрещаются. Ваша квартира, ваш кусок земли, ваша дача становятся непродажными, нулем.

Вы не можете продать деревенский дом. Все платежи по ценным бумагам прекращаются. Сделки с ценными бумагами запрещаются. Все ваши сбережения в ценных бумагах становятся нулем. Если вы писатель, ваши авторские права «переходят в собственность народа». Любое произведение (научное, литературное, музыкальное, художественное) может быть признано достоянием государства.

Аннулирование государственных облигаций, которыми вы владели. Запрет денежных расчетов с заграницей. Запрет на сделки с иностранной валютой внутри страны. В двухнедельный срок сдать **всю валюту**. Вам прекращают платить пенсии выше 300 руб. ежемесячно.

Был кусок леса в собственности? Больше его нет. У вас окончательно отобрана квартира или дом в городе. Частная собственность на недвижимость в городах отменена. Началось уплотнение.

Вашей доли в товариществе больше нет. Одним за другим идут декреты о национализации предприятий, банков, страховых организаций и т.п. Издательств, аптек, нотных магазинов. Частных коллекций (Щукин, Морозов и др.). «Конфисковать шахты, заводы, рудники, весь живой и мертвый инвентарь». Конфискации одного за другим. «За самовольное оставление занимаемой должности или саботаж виновные будут преданы революционному суду».

Вы никому ничего больше не сможете передать в наследство. Право наследования упраздняется. Вы никому ничего не можете подарить на сумму свыше 10 тыс. руб. Право такого дарения отменяется. Вам запрещается вывозить за границу «предметы искусства и старины». Вы не можете больше привозить из-за границы «предметы роскоши» (постановление ВСНХ от 28 декабря 1917 г.).

Чтобы добить ваше имущество — единовременный чрезвычайный десятимиллиардный налог с имущих лиц. Москва — 2 млрд руб., Московская губерния — 1 млрд руб., Петроград — 1,5 млрд руб. Плюс права местных органов «устанавливать для лиц, принадлежащих к буржуазному классу, единовременные чрезвычайные революционные налоги». «Должны взиматься преимущественно наличными деньгами».

Вашего имущества больше нет. Есть фотографии, серебряные ложки, иконы, письма и мешочек с кольцами и серьгами. И пара статуэток. Деньги в банках съела гиперинфляция.»

Вы больше никто. Приведём ещё раз ощущение Розанова в этом году :

«..... С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историею железный занавес .

— Представление окончилось. Публика встала.

— Пора одевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось.»

Что ж, остаётся возможность обменять бабушкины ложки-серёжки на еду, на хлеб. Но даже с хлебом в стране уже проблемы. И не только, естественно, для бывшего среднего класса.

Даже сами большевики начинают понимать, что весной (идёт 18-й год) надвигается товарный, а главное — хлебный голод. Но зерно-то, собранное прошлым летом, есть. Но товарного хлеба нет. А новую силу — Красную Армию, опору режима, надо кормить, ораву новых чиновников надо кормить. Создаётся впечатление, что новая

власть оказалась не готова к такой постановке вопроса – что делать с экономикой, как накормить тех же самых «освобождённых» рабочих, откуда взять амуницию и провиант для солдат революции. Запасы на бывших царских складах, госрезервы, заканчиваются. Правда, суконные богатырские шлемы, будущие будённовки, и долгополые шинели со складов пригодились красным как нельзя кстати (говорят, эти шлемы и специальные шинели с красными и синими поперечными «разговорами» были пошиты по эскизам художника Виктора Васнецова специально для скорого парада наших войск в Берлине, вступление в который царскими генералами не подвергалось никакому сомнению. Первые партии шлемов попали вначале в конную армию Семёна Будённого, отсюда и прижившееся название).

Похоже, что экономического плана, хотя бы на несколько лет вперёд, у большевиков не имеется. Вся энергия революционеров ушла на политику. Но есть универсальный, когда ничего другого не остаётся, лозунг, простодушно озвученный Шариковым и уже приводившийся: «Взять всё, да и поделить...». Но чтобы взять всё, надо сначала отобрать всё. Но это не сложно. Остаётся ответить на другой вопрос – а кто будет делить? И на кого?

Так появляется упрощённая до предела политика «военного коммунизма», суть которого, предельно лаконично выразил выше искусственно и неосмотрительно созданный из собачки профессором Преображенским непонятный человек.

А если чуть подробнее - свёртывание товарно-денежных отношений и частной торговли, т.е. упразднение рынка в принципе, уравниловка в распределении товаров, зарплата рабочих в виде продуктовых пайков, карточки на питание и предметы первой необходимости (вместе с тем - отмена платы за жильё, транспорт, коммунальные услуги); принудительный труд (например, трудовые армии – идея опять же Троцкого), государственная монополия на производство ряда товаров и торговлю ими, продразвёрстка на селе, национализация крупной, средней и даже мелкой промышленности (частично), предельно жёсткая централизация управления экономикой вплоть до её милитаризации – т.е. коммунизм, но военный.. Вся страна – как один завод. Или армия. Вернее, и то, и другое вместе. И уже в середине 1918 г. формируется Продовольственно-реквизиционная армия Наркомпрода РСФСР (Продармия), состоящая из вооружённых продотрядов, задача которых и состоит в принудительном изъятии у крестьянства излишков зерна, скота, другого продовольствия. А где кончаются излишки и где начинается необходимость не умереть с голоду самим крестьянам – решал, вероятно, комиссар продотряда по своему усмотрению. А у него ведь план, развёрстка. Можно себе представить ненависть зажиточных, работающих крестьян к новой власти. Она же и послужила одной из поджигающих искр, одной из причин быстро вспыхнувшей Гражданской войны.

Т.К. Чугунов пишет, как в действительности проходили изъятия «излишков» зерна на примере деревни Болотное:

«...В уезде... власть была захвачена уездным революционным комитетом (ревкомом), который был назначен уездным комитетом коммунистической партии. ... Только несколько месяцев уездный ревком состоял из большевистских и левозэсеровских комиссаров. После того, как партия левых эсеров была разгромлена в центре и исключена из советской

правительственной коалиции, уездный ревком тоже стал однопартийно-большевистским. Это было летом 1918 года. ... Так власть повсюду была установлена сверху, однопартийная коммунистическая диктатура. Официально она называлась: «советская власть», или «диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства». Большевистский уездный ревком разгромил все местные организации других партий: кадетов, октябристов, эсеров — сначала правых, потом левых. Руководители этих организаций были посажены в тюрьму.

...В деревнях большевиков было очень мало. Но всю власть в деревнях уездный ревком передал только им. В волостях в те годы были волостные комиссары: земельный, продовольственный, военный, председатель волревкома (волисполкома). В деревнях было два руководителя: сельский комиссар и председатель комитета бедноты («комбеда»). Зимой 1917-го года в Болотное вернулись два дезертира из армии. Они вступили в партию большевиков.

Одному из этих большевиков, отходнику-бобылю, горькому пьянице, был вручен пост сельского комиссара. Председателем комитета бедноты, «комбеда», был назначен молодой отходник, краснобай и беспринципный человек, руководившийся в своей деятельности только интересами личными и своих близких... Сельский комиссар — в сапогах, галифе, в кожаной тужурке — ходил по Болотному и, размахивая револьвером, командовал, кричал, грозил, отдавал приказы.

— Законов больше нет! — орал он во всю глотку. — Все старые законы товарищ Ленин отменил. Мои приказы — вот закон! Это вам не фунт изюму, а всамделишная диктатура пролетариата и сельской бедноты! Потому — у кого оружие, у того и власть! ...».

«...Земля после революции распределялась в деревнях равномерно по живым душам. Но продразвёрстку в селе председатель комбеда распределял не по количеству земли, а по другим признакам. Членов комбеда, своих родственников и приятелей, он освобождал от продразвёрстки, а на другие дворы раскладывал развёрстку в многократном размере. У одних крестьян председатель комбеда продукты отбирал. А другим дворам он раздавал продукты. ...»

У зажиточных крестьян народная власть отобрала все кустарные предприятия и сдала для управления членам комбеда.

Продкомиссары в «работе».

Большевистская власть свою экономическую и политическую борьбу направила против зажиточных крестьян, которых официально называла бранной кличкой: «кулаки». Советская власть отобрала у них кустарные предприятия, часть их земли и конфисковала у них и продукты и скот.»¹⁹²

Эта короткая, но жесточайшая эпоха «военного коммунизма» оставляет глубокие шрамы в жизни народа, и в писательском наследии. Молодой Михаил Шолохов в коротком пронзительном рассказе «Продкомиссар» приводит последний в жизни разговор пропавшего было сына, ставшего комиссаром с отцом – зажиточным крестьянином, приговорённого к расстрелу за сопротивление развёрстке:

« - С красными, сынок?

- С ними, батя.

- Тэ-э-эк...- В сторону отвел взгляд.

Помолчали.

- Шесть лет не видались, батя, а говорить нечего?

Старик зло и упрямо наморщил переносицу.

- Почти не к чему... Стёжки нам выпали разные. Меня за мое ж добро расстрелять надо, за то, что в свой амбар не пуцаю,- я есть контра, а кто по чужим закромам шарит, энто при законе? Грабьте, ваша сила.

У продкомиссара Бодягина кожа на острых изломах скул посерела,

- Бедняков мы не грабим, а у тех, кто чужим потом наживался, метем под гребло. Ты первый батраков всю жизнь сосал!

- Я сам работал день и ночь. По белу свету не шатался, как ты!

- Кто работал - сочувствует власти рабочих и крестьян, а ты с дрекольем встретил... К плетню не пускал... За это и на распыл пойдешь!..

У старика наружу рвалось хриплое дыхание. Сказал голосом осипшим, словно оборвал тонкую нить, до этого вязавшую их обоих:

- Ты мне не сын, я тебе не отец. За такие слова на отца будь трижды проклят,

¹⁹² Т.К. Чугунов. «Деревня на Голгофе. Летопись коммунистической эпохи: от 1917 до 1967 г.»
<http://boris-mojaev.narod.ru/index.files/chygynov.htm>

анафема...- сплюнул и молча зашагал. Круто повернулся, крикнул с задором нескрытым: - Нно-о, Игнашка!.. Нешто не доведется свидеться, так твою мать! Идут с Хопра казаки вашевскую власть резать. Не умру, сохранит мать божия, своими руками из тебя душу выну.

Вечером за станцией мимо ветряка, к глинищу, куда сваливается дохлая скотина, свернули кучкой. Комендант Тесленко выбил трубку, сказал коротко:

- Становитесь до яру ближе...

Бодягин глянул на сани, ломтями резавшие лиловый снег обочь дороги, сказал придушенно:

- Не серчай, батя...

Подождал ответа. Тишина.

- Раз... два... три!..»

И нет бати.

А самый главный революционер так объяснял впоследствии необходимость продразвёрстки:

«...Своеобразный «военный коммунизм» состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разорённой мелко-крестьянской стране мы не могли... ... «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой. ...».¹⁹³

Вот так. Временная мера, потерпите чуть-чуть. И спасибо за понимание.

Действительно, решение о прекращении методов военного коммунизма и переходе к Новой Экономической Политике было принято (опять же вынужденно !) уже в марте 1921 года на X съезде РКП(б), когда провал политики «военного коммунизма» стал слишком очевиден, и мог в итоге привести к падению советской власти вообще. Тем не менее, основные характерные социальные черты этой короткой эпохи в той или иной степени сохранялись на всём протяжении жизни СССР. Это – полное отсутствие рыночных отношений, командно-административный стиль в экономике, культуре (если она ещё была), карательные методы воздействия на инакомыслящих, подавление любых протестов и удержание собственной власти любыми средствами вплоть до применения оружия против мирных митингов (например, события в Новочеркасске 1962 года).

Чехословацкий фактор.

Ещё в сентября 1917 года по приказу начальника штаба Ставки генерала Николая Духонина формируется отдельный Чехословацкий корпус из двух дивизий и запасной бригады, которые уже воевали за Россию на южном фланге фронта против

¹⁹³ В.Ленин. Статья «О продовольственном налоге».

Австро-Венгрии и состоявшие в основном из добровольцев чехословаков и других славянских народов, а также из пленных, перешедших на нашу сторону. Напомню, что к тому времени Чехия и Словакия поглощены австро-венграми и входят в их империю на правах провинций. Среди простых солдат сильны тенденции к независимости. После октябрьского переворота большинство чехословаков настроены враждебно к большевикам и даже вступают с ними в стычки под Киевом, где шло их формирование.

По разным причинам, но в основном на основании декрета французского правительства в декабре 1917 года чехословацкий корпус в России формально подчиняется французскому командованию, им же финансируется и вооружается, и получает приказ об отправке во Францию для дальнейшей борьбы на стороне Антанты в составе автономной Чехословацкой армии во Франции.

И вот сейчас с этой массой солдат и их передислокацией возникает огромные проблемы - транспортные, политические и просто военные. Ведь Советам этот корпус неизвестно кого не нужен, но и оставлять толпу почти в 50 тысяч вооруженных опытных солдат на своей территории в неопределённом статусе – это мина замедленного действия. Да и с немцами уже мир, и этот корпус под французским командованием и на нашей территории – только красная тряпка для кайзеровцев и австрияков. Надо срочно избавляться. Кроме того, Лондон требует от своего представителя Локкарта добиться у Ленина разрешения вывести эту армию из России

на франко-германский фронт воевать. Но каким путём? Не через сам же фронт !

Не решили ничего лучшего, как отправить корпус круглым путём: сначала по транссибирской магистрали, уже в основном подконтрольной большевикам, на Дальний Восток, там на корабли и

Чехословацкий корпус вступает маршем на улицы Иркутска.

морями-океанами – в Западную Европу воевать дальше, или по домам.

В марте же 1918 года все заинтересованные стороны достигают соглашения, по которому новая власть гарантирует передвижение легиона по железной дороге до Владивостока, но только при условии их практически полного разоружения.

К апрелю и маю эшелоны корпуса растягиваются от Центральной России до Владивостока. Однако в этот город уже входят оккупационные войска Японии. Одновременно Германия, опасаясь прибытия на Западный фронт чехословацкого корпуса сильно давит на правительство Ленина с целью не допустить дальнейшего их

продвижения. Но как? Арестовать 50 000 вооружённых солдат? Что делать? Большевики чинят разные препятствия движению. Более того, в мае в Челябинске созывается съезд чехословацких военных делегатов, на котором командование легиона принимает решение отказаться выполнять ранее достигнутые договорённости о разоружении и продолжить движение до Владивостока невзирая на большевиков. Военный нарком Троцкий, под руководством которого формировалась РККА, не придумывает ничего лучшего, чем арестовать представителей легиона, остановить все эшелоны, интернировать всех легионеров, а тех, кто имел при себе оружие, расстреливать на месте без всяких разбирательств - «ни один вагон с чехословаками не должен продвинуться на восток» - очень уж опасались немцев и разрыва Брестских договорённостей. Но Красная Армия к тому моменту - слаба и неопытна. Тут чехословацкая мина и взорвалась - после небольших боестолкновений легионеры в союзе со всеми антибольшевистскими силами Сибири освобождают от Советов огромную часть Транссиба – от Волги до Иркутска.

И белочехи, как их стали называть большевики, невольно становятся серьёзным фактором в самый разгар чужой Гражданской войны. В Самаре эсеры образуют безбольшевистский Комуч (Комитет членов Учредительного собрания), а в Омске формируется Сибирское правительство, которые и стали центрами в борьбе с большевизмом.

Советский агитационный плакат «Ленин на субботнике в Кремле», по картине 1927 года М. Соколова.

Старые большевики, комментируя картину в назидание молодёжи, акцентируют: «Ленин-то взялся за бревно у самого комля» !

Эти эсеры – ещё большая забота, чем чехословаки, потому что это - политическая проблема. Эсеры – это конкуренты, и они в провинциях популярнее большевиков.

Но не только на Волге и в Сибири концентрируются антибольшевистские силы. На юге, на Дону зарождаются боевые части казачества и офицеров бывшей царской армии, где Каледин, Корнилов зовут на борьбу с большевизмом.

Война разгорается.

Покушение на Мирбаха.

О, эти эсеры, правые и левые! Они как кость в горле. Но с ними пока приходится делиться властью. Наркоматы частично возглавлялись ими, они даже занимали посты и в ВЧК... От большевиков их отличает ещё более крайняя нетерпимость и топорность в революционной «работе», и они в ещё большей степени не считаются с жертвами, как с чужими, так и собственными. У них свои такие же харизматичные лидеры – Борис Камков (ур. Кац), Мария Спиридонова, Борис Савинков, Виктор Чернов, также пострадавшие от царского преследования, также испытывшие ссылки и тюрьмы, они такие же революционеры, как и большевики. То, что мы о них практически ничего не знаем – результат замалчивания самих большевиков, что естественно – историю пишет победитель. Конкуренты в революционной славе не нужны.

В ЦК эсеров входила одно время даже первая и единственно законная жена Горького Екатерина Пешкова (после разгрома партии хранила её архив до изъятия его чекистами). Эсеры считают себя круче и принципиальнее большевиков, поэтому они резко против мира с кайзеровской Германией, т.к. считают, что продолжение войны только ускорит выступление германского пролетариата против империалистов, ускорит и мировую революцию.

Стремясь спровоцировать разрыв Брест-Литовских соглашений в июле они решаются на покушение на немецкого посла графа фон Мирбаха (вообще с Германией у нас всегда какие-то странные отношения. Как сейчас – четверть страны оккупирована и грабится, а мы обменялись послами как бы будучи в чинных дипломатических отношениях. С нашей стороны посольствовал Адольф Иоффе, участник недавних переговоров в Бресте. Видимо тогда обеим сторонам это было выгодно политически, несмотря на риски для жизней послов).

А далее следует какая-то странная редкая вообще криминально-дипломатическая история, свидетели которой описывают её сюжет по-разному. Попробуем составить резюме из разных источников.

4 июля в Москве открывается V Съезд Советов, на котором делегаты от левых эсеров (треть всех делегатов) продолжили критику своих вчерашних союзников и ставят на голосование вопрос о денонсации Брестского мира и возобновлении войны с Германией. Предложение не проходит, и делегаты левых эсеров до 6 июля покидают съезд.

И 6 июля известный эсер, начальник (!) одного из отделов ВЧК Яков Блюмкин (будущий «друг» Есенина) с товарищем Николаем Андреевым прямо в кабинете председателя Всероссийской ЧК подделывают документы (в том числе подпись Феликса Дзержинского) для прохода в немецкое посольство якобы для встречи с послом по надуманному поводу. Используя пронесённое с собой оружие, они в ходе беседы неожиданно для немцев убивают посла графа Мирбаха и ранят других сотрудников, а

сами выбегают и скрываются на поджидавшем их автомобиле ВЧК в левоэсеровский штаб в Большом Трёхсвятительском переулке. Немедленно в немецкое посольство являются перепутанный Ленин, кто-то ещё, выражая соболезнования оставшимся в живых сотрудникам, извинения, заверения и т.п.

Между тем в посольстве обнаруживаются оставленные в суматохе мандаты на проход в посольство на имя Якова Блюмкина и его товарища Андреева. И Председатель ВЧК Феликс Дзержинский с сотрудниками срочно прибывает в штаб левоэсеровского отряда комиссии и требует выдать Блюмкина и Андреева, и обнаруживает там весь центральный комитет партии левых эсеров. В итоге сам глава ВЧК то ли сдаётся, то ли арестовывается левоэсеровскими чекистами и остаётся у них в качестве заложника. А в Москве, используя убийство посла как сигнал, расползается маленькая революция левых эсеров, они захватывают почтамт и центральный телеграф и начинают рассылать свои воззвания, в которых объявляют власть большевиков низложенной и требуют не исполнять их приказы. В одном из воззваний говорится:

«Властвующая часть большевиков, испугавшись возможных последствий ... исполняют приказы германских палачей. Вперёд, работницы, рабочие и красноармейцы, на защиту трудового народа, против всех палачей, против всех шпионов и провокационного империализма».

А немцы на убийство своего посла реагируют удивительно - крайне сдержанно, истерик нет, наступления на Москву нет, вскоре даже присылается новый посол. Действительно, немцы уже не та сила, что в марте, на западе бывшие наши союзники давливают их на западном фронте, военные дела швах, на горизонте маячит капитуляция.

Тем временем для большевиков ситуация оказывается неожиданно критической.

Ведь, как ни странно, единственными частями, полностью сохранившими верность большевикам, остались латышские стрелки и «большевистская» часть ВЧК во главе с заместителем председателя ВЧК, латышом Яковом Петерсом. А где же «русские» части?

Ленин отдаёт приказ Петерсу арестовать всех делегатов Съезда от левых эсеров, а Троцкий приказывает другому заместителю председателя ВЧК латышу Мартыну Лацису арестовать всех левых эсеров, служащих в ВЧК, и объявить их заложниками. Но левые эсеры сами занимают главное здание ВЧК и арестовывают Лациса. Как кажется, восстание левых эсеров близко к победе и остаётся только взять Кремль, арестовать Ленина и других большевистских вождей. Но тут восставшие ведут себя странно и пассивно, несмотря на перевес в силах ... Они не штурмуют Кремль, пользуясь внезапностью, численным превосходством и растерянностью руководства большевиков. А могли бы.

Во время этой паузы большевикам удаётся стянуть в Москву ещё 3300 латышских (!!!)стрелков, расквартированных в ближайших пригородах, поднять отряды красной гвардии. И 7 июля с раннего утра латыши, вооруженные пулеметами, орудиями и броневиками штурмуют позиции левых эсеров. Эсеры не оказывают сильного сопротивления. При штурме штаба в Большом Трёхсвятительском переулке

применяется даже артиллерия, несмотря на то, что в здании находятся не только левоэсеровские чекисты, но и их заложники (Дзержинский, например). 450 делегатов Съезда Советов — от левых эсеров, и левые эсеры-чекисты арестовываются. Уже на следующий день 13 сотрудников ВЧК, включая ещё одного бывшего заместителя Дзержинского приговариваются к расстрелу, но с большинством левых эсеров большевики обходятся сравнительно мягко, давая от нескольких месяцев до трех лет.

Наконец-то Дзержинский освобождён, и тут же подаёт в отставку, или просто снят, и до конца августа этого года ВРИО Председателя ВЧК исполняет Яков Петерс (по другим данным - Лацис), затем с августа он снова возвращён на прежнюю должность. Говорят, что сразу же после освобождения его допрашивал сам Ленин, и Дзержинский письменно дал ответы на вопросы о покушении (они опубликованы в Сети). В частности, он сказал, что «его» подпись на пропуске в немецкое посольство - поддельная.

Но очень интересно, что через 3 месяца после этих тревожных для Дзержинского событий он по поддельным документам неожиданно едет на месяц в Швейцарию вместе с секретарём ВЦИК Варлаамом Аванесовым, который являлся человеком Свердлова. Причём всего через месяц после августовского покушения на «вождя мирового пролетариата», в сложнейшее для страны время.

*«...ехать в Швейцарию Дзержинскому настоятельно рекомендовал председатель ВЦИК Яков Свердлов, который в период лечения Ленина стал фактически первым лицом в Советской республике. Некоторые авторы считают Свердлова организатором покушения на Ленина. И если принять их версию, то можно предполагать, что удаление Дзержинского из Москвы под предлогом встречи с родными было вызвано опасениями Свердлова. Последний боялся, что Дзержинский, расследуя через органы ЧК инцидент с покушением на Ленина, выйдет-таки на настоящего организатора.»*¹⁹⁴

И это, естественно, могло стать для честлюбивого Свердлова концом всего. Формально, Дзержинский ехал попроведовать свою семью, сына Яна и жену Софью Мушкат, почему-то живущую в Берне. Этот же источник сообщает, что его сын «Ян Феликсович Дзержинский рассказывал позднее, что однажды он вместе с отцом случайно столкнулись лицом к лицу с бывшим британским послом¹⁹⁵ в России Локкартом, которого Феликс Эдмундович арестовывал (в сентябре - ЮП) и допрашивал в Москве. Но Локкарт не узнал председателя ВЧК, или сделал вид?»

Вообще то не узнать Дзержинского с характерной внешностью и «лицом к лицу» довольно сложно. А сам Дзержинский его узнал? А маленький его сын (7 лет) разве знал Локкарта, чтобы рассказывать об этом случае? А был ли этот визит вообще тайной для спецслужб других стран, которыми кишит Швейцария? Вообще-то, первый чекист приехал! Но ... никаких эксцессов. Всё тихо и гладко. И на обратном пути тоже. Все стороны заинтересованы? Но буквально в следующем феврале его семья приезжает в Москву насовсем.

¹⁹⁴ <https://russian7.ru/post/zachem-dzerzhinskiy-ezdil-v-shveytariyu-p/>

¹⁹⁵ Локкарт был не послом, а дипломатическим представителем.

Этот чинный семейный визит первого чекиста, конечно, до сих пор порождает множество версий, среди которых:

- перевозил деньги партии в «их» банки (см. далее о содержимом сейфа Свердлов стр. 249);
- участвовал в подготовке коммунистического восстания в соседней Германии;
- имел деловые контакты с тем же Локкартом, с которым могли быть какие-либо договорённости (вербовка ?) во время его отсидки в Москве летом и осенью того же года (об этом смотри далее), выполнение которых могло быть условием его освобождения;
- и другие. А может всё сразу.

А ведь уже в ноябре в Германии начинается революция, но Роза Люксембург и Карл Либкнехт погибают, кто-то их сдал. Своя революция у немцев не состоялась, к удовольствию Кремля. Случайность?

Нельзя здесь не упомянуть ещё одну спорную версию, выдвинутую Юрием Шушкевичем в связи с его расследованием судьбы секретаря Сталина Бориса Бажанова, странным образом бежавшего в Европу через Персию в новогоднюю ночь с 1927 на 1928 год. На своей странице в ЖЖ <https://y-shushkevich.livejournal.com/9575.html> Шушкевич замечает, что далеко не все размещённые за рубежом до 1917 года русские активы юридически принадлежали государству (ибо практикой того времени являлась их передача в управление особо доверенным лицам – дипломатам, военным, предпринимателям). Один очень крупный актив в 1912 году был вручён российским императором в доверительное управление промышленнику и банкиру Н.А.Второву. После 1917 года Второв пошёл на сотрудничество с советской властью, однако в мае 1918-го при загадочных обстоятельствах был убит в своём арбатском особняке. Депонированный в нейтральной Швейцарии царский фонд, которым управлял Второв, имел исключительное значение и предназначался для осуществления задуманной, но так и не состоявшейся «царской индустриализации».

Далее автор статьи предполагает, что Дзержинский вместе с доверенными соратниками из своей конторы захотел сыграть свою игру, для чего им очень нужен свой человек в высших кабинетах нарождающейся власти:

«За ключами к фонду, оказавшемуся после убийства Второва и казни семьи Императора «бесхозным», в 1918-1919 гг развернулась нешуточная борьба. Достаточно сказать, что таинственная и сверхрискованная поездка главы ВЧК Ф.Дзержинского в Швейцарию осенью 1918-го связана именно с этим. Ведь призом в той борьбе были не просто большие деньги, а по сути единственные после Первой мировой войны свободные от долговых обременений финансовые активы мирового масштаба (которые можно, следовательно, легко и без последствий прибрать к своим рукам. - ЮП).»

Автор развивает конспирологическую линию с вербовкой для целей доступа к самой засекреченной информации неизвестного, но очень способного студента ВТУ Бориса Бажанова:

« ... вероятной представляется версия, что непосредственный вербовочный импульс исходил... от доверенных лиц Председателя ВЧК Ф.Дзержинского или даже

от него самого – ибо никто иной как Дзержинский собственноручно пытался осенью 1918-го, находясь в Швейцарии, принять царские активы под контроль, не преуспел в этом, однако вполне мог получить от посвящённых в высшие финансовые тайны банкиров ряд ценных рекомендаций...».

Заметим, что за несколько лет Бажанов сделал с помощью Дзержинского и других чекистов головокружительную карьеру по партийно-административной линии, став одним из секретарей Сталина, удивительным образом избегая опасные рифы придворной службы. И значит имел доступ к самым нужным для Дзержинского документам, в том числе финансовым.

«В этом случае становится объяснимым поведение Бориса Бажанова после кончины Дзержинского, случившейся 20 июля 1926 года: оставшись без высокого покровителя, сталинский секретарь был вынужден начинать готовиться «к отступлению». Отсюда – и заявленный в бажановских мемуарах¹⁹⁶ внезапный переход «в антикоммунизм», и неожиданно пришедшее болезненное неприятие «сталинских методов».

Далее Шушкевич добавляет:

«...Не исключено, что Сталин всё отлично знал (ибо до сих пор неизвестно, остановилось ли сердце Дзержинского из-за болезни, или же под действием яда) и не считал необходимым без нужды вмешиваться в работу «закулисных сил». (По сути Сталин, вероятно, развёл председателя ВЧК и перевербовал Бажанова, поручив ему заниматься фондом Второва за границей от своего имени. - ЮП). Ведь переиграть их, в отличие от соперников по внутрипартийному ареопагу, он не имел ни малейшей возможности, а вот заручиться их благосклонностью и поддержкой по принципу «с поганой овцы хоть шерсти клок» - можно было вполне. И действительно, начиная с 1926-27 гг в Советскую Россию нарастающим потоком начали поступать товарные кредиты, профинансированные банками США, – бесконечные паровозы станков, машин, целые заводы, возводимые «под ключ» американскими инженерами и рабочими по планам советской индустриализации – и всё задолго до установления с Америкой дипломатических отношений в конце 1933 года! Во многом это были **отступные**, заплаченные «закулисой» за молчание в процессе присвоения прав на «фонд Второва» и, надо полагать, ещё ряда других аналогичных активов.»

Мы так подробно останавливаемся на этом эпизоде т.к. и мотивы, и возможный маршрут этой скоропалительной поездки не поддаётся никакому разумному объяснению, ведь, например, немцы и австрийцы на западной нашей границе ещё держат фронт, до капитуляции ещё целый месяц. Как Дзержинский пересекал его линию? Договорились с немцами? Так это ещё интереснее. Для нас все эти обстоятельные вопросы говорят о том, что мотивы этого рискованного броска через фронт были очень и очень серьёзные.

Но вернёмся в красную Россию, где внутренняя борьба за власть не прекращается.

Одновременно с покушением на Мирбаха левые эсеры организуют восстания в Ярославле, Муроме, Рыбинске (где руководит Савинков), Симбирске. Но вскоре они

¹⁹⁶ Борис Бажанов «Воспоминания бывшего секретаря Сталина».

также подавляются, Савинкову удаётся скрыться на Волге у будущего генерала Владимира Каппеля, собирающего военную силу.

Итак, эта странная ситуация с левоэсеровскими мятежами на самом деле повернулась как нельзя лучше для большевиков. Вообще эта история с массой белых пятен и остающимися вопросами очень типична для всей советской эпохи с её нераскрытыми заговорами, переворотами, утаиваниями, поддельными документами, спецоперациями.

Некоторые исследователи (например, Юрий Фельштинский) считают, что этот левоэсеровский мятеж – лишь провокация самих большевиков именно с целью компрометации противника и расправы над ними. (В пользу этого говорит то, что никогда не было обнаружено эсеровских документов на тему подготовки покушения). И в этом смысле показательна дальнейшая история отношений большевиков и Блюмкина – он не арестовывается и благополучно исчезает, и обнаруживается позже на Украине, а в апреле-мае 1919 г является с повинной в киевскую ЧК и даёт свои показания. Опять же не арестовывается, а почему-то оказывается в Москве, выдаёт ВЧК уцелевших эсеров, за это как бы прощается, даже принимается в партию большевиков и работает в ВЧК далее очень ценным сотрудником, выполняя тайные поручения за границей в пределах от Турции и Персии даже до Китая. Он же внедряется в среду творческой литературной интеллигенции как любитель поэзии, «дружит» с Есениным и прочими. (За все заслуги перед конторой Блюмкин в 1929 году арестовывается и расстреливается по обвинению в связях с изгнанным к тому времени в Турцию «отщепенцем» Троцким.).

Между тем демонстративно шумно, для успокоения немцев, как мы уже видели, сослав и расстреляв нескольких левых эсеров большевики в то же время напрямую ищут поддержку у тех же немцев и ухитряются использовать их же военную силу для защиты от угрозы стран Антанты как с севера, так и с юга через Закавказье. Фельштинский пишет в работе «Крушение мировой революции. Брестский мир»:

«... выплачиваемые миллиарды были ещё и платой за добрые политические отношения: Ленин пытался склонить немцев к поддержке возглавляемого им правительства.

Именно поэтому вечером 1 августа Чичерин по поручению Ленина предложил Гельфериху (новый немецкий посол в России. - ЮП) пойти на заключение неформального военного соглашения о параллельных советско-германских действиях против Антанты и белых. Германия должна была помочь советскому правительству предотвратить продвижение англичан из района Мурманска и Архангельска на Петроград, отказаться от поддержки на Дону Краснова и обещать не занимать Петрограда.

СНК в ответ должен был сконцентрировать все силы на борьбе с Антантой и поддерживаемым ею генералом В. М. Алексеевым, создающим добровольческую Белую армию (на юге России. - ЮП). Видимо, немцы потребовали, как предварительное условие для переговоров, полного разрыва с союзниками. В ночь на 5 августа советское правительство разослало ... сообщение о разрыве отношений с Англией, Францией и Японией. Утром в Москве был произведен ряд обысков и арестов среди подданных союзных стран.

Некоторое время держали под арестом британского представителя в России Локкарта.»

И одновременно же советские власти стремятся продлить войну на Западном фронте как можно дольше, т.к. боялись, что быстрое поражение немцев приведет к политическому объединению бывших врагов против советской России, которой опять же нужна передышка для создания собственной дееспособной армии. Эти две тенденции и определяли всю внешнюю политику Советов на период до окончания Гражданской войны. Подытоживая июльские события, видим, что остались большевики одни на чистом политическом поле. Так и появляется наша однопартийная система, лопнувшая только в послепутчевском августе 1991 года. Мятежи ещё будут, но политических противников, требующих у большевиков отчёта в их действиях, уже не будет.

Расстрел царской семьи

В суматохе межпартийных войн 1918 года почти незамеченным совершилось событие, которое стало лишь начальным звеном в цепи, протянутой и до наших дней. Тогда, в революционном угаре никто не спрашивал: «А что с царём?». Знали по слухам, что всю царскую семью, находившуюся под домашним арестом ещё при Временном правительстве, новая власть перевезла в Тобольск, а затем в Екатеринбург. Смысл этих перемещений был не очень понятен, просто не знали, что с ними делать. Расстрелять, скажем, после трибунала? Да. Но большая семья и слуги при них сильно осложняли задачу расправы.

Фрагмент заметки в "Известиях" 19-го июля 1918 года.

И вдруг 19-го июля в официальных газетах «Известия» и «Правда» появляется заметка «К расстрелу Николая Романова»:
«18-го июля на первом заседании нового президиума Ц. И. К.¹⁹⁷ председатель Свердлов огласил только что полученное по прямому проводу сообщение областного уральского совета о расстреле бывшего царя Николая Романова.

«В последние дни столице Красного Урала Екатеринбург угрожала опасность приближения чехо-словацких

банд. В то же время был раскрыт новый заговор контр-революционеров, имевший целью вырвать из рук Советской власти коронованного палача. Ввиду этого Президиум областного уральского совета постановил расстрелять Николая Романова, что и было приведено в исполнение 16-го июля. Жена и сын Николая Романова отправлены в

¹⁹⁷ Центральный исполнительный комитет.

надёжное место....»

Президиум Ц. И. К., обсудив все обстоятельства, заставившие Уральский Областной Совет принять решение о расстреле Николая Романова, постановил: Всероссийский Ц. И. К., в лице своего Президиума, признаёт решение Уральского Областного Совета правильным.»

Как и обычно, ложь. Ложь о жене и сыне царя, и ни слова не говорится о 4-х царевнах, будто их не существовало в природе. И ни слова о 4-х человеках сопровождавшего персонала. Дезинформация властей, что царская семья отправлена «в надёжное место», а расстрелян только Николай, продолжала жить и гулять по свету всё советское время и даже на международном уровне, порождая новые слухи о спасении хотя бы царевен (например, снят был уже в наше время мультфильм «Анастасия» с голливудским размахом и такой же глупостью). Правду о том, что убиты 11 человек (вместе с прислугой), а не один царь, большевики всё-таки боялись признать публично. Кроме того, существует ещё одно соображение по поводу опасения властей – только что в марте был подписан и соблюдался сторонами очень нужный, но хрупкий Брест-Литовский мир с Германией, и расстрел бывшей немецкой принцессы Александры Федоровны с детьми вызвал бы у кайзера Вильгельма II (её кузена) непредсказуемую для большевиков реакцию.

Imperial cousins and 'look-alikes', Prince George of Wales (later King George V) and Tsar Nicholas II. Their fates, however, were to be very different.

Ники и Джорджи, двоюродные братья.

Истина о расстреле стала приоткрываться только с момента обнаружения Ганиной ямы в конце жизни СССР, но об этом в своём месте. В пользу версии об убийстве всей семьи говорит косвенно и запись в дневнике Троцкого от 1935 года (если ему верить):

«... Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

- Да, а где царь?
- Конечно, - ответил он, - расстрелян.
- А семья где?
- И семья с ним.
- Все? - спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.
- Все! - ответил Свердлов, - а что?

Для полноты изложения приведём расшифровку содержательной её части: «ВВИДУ ПРИБЛИЖЕНИЯ НЕПРИЯТЕЛЯ К ЕКАТЕРИНБУРГУ И РАСКРЫТИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИЕЙ БОЛЬШОГО БЕЛОГВАРДЕЙСКОГО ЗАГОВОРА ИМЕВШАГО ЦЕЛЬЮ ПОХИЩЕНИЯ БЫВШАГО ЦАРЯ И ЕГО СЕМЬИ ТОЧКА ДОКУМЕНТЫ В НАШИХ РУКАХ ТОЧКА ПОСТАНОВЛЕНИЮ ПРЕЗИДИУМА ОБЛАСТНОГО СОВЕТА В НОЧ НА ШЕСТНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ РАЗСТРЕЛЯН НИКОЛАЙ РОМАНОВ ТОЧКА СЕМЬЯ ЕГО ЭВАКУИРОВАНА В НАДЕЖНОЕ МЕСТО ТОЧКА ПО ЕТОМУ ПОВОДУ НАМИ ВЫПУСКАЮТСЯ СЛЕДУЮЩЕЕ ИЗВЕЩЕНИЕ ТОЧКА ВВИДУ ПРИБЛИЖЕНИЯ КОНТРЕВОЛЮЦИОННЫХ БАНД КРАСНОЙ СТОЛИЦЕ УРАЛА И ВОЗМОЖНОСТИ ТОГО ЧТО КОРОНОВАННЫЙ ПАЛАЧ ИЗБЕЖИТ НАРОДНОГО СУДА СКОБКИ РАСКРЫТ ЗАГОВОР БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ ПЫТАВШИХСЯ ПОХИТИТ ЕГО И ЕГО САМОГО И НАЙДЕНЫ КОМПРОМЕНТИРУЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ»

может принять царскую семью в качестве гостей во время войны».

Историк спецслужб Геннадий Соколов в книге «Британский лев против русского медведя. Пять веков тайной войны» подробно разбирает сложную ситуацию и подтверждает слова Керенского.

Позиция писателя сводится к следующему. Англия действительно стала бы лучшим прибежищем для царской семьи в объятой мировой войной Европе, ведь Россия была союзницей англичан по Антанте. Кроме союзнического долга Петербург и Лондон соединяли тесные родственные узы монархов. Николай II и его супруга императрица Александра Фёдоровна приходились королю Георгу V двоюродными братом и сестрой. Кузены Николай II и Георг V даже внешне были очень похожи! Близко дружили, звали друг друга «старина Ники», «милый Джорджи». Да и оставаться в России свергнутым царю и царице в непонятном статусе граждан Романовых было опасно – уже открыто раздавались призывы убить супругу бывшего государя как «немецкую шпионку». А заодно и нашего «Николая Кровавого». 22 марта 1917 года кабинет министров Великобритании принял решение о предоставлении «императору и императрице приюта в Англии на время, пока идёт война».

Однако уже через неделю, 30 марта, «преданный друг Джорджи» сделал попытку дезавуировать приглашение правительства его русскому кузену. Георг V сам написал главе МИДа: «Проинструктируйте посла Бьюкенена, чтобы он сказал Милюкову (Министр иностранных дел Временного правительства.), что мы должны отказаться от своего согласия на предложение российского правительства». И в мае 1917 года МИД Великобритании через своего посла Бьюкенена передало новому российскому министру иностранных дел М. И. Терещенко, что «Британское правительство не может посоветовать Его Величеству оказать гостеприимство людям, чьи симпатии к Германии более чем хорошо известны». Имеется ввиду, вероятно, немецкое происхождение царицы, хотя она также и внучка их королевы Виктории.

Изменившаяся позиция «Джорджи» смотрится тем более странно, что буквально через год он отправил линкор «Марлборо» в Чёрное море, чтобы вывезти из Крыма свою тётку, вдовствующую императрицу Марию Фёдоровну (мать Николая II, датскую принцессу Дагмар). Её вместе с некоторыми великими князьями, их семьями доставили на английскую военно-морскую базу на Мальте. (В 2004—2005 гг. между российским и датским правительством было достигнуто соглашение о переносе останков Марии Фёдоровны (скончавшейся в 1928 году) из Дании в Петропавловский собор в Санкт-Петербурге, согласно её завещанию похоронить себя рядом с мужем.)

Геннадий Соколов добавляет, что король много думал о предложении правительства пригласить императора Николая и его семью приехать в Англию, но после долгих колебаний всё-таки не решился вывезти своего горячо любимого кузена и его семью. Боялся, дескать, общественного мнения, протестов со стороны рабочих и профсоюзов, которые тогда симпатизировали большевикам. Пребывание царя в Англии могло скомпрометировать положение короля и королевы. И ради сохранения короны он, скрепя сердцем, пожертвовал родственником. Но, оказывается, Георг V с самого начала был против идеи предоставления убежища Николаю II. Об этом, в частности, его секретарь написал английскому послу в Париже лорду Бертье:

«Это было твердое убеждение короля, который никогда этого не хотел».

<http://diveevoo.livejournal.com/492055.html>

С другой стороны, те же англичане могли бы оперативно вывезти царя с семьёй не к себе, а недалеко – в Средиземноморье, скажем, в православные Грецию, Черногорию, даже Румынию, или на Мальту, или даже в освобождённую от турок Палестину, где нашей РПЦ были выкуплены некоторые подворья - кусочки территории с нашими приходами.

Если бы было желание. Но, говорят, что всё проще; причина – геополитика, никому не нужен сильный сосед, монолитная огромная монархия, олицетворением которой мог бы быть спасённый монарх с семьёй и наследником, даже бывший. Даже в изгнании.

Здесь же уместно упомянуть, что полыхавшая пока ещё Великая война (если брать территорию северной Европы) велась между ближайшими родственниками. Так получилось, что монаршие семьи Англии, Дании, Германии и России веками роднились в основном между собой (см. фамильный лес их монархов на стр. 86). В итоге Георг оказался в центре семейного клубка – пришёлся кузеном и Николаю, и Вильгельму, и царице Александре Фёдоровне, а последняя – оказалась ещё и кузиной самому Вильгельму. Получилось, наши Николай и Александра пострадали как от напавшего на них кузена Вильгельма, так и от не спасшего их кузена Георга.

Что ж, чистая геополитика. Видно, Романовым вышел срок. Зато попытку спасти Романовых предпринял бывший царский кавалергард, генерал Карл Маннергейм (тот самый, Линию которого Красной Армии пришлось воевать в 39-м). Он

«подготовил операцию по тайной переправке Николая II с семьёй за границу. Представитель русской эмиграции, Председатель Российского Дворянского собрания в Америке князь Алексей Щербатов рассказал в беседе с журналистами: *"Керенский говорил мне, что, когда Николай находился под арестом ещё в Царском Селе, секретную миссию по переправке его за границу (через Финляндию и Швецию) предлагал организовать генерал Маннергейм... Вывести царскую семью на "тайном эшелоне" было тогда нетрудно, но Керенский на это не пошел. Ведь бегство Императора сразу после революции привело бы к краху Временного правительства"*». ¹⁹⁸

Запоздалые дипломатические попытки вывезти семью царя предпринимал и король Испании Альфонс XIII, действуя через своего посла в Петрограде Луису Варела; ведь королева Испании приходилась кузиной Александре. Но уже было поздно.

Прочитав внимательнее текст телеграммы, можно составить представление об уровне грамотности людей, пришедших к власти у нас, решающих вопрос – кому жить, кому не жить. Удивительно, но в наших учебниках истории СССР ограничились одной фразой, что в феврале 17-го года власть царя была свергнута. Самое поразительное, что никому из нас не приходил в голову простейший вопрос: а что же случилось с ним

¹⁹⁸ <https://slavynka88.livejournal.com/235027.html>

дальше, его семьей, где она, где его дети? Такова сила советской пропаганды, которая убивала в нас даже само желание сформулировать для себя естественнейшие вопросы. А вытекающий далее вопрос о царских останках вообще повисал в воздухе.

Кстати, многие отмечают историческую странность -- царская династия Романовых началась обрядом призвания на царство Михаила в Ипатьевском монастыре Костромы и закончилась расстрелом императорской семьи в брошенном доме инженера Ипатьева в Екатеринбурге.

Атрибуты РСФСР

Между тем в мире до сих пор плохо представляют, что такое сегодняшняя Россия, что в ней происходит, и можно ли хоть с кем-то иметь дела?

Ведь до сих пор, например, до июля 1918 в новой стране нет не только Основного Закона – конституции, но и даже утвержденного названия государства. Срочно нужна государственная вывеска, государственные атрибуты, конституция, наконец.

III Всероссийский съезд Советов, проходивший в январе 1918 года, ВЦИК разработать основные положения конституции Советской России. А ведь ещё в марте руководство Коммунистической партии поручило председателю ВЦИК Якову Свердлову организовать комиссию для разработки конституции, куда в апреле 1918 года вошли часть членов ВЦИК, представителей наркоматов, и даже представители эсеров, вполне ещё законной партии (тогда ещё, в апреле).

Нерешённым до сих пор, болезненным вопросом считался вопрос об административном делении государства. ВЦИК поручила подготовить доклады об устройстве Российской Республики наркому по делам национальностей Иосифу Сталину и профессору Михаилу Рейснеру (отцу Ларисы Рейснер). Профессор исключал национальный признак в федеративном устройстве и призывал признать принцип деления РСФСР на административные единицы (видимо, как и в прежней Империи), а идея доклада Сталина заключалась в строительстве федерации на национально-территориальном принципе (видимо, проводя большевистский принцип «права наций на самоопределение»). Большинством голосов членов комиссии был принят Проект Сталина. (Этот же принцип переносится позже и в устройство СССР, которое и развалилось в 1991 по этим же национальным границам. В царской России деления по национальному признаку не существовало, правда, национальности упоминаются в таких названиях частей Империи как Великое княжество Финляндское и Царство Польское.

3 июля 1918 года проект основного закона публикуется в «Известиях ВЦИК», и на V Всероссийском съезде Советов единогласно принимается с замечаниями. И 19

июля 1918 года итоговый текст Конституции публикуется в печати и с этого момента вступает в силу.

Вообще, федеративность любой республики предполагает вхождение в неё других государственных единиц, их границы между собой и границы с внешним миром. Однако в условиях немецкой оккупации и надвигающейся гражданской войны об этом не могло и речи идти, поэтому напечатанная конституция являлась скорее декларацией о намерениях – какое государство хотят видеть большевики.

Так появляется РСФСР с зыбкими границами.

Очень интересной представляется графика обложки принятой Конституции. Ведь кроме серпа и молота совершенно незаметно никаких революционных символов, напротив, оформление выдержано в духе символики Римской империи (за исключением цитаты из «Манифеста коммунистической партии»), включая ликторские пучки прутьев с древним топориком внутри (фасции). Буквально через пару лет эти фасции (как символ объединения рядовых членов партии вокруг одного лидера) станут одним из символов итальянских фашистов под лидерством Бенито Муссолини, откуда и возьмётся их самоназвание.

Герб РСФСР. Серп и молот в 13 лучах солнца и 14 колосьев знаков симметрично справа и слева картуша. Позже в самом верху появится красная звёздочка, точки в аббревиатуре страны уберут.

Покушение на Ульянова-Ленина и Урицкого.

Тревожное лето 18-го года и заканчивается громкими внутренними разборками на фоне выдавливания остатков левых эсеров из Москвы. В один день 30-го августа в Петрограде застрелен председатель Петроградского ЧК Моисей Урицкий поэтом Леонидом Каннегисером, состоявшим, как считают, в партии народных социалистов, а вечером в Москве покушаются на жизнь Ульянова-Ленина при его выходе после митинга на оружейном заводе (бывшем заводе Михельсона). При этом у завода прозвучало три выстрела, однако среди массы окружавшего его народа никто не видел кто стрелял, но тут же хватают стоявшую довольно далеко в стороне молодую женщину, никуда не убегавшую, но, как показалось окружающим, подозрительно себя ведущую. Ею оказалась Фанни Каплан, анархистка, бомбистка, отсидевшая в ссылках почти 10 лет, почти потерявшая зрение на «революционной работе». Её отводят в военный комиссариат Замоскворецкого района. При этом вела она себя малоадекватно, на грани истерики, ведь от неё явно требовали признания, и она призналась, что это она стреляла, но не сказала от какой партии было её поручение. И далее события для неё уложились в четыре дня. Ничего на ней и при ней не найдя, и без прямых вещественных улик, 3-го сентября её расстреливает в Кремле лично комендант Кремля

Мальков, а останки сжигают тут же в бочке, всё это по личному распоряжению Свердлова. Свидетелем расправы невольно становится Демьян Бедный, почему-то живущий рядом в Кремле.

Мальков позже пишет:

«Через день или два меня вызвал Варлам Александрович Аванесов.

— Немедленно поезжай в ЧК и заberi Каплан. Поместишь её здесь, в Кремле, под надежной охраной.

Я вызвал машину и поехал на Лубянку. Забрав Каплан, привез ее в Кремль и посадил в

Картина Петра Белоусова «Покушение на В. И. Ленина в 1918 году» (1957 год.) Слева Ленина поддерживает, видимо, его шофёр Степан Гиль (в кожанке).

полуподвальную комнату под Детской половиной Большого дворца. Мне и в голову не приходило, что латышские стрелки могут не усмотреть за Каплан, надо было опасаться другого: как бы кто из часовых не всадил в нее пулю из своего карабина.

Прошел еще день-два, вновь вызвал меня Аванесов и предъявил постановление ВЧК:

-- Каплан — расстрелять, приговор привести в исполнение коменданту Кремля Малькову.

— Когда? — коротко спросил я Аванесова.

У Варлама Александровича, всегда такого доброго, отзывчивого, не дрогнул на лице ни один мускул.

— Сегодня. Немедленно.

— Есть!

Да, подумалось в тот момент, красный террор не пустые слова, не только угроза. Врагам революции пощады не будет! Круто повернувшись, я вышел от Аванесова и отправился к себе в комендатуру. Вызвав несколько человек латышей-коммунистов, которых лично хорошо знал, я обстоятельно проинструктировал их, и мы отправились за Каплан. По моему приказу часовой вывел Каплан из помещения, в котором она находилась, и мы приказали ей сесть в заранее подготовленную машину. Было 4 часа дня 3 сентября 1918 года. Возмездие свершилось. Приговор был исполнен. Исполнил его я, член партии большевиков, матрос Балтийского флота, комендант Московского Кремля Павел Дмитриевич Мальков,— собственноручно. И если бы история

следствия. Об этом пишет Людмила Бутузова в «Новых известиях», обращая внимание, что вследствие бессудности, и даже без доказательства вины

«участь Каплан была предрешена. 3 сентября ровно в 16:00, не дожидаясь окончания следствия, под шум работающих автомобильных моторов Каплан расстреляли в одном из кремлёвских дворов. Казнь произвёл лично комендант Кремля Павел Мальков. Затем тело террористки затолкали в бочку с соляркой и сожгли. Место захоронения неизвестно до сих пор. Мальков в своих воспоминаниях отмечает, что вся операция проводилась в режиме чрезвычайной секретности, но «если бы история повторилась, если бы вновь перед дулом моего пистолета оказалась тварь, поднявшая руку на Ильича, моя рука не дрогнула бы, спуская курок, как не дрогнула она тогда», – писал бывший комендант Кремля.»

Целью же обращения адвокатов был выяснение скорее процедурного вопроса: «Может ли Генпрокуратура РФ опротестовывать приговоры, свершившиеся по законам революции?» Ответ Генпрокуратуры был краток, и утверждал, что действия Каплан «содержат признаки общественно опасного противоправного деяния и в настоящее время являются уголовно-наказуемыми. Эти умышленные действия нельзя оправдать». Ответ комментирует председатель Ассоциации адвокатов России Мария Баст:

- В нашем обращении речь шла не об оправдании Фанни Каплан, а об отсутствии суда в её деле, и соответственно, отсутствии доказанности вины. Однако Генпрокуратура посчитала, что действия большевиков по внесудебной расправе являлись законными, т.е. применение смертной казни без суда и следствия признано оправданным. Это является нарушением прав человека, так как право на суд гарантировано каждому и любое лицо считается невиновным, пока его вина не будет установлена судом. В данном случае прокуратура нарушила принцип презумпции невиновности, что является крайне опасной тенденцией. Подтвердив неправосудный приговор, надзорный орган недвусмысленно обозначил и неизменное отношение к политическим преследованиям – «моя рука не дрогнула бы». Дело Фанни Ефимовны Каплан – прецедентное, так как оно открыло череду дел, закончившихся массовыми расстрелами. Соответственно, именно дело и Каплан стало началом красного террора и расправы над оппозицией в России, установлению диктатуры в стране, политической монополии одной партии и узурпации власти.»²⁰¹

Исследователь Фельштинский рассматривает это покушение совсем в другом ракурсе, с точки зрения борьбы за власть:

"Покушение на Ленина, так называемое покушение Каплан, видимо, было связано с оппозицией Ленину внутри партии. Совершенно очевидно сегодня, что не Каплан стреляла в Ленина. Есть серьёзные основания предполагать, что к этому покушению имел отношение Свердлов. По крайней мере, после покушения Свердлов себя очень странно вёл. Он забрал Каплан из тюрьмы ЧК и поместил её в личную тюрьму, находившуюся в Кремле под его кабинетом. Он отдал Малькову, подчиняющемуся Свердлову коменданту Кремля, приказ о расстреле Каплан, хотя Мальков по должности не имел права расстреливать

²⁰¹ <https://newizv.ru/news/2019-11-04/delo-fanni-kaplan-genprokuratura-sovremennoy-rossii-dopускаet-vnesudebnuyu-raspravu-292707>

Каплан, комендант Кремля не имел никакого отношения к таким делам. [...] Видимо из-за несоответствия обвинения и того факта, что Каплан была почти совсем слепая, что у неё, по всем свидетельским показаниям, в одной руке была сумочка, в другой зонтик, что пистолета, из которого она, якобы стреляла, не нашли, а Ленин, судя по всему, видел стрелявшего мужчину, потому что, судя по воспоминаниям, первые его слова после выстрела были: "Поймали ли его?" (а не её), а Каплан была одета в фетровую шляпку и, кажется, в белое платье. Все эти несоответствия, видимо, говорят о том, что Каплан тут была ни при чём. То есть поведение Свердлова было крайне подозрительно. Ленин считал, что его убивают. По воспоминаниям Бонч-Бруевича, Ленин крайне недоверчиво относился к врачам, которые его лечили. Он устраивал им перекрёстные допросы, как Свердлов пишет, "шутя", но, конечно же не шутя.

Ленин всерьёз устраивал им эти допросы. Ленин понимал, что его лишают власти, что его убивают".²⁰² ,

Плакат 18-го года.

Опасения Ленина в отношении Якова Свердлова совсем небеспочвенны - ведь мало кому известный до октября 17-го года Свердлов Яков, 33-х лет, с октября практически мгновенно становится вторым человеком в партии и в стране, и, вероятно, уже захотел стать первым. Там же Фельштинский пишет о необычности этого человека:

«Его недоверие к окружающим было столь серьёзно, что после его смерти

ключей от личного сейфа Свердлова найти не смогли. Несгораемый шкаф отправили на инвентарный склад коменданта Кремля П. Д. Малькова, где сейф простоял до 26 июля 1935 года, когда его, наконец, открыли. 27 июля нарком внутренних дел СССР Г. Ягода подал Сталину записку о содержании сейфа. В сейфе оказались: золотые монеты царской чеканки на сумму 108 525 рублей; золотые изделия, многие из которых с драгоценными камнями, -- 705 предметов; семь чистых бланков паспортов царского образца; кредитных царских билетов на 750 тысяч рублей. В сейфе, кроме того, были обнаружены заграничные паспорта, выписанные на следующие имена: Яков Михайлович Свердлов, (и ещё несколько паспортов на неизвестных нам лиц - ЮП). Редакция альманаха "Источник", где была опубликована фотокопия записки Ягоды, поместила документ в разделе "Исторические сенсации". Однако сенсация тут

²⁰² Юрий Фельштинский. «Вожди в законе».

была относительная. Сотрудники германского посольства в России сообщали по дипломатическим каналам, что в августе 1918 года, ещё до покушения на Ленина, в Москве сложилось "нечто вроде панических настроений". 1 августа 1918 г. из посольства сообщали в Берлин, что руководство Советской России переводит в швейцарские банки "значительные денежные средства"; 14 августа -- что оформляются заграничные паспорта, что "воздух Москвы... пропитан покушением как никогда"».

Куда же собирался товарищ Свердлов? Не туда же ли, куда срочно посылался тов. Дзержинский с неизвестной миссией чуть более полугода назад? Но всего через полгода молодой председатель ВЦИК внезапно умирает, как официально признано, от испанского гриппа, тогда ходившего в основном в Европе. У нас в моде «ходила» зараза попроще – брюшной тиф (от него умерла, например, комиссарка Лариса Рейснер, правда, только в 1926 году).

Но вернёмся в день покушения, когда крайне спешно, поздно вечером, видимо, даже ещё до допроса Каплан, ВЦИК принимает обращение за подписью Свердлова:

"Всем советам рабочих, крестьянских, и красноармейских депутатов, всем армиям, всем, всем, всем": "Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина. [...] Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, следы наймитов англичан и французов". ²⁰³

Вот оно что, видимо, и требовалось – как всегда эсеры и зловерный Запад (Странно, что не упомянуты левые эсеры. Или они в Москве уже вычищены? А кто такие наймиты?).

Что ж, незадолго до этого, как раз 13 июня принимается декрет о восстановлении смертной казни, т.е. она могла применяться по приговорам революционных трибуналов, и через неделю первым приговорённым к расстрелу революционным трибуналом (под председательством Троцкого) стал адмирал Алексей Щастный, о котором мы уже говорили.

Заговор послов. Красный террор.

Уже давно ЧК отслеживает подрывную деятельность посланников бывших союзников-стран Антанты антибольшевистской направленности. И вот, размахивая этим постановлением ВЦИК, в ночь на 1 сентября чекисты арестовывают десятки участников заговора, в основном французов и англичан, в том числе и Роберта Локкарта, жившего и работавшего в Москве с 1912 года в качестве легального представителя разведки при английском консульстве. В советской историографии этот эпизод известен как «заговор послов», хотя никаких послов не было, поскольку не было

²⁰³ Я. М. Свердлов. Избранные произведения, т. 3, М., 1960, с. 5.

и дипломатических отношений у «союзников» с новой Россией). Но главный зачинщик заговора, неутомимый авантюрист Сидни Рейли (уроженец Одессы, между прочим, работающий на англичан, но более всего на самого себя) пока ускользает от наших органов.

Вместе с Локкартом на его квартире арестовывается мало кому известная русская гражданка Мария Закревская-Бенкендорф, вдова убитого мужиками своей деревни Ивана Бенкендорфа, бывшего второго секретаря российского посольства в Берлине.

И здесь, вероятно, уместно будет сказать о ней подробнее – о той, кто далее сыграет значительную роль в судьбе и Локкарта, и, как ни странно, «первого пролетарского писателя» Горького, и ещё страннее – в жизни Герберта Уэллса. И в судьбе очень важных для власти -архивов Горького после его смерти.

На момент их ареста Локкарт и Мура (как он её звал по-своему, Moura) состояли в близких отношениях, познакомившись в Петрограде в бывшем британском посольстве, где ещё находились некоторые служащие, впрочем не знающие, что их ждёт завтра. Туда она приходила от безысходности, в неясной надежде встретить знакомых по Лондону и по приёмам у её мужа в Берлине. И ей повезло, кое-кто её узнаёт, одинокие дипломаты ей рады, приглашают на ужины. Она стала вхожа в их круг. Но жила она у бывшего повара семьи Закревских просто из милости.

Молодой же Роберт Локкарт находился в России как специальный агент с поручением сделать всё возможное, чтобы Россия не вышла из войны вследствие готовящегося сепаратного мира с немцами (типа агент 007, но, конечно, эта миссия была заранее невыполнима). Близкие отношения с Мурой сложились у него почти сразу же после их знакомства (жена его находилась в Англии). И, когда Локкарт весной вместе с немногочисленным персоналом переезжает в Москву вслед за новым российским правительством, переезжает к нему и Мура. Дипломаты снимают большую квартиру в Хлебном переулке, это и называется английская «дипмиссия», или консульство.

И вот теперь арестованные дипломаты допрашиваются, запугиваются. Для участников заговора в эти жестокие времена всё может закончиться расстрелом, да ещё после стрельбы в Ленина! Тем более для дворянки Муры. Содержат их в разных помещениях, поэтому о судьбе друг друга они ничего не знают. Но ... вмешались обстоятельства, которые в данной обстановке совершенно не должны были бы сложиться.

Чуть отступая назад, надо сказать, что в последние месяцы, особенно летние, у Петерса (второго человека в ВЧК после Дзержинского) и Локкарта сложились какие-то доверительные отношения, которых вообще не должно сложится у людей такого уровня, ведь Локкарт -- представитель (без особых прав и даже дипломатического иммунитета) буржуазной страны, явно враждебной большевикам и находящейся практически в состоянии войны с ними, ведь английский десант в Архангельске явно не собирался пока уходить. Но как раз в революционные неразберихи и «бывают странные сближения» - Петерс, сын латышских крестьян -землевладельцев, явно проявил к нему если и не дружелюбие, то понимание, сочувствие – возможно, как хозяин и победитель в новой стране к побеждённому представителю старого мира, который тем более вот-вот покинет эту враждебную ему страну.

Кроме того, с 1910-го по 1917 годы он вынужденно жил в Лондоне, выучил язык, и даже успел жениться на дочери британского банкира Мэйзи Фримэн и родить дочь. То же семейное положение оказалось и у Локкарта, плюс знание языка Петерсом позволило тюремщику и заключённому даже иногда вести длительные беседы на разные

общечеловеческие темы (запомним это). Более того, его расположение к Локкарту перенеслось и на Муру, которая также прекрасно владела английским, проведя в детстве несколько лет на родине любовника. И случилось странная вещь – Петерс (в те сентябрьские дни – уже первое лицо ВЧК вместо отстранённого Дзержинского после восстания левых эсеров) освобождает Марию Закревскую-Бенкендорф, первую кандидатку на расстрел в качестве английской шпионки, замешанной в заговоре, да ещё говорят, графских кровей. Но не расстреляли, и, более того, он разрешает ей проживать там же, в Хлебном переулке, и посещать Локкарта в заточении (теперь он почему-то содержится в одном из кремлёвских корпусов) и даже носить ему передачи. Но «сады Кремля», судя по всему – опасная зона. Расстрел и сожжение Каплан только что, в сентябре, и Малиновского в скором ноябре, – тому подтверждение.

Но Локкарту необыкновенно везёт. С улучшением здоровья Ленина к концу сентября (после покушения) у советских руководителей также улучшается настроение, почти всех заговорщиков освобождают с непременным условием их немедленного отъезда из новой России.

Хотя именно Локкарту Петерсом делается странное предложение остаться в Советской Республике, поработать на новое государство рабочих и крестьян. Мягко и с благодарностью отклонив предложение, англичанин собирает нехитрые вещи и его специальным поездом вместе со своими малочисленными сотрудниками (и сотрудниками французской миссии) выпроваживают в Европу. Характерно, что Петерс в порыве доверенных отношений тайно передаёт Локкарту письмо в Лондон для своей жены. Об этом пишет сам англичанин в своей книге «Мемуары британского агента», причём в фильме «British agent» 1934 года по этой книге, где перевираются многие события 18-го года (например, большевики маршируют с факелами и т.д., ясно откуда такие аллюзии в 34-году), он и его Мюга счастливо уезжают вместе в одном купе.

На самом деле всё прозаичнее и драматичнее одновременно – Закревская-Бенкендорф остаётся в Москве совершенно одна. И такая интересная бескровная развязка наводит на мысль – не состоялась ли в этом сентябре вербовка Петерсом их обоих? Ведь встретились же буквально через пару недель в Швейцарии Дзержинский и Локкарт? А Мура не скрылась и не затерялась, и к зиме удачно устроилась в качестве секретаря и переводчицы самого Горького, получив от кого-то наводку к Чуковскому, а тот отвёл её на Кронверкскую улицу в Петрограде. (Заметим, что Горький был очень важен чекистам, хотя бы из-за его архивов, забытых письмами интересных «органам» людей). Но Мура и Локкарт ещё встретятся.

Другой же организатор заговора, авантюрист Сидней Рейли, на самом деле уроженец Херсонской губернии и ставший агентом британской разведки, ускользнул. Только в 1925 году он нелегально проникает на территорию СССР и арестовывается вместе с Савинковым в рамках чекистской заманухи – операции «Трест», проведенной под руководством Артура Артузова, начальника КРО ОГПУ СССР.)

Покушения на Ленина, Урицкого, заговор послов, столкновения с эсерами и убийство немецкого посла подталкивают большевиков к необходимости применения к своим противникам самых крайних, радикальных мер. И уже 3 сентября «Известия» публикуют слова Дзержинского:

«Пусть рабочий класс раздавит массовым террором гидру контрреволюции! Пусть враги рабочего класса знают, что каждый задержанный с оружием в руках будет расстрелян на месте, что каждый, кто осмелится на малейшую пропаганду против советской власти, будет немедленно арестован и заключён в концентрационный лагерь!»

Это значит – концлагеря уже узаконены и построены?

Самый популярный лозунг сентября 1918 г. Череп в центре доходчиво объясняет его прямой смысл для буржуазии и «ея прихвостням».

А через день, 5 сентября, Совет Народных Комиссаров издаёт Постановление о «красном терроре», где, в частности, говорится:

«...обеспечение тыла путём террора является прямой необходимостью; ...что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры».

В порыве мести за Ильича в Петрограде расстреливают более 500 бывших чиновников, включая бывших министров, профессоров, интеллигенцию. Вождь анархистов князь Петр Кропоткин вспоминал о своем разговоре с Лениным в 1918 году:

«Я понял, что убедить этого человека в чём бы то ни было совершенно напрасно! Я упрекал его, что он за покушение на него допустил убить две с половиной тысячи невинных людей. Но оказалось, что это не произвело на него никакого впечатления...»²⁰⁴.

Известный чекист Мартин Лацис очень доходчиво определил принцип красного террора:

*«Мы уже не боремся против отдельных личностей, мы уничтожаем **буржуазию** как класс. ... Это должны учесть все сотрудники Чрезвычайных комиссий и все Советские работники, из которых многие взяли на себя роль плакальчиков и ходатаев. Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к*

²⁰⁴ Леонид Млечин. «Ленин. Соблазнение России».

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

КРАСНЫЙ ТЕРРОР

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С
КОНТР-РЕВОЛЮЦИЕЙ НА ЧЕХО-СЛОВАЦКОМ ФРОНТЕ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ЭКСПЕДИЦИИ: КАЗАНЬ, УЛИЦА ГОГОЛЯ 28. ТЕЛ. 3-60 и 11-93.

№ 1-й.

1 ноября 1918 г.

№ 1-й.

Постановление Совета Народных Комиссаров о Чрезвычайной по борьбе с к-рев. на чехо-сло- вацком -восточном фронте

Для успешной борьбы с нарастающей контр-революцией на Восточном внутреннем фронте в связи с чехо-словацким выступлением Совет Народных Комиссаров поручает тов. Лацису организовать при Совете Народных Комиссаров чрезвычайную Комиссию по борьбе с контр-революцией на чехо-словацком фронте.

Все Комиссии по борьбе с контр-революцией и саботажем при совете фронтовой полосы подчиняются ей.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин).
Секретарь Совета Горбунов

1 ноября 1918 г.
Казань. Кресты.

район действий чрезвычай. Комиссии на чехо-словацком фронте.

В район действий Чрезв. Комиссии по борьбе с контр-революцией на чехо-словацком фронте входят губернии: Пермская, Вятская, Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Астраханская, Уфимская, Оренбургская и Арзамасский уезд Нижегородской губернии.

Красный террор.

Пролетариат и международный капитал сцепились в мертвой схватке.

Одному из них погибнуть. Другого выхода нет.

Пролетариат поднялся, чтобы навсегда стряхнуть иго капитала, чтобы уничтожить классовое общество и с ним буржуазию.

Это смертный вызов.

Буржуазия, в первую минуту оглушенная неожиданным ударом Октябрьской революции, отрезвела и ополчилась дать смертельный удар восходящему классу—пролетариату. Она все бросила на карту: своих лучших сынов: — интеллигенцию, офицерство, своих вернейших лакеев—попов и охранников, свои капиталы, свое имущество — только бы победить.

Для этого все средства хороши: и подкуп и провокация и убийство из за угла и массовое истребление рабочих и крестьян, не щадя детей и стариков.

Они развили белый террор против нас.

А мы великодушничали, мы искали всяких улик против отдельных личностей из буржуазии, когда виноват весь класс, вся буржуазия.

Мы думали склонить на свою сторону своим благосклонным и гуман-

какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия.

Вот эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть Красного террора.»²⁰⁵

Короче, граждане, ваше высшее образование — отягчающее обстоятельство!

Должность доцента или профессора - отягчающее обстоятельство!

И профессор Преображенский недаром беспокоится о судьбе своего ассистента:

« ... -- Нам ведь с вами на «принимая во внимание происхождение» — отъехать не придётся, невзирая на нашу первую судимость. Ведь у нас нет подходящего происхождения, мой дорогой?

Листовка 1918 году.

— Какой там чёрт! Отец был судебным следователем в Вильно, - горестно ответил Борменталь, допивая коньяк.»

Ну, теперь Борменталью, сыну полицейского следователя, точно не выжить!

²⁰⁵ Лацис М.И. Красный террор: еженедельник Чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией на чехо-словацком фронте. 01.11.1918. № 1. Казань.

Красный террор.

Всем советам циркулярная телеграмма.

„Убийство тов. Володарского, тов. Урицкого и покушение на тов. Ленина, массовый расстрел товарищей на Украине, в Финляндии и у чехо-словаков, открытые заговоры белогвардейцев, в которых открыто участвуют правые с.-р., белогвардейцы и буржуазия, и в то же время отсутствие серьезных репрессий по отношению к ним со стороны советов показало, что применение массового террора по отношению к буржуазии является пока словами. Надо покончить, наконец, с расхлябанностью и разгильдяйством.

Надо всему этому положить конец.

Предписывается всем советам немедленно провозвести арест правых с.-р., представителей крупной буржуазии,

офицерства и держать их в качестве заложников. При попытке скрыться или при попытке поднять движение, немедленно применять массовый расстрел безоговорочно.

Местным губисполкомам и управлениям принять меры к выяснению всех лиц, которые живут под чужой фамилией с целью скрыться.

Нам необходимо немедленно, раз навсегда, обезопасить наш тыл от всякой белогвардейской сволочи и так называемых правых с.-р. Ни малейшего послабления при применении массового террора.

Народный комиссар внутренних дел
Петровский.

ВЛКСМ

Видимо не случайно именно в это время, в октябре 18-го года, когда раздувалось вовсю пламя Гражданской войны, и наверняка по инициативе неутомимого товарища Троцкого, в Москве собираются около двухсот совсем молодых людей чтобы основать организацию молодёжи, для идейной и практической поддержки решений партии большевиков – Коммунистический Союз Молодёжи, комсомол. В первые лет двадцать секретарями ЦК комсомола избираются Ефим Цетлин, Оскар Рывкин, Римма Юровская (дочь Якова Юровского, цареубийцы), Лазарь Шацкий, Оскар Тарханов, Николай Чаплин, Пётр Смородинов, Александр Косарев, Александр Мильчаков. Ни об одном из них мы, комсомольцы 60-х - 70-х, ничего не знали.

А на III съезде Шацкий даже приглашает Ленина выступить с конкретизацией задач комсомольцев, и он не отказывает, и его доклад «Задачи союзов молодежи» будет впоследствии обязателен для изучения всеми последующими поколениями комсомола вплоть до распада СССР. В частности, его фраза, сказанная в зал делегатов «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» - становится одним из лозунгов молодёжного движения. И далее он говорит о классовой нравственности:

«В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность? В том смысле, в каком проповедовала её буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы. Или вместо того, чтобы выводить эту мораль из велений нравственности, из велений бога, они выводили её из идеалистических или полуйдеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога.

Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата.

Старое общество было основано на угнетении помещиками и капиталистами всех рабочих и крестьян. Нам нужно было это разрушить, надо было их скинуть, но для этого надо создать объединение. Боженька такого объединения не создаст. Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.... Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрёт. А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество.».

Одно из первых обещаний коммунизма народу. Вместе с комсомолом создаётся и детская большевистская организация пионеров – тоже помощников партии. Впрочем, и само название – пионеры, и их атрибутика – горны, барабаны, полувоенная форма, костры, дух первопроходцев, походы, галстуки (только сейчас обязательно красные, как знамя) – взято из практики «безыдейных» скаутских организаций, в том числе и российских, распущенных, конечно, новыми властями.

Сами же комсомольцы стали носить со временем в форме флажка нагрудный значок с тремя буквами по центру – КИМ (Коммунистический Интернационал молодёжи). Эта организация создаётся в 1919 году в Берлине как секция Коминтерна из левых европейских молодёжных организаций и умирает вместе с Коминтерном в 1943 году. И значок комсомольцев меняется – появляется надпись ВЛКСМ.

Это к ним, строителям нового общества, обращается такой же страстный комсомолец и партиец, бывший боец-будённовец, красный конармеец Николай Островский, ставший от боевых ранений инвалидом и при этом написавший книгу-автобиографию «Как закалялась сталь», и сам проживший свою короткую жизнь (32 года) именно так, как и завещает своим читателям-единомышленникам:

«... Самое дорогое у человека — это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать её».

Автор оказался прав – именно «трагическая случайность» случается с этими самими комсомольскими вожаками, и жизни всех упомянутых выше лидеров-организаторов вдруг «прерываются», т.к. оказалось, что все эти 20 лет служения они были врагами народа. И в 1937-1939 годах они будут обвинены в принадлежности к контрреволюционной террористической организации и приговорены своими старшими

соратниками к расстрелу (кроме Юровской, которая будет арестована и отсидит 8 лет в КарагандаЛАГе и Мильчакова, который проведёт в ГУЛАГе 16 лет и сумеет выжить). Что же это за массовая «трагическая случайность»? – этот болезненный вопрос мы оставим на потом. Мы и так слишком забежали вперёд.

Но эти справедливые слова Островского годятся на все времена и для каждого из нас. И мы этот отрывок учили наизусть на уроках литературы. Но вот беда – «освобождение» человечества каждый из нас понимает по-своему в меру степени своего развития, своего узкого или наоборот слишком широкого понимания чужой свободы – и немецкие нацисты «освобождают» Австрию от австрийцев, мы «освобождаем» чехословаков в 68-м от их самостоятельности в понимании этой самой свободы; Маргарита Павловна «освобождала» бывшего мужа от такой же свободы даже в выборе новой невесты – она, видите ли, хочет считать себя живущей «для совести» в её понимании. И её совесть – это закон для неё, ну и для остальных близких ей людей, конечно, должен быть законом тоже.

Так за что же расстреляны самые первые комсомольцы (пока речь только о них)? За идейный порыв? За свехнаивность? За тайные страшные преступления?

Ответа, удовлетворяющего всех, нет до сих пор. Мы понимаем только, что рискованное это дело – играть с большевиками в их игры и их картами. Их первое правило – «свидетелей не оставлять».

Во всяком случае у Троцкого в книге «Сталин» можно найти характеристику одного из них, Косарева, в таких словах:

«Достаточно указать на то, что во главе комсомола, в течение ряда лет стоял Косарев, который был признан морально-разложившимся субъектом, злоупотреблявший в личных целях своим высоким положением. Весь его аппарат состоял из людей того же типа. Это и есть „золотая молодёжь“ русского термидора».

Но о «термидоре» в работах Троцкого поговорим позже. И во всяком случае его суждения конкретно о Косареве ничего не объясняют. Учтём только пока, что писал он это в вынужденной эмиграции, выгнанный из страны своими бывшими соратниками, обиженный, но не расстрелянный.

Блок. 12.

Но вот и первая зима новой страны после первой осени. Революция шагает по стране, железным кулаком руша отжившие устои общества. А что же наша вековая культура? Как ни странно, она никого не может спасти, ни даже самоё себя. Зачем тогда культура? – вопрос ко всем мировым культурам.

(Вот немецкий солдат, шедший в нашу страну убивать славянских унтерменшен, славился привычкой культурного человека носить в своём ранце зубную щётку и порошок, и в походах по утрам регулярно освежал своё дыхание и предотвращал кариес. Чем помогла эта привычка человечеству? Тем, кто убит этим солдатом, скорее всего – ничем, разве только тем, что этот храбрый солдат проживёт дольше и убьёт больше.)

Но мы отвлеклись. Ещё в январе 1918 года Александр Блок, свидетель наступающего хаоса, может быть самым первым поэтом быстро, на одном дыхании отозвался на трагизм происходящего. И, как настоящий поэт, очень своеобразно. Может сам того не сознавая, он прошёлся китчевой эпитафией старому миру поэмой «Двенадцать» и возвестил приход нового мира, но какого – он и сам не знал, но знал, что впереди его – лжеХристос:

*... Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!
Товарищ, винтовку держи, не трусь
Пальнём-ка пулю в Святую Русь —*

*В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!
Эх, эх, без креста!*

....

*Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи благослови!*

...

*И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...*

К концу поэмы чувствуется, что она написана сходу, в каком-то порыве, стихийно. Действительно, спустя два года Блок в записке о «Двенадцати» признаётся: «... в январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914.»

О чём же ведаёт нам поэт? Сюжета практически нет -весёлые вчерашние пацаны с винтовками идут наводить новые порядки в бывшей империи, громко ведут свои пацанские разборки. Им всё можно. Ведь они теперь хозяева. А старый мир бесправен и жмётся ближе к стенкам и заборам.

Конечно, поэма у нас считалась революционной и была обязательной в школьной программе. И, безусловно, она подавалась как панегирик поэта наступающей

Советской власти и похороны старого мира. Помню смущение нашей замечательной учительницы литературы, читавшей в классе нам строки из поэмы, которая так и не могла дать какой-то внятный комментарий – причём же здесь идущий впереди них Христос «в белом венчике из роз» (кто это вообще, мы такого в школе не проходили?).

В поэме эти 12 человек с винтовками идут, видимо, патрулировать улицы Петрограда. Отчего же веселы и нахраписты эти люди, красногвардейцы? – застрелили мимоходом уличную девку, готовятся грабить этажи в домах буржуев, погребя, держат на прицеле свою Родину – Русь, хотя уже и уродливую, и прогнившую.

Мимоходом они ведут между собой пацанские разборки – Петруха, Андрюха, Ванька, Манька, Катька, кто это вообще? Это нам, школьникам, было надо? (Сразу отметим здесь, что выбор мужских имён у Блока не случаен – Пётр, Андрей, Иоанн среди апостолов Христа выделялись Его вниманием, именно их он просил бодрствовать с ним при последнем молении в Гефсиманском саду и именно они сопровождали Христа на гору Фавор, чтобы видеть его Преображение, т.е. его фавориты.) Говорят, что наивный мистик Блок принял революцию всем сердцем, услышал в ней чудную музыку, ритмику, ещё чего-то, что и позволило ему поэтизировать заснеженные питерские улицы в ритме этих коротких рубленых строф. Трудно и сейчас поверить, что это написал рафинированный интеллигент. Где он взял эту уголовно-блатную манеру такой же язык? Кроме как надломом психики интеллигента невозможно объяснить эти горькие строки о двенадцати.

Но что же должно твориться в наших бедных мозгах девятиклассников, читающих про простреленные головы, собрания уличных девок на предмет сколько брать с клиентов, шрамы от ножей, «падаль на снегу», «с физиономией дурацкой». Конечно, снег, ветер, флаг - это красиво. Но при чем же здесь, действительно, впереди идущий Иисус (именно такое написание) Христос в розах и «с кровавым флагом»? И позади пёс паршивый! Вот эта картинка!

Блок в сапогах на службе новой власти ...

А поэту весело, как и весёлым матросам. Он весь во вьюжной стихии! Как будто случившееся в стране – это и должно случиться, это закономерный результат всей предшествующей русской жизни. Говорят, что даже когда соседи-крестьяне спалили его

любимое Шахматово - это не сильно удручил поэта, по крайней мере он не любил говорить об этом.

И его современники сразу же разделились в оценках поэмы. Мнений о поэме сразу появилось множество. Так что это -- или всё-таки серьёзный психический надлом поэта, либо крайнее саркастическое поэтическое издевательство над происходящим, что он видел сам и что не умещалось в его сознании. Таковую ли *музыку революции* он ждал услышать (по его же собственному выражению)? Поэму резко не принимают Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский, Николай Гумилёв и Иван Бунин, Вяч. Иванов и другие. Среди встретивших "Двенадцать" вообще в штывы оказались его друг Владимир Пяст и Анна Ахматова, Фёдор Сологуб. Наоборот, ожидаемо восторженно относятся к поэме Андрей Белый, Всеволод Мейерхольд, Сергей Есенин, Анатолий Луначарский и другие.

Интересную подборку реакций того времени приводит **Сергей Фрейдлин**²⁰⁶. Так, он приводит Бунина из «Воспоминаний»:

«Увлекись Катькой, Блок совсем забыл свой первоначальный замысел “пальнуть в Святую Русь” и “пальнул” в Катьку, так что история с ней, с Ванькой, с лихачами оказалась главным содержанием “Двенадцати”. Блок опомнился только под конец своей “поэмы” и, чтобы поправиться, понёс что попало: тут опять “державный шаг” и какой-то голодный пёс - опять пёс! - и патологическое кощунство: какой-то сладкий Иисусик, пляшущий (с кровавым флагом, а вместе с тем в белом венчике из роз) впереди этих скотов, грабителей и убийц. Блок кричит: “Слушайте, слушайте музыку революции!” и сочиняет “Двенадцать”, он берет зимний вечер в Петербурге, теперь особенно страшном, где люди гибнут от холода, от голода, где нельзя выйти даже днем на улицу из боязни быть ограбленным и раздетым догола, и говорит: вот смотрите, что творится там сейчас пьяной, буйной солдатнёй, но ведь в конце концов все её деяния святы разгульным разрушением прежней России и что впереди нея идет Сам Христос, что это Его апостолы. Ведь вот до сих пор спорим: впрямь его ярыги, убившие уличную девицу, суть апостолы или всё-таки не совсем?»

Интересно пытается рассуждать Михаил Пришвин:

“Наконец я понял, почему в “Двенадцати” впереди идет Христос, это он, только Блок, имел право так сказать: это он сам, Блок, принимал на себя весь грех дела и тем, сливаясь с Христом, мог послать Его впереди убийц: это есть Голгофа - стать впереди и принять их грех на себя. Только верно ли, что это Христос, а не сам Блок, в вихре чувств закруженный, взлетевший до Бога?”

<https://www.proza.ru/2017/01/12/1352>

Позже Пришвин по-новому раскрывает для себя смысл шествия «Двенадцати»:

«Боже мой! Я, кажется, только сейчас подхожу к тому, что сказал Блок в «Двенадцати». Фигура в белом венчике есть последняя и крайняя попытка

²⁰⁶ Сергей Фрейдлин. «Тайна поэмы А. Блока Двенадцать»,
<https://www.proza.ru/2017/01/12/1352>

отстоять мировую культуру нашей революции. Как же я тогда этого не понимал. Как медленно душа моя опознает современность...»²⁰⁷.

Интересно, что в печатных изданиях поэмы последняя строчка представлена как «Впереди - Иисус Христос». Т.е. умышленное (а Блок не мог просто ошибиться) искажение привычного православного написания имени – Иисус, или по старой орфографии – Иисусь. Но в собрании сочинений Блока 1980 года издания «Художественная литература» приведено факсимиле черновой рукописной последней страницы поэмы, и там видно, что слово «Иисусь» зачеркнуто, и в следующей самой последней строке написано «Иисусь» и «идеть», и получилось : «Иисусь идетъ Христосъ», т.е. нет искажения, как в печатных изданиях. В чём же дело?

Священник, философ Павел Флоренский, основываясь на богословско-литургическом анализе категоричен:

«Поэма “Двенадцать” - предел и завершение блоковского демонизма. Пародийный характер поэмы непосредственно очевиден: тут борьба с Церковью символизируется числом 12. Двенадцать красноармейцев, предводителем которых становится “Иисус Христос”, пародируют апостолов даже именами: Ванька - “ученик, его же любяше”, Андрюха — Первозванного и Петруха — Первоверховного. Поставлены под знак отрицания священник (“а вон и долгополый”) и иконостас (“от чего тебя упас золотой иконостас”), то есть тот и то, без кого и чего не может быть совершена литургия».

Флоренский считает, что Блок свернул на путь подмены “идеала мадонны” идеалом “содомским”. Он обратил внимание на изменения в имени Иисус - у Блока он "Иисус". Отряд возглавляет антихрист, который также всемогущ, неуязвим "и за выюгой невидим". Поэтому в конце поэмы не образ Христа, а образ Антихриста. Доказательство - пурга, разгул стихии в поэме.

Действительно, выюга у Блока – всегда символ морока, обмана, может быть, сладкого или ледяного, чего-то ненастоящего, гиблого. Ведь ранее он пишет, например, в «Снежной маске»:

*« ... Нет исхода из выюг,
И погибнуть мне весело.
Завела в очарованный круг,
Серебром своих выюг занавесила...».*

Выюга в его поэзии – гибельная метафора.

Теперь представьте, что этот труднейший по смыслу текст поэма преподаётся нам балбесам восьмиклассникам ... Какая каша возникала у нас, комсомольцев, в голове. Это вообще о чём? Кто эти Катьки, Маньки? Бедные наши преподаватели! Они пытались выцеживать из неё только революционный пафос - метель, выюга, красный флаг – романтично! красиво! Побитые попы и буржуи ... А когда доходили до «... в белом венчике из роз \ впереди Иисус Христос» сильно смущались и не знали, что сказать.

²⁰⁷ (Дневник Пришвина от 16 марта 1951 г. http://old.old.imli.ru/litnasledstvo/Tom%2092-4/LN92-4_14_Реформатска.pdf).

Белые розы – тоже здесь знак профанации и подмены, это ложные обещания процветания, братства, чистоты предлагаемых идеалов ...Но по Евангелию перед распятием римские солдаты издевательски короновали Христа венком из терновых ветвей в шипах, от чего венок стал кровавым. Так что скорее это памфлет, горькая пародия-предчувствие на то, что принесут большевики людям на самом деле, но под давнишним лозунгом французских социалистов «свобода, равенство, братство». Они несут подмены и подделки настоящих ценностей – подмену Христа и его заповедей, вместо тернового венка в искупительной крови – белый венчик невинной невесты. Вместо имён ближайших ко Христу апостолов Иоанна, Андрея, Петра – мы читаем блатные клички Андрюха, Ванька, Петруха.

И в дальнейшем - преданность своей Родине большевики подменили преданностью «партии», законную защиту граждан от грабежей подменяют страхом перед самой властью, христианскую любовь к людям – демоническим, истерическим обожанием вождей, гражданские свободы - лагерем (Даже не имеющие уже обеспечение советские деньги заменили к концу жизни страны карточками и талонами в городах, а в деревнях поначалу – «палочками» трудодней. Ну это уж меня понесло!)

Много позже я прочитал его статью «Интеллигенция и революция», которую он пишет в том же январе, в которой он пеняет нашей интеллигенции, занятой собственными рефлексиями, за её фактическое вековое равнодушие к простому народу, к его бедственному и необразованному положению. В самом конце он призывает:

«...К чему загораживать душевностью пути к духовности? Прекрасное и без того трудно. А дух есть музыка. Демон некогда повелел Сократу слушаться духа музыки. Всем телом, всем сердцем, всем сознанием - слушайте Революцию. 9 января 1918».

Но уже через год Блок устаёт от этой музыки, происходит ещё один надлом. Писатель и культуролог Соломон Волков упоминает об этом моменте:

«... художнику Анненкову, автору кубистических иллюстраций к первому изданию поэмы «Двенадцать», он жаловался: «Я задыхаюсь, задыхаюсь, задыхаюсь! Мы задыхаемся, мы задохнёмся все. Мировая революция превращается в мировую грудную жабу!»²⁰⁸

Но зато не задыхается (пока) товарищ Маяковский (забежим немного вперед – в декабрь этого же 18-го года), наоборот, он в своей стихии, полон в этом году сил, энергии и вдохновляет революционных матросов, сочиняя революционный марш, где главный персонаж - товарищ маузер (т.е. всё решает в конце концов пуля; но в красноармейцы он всё-таки не записывается). Маяковский создаёт наскоро в декабре 1918 г. поэму «Левый марш» и впервые читает его в Матросском театре бывшего Гвардейского экипажа революционным морякам:

«... Тише, ораторы!

Ваше слово, товарищ маузер.

Довольно жить законом, данным Адамом и Евой.

²⁰⁸ Соломон Волков. «История культуры Санкт-Петербурга».

Клячу истории загоним.

Левой!

Левой!

Левой!».

Конечно, его принимают на «ура». Ведь как просто стало: история страны – это «Кляча», дискуссии умов – уже ни к чему, теперь всё решает товарищ маузер, т.е. насилие. (Что-то вспомнился полковник Кольт, уравнивший своим изобретением всех людей в противовес Богу, который создал всех людей разными).

А вот, кстати, простая и категоричная «советская» оценка всего Блока: «... Фадеев, вечный генсек Союза советских писателей, в конце 1940-х годов скажет с трибуны: «Если бы Блок не написал “Двенадцать”, мы бы его вычеркнули из истории советской литературы»²⁰⁹.».

Да, не наш человек Блок! Что ж, по крайней мере откровенно! И честно! И свою честность Александр Фадеев через несколько лет доказал, застрелившись.

Бунин. Окаянные дни

А дальше мы послушаем ту же музыку Революции теперь уже совсем с другого фланга, уже вместе с Буниным, который тоже услышал и увидел её сам в Москве в 1918 году и Одессе в 1919 году, и передал нам свои впечатления в записках «Окаянные дни» (которые, кстати, ему приходилось прятать по разным щелям домов, где он жил, чтобы самому не попасть под раздачу революционеров). Далее я приведу лишь характернейшие отрывки:

«... кругом нечто поразительное: почти все почему-то необыкновенно веселы, – кого ни встретишь на улице, просто сияние от лица исходит:

– Да полно вам, батенька! Через две-три недели самому же совестно будет...

Бодро, с весёлой нежностью (от сожаления ко мне, глупому) тиснет руку и бежит дальше.

... Маяковский, державшийся, в общем, довольно пристойно, хотя всё время с какой-то хамской независимостью, щеголявший стоеросовой прямоотой суждений, был в мягкой рубахе без галстука и почему-то с поднятым воротником пиджака, как ходят плохо бритые личности, живущие в скверных номерах, по утрам в нужник.

... Блок открыто присоединился к большевикам. Напечатал статью, которой восхищается Коган (П. С.). Я ещё не читал, но предположительно рассказал её содержание Эренбургу – и, оказалось, очень верно. Песенка-то вообще не хитрая, а Блок человек глупый.

²⁰⁹ Вячеслав Недошивин. «Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург».

... С сегодняшнего дня даже для самого наивного простеца становится ясно, что не только о каком-нибудь мужестве и революционном достоинстве, но даже о самой элементарной честности применительно к политике народных комиссаров говорить не приходится. Перед нами компания авантюристов, которые ради собственных интересов, ради промедления ещё на несколько недель агонии своего гибнущего самодержавия, готовы на самое постыдное предательство интересов родины и революции, интересов российского пролетариата, именем которого они бесчинствуют на вакантном троне Романовых.

... На стенах домов кем-то расклеены афиши, уличающие Троцкого и Ленина в связи с немцами, в том, что они немцами подкуплены. Спрашиваю Клестова:

– Ну, а сколько же именно эти мерзавцы получили?

– Не беспокойтесь, – ответил он с мутной усмешкой, – порядочно...». (Здесь возможна неточность – на сколько известно, Троцкий не имел дел с немцами до революции.)

Бунин приводит слова критика Когана о Блоке:

«... он сейчас в Москве, страстный большевик, личный секретарь Луначарского. (Коган здесь язвит. На самом деле Блок работал в некоторых комиссиях Наркомпроса, в частности председателем Репертуарной секции и редактором сборника «Репертуар», состоял в Комиссии по изданию классиков Наркомпроса, главой которого был Луначарский.-ЮП).

Жена Когана с умилением:

– Но не судите его строго! Ведь он совсем, совсем ребёнок!»

«... Опять какая-то манифестация, знамёна, плакаты, музыка – и кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток:

– Вставай, подымайся, рабочий народ!

Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские.

Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: «Cave furem». На эти лица ничего не надо ставить, и без всякого клейма всё видно.

... А в мае, в июне по улице было страшно пройти, каждую ночь то там, то здесь красное зарево пожара на чёрном горизонте. У нас зажгли однажды на рассвете гумно и, сбежавшись всей деревней, орал, что это мы сами зажгли, чтобы сжечь деревню. А в полдень в тот же день запылал скотный двор соседа, и опять сбежались со всего села, и хотели меня бросить в огонь, крича, что это я поджег, и меня спасло только бешенство, с которым я кинулся на орущую толпу.

В вечерней газете – о взятии немцами Харькова. Газетчик, продававший мне газету, сказал:

– Слава Тебе Господи. Лучшие черти, чем Ленин.»

Приводит слова литератора Тихонова²¹⁰: « ... Большевики до сих пор изумлены, что им удалось захватить власть и что они все ещё держатся:

²¹⁰ Издатель «Новой жизни».

– Луначарский после переворота недели две бегал с вытаращенными глазами: да нет, вы только подумайте, ведь мы только демонстрацию хотели произвести, и вдруг такой неожиданный успех.

...Ленин и Троцкий решили держать Россию в накалении и не прекращать террора и гражданской войны до момента выступления на сцену европейского пролетариата. Их принадлежность к немецкому штабу? Нет, это вздор, они фанатики, верят в мировой пожар. И всего боятся как огня, везде им снятся заговоры. До сих пор трепещут и за свою власть, и за свою жизнь. Они, повторяю, никак не ожидали своей победы в октябре. После того, как пала Москва, страшно растерялись, прибежали к нам в «Новую Жизнь», умоляли быть министрами, предлагали портфели...»

Об уличной жизни Москвы:

«...И Азия, Азия – солдаты, мальчишки, торг пряниками, халвой, маковыми плитками, папиросами. Восточный крик, говор – и какие все мерзкие даже и по цвету лица, жёлтые и мышиные волосы! У солдат и рабочих, то и дело грохочущих на грузовиках, морды торжествующие.»

Уже из Одессы:

«... Мертвый, пустой порт, мертвый, загаженный город... Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...»

... Мерзавец солдат прекрасно понял, что он может сделать со мной всё, что угодно, совершенно безнаказанно, – толпа, окружавшая нас, и газетчик сразу же оказались на его стороне: «В самом деле, товарищ, вы что же это брезгуете народной газетой в интересах трудящихся масс? Вы, значит, контрреволюционер?»

– Как они одинаковы, все эти революции! Во время французской революции тоже сразу была создана целая бездна новых административных учреждений, хлынул целый потоп декретов, циркуляров, число комиссаров, непременно почему-то комиссаров, – и вообще всяческих властей стало несметно, комитеты, союзы, партии росли как грибы, и все «пожирали друг друга», образовался совсем новый, особый язык, «сплошь состоящий из высокопарнейших восклицаний вперемешку с самой площадной бранью по адресу грязных остатков издыхающей тирании... Всё это повторяется потому прежде всего, что одна из самых отличительных черт революций – бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна.

... Против наших окон стоит босяк с винтовкой на верёвке через плечо – «красный милиционер». И вся улица трепещет его так, как не трепетала бы прежде при виде тысячи самых свирепых городских. Вообще, что же это такое случилось? Пришло человек шестьсот каких-то «григорьевцев»²¹¹, кривоногих мальчишек во главе с кучкой каторжников и жуликов, кои и взяли в полон миллионный, богатейший город! Все помертвели от страха, прижухнулись. Где, например, все те, которые так громили месяц тому назад добровольцев?

²¹¹ Никифор Григорьев – украинский эсер, затем один из красных командиров. Бригада Григорьева в апреле заняла Одессу, оставленную перед тем французо-греческими войсками.

... Тяжесть на душе несказанная. Толпа, наполняющая теперь улицы, невыносима физически, я устал от этой скотской толпы до изнеможения.

... «Блок слышит Россию и революцию, как ветер...». О, словоблуды! Реки крови, море слез, а им всё нипочем.

... «Честь безумцу, который навевает человечеству сон золотой²¹²...» Как любил рычать это Горький! А и сон-то весь только в том, чтобы проломить голову фабриканту, вывернуть его карманы и стать стервой ещё худшей, чем этот фабрикант.

... Весь день праздно стоящий с подсолнухами в кулаке, весь день механически жрущий эти подсолнухи дезертир. Шинель внакидку, картуз на затылок. Широкий, коротконогий. Спокойно-нахален, жрет и от времени до времени задает вопросы, – не говорит, а все только спрашивает, и ни единому ответу не верит, во всем подозревает брехню. И физически больно от отвержения к нему, к его толстым ляжкам в толстом зимнем хаки, к телячьим ресницам, к молоку от нажёванных подсолнухов на молодых, животнов-первобытных губах.

... Тон газет всё тот же, – высокопарно-площадной жаргон, – все те же угрозы, остервенелое хвастовство, и всё так плоско, лживо так явно, что не веришь ни единому слову и живёшь в полной отрезанности от мира, как на каком-то Чертовом острове.»

(Как тут не вспомнить булгаковского профессора Преображенского, призывающего Борменталья: «Да-с. Если вы заботитесь о своём пищеварении, мой добрый совет – не говорите за обедом о большевизме и о медицине. И – боже вас сохрани – не читайте до обеда советских газет.

– Гм... Да ведь других нет.

– Вот никаких и не читайте. ... Пациенты, не читающие газет, чувствуют себя превосходно. Те же, которых я специально заставлял читать «Правду», – теряли в весе!»)

О настроении одесситов в адрес большевиков:

«... Какая у всех свирепая жажда их гибели! Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им. Если б в город ворвался хоть сам дьявол и буквально по горло ходил в их крови, половина Одессы рыдала бы от восторга.»

«...В этом мире, в их мире, в мире поголовного хама и зверя, мне ничего не нужно.

... Да и делали мы тоже только кое-что, что придётся, иногда очень горячо и очень талантливо, а всё-таки по большей части как Бог на душу положит – один Петербург подтягивал. Длительным будничным трудом мы брезговали, белоручки были, в сущности, страшные. А отсюда, между прочим, и идеализм наш, в сущности, очень барский, наша вечная оппозиционность, критика всего и всех: критиковать-то ведь гораздо легче, чем работать. И вот:

– Ах, я задыхаюсь среди этой Николаевщины, не могу быть чиновником, сидеть рядом с Акакием Акакиевичем – карету мне, карету! Отсюда Герцены, Чацкие.

... настоящей восприимчивости всё-таки не хватает. В этом и весь адский секрет большевиков – убить восприимчивость.»

²¹² Слова из стихотворения Беранже «Безумцы», которые цитируются в пьесе Горького «На дне».

О толпе на улице:

«... На этих лицах прежде всего нет обыденности, простоты. Все они почти сплошь резко отталкивающие, пугающие злой тупостью, каким-то угрюмо-холуйским вызовом всему и всем.»

О пришедшем в Россию несчастье:

«... в тысячелетнем и огромном доме нашем случилась великая смерть, и дом был теперь растворен, раскрыт настежь и полон несметной праздной толпой, для которой уже не стало ничего святого и запретного ни в каком из его покоев. И среди этой толпы носились наследники покойника, шальные от забот, распоряжений, которых, однако, никто не слушал. Толпа шаталась из покоя в покой, из комнаты в комнату, ни на минуту не переставая грызть и жевать подсолнухи, пока ещё только поглядывая, до поры до времени помалкивая. А наследники носились и без умолку говорили, всячески к ней подлаживались, уверяли её и самих себя, что это именно она, державная толпа, навсегда разбила «оковы» в своем «священном гневе»...»

Вспоминает о торжестве в Петербурге по случаю открытия выставки в присутствии финского посла:

«... Маяковский мгновенно заглушил его ещё более зычным рёвом. Но мало того: к безмерному изумлению посла вдруг пришла в дикое и бессмысленное неистовство и вся зала: зараженные Маяковским, все ни с того ни с сего заорали и стали бить сапогами в пол, кулаками по столу, стали хохотать, выть, визжать, хрюкать и – тушить электричество...»

(Валентин Катаев об отношении Маяковского и Бунина вспоминает: «...При нём (Бунине - ЮП) я боялся даже произнести кощунственную фамилию Маяковский. Так же, впрочем, как впоследствии я никогда не мог в присутствии Маяковского сказать слово: Бунин. Они оба взаимно исключали друг друга.»)²¹³.

Опять в Одессе. Бунин описывает плакат:

«Краснокожая баба, с бешеным дикарским рылом, с яростно оскаленными зубами, с разбегу всадила вилы в зад убегающего генерала. Из зада хлещет кровь. Подпись:

– Не зарись, Деникин, на чужую землю! »

Опять о Блоке: «Ведь вот и до сих пор спорим, например, о Блоке: впрямь его ярыги, убившие уличную девку, суть апостолы или всё-таки не совсем?»

О Горьком и мировой революции:

«Газеты зовут в поход на Европу. Вспомнилось: осень 14 года, собрание московских интеллигентов в Юридическом Обществе. Горький, зеленея от волнения, говорит речь:

– Я боюсь русской победы, того, что дикая Россия навалится стомиллионным брюхом на Европу!

Теперь это брюхо большевицкое, и он уже не боится.»

²¹³ Валентин Катаев, «Трава забвения».

«... Почему комиссар, почему трибунал, а не просто суд? Всё потому, что только под защитой таких священно-революционных слов можно так смело шагать по колено в крови, что благодаря им даже наиболее разумные и пристойные революционеры, приходящие в негодование от обычного грабежа, воровства, убийства, отлично понимающие, что надо взять, тащить в полицию босяка, который схватил за горло прохожего в обычное время, от восторга захлёбываются перед этим босяком, если он делает то же самое во время, называемое революционным, хотя ведь всегда имеет босяк полнейшее право сказать, что он осуществляет «гнев низов, жертв социальной несправедливости».»

О помешательстве в народе:

«...есть, несомненно, и помешательство. И всё, что видел по пути, удивительно подтверждало это. И особенно то, на что (как нарочно) наткнулся на Пушкинской: от вокзала, навстречу мне, промчался бешеный автомобиль и в нем, среди кучи товарищей, совершенно бешеный студент с винтовкой в руках: весь полет, расширенные глаза дико воззрились вперед, худ смертельно, черты лица до неправдоподобия тонки, остры, за плечами треплются концы красного башлыка... Вообще студентов видишь нередко: спешит куда-то, весь растерзан, в грязной ночной рубахе под старой распахнувшейся шинелью, на лохматой голове слинявший картуз, на ногах сбитые башмаки, на плече висит вниз дулом винтовка на веревке... Впрочем, черт его знает – студент ли он на самом деле.»

О толпе:

« А толпа? Какая, прежде всего, грязь! Сколько старых, донельзя запакощенных солдатских шинелей, сколько порыжевших обмоток на ногах и сальных картузов, которыми точно улицу подметали, на вишивых головах! И какой ужас берет, как подумаешь, сколько теперь народу ходит в одежде, содранной с убитых, с трупов!

А в красноармейцах главное – распушенность. В зубах папироска, глаза мутные, наглые, картуз на затылок, на лоб падает «шевельор». Одеты в какую-то сборную рвань. Иногда мундир 70-х годов, иногда, ни с того ни с сего, красные рейтузы и при этом пехотная шинель, и громадная старозаветная сабля.»

Услышал на митинге:

«– Товарищи, скоро во всем свете будет власть советов!

И вдруг голос из толпы этих депутатов:

– Сего не буде!

Фельдман яростно:

– Это почему?

– Жидив не хвате!»

В газетах: «Тов. Подвойский отдал приказ о наступлении на Румынию... Румынские разбойники со своим кровавым королем схватили за горло молодую советскую республику Венгрии, чтобы потушить революцию, охватившую всю Европу».

О погромах:

«2 мая

Еврейский погром на Большом Фонтане, учинённый одесскими красноармейцами. Были Овсянко-Куликовский и писатель Киппен. Рассказывали подробности. На Б. Фонтане убито 14 комиссаров и человек 30 простых евреев. Разгромлено много лавочек. Врывались ночью, стаскивали с кроватей и убивали кого попало. Люди бежали в степь, бросались в море, а за ними гонялись и стреляли – шла настоящая охота. Киппен спасся случайно – ночевал, по счастью, не дома, а в санатории «Белый цветок». На рассвете туда нагрянул отряд красноармейцев. – «Есть тут жида?» – спрашивают у сторожа. – «Нет, нету». – «Побожись!» – Сторож побожился, и красноармейцы поехали дальше.

Убит Моисей Гутман, биндюжник, прошлой осенью перевозивший нас с дачи, очень милый человек.»

Из речи Горького в Москве на съезде Третьего Интернационала:

«... русский рабочий верит, что его братья в Европе не дадут задушить Россию, не позволят воскреснуть всему, что издыхает, исчезает – и исчезнет!»

О революции:

«...Разве многие не знали, что революция есть только кровавая игра в перемену местами, всегда кончающаяся только тем, что народ, даже если ему и удалось некоторое время посидеть, попить и побушевать на господском месте, всегда в конце концов попадает из огня да в полымя? Главари наиболее умными и хитрыми вполне сознательно приготовлена была издевательская вывеска: «Свобода, братство, равенство, социализм, коммунизм!» И вывеска эта ещё долго будет висеть – пока совсем крепко не усядутся они на шею народа.»

Цитирует историка Соловьева:

«– Среди духовной тьмы молодого, неуравновешенного народа, как всюду недовольного, особенно легко возникали смуты, колебание, шаткость... И вот они опять возникли в огромном размере... Дух материальности, неосмысленной воли, грубого своекорыстия повеял гибелью на Русь... У добрых отнялись руки, у злых развязались на всякое зло... Толпы отверженников, подонков общества потянулись на опустошение своего же дома под знаменами разноплеменных вожаков, самозванцев, лжецарей, атаманов из вырожденцев, преступников, честолюбцев...»

Цитирует одесскую газету:

«... Крестьяне заявляют, что до последней капли будут биться за мировую революцию, но, с другой стороны, стало известно об их нападениях на советские поезда и об убийствах топорами и вилами лучших наших товарищей...»

«Напечатан новый список расстрелянных – «в порядке проведения в жизнь красного террора» – и затем статейка:

«Весело и радостно в клубе имени товарища Троцкого. Большой зал бывшего Гарнизонного Собрания, где раньше ютилась свора генералов, сейчас переполнен красноармейцами. Особенно удачен был последний концерт. Сначала исполнен был «Интернационал», затем товарищ Кронкарди, вызывая интерес и

удовольствие слушателей, подражал лаю собаки, визгу цыпленка, пению соловья и других животных, вплоть до пресловутой свиньи....» »

И опять поминает Блока:

« Это называется, по Блокам, «народ объят музыкой революции – слушайте, слушайте музыку революции!»»

Из газеты «Одесский Коммунист»:

*Зарежем штыками мы алчную гидру,
Тогда заживём веселей!
Если не так, то всплывут они скоро,
Оживут во мгновение ока,
Как паразит, начнёт эта свора
Жить на счёт нашего сока...*

На митинге:

«Фельдман понёс обычное: «Мировая революция грядёт, товарищи!» Кто-то в ответ ему крикнул: «Довольно, надоело! Хлеба!» – «Ах, вот как! – завопил Фельдман. – Кто это крикнул?» Крикнувший смело вскочил: «Я крикнул!» – и был тотчас же арестован. Затем Фельдман предложил «употреблять буржуев вместо лошадей, для перевозки тяжестей». Это встретили бурными аплодисментами.»

«...Двери тюрем и жёлтых домов раскрываются, архивы сыскных отделений жгутся – начинается вакханалия. Русская вакханалия превзошла все до неё бывшие – и весьма изумила, и огорчила даже тех, кто много лет звал на Стенькин Утёс, – послушать «то, что думал Степан». Странное изумление! Степан не мог думать о социальном, Степан был «прирождённый» – как раз из той злодейской породы, с которой, может быть, и в самом деле предстоит новая долголетняя борьба.»

Он же приводит образец стихов из «Известий»:

*«Товарищи, кольцо сомкнулось уже!
Кто верен нам, беритесь за оружие!
Дом горит, дом горит!
Братец, весь в огне дом,
Брось горшок с обедом!
До жранья ль, товарищи?
Гибнет кров родимый!
Эй, набат, гуди, мой»».*

Наконец в феврале 1920 года желчный реалист Бунин вместе с разбитыми белыми навсегда покидает из Одессы Россию. Наивный мистик Блок покидает всех и навсегда, умирая в Петрограде в следующем году (не дождавшись «разрешения» верхушки большевиков на выезд в Финляндию для лечения).

Что ж, каждый услышал свою музыку Революции.

Гражданская война

Начало. Неизбежность.

Типичный советский плакат о ближайшем будущем не только мира, но и всей вселенной.

После убийства Мирбаха, покушения на Ленина и некоторых других большевиков, после «заговора послов», после начала формирования белых армий на Дону, ощущение близкой гражданской войны носится в воздухе.

Но была ли она неизбежна? Даже некоторые революционные партии боялись её начала и ещё больше её катастрофических последствий. Ещё год назад, в «мирные» времена, меньшевик Церетели полагал: «*Передача*

всей власти советам неминуемо повела бы к немедленной гражданской войне со всеми её ужасами».

«А мы и хотим гражданской войны!» - радостно отвечает ему Троцкий.²¹⁴ Да, война – это хорошо! Именно большевики её не боятся и хотят её наступления! Ведь теоретик большевиков Николай Бухарин на открытии Учредительном собрании в январе 1918 года говорил не менее определённо:

«Вопрос о власти окончательно будет решён той самой гражданской войной, которую остановить нельзя до полной победы русских рабочих, солдат и крестьян. С нашими непримиримыми классовыми противниками мы клянёмся с этой трибуны вести гражданскую войну, а не примирение».

И уже в сентябре 1918 г., выступая на седьмой Петроградской общегородской партконференции, Григорий Зиновьев заключает:

Красный командир Павел Дыбенко и предводитель анархистов Нестор Махно. Ещё союзники.

²¹⁴ М.Веллер, Буровский. «Гражданская история безумной войны»

«Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить ...»,

т.е. почти в точности цитирует Белинского (см. стр. 32), заменив тысячи уже на миллионы. Получается, Григорий Евсеевич мечтает об уничтожении 10 млн глупых человек во имя счастья остальных «умных», пошедших за «ведущим».

Чистый экстремизм? Да, но осуществление столь грандиозной задачи по уничтожению «остальных» с помощью одних лишь расстрелов вряд ли было возможно (даже технически).

И состоявшийся тут же в октябре 1-й учредительный съезд комсомола пришёлся как нельзя кстати (да и момент наверняка выбран неслучайно). Вооружённая борьба на смерть с белым движением приближалась, это было неизбежно. Нужна военная сила, нужна армия, нужны люди. Люди, преданные идее, понимающие партийную дисциплину, необременённые ещё семьями, детьми, хозяйством, землёй, не успевшие впитать общечеловеческие «буржуазные» ценности и тем более христианскую мораль хотя бы на уровне заповеди «не убий». В общем, люди, полные энергии, рьяные, только что вступившие в жизнь и ищущие в ней применение своих сил, и которым ещё нечего терять. Но это же и будут комсомольцы, готовые молодые бойцы, лихо и безоглядно готовые идти за своими вождями. Революционные романтики со «взором горящим»©, подготовленные пропагандой уничтожать не отдельных врагов, а целые

классы бывших угнетателей, убивать, если прикажут, даже своих близких, друзей, учителей, соседей, родителей наконец. Правда, куда же податься таким как Бумбараш — ни кола, ни двора. В комсомол! — и в Красную Армию. Многие не знают вообще как иначе прокормиться. А в армии в любом случае поставят на довольствие, дадут паёк.

Типичный плакат времён Гражданской войны. Комсомольцы уходят на фронт.

Тут и подросла Гражданская война, о которой так мечтал «самый человечный человек»²¹⁵ со товарищи, — вот и прекрасный повод для уничтожения десяти миллионов.

²¹⁵ Маяковский : «Что он сделал,

кто он

и откуда —

этот

самый человечный человек?»

А летом срабатывает чехословацкий фактор, мина, которую не смогли обезвредить большевики. Совместно с российским частями, оставшимися верными кто Временному правительству, кто царю, кто кому угодно лишь не большевикам, – белочехи (это большевики их так называли?) освобождают от новой власти ряд городов – Челябинск, Новониколаевск (ныне Новосибирск), Пензу, Томск и др. В июне 1918 были заняты Курган, Омск, Самара; в июле – Уфа, Симбирск, Екатеринбург (как раз в это освобождение Екатеринбурга от большевиков следователь Николай Соколов начинает первое расследование обстоятельства гибели царской семьи), Казань. Таким образом, в короткое время на территории от Волги до Тихого океана большевики практически теряют свою власть. В Омске создаётся Временное Сибирское правительство; в Екатеринбурге – Уральское правительство, в Самаре – Комитет учредительного собрания («Комуч»).

В ноябре адмирал Колчак организывает вооружённый переворот в Омске против т.н. «Директории», возглавляемой эсерами, и объявляет со своими сторонниками о принятии всей полноты власти и провозглашает себя Верховным Правителем Российского государства.

В конце 1918 года войска адмирала Колчака занимают Пермь, в марте следующего года заняты Самара, Казань, т.е. его войска занимают весь Урал и выходят к Волге.

Золотой запас Российской Империи (около 500 тонн), захваченный ещё в Казани в мае полковником Владимиром Каппелем, перевозится в Омск и размещается в омском отделении Госбанка (правда непонятно, какого государства), а затем вместе с войсками Колчака движется на восток. И в декабре 1919 года командование чешского легиона по решению представителей Антанты принимает на станции Нижнеудинск Иркутской губернии под свой контроль поезд с частью золотого запаса России. А 15 января 1920 года чешское командование выдаёт иркутскому эсеровско-меньшевистскому «Политцентру» адмирала Колчака (подробнее смотри далее) и часть золотого запаса России. В дальнейшем он (иногда говорят золотой эшелон) пропутешествовал до Владивостока и отправлен обратно в Казань. Сколько золота из всего царского запаса в итоге попало в казну большевиков, а сколько вывезено чехами, сколько растрчено людьми Колчака -- достоверно мы уже не узнаем никогда.

В братоубийственной войне запыхала вся Россия. Классовые и мировоззренческие противоречия оказались столь велики, что друг убивал друга, сын предавал отца, брат стрелял в брата. Степень ненависти достигла всех мыслимых и немыслимых пределов. А между ними, принципиальными противниками, рыскали, разбойничали всевозможные шайки и банды, с единственной идеологией – поживиться чем только можно. Недаром на задке тачанки батьки Ангела красовалась надпись: «Бей белых пока не покраснеют, бей красных пока не побелеют»²¹⁶. (А из «Похождений Невзорова» Алексея Толстого мы узнаём, что у атамана Ангела на задке своей тачанки дёгтем накорябано «Хрен догониш», который сам, скорее всего, взял этот лозунг из куплета песни, приписываемой самому Нестору Махно, изобретателю тачанок:

²¹⁶ Телесериал «Адъютант его превосходительства» (Реж. Евгений Ташков).

*Кинулась тачанка полем на Воронеж,
Падали под пулями, как спелая рожь.
Сзади у тачанки надпись «Хрен догониш!»
Спереди тачанки надпись «Живым не уйдешь!»).*

На наших просторах «ангелов» и «батьков», своих пасынков, революция породила во множестве.

Что двигало противоборствующими сторонами? Командующий силами белых на юге России Антон Деникин впоследствии напишет очень точно о внутренних движущих силах своего противника- красных:

«...всё, что накопилось годами, столетиями в озлобленных сердцах против нелюбимой власти, против неравенства классов, против личных обид и своей по чье-то воле изломанной жизни, — всё это вылилось теперь наружу с безграничной жестокостью... Прежде всего – разлитая повсюду безбрежная ненависть и к людям, и к идеям. Ненависть ко всему, что было социально или умственно выше толпы, что носило малейший след достатка. Даже к неодушевленным предметам — признакам некоторой культуры, чуждой или недоступной толпе. В этом чувстве слышалось непосредственно веками накопившееся озлобление, ожесточение тремя годами войны...».

Получалось, движущая сила красных – ненависть. Война шла точно по-библейскому: *«И восстанет брат на брата, и отец на сына»*

В шолоховской «Коловерти» белый офицер приговаривает к расстрелу красноармейцев – своего отца и брата. У него же в рассказе «Шибалково семя» красный казак лично застреливает мать своего ребёнка, шпионившую в пользу белых, а ребёнка отдаёт в случайный приют, самому воспитывать некогда – воевать надо.

Василий Чапаев и Петька на тачанке бьют белых из британского пулемёта системы «Maxim». Самый известный кадр из фильма братьев Васильевых «Чапаев», 1934 год, по одноимённой книге Дмитрия Фурманова. В роли Чапая - Борис Бабочкин.

А в рассказе «Письмо» Исаака Бабеля и то, и другое вместе. Сын пишет матери: *«И папаша начали Федю резать, говоря – шкура, красная собака, сукин сын и разное, и резали до темноты».* А потом наоборот - другой их сын, тоже красный, резал отца.

В «Железном потоке» Александра Серафимовича красные, пытаясь выманить из дома казачьего атамана, угрожают порубить его детей, и, ничего не добившись, так и порубили детей на глазах сходящей с ума матери, а потом и её. Автор описывает сцену достаточно хладнокровно, почти по-деловому, отчего ужас лишь усиливается... Причём «Железный поток» в 60-х

годах публикуется в серии «Школьная библиотека». Видимо, для воспитания сызмальства советского патриотизма!

Дмитрий Фурманов в «Чапаеве» описывает убийство белыми попавших в плен красноармейцев:

«...они горели звериной охотой поскорее учинить над ним кровавую расправу. Выволокли на волю — каждому хотелось первому всадить ему в грудь холодное лезвие. Потрясали над головой оружием, скрещивались, звенели шашками, с остервенелыми лицами ждали, когда его бросят на землю. И как только бросили — в горло, в живот, в лицо воткнулись шашки и штыки. Началась вакханалия. Но и этого было мало: ухватили за ноги, ударили, размахнувшись, с такой силой, что разлетелась черепная коробка, выскочили мозги... Потом рвали, драли, кололи и резали его одежду, пинали этот сгусток мяса и крови, каждый метил пнуть непременно в лицо. Тут же поблизости стояло несколько пленных красноармейцев; они с ужасом смотрели, во что превращен был славный комиссар Павел Степаныч Батурин. Несчастные! Они почти все до одного — уже через несколько минут — сами погибли под казацкими шашками.»

Плакат 1918 года. Обратите внимание на надпись на знамени: «С.Р.Ф.Р.С.».

Борис Лавренёв в рассказе «Сорок первый» сгустил эмоции до предела, сузил историческое пространство до малого острова посреди моря, поселив туда двоих — его офицера-кадета и её, рбачку, разделённых до того непреодолимыми сословными и идейными стенами. Он описывает, как постепенно возникают между ними чувства, там, на одиноком острове, где нет войны, сословий, собственности — только живые люди. Это красноармейка Марютка, рыбацья сирота, ставшая с её невероятно зорким глазом отличным снайпером, и пленённый ею поручик из стана белогвардейцев. Здесь надо было просто выживать, и они выжили, попутно узнав, что они просто мужчина и женщина, что они хотят обычной человеческой любви. Но война в стране, сошедшей с ума, достаёт их и здесь. К острову подплывает баркас с военными, сверкнули погоны, и поручик в безумной радости бежит к «своим», а Марютка — она уже не «своя». Но у ней

приказ – не отпускать пленного. И, мгновенно становясь снова бойцом, она хватается винтовку и стреляет в голову убегающего «кадета поганого», который становится её 41-й жертвой, принесённой на алтарь революции.

«Поручик упал головой в воду. В маслянистом стекле расходились красные струйки из раздроблённого черепа. Марютка шагнула вперед, нагнулась. С воплем рванула гимнастерку на груди, выронив винтовку. В воде на розовой нити нерва колыхался выбитый из орбиты глаз. Синий, как море, шарик смотрел на нее недоуменно-жалостно. Она шлёпнулась коленями в воду, попыталась приподнять мёртвую, изуродованную голову и вдруг упала на труп, колотясь, пачкая лицо в багровых сгустках, и завывала низким, гнетущим воем:

*- Родненький мой! Что ж я наделала? Очнись, болезный мой!
Синеглазенький! С врезавшегося в песок баркаса смотрели остолбенелые люди.»*

Ну и участь Марютки тут уже тоже решена. (Снятый по рассказу фильм Григория Чухрая «Сорок первый» удостоивается награды X Каннского кинофестиваля в 1957 году).

Кровь капает со страниц, как на скотобойне. И гибнут не просто белые и красные, это народ уничтожает сам себя. Так, погибает «случайно» шолоховская Аксинья, которая и есть народ, раздавленная как зерно, попавшее меж двух жерновов войны. И не важно в финале «Тихого Дона», что пуля прилетела от заставы продотряда, пуля могла прилететь откуда угодно. Это война, это безумие, самоистребление под корень. В «Бумбараше» Варя погибает ни за что, тоже оказавшись между двух жерновов, и не только потому, что оказалась между соперниками Гаврилой и Семёном, но и потому, что один красноармеец, а другой просто бандит. Это гражданская война. У этого топора есть и обух, и лезвие.

По-своему описывает приход «военного» 19-го года в Киев Михаил Булгаков. В конце романа «Белая гвардия» он пишет:

«... Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, но 1919 был его страшней...». Вот озверевшие петлюровцы в Киеве ни за что убивают человека, добывая его шомполами. «... И в ту минуту, когда лежащий испустил дух, звезда Марс над Слободкой под Городом вдруг разорвалась в замёрзшей выси, брызнула огнём и оглушительно ударила.

Вслед звезде чёрная даль за Днепром, даль, ведущая к Москве, ударила громом тяжело и длинно. И тотчас хлопнула вторая звезда, но ниже, над самыми крышами, погребёнными под снегом. И тотчас синяя гайдамацкая дивизия тронулась с моста и побежала в Город, через Город и навеки вон.....».

«... За окнами расцветала всё победоноснее студёная ночь и беззвучно плыла над землёй. Играли звезды, сжимаясь и расширяясь, и особенно высоко в небе была звезда красная и пятиконечная - Марс.»

А в Дарницу уже вошёл бронепоезд и стал надолго, а приставленный к нему замёрзший часовой упорно устремляет взор в ночное небо:

«... Удобнее всего ему было смотреть на звезду Марс, сияющую в небе впереди под Слободкой. И он смотрел на неё. От его глаз шёл на миллионы

вёрст взгляд и не упускал ни на минуту красноватой живой звезды. Она сжималась и расширялась, явно жила и была пятиконечная..... Играла Венера красноватая, а от голубой луны фонаря временами поблескивала на груди человека ответная звезда. Она была маленькая и тоже пятиконечная.»

Это входят в Киев большевики, это приходит новая эпоха в Россию. Марс становится пятиконечным, и он пожирает Венеру, и та пастушеская Венера, о которой мы читаем в самом начале романа, умирает, сдаётся, становясь тоже красноватой. Это пришли большевики, красные. Больше пастушеской Венеры ни часовой, ни Турбины, уже не увидят. Им придётся жить в новом красном мире. Как и Рошину, и Телегину, и миллионам других русских людей.

Комиссары и комиссарки, репрессии

Не сильно образованный комдив Чапаев выслушивает наставления своего более подкованного комиссара Фурманова (Борис Бабочкин в роли Чапаева).

Практически ни один рассказ, повесть или кино на тему Гражданской войны не обходился в наше время без образа пламенного комиссара.

И, вероятно, самым известным комиссаром войны становится Дмитрий Фурманов, бывший в этой должности при командире 25 дивизии Василии Чапаеве и опубликовавший о нём повесть, а фильм-бомба по ней братьев Васильевых в 30-х годах обессмертил в народе их имена и даже ввёл в советский фольклор, в основном в анекдоты.

Но почему-то часто комиссарами становились женщины. Может потому, что у нас каждая из них по Некрасову «коня на скаку остановит, в горящую избу ...»?

Драматург Всеволод Вишневский, сам бывший пулемётчиком корабля Волжской военной флотилии и затем политработником на Черноморском и Балтийских флотах, позже напишет пьесу с названием-оксюмороном «Оптимистическая трагедия». Трагический рассказ о том, как отряд моряков-анархистов под влиянием присланного партией большевиков комиссара-женщины спланируется в сознательную революционную боевую единицу. Говорят, что прототипом комиссара ему послужила Лариса Рейснер, жена Фёдора Раскольников (в первые революционные годы) командира Волжской военной флотилии, заместителя Троцкого по морским делам, где её и мог встретить Вишневский.

В народ вошла фраза: «Кто ещё хочет попробовать комиссарского тела?» после того, как она пристрелила из нагана особо упорного анархиста-матроса,

собравшегося её по-ухарски сграбастать и добраться до тела. Пьеса заканчивается вполне по законам революционного жанра – ей, революции, нужны жертвы, а такая жертва как молодая женщина, которой было жить да жить, очень подходит, и она принесена. Комиссар погибает от рук врагов. И теперь уж наверняка мы, революционные моряки, победим, согласно опять же стиху-лозунгу Некрасова:

«... Иди и гини безупречно.

Умрёшь не даром: дело прочно,

Когда под ним струится кровь.»

Лариса Рейснер

Поэт тем самым выразил лишь сущность любой религии: будут жертвы – будет спасение. А наша революция – это и есть религия. И чем невиннее и чище жертва, тем надёжнее путь к победе?? И Авраам без сомнений заносит нож над своим любимым младшим сыном для принесения в жертву, и Алька случайно и нелепо погибает от удара камнем в «Военной тайне», и Мальчиш-Кибальчиш погибает в застенках буржуинов от пыток.

И Аксинья - от случайной пули, и Варя Бумбараша от пули. И комиссарша «мадам Вавилова» приносит в жертву революционной войне своего младена, чистого, непорочного, видимо, первенца, приносит, конечно, не под нож, но в чужие руки, и вряд ли она его ещё в жизни увидит, а если увидит – получит ли от него прощение? Но зато полк под её комиссарством наверняка придёт к победе. Поэтому – ура, товарищи!

И если трагедия в пьесе Вишневского понятна, то в чём же оптимизм? Может просто в последних словах: «Нет смерти для нас! Нет смерти для революции!». То есть - в конечной победе! Ведь по революционной логике «есть жертвы – есть победа».

Собственно, само христианство на этом и держится: была Великая искупительная жертва – будет всечеловеческое спасение. И то же самое говорит один из идеологов ЧК (обратите внимание на стилистику):

«... Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнёта и рабства всех. Жертвы, которых мы требуем, жертвы спасительные, жертвы, устилающие путь к Светлому Царству Труда, Свободы и Правды. Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет серо-бело-черный штандарт старого разбойного мира...». Это чекист Лацис призывает к необходимым жертвам прямо и не заикаясь.²¹⁷ Так что, вперёд, через жертвы и,

²¹⁷ «КРАСНЫЙ МЕЧ». Орган Политотдела Особого Корпуса войск В.У.Ч.К. № 1, 18 августа 1919 г. Киев. <https://abc1918.livejournal.com/70644.html>

как скажет позже товарищ Сталин, «Нет таких крепостей, которых не взяли бы большевики».

Ну, если большой начальник ЧК Лацис или ещё кто-то говорит, что **им** «всё разрешено», то всегда интересно знать, до какой степени **всё**, есть ли берега у этого **всего**? Или и в бою, и в миру мы не знаем границ?

Надежда Мандельштам (жена поэта Осипа Мандельштама) пишет о «мирной» стороне жизни, об условиях, которые позволяли себе комиссары в быту, о Ларисе Рейснер:

*«...О. М. рассказывал, что Раскольников с Ларисой жили в голодной Москве по-настоящему роскошно — особняк, слуги, великолепно сервированный стол... Этим они отличались от большевиков старшего поколения, долго сохранявших скромные привычки. Своему образу жизни Лариса с мужем нашли соответствующее оправдание: мы строим новое государство, мы нужны, наша деятельность — созидательная, а потому было бы лицемерием **отказывать** себе в том, что всегда достаётся людям, стоящим у власти. Лариса опередила свое время и с самого начала научилась бороться с ещё не названной уравниловкой.»²¹⁸*

Конечно, хорошо быть нелицемерной и открытой, всю пользоваться благами, которые просто попали в твои руки благодаря умению говорить нужные для власти слова, и потому ты сам становишься частью этой власти. И тогда разве не лицемерие твои будто бы усилия по помощи тем, кого уничтожает эта Красная Машина, к рулевым которой ты также стараешься принадлежать? Ведь те великие Блок, Гумилёв, Осип Мандельштам, (и невеликие) с которыми ты стремилась сблизиться и одно лишь перечисление имён которых заняло бы тысячи страниц, погибли под колёсами этой самой Машины (тот же Блок, которому твоя власть отказала в 1920 году в выезде за границу на лечение и он умер в 40 лет). И это не удивительно – в конце концов ты предпочла встать на сторону власти грубой силы.

Надежда Мандельштам продолжает:

*«С теми, кто вздыхал в подушку, сетуя на свою беспомощность, ей было не по пути — в её среде процветал **культ силы**. Спокон века право использовать силу мотивируется пользой народа — надо успокоить народ, надо накормить народ, надо оградить его от всех бед... Подобной аргументацией Лариса пренебрегала и даже слово «народ» из своего словаря исключила. В этом ей тоже чудились старые интеллигентские предрассудки. Всё острее её гнева и разоблачительного пафоса было направлено против интеллигенции. ...*

*Интеллигенция сама уничтожила себя, выжигая в себе, как Лариса, всё, что не совмещалось с **культом силы**.» (выделено мной. - ЮП).*

А вот такие как Фёдор Раскольников, Карл Радек, и подобные – это твоя среда, она тебя приняла. Очень хорошо об этой комиссарке, её необузданности и о её упоении

²¹⁸ Мандельштам Надежда. «Воспоминания». Глава «Женщина русской революции».

новой для неё жизни подробно проговаривается у Ларисы Васильевой в «Кремлёвских жёнах». (Не будем здесь занимать место цитированием того, что можно прочесть в указанной книге, это целая глава). Но всё-таки процитируем поэта Всеволода Рождественского, видевшего быт комиссаров (а жили они с Раскольниковым в здании самого Адмиралтейства, где раньше жила адмиралы):

«... Дежурный моряк повёл нас по темным, строгим коридорам... Перед дверью в личные апартаменты Ларисы робость и неловкость овладели нами, до того церемониально было доложено о нашем прибытии. Лариса ожидала нас в небольшой комнатке, сверху донизу затянутой экзотическими тканями. Во всех углах поблескивали бронзовые и медные будды калмыцких кумирен и какие-то восточные майоликовые блюда. Белый войлок каспийской кочевой кибитки лежал на полу вместо ковра. На широкой и низкой тахте в изобилии валялись английские книги, соседствуя с толстенным древнегреческим словарем. На фоне сигнального корабельного флага висел наган и старый гардемаринский палаш. На низком восточном столике сверкали и искрились хрустальные грани бесчисленных флакончиков с духами (она и после революции просила привозить ей любимые духи «Убиган - Роза Франции». - В. Н.) и какие-то медные, натертые до блеска, сосуды и ящички, попавшие сюда, вероятно, из тех же калмыцких хурулов»²¹⁹.

Но это как бы рабочий кабинет. А в парадных покоях комиссарша принимала богемных людей Петрограда. Один из них поэт-акмеист Георгий Иванов вспоминает:

Анна Ахматова

«Пышные залы... ярко освещены, жарко натоплены. От непривычки к такому теплу и блеску (1920 г., зима) гости неловко топчутся на сияющем паркете, неловко разбирают с разносимых щеголеватыми балтфлотцами подносов душистый чай и сандвичи с икрой... Приём как приём: кавалеры шаркают, дамы щебечут, хозяйка мило улыбается направо и налево.

Некоторых... берёт под руку и ведёт в небольшой темно-красный салон, где пьют уже не чай, а ликёры. Это для избранных. Удовольствие выпить рюмку бенедиктина несколько отравляется необходимостью делать это в обществе мамы Рейснер, папы Рейснер и красивого нагловато-любезного молодого человека - "самого" Раскольникова. Компания, что и говорить, высокопоставленная... Ведя меня через министерские покои, Лариса Рейснер роняет тоном леди Асквит: "Какое безобразие эти

²¹⁹ Вячеслав Недошивин. Прогулки по Серебряному веку: Санкт-Петербург.

позолота, лепка. Вкус нашего предшественника адмирала Григоровича. Всё надо отделять заново, всё...»²²⁰.

Недошивин добавляет: «А заканчивались эти «приёмы», на которых она «идейно спорила» с гостями, тем, что она, как «проговаривается» один близкий ей писатель, облегченно вздыхала: «Когда же они уходили (надо полагать, - Блок, Ахматова, Мандельштам, Кузмин, Г. Иванов. - В. Н.), она произносила: "Уф!", комически вздыхала и язвительно, зло и ядовито критиковала своих оппонентов»...

Комиссар Рейснер явно тяготела к показной роскоши, болезненно тщеславилась ею и нисколько не скрывала этого. У неё

«... было какое-то странное пристрастие ко всему «царскому». Блок не мог знать, что и до встречи с ним, ещё на фронте, в Свияжске, как пишет некий Л. Берлин, «комиссар Лариса» отправилась в Нижний Новгород по Волге на бывшей царской яхте «Межень». «Она, - пишет Л. Берлин, сопровождавший её в этой поездке, - по-хозяйски расположилась в покоях бывшей императрицы и, узнав из рассказов команды о том, что императрица нацарапала алмазом свое имя на оконном стекле кают-компания, тотчас же озорно зачеркнула его и вычертила рядом, тоже алмазом, своё имя».»²²¹ Смело (потому что безнаказанно), показушно, по-большевистски.

Что ж, атмосфера подмены, пошлости, лицемерия царит вокруг новых властителей. Как Блок и писал – белые венчики невест вместо терновых, кровавых, настоящих несёт нам лже-Христос. Зачем же поэты принимали приглашения? Даже Ахматова! Должна быть очень серьёзная причина. Не будем, впрочем, судить голодных людей, живущих неизвестно на что, ибо их стихи тогда не могли быть напечатаны, и ещё менее вероятно -чтобы куплены. Мы не были в их шкуре. Может, приходили просто поесть и не свалиться с голоду от ветра на улице? Да и был ли у них особый выбор перед комиссарским лицом власти? Перед снежной маской?

«Ветер, ветер - на всём Божьем свете ...» (С)

То же безумное противоречие «женщина и война» находим и в фильме «Комиссар» режиссёра Александра Аскольдова (никогда ранее не снимавшего) по рассказу Василия Гроссмана «В городе Бердичеве» и по личным его ещё детским киевским впечатлениям. Пафос победных революционных походов нарушает ребёнка, неожиданно и так некстати среди боёв народившийся у комиссарши Вавиловой как плод фронтовой, быстрой, но искренней любви. И вот, только появившись на этот свет, он оказывается никому не нужен в этом мире ненависти – отец убит, мать занята комиссарскими заботами, ей некогда отвлекаться на бабские глупости, пелёнки ... и растить нового человека. Её ждёт революция в мировом масштабе ! ... Она мечется с кое-как запелёнутым в чужие тряпки ребёнком по этому незнакомому случайному городку, местечку, не зная, что делать с этой нежданной никому не нужной помехой в её такой целеустремлённой жизни. Она прибегает с ним в храм ... но храм разрушен, его нет,

²²⁰ Вячеслав Недошивин. Указ.Соч.

²²¹ Там же.

одни кирпичи, его разрушила она сама. И среди руин обезумевший священник раскинул руки в виде распятия в проёме бывшего окна. Он как бы не пускает её в храм. Ведь храмов нет в том мире, который она сама создаёт своей борьбой. И не у кого ей просить совета, и нет даже церковного крыльца, на которое она могла бы подкинуть свою ненужную ношу. И мать-комиссар буквально убегает за своими отступающими однополчанами (скорее всего перед наступающими на Бердичев поляками летом 1920 году), подкинув сына той самой местечковой чадолюбивой еврейской семье, у которой была определена на постой, и которые помогли при родах, и у которых самих уже табор, несколько детей мал-мала меньше ... Комиссарка поверила, пришлось, что эта семья

Комиссар Вавилова (Нонна Мордюкова), в разрушенной церкви с дитём фронтовой любви.

Ефима и Марии вырастят и её сына, они не бросят дом и детей ради призрака революции ... А за ним она придёт потом, после победы мировой революции. Если найдёт эту халупу-мазанку и если узнает сына, а он, может, её... Ну, каждому своё.

(Фильму крупно не повезло. Он был готов в 1967 году, но именно в этот год страна пузырилась в трудовом и идейном энтузиазме к 50-тилетнему юбилею Октября. А тут предлагается выпустить на всесоюзный экран какие-то еврейские пляски, неоднозначные послы, что, может быть, лучше вырастить одну человеческую жизнь для мира, чем двигать мировую революцию? И государство в лице Госкино (наш единственный государственный продюсер и работодатель) кладёт фильм на полку, как оказывается, на 20 лет. И поскольку режиссёр путём обращения в разные инстанции продолжал борьбу за выход «Комиссара» на экран, он был наказан – в 1969 году его увольняют из кинематографических структур и исключают из КПСС. Только чудо, совершённое равнодушными людьми, сохранило плёнку до перестроечных времён, её не смыли. Киновед Валерий Фомин поясняет причины неприятия «Комиссара»: чиновники Госкино посчитали, что этот фильм – *«является не просто отрицанием, а поруганием революции, её высоких гуманистических целей и задач, тех светлых идеалов, за которые боролись и умирали её бойцы. Революция, по мысли автора, независимо от её характера, равно как и гражданская война, сопутствующая революции, в любом случае является абсолютным злом...».*

Картина заканчивается какими-то невнятными кадрами – красные бойцы куда-то наступают, но впереди них – серый безжизненный горизонт. Пустота. Через 20 лет фильм всё-таки вышел за пределы СССР и получил на различных фестивалях тогда и потом солидный ряд международных премий. Надо смотреть.)

Несчастлива и другая комиссарша, персонаж повести Бориса Васильева «Завтра была война»:

«...мать Искры вышла из той же гражданской иной. Не знаю, были ли у нее шрамы на теле, но на душе были, это я понял позже. ...»

Мать Искры — я забыл, как её звали, и теперь уже никто не назовет мне этого — часто выступала в школах, техникумах, в колхозах и на заводах. Говорила резко и коротко, точно командуя, и мы её побаивались.

— Революция продолжается, запомните. И будет продолжаться, пока мы не сломаем сопротивление классовых врагов. Готовьтесь к борьбе. Суровой и беспощадной.»

Это говорилось перед войной. Прошло 20 лет после революции — и она всё ещё продолжается? Вокруг всё ещё классовые враги?

Даже имя не дал ей писатель (как и Чернышевский своему Рахметову), подчёркивая как бы схематичность, безжизненность этого персонажа, отсутствие самых простых человеческих качеств, в том числе имени. Но зато

«...Мама Искры до сих пор носила потёртую чоновскую²²² кожанку, сапоги и широкий ремень, оставлявший после удара жгучие красные полосы. Про эти полосы Искра никому никогда не говорила, потому что стыд был больнее. И ещё потому, что лишь она одна знала: её резкая, крутая, негибкая мать была глубоко несчастной и, в сущности, одинокой женщиной. Искра очень жалела и очень любила её.

Три года назад сделала она это страшное открытие: мама несчастна и одинока. Сделала случайно, проснувшись среди ночи и услышав глухие, стонущие рыдания. ... Искра выскользнула из-под одеяла, осторожно выглянула. И обмерла. Мать, согнувшись и зажав голову руками, раскачивалась перед столом, на котором горела настольная лампа, прикрытая газетой.»

Дочь невольно увидела слабость своей железной матери, и, проявив самые обычные человеческие чувства, сострадание, «...Искра рванулась к матери, а мать медленно встала ей навстречу, и глаза у неё были мёртвые. Потом побелела, затряслась и впервые сорвала с себя солдатский ремень.

— Подглядывать? Подслушивать?..»

Для бывшей железной комиссарши, за 20 лет после войны не захотевшая поменять сапоги на нормальную женскую обувь, допустить вдруг собственные бабские рыдания, да так, чтобы это увидели другие, особенно дочь, — это было не допустимо, и она в слепой ярости отхлестала дочь. Но что же у неё случилось? О чём рыдания? Ведь революция победила, и в то же время чудесным образом продолжается. Так чего ж? В чём несчастье?

Почему же нет радости в жизни, которую ты завоевала? Может из-за какой-то органической злобы, сидящей в профессиональных революционерах, из-за

²²² ЧОН — части особого назначения. Части армии, выполняющие чаще всего карательные задачи.

органической ненависти, которую они в себе культивировали сначала к буржуям и офицерству, потом к своим соратникам эсерам, потом к интеллигенции, потом к своим же старым товарищам по партии, превратив их во врагов народа и истребив их в 30-х почти всех. А теперь уже и свои самые близкие, дочь, почти во врагах – ну надо же куда-то изливать свою ненависть...

«...Прокламация и забастовка,
Пересылки огромной страны.
В девятнадцатом стала жидовка
Комиссаркой гражданской войны.

Ни стирать, ни рожать не умела,
Никакая не мать, не жена,
Лишь одной революции дело
Понимала и знала она.

Брызжет кляксы чекистская ручка,
Светит месяц в морозном окне,
И молчит огнестрельная штучка
На оттянутом сбоку ремне.

Неопрытна, как истинный гений,
И бледна, как пророк взаперти,
Никому никаких снисхождений
Никогда у неё не найти.

Только мысли, подобные стали,
Пронизали её житиё.
Все враги перед ней трепетали,
И свои опасались её...».

Стихотворение Ярослава Смелякова
(фрагмент).

И когда матери стало известно, что дочь сказала на кладбище перед захоронением своей подруги добрые, человеческие слова о ней, отравившей себя в несчастье из-за отца, которого «забрали», с ней опять случается припадок подорванной психики, и она орёт:
«--Встать!

Искра привычно вскочила. Мать с перекошенным, дёргающимся лицом лихорадочно рвала ремень, которым была перетянута её мокрая чонов-ская кожанка.

— Ты устроила панихиду на кладбище? Ты?... Молчать! Я предупреждала! — Ремень растянулся, конец его гибко скользнул на пол, пряжку мать крепко сжимала в кулаке.
— Мама, подожди...

Ремень взмыл в воздух. Сейчас он должен был опуститься на её голову, грудь, лицо — куда попадет. Но Искра не закрылась, не тронулась с места. Только побледнела.

— Я очень люблю тебя, мама, но, если ты хоть раз, хоть один раз ударишь меня, я уйду навсегда.

Она сказала это тихо и спокойно, хотя её всю трясло. Ремень хлестко ударил по полу рядом.»

Поэт Ярослав Смеляков в стихах описывает судьбу таких комиссарок, нередко из еврейских семей, может, образ карательницы Землячки-Залкинд впечатлил его? (о деятельности последней см. ниже).

Он описывает её дальнейшую в новой жизни нерадостную судьбу в «пейзаже после битвы» в

надежде, что пригласят её поработать в «органы» следователем выбивать покаянные показания из врагов народа; но вскоре вдруг обвинят её саму во враждебной

деятельности к пролетарскому государству и отправят мотаться по лагерям и баракам, искалечат жизнь и здоровье и также неожиданно вернут обратно в свой город доживать век.

И вот теперь старушка стоит скромной тенью, как все, в очереди в окошко сберкассы за своей нищей пенсией. А жизнь прошла.

Но перед смертью она, верно, прохрипит, что всем врагам назло жизнь она прожила не зря. Но кому она такая нужна была— **«Никакая не мать, не жена»**? Кто о ней пожалел? Зачем была революция?

Несчастлива и Гадюка у Алексея Толстого, бывшая юная мешчаночка, в огне войны враз потерявшая всё и всех, но вдруг от безысходности ставшая ординарцем красного командира и научившаяся лихо махать пашкой, но не научившаяся больше ничему для мирной жизни, особенно женскому, домашнему. О её судьбе в эпоху НЭП скажем чуть дальше.

ВЧК как новая опричнина

Между тем Всероссийская ЧК вовсю разворачивает свою охранительно-карательную деятельность по стране. Работы много, врагов революции ещё больше. И товарищ Дзержинский на всякий случай напоминает тем кто ещё не попал к ним:

«Отсутствие у вас судимости — не ваша заслуга, а наша недоработка.» (по крайней мере фраза приписывается Председателю ВЧК). Говорят, ему же принадлежит и другой тезис:

«ЧК не суд, ЧК — защита революции. ЧК должна защищать революцию и побеждать врага, даже если меч её при этом случайно упадет на головы невинных».

(А не подставляйся! Придётся «невинным» ходить по улицам в касках. Или не ходить вовсе! А лучше умереть сразу, не дожидаясь.)

Особой жестокостью отличается Глава отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией Мартын Янович Лацис (ур. Ян Фридрихович Судрабс), который не отстаёт в рвении от Председателя (повторимся для ясности):

«Мы не ведём войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и

Плакат белого движения времён Гражданской войны. Белый богатырь с российским триколором поражает красного дракона, опутавшего Кремль.

доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом — смысл и сущность красного террора.»

Он же пишет вдохновляющую статью в «Красном мече», боевом листке Всеукраинского Ч.к. в Киеве:

КРАСНЫЙ МЕЧ

Орган Политотдела Особого Корпуса войск В.У.Ч.К.
№ 1, 18 августа 1919 г.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ -- ЧАСОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ ОСОБЫЙ КОРПУС -- ЕЁ КРАСНЫЙ МЕЧ

«... Меч революции опускается тяжело и сокрушительно.

Рука, которой вверен этот меч, твердо и уверенно погружает отточенный клинок в тысячеголовую гидру контрреволюции.

Этой гидре нужно рубить головы с таким расчетом, чтобы не выросли новые: у буржуазной змеи должно быть с корнем вырвано жало, а если нужно, и распорота жадная пасть, вспорота жирная утроба. У саботирующей, лгущей, предательски прикидывающейся сочувствующей, внеклассовой, интеллигентской спекулянтщины и спекулянтской интеллигентщины должна быть сорвана маска.

Для нас нет и не может быть старых устоев морали и "гуманности", выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации "низших классов". Наша мораль новая, наша гуманность абсолютная, ибо она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия. Нам всё разрешено²²³, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех. Жертвы, которых мы требуем, жертвы спасительные, жертвы, устилающие путь к Светлому Царству Труда, Свободы и Правды. Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет серо-бело-черный²²⁴ штандарт старого разбойного мира...»

Лацис. <https://abc1918.livejournal.com/70644.html>.

В этом же источнике, в комментариях, можно прочесть и такую современную оценку текста Лациса: « Ну так лацисам, равно как и прочим бронштейнам, кунам, апфельбаумам, вацетисам чего было жалеть русский народ. Вот и купались в крови. Правда те, кто эту бойню пережили, в 30-х друг друга как пауки стали жрать и сами к стенке попадали. ».

²²³ Вот и ответ тов. Лациса на мучивший Родиона Раскольникова вопрос: «Тварь ли я дрожащая, или право имею». Конечно, имеешь, не мучайся, сынок, если тебе выдана индульгенция от ЧК. Вперёд! Старушек процентщиц-миродок ещё много! Сам Лацис закончил земной путь советского деятеля типично — арестован, обвинён, приговорён, расстрелян в 1938 году на Бутовском полигоне.

²²⁴ Лацис путает или троллит. Чёрно-жёлто-белый флаг — официальный флаг Российской империи с 1858 года по 1896 года (повелением императора Николая II в 1896 году национальным был объявлен бело-сине-красный флаг, однако чёрно-жёлто-белый флаг при этом официально не отменялся).

Сергей Мельгунов пишет на ту же тему:

«...В.Ч.К. в Москве это своего рода государство в государстве. У нее целые кварталы реквизированных домов — несколько десятков. Есть своя портняжная, прачечная, столовая, парикмахерская, сапожная, слесарная и пр. и пр. В подвалах и складах огромные запасы съестных продуктов, вин и других реквизированных вещей, идущих на потребу служащих и часто не подвергающихся даже простому учёту...»

Яков Петерс и Феликс Дзержинский – рыцари Советской республики.

В голодные дни каждый чекист имел привилегированный паек — сахар, масло, белая мука и пр. Каждый театр обязан присылать в В.Ч.К. даровые билеты и т. д.»²²⁵.

И это конечно не только в Москве. Он же отмечает засилье латышей и уголовников в силовых органах:

«Только в одной В.Ч.К. непосредственных служащих в 1919 г. было более 2000, из них три четверти латышей. Латыши вообще занимают особое положение в учреждениях Ч.К. Они служат здесь

целыми семьями и являются самыми верными адептами нового «коммунистического строя». Это своего рода «чужеземная опричнина» — в Москве Ч.К. называли «вотчиной латышей». Бюллетень левых с.-р. так характеризует эту тягу к Ч.К. со стороны латышских элементов: «В Москву из Латвии в В.Ч.К. едут как в Америку, на разживу». Латыши и латышки, зачастую не владея русским языком, ведут иногда допросы, производят обыски, пишут протоколы и т. д.»

Вероятно, Мельгунов преувеличивает процент латышей, но не сильно.

А в Одессе

«... преступные элементы быстро освоились с советской властью и сошлись... В городе пошли слухи, что секретарь Чека т. Михаил, является никем иным, как известным налетчиком Мишкой Япончиком, ... в „Коммунисте“, было напечатано письмо Михаила Винницкого, он же Мишка-Япончик, что он всю жизнь боролся за идеалы коммунизма, что он грабил только буржуев, а ещё через короткое время т. Михаил Винницкий начал делать большую карьеру; свою шайку воров и грабителей обратил в специальный полк, Советский, и был назначен командиром этого полка... Когда

²²⁵ Сергей Мельгунов. Красный террор в России. 1918-1923.

же началась мобилизация коммунистов, то политкомом в полк Япончика был назначен сам т. Фельдман, душа и главная творческая сила Исполкома»²²⁶.

Вероятно, это тот самый Фельдман, который упоминается у Бунина в «Окаянных днях» как ведущий митинга в Одессе. (стр. 270).

Служба в ВЧК становится престижной, заманчивой, перспективной, с налётом романтики и обычного русского ухарства. Поэт Александр Безыменский не сдерживает обуреваемых его восторженных эмоций:

« Мне ВЧК – маяк!

Первый кричу я: врага – руби!

Каждая пуля в Чеке – моя!

Каждую жертву – и я убил.

Обыск ли, ордер на вас – и мой,

Кости больные мы вылечим в гипсе.

Сам я виновен каждой виной,

Каждой ошибкою – я ошибся.»

Полное моральное сращивание поэта с ВЧК. И он хочет стать убийцей, как и они. Вероятно, вторым человеком в ВЧК надо считать латыша Якова Петерса (ур. Екаб Петерс), одного из организаторов вооружения и формирования Красной Гвардии в Петрограде во время Октябрьского восстания. Помощник (фактически зам.) Дзержинского, казначей ВЧК, с 1918 года — секретарь парторганизации ВЧК. Он и вводил в состав сотрудников ВЧК своих земляков. Замещал Председателя во время его неожиданной отставки после убийства Мирбаха. До революции сидел в предварительном заключении с другими латышами за разбой в Англии (вероятно, с целью добывания денег для большевиков), там же женился (по некоторым источникам на дочери банкира Фримэна; не с теми же ли целями?). После февральской революции приехал в Петроград, Ригу, активно участвовал в подготовке Октябрьского восстания, стал членом ВЦИК. Участвовал в раскрытии «заговора послов». Но зачем-то освободил Локкарта, Марию Закревскую-Бенкендорф. (Скорее всего Петерс тогда и завербовал Закревскую, учитывая её дальнейший лёгкий, неожиданный и невозможный для других отъезд за границу в 1922 году, её хороший английский, многочисленные перемещения по Европе, включая Англию, жизнь с Горьким в Германии и Италии. Может для контроля за писателем?)

Сам же Петерс в конце концов разделил полностью и до конца судьбу своего соратника Лациса, только не в Бутово, а на полигоне в Коммунарке. За все многолетние заслуги перед большевиками Петерс в итоге расстрелян в 1938 году во время чистки внутри НКВД. Чекисты всячески поддерживают в обществе коллективную паранойю — кругом враги. Искусство постоянно видеть рядом с собой врага — способ существования большевика, тем более - чекиста. Чекист — это сила! Чекисты — это корпус стражей пролетарской революции. Чекист — это образец преданности. Поэтому

²²⁶ Там же.

Маяковский в поэме «Хорошо!» советует молодёжи долго не задумываться о моральном образце для подражания:

«... Юноше,
обдумывающему
жизнь,
решающему -
сделать бы жизнь
с кого,
скажу не задумываясь -
«Делай её с товарища Дзержинского»».

Чекисты становятся образцами и хозяевами жизни. Их усилиями и усилиями своих адептов Революция становится не средством достижения хорошей, достойной и сытой жизни для народа, а вырождается в самоцель а революционеры – в её пророков.

Родилась новая религия - она стала топкой, в которую бросали людей как дрова, ведь огонь в топке нашего паровоза, идущего по пути «к Светлому Царству Труда, Свободы и Правды» (как писал выше Лацис), надо было постоянно поддерживать. Революция питалась ненавистью к врагам; после уничтожения одних надо было придумывать других. Поэтому-то мать Искры и напоминала ученикам (лишний раз повторим):

«Революция продолжается, запомните. И будет продолжаться, пока мы не сломим сопротивление классовых врагов. Готовьтесь к борьбе. Суровой и беспощадной.»

Опять к борьбе? Но это и было фактическим лозунгом всех советских лет. И даже в 60-х годах нам, школьникам, давалась одна из тем сочинений «Есть у революции начало, нет у революции конца.». Что мы, сытые школьники, могли написать по этому поводу, как выкручивались?

Сюда же (к персонажам на фото) надо добавить главу Петроградского ЧК Моисея Урицкого (правда, недолго – до августа 18-го года) и Киевского ЧК Мартина Лациса (ур. Ян Судрабс).

Первые чекисты. Члены коллегии ВЧК за 1921 год (слева направо): Яков Петерс, Иосиф Уншлихт, Абрам Бельский (ур. Хацкелевич, стоит), Феликс Дзержинский, Вацлав Менжинский.

Генрих Ягода, учётная карточка полиции.

Сюда же - Генриха Ягodu (ур. Енох Гершевич Иегуда), один из первых руководителей, а затем и первый, органов ВЧК – ОГПУ – НКВД с 1923 года по 1937 год. Именно Ягода отметится особой зловещей ролью в жизни и смерти российской интеллигенции, и особенно в судьбе Горького и его близких.

И это только самый первый ряд чекистов. Что ж, завоевания «русской» революции в надёжных руках! Правда, все они, кроме Менжинского, умершего своей смертью, расстреляны в 30-е годы своими же коллегами либо на Бутовском полигоне, либо на спецобъекте Коммунарка. (Урицкий

застрелен поэтом эсером Канегиссером в 18 году.)

Чекисты на посту! Новые опричники не дремлют. И с 18-го года арестованных, но ещё не убитых врагов надо было где-то содержать, старых тюрем и каторжных мест уже не хватало. И строились новые лагеря руками самих арестантов. И сама страна превращалась в лагерь. И уже создавались первые концентрационные лагеря. Историк Ирина Карацуба уточняет: «... *Ведь политические репрессии начались не в 1937 году, не с убийства Кирова 1 декабря 1934 года. Политические репрессии начались с момента прихода большевиков к власти. Первые концентрационные лагеря стали возникать в последние годы гражданской войны, в 1920-1921 годах. Знаменитый СЛОИ – Соловецкий лагерь особого назначения, одна из страшных зон ГУЛАГа, возник в 1924 году.*»

Итак, первый опыт будущего ГУЛАГа – на Соловецких островах. Например, историк и книгоиздатель дворянин Сергей Мельгунов, узник СЛОИ²²⁷, сосланный на соловецкую каторгу, спасся только чудом - за него ходатайствовали народоволка Вера Фигнер и бывший князь Пётр Кропоткин. Мельгунов писал позднее, уже за границей, об этой каторге в её раннем варианте:

«Главное ея отличие от дореволюционной каторги состоит в том, что вся администрация, надзор, конвойная команда и т. д. - всё начальство от высшего до низшего (кроме начальника Управления) состоит из уголовных, отбывающих наказание в этом лагере. Всё это, конечно, самые отборные элементы: главным

²²⁷ Организован как "Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения (СЛОИ)". Он же "Соловецкие лагеря особого назначения", "Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения ОГПУ", "СЛОИ", "СЛАГ", "Соловецкие и Карело-Мурманские лагеря", "СКМИТЛ".

образом *чекисты, приговоренные за воровство, вымогательство, истязания и прочие проступки.*

Там, вдали от всякого общественного и юридического контроля, в полную власть этих испытанных работников отдано безправное и безгласное население "красной" каторги... Эти ходят босые, раздетые и голодные, работают минимум 14 ч. в сутки и за всякія провинности наказываются по усмотрению изобретательного начальства: палками, хлыстами, простыми карцерами и "каменными мешками", голодом, "выставлением в голом виде на комаров"...».

http://www.solovki.ca/writers_o23/melgunov.php

Чуть забегаая вперёд, упомянем для иллюстрации эпизод с Дмитрием Лихачёвым будущим академиком, который молодым филологом в 1928 году был посажен в концлагерь на северных Соловецких островах. (Говорят, что за протест против реформы русской орфографии 1918 года):

Советский плакат 1919 года во время наступления Юденича.

«.... Вот он отлучился из барака на свидание с приехавшими родителями. (Свидания в эти годы ещё были возможны по особым ходатайствам. - ЮП). К нему прибегает друг: за тобой приходили, ты включен в список на расстрел, по плану должны расстрелять 300 человек. Лихачеву удастся спрятаться и избежать расстрела, вместо него был расстрелян другой человек. Но кто же эти люди, которые для выполнения плана по расстрелам хватали кого попало? Лихачев называет их так: "В это время власть в Соловецком лагере начали захватывать сумасшедшие, садисты". Далее он подробно и верно описывает психологию, нравственность этих людей. Но ни разу не называет их политическую принадлежность.»²²⁸

Интересно, Лихачёв думает, что в «другое» время власть в лагере принадлежала не сумасшедшим и не садистам? (подробнее в http://www.solovki.ca/people_18/lihachev.php).

(Как тут не вспомнить условия жизни в ссылке в сибирском Шушенском будущего «вождя мирового пролетариата» вместе с женой Н. Крупской, когда им на двоих «резали барана на неделю».) К подобным лагерям, как к неперенным элементам советского пейзажа, мы будем постоянно возвращаться.

²²⁸ Вячеслав Орлов. "Ничего не запомнили и ничему не научились". Общая газета. 15.01.1998.

Тамбов, Кронштадт, рассказывание

Нарастает «красный террор» против крестьянства, сопротивляющегося продразвёрстке, которая была частью политики т.н. Военного коммунизма. Против восставали целые губернии, особенно традиционно зажиточные, хлебные, которые новая власть жестоко подавляла.

Стоит особо сказать о настоящей войне в одной только Тамбовской губернии, в которой не могли подавить восстание все годы Гражданской войны. След той войны со своим народом столь велик, что даже сегодняшние жители тех мест пишут на сайте (ссылку смотри в сноске):

«... Уже к октябрю 1918 г. в губернии действовали 50 продотрядов из Петрограда, Москвы, Череповца и других городов общей численностью до 5 тыс. человек. Такого размаха конфискаций не знала ни одна губерния. После того как хлеб у крестьян выгребали дочиста, он зачастую пропадал на месте: гнил на ближайших станциях, пропивался продотрядовцами, перегонялся на самогон. В докладе Ленину говорится: "В достаточной степени неряшливо, нехозяйственно вели себя органы продкома²²⁹ и в отношении использования конфискованного скота, сохранения зерна и овощей - масса скота гибла, хлеб горел, картофель мёрз". В последующих стихийных крестьянских восстаниях против насилия со стороны продотрядов и комбедов²³⁰ уже тогда приняло участие до 40 тыс. человек.»

«... Своего пика восстание достигло к февралю 1921, когда численность армий повстанцев и отрядов местной самообороны дошла до 70 тыс. человек (для сравнения - современная дивизия имеет численность около 5 тыс. человек). К этому времени повстанцы взяли под контроль практически всю Тамбовскую губернию за исключением крупных городов, и успешно отбивали атаки "карательных войск", нанося им большие потери. В феврале 1921 восстание достигло апогея, но после отмены ненавистной крестьянам продразвёрстки пошло на спад. К лету стали брать заложников и расстреливать в случае невыдачи крестьянами оружия и антоновцев. Для разгрома Антонова²³¹ использовались войска под командованием Тухачевского, который впервые применил против собственного народа химическое оружие (почти все сёла и ближний лес были заполнены газом, не взирая на детей и стариков...).²³²»

²²⁹ Видимо, продовольственный комитет.

²³⁰ Комитеты бедноты.

²³¹ Общее руководство восстанием возглавляли братья Александр и Дмитрий Антоновы. Погибли в бою в июне 1921 года.

²³² <http://www.hob-vasilevskoe.lact.ru/tambovskoe-vosstanie/tambovskoe-vosstanie-1918-1922-g-g-pod-rukovodstvom-antonova-a-s:>

Тухачевский действительно активно применял против восставших тамбовских крестьян химическое оружие? Сейчас такое считается за пределами варварством. Кирилл Александров²³³ поясняет:

«... Военного значения применение химического оружия не могло иметь — главный результат заключался в эффекте устрашения. 12 июня 1921 года Тухачевский, чтобы обеспечить сдачу партизан, скрывавшихся по берегам реки Вороны, издал приказ № 0116, распорядившись *«леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами»*, *«чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая всё, что в нем пряталось»*.

20 июня 1921 года бывший полковник-генштабист Борис Шапошников, служивший в должности помощника начальника Штаба Красной армии, телеграфировал Тухачевскому о предоставлении в его распоряжение пяти химических команд. На каждый из шести боевых участков мятежной территории предоставлялось от ста до двухсот газовых снарядов.»

https://lenta.ru/articles/2021/07/21/tambov_rebellion/-

Приведём лишь два приказа дословно.

«Приказ командования войсками Тамбовской губернии о применении газов против повстанцев

12 июня 1921 г.

№ 0116, г. Тамбов/опс

Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей.

Для немедленной очистки лесов приказываю:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая всё, что в нем пряталось.
2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.
3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.
4. О принятых мерах донести.

Командующий войсками Тухачевский

Наштавойск, генштаба Какурин». <https://diletant.media/articles/34265090/>

И ещё:

²³³ Кирилл Александров - кандидат исторических наук, доцент Свято-Филаретовского православно-христианского института (Москва).

«ПРИКАЗ

Полномочной комиссии ВЦИК № 116

г. Тамбов

23 июня 1921 г.

Опыт первого боевого участка показывает большую пригодность для быстрого очищения от бандитизма известных районов по следующему способу чистки. Намечаются особенно бандитски настроенные волости и туда выезжают представители уездной политической комиссии, особого отделения, отделения военного трибунала и командования вместе с частями, предназначенными для проведения чистки. По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60—100 наиболее видных лиц в качестве заложников и вводится осадное положение. Выезд и въезд в волость должны быть на время операции запрещены. После этого собирается полный волостной сход, на коем прочитываются приказы Полномочной Комиссии ВЦИК №№ 130 и 171 и написанный приговор для этой волости. Жителям даётся 2 часа на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей, и население ставится в известность, что в случае отказа дать упомянутые сведения заложники будут расстреляны через два часа. Если население бандитов и оружия не указало по истечении двухчасового срока, сход собирается вторично и взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и собравшимся на сход вторично предлагается выдать бандитов и оружие. Желающие исполнить это становятся отдельно, разбиваются на сотни и каждая сотня пропускается для опроса через опросную комиссию (представителей Особого отдела и Военного трибунала). Каждый должен дать показания, не отговариваясь незнанием. В случае упорства проводятся новые расстрелы и т. д. По разборке материала, добытого из опросов, создаются экспедиционные отряды с обязательным участием в них лиц, давших сведения, и других местных жителей и отправляются на ловлю бандитов. По окончании чистки осадное положение снимается, водворяется ревком и насаждается милиция.

Председатель Полномочной Комиссии В. А. Антонов-Овсеенко.

Командующий войсками Тухачевский»

<https://yuriy-yum.livejournal.com/545435.html> (странно, что номера разных приказов практически совпадают).

И это не единственные приказы. ... К лету 1921 восстание было почти ликвидировано, в том числе и Временная демократическая республика Тамбовского партизанского края, провозглашённая как "Республика Тамбовского партизанского края" со всеми правами до созыва Учредительного собрания.». Сейчас по поводу этого крестьянского восстания и методах их подавления открываются многие документы. Иначе как геноцидом собственного народа происходившее при подавлении назвать трудно.

В этом же году в марте восстают моряки и население Кронштадта. Недовольные политикой «военного коммунизма» и диктатом большевиков они потребовали проведения перевыборов Советов и изгнания из них большевиков, предоставления свободы слова, собраний и союзов всем партиям, освобождения из заключения членов

социалистических партий, обеспечения свободы торговли, разрешения крестьянам свободно пользоваться землёй и распоряжаться продуктами своего хозяйства, т. е. ликвидации продразвёрстки.

Тамбовцы и сегодня не хотят забывать трагедии советского времени. Жертвы восстания помнятся до сих пор. Меняются таблички с обещаниями, но памятника до сих пор нет.

Забастовками и демонстрациями кронштадтцев поддержали рабочие Петрограда. Восстание было подавлено превосходящими силами красноармейцев только к 18 марта, подступившими к крепости уже по тонкому весеннему льду. Начались расправы. Именно эпизод с броском красной конницы по льду финского залива на Кронштадт отразился строкой в стихотворении Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки»:

«Нас водила молодость
в сабельный поход,
Нас бросала молодость
на кронштадтский лёд ...».

Кроме крестьянства в этой войне костью в горле для красных становится русское казачество, прежде всего на Дону, на Кубани, на Урале как самое непокорное и свободолюбивое сословие бывшей империи, как менее всего поддающиеся пустой агитации и пропаганде большевистских краснобаев. В январе 1919 года проходит заседание Оргбюро ЦК РКП(б), в протоколе которого, в частности, говорится:

«Протокол заседания Организационного бюро ЦК РКП(б) 24-го января с. г.... Принять текст циркулярного письма (об отношении к казакам - ЮП). Предложить Комиссариату земледелия разработать практические мероприятия по переселению бедноты в широком масштабе на казачьи земли. ...»²³⁴.*

²³⁴ Известия ЦК КПСС. 1989 г. №6.

В журнале «Известия ЦК КПСС», где приводится этот протокол, сказано, что текст циркулярного письма ЦК об отношении к казакам в протоколе заседания Оргбюро ЦК РКП(б) отсутствует.

Однако, в ЦПА ИМЛ²³⁵ имеется копия указанного циркулярного письма, которую приводим ниже с некоторыми купюрами:

«Циркулярно, секретно (!! - ЮП)

24 января 1919 г.

Последние события на различных фронтах в казачьих районах — наши продвижения в глубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск — заставляет нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

- 1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.*
- 2. Конфисковать хлеб и заставлять ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.*
- 3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно.*
- 4. Уравнять пришлых «иностранцев» к казакам в земельном и во всех других отношениях.*
- 5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.*
- 6. ...*
- 7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.*
- 8. ...*

Центральный Комитет РКП.»

Какую-токую иногороднюю бедноту собрались переселять на казацкие земли? На земли истреблённых казаков и их семей? Цели очевидны — ввести раздор между

²³⁵ ЦПА ИМЛ — Центральный ПартАрхив Института Марксизма-Ленинизма. А как же — «Партия» должна была иметь свой институт, чтобы без конца углублять, развивать и распространять своё учение, придавать ему наукообразность, и заодно хорошо кормить огромную ораву «учёных» от марксизма.

иногогородними и потомственными казаками, разводнить казацкую среду, их вольный дух. Так началось рассказывание. Подписей под письмом не приводится, однако, ясно, что без верхушки, т.е. Свердлова, Троцкого, Ленина – обойтись не могло.

И местные коммунисты ретиво принимаются за дело. Не будем даже пытаться дать число жертв этих зачисток, этого мы не узнаем. И в феврале 1919 г. появляется секретный приказ председателя РВС Республики Троцкого, 5 февраля — приказ № 171 РВС Южного фронта «О рассказывании», т.е. о реализации «циркуляционного письма» ЦК. Под вопрос выживания ставится всё казачество как сословие.

Неудивительно, что этот террор против донских казаков... явился главной причиной вспыхнувшего в марте этого года казачьего восстания, охватившего многие станицы Верхне-Донского округа. Но местные партийные, советские и военные власти и прежде всего члены Донского Ревкома продолжали линию «рассказывания», чем способствовали разрастанию восстания. И уже в мае деникинцы прорывают фронт у Миллерово и соединяются с казаками-мятежниками, что сильно осложнило действия Красной Армии против войск Деникина. <http://doc20vek.ru/node/3956>

Шолохов пишет, что как раз после этого секретного письма-приказа ЦК в хутор Татарский *«... приехали из округа двое: следователь по местным делам — молодой вешенский казак, служивший в 28-м полку, и другой, в тулупе поверх кожаной куртки. Они предъявили мандаты ревтрибунала ...»*

и спутник следователя говорил председателю хуторской власти:

«— По округу наблюдаются волнения. Оставшаяся белогвардейщина поднимает голову и начинает смущать трудовое казачество. Необходимо изъять всё наиболее враждебное нам. Офицеров, попов, атаманов, жандармов, богатеев — всех, кто активно с нами боролся, давай на список. Следователю помоги ...»

И на завтра семь человек казаков арестованы, увезены в станицу и там расстреляны. ...Представитель станичного ревкома, агитатор Иосиф Штокман разъясняет растерянному от такой жестокости председателю суть советской политики:

«— Должен ты усвоить вот что, да крепко усвоить! Фронт в полтораста верстах от нас. Основная масса казачества настроена к нам враждебно. И это — потому, что кулаки ваши, кулаки-казаки, то есть атаманы и прочая верхушка, пользуются у трудового казачества огромным весом, имеют вес, так сказать. Почему? Ну, это же тоже должно быть тебе понятно. Казаки — особое сословие, военщина. Любовь к чинам, к «отцам-командирам» прививалась царизмом... А эти самые отцы-командиры приказывали рабочие стачки разгонять... Казакам триста лет дурманили голову. ...Рязанский кулак, ущемили его, — он шипит на советскую власть, бессилен, из-за угла только опасен. А донской кулак? Это вооруженный кулак. Это опасная и ядовитая гадина! Он силен. Он будет не только шипеть, распускать порочащие нас слухи, клеветать на нас, как это делали, по твоим словам, Коришонов и другие, но и попытается открыто выступить против нас. Ну, конечно! Он возьмет винтовку и будет бить нас. Тебя будет бить! И постарается увлечь за собой и остальных казаков, так сказать — средне-имущественного казака и даже бедняка. Их руками он

норовит бить нас! В чем же дело! Уличён в действиях против нас? Готово! Разговор короткий, — к стенке! И тут нечего слюнявиться жалостью: хороший, мол, человек был.»

Председатель обоснованно беспокоится, что простые казаки откачнутся от советской власти за эти жестокости.

«— Не откачнутся, если внушить им нашу классовую правду! Трудовым казакам только с нами по пути, а не с кулачьём! Ах, ты!.. Да кулаки же их трудом — их трудом! — живут. Жиреют!.. Эх, ты, шляпа! Размагнитился! Душок у тебя... Я за тебя возьмусь! Этакая дубина! Рабочий парень, а слюни интеллигентские... Как какой-нибудь паршивенький эсеришка! Ты смотри у меня, Иван!».

И далее он же:

«- Если по округу не взять наиболее активных врагов - будет восстание. Если своевременно сейчас изолировать их - восстания может не быть. Для этого не обязательно всех расстреливать. Уничтожить нужно только матёрых, а остальных - ну хотя бы отправить в глубь России. Но вообще с врагами нечего церемониться! "Революцию в перчатках не делают", - говорил Ленин. Была ли необходимость расстреливать в данном случае этих людей? Я думаю да! ...Вообще же переживать тут нечего....Или они нас, или мы их!».²³⁶

Вот и весь большевистский сказ. Однако, уверительно-агитационные речи Штокмана не предотвратили восстания. И ещё более ожесточилась война красных с белыми, и ещё резче делились сами казаки на белых и красных.

Война с собственным народом продолжается.

Польский поход, линия Керзона

Но ни война с Деникиным на юге (и там же потом с Врангелем) и с непокорным казачеством, ни Тамбовское восстание не могли отвлечь большевиков от главного замысла - мировая революция, уже, как казалось, явившаяся на горизонте, на западе. Да и повод для похода подходящий! Польша на нас двинулась в пылу собственного патриотического подъёма после выхода из империи! Царизма нет! Польша — свободная страна! Хорошо бы заодно прибрать к себе и прежние исторические восточные земли.

Чуть предыстории. В августе 1918 года СовНарКом РСФСР издаёт декрет об отказе от договоров, заключённых Российской империей с Австрией и Пруссией, в том числе и касающихся разделов Польши как противоречащих «принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа». И уже в

²³⁶ Михаил Шолохов «Тихий Дон».

октябре Регентский совет Польши провозглашает независимое польское государство, хотя ещё и оккупированное немцами. Однако территория новой Польши тогда оказывается гораздо меньше, той которую мы знаем сейчас. Так, с севера над ней нависала, преграждая доступ к Балтике Западная и Восточная Пруссии, причём последняя тянется по балтийскому берегу до самой Литвы, и нынешняя Клайпеда называлась Мемелем (земли остзейских немцев), а Гданьск – Данцигом, Калининград – Кёнигсбергом (столица Восточной Пруссии), Ольштын – Алленштейном, Щецин – Штеттином и др. Всё это в 20-е годы – Германия. С запада и юго-запада Польша подпиралась также немецкими землями, и Вроцлав именовался Бреслау, Познань – Позеном и т.д. Исторически это были спорные с немцами земли. После отхода немцев осенью 1918 года на волне патриотического подъёма по поводу обретения независимости поляки создают новую армию с командующим националистом Юзефом Пилсудским и собираются возвращать себе ещё и земли Западных Белоруссии и Украины, когда-то входившие состав Речи Посполитой. Да и момент очень подходящий – в России война, русские заняты самоистреблением, белые и красные делят власть на Руси, не до соседей. Начав боевые действия весной 1919 года, польская армия к началу зимы занимает Вильнюс (тогда Вильно), всю западную Беларусь вместе с Минском, западную Украину, включая Львов, и подходит с севера к Румынии и Бессарабии. Малобеспособные части Красной Армии откатываются на восток. К весне 1920-го года фронт стабилизируется, резервы наскоро собранного Войска Польского истощаются.

Польская кавалерия вступает в Киев 7 мая 1920 года

Эдвард Рыдз-Смиглы

Наступление поляков оказывается для большевиков вдвойне обидным и опасным. Кроме того, что они создали настоящую военную угрозу самой большевистской власти (Ленин писал позже:

«Польская война была войной на два фронта, с угрозой Врангеля, войной, которую нельзя было назвать окраинной, потому что линия Пилсудского проходила

не в очень далёком расстоянии от Москвы».²³⁷), так эта угроза исходила ещё и от небольшого осколка Российской империи, с 1815 года входившего в нашу империю на правах провинции. И вдруг эти ляхи, паны, битые нами последние 300 лет, берут Киев, мать городов русских, и оказываются под Смоленском опять ...

И тут в Красную Армию идёт свежее пополнение. Создатель РККА Троцкий пишет о создавшейся ситуации: « ... Тогда партия бросила лозунг: "*На борьбу с польскими панам!*" Туда движется масса коммунистов, направляются десятки тысяч добровольцев со всех фронтов на западный фронт спешат старые испытанные полки и дивизии.»²³⁸

А ситуация возникает очень интересная – война с белогвардейцами не отменяла главных лозунгов о скорой победе мировой революции, так что сейчас самый раз помочь угнетённому польскому пролетариату скинуть буржуазную власть своих панов. Исследователи этой темы часто приводят ленинский лозунг: «Через Варшаву на Париж и Берлин!», однако установить точно принадлежность этого призыва Ленину затруднительно. Да в конце концов это не так важно – настроение «вперёд, на панскую Польшу!» носилось в воздухе везде, где обосновывались мечтатели о мировой революции. А будущая советская Польша – это уже открытый коридор в Германию.

И в начале июня 1920 года под напором красных, где особую роль сыграла 1-я Конная армия Семёна Будённого, польские войска оставляют Киев. Красная Армия берёт курс на Запад, вдогонку.

Троцкий гораздо позже описывает начало кампании:

«Удар на поляков обрушивается прежде всего с северного участка, затем открывается наше наступление на Украине. Оно приводит к занятию Киева, после чего приходит прорыв укреплённых польских позиций на фронте свыше 100 километров. Наши армии стремительно продвигаются вперёд, занимают Минск, Вильно ... Корпус Гая²³⁹ ... разбивает крупные силы поляков и, в обход Варшавы с севера, занимает Данцигский коридор.»²⁴⁰

²³⁷ Ленин В. И. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии // Полн. собр. соч. Т. 42. М., 1962. С. 25.

²³⁸ Лев Троцкий. Сталин (том 2).

²³⁹ Гая Гай – красный полководец. Расстрелян своими в 1938 г.

²⁴⁰ Исторический термин для обозначения части польской территории в первой половине 20-го века, узкой полосой выходящей к Балтийскому морю в районе Данцига (Гданьска) и отделяющей [Восточную Пруссию](#) от основной территории [Германии](#). Иногда говорят Польский коридор.

Командующий Западным фронтом Михаил Тухачевский перед решающим походом на Польшу в наступательном порыве в начале июля 1920 года издаёт приказ, нацеливающий бойцов и командиров фронта на сокрушение «белой Польши», на предстоящее в недалеком будущем последнее решительное наступление на польскую столицу:

«... Бойцы рабочей революции. Устремите свои взоры на запад. На западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад! К решительным битвам, к громозвучным победам! Стройтесь в боевые колонны! Прорвал час наступления. На Вильну²⁴¹, Минск, Варшаву — марш!!».

Итак, белую Польшу (что это такое вообще) уже похоронили, она уже «труп». (Интересно, что за 100 лет до этого Пушкин тоже уже хоронил Польшу, иронично приглашая очередных завоевателей:

«... Ступайте ж к нам: вас Русь зовёт!

Но знайте, прощенные гости!

Уж Польша вас не поведёт:

Через её шагнёте кости!..».

Опять кости! Уже тогда?)

Командование РККА рассчитывает на быструю победу над Польшей и на перспективу продвижения в Восточную Пруссию, Румынию и Венгрию. Успехи Красной армии убеждают Ленина в близости установления советской власти в Европе, и, в предвкушении чего в Петрограде созывается 2-й Конгресс III-го Интернационала с тем, чтобы подготовить левые партии Европы к этим событиям. На сцене зала проведения Конгресса устанавливается огромная карта Европы, на которой флажками отмечается продвижение Красной армии на Варшаву.

Однако слишком быстрое и мощное наступление Красной Армии летом 1920 года беспокоит Запад и прежде всего англичан, и тут же 11 июля их министр иностранных дел Джордж Керзон, оценив обстановку, направляет Чичерину и, вероятно, полякам, ноту, в которой призывает остановиться и отойти нашим войскам за линию, начинающуюся с юга Литвы и идущую почти вертикально на юг до севера Словакии, оставляя впрочем Брест и львовщину в нашей зоне влияния. А сама эта линия фиксируется как восточная граница новой независимой Польши в специальной декларации Антанты ещё в декабре 1919 года и совпадает с линией этнографического преобладания поляков. Но куда там! Разве может какой-то Керзон остановить Красную машину! (А зря не согласились, как мы скоро увидим.)

Между тем, положение польских войск ухудшается также и на украинском направлении, где вновь перешёл в наступление Юго-Западный фронт под командованием Александра Егорова (со Сталиным в качестве члена Реввоенсовета),

²⁴¹ Так назывался тогда Вильнюс, будучи под Польшей.

главной целью которого является захват львовского укрепрайона. И хотя в июле Польша уже запросила перемирие, 25 июля Юго-Западный фронт начал Львовскую наступательную операцию, однако овладеть Львовом так и не смог. При этом надо признать, что по мере продвижения наших армий к Висле ожесточение обороняющихся нарастает, пружина сопротивления сжимается. А наши тылы с обеспечением, боеприпасами растянуты и не успевают за фронтом.

Вот как описывает впоследствии сложившуюся ситуацию участник Белого движения, генерал-майор Генштаба старой армии Гончаренко:

«Ты – записался добровольцем?» – упрекает комиссар тебя, незаписавшегося. "Отчего вы не в армии?" – деликатно осведомляется белый офицер.

«Стремительное движение вперёд, без подготовки тыла и оборудования коммуникационных линий, со своей стороны самым решительным образом отразилось на проигрыше кампании. Вожди Красной армии ослеплены политическими соображениями...»²⁴².

И далее Дмитрий Абрамов пишет, что тем не менее, к началу августа «положение Польши было критическим и близким к катастрофе. Причём не только из-за быстрого отступления в Белоруссии, но и из-за ухудшения международного положения

страны, т.к. Англия фактически перестала оказывать Польше военную и экономическую помощь, Германия и Чехословакия закрыли границы с Польшей и единственным пунктом доставки грузов в республику остался Данциг.»

Причём иностранные дипмиссии в Варшаве даже начинают собирать чемоданы. И пока идут переговоры польское командование успевает сгруппировать при помощи французской военной миссии значительные резервы в районах Варшавы и Люблина. Наступает кризис в этой компании, т.к. у красных в этот самый неподходящий момент возникают трения между амбициозными лидерами в военном руководстве большевиков. Об этих трениях в руководстве Рой Медведев пишет:

«2 августа 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение объединить все армии, действовавшие против Польши в составе Западного фронта (командующий М. Тухачевский). Одновременно было решено создать

²⁴² Дмитрий Абрамов. «Гражданская война. Миссия России.»

самостоятельный Южный фронт. Сталину было предложено сформировать РВС нового фронта, о чем Ленин в августе направляет ему телеграмму:

«...Только что провели в Политбюро разделение фронтов, чтобы Вы исключительно занялись Врангелем. В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем и в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, и внутри Цека растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей. Я Вас прошу очень внимательно обсудить положение с Врангелем и дать Ваше заключение»²⁴³.

Одновременно Главком Сергей Каменев (не путать со Львом Каменевым) на основании директивы ЦК предложил в ближайшие дни передать 1-ю Конную армию Будённого и 12-ю армию Юго-Западного фронта в распоряжение командования Западного фронта, чтобы укрепить войска на главном, Варшавском направлении. Сталин отказался выполнить указания Ленина и Каменева. Ленин 3 августа направил Сталину новую телеграмму, настаивая на разделении фронтов:

«Наша дипломатия подчинена Цека и никогда не сорвёт наших успехов, если опасность Врангеля не вызовет колебаний внутри Цека».

... В августе ЦК решает разделить фронты и передаёт Западному фронту также 14-ю армию. Главком отдаёт на этот счет необходимые распоряжения. Но Сталин и находившийся под его влиянием командующий Юго-Западным фронтом Александр Егоров не выполняют этой директивы. ... Напротив, отдают приказ Первой конной армии «в самый кратчайший срок мощным ударом уничтожить противника на правом берегу Буга, форсировать реку и на плечах бегущих остатков 3-й и 6-й польских армий захватить город Львов».

Выполнить этот приказ Первая конная не смогла. Но и Западный фронт потерпел неудачу при наступлении на Варшаву. Конечно, неудача Варшавской операции может быть объяснена несколькими причинами. Однако не последнее место среди них занимает самоуправство Сталина. Располагая крупными, стремился сам вступить в Варшаву с тыла после взятия Львова силами, он не хотел, чтобы победные лавры достались Западному фронту. «Ну кто же на Варшаву ходит через Львов?»,- заметил по этому поводу Ленин...»²⁴⁴

Поскольку Сталин не подчинился приказам Главкома, Секретариат ЦК в августе вызывает его в Москву для личных объяснений, где он подаёт в Политбюро просьбу освободить его от военных дел, что и было удовлетворено.

Об этих событиях Троцкий пишет:

«16 августа под стенами Варшавы после короткого и сильного удара Пилсудский переходит в наступление, прорывает наш фронт на севере, оттесняет корпус Гая и Четвертую армию на германскую территорию

²⁴³ ПСС т.51. стр.246.

²⁴⁴ Рой Медведев. «О Сталине и сталинизме.».

(видимо, на север в Восточную Пруссию - ЮП). Наши войска откатываются на сотни километров назад. Одной из причин тех чрезвычайных размеров, которые приняла катастрофа под Варшавой, явилось поведение командования Южной группы советских армий с направлением на Львов (Лемберг). Главной политической фигурой в Революционном Военном Совете этой группы был Сталин. ...Особенно тяжелые последствия имело его самоуправство именно во время Польской кампании. К решающему моменту операционная линия Юго-Западного фронта разошлась с операционной линией главного Западного фронта под прямым углом. В то время как фронт Тухачевского приближался к Варшаве, Юго-Западный фронт, в состав которого входил Сталин, двигался на Лемберг. **Сталин вёл свою собственную войну.** (выделено мной. - ЮП). Он хотел во что бы то ни стало войти в Львов в то время, как Смилга и Тухачевский войдут в Варшаву. Когда предстоящий контрудар под Варшавой окончательно выяснился, главное командование приказало Егорову, командующему Юго-Западным фронтом, круто переменить направление, чтобы ударить во фланг польских войск под Варшавой и поддержать Тухачевского с фланга. Но Юго-Западное командование, поощряемое Сталиным, продолжало двигаться на запад: разве не более важно самим завладеть Львовом, чем "другим" взять Варшаву? В течение трех или четырех дней ставка не могла добиться исполнения приказа. Только в результате повторных приказов и угроз Юго-Западное командование переменяло направление. Но несколько дней запоздания сыграли роковую роль.».

(Обратим здесь внимание на чрезвычайно интересные высказывания разных людей об опасных тенденциях в общественном поведении Сталина.

Троцкий: «Сталин вёл свою собственную войну. Он хотел во что бы то ни стало войти в Львов в то время, как Смилга и Тухачевский войдут в Варшаву.», и вторящий ему Рой Медведев:

«он не хотел, чтобы победные лавры достались Западному фронту. Видимо, стремился сам вступить в Варшаву с тыла после взятия Львова.».

Будем иметь ввиду эти характеристики будущего «вождя всех народов» в дальнейшем.)

Лишь 29 августа Первая Конная Армия Будённого подходит с юга вплотную к небольшому, но стратегически важному городку Замостье. 31 августа к юго-востоку от Замостья произошло крупное кавалерийское сражение, вошедшее в историю как битва при Комарове. Сражение закончилось решительной победой поляков, 1-я Конная была вынуждена отступить и вскоре была снята с фронта. Красная армия начала отступление на восток. Именно бои за этот городок и отразились в строке песни «...на Дону и в Замостье тлеют белые кости / И порубанный стелется враг ...». Ну, остались там, конечно, не только кости белополяков, но петь весело о собственных костях было бы совсем уж неловко.

По поводу этих событий военный теоретик Александр Свечин пишет:

«Польша в 1920 г. являлась более серьезным противником, чем Врангель. С точки зрения сокрушения, правильным являлось направление важнейших усилий против Варшавы. Действительно, с советизацией Польши, с расширением революции в европейском масштабе не растаял бы Врангель сам собой, безо всяких усилий со стороны Красной Армии? Решительный пункт — Варшава — определил бы и судьбы Крыма... Стратегия не может рассматривать польскую войну изолированно. В конечном счете Варшавскую операцию выиграл не Пилсудский, а Врангель; возможность Люблинского удара поляков создавалась на почве раздвоения внимания Южного фронта, откуда и преследование последним в Польше скорее местных целей, чем энергичное наступление к Висле. Крым и Варшава были поставлены, как цели операций, в обратном порядке против должного, что привело к неприятным последствиям».²⁴⁵

Но писатель Юрий Емельянов указывает на якобы проницательность Сталина: «Совершенно очевидно, что Сталин не рассчитывал на то, что классовая солидарность окажется выше национальных чувств большинства поляков. Эти иллюзии разделяли те члены партийного руководства, которые имели давние связи с социалистами Западной Европы и видели в России лишь плацдарм мировой революции, которая должна была развернуться на Западе. Ещё в 1919 году, в период недолгого существования Советской власти в Венгрии и Баварии, Троцкий ставил под угрозу судьбу Восточного фронта, перебрасывая войска на запад, чтобы прорваться на помощь революционерам этих стран. В середине 1920 года многие советские руководители были уверены, что взятие Варшавы послужит сигналом для революции в Германии, а затем и в других странах. Сталин же постоянно выступал против попыток развивать наступление в областях, населённых главным образом поляками. 24 июня он говорил корреспонденту УкрРОСТА:

«Не надо забывать, что у поляков имеются резервы, которые уже подтянуты к Новгород-Волынскому и действия которых, несомненно, скажутся на днях».

Он обращал внимание на то, что Польша опиралась на помощь многих западных стран: **«Мы воюем не только с поляками, но и со всей Антантой, мобилизовавшей все чёрные силы Германии, Австрии, Румынии, снабжающей поляков всеми видами довольствия».**»²⁴⁶

²⁴⁵ Свечин А. Стратегия. М., 1927. С. 261. (Александр Свечин, генерал-майор царской армии, перешедший на службу в РККА, профессор Академии Генерального штаба РККА. Осуждён и расстрелян советской властью в числе известных военных деятелей и преподавателей генштаба, всего в этом списке 139 советских военных.)

²⁴⁶ Юрий Емельянов. «Сталин. Путь к власти»

Вот, оказывается, как! Сталин-то предвидел этот разгром, и у него не было иллюзий, но его почему-то никто не послушал! И вот -- поражение. Откат красных войск на восток являл катастрофическую картину. Исаак Бабель посвятил походам 1-й Конной большой сборник рассказов «Конармия». Эпизод «Замостье» заканчивается печально -- будённовцы после проигранного сражения отходят. Два бойца едут на одной уставшей лошади:

- «Обозы бежали, ревели и тонули в грязи. Лошадь наша шатается.
 – Кобыла пристанет через две версты,-- говорит Волков, сидящий сзади.
 Молчание.
 – Мы проиграли кампанию,- бормочет Волков и всхрапывает.
 – Да, - говорю я.».

Печален и Николай Островский, будённовец, участник этих боёв:
«Борьба с белополяками закончилась. Красные армии, бывшие почти у стен Варшавы, израсходовав все материальные и физические силы, оторванные от своих баз, не могли взять последнего рубежа, отошли обратно. Случилось «чудо на Висле», как поляки называют отход красных от Варшавы. Белопанская Польша осталась жить. Мечту о Польской советской

социалистической республике пока не удалось осуществить. Страна, залитая кровью, требовала передышки.»²⁴⁷

Это он о не рассчитавшей своих сил Советской стране. А «труп» Польши, пригрезившийся кремлёвским вождям, вдруг ожил и показал соседям с востока крепкие зубы. «Призрак коммунизма» подвёл их. Первая серьёзная авантюра Советов за рубежом окончилась трагически. Только лишь в ходе Варшавской операции погибли 25 тыс. красноармейцев, 60 тысяч попали в польский плен (всего же за компанию поляки пленили по разным оценкам от 80 до 130 тысяч красноармейцев), свыше 50 тыс. скрылись в Восточную Пруссию и были там интернированы. Несколько тысяч человек пропали без вести. И это – без учёта собственно боевых потерь. Да кто же у нас и когда считался с людскими потерями! Авантюру верхушки большевиков оплатил доверчивый простой народ собственными жертвами.

В марте 1921 года по Рижскому мирному договору Советская сторона возвращает Польской Республике военные трофеи, все научные и культурные ценности, вывезенные с территории Царства Польского начиная с 1 января 1772 года, а также уплачивает в течение года 30 млн золотых рублей за вклад Царства Польского в хозяйственную жизнь Российской империи и передаёт имущества на сумму 18 млн золотых рублей, то есть де-факто репарации. В результате наших «усилий» панская Польша необычайно распухла на восток, почти до Минска. Вот почему надо было вовремя соглашаться на предложение Керзона в 1920 году. А предлагаемая им ранее линия разграничения, проведённая от южной точки Литвы на юг до восточной границы Словакии, вместе с Брестом-Литовским, осталась в глубоком польском тылу.

Большевики необычайно обижены и обескуражены. Как же так, негодует командарм Климент Ворошилов:

"Мы ждали от польских рабочих и крестьян восстаний и революции, а получили шовинизм и тупую ненависть к "русским".

(из письма Ворошилова к Орджоникидзе 4 августа 1920 года)

Забавно слушать эту наивность, достойную барышень-смолянок! Вроде бы Ворошилов - солидный деятель, в те годы он - один из организаторов и член Реввоенсовета 1-й Конной армии, член ...ещё чего-то, командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. Он что, думал, что поляки при вторжении большевиков бросятся на шею наступающим будённовцам в братском пролетарском порыве? А куда девать вековые войны с русскими за Украину, Беларусь, Литву? А куда девать обиды за столетнее пребывание в роли крошечной провинции в ряду других в Российской империи? И куда девать подавление восстаний в 1830-м, в 1863 годах, например? А поляки - гонористая нация, националисты, мы для них, в основном русские, недавние поработители, и они нас, прежде всего, боятся и не хотят иметь с нами никаких дел. Или новые хозяева страны не знают историю? Во всяком случае восточные земли прежней Речи Посполитой нынешние поляки прибрать были очень не против. И им это частично и на 20 лет вперёд удалось.

«Разрушая польскую армию, мы разрушаем тот Версальский мир, на котором держится вся система теперешних международных отношений. Если бы Польша стала советской, Версальский мир был бы разрушен и вся

²⁴⁷ Николай Островский. «Как закалялась сталь.»

международная система, которая завоёвана победами над Германией, рушилась бы»²⁴⁸ - писал потом великий разрушитель Ленин.

Кстати, Черчилль тоже называл Польшу «опорой Версальского договора».²⁴⁹ Но, вероятно, совсем в другом ключе.

Но зачем, спросит европеец, разрушать мир в Европе, заложенный условиями Версальского договора? И услышит: а нам не нравится мир в Европе вообще! Нужна

Петроград. На плакате «Трепещите, польские паны. Питерские коммунисты отправляются на польск. фронт.»

война, перерастающая в битвы с мировым капитализмом. И война против Польши была составной частью большого плана, идеи «мировой революции».

Но она закончилась поражением. Европейцы не поддержали кровавые мечты кремлёвских стратегов.

Вообще, как потом в простоте признался «вождь», (в надежде, вероятно, хоть как-то утешить своих приунывших

военачальников), это было лишь прощупывание ситуации на созревание мировой революции в Европе:

«Насколько нам удалось **прощупать** штыком готовность Польши к социальной революции? Мы должны сказать, что эта готовность мала. **Прощупать** штыком – это значило получить прямой доступ к польскому батрачеству и к польскому промышленному пролетариату, поскольку он остался в Польше. Промышленный пролетариат оставался в Варшаве, в Лодзи, в Домбровицах, которые от границы очень далеко. С другой стороны, чтобы действительно **прощупать** степень готовности пролетариата Польши, в первую голову промышленного и во вторую голову батрацкого, стоящего на базисе засилья, мы должны были очистить от польских буржуазных войск и занять не только район Варшавы, но и те районы, где есть промышленный пролетариат. А эти районы начинаются ещё раньше, чем Варшава, которую занять не удалось. Поэтому **прощупать** готовность Польши [к] социалистической революции удалось чрезвычайно мало.

Мы встретили большой национальный подъём мелких буржуазных элементов, которые по мере приближения к Варшаве приходили в ужас за своё национальное существование. Нам не удалось **прощупать** действительного

²⁴⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 324–325.

²⁴⁹ См.: Churchill W. The World Crisis: The Aftermath. London, 1929. P. 262.

настроения пролетарских масс и в батрачестве, и в рядах промышленного пролетариата Польши. Нам не удалось **прощупать** развития и подготовки к социалистической революции пролетариата в Варшаве. Наше приближение доказало, что Польша нас победить не может, а мы очень недалеко от этого.»²⁵⁰

В 23-х неполных строках цитаты – разрушитель мирового порядка 6 раз повторил слово «прощупать»! Это что-то да значит!

Думается, вождь был по-настоящему шокирован поражением и стал эту авантюру называть «прощупыванием». «Прощупывание» ценой сотен тысяч человеческих

жизней! И в итоге – «Нет, ситуация ещё не созрела!». Что ж, до Варшавы и Берлина не дошли в этот раз. Большевики глубоко затаили обиду. И мечту. «Даёшь Варшаву, дай Берлин ...». Но не «дали» им в этот раз ни того, ни другого. В частности, и поэтому у нас в советское время так мало о советско-польской войне упоминалось. Зато ноющие раны неудавшегося похода напоминали о себе болью то в песнях, то в стихах (см. врезки со словами песен).

Николай Асеев.

«Марш Будённого»

...

Пусть паны не хвастают
посадкой на скаку,--
смелем рысью частою
их эскадрон в муку. ...

Все, что мелкой пташкою
вьется на пути,
перед острой шашкою
в сторону лети.

Не затеваем бой мы,
но, помня Перекоп,
всегда храним обоймы
для **белых черепов**.

Пусть уздечки звякают
памятью о нём, --
так растопчем всякую
гадину конём...

Демьян Бедный. «Жёсткий
срок» ...

Шляхта подлая, тупая
Понапрасну нос дерёт.
Отступая, наступая,
Мы идем вперёд, вперёд.

Путь известен: до Варшавы.
Видел место я вчера,
Где наводят переправы
Наши чудо-мастера.

Красным штабом самый точный
Обозначен им урок:
«Нужен мост на диво прочный
В срок — кратчайший. Жёсткий
срок»....

Через Неман на Варшаву
«Шьют» стальную колею.
Всем путейцам нашим славу
Я охотно пропою.

Не напрасно путь здесь ляжет.
Красный фронт наш дал зарок:
Чванной шляхте он покажет,
Что такое «жёсткий срок».

²⁵⁰ Из стенограммы выступления Ленина с политическим отчетом ЦК РКП(б) на IX конференции РКП(б) 20.09.1920.

<https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/72236>

А в советской школе вообще опускалась эта тема, или упоминалась очень вскользь. Польский поход стал началом конца мифа о мировой революции. Однако лидеры большевиков не хотели в это верить. И потому миф умирал очень долго.

Но зато навсегда остались поэтические опыты участников этих походов - Асеева, Бедного и др. Судя по стилистике, советские стихотворцы просто соревновались между собой в апломбе и живодеёрской ненависти к своим новым западным соседям.

Впрочем, наверняка гонористые поляки, вчерашние подданные бывшей Империи платили нарождающейся Красной империи той же монетой.

Гилянская республика

И ещё одна авантюра.

Не только на Запад обращается алчный революционный взор большевистской Москвы.

Напротив, неутомимый Троцкий, будучи в то время председателем Реввоенсовета республики с соратниками вынашивает план подрыва мировой буржуазии путём революционного взрыва и на Востоке. Вроде бы даже специальный экспедиционный корпус для похода в Индию формировать начали, но потом вспомнили, что ещё и в самой стране не все белогвардейцы перебиты, да и Гиндукуш перейти – это тебе не кубанские степи на тачанке проскакать.

Трудящиеся Петрограда поносят лорда Керзона и возносят пролетариат Персии. А кроме как помитинговать - других забот в стране, конечно, нет.

А вот есть такая зелёная персидская провинция Гилян, тянущаяся полосой к югу от Азербайджана вдоль юго-западного побережья Каспия. И ситуация подходящая – много бедняков, мечтающих о лучшей доле, много ненависти к богачам, слабая центральная власть шаха в Тегеране, и предлог подходящий есть – десятки российских судов были угнаны отступающими белогвардейцами и казаками в каспийский порт

Энзели в Гиляне. Это скорее всего как раз те места, куда заплывал на своих стругах-челнах Степан Разин со своими молодцами разгуляться-потешиться, поураганить да прибрать что плохо лежит, да персидских княжон с собой умыкнуть и удаль свою

показать. Кроме того, всего пять лет назад в Великую войну русские войска высадились в порту Энзели, и к концу декабря разгромили протурецкие вооружённые отряды персов и взяли под контроль именно эту территорию Северной Персии. Но потом вынуждены были уйти.

Интересно, что уже «... в январе 1920 года командующий Туркестанским фронтом Михаил Фрунзе пишет в РВС Республики : *“Предстоят большие расходы в связи с организацией революционных войск на территории Персии.”* и просит выделения новых партий оружия и боеприпасов.»²⁵¹.

Используя для наступления указанный выше предлог, ещё в марте началось планирование операции по захвату Энзели. Троцкий даёт приказ командующему Каспийской флотилией Фёдору Раскольникову:

*“Очищение Каспия от Белого флота должно быть выполнено во что бы то ни стало. Если потребуется десант, то он должен быть совершён... т.к. Персия не в состоянии разоружить белогвардейские суда.”*²⁵²

После артобстрела Энзели был взят, англичане капитулировали на условии пропуска в Решт, а в руки Каспийской флотилии и советского государства попали несколько десятков боевых и вспомогательных кораблей, орудий, пулемётов ...

А на суше штаб XI армии, недавно ворвавшейся в Азербайджан и ожидавшей приказа на похожие действия в отношении Армении и Грузии, оповестил подчинённых:²⁵³ (Стоит обратить внимание на этот текст ниже – какова риторика !):

“В северной Персии ... персидский пролетариат сбросил с себя иго своего шаха и ханов с их правительством и открыл героическую войну против их помощников и покровителей - Антанты. Из революционного пролетариата образована Персидская Красная Армия, Главкомом коей избран тов. Мирза-Кучук. ... На доблестную XI армию возлагается чрезвычайно важная и почетная задача - организовать, вооружить, одеть, обуть и снабдить по своему образу и подобию столь же доблестную Рабоче-Крестьянскую Красную персидскую Армию, обучить и воспитать её в духе III Интернационала и предоставить ей уже своими силами сравняться доблестью с нашей XI армией и, изгнав из своих пределов шаха, ханов и Антанту, раскрепостить пролетариат и наделить его по возможности землёй и всеми благами свободного суверенного народа... Во исполнение сего в Баку при штабе XI армии образуется управление по формированию Персидской армии.»

Вот как - нам ещё и персов вооружать надо!

И хотя местный царёк товарищ Мирза-Кучук неожиданно предал революционное дело, в июле начинается первое крупномасштабное наступление на юг - на Казвин и Тегеран, которое по мысли Иранского бюро и РВС Персидской армии должно привести к победе пролетарской революции в стране. Однако вскоре наступление буксует, и в конце концов персидская революционная армия откатывается до Энзели.

И там же мы читаем:

«Любопытно, что походы на Варшаву и на Тегеран потерпели поражение примерно в одно и то же время. Попытки принести на штыках революцию на Запад и Восток провалились ... фактически по одной причине - преувеличении степени

²⁵¹ Павел Аптекарь. «Неизвестная советская республика». <http://rkka.ru/oper/pers/pers.htm#b1>. Далее по тексту о Гилянской республике цитаты приводятся из этого же источника.

²⁵² Там же

²⁵³ Там же

недовольства масс существующим режимом и недооценке патриотических чувств простого народа. В Польше и в Персии в тылу оккупантов возникали партизанские отряды, население бежало от наступающей Красной Армии, бросая имущество...».

И этой зимой всякие боевые действия замораживаются.

«А в марте 1921 года был подписан договор между РСФСР и Персией о ненападении и сотрудничестве, который предусматривал раздел Каспийского моря и возможность ввода советских войск в случае проведения Тегераном недружественной антисоветской политики (именно этот договор будет использован нашим правительством для ввода в северный Иран трёх армией в августе 1941 года). Москва, в свою очередь, обязалась вывести части Красной Армии из Северной Персии. ... Вскоре после вывода наших частей в 1921 года персидские революционеры затеяли междоусобную войну, воспользовавшись которой, шах восстановил свою власть над Каспийским побережьем.», - заключает Павел Аптекарь. Этим персидский поход и закончился. Но игры с Персией-Ираном, как видим, не закончились до сих пор.

Недолгая жизнь этой очередной авантюры интересна нам ещё одним аспектом. В 1920 году «оживший» после покушения на Мирбаха и уже облечённый доверием большевиков авантюрист Яков Блюмкин участвует в создании Иранской коммунистической партии, становится членом её Центрального комитета (что совсем уж интересно!) и военным комиссаром штаба Гилянской Красной Армии. Некоторые исследователи считают, что именно тогда он приглашает с собой «друга» Сергея Есенина, который за время этого похода и создаёт свой цикл «Персидские мотивы» (хотя почти все стихотворения оттуда известны нам датировками от 1924-25 годов.). А поскольку у нас историки очень не любили вспоминать эту провальную южную

персидскую авантюру, то и откуда бы взяться посещению Персии Есениным?

Официально же считается, что цикл написан во время пребывания его в Баку в 1920 году, где он походил-погулял по местным музеям, и персидские экспонаты, миниатюры ему и навеяли ... « Шагане ты моя, Шагане»

Однако об этом визите проговаривается сам Троцкий в своей неожиданной статье-некрологе о Есенине в январском номере «Правды» 1926 года:

«...Тегеран он воспринял несравненно глубже, чем Нью-Йорк. В Персии лирическая интимность на рязанских корнях нашла для себя больше сродного, чем в культурных центрах Европы и Америки.»

Нестыковка! Хотя верить Троцкому ... тот ещё фантазёр!

Крым, Колчак

Между тем остатки войск белых, в основном врангелевцы, отступают на юг, в Крым, больше некуда. По некоторым данным к этому времени численность РККА доходит до пяти миллионов человек Советской Республики, из которых половина - непосредственно боевой состав.

Николай Островский так описывает ноябрьское наступление красных на полуостров через узкий перешеек, связывающий полуостров с большой сушей:

«...А в это время у ворот Крыма, в узеньком горлышке полуострова, у старинных рубежей, отделявших когда-то крымских татар от запорожских куреней, стояла обновлённая и страшная своими укреплениями белогвардейская твердыня — Перекоп.

За Перекопом, в Крыму, чувствуя себя в полной безопасности, захлебывался в винной гари загнанный сюда со всех концов страны обреченный на гибель старый мир.

И осенней, промозглой ночью десятки тысяч сынов трудового народа вошли в холодную воду пролива, чтобы в ночь пройти Сиваш и ударить в спину врага, зарывшегося в укреплениях. В числе тысячи шёл и Жаркий Иван, бережно неся на голове свой пулемёт.

И когда с рассветом вскипел в безумной лихорадке Перекоп, когда прямо в лоб через заграждение ринулись тысячи, в тылу у белых, на Литовском полуострове, взбирались на берег первые колонны перешедших Сиваш... Загорелся невиданный по жестокости бой. Конница белых кидалась в диком, зверином порыве на людей, выползавших из воды. Пулемёт Жаркого брызгал смертью, ни разу не останавливая свой бег. И ложились груды людей и лошадей под свинцовым дождём. С лихорадочной быстротой вставлял Жаркий всё новые и новые диски.

Перекоп клокотал сотнями орудий. Казалось сама земля проваливалась в бездонную пропасть, и, бороздя с диким визгом небо, металась, неся смерть, тысячи снарядов, рассыпаясь на мельчайшие осколки. Земля, взрытая, израненная вскидывалась вверх, чёрными глыбами застилая солнце.

Голова гадины была раздавлена, и в Крым хлынул красный поток, хлынули страшные в своём последнем ударе дивизии 1-й Конной.

Охваченные судорожным страхом, белогвардейцы в панике осаждали уходящие от пристаней пароходы.

Орден Красного Знамени, учреждённый в 1918 году. Первым кавалером ордена стал Василий Блюхер.

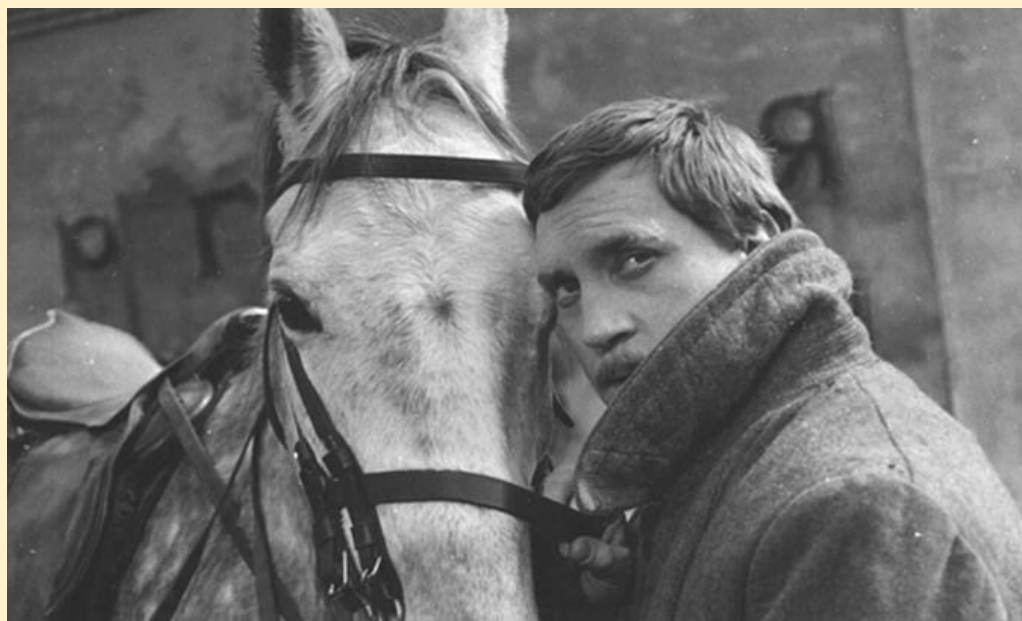
*Республика прикрепляла к истрёпанным гимнастёркам, там, где стучит сердце, золотые кружочки орденов Красного Знамени ...».*²⁵⁴

Но золотыми «кружочки» не были. На самом деле орден изготавливался из серебра. На нём можно разглядеть развёрнутое Красное Знамя, лемех плуга, два молота, штык, серп, дубовые листья венка и в центре полуприкрытая и почему-то перевёрнутая красная пентаграмма, два верхних луча скрыты. В некоторых источниках по символизму можно найти, что перевёрнутая пятиконечная звезда в круге - знак победы вождения над разумом.²⁵⁵

(Кстати, по некоторым данным орденом под номером 4 был награждён предводитель своей армии Нестор Махно. Но поскольку он периодически враждовал с большевиками и воевал с белыми как хотел, то впоследствии его лишили награды, и документов не сохранили. А при взятии Перекопа войска Махно были брошены на самый тяжелый участок и выбиты почти полностью (они брали "в лоб" Турецкий вал). Около 5 тыс. бойцов, оставшиеся в живых, были тут же расстреляны по приказу Троцкого. Спаслись удалось немногим. В августе 1921 г. Махно вместе с остатками своей регулярной армии сумел выскочить из окружения и уйти в Румынию. Подробности этих эпизодов см. по ссылке

<https://archive.aif.ru/archive/1651815?ysclid=m5ntm46jfx61048856>).

И к середине ноября красные под командованием Михаила Фрунзе, Семёна

Поручик Брусенцов (Владимир Высоцкий) прощается перед бегством со своим конём. А погоны уже спороты. Кадр из фильма «Служили два товарища». Режиссёр Евгений Карелов.

Будённого и Василия Блюхера берут под контроль территорию всего Крыма. Военные действия в Европейской части Республики завершаются. Эвакуация врангелевских войск из Крыма – лишь часть общерусской катастрофы – бегства значительной части населения от новой власти, значительной не только количественно. Ведь

уезжали не только офицеры и их семьи с прислугой, бежали специалисты, артисты, учёные, писатели, купцы, предприниматели, и, конечно, те, кого новая власть явно называла капиталистами и помещиками, захребетниками трудового народа, а также

²⁵⁴ Николай Островский. «Как закалялась сталь» .

²⁵⁵ <https://astro7.ru/online-journal/luchshie-stati/pentagramma-znachenie-istoriya-vozniknoveniya-i-primenenie-simvola.html>

множество людей, в том числе, конечно, жулики и проходимцы, которых никак нельзя было заподозрить в пролетарском происхождении и желании трудиться на новое государство.

Генерал Хлудов (Владислав Дворжецкий.) всматривается в горизонт с берегов Босфора. Где она, Родина? Кадр из фильма Алова и Наумова «Бег», в котором показана эта катастрофа, бег от большевизма.

В фильме 70-х годов «Служили два товарища» старый боевой друг - верный конь Абрек, оставленный на набережной белым офицером среди толпы провожающих, не выдерживает разлуки с хозяином, прыгает с парапета в волны и пытается плыть за пароходиком, увозящим друга в неизвестность. Эта картина сводит с ума поручика, он тут же стреляется из револьвера, и его тело летит в волны (ко всеобщему облегчению эмигрантской толпы перенаселённого пароходика).

Но не лучшая доля выпадает и тем, кто всё-таки пересёк море и добрался до Константинополя. Кто они такие там, из милости турок пущенные на время на порог, и чем живут?

Кто-то пытается построить своё дело на тараканьих бегах и стать тараканьим царём. Бывший генерал-майор Чарнота торгует на улицах с лотка на шее резиновыми чертями и прочей мелочёвкой... (а уже в Париже он же разгуливает в кальсонах лимонного цвета). Бывший приват-доцент едва спасает от выхода на панель знакомую русскую, едва живую от голода ... А вот жуликоватый Парамон Корзухин, вполне доволен своим положением, неплохо устроившийся в Париже в собственном особняке со своим слугой и бывшей полковой дамой на прихваченные с родины наличности....

Только генерал Хлудов, не могущий забыть прошлых грехов, совершённых на родине, всё всматривается и всматривается с Босфора в горизонт. И всё на север.

Один из уехавших, Николай Туроверов, запишет об этом стихами:

*«Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.*

*А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.*

*Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь всё плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.*

*Мой денщик стрелял не мимо —
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.»*

После занятия в ноябре всего Крыма новая власть начинает масштабный красный террор против тех, кто остался, или не смог по разным причинам уехать с врангелевцами. «Чрезвычайки» появлялись в каждом городе и посёлке. Массовые аресты, бессудные расправы и расстрелы наводили ужас на всё население. Под репрессии попадали не только «золотопогонники», но и промышленники, интеллигенты, купцы, банкиры, домовладельцы, лучше сказать просто «буржуи недобитые», нетрудовой, непролетарский элемент.

Последняя осень. Юрий Борисов

*Напишу через час после боя —
А сейчас не могу, не проси.
Эскадроны спешат и уходят,
Унося мертвецов на рыси.*

*Мы у Господа Бога пощады не просим,
Только пыль да копыта, да пуля вдогон.
И кресты вышивает последняя осень
По истертому золоту наших погон.*

*Напишу через час после смерти —
А сейчас не кричи не зови.
Похоронный сургуч на конверте
На моей замесили крови.*

*Нас уже не хватает в шеренгу по восемь,
И без мертвых в атаку пошёл эскадрон...
И кресты вышивает последняя осень
По истёртому золоту наших погон.*

*И от боли душевной желанье напиться.
Продаются святыни, и совесть, и честь.
Господа офицеры, разве можем смириться,
Пока Родина есть, да и мы еще есть.
...*

В помощь новой советской власти и местным чекистам прибывают из Москвы специалисты по карательным делам, особо уполномоченные на расправы – Розалия Залкинд, (с ноября 1920 года по январь 1921 года - ответственный секретарь Крымского обкома РКП(б), известная своим соратникам под партийным псевдонимом Землячка), и венгр Бела Кун, «интернационалист», бывший активист несостоявшейся венгерской социалистической революции, после провала которой нашедший у наших большевиков приют и работу палача.

Главная цель «чрезвычайки», конечно, бывшие белые офицеры-врангелевцы. И, чтобы облегчить себе работу, в новой газете «Красный Крым» публикуют приказ власти – офицерам явиться на регистрацию. При этом

«... в приказе было прибавлено, что всем явившимся грозит только высылка из пределов Крыма и распределение по специальностям; что же касается контрразведчиков, то дело о них будет передано в «Особый отдел». Все офицеры, не участвовавшие в контрразведке, поверив обещаниям этого приказа, явились на регистрацию.

Регистрация продолжалась несколько дней. Всех записывали, опрашивая о времени службы, о части, в которой служили и т.п., и группами отправляли в казармы, где и содержали под стражей в продолжение недели. Обходились с арестованными очень деликатно, беспрепятственно пускали к ним на свидание родственниц, женщин и детей. Мужчин не пускали, оправдываясь тем, что под видом родственников могут уйти из казармы и арестованные. Позволялось без ограничения приносить одежду, провизию, книги. Все ждали решения о высылке, строили предположения, куда кого пошлют, и уже привыкли к своему положению; многие надеялись, что большевики смилуются и не ушлют их далеко. Ничто, казалось, не предвещало ничего страшного. Город понемногу стал принимать прежний вид, и граждане, мало-помалу приспособляясь к новой обстановке, к уплотнениям, к новому правительству, стали мирно заниматься своими обыденными делами.

Но дней через шесть после ареста совершенно неожиданно перевели группу человек в двести офицеров из казарм в городскую тюрьму. Свидания с этой группой были прекращены.

Прошли три дня... И вот, среди бела дня, когда даже родственников было мало около тюрьмы, открылись тюремные ворота, выехал конный отряд красноармейцев, за ним пешком в полном составе вышла вся переведённая в тюрьму группа офицеров, плотно окружённая двойным кольцом пеших и конных красноармейцев. Их повели по Алуштинскому шоссе и вели пять верст в сад Крымтаева, где жили только двое татар-сторожей, которые и явились единственными нейтральными очевидцами расстрела этих несчастных. Эти татары рассказали, что приведённых сначала отвели в дом, где всю ночь допрашивали. Оттуда раздавались стоны и крики от пыток, которым их подвергали. На рассвете всех офицеров вывели из дома в сад, где разделили на пять групп. Первую группу заставили вырыть себе братскую могилу, и когда она была вырыта, их поставили перед ней в ряд и залпом расстреляли. Большинство тел расстрелянных попадало прямо в могилу. Вторую группу заставили стащить туда остальных расстрелянных товарищей и закопать могилу.»²⁵⁶

Об этом же писал, например, Викентий Вересаев:

«... Вскоре после этого (взятия Крыма - ЮП) предложено было всем офицерам явиться на регистрацию и объявлялось: те, кто на регистрацию не явятся, будут находиться вне закона и могут быть убиты на месте. Офицеры явились на перерегистрацию. И началась бессмысленная кровавая бойня. Всех явившихся арестовывали, по ночам выводили за город и там расстреливали из пулемётов. Так были уничтожены тысячи людей. Я спрашивал Дзержинского: для чего всё это было сделано? Он ответил:

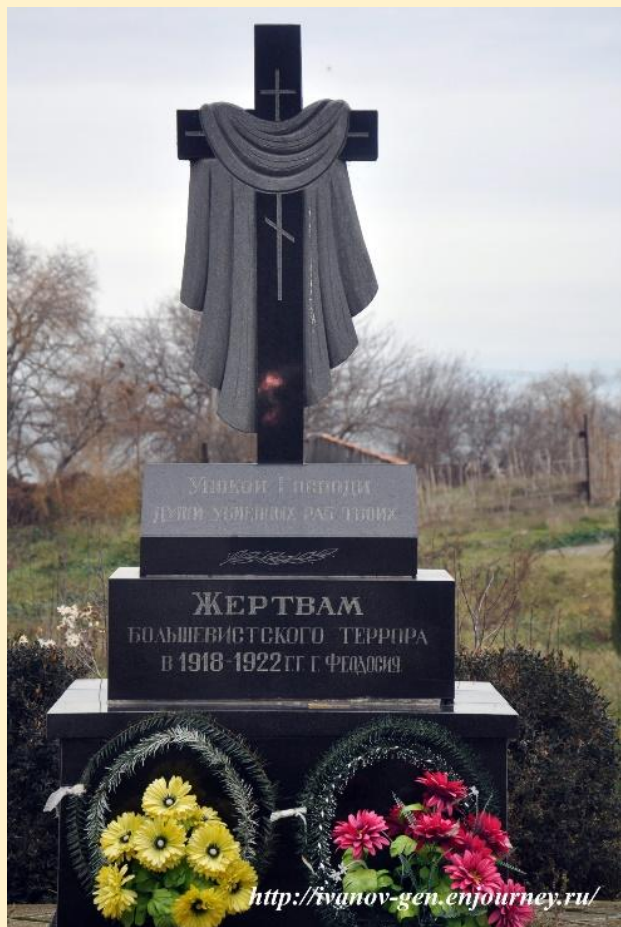
— Видите ли, тут была сделана очень крупная ошибка. Крым был основным гнездом белогвардейщины. И чтобы разорить это гнездо, мы послали туда товарищей с совершенно исключительными полномочиями. Но мы никак не могли думать, что они так используют эти полномочия».

Ну конечно, они всего лишь ошиблись!

Всем было также известно, что во главе этой расправы стояла так называемая «пятаковская тройка»: Пятаков, Землячка и Бела Кун.

Однако чекисты практиковали не просто расстрелы, а и трудноописуемые бессмысленные пытки и издевательства над узниками, как будто на «работу» в «органы» устраивались психически ненормальные люди с садистскими наклонностями. Чтобы не травмировать психику неокрепшего, возможно, читателя, не будем здесь останавливаться на деталях этих пыток, сошлёмся лишь на книги, где очевидцы рассказывают подробности: Павел Милюков «Россия на переломе», Сергей Мельгунов «Красный террор в России: 1918-1923», сборник воспоминаний очевидцев «Красный террор на юге России», С. Волков «Красный террор глазами очевидцев» и другие (можно поискать самим).

Особо отличается в ретивости проведения в жизнь «красного террора» Залкинд: «Известно, что Розалия Землячка лично отдавала распоряжения о массовых «зачистках», тем самым оправдывая своё партийное прозвище - Демон. Землячкой её стали называть только после 1917 года. В какой-то момент Розалия заявила: «Жаль на них патронов. Топить. И всё». После этого осуждённых стали собирать на баржи, привязывать к ногам камни и сбрасывать в море. Часто это происходило на глазах у их близких. Землячка сама стремилась принимать активное участие в казнях. В кожаной комиссарской куртке и с маузером на боку она носилась по городам и посёлкам, руководя массовыми убийствами. Позднее Александр Солженицын назовёт её «фурией красного террора». Даже Ф.Э. Дзержинский признал, что с «зачисткой» Крыма от «контрреволюционных элементов» переусердствовали. Он неоднократно получал жалобы на поведение Землячки и её соратников, причём жалобы эти писали их сослуживцы, члены партии.

Памятник жертвам большевистского террора в Феодосии.

И всё же, видимо, усердную палаческую деятельность Землячки Ленин и партийная верхушка оценили высоко, поскольку в том же 1921 году её, первую из советских женщин, удостоили Орденом Красного Знамени «за заслуги в деле политического воспитания и повышения боеспособности частей Красной армии».

После Гражданской войны Землячка продолжала занимать ответственные партийные посты. Ей удалось даже дослужиться до заместителя Председателя Совета народных комиссаров СССР. Кроме Ордена Красного Знамени, она была награждена двумя орденами Ленина, а во время Великой Отечественной войны – медалями «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» Её не коснулись ни партийные чистки, ни репрессии.»²⁵⁷

Но ордена и медали – это не всё. За свои кровавые «заслуги» перед советской властью она не только получает квартиру в печально известном Доме на набережной, но и удостоивается чести быть захороненной в кремлёвской стене. И около 14 улиц в стране названы её именем. И таких персонажей мы

читим до сих пор.

А вот Бела Кун закончил свои дни в новой России не столь благостно. В ноябре 1920 года после установления в Крыму советской власти назначается председателем Крымского ревкома. На этом посту стал организатором и активным участником бессудных массовых казней в Крыму вместе с Землячкой и Юрием Пятаковым в составе «Чрезвычайной тройки по Крыму». В 1937 году обвиняется в «руководстве контрреволюционной террористической организацией в Коминтерне», на допросах подвергается пыткам; Михаил Шрейдер, сам чекист и попавший затем в эту же

Памятник заложникам, убитым большевиками в 1918 году в Пятигорске.

²⁵⁷ «Розалия Землячка: главная женщина-палач в истории России». <https://russian7.ru/post/rozaliya-zemlyachka-glavnaya-zhenshhina-pa/>

мясорубку, свидетельствует²⁵⁸, что Кун был «настолько избит и изувечен, что на нём не оставалось ни одного живого места». Расстрелян на спецобъекте НКВД «[Коммунарка](#)». Реабилитирован в 50-х годах (что характерно). До сих пор именем палача мы зовём улицы в Петербурге, Томске, Симферополе, площадь в Москве.

Что с нами?

Памятник жертвам красного террора в Керчи.

Странно, что среди красных победителей за последующие сравнительно мирные 20 лет осталось в живых только двое из известных красных командиров. Из остальных – Василий Чапаев, Григорий Котовский, Николай Щорс погибли в боях или при невыясненных обстоятельствах в течение войны. Командармы Василий Блюхер, Михаил Тухачевский, Александр Егоров, Иона Якир и почти все другие – расстреляны своими во время «чисток» 37-38 годов, как оказавшиеся через 20 лет службы

неожиданно шпионами и предатели. Самый именитый и перспективный из них Михаил Фрунзе неожиданно умирает во время полостной операции по незначительному поводу ещё в 1925 году. И только два известнейших военных деятеля Семён Будённый да Климент Ворошилов дожили до начала 40 годов, пережили новую войну и умерли своей смертью.

По-разному сложились судьбы и военных деятелей Белого движения. В боях при Екатеринодаре от случайного снаряда погиб Лавр Корнилов, командующий Добровольческой армией.

Генерал Антон Деникин, отстранённый от должности командующего Вооружёнными Силами Юга России, эмигрировал в конечном итоге в США, где скончался в 1947 году. Им написаны «Очерки русской смуты» (1921—1926) — фундаментальное историко-биографическое произведение о Гражданской войне в России. В 2005 году останки генерала Деникина и его жены Ксении Васильевны были перевезены в Москву и захоронены в Донском монастыре.

Сменивший его в должности командующего ВСЮР (Вооружённые силы Юга России) генерал барон Пётр Врангель эвакуировался вместе с остатками своих войск из Крыма в Константинополь. В 1924 году создал Русский общевоинский союз (РОВС). Переехал с семьёй в Брюссель, где и скончался неожиданно в 1928 года от скоротечного туберкулёза. По версии его родных барон был отравлен братом своего слуги, большевистским агентом. Впоследствии прах Врангеля был перенесён в Белград, где торжественно перезахоронен в русской церкви Святой Троицы.

²⁵⁸ Михаил Шрейдер. «НКВД изнутри. Записки чекиста».

Генерал Николай Юденич, назначенный адмиралом Александром Колчаком «Главкомандующим всеми русскими сухопутными, морскими вооружёнными силами против большевиков на Северо-Западном фронте», с помощью союзников провёл самое серьёзное наступление на Петроград в октябре 1919 года, но взять бывшую столицу не удалось. Юденич вместе с армией отступил в независимую Эстонию, затем эмигрировал во Францию, где и скончался своей смертью в Ницце в 1933 году.

Больше всего не повезло адмиралу Александру Колчаку, и здесь стоит остановиться подробнее. Отступающие на восток (несмотря на военную и финансовую помощь союзников) силы белого движения закрепились в Западной Сибири и установили свою временную столицу в Омске. Исполнительный орган Белого движения – правоцентристский Всероссийский Совет министров решает передать временно верховную власть одному лицу, присвоив таковому лицу наименование Верховного правителя.

Могила Антона и Ксении Деникиных в Донском монастыре.

Голосованием Верховным правителем выбирается вице-адмирал Колчак, которому присваивается звание адмирала. Сразу же принимается Положение о временном устройстве государственной власти в России, «Конституция 18 ноября». Но под ударами красных

колчаковские части отступают вдоль железной дороги в Восточную Сибирь, где оказываются сильны социалистические настроения, и сильное красное партизанское движение. Одновременно в Иркутске квартируют штабы военных миссий всех союзников белых, включая японцев, и также через Иркутск пытаются прорваться в Приморье, к океану многочисленный, хорошо вооружённый, организованный корпус чехословаков. Колчак оказывается в центре противоречий всех этих политических сил. Не сумев объединить все антибольшевистские силы Колчак оказывается в политическом тупике, откуда ему нет выхода. В январе 1920 года командованием Чехословацкого корпуса Колчак, а также часть золотого запаса России были выданы местным большевистским властям (по другим данным эсеров-меньшевистскому «Политцентру») в обмен на свободное продвижение чехословацких эшелонов и союзных военных миссий во Владивосток.

Его соратник Генерал Константин Сахаров, деятель Белого движения из окружения Колчака, пишет в эмиграции об этом эпизоде:

«... Поезд с адмиралом был поставлен в Иркутске на задний тупик, и в вагон к Верховному Правителю вошёл чех-комендант:

— «Приготовьтесь. Сейчас Вы, г-н Адмирал, будете переданы местным русским властям,» отрапортовал он.

— «Почему?».

— «Местные русские власти ставят выдачу Вас условием пропуска всех чешских эшелонов за Иркутск. Я получил приказ от нашего главнокомандующего генерала Сырового.»

-- «Но как же, мне генерал Жанэн²⁵⁹ гарантировал безопасность. А эти флаги?!», - показал адмирал Колчак на молча и убого висевшие флаги — великобританский, японский, американский, чешский и французский. Чех-комендант потупил глаза и молча в ответ развёл руками.

Монумент жертвам белогвардейского террора в Севастополе.

— «Значить, союзники меня предали!», - вырвалось у адмирала. Через минуту в вагон вошли представители социалистической думы Иркутска, в сопровождении конвоя из своих революционных войск. Верховный Правитель был им передан чехами; в сопровождении нескольких адъютантов, адмирала Колчака повели пешком через Ангару в городскую тюрьму. С ним же вели туда и премьер-министра В. Пенелыева, который так всё время ратовал за эту общественность и своими руками рубил дерево, на котором сидел. Узнав об аресте Верховного Правителя, правильнее, — о предательстве,

японское командование, располагавшее в Иркутске всего лишь несколькими ротами, обратилось с протестом и предъявило требование об освобождении адмирала Колчака. Но их голос остался одиноким, — ни Великобритания, ни Соединенные Штаты, ни Италия их не поддержали; силы японцев здесь были слишком малы, и они, не получив удовлетворения, ушли из Иркутска. Социалистическая дума города Иркутска, торжественно объявила, что она берет на себя всю полноту государственной Российской власти и назначает чрезвычайную следственную комиссию для расследования преступлений Верховного Правителя адмирала Колчака и его премьер-министра В. Пенелыева, виновных «в преследовании демократии и в потоках пролитой крови».²⁶⁰

Видимо, именно об этом обмене (выдачу Колчака за проезд чехов «за Иркутск») пелись весёлые частушки у победивших красных:

«Эх, улица, улица!
Гад Деникин журится,
Что сибирская Чека
Разменяла Колчака...».

(Николай Островский. «Как закалялась сталь»).

²⁵⁹ М. Жанен - руководитель французской военной миссии при Верховном правителе.

²⁶⁰ Сборник мемуаров «Колчаковщина».

Памятник Колчаку, установленный в 2004 году на берегу Ангары недалеко от места расстрела. Автор Валерий Панфилов. По мысли скульптора барельефные белогвардеец и красноармеец склоняют оружие друг перед другом в знак примирения. Но, судя по всему, мира между ними нет и до сих пор.

Да, размен состоялся, и 7 февраля 1920 года Колчак и его бывший премьер-министр Пепеляев были выведены на лёд Ангары и расстреляны без суда по постановлению Иркутского военно-революционного комитета, возглавлявшегося большевиками; тела сброшены в прорубь. По некоторым источникам постановление принято по прямому указанию из Москвы. А чехи и словаки добрались до Владивостока и уплыли в Европу в освобождённую от австро-венгров новую Чехословакию.

Совсем по-другому сложились судьбы атаманов Краснова и Шкуро. Атаман Всевеликого войска Донского Пётр Краснов через Эстонию эмигрировал в Германию и в годы войны активно сотрудничал с немцами в деле организации казачьих войск Имперского министерства оккупированных восточных территорий.

Андрей Шкуро, генерал-майор в деникинских казачьих войсках, эвакуировался вместе с Врангелем из Крыма. Во время ВМВ служил у немцев – замкомандира Особой казачьей дивизии Вермахта.

Оба в 1945 году арестованы в Германии союзниками и выданы Советскому командованию; были судимы в Москве и повешены в 1947 году.

Между тем весной 1920 года в казачьем Верхнеудинске (будущем Улан-

Удэ) провозглашается Временное правительство Дальневосточной Республики (ДВР), как правительство трудящихся Прибайкалья. Москва официально признаёт ДВР и оказывать ей всяческую помощь. Однако Верховным органом власти ДВР признаётся не московский Ревком, а местное Народное собрание. Летом 1920 года Народно-Революционная Армия ДВР вместе с силами РККА наступает на восток, и осенью 1920 года объединённые силы красных освобождают Читу; атаман Семёнов с окружением бежит через Амур в Китай.

И только осенью 1922 года части НРА и приморские партизаны под общим командованием Василия Блюхера штурмом берут города дальневосточного края и входят во Владивосток. Народное собрание ДВР объявляет на всем русском Дальнем

Востоке советскую власть и обращается во всероссийский ВЦИК с просьбой включить ДВР в РСФСР.

Победители поют гимны:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперёд,
Чтобы с бою взять Приморье —
Белой армии оплот.

Наливались знамена
Кумачом последних ран.
Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан.
...
И останутся, как в сказке,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

Разгромили атаманов,
Разогнали воевод
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

(Текст переделан Парфёновым П.С. и Алымовым С.Я. из текста марша Дроздовского полка.)

Итоги гражданской войны

С выходом армии Василия Блюхера к Тихому океану в основном заканчиваются активные боевые действия в пределах РСФСР, но спорадические стычки с басмачами в Туркестане будут происходить ещё вплоть до 30-х годов. Итак, к ноябрю 1922 года силовое соби́рание большевиками осколков российской империи приводит к образованию РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР, Закавказской ССР (типа закавказской федерации Грузии, Армении, Азербайджана). При этом новая империя недосчиталась устья Дуная, Западных Украины и Белоруссии, всей Прибалтики, всей Финляндии, правобережной Молдавии (правда, левобережное приднестровье с Тирасполем сохранили и включили в состав Украинской ССР). При этом оставили Турции большую часть Армении вместе с Араратом, за которую не стали воевать, предпочтя дружбу с Кемалем Ататюрком и молодой турецкой республикой, надеясь, что она вот-вот станет своей, социалистической.

При этом внутренние границы между республиками проводили пальцем, на глазок, спеша к декабрьскому учредительному съезду Союза. Да и какие границы, если

уже вот-вот грядёт всемирная Советская республика без всяких границ между нациями. Поэтому на подобные темы не парились.

А наши эмигранты и беженцы, в поисках пристанища, расселились по всему свету – от Парижа и Америки до Шанхая и Сингапура, создав массу проблем правительствам стран, их принявших, а также и Совету Лиги Наций. К некоторому счастью для них Верховным комиссаром Лиги наций по вопросам беженцев был выбран норвежский полярник Фритьоф Нансен, и разработанный им в 1922 году паспорт для беженцев («нансеновский» паспорт) позволил им относительно свободно перемещаться по многим странам и самостоятельно устраивать свою жизнь.²⁶¹ Но это – совсем отдельная тема.

Кто же выиграл войну? Никто. А страна русских проиграла. Выиграть гражданскую войну невозможно, потому что всегда в проигрыше сама страна. И народ. Военную же победу, победу одной силы против другой, праздновали большевики.

Попробуем перечислить для себя причины военного, а значит, и любого другого поражения Белого движения, глядя сегодня из 21-го века.

1. Географическая разрозненность основных военных сил Белого движения, их дислокация на периферии страны. Отсутствие единого стратегического центра, помноженное на личные амбиции командующих. Действительно, Юденич, угрожая Петрограду, действует на северо-западе; на юге (Дон, Кубань, Украина, Причерноморье, Приазовье) развернулись части под общим командованием Деникина, затем Врангеля; к востоку от Урала ситуацию вначале контролировал «правитель омский» Колчак, имея связь и снабжение от союзников только через Сибирь и Дальний Восток. При таких расстояниях никакое согласованное координирование военных действий, и тем более оперативная переброска войск, становились невозможными.

Напротив, территория под большевиками относительно компактна, локализуется в центре Страны, телеграфные, железнодорожные коммуникации между армиями не разорваны. Самые высокие военные чины (Троцкий, например) имели свою ставку даже в собственных бронепоездах и быстро добирались до нужных мест по железнодорожным путям.

2. Отсутствие у белых общей идеологии и политического центра, простых и единых лозунгов, понятных населению, прежде всего крестьянству. Ведь разброс призывов белых огромен – кто за восстановление монархии, кто за созыв учредительного собрания, кто за возвращение временного правительства; только одна цель являлась общей – свержение власти большевиков. Посему крестьяне и рабочие в своей массе не спешили поддерживать белое офицерство.

У самих же большевиков – наоборот, простые и понятные призывы: Свобода и равенство всех трудящихся. Земля – крестьянам. Фабрики и заводы – рабочим. Мир –

²⁶¹ <https://www.kommersant.ru/doc/4635645>

народам, долой империалистическую войну. Смерть буржуям. (Другое дело – действительное их содержание и реальное выполнение).

3. Неподконтрольность силам белых основных военных производств страны, поставщиков вооружений и боеприпасов (прежде всего оружейные заводы Сестрорецка, Ижевска, Тулы), которые контролировались противником. (Правда, Сибирская армия Колчака в декабре 1918 года заняла Пермь, имевшую на своих складах очень существенные запасы военного снаряжения). Очень незначительная и нерегулярная помощь в поставках вооружения от союзников по Антанте, хотя почти все порты – Одесса, Севастополь, Новороссийск, Мурманск, Владивосток – были в их полном распоряжении. Троцкий, например, позже писал: «...Сдача нами Тулы была бы катастрофой, так как означала бы потерю важнейших оружейного и патронного заводов».

4. Офицерство Белого движения, состоящее преимущественно из дворян, чиновных, казачьих сословий не было способно вести жёсткую, испепеляющую тотальную войну против тех же красных, видимо, сказывались остатки дворянского и религиозного воспитания. Их цель достаточно узка – избавление от революционеров всех мастей, анархистов, бандитов. Что дальше – понять народу было трудно. И белые не были фанатиками.

Напротив, революционный фанатизм пронизывал красных снизу доверху, всякие нравственные пределы отсутствовали, они вели тотальную войну.

5. Нацеленность сил Белого движения почти исключительно на решение военных задач. А идеологическая работа, разъяснение населению своих целей, привлечение рабочих на свою сторону, агитация, умение убеждать - этой работе отводилось незначительное внимание.

Наоборот, большевики придавали агитации населения едва ли не первостепенное значение. Более того, войну со старым режимом большевики вели именно как тотальную войну по принципу «все – против всех», и на всех фронтах – идеологическом, религиозном, экономическом, чисто военном. И Троцкий потом уже откровенно констатировал: «Чтобы выиграть гражданскую войну, мы ограбили Россию». Надо понимать в широком смысле, и в идеологическом тоже.

Наверное, этих причин достаточно, чтобы проиграть войну.

Как иллюстрацию к последнему тезису – не умению агитировать и ясно излагать свои цели - приведём не получившийся диалог Рощина и подполковника Теткина (обсуждали недостойное и наглое поведение красного местного начальника Бройницкого):

«... – Я вас не понимаю, господин подполковник, – проговорил Рощин холодно. – Разные там Бройницкие и компания и есть советская власть девяносто шестой пробы... Их не оправдывать, – бороться с ними, не щадя живота...

– Во имя чего-с? – поспешно спросил Теткин.

– Во имя великой России, господин подполковник.»²⁶²

Это единственное, что мог высказать настоящий патриот своей страны в качестве аргумента. А какой «великой России», и как это понимают рядовой солдат в окопах и холёный офицер-дворянин? Очевидно, совершенно по-разному. Умение убеждать – не являлось коньком белого офицерства.

И вот другой примечательный диалог совсем юного полковничьего сына и капитана Кольцова, оказавшегося чекистом, которому приходится как-то объяснять свой шпионаж в штабе белых в пользу красных (из фильма «Адъютант его превосходительства», реж. Ташков). Разговор принимает форму апологии борьбы, которую ведут большевики. Сын полковника Львова, недавно убитого красными, со временем догадывается, кем на самом деле является его старший друг адъютант командующего, который вдруг в их общей комнате слышит у себя за спиной:

«-Павел Андреевич, вы - шпион?». Фраза, ушедшая в народ.

За секунду чекист Кольцов берёт себя в руки. Он понимает, что если прямо сейчас он не убедит словами юношу-сироту, к которому сильно привязался, в необходимой правоте своего и большевистского дела, то ему придётся применить к нему более действенные методы убеждения, чтобы не провалить всю свою работу под прикрытием, всё дело. И он виртуозно справляется с задачей, подбирая самые простые и нужные слова и примеры, чтобы убедить молодого барчука хотя бы не наделать глупостей.

И он отвечает вопросом на вопрос:

«- Ты говорил, у вас в имени был садовник. Ты помнишь, как жил этот садовник? Как жил ты? Но ведь садовник тоже человек. Он хочет жить по-человечески. Что, разве его требования не справедливы? Справедливы. Так вот я хочу помочь ему, а не Владимиру Зеноновичу.»

(Кстати, реальным прототипом генерала Ковалевского Владимира Зеноновича является генерал Деникина Май-Маевский с теми же именем и отчеством. Кстати, это его дивизии взяли Орёл осенью 1919 года и направлялись к Туле, к оружейным заводам, чем вызвали необыкновенную панику среди обитателей Кремля).

Далее чекист Кольцов убеждает юного собеседника простить этого садовника, спалившего их дом, и говорит, что садовники тоже могут и должны быть свободными людьми, а не чьими-то слугами, и что если он, Юрий, хочет иметь свой сад, то он должен будет сам ухаживать за ним. Иначе, заключает Кольцов, *«...кто-то опять захочет спалить твой дом».*

Молодой дворянин обещает подумать. Диалог слишком сложен для юных мозгов барчука, привыкшего, что его все обслуживают. Вряд ли он всё понял. Но фактически

²⁶² Алексей Толстой «Хождение по мукам».

этот разговор - вербовка, за 5 минут сын полковника становится на сторону Кольцова и не доносит на него. Может потому, что почувствовал угрозу? Может и так. У капитана появилась передышка. А вообще-то сын белого офицера не хочет становится военным, он хочет стать путешественником. Ну, и поскольку, судя по всему, капитан отправляет юношу перед своим неизбежным арестом к «надёжным людям», то в скором времени Юра попутешествует у большевиков – скорее всего, на Соловки, в один конец. О чём горько предрекает генерал Ковалевский в последнем разговоре со своим адъютантом.

В советском кино это, пожалуй, единственный пример такого нормального, некарикатурного диалога двух враждебных сторон, обменивающихся своими убеждениями. Хотя Юрий ещё слишком молод, чтобы иметь устойчивые собственные убеждения.

Репрессии, атеизм

А Красный террор не утихает. Так в августе 1921 года выходит постановление Петроградской ГубЧК об аресте и расстреле 60-ти участников «Таганцевского заговора». В этот список попадает и Николай Гумилёв, вернувшийся в 1918 году из Европы, основатель поэтического направления – акмеизма, путешественник-этнограф, глава Петроградского отдела Всероссийского Союза поэтов, руководитель поэтической студии «Звучащая раковина».

Он не скрывает своих монархических убеждений, но и не сражается на стороне белых.

Самое деятельное участие в аресте и допросах Гумилёва принимает один из самых видных чекистов Яков Агранов (некоторые исследователи приводят его настоящую фамилию Сорендзон, правда, без особых оснований), «образованный», странным образом вхожий в интеллигентские круги, разбирающийся, когда надо, в современной поэзии; иезуитски в ходе допросов он подвёл достаточно наивного Гумилёва под расстрел. Ни заступничество Горького, ни его бывшей гражданской жены Андреевой не повлияло на «процесс», всегда доводимый чекистами до конца²⁶³. Приговор ему утвердил именно Яков Агранов. Это «Тот Агранов, который вел дела «Народного Союза защиты Родины и Свободы», «Национального центра», «Кронштадтского восстания», а потом – процесс эсеров, дело патриарха Тихона, «Академическое дело», дело «Крестьянской трудовой партии» – Кондратьева, Чаянова, «Ленинградского центра» – убийц Кирова и т.д. Тот Агранов, который станет «основателем и главой «Литконтроля» ОГПУ – самой жестокой в мире цензуры – и добьётся «степеней известных»: в 1930-х годах станет замом самого Ягоды»²⁶⁴.

Место расстрела и место захоронения поэта до сих пор не установлены, также не известно – действительно ли он принимал участие в заговоре?

Здесь уместно сказать, что в эти убийственные для культуры годы Горький всегда был и продолжал быть постоянным ходатаем за деятелей русской культуры, попавших тем или иным образом в лапы ВЧК, и даже за арестованных министров Временного правительства, сидевших в Петропавловке и ещё (тогда) не расстрелянных.

²⁶³ Подробно о «деле Таганцева» - в книге Юрия Зобнина «Казнь Николая Гумилёва. Разгадка трагедии».

²⁶⁴ Вячеслав Недошивин «Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург».

Николай Гумилёв, Анна Ахматова и их сын
Лев. 1916 г.

Нина Берберова свидетельствует о нём, спасающем даже от голода остатки русских умов:

«На основании идеи, созревавшей в его уме более пятнадцати лет, Горький решил в сентябре 1918 года организовать издательство «Всемирная литература», подчинённое Наркомпросу, которое ставило бы себе целью осуществить первую часть его старого проекта: массовое издание новых переводов (и частичное переиздание старых) произведений Европы и Америки, главным образом XIX века. Наряду с целью образовать необразованного

*читателя была и другая цель, которая казалась Горькому столь же важной, если не важнее: дать ученым и писателям, включившимся в его проект, возможность получить продовольственные карточки высших категорий и не умереть с голоду. По плану Горького, им должны были выдавать за их труды не только селёдку и муку, но и калоши.»*²⁶⁵

Гуманитарная деятельность равнодушного писателя сильно бесит Зиновьева, тогдашнего «хозяина» Петрограда, и он бы его давно устранил. Но Горький находится как-бы под зонтиком своего друга Ленина.

А преследования «ненужных, неблагонадежных» не утихали. Полномочия у чекистов были действительно чрезвычайные и невиданные ранее. Со временем эта организация в силу своей абсолютной закрытости превратилась в неподконтрольное государство в государстве (вернее подконтрольное только одному человеку по типу опричнины при Иване Грозном, от слова «опричь» - кроме.) В её составе находились

Дело Гумилёва.

свои войска, предприятия, лагеря, в скором будущем - даже Особые Конструкторские Бюро (шарашки).

И «нежелательный» слой населения новой России уничтожался целыми классами. Исследователь Александр Севастьянов свидетельствует:

²⁶⁵ Нина Берберова «Железная женщина».

«...Русская элита была не только и не столько изгнана, сколько уничтожена: около 200 тысяч дворянских семей, около 500 тысяч русских священнослужителей с домочадцами, практически вся русская буржуазия и интеллигенция, а также зажиточное крестьянство и значительная часть казачества перестали существовать в России. От этого геноцида наш народ не оправился до сих пор. Что же касается именно старой, «кадровой» русской интеллигенции, то в годы гражданской войны она эмигрировала (40-50%, по современным подсчётам), а та, что осталась — вымирала от голода и лишений, сражалась и гибла в рядах белых армий, саботировала распоряжения враждебного, принципиально антиинтеллигентского правительства, наполняла тюрьмы и концлагеря. И, поражённая в правах на долгие годы, постепенно деклассировала и вымирала. Её судьбу можно с большой достоверностью вычитать в автобиографических книгах «Погружение во тьму» Олега Волкова, «Записки уцелевшего» Сергея Голицына, «Воспоминания» княжны Екатерины Мецкерской, романе-документе «Побеждённые» Ирины Головкиной (Римской-Корсаковой) и др.»²⁶⁶

(Конечно, список не может быть ограничен этими авторами и пополняется вновь открывающимися мемуарами до сих пор.)

Что ж, ненависть к «старой» России и уничтожение неудобных легло в основу всей дальнейшей политики большевиков.

Между тем избранный в ноябре 1917 года патриарх Тихон уже через год обращается к большевистским властям с криком души, с филиппикой, конечно, абсолютно тщетной (кстати, это были первые выборы патриарха Московской патриархии с петровских времён, когда, по легенде, император в ответ на пристававших к нему клириков с выборами патриарха гневно ударил себя в грудь: «Вот вам патриарх!»):

«...Вместо аннексий и контрибуций великая наша Родина завоёвана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на неё дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото (Имеются ввиду кабальные условия в виде репараций недавно подписанного с немцами Брестского мира. - ЮП).

... Отечество вы подменили бездушным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что, когда дело касается защиты отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями.

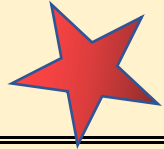
Наталии Рыковой

*Всё расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Всё голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?*

...

Анна Ахматова, 1921 год (июль,
до ареста Гумилёва в августе)

²⁶⁶ Александр Севастьянов. «Апология Интеллигенции». Интересен эпиграф к этой книге: «Памяти Советской власти посвящается».

... И не предвидится конца порождённой вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции.

... Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью, часто без всякого следствия и суда, даже без упрощённого, вами введённого суда. Казнят не только тех, которые перед вами в чем-либо провинились, но и тех, которые даже перед вами заведомо ни в чем не виноваты, а взяты лишь в качестве "заложников", этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами не только им не единомышленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждению. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем невинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределённой "контрреволюционности". Бесчеловечная казнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения - напутствия Св. Тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.».

Жестоко преследуемый властями, в частности, за сопротивление грабёжам церковей, за борьбу с обновленчеством, Патриарх Тихон умирает в 1925 году. Избранию нового патриарха в то время помешали политические и внутрицерковные причины, и до 1943 года церковь управлялась патриаршими местоблюстителями – Петром, затем Сергием. Как и другому реформатору, ломающему страну через колено - Петру I, большевистским властям не нужен истинный глава церкви - патриарх.

Да и о каком патриархе речь, когда воинствующий атеизм «широко шагает по стране». Церкви и монастыри, скиты и лавры грабятся и разрушаются, или превращаются в склады, клубы, мастерские, тюрьмы. Ценности изымаются, иконы и книги жгутся. Священники и монахи ... ну, уже говорил сам Тихон. Но стихийной ненависти мало. В письме членам Политбюро от 19 марта 1922 года председатель Совнаркома Ульянов (Ленин), имея в виду разразившийся к тому времени в ряде регионов голод (о котором речь ниже) как повод к войне с духовенством, радуется :

«..... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. ...».
(«Известия ЦК КПСС», 1990 г., №4, стр. 190 — 193).

И это не удивляет, ведь ещё в 1905 году он же задаёт вектор всему антирелигиозному дискурсу будущей советской власти, сказав в статье «Социализм и религия», что

«...Религия - это одна из форм духовного угнетения, которая повсюду тяжёлым бременем ложится на массы людей, обременённых их постоянной работой для других, нуждой и изоляцией.... Религия учит тех, кто всю жизнь трудится и живёт в нужде, быть покорными и терпеливыми здесь, на земле, и утешаться надеждой на небесную награду. Но тех, кто живёт трудом других, религия учит заниматься благотворительностью на земле, предлагая им очень дешёвый способ оправдать всё своё существование в качестве эксплуататоров и продавать им по умеренной цене билеты на благополучие на небесах. Религия -

это опиум для народа. Религия - это своего рода духовная выпивка, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, своё требование жизни, более или менее достойной человека.»

И тем самым всем дискуссиям на эту тему во все советские времена положен конец. И вместо православной культуры, тысячелетних традиций – новые безбожные демонстрации, митинги, сходки и увеселения, вызывающие у старых верующих людей единодушный эпитет «бесовские». Ну, а чтобы совсем не лишится слова «культура» - изобретают термин из новояза - пролеткульт. Недолгая борьба подлинного и симулякров заканчивается победой подмен. (О том, что новая идеология в её практической реализации на русской почве неизбежно становится настоящей новой религией, культом мы скажем дальше подробнее.)

И в новой безбожной стране активисты-атеисты организуют выпуск массовой газеты «Безбожник», деятели которой в 1925 году учреждают уже массовую общественную организацию «Союз воинствующих безбожников» (до июня 1929 года назывался «Союз безбожников»), во главе которого бессменно находится Емельян Ярославский (ур. Миней Израилевич Губельман).

Деятельность Союза

продолжается до начала войны, а в 1947 году прекращается официально.

В 1929 году II съезд Союза воинствующих безбожников приобретает солидность, пригласив к себе Горького (приехавшего вдруг ненадолго из Италии в Москву), Демьяна Бедного, Маяковского, который в своём выступлении призывает писателей и поэтов к участию в борьбе с религией:

«Товарищи, Федерация советских писателей (ещё до создания Союза советских писателей. - ЮП) поручила мне приветствовать Второй съезд безбожников. Товарищи, я с некоторой неловкостью принял это предложение и охотно бы от него отказался, так как считаю его

немного вегетарианским. Если бы они мне дали две-три антирелигиозных пьесы или если бы они дали мне десять - пятнадцать антирелигиозных романов, то я пришел бы сюда, выложил бы на стол и сказал: вот вам наши приветствия. К сожалению, товарищи, наша антирелигиозная литература еще слаба. У нас были величайшие богоборцы, скажем, как Достоевский, величайшие богоискатели и богостроители, скажем, Толстой, у нас были просто величайшие богодураки, огромное количество мелких лирических подпевал а-ля

Дорогой изумительный боже,

помоги пролить мне любовь,

и из листьев последнее ложе

для раба твоего приготовь...

и т. д.

Членский билет СВБ. Обратите внимание на номер – 4701609. И взносы собирали – по 15 коп. Организовано серьезно. И хорошие суммы.

Мы можем уже безошибочно различать за католической сутаной маузер **фашиста** (???-ЮП). Мы можем уже безошибочно за поповской рясой различать обрыз

кулака, но тысячи других хитросплетений через искусство опутывают нас той же самой проклятой мистикой. Владимир Ильич в письме к Горькому писал, что католический священник в сутане, растлевающий девушек, не так страшен, как демократический поп без рясы, закручивающий нам головы красивыми словами. Мы обещаем работой ответить на призыв съезда. В наше время мы должны со всей ответственностью сказать, что если ещё можно так или иначе понять безмозглых из паствы, вбивающих в себя религиозное чувство в течение целых десятков лет, так называемых верующих, то писателя-религиозника, который работает сознательно и работает все же религиозничая, мы должны квалифицировать или как шарлатана, или как дурака.

Товарищи, обычно дореволюционные ихние собрания и съезды кончались призывом "с богом", сегодня съезд кончится словами "на бога". Вот лозунг сегодняшнего писателя.»

<https://web.archive.org/web/20130921054747/http://svb.net.ru/articles.php?id=16>

Манифестация детей-атеистов. На верхнем плакате написано «Долой битьё детей!»

Замечательный актёр БДТ Евгений Лебедев, сын дьяка, игравший в театре с 16 лет, не может забыть об оскорблениях и травле, когда в его окружении узнали о его происхождении из духовенства:

«...Поповское отродье!». И ещё: «Тебе не место среди нас! Театр – трибуна, а что ты будешь с этой трибуны говорить? Нести вражескую пропаганду? Вон! В колонию! На перевоспитание в социалистическом духе!»

И всё это выкрикивали мои друзья, для которых ещё вчера я был – свой, Женька...

Так я узнал, что такое предательство. Меня пригвоздили к позорному столбу. Кричали, ярлыки всякие клеили... Я стоял и плакал, мне было шестнадцать лет».

Даже одна училка ему как-то раз заявила перед всем классом:

«- Ну что, "лишенец", опять ходил в церковь? Опять слушал этот обман, этот опиум для народа? Ступай к отцу и скажи, что он – длинноволосый дурак!"

В семь или восемь лет ему мало было понятно про какой - то опиум, но её слова он запомнил на всю жизнь. С таким злорадством они были сказаны.

Вчерашний народ-богоносец охотно принимает антирелигиозную риторику. И ещё в начале 1918 года сборники и журналы Пролеткульта²⁶⁷ десятками тысяч экземпляров тиражировали стихи рабочего поэта Владимира Кириллова:

«... Мы во власти мятежного, страстного хмеля;

Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты».

Во имя нашего

Завтра сожжём Рафаэля,

Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.»

Действительно - зачем хмельной шпане музеи? Не отстаёт и Пимен Карпов:

«Звезднокормчий» (1918)

*Сторона ли моя окаянная,
Звезднокормчих - хлыстов сторона,
Ты ли Русь моя обетованная,
На пропятие мне отдана?*

*Заряжу я ружье патронами,
Отточу зазубренный штык
И за пламенными знамёнами
Закачусь, бесшабашный мужик!*

*Сторонитесь, попы долгогривые!
Нипочём теперь мать и отец:
Разгулялось поволье гульливое, -
Понакликало свету конец!..*

*Только голову жаль забубённую...
Не скули ты, гнусавый набат,
Будто Русь искромсали крещёную
Штык зазубренный, острый булат!* 1918.

Интеллигенция, книги, ликбез

Ну, конечно, как же тут шпане не «сжечь Рафаэля» и не «искромсать крещёную Русь», если «сам вождь» даёт русской интеллигенции, корню всякой культуры, самый

²⁶⁷ "Пролетарская **культура**" – культурно-просветительская **организация** пролетарской самодеятельности в различных областях искусства (литература, театр, музыка, изобразит, иск-во) и науки. Создана в Петрограде в сентябре 1917 года, распущена в 1932 г.

оскорбительный эпитет (пригодный в пацанских подворотнях) в письме к одному из лучших её же представителей:

«Короленко ведь лучший из «околокадетских»²⁶⁸, почти меньшевик. А какая гнусная, подлая, мерзкая защита империалистской войны, прикрытая слащавыми фразами! Жалкий мещанин, пленённый буржуазными предрассудками! Для таких господ 10 000 000 убитых на империалистской войне — дело, заслуживающее поддержки (делами, при слащавых фразах «против» войны), а гибель сотен тысяч в справедливой гражданской войне против помещиков и капиталистов вызывает ахи, охи, вздохи, истерики. Нет. Таким «талантам» не грех посидеть недельки в тюрьме, если это надо сделать для предупреждения заговоров (вроде Красной Горки) и гибели десятков тысяч. А мы эти заговоры кадетов и «околокадетов» открыли. И мы знаем, что околокадетские профессора дают сплошь да рядом заговорщикам помощь. Это факт. Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и её пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а г..о».

Это из письма Ленина в 1919 году Максиму Горькому²⁶⁹.

Ну, вполне ясно, что имел ввиду главный большевик, видимо, отвечая на прошлогоднюю (и не только) попытку писателя Короленко хоть как-то защитить интеллигенцию, «буржуев», некоторые из которых реально, но опрометчиво способствовали своими же деньгами делу революции. О роли самого Горького в защите интеллигенции мы уже упоминали ранее. Вместе с тем он не скрывает и свой вклад в революцию (Открытое письмо сотрудникам «Правды» и «Северной коммуны» в мае 18-го года, в своей газете «Новая жизнь»):

«...К сведению вашему скажу, что за время с 1901-го по 17-ый год через мои руки прошли сотни тысяч рублей на дело Российской социал-демократической партии. Из них мой личный взнос исчисляется десятками тысяч рублей, а всё остальное черпалось из карманов «буржуазии». «Искра» издавалась на деньги Саввы Морозова, который, конечно, не в долг давал, а жертвовал. Я мог бы назвать добрый десяток почтенных людей — «буржуев», которые материально помогли росту социал-демократической партии. Это прекрасно знает Ленин и другие старые работники партии».

Но такие защитительные письма мало помогали в прекращении репрессий. И не могли помочь в принципе. Новая власть не могла опереться на русскую интеллигенцию по причине их органической несовместимости. Остриё большевиков в достижение целей — классовая ненависть, нахрап и насилие, что абсолютно неприемлемо для интеллигенции, которая прежде всего ставит во главу угла убеждения, диспуты, договорённости, компромиссы чтобы не допустить худшее из возможного — войну, и прежде всего войну внутри страны.

Упомянутый исследователь Севастьянов поясняет невозможность союза интеллигенции с большевиками «... идеологической (сиречь онтологической)

268 Имеет ввиду близость писателя к кадетской партии.

269 В.И. Ленин, ПСС, издание 5-е, т. 51, стр. 47-49

несовместимостью прежде всего. Интеллигенция не социалистична, она буржуазно-демократична: в этом правота Ленина была абсолютна и безусловна.»²⁷⁰

Озаботилась власть и читающей частью населения, дабы не попались им на глаза крамольные, «неправильные книги, ещё чудом сохранившиеся в библиотеках. И в 1923 году Главлитпросвет Наркомпроса²⁷¹ РСФСР выпустил «Инструкцию о пересмотре книжного состава библиотек и изъятия контрреволюционной и антихудожественной литератур». Эта инструкция была подписана Н.К. Крупской. (Конечно, Крупская – знатный литературный критик, носитель высокой духовности и морали!)

К инструкции был приложен «Указатель об изъятии контрреволюционной и антихудожественной литературы из библиотек, обслуживающих массового читателя.» Рождается советская цензура! И, конечно, в будущем эта инструкция была далеко не последней, скорее наоборот, первой из многих.

А по поводу этого Указателя Горький, полный тревоги, жалуется в ноябре 1923 года Владиславу Ходасевичу (оба уже в Германии):

«Из новостей, ошеломляющих разум, могу сообщить, что ... в России Надеждою Крупской и каким-то М. Сперанским запрещены для чтения: Платон, Кант, Шопенгауэр, Вл. Соловьев, Тэн, Рескин, Нитче²⁷², Л. Толстой, Лесков, Ясинский (!) и ещё многие подобные еретики. И сказано: "Отдел религии должен содержать только антирелигиозные книги". Всё сие будто бы {слова: "будто бы", - вписаны над строкой. - В. Х.} отнюдь не анекдот, а напечатано в книге, именуемой: "Указатель об изъятии антихудожественной и контрреволюционной литературы из библиотек, обслуживающих массового читателя". Сверх строки мною вписано "будто бы" - тому верить, ибо я ещё не могу заставить себя поверить в этот духовный вампиризм и не поверю, пока не увижу "Указатель". Первое же впечатление, мною испытанное, было таково, что я начал писать заявление в Москву о выходе моём из русского подданства. Что ещё могу сделать я в том случае, если это зверство окажется правдой? Знали бы Вы, дорогой В. Ф., как мне отчаянно трудно и тяжело!».

Проницательный Ходасевич далее комментирует лукавство Горького:

*« ... В этом письме правда - только то, что ему было "трудно и тяжело". Узнав об изъятии книг, он почувствовал свою обязанность резко протестовать против этого "духовного вампиризма". Он даже тешил себя мечтою о том, как осуществит протест, подав заявление о выходе из советского подданства. Может быть, он даже и начал писать такое заявление, но, конечно, знал, что никогда его не пошлёт...».*²⁷³

Далее поэт разъясняет, что Горький пытался разыграть перед ним драматическую сцену негодования этой дикостью авторов «Указателя» и даже намерение выйти из советского подданства, если эти запреты книг окажутся правдой и если он сам увидит эту белую книжечку, и если... но в том-то и дело, что этот

²⁷⁰ А.Н. Севастьянов. Указ. Соч.

²⁷¹ Обратим внимание на повальное увлечение новыми чиновниками советскими аббревиатурами, отчего-то так ласкающими их слух.

²⁷² Скорее всего, он имеет ввиду Ницше.

²⁷³ Владислав Ходасевич. «Воспоминания».

«Указатель» уже два месяца находился у него в руках, переданный ему, как обозначает её Ходасевич, «бар. М.И.Будберг», т.е. Марией Игнатьевной Закревской, и был уже в их компании даже обсуждён и осуждён. Но то ли Горький забыл, то ли ... зачем-то надо было ему заявить, что вот он сейчас засучит рукава, да как ... Ходасевич так и не понял, зачем это нужно было писателю-эмигранту так махать перед ним руками. Что здесь было ещё, «... кроме желания что-то разыграть передо мной, а в особенности - повторяю - перед самим собой.»?²⁷⁴

Но в письме другу Ромену Роллану в января 1924 года писатель более эмоционален и даёт волю словам. (Интересно, как они понимали друг друга – вряд ли Горький знал французский, или Роллан тем более русский? Через Закревскую?) Горький пишет ему об очередной драме, творящейся в России:

«...— трагической пошлостью я именую то, — что Ян Гус назвал “*sancta simplicitas*”. Дело в том, что жена Ленина, человек по природе неумный, страдающий базедовой болезнью и, значит, едва ли нормальный психически, составила индекс контрреволюционных книг и приказала изъять их из библиотек. Старуха считает такими книгами труды Платона, Декарта, Канта, Шопенгауэра, Спенсера, Маха, Евангелие, Талмуд, Коран, книги Ипполита Тэна, В. Джемса, Гефдингга, Карлейля, Метерлинка, Ницше, О. Мирбо, Л. Толстого и ещё несколько десятков таких же «контрреволюционных» сочинений. Лично для меня, человека, который всем лучшим своим обязан книгам и который любит их едва ли не больше, чем людей, для меня... — это хуже всего, что я испытал в жизни, и позорнее всего, испытанного когда-либо Россией. Несколько дней я прожил в состоянии человека, готового верить тем, кто утверждает, что **мы возвращаемся к мрачайшим годам средневековья**. (выделено мной. Писатель понимает, уничтожение книг мировой классики - один из признаков средневековья. -ЮП). У меня возникло желание отказаться от русского подданства, заявив Москве, что я не могу быть гражданином страны, где **законодательствуют сумасшедшие бабы...** (выделено мной. — ЮП)».²⁷⁵

Как современно! (В это время бездетной стареющей Крупской уже 55 лет.) Цензура крепнущего тоталитаризма на марше!

Об опасности, которую несут «старорежимные» книги, о «вреде» русского патриотизма, сказок и фантастики, исторической беллетристики пишет исследователь Борис Бирюков :

«Н. К. Крупская прямо сказала на конференции работников детских библиотек в 1927 г.:

«Мы ратуем против сказок [...] Я прочтала, например, книжку Коваленского „Лось и мальчик“. Шёл мальчик по лесу, заблудился, встретился ему лось, посмотрел на него понимающими глазами, вывел мальчика на опушку леса и на прощание махнул ему рогами. Ведь это мистика...».

И далее он сетует:

«Люди старшего поколения во многом воспитывались на исторической (иностранной!) беллетристике — Вальтер Скотт, Фенимор Купер, Александр Дюма-отец...

²⁷⁴ <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/about/hodasevich-vospominaniya/hodasevich-vospominaniya.htm?ysclid=lf9nezm5kz289974279>

²⁷⁵ Максим Горький. Полное собрание сочинений. Письма в 24 томах. Том 14. Письма. 1922 — май 1924. — М.: Наука, 2009. — С. 286.

Надежда Крупская

Кто из нас не знает эти имена! А многие ли из тех, кто рос в 1930-1960-е гг., помнят имена классиков русской исторической беллетристики?! Неужели в России был единственный признанный исторический беллетрист — И. И. Лажечников? Оказывается, нет. От нескольких поколений были утаены произведения крупных русских исторических романистов — Вс. Соловьева, Дм. Мережковского и др. К «Инструкции» 1924 года был приложен список книг (очевидно, с точки зрения Крупской, «дезорганизирующих» и «вредных»)

«по истории и исторической беллетристике», включавший 51 позицию. Почти всё это были книги из русской и славянской истории — их тематика простиралась от св. Кирилла и Мефодия, Владимира Святого до Севастопольской обороны и освобождения Болгарии; пункт 31 требовал изъятия «всех сочинений» известного историка П. Н. Полевого. Сопоставление этого списка со списком детских сказок — почти сплошь русских, подводит к выводу: в «Инструкции» нашла выражение (не декларируемая явно) борьба с русским патриотизмом. Впрочем, это и естественно: во времена коммунистического переворота и гражданской войны слово «патриот» (однозначно понимавшееся как русский патриот) в устах большевиков было синонимом выражения «контрреволюционер», «буржуй», «беляк» и т. п.»²⁷⁶.

По поводу этой же инструкции негодует блогер А. Беляев:

«... уже в 1920 году Главполитпросвет Наркомпроса РСФСР по инициативе Крупской разослал на места инструкцию о пересмотре каталогов и изъятии из общественных библиотек "идеологически вредной и устаревшей" литературы. Как признавала сама Крупская, "в некоторых губерниях потребовалось вмешательство ГПУ (то есть чекистов), чтобы работа по изъятию началась". Именно Крупская составляла первые "чёрные списки" книг, подлежащих запрету и изъятию из библиотек в Советской России. В 1924 году она включила в эти списки **Платона, Канта, Шопенгауэра, Лескова и других крупнейших авторов: Лескова, Достоевского, басни Крылова и Лафонтена, книги Мережковского, Лажечникова, Вс. Соловьёва, Полевого, Скотта, Купера, Дюма-отца**. В целом список книг по исторической беллетристике включал 51 наименование. Подлежала изъятию многотомная "История государства Российского" Карамзина. Изымались труды педагога Ушинского, что шокировало даже "буревестника революции" Горького. Особенно сильно пострадали детские библиотеки. По приказу Крупской из них были изъяты даже народные сказки и «Аленький цветочек» Сергея Аксакова. Всего её инструкция содержала 97 (!!! - ЮП) имён детских писателей, в том числе, не

²⁷⁶ Борис Бирюков. «Репрессированная книга».

поверите, Корнея Чуковского. Этот-то за что пострадал, за "Муху-Цокотуху" что ли? Оказывается, не за Муху-Цокотуху, а за Крокодила. Почему-то ей показалось, что во всём положительный вроде бы Крокодил почему-то похож на ... Чемберлена (?), тогдашнего премьер-министра Великобритании и последовательного антисоветчика. "Что вся эта чепуха обозначает? — волнуется Крупская. — Какой политический смысл она имеет? Какой-то явно имеет. Но он так заботливо замаскирован, что угадать его довольно трудновато. Или это простой набор слов? Однако набор слов не столь уж невинный. Герой, дарующий свободу народу, чтобы выкупить Лялю, это такой буржуазный мазок, который бесследно не пройдёт для ребёнка... (...) Я думаю, "Крокодила" ребятам нашим давать не надо, не потому, что это сказка, а потому, что это буржуазная муть".

Очень своеобразное у Надежды Константиновны, никогда не имевшей своих детей, было отношение к детской литературе.»²⁷⁷

Наверное, Корней Иванович пострадал не зря с его сказочно-эзоповым языком. К примеру, многие внимательные читатели считают, что его «Тараканище» явно подразумевает террор усатого «вождя всех племён и народов» против своего народа, повергнутого в страх и ужас и неспособного к какому-либо сопротивлению. А то и видят успешную борьбу «вождя» со своей оппозицией:

Но, увидев усача
(Ай-ай-ай!),
Звери дали стрекача
(Ай-ай-ай!).
По лесам, по полям разбежались:
Тараканьих усов испугались.

....
И сидят и дрожат
Под кусточками,
За болотными прячутся
Котками.

....
Вот и стал Таракан победителем,
И лесов, и полей повелителем.
Покорились звери усатому.

Всё сходится, кроме того, что написано это в 1921 году (по словам автора):
«В 1921 году я весною в два-три дня сочинил две сказки «Мойдодыр» и «Тараканище». Издавать эти сказки было негде...»²⁷⁸

Но если это правда (о задумке сказочника про генсека ВКПб – усы-то уже были, и трения с Лениным тоже), то, Чуковский, конечно, не просто сказочник, но и большой провидец, к сожалению. (Или это всё-таки просто безудержная фантазия писателя? Так или иначе, но на российской марке 1993 года таракан дымит трубкой в правой лапке. Изображение с сайта Stamps.ru, художник А.Яцкевич).

²⁷⁷ <http://alexa-bell.livejournal.com/47305.html>

²⁷⁸ Корней Чуковский. «Заметка автобиографическая» в сборнике «Советские писатели». Автобиографии в двух томах, 1959».

И нашёлся другой поэт, не сказочник, который уже на самом взлёте генсека к вершинам, тоже написал про «тараканьи усища», но с другими для себя последствиями, и об этом в своё время.

У самого же «вождя мирового пролетариата» отношение к искусству, художественным книгам по оценкам разных людей наблюдалось вполне утилитарным, до предела практическим. Так, художник Юрий Анненский приводит отрывок из беглого с ним разговора:

«Я, знаете, в искусстве не силен... — сказал Ленин, — Искусство для меня, это... что-то вроде интеллектуальной слепой кишки, и когда его пропагандистская роль, необходимая нам, будет сыграна, мы его — дзык! дзык! вырежем. За ненужностью.... Вообще, к интеллигенции, как Вы знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг „ликвидировать безграмотность“ отнюдь не следует толковать как стремление к нарождению новой интеллигенции. „Ликвидировать безграмотность“ следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи, читать наши декреты, приказы, воззвания. (Выделено мной. -ЮП). Цель — вполне практическая. Только и всего».²⁷⁹

Вот так, умение народа читать - не для того, чтобы развиваться внутренне и получать удовольствие от книг, будить фантазию, познавать то, что лежит за пределами твоего городка или деревни, испытать дух невероятных приключений вместе с фантастами, переживать личные драмы вместе с Джейн Эйр!

Нет! Нужны лишь навыки населения самим прочесть указания властей, декреты, воззвания, приказы ... и следовать им.

Листовки времён ликбеза

Что ж, мне кажется, никто и не удивлён этим цинизмом человека, который для построения нового общества ломает традиционную культуру народа, наработанную веками до него, и оставляет, может быть, только то, что необходимо ему именно сегодня для этой новой постройки рабовладельческого общества. Ленин же великий тактик — он может использовать любой призыв из прошлого дня лишь бы это принесло пользу в дне **сегодняшнем**. А завтра лозунги вообще могут поменяться.

²⁷⁹ Анненков Ю. «Воспоминания о Ленине». Новый журнал, Нью-Йорк, № 65, 1961.

Что ж, умение народа читать – огромное благо для страны! Но оказывается, мало кто умел в стране победившей революции читать!

Действительно, Всероссийская перепись населения в 1920 году выявила в стране 54 млн безграмотных, что составляло 60% населения, что было бедой и позором большой страны, строящей социализм. Необходимо срочно организовать в массовом порядке обучение чтению и письму среди всего населения! Чтобы в каждом городе и в каждой деревне любой трудящийся мог бы читать и исполнять наши приказы и декреты!

Рабочие на курсах ликбеза. И что характерно - процент мужского населения среди желающих ликвидировать свою безграмотность - 2 из 13. Какие-то странные у всех лица.

И тут же в декабре 1919 года выходит декрет: «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», где всё обставлялось серьёзно, по-военному, - население Советской России в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать или писать, обязывалось учиться грамоте на родном или на русском языке по желанию. Обучающимся грамоте, работающим по найму, рабочий день сокращается на два часа на все время обучения с сохранением заработной платы. *Кампания закрутилась серьёзная - уклоняющиеся от данной повинности или препятствующие кампании привлекались к **уголовной ответственности!***

И к 1939 году (по данным новой переписи), грамотность взрослых (от 16 до 50 лет) приблизилась к 90%. А слово «ликбез» перешло в нашем языке совсем в другие области, где надо с нуля и резко подтянуть знания и навыки. Например, финансовый ликбез, литературный ликбез.

Пропаганда, переименования, праздники.

Уже весной 1918 года принимается ленинский план монументальной пропаганды, смысл которого выразил сам «вождь мирового пролетариата» (со слов Луначарского):

«В разных видных местах на подходящих стенах или на каких-нибудь специальных сооружениях для этого можно было бы разбросать краткие, но выразительные надписи, содержащие наиболее длительные коренные принципы и лозунги марксизма, также, может быть, крепко сколоченные формулы, дающие оценку тому или другому великому историческому событию.<...> О вечности или хотя бы длительности я пока не думаю. Пусть всё это будет временно. Ещё важнее надписей я считаю памятники: бюсты или целые фигуры, может быть, барельефы, группы.»

И работа закипела. Ломать – не строить. Сносятся «царские» и христианские памятники и церкви, скульптуры царским героям. Устанавливаются наспех сооружённые невнятные и недолговечные обелиски, стелы, скульптуры героям революции «временно», как и сказано вождём, а потому почти всё – из гипса, ненадолго.

Бек пишет о памятнике в Александровском саду Робеспьеру, уже разрушенному: *«На аллее громоздилась бесформенная куча обломков. Из-под неё проглядывал угол каменного постамента. Это и была, как догадался Кауров, растрескавшаяся, разрушившаяся на морозе фигура бестрепетного якобинца, звавшегося Неподкупным, сражённого заговорщиками. Лишь позже из мемуарных свидетельств Кауров узнал, что у этой скульптуры, ещё целой, любил посидеть Ленин, когда он — до ранения — выходил, по ночам на прогулку сюда в сад.»*²⁸⁰

На Скобелевской площади Москвы сносят обелиск-памятник «белому генералу» Михаилу Скобелеву, герою последней Русско-турецкой войны. Это памятник Свободе, простоявший до 1941 года, а площадь переименовывается в Советскую. (Теперь на этом месте памятник князю Юрию Долгорукому, поставленный к 800-летию Москвы). Однако в самом Петрограде некоторые памятники императорам и императрице кампания всё-таки не затронула. На революционном энтузиазме возникает волна переименований улиц, площадей, городов и даже вершин горных систем. Переименовываются прежде всего топонимы с религиозно звучащими названиями, или в честь царей. Так Протопоповский переулок в Москве переименовывают просто в Безбожный (по нему ходил в наше время трамвай №50, «полтинник»), Патриаршие пруды стали Пионерскими, и т.д.

²⁸⁰ Александр Бек. «На другой день».

Но города и улицы власть начала переименовывать не только по атеистическим и антимонархическим мотивам, но и просто в честь и в увековечивание самих себя, своих вождей и своей идеологии. Эта эпидемия началась по крайней мере ещё в 1918 году, и затем её было уже не удержать до 1984 года, а по хронологии переименований можно даже изучать историю политических катаклизмов страны.

Наиболее значимые примеры:

Иващенко – Троцк(1918), - Чапаевск (1929, год высылки Троцкого),

Лигово – Урицк (1918, год убийства Моисея Урицкого – председателя петроградского ВЧК),

Екатериноград – Маркштадт (1920), - Маркс (1942, немцы подступают к Волге),

Екатеринодар - Краснодар (1920),

Гатчина – Троцк (1923), - Красногвардейск (1929, год высылки Троцкого), снова Гатчина (1944),

Петроград - Ленинград (1924), - Санкт-Петербург (1991 г.),

Екатеринбург - Свердловск (1924), - снова Екатеринбург (1991 г.),

Юзовка – Сталино (1924), - Донецк (1961),

Симбирск – Ульяновск (1924),

Царицын - Сталинград (1925), Волгоград (1961),

Кольчугино – Ленинск-Кузнецкий (1925),

Екатеринослав - Днепропетровск (1926 г.) в честь видного большевика, одного из деятелей коммунистического движения Григория Петровского (сейчас Днепр),

Новониколаевск - **Новосибирск** (1926 год),

Пишпек (Киргизия)- Фрунзе (1926), Бишкек (1991),

Душанбе (Таджикистан) – Сталинабад (1929), снова Душанбе (1961 г.)

Сергиев (с Троице-Сергиевой Лаврой) - Загорск (в честь местного революционера Загорского в 1930 г), - Сергиев Посад,

Тверь - Калинин (1931), снова Тверь (1990 г.),

Покровск – Энгельс (1931),

Вятка – Киров (1934),

Самара - Куйбышев (1935), - снова Самара (1991 г.),

Ставрополь - Ворошиловск (1935), - снова Ставрополь (1943 г., Ворошилов впал в немилость?),

Луганск – Ворошиловград (1935), - опять Луганск (1958, опять впал в немилость?) и опять Ворошиловград (1970), и опять Луганск (1990), анекдот, Каменское - Днепропетровск (1936), снова Каменское (2016 г.)

Оренбург - Чкалов (1938), снова Оренбург (1957 г.), Пермь - Молотов (1940), снова Пермь (1957 г.),

Кёнигсберг – Калининград (1946),

Рыбинск – Щербаков (1946), снова Рыбинск (1957), Андропов (1984), и снова Рыбинск (1989),

Мариуполь – Жданов (1948), снова Мариуполь (1989 г.),

Нижний Новгород -- Горький (1932, просто за приезд писателя в СССР), снова Нижний Новгород (1990 г.),

Ставрополь (на Волге) – Тольятти (1964, в честь умершего в этот год итальянского коммунистического деятеля Пальмиро Тольятти),

Набережные Челны – Брежнев (1982), снова Набережные Челны (1988, (а на юге Москвы, например, возник Брежневский район),

Ижевск – Устинов (1984), - снова Ижевск (1987 г.),

Невский проспект – проспект им.25 октября (1918) – Невский проспект (1944) (интересная дата).

С 1935 года Московский метрополитен носил имя Лазаря Кагановича, с 1955 года – имя Ленина (значит, Каганович попал в опалу).

В

Памятник Дантону между площадями Революции и Театральной. В своё время француз Дантон был обезглавлен, да и памятник его голове долго не простоял.

Часто в новых советских названиях (особенно в Ленинграде) встречается фамилия Урицкого – председателя Петроградской ЧК, убитого 30 августа 1918 года и похороненного на Марсовом поле. В честь него были названы площадь, улица, пригород Ленинграда (Урицк – бывшее Лигово), а также табачная фабрика. И совсем дико - главная площадь города – Дворцовая, более двадцати лет носила имя Моисея Урицкого.

И этих переименований на карте не счесть. Переименовывали даже вершины гор. Высшая точка СССР – пик Самани (Сомони) – 7495 м на Памире стал пиком Сталина (1932), затем просто пиком Коммунизма (1962). Таджики снова вернули ему имя Самани в 1998 г.). Там же на Памире пик Кауфмана стал пиком Ленина (с 1928 года и до сих пор). Переименовывались и предприятия. Так сегодняшний «Красный Октябрь» ранее назывался «Эйнем. Товарищество паровой фабрики шоколада, конфет и чайных печений». А «Товарищество А.И. Абрикосова и Сыновей» в 1922 г переименовывается в «Государственную кондитерскую фабрику им. П.А. Бабаева». (Петр Бабаев - секретарь Сокольнического райкома РКП(б), председатель райсовета и член Московского Комитета РКП(б).)

«Торговый дом Леновых» национализирован в 1918 году и в 1931 году в знак солидарности с немецкими коммунистами переименован в «Рот Фронт» («Rot Front!» – историческое приветствие немецких коммунистов. Rot (или Rote) - «красный, революционный», а Front объединение общественных сил).

Одновременно упраздняются православные праздники, вводятся новые, революционные. Например, Международный женский день 8-е марта. Считается, что ещё в самом начале 20-го века известная социалистка из Европы немка Клара Цеткин создает революционный отряд, состоящий из женщин, и решает включить неудержимую энергию женщин в борьбу с эксплуататорами. И нужно было выбрать день, который можно было бы считать Днем Рождения "женского пролетариата". И вот в 1910 году в Копенгагене на 2-ой Международной конференции женщин-социалисток по предложению Клары Цеткин об учреждении "дня борьбы за права женщин" была принята резолюция о том, чтобы ежегодно проводить женский день, "который в первую очередь служит агитации за предоставление женщинам избирательного права". Это прозвучало как призыв ко всем женщинам мира подняться на борьбу за равноправие. Лишь с годами таким днем во некоторых странах стал именно день 8 марта. А в большевистской России главными инициаторами празднования «международного женского дня» стали наша феминистка Александра Коллонтай и Клара Цеткин (со временем переехавшая к нам насовсем). Они неоднократно убеждали Председателя Совнаркома Ульянова сделать 8 марта официальным коммунистическим праздником. И В 1921 году по решению 2-й Коммунистической женской конференции было решено праздновать Международный женский день 8 марта в память об участии женщин в петроградской демонстрации 23 февраля (8 марта) 1917 года.

(А с 1966 года этот день добрый генсек Брежнев сделал, к вящему удовольствию женщин, и выходным. Но больше радовались, кажется, их мужья.)

Кстати, о Цеткин и Люксембург. Активистка европейского социал-демократического движения Клара Цеткин (ур. Эйсер, взявшая впоследствии фамилию мужа, русского болгарина Осипа Цеткина), соратница коммунистки Розы Люксембург, являлась одной из основательниц независимой социал-демократической

партии Германии, и затем Германской Компартии, депутат Рейхстага, в котором, выступая в 1932 году (забежим немного вперёд), сказала:

«Я открываю первое заседание Рейхстага, выполняя свой долг и в надежде, что несмотря на мою нынешнюю инвалидность, смогу дожить до счастливого дня, когда я, как старейшина, открою первое заседание съезда Советов в советской Германии.»

В 20-е годы тенденции на политическое сближение Германии и СССР были очень сильны, и мировая революция считалась не за горами. После 20-го года она чаще жила в России, чем в Германии, и умерла под Москвой в 1933 году, и её прах с почестями захоронен в колумбарии Кремлёвской стены.

Роза Люксембург - уроженка Польши в составе России, экономист и философ, левая социал-демократка, затем организатор коммунистического движения в Германии вместе с Карлом Либкнехтом. Встречалась в Европе и координировала действия с революционерами из России. Была одним из инициаторов Союза Спартака — вооруженной марксистской организация в Германии. Этот Союз во время Первой мировой войны призывал к мировой пролетарской революции, которая свергнет мировой капитализм. С августа 1914 года Союз Спартака входил в Социал-демократическую партию Германии. Ноябрьскую революцию 1918 года спартакисты (как они себя называли) встретили вне какой-либо партии и, выдвинув лозунг «Вся

Революционерки и модницы Клара и Роза.

власть Советам!», добивались учреждения в Германии советской республики. В январе 1919 года Союз Спартака вошёл в новую Коммунистическую партию Германии. (Именно эти спартаковцы упоминаются у Михаила Светлова в «Песне о юном барабанщике».) После неудавшегося выступления берлинских революционных рабочих Роза Люксембург была арестована и убита полицейскими конвоирами ещё до суда. Так считается; тело её нашли в одном из берлинских каналов. Карл Либкнехт был застрелен также в Берлине и в этот же день. (У исследователей этих убийств до сих пор ещё много вопросов).

Звучные имена Либкнехт, Люксембург, Клары Цеткин усилиями наших властей стали очень популярны в нашем общественном сознании. Их именами стали называть улицы, фабрики, колхозы, даже собственных детей. И не только.

Например, когда молодая мамаша, рабочая соседка по дому профессора Преображенского, принесла своих только что народившихся близняшек на «собрание

жильцов нашего дома» на советские крестины, то наш управдом товарищ Швондер внёс простое предложение, тем самым прервав начавшуюся было дискуссию, сильно напоминающую наречение Акакия Акакиевича: «Лучше назовём их просто – Клара и Роза». Куда уж проще? На этом советские крестины закончились, и все сразу затянули революционную песню, сурово насупившись; кстати, под портретами Сталина и Троцкого. А Клара и Роза заплакали. (Так мы видим в известном фильме Владимира Бортко, но этот эпизод с крестинами привлечён режиссёром из ранних текстов Булгакова, где писатель даёт образ энергичного завкома, прототипа Швондера: «... он явился и счастливым матерям предложил имена для их крошек: Баррикада и Бебелина.» Последнее – в честь немца социал-демократа Фердинанда Августа Бебеля? Сильно! Ещё бы знать - чем он прославился!)

Кстати, именно с 20-х, 30-х годов в нашем родном ономастиконе (корпусе имён) появляются Розы, Клары, Генриетты (имя матери Маркса), Октябрины. Встречал в жизни даже Фридриха, вероятно, назван в честь Энгельса.

Завершая это отступление в сторону западных социал-демократок, нельзя не заметить, что за год до своей гибели Роза Люксембург выпустила статью «Русская революция. Критическая оценка слабости. 1918» о большевистской диктатуре в России, хотя и ни разу не была у нас:

«...С подавлением свободной политической жизни во всей стране жизнь и в Советах неизбежно всё более и более замирает. Без свободных выборов, без неограниченной свободы печати и собраний, без свободной борьбы мнений жизнь отмирает во всех общественных учреждениях, становится только подобием жизни, при котором только бюрократия остаётся действующим элементом... Господствует и управляет несколько десятков энергичных и опытных партийных руководителей. Среди них действительно руководит только дюжина наиболее выдающихся людей (в Политбюро ЦК у нас в разное время как раз и было 7-15 человек. - ЮП) и только отборная часть рабочего класса время от времени собирается на собрания для того, чтобы аплодировать речам вождей и единогласно одобрять предлагаемые резолюции. Таким образом — это диктатура клики, несомненная диктатура, но не пролетариата, а кучки политиканов.»

Вот это припечатала! Именно так у нас и происходило все 70 лет.

Голод 1920-1921. Горький.

Общая разруха в экономике в результате людских потерь в Гражданской войне, дикая политика «военного коммунизма», продразвёрстка и экспроприация в деревнях, раскулачивание (и не только «кулаков»), и наконец сильнейшая засуха 1921 года (в основном в южном Поволжье) приводят в этом году к тотальному голоду населения Среднего и Нижнего Поволжья, Причерноморья, Приуралья, части Казахстана и Западной Сибири и даже Крыма. Справиться самим этим губерниям было невозможно,

и собравшиеся в Москве деятели в сельскохозяйственной сфере решили образовать при Московском обществе сельского хозяйства общественный комитет по борьбе с голодом. Привлекают Горького, Литвинова, Луначарского и других.

Горький вносит на рассмотрение Политбюро ЦК РКП(б) предложение о создании Всероссийского комитета помощи голодающим, и в июле ВЦИК утверждает статус общественного Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгол). Комитет возглавляется Львом Каменевым и Алексеем Рыковым, назначается и почётный председатель избран писатель Владимир Короленко. Однако открытый общественный характер Помгола не устраивает большевиков, как и бывает при бюрократии во власти, и очень скоро общественный Комитет распускают, а его члены едва избегают расстрелов. Новая бюрократия хочет сама рулить любым процессом, особенно если в нём протекают немалые денежные потоки собираемых средств, и учреждает правительственный Центральный Комитет Помгол во главе с Михаилом Калининым.

Но сами большевики в такой трагический период озабочены не неслыханным голодом на огромной части страны, ведь внутри стен Кремля его нет, а укреплением своей пошатнувшейся власти – экономика дышит на ладан. Привожу далее часть письма (от марта 1922 года) председателя Совнаркома - как использовать народное бедствие для усиления репрессий против церкви и изъятии у неё накопленных ценностей под предлогом накормить умирающих. Но всё – строго секретно и тайно, втихую, а то всё-таки неудобно открыто призывать к расстрелам:

«Строго секретно.

Просьба ни в коем случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинину тоже) делать свои заметки на самом документе. Ленин.

Товарищу Молотову для членов Политбюро.

*... для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах **едят людей** и на дорогах валяются сотни, если **не тысячи трупов**, мы можем (и потому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. ...*

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе²⁸¹ в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом

²⁸¹ Большевиков пригласили на Международную конференцию в Генуе этой же весной.

можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечивало бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием церковных ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне....

... На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. **Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше.** (Выделено мной.- ЮП). Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать...»²⁸².

Откровенный и циничный призыв к грабежу в дни гуманитарной катастрофы. Никакой заботы о голодающих, забота только о деньгах и забота «проучить эту публику», т.е. духовенство.

Это писано в марте 1922 года. И создаётся комиссия по изъятию этих самых церковных ценностей, причём ожидаемо «Комиссию возглавлял Лев Троцкий, в большинстве своем она состояла из лиц отнюдь не православного вероисповедания. Ленин повелел им всем «не высовываться», подставляя, когда в том будет нужда, «православного» члена комиссии — Михаила Калинина...»²⁸³. Туда же входит и Александр Краснощёков (ур. Абрам Краснощёк).

Что ж, факт людоедства в стране признаётся самим Председателем Совнаркома и признаётся, что это хорошо для нас. Это повод дополнительно ограбить Церковь.

Катастрофичность ситуации вынуждает советское правительство открыто обратиться за помощью к мировому сообществу, т.е. к тем же самым капиталистам и буржуям, пожар среди которых оно страстно призывает «раздуть».

Между тем по просьбе Ленина Максим Горький, как лицо политически нейтральное (формально он не состоит ни в какой партии), передаёт в западную прессу обращение «Ко всем честным людям!» с призывом помочь миллионам голодающих в России. На него откликаются самые разные наивные филантропические и религиозные организации, которых до того в страну не пускали: Нансеновский комитет, международный Красный Крест, Международная рабочая помощь, а также Христианский союз молодых людей, Меннонитский комитет, Католическая миссия, Общество друзей-квакеров и др. Но по масштабам деятельности и уровню организованности ни одна из них не может сравниться с АРА - American Relief Administration (ARA). Официально организация считалась неправительственной, но возглавлял её тогдашний министр торговли США, будущий президент Герберт Гувер, руководивший в годы Первой мировой рядом успешных гуманитарных программ. Согласно договору между РСФСР и АРА, подписанному 20 августа 1921 года в Риге, американская организация обязывалась бесплатно и беспопшлинно доставлять продовольствие и медикаменты в российские порты.

²⁸² Письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) /Известия ЦК КПСС/. — 1990. — № 4. — С. 190—193.

²⁸³ Аркадий Ваксберг. «Лиля Брик. Жизнь и судьба».

О деятельности АРА и её запасах продовольствия в России упоминается вскользь в поэме Михаила Булгакова «Похождения Чичикова»:

«- Никакого предприятия там нету. Это он адрес памятника Пушкину указал. И запасы не его, а «Ара»».

Блогер vasilij eremin дополняет:

*«... 26 июня 1921 г. газета «Правда» напечатала статью о голоде в Поволжье. То есть, смертность стала такой массовой, что даже большевики перестали ее скрывать.... советское правительство обратилось к международному сообществу с просьбой о содействии в борьбе с голодом. **«Российское правительство, — говорилось в ноте, — примет любую помощь, из каких бы источников она не поступила, совершенно не связывая её с существующими политическими отношениями».***

*В тот же день сам Ленин ещё написал публичное обращение к мировому пролетариату, в котором попросил денег и не упустил случая в очередной раз заклеить позором мировую буржуазию. Напомним, всего от голода 1921-1922гг. умерли около 5 млн. советских граждан. Наибольшую помощь советским голодающим оказала чисто буржуйская Американская администрация помощи (АРА), открывшая в Советской России широкую сеть бесплатных столовых. Ежемесячно в них получали питание несколько миллионов человек».*²⁸⁴

*Берберова пишет в начале 1922 года в Москве: «Теперь начали приходить Гуверовские посылки АРА. Страшно и стыдно читать сейчас, как Горький просил, французов, американцев, англичан, даже немцев помогать голодному населению Революционной России. Когда в лице бывало «ни кровинки», от сала, какао и сахара она появлялась. Глядя на АРУ, казалось: уцелели на время. Существует от АРЫ до АРЫ.»*²⁸⁵

По некоторым данным к концу 1922 года эта организация оказала помощь более 10 миллионам голодающих. На самом деле денег у советского правительства в это время было немерено, которые направлялись на саботаж, забастовки в капстранах. Блогер приводит копию письма²⁸⁶ Георгия Чичерина Молотову, с отметками самого Молотова и Ленина, в котором автор на грани паники просит «... чтобы Центральный Комитет предложил Межссовпрофу тщательно уничтожить все до одной копии упомянутой мною официальной бумаги по поводу передачи английским шахтёрам (через Красина) **двухсот тысяч рублей золотом**, так как в противном случае нет гарантии, что копия этой официальной бумаги не попадёт в руки английского правительства.» (см. оригинал ниже).

Несложно разобрать приписку Ленина синим карандашом: «Т.Молотову, я за. Затребовать от Лозовского бумаги, что гарантируется, что все уничтожил 18\VI Ленин».

Видимо, на этот раз у курьера Красина, международного авантюриста, что-то пошло не так с переправкой огромных сумм, и большевики, как всегда, замечают следы.

²⁸⁴ <https://historical-fact.livejournal.com/205096.html?ysclid=lpb7motdnj258204432>

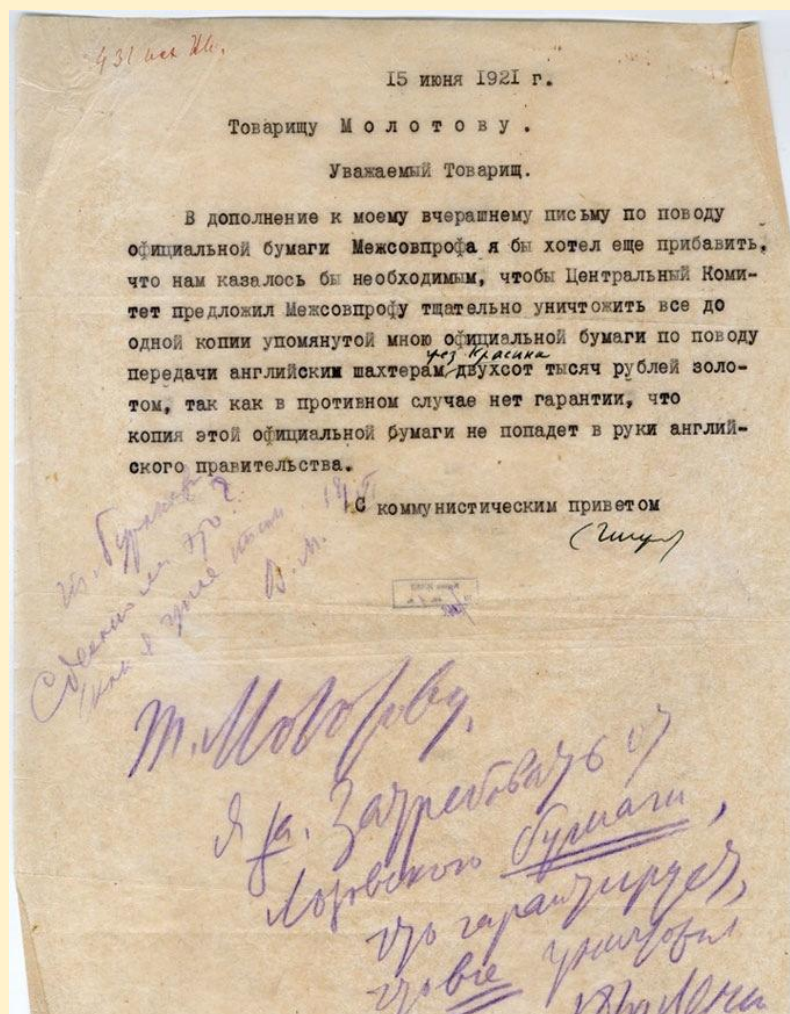
²⁸⁵ Нина Берберова. «Курсив мой».

²⁸⁶ Видимо, взятое блогером на сайте <https://lenin.shm.ru/2213-2/?ysclid=lr4yx9crdd924956041>

Действительно, попади эти «официальные бумаги Межсовпрофа» в руки правительства Дэвида Ллойд-Джорджа – последствия могли бы быть очень тяжёлыми для Кремля, особенно экономические и репутационные. Никто бы не понял цинизма большевиков, как это вообще возможно – одной рукой просить пропитание для устранения у себя хотя бы каннибализма, а другой – подкупать рабочих этих же стран чтобы они побыстрее раздували пожар у себя в собственном доме. Непостижимо!

И Маяковский не проходит мимо голода и тех, кто оказывает помощь, агитирует и ведёт подсчёт – кто сколько может прокормить:

Письмо Чичерина в ЦК об уничтожении следов перевода денег английским шахтёрам.

(см. например, <https://lenin.shm.ru/2213-2/>).

Государство по словам поэта, готово спасти от голода два миллиона из десяти. В то же время за два года американцы ввозят в Советскую Россию около 33 млн пудов (550 000 т) продовольствия, лекарств и других товаров первой необходимости на сумму свыше 66 млн долларов (более 800 млн современных долларов), из которых 20 млн ассигновал конгресс США.

Организуют бесплатные столовые для голодающих и другие международные организации. Норвежский полярный исследователь и путешественник Фритьоф Нансен выступает на заседании Лиги Наций в Женеве, где обвиняет западные правительства

- Сколько миллионов голодных? Десять! (Главполитпросвет №383)

1. Сколько миллионов голодных? Десять!

Вот что надо обдумать и взвесить.

2. Двум миллионам, чтоб могли не голодать,

государство сумеет помощь дать.

...

7. Кормит Ара: удастся ей прокормить миллион детей.

8. Иностраный рабочий помогает.

Удастся и ему дать пищу миллиону одному.

Если гладко помощь идти будет, государство и то не может дать прокормиться всем, —

...

11. Товарищ, сам за ними смотри, 3 000 000 спаси от смерти!

12. Помогите трём!

Слышишь мольбу:
«Не поможете — умрём!»

1921, октябрь.

стран-членов Лиги в нежелании помочь России, так как там, якобы, большевизм. Но помощь всё-таки приходит благодаря именно общественным организациям. К беспризорникам гражданской войны добавляются малолетние сироты-бродяжки из голодающих областей, смертность среди которых, в том числе в приютах, доходит до половины. Официальная статистика, если она вообще была возможна в тех условиях, определила убыль населения всей страны за период с 1920 по 1922 год в 5 млн. человек. Голод в Советской России 1921 года, если не считать военных потерь, стал крупнейшей для того времени гуманитарной катастрофой в европейской истории после средневековья. Нансен вспоминает о своём опыте в России:

LA FAMINE EN RUSSIE . Un coin de cimetière du pays desséché.

" Si les Gouvernements d'Europe avaient accordé les secours demandés en octobre 1921, tous les affamés auraient été sauvés. ... NANSEN.

Горы погибших от голода на кладбище в Бузулуке, Поволжье, 1921 год. Фотография была использована на благотворительной открытке фонда Фриттьофа Нансена.

"Самым ужасным было посещение кладбища, на котором была гора из 70 или 80 голых трупов, большинство из которых принадлежали детям, умершим за последние два дня и привезённых сюда из приютов или просто подобранных на улицах. ... Их все просто складывают в одну могилу, пока она не заполнится. Трупы голые, потому что одежду забирают себе живые. Нансен спросил могильщика, сколько умерших привозят на кладбище ежедневно, и получил ответ, что их привозят «телегами».

Каждый божий день. Для могильщиков было невозможно справиться с захоронением такого количества умерших, потому что земля была мёрзлой и копалась очень тяжело, поэтому из тел несчастных вырастали горы.

Многие трупы вообще оставались лежать на улицах и в домах, потому что не было возможности отвезти их на кладбище".

И в то же самое время, как пишет тот же блогер о большевистском правительстве:

« ...в 1921-22гг. деньги, золото, разные ценности на сумму более 19 миллионов золотых рублей были переданы представителям зарубежных компартий с целью попытаться разжечь костер мировой революции. Эмиссары Москвы развозили деньги в Китай, Индию, Персию, Венгрию, Италию, Францию, Англию, Германию, Финляндию и другие страны.»

Однако, как только на Западе стало известно, что зерна в России достаточно и большевики начали массовый экспорт зерна (валюта нужнее людей), и информация об этом появилась в мировых СМИ, иностранные организации свернули программы помощи советским голодающим.

А заступничество Горького за деятелей русской культуры и активное его участие в реальной помощи голодающим в Помголе, изрядно надоело большевикам и даже

самому главному из них, и ему настоятельно советуют уехать «подлечиться». Его просто отсылают подальше. Можно вспомнить ленинское письмо от 9 августа 1921 года — и оценить своеобразный юмор вождя:

"А у Вас кровохарканье, и Вы не едете. Это, ей-же-ей, и бессовестно, и нерационально. В Европе, в хорошем санатории будете и лечиться, и втрое больше дела делать. Ей-ей. А у нас ни лечения, ни дела, — одна суетня. Зряшняя суетня. Уезжайте, вылечитесь. Не упрямитесь, прошу Вас. Ваш Ленин".

По свидетельству Берберовой (со слов самого Горького) письмо заканчивалось большевистской шуткой: «... а не то мы вас вышлем».

Настоящую цену этих шуток все уже хорошо знали. И Горький бессилён сопротивляться давлению «вождей» и осенью 1921 года уезжает в Европу (хотя он действительно страдает поражением лёгких как курильщик со стажем, и ему требовалось лечение); здесь важно, что его мягко выдавливают из новой страны, а не убивают (памятуя его былые финансовые заслуги перед «партией»), чтобы не путался здесь со своими «несвоевременными мыслями». И далее он со множеством приживальцев долго живёт в Италии и возвращается окончательно только в 1932 году чтобы сослужить большевикам ещё одну очень серьёзную службу. Но об этом далее.

Осенью 1922 года после сбора нового урожая зерновых ситуация с хлебом в РСФСР становится не такой катастрофической.

Но, голод голодом, а мировая революция не ждёт. И в самый разгар голодного мора в Поволжье советская власть вместо закупа продовольствия для голодающих оказывает безвозмездную финансовую и материальную помощь как бы революционным туркам во главе с «отцом всех турок» Кемалем, который в это же время возглавил войну с греками за Анатолию и Проливы. Блогер KSSERNIK пишет, что в декабре 1921 года в Анкару прибывает на переговоры герой сражения за Крым Михаил Фрунзе и, оценив обстановку, запрашивает у Ленина военной помощи туркам. Не скупясь, большевики передают Ататюрку огромное количество вооружений, продовольствия, и даже золото. И всё это — за дешёвые обещания на словах на построение социализма в Турции.

Правильно, зачем спасать голодающих? Голодные -- это покорные. А наша цель -- Мировая революция. И Ленин не только помогает Ататюрку в борьбе с Грецией. Ведь согласно ещё ранее в этом году Московскому договору "о дружбе и братстве" большевики соглашались отдать Турции часть территории, ранее входившей в Российскую империю: Сурмалинский уезд с горой Арарат (в составе России находился с 1828 года), Карсскую область и южную часть бывшей Батумской области.

«.... Но великий вождь пролетариев, бросивший в бесовскую топку Мировой революции русский народ, просчитался, сделав ставку на Ататюрка и Турцию. Кемаль-паша Ататюрк пообещал Ульянову-Ленину Турецкую Советскую республику и даже создал Коммунистическую партию Турции. Но как только власть Ататюрка укрепилась, коммунистов зарезали, что вошло в историю как "бойня пятнадцати". Турция политически и экономически откочевала к тем самым империалистам и вступила в блок НАТО. Возможна

ли была коммунистическая Турция, на что рассчитывал Ленин? Вряд ли. Не прокатил турецкий вариант КНДР или Кубы.»²⁸⁷

До сих пор в Турции стоят памятники Ататюрку, даже в небольших городах, примерно, как у нас «вождю мирового пролетариата». И снова нам не удалось взять Проливы. А наши армяне сейчас могут наблюдать свою священную гору Масис только в хорошую погоду, глядя на юг, да на своих гербах, где он изображён двухвершинным и с Ноевым ковчегом, причалившим к вершине Большого Арарата..

Разрушающийся сегодня памятник норвежцу Нансену в городе Марксе (ныне Саратовская область) от благодарных волжан.

Правильно, голод голодом, армяне – братья, но Мировая революция – превыше всего.

(Интересно, почему наши самозванные правители, строившие по их мнению вроде бы самое передовое государство в мире, всегда находили общий язык и так любили дружить и заводить «романы» с самыми отсталыми, деспотическими, одиозными и автократическими режимами?)

Новый человек в новой семье. «Долой стыд!»

Так же как почти всякая религия ставит своей целью создание «нового человека» (так, например, христианство призывает своих новообращённых через Новый Завет «отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, ... и облечься в

нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины»²⁸⁸), так и идеологическая парадигма в Советской Республике не могла не взывать к сотворению своего собственного нового человека. И к концу Гражданской войны на съездах и бесконечных собраниях новые вожди призывают на расчищенной почве (т.е. на руинах старой жизни, часто в буквальном смысле), молодое коммунистическое поколение строить своё коммунистическое общество.

Но сначала нужно «построить» самого нового человека-строителя с новой моралью, новым бытом, с новым мышлением и новыми идеалами. И этот новый человек должен будет являться органичной частью коллектива и не отделять от него

²⁸⁷ <https://kssernik.livejournal.com/460615.html?ysclid=l9mbs304jw177170484>

²⁸⁸ Еф. 4:22,24. Послание к Ефесянам св. апостола Павла.

самого себя. Ну, и если права трудящихся защищены, и с эксплуатацией человека человеком покончено, и мировая революция уже близка, и с этими сторонами жизни как то всё решено и понятно, то какова же будет новая жизнь трудящегося в семье, в браке, в интимных отношениях двоих, в любви? Ведь это такая незаменимая и прекрасная сторона нашей жизни, которому посвящено, наверное, более половины всей мировой литературы, музыки?

Да, говорят, и здесь всё будет новое. Но как??

Да ведь ещё до революции своей пугающей новизной отмечаются статьи дворянки Александры Коллонтай²⁸⁹ (ур. Домонтович), которая своей смелой публицистикой и личной жизнью много способствовала женской эмансипации и новым взглядам на гендерные отношения.

Александра Коллонтай

Ещё в 1912 году она пишет в работе «Любовь и новая мораль» в полемике с одной современной ей немецкой исследовательницей:

«...Распахнуть заповедную дверь, ведущую на вольный воздух, на путь более любовных (? - ЮП), более близких, а следовательно, и более счастливых отношений между полами может лишь коренное изменение человеческой психики — обогащение её «любовной потенцией». Последнее же с неизбежной закономерностью требует коренного преобразования социально-экономических отношений, другими словами — перехода к коммунизму.

... Современная мораль предъявляет достойное смеха требование, чтобы человек во что бы то ни стало «нашёл своё счастье», она обязывает его сразу и безошибочно найти среди

миллионов современников ту гармонирующую с его душой душу, то второе Я, которое одно обеспечивает брачное благополучие. ...Открытую смену любовных союзов современное общество, озабоченное интересами собственности (не «вида» и не индивидуального счастья), готово рассматривать как величайшее для себя оскорбление...».

Что ж, вопросы личного любовного счастья поставлены. Стоит лишь «распахнуть заповедную дверь ...», т.е. перейти к коммунизму? Ну так надо дать определение этому коммунизму ...!

А первым о свободной любви и глупости ревности говорил ещё, вероятно, тот же Чернышевский там же, в «Что делать?». «Новые люди» ведь появляются именно там!

²⁸⁹ Деятель РСДРП(б), феминистка, в будущем посол в Швеции и других странах, первая женщина нарком СССР. Своего рода советская Жорж Санд.

И вот ещё не стих грохот Гражданской войны, а Клара Цеткин уже беседует на эти животрепещущие темы с «вождём мирового пролетариата», не оставшегося в стороне от дискуссий, и приводит его слова, обращённые понятно прежде всего к революционной молодёжи:

«В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции. ... Ничего не могло бы быть более ложного, чем начать проповедовать молодёжи монашеский аскетизм и святость грязной буржуазной морали.

... Хотя я меньше всего мрачный аскет, но мне так называемая «новая половая жизнь» молодёжи, а часто и взрослых довольно часто кажется чисто буржуазной, кажется разнovidностью доброго буржуазного дома терпимости. Всё это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, её понимаем. Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории «стакана воды»²⁹⁰ наша молодёжь взбесилась, прямо взбесилась. Эта теория стала злым роком многих юношей и девушек. Приверженцы её утверждают, что теория эта марксистская. ...

Я считаю знаменитую теорию «стакана воды» совершенно не марксистской и сверх того противообщественной. В половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесённое культурой, будь оно возвышенно или низко. ... Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона. Питьё воды дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу.»²⁹¹

Так в чём же здесь близящаяся революция, упомянутая в самом начале беседы? И в чём здесь долг к коллективу? Очень интересно, но кто бы разъяснил ... И кто будет переделывать «старых» людей в «новые» и как?

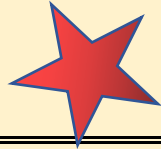
А наука нам для чего? Например, педагог Павел Блонский ещё в 20-х годах пишет, что «наряду с растениеводством и животноводством должна существовать однородная с ними наука — человеководство»²⁹².

(Чуть забегаая вперёд - новая эпоха 1930-х годов определила, кто мог бы стать главным человеководом Советской страны? Догадались? Конечно, её «вождь» Иосиф Сталин. Именно он, далее, в 1934 году подчеркивает, что «людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбванное плодое

²⁹⁰ Впервые термин употреблён в словах, приписываемых главной эмансипантке 19-го века Жорж Санд: «Любовь, как стакан воды, даётся тому, кто его просит».

²⁹¹ Клара Цеткин «Воспоминания о Ленине». Госполитиздат. 1955 г.

²⁹² <https://vikent.ru/author/2712/>

дерево».²⁹³ Таково кредо «садовника», готовящегося истребить в Гулаге миллионы «новых людей». Ну, просто «пастырь добрый».)

Но эта массовость истребления, сейчас, в 20-х, ещё только готовится. А вот задача превращения «новых людей» в бесппроблемные конструкты, у которых были бы нечеловеческие сила, ловкость, преданность вождю и бесконечная работоспособность обсуждалась в то время всерьёз и с самых высоких трибун. Главный идеолог-теоретик первых лет советской власти Николай Бухарин недвусмысленно заявляет:

*«Перед нами проблема **обработки** людей... и превращение их в такие живые машины, которые бы во всех своих действиях... руководствовались бы новыми принципами, новой пролетарской идеологией».*

<https://arzamas.academy/materials/1499>

Это что за чудесная «обработка», превращающая людей в машины, на утеху идеологам? А Анатолий Луначарский, писатель, искусствовед, драматург, даже выпускник Цюрихского университета (и, кажется, единственный в этом качестве среди большевиков, правда, ещё Коллонтай там училась, говорят), одно время нарком просвещения, т.е. тот, кто должен быть также очень большим специалистом по человеководству, пишет в 1928 в статье «О новом человеке», что есть у нас такой талантливый человек — т. Гастев, поэт и писатель-фантаст, автор книги «Поэзия рабочего удара», где он утверждает, что человек — это, так сказать, несовершенное существо, выросшее нерационально, и он никуда не годится по сравнению с машиной. И значит машина будет царить на земле и подчинит себе человека. И т.д.

Луначарский грезит вместе с писателем-фантастом:

«Гастев мечтал о том, что в конце концов наше быстро стареющее и легко болеющее сердце будет заменено стальным сердцем, а может быть, и весь человек будет заменен машиной. Во всяком случае, машины сыграют в его фантазии такую роль, что в конце концов делают человека совершенно излишним. Они притом гораздо счастливее человека — не испытывают никакой боли, работают по велениям творческих законов, — беда только в том, что машины не могут сами размножаться. Если бы мы ещё могли построить такие машины, которые бракосочетались бы и размножались, то, пожалуй, нам пришлось бы выйти в отставку.

*... Хозяйство, в сущности говоря, нуждается в машине, но к машине, к сожалению, **нужен человеческий придаток**. Как это ни досадно, устранить его нельзя, и приходится его к машине пристраивать. Но, во всяком случае, машина должна полностью и всецело определять ритм человеческой жизни.». Действительно, какая досада, машины - это хорошо, но не могут они обходиться без людей, этих человеческих придатков! Поэтому «гуманист» и большевик-романтик Луначарский слегка поправляет акценты поэта Гастева:*

«Социализм же есть окончательное подчинение машины человеку — восстановление первенства человека. А раз так, то, ставя вопрос о создании нового, более совершенного человеческого персонала для хозяйства, надо, конечно, думать и о всестороннем культурном развитии.

²⁹³ <https://arzamas.academy/materials/1499?ysclid=latdtdf7fl863147452>

... Эти требования, которые задача развития хозяйства предъявляет к нам, ко всему населению Союза, ...ставят перед нами необычайной напряжённости вопрос о выработке нового человека — нового, ибо воспитание для нас означает воспитание именно нового человека, поскольку старый человек, воспитавшийся в хаотическом и акультурном капиталистическом обществе, является неудовлетворительным.»²⁹⁴

Действительно — вот, к примеру, Чайковский, или Чехов, ну совершенно неудовлетворительные образцы «человеческого персонала для хозяйства», трудно их приспособить к какой-нибудь машине!

Далее наркомпрос говорит, в чём обвиняем мы, большевики, старого человека? В частности, в одном пороке:

«...Он существует у нас, потому что мы не совсем «европейцы» и очень, очень мало «американцы», но в значительной степени — **азиаты**. Это, так сказать, дань нашему евроазиатству. Порок этот называется обломовщиной. ... обломовщина является нашей национальной чертой.

... механизация нашей страны, введение соответственных ритмов, мужественных, ускоренных, такая, так сказать, хронометризация нашей жизни, конечно, величайшая вещь. Поднятие культуры нашего труда, подвижности нашей энергии, нашей нервной системы, упругости наших мускулов до уровня и выше уровня европейца и американца — это несомненная наша задача. С рыхлым полуазиатством, не вылезая из халата, мы, конечно, ничего не сделаем, и в этом отношении проблема ухода от человека старого для нас становится сугубо важной. Мы должны уйти не только от старого человека, ...но ещё от человека старой, полуфеодальной России, который ещё хуже, потому что он ещё и Обломов, которому нужно было пройти ещё порядочную полосу времени, чтобы дорасти до тех западных хищных или стадных типов буржуа, которые, по крайней мере, работать то умеют в гораздо лучшем темпе — в 5–6 раз скорее, ладнее, умелее, чем он.»

Очевидно, большевистские творцы нового человека очень хотели бы, чтобы мы походили на людей-роботов из только что вышедшего романа-антиутопии Евгения Замятина «МЫ».

А потому далее, после роли мускулов, он говорит о роли физкультуры, о трудовой дисциплине, вспоминая, наконец, что люди, вообще-то, двуполые, говорит о роли женщины, товарища нового мужчины:

« ... мы всё ещё затаптываем женщину. Мы никоим образом не сможем идти вперед, если, во-первых, мы не дадим женщине возможности вольно развиваться, а во-вторых, если семья будет оставаться эксплуататорской...

Это проявляется иногда под видом так называемых свободных отношений полов. Это «свободное» отношение полов мужчина склонен подкрашивать — ему на семью теперь наплевать, потому, мол, что семья — буржуазное дело;

²⁹⁴ Анатолий Луначарский. «Воспитание нового человека»

должна быть полная свобода. Возникает теория «стакана воды», т. е. сведение отношений к простому удовлетворению физиологической потребности. Но дети то бывают у женщины, а не у мужчины, так что мужчина не терпит ничего, а женщина терпит колоссально...».

Луначарский взывает к рыцарским качествам мужчины и увещевает мужчин в этих новых свободных отношениях полов беречь женщину, но в советских терминах:

«... Нам не нужен этот средневековый термин «рыцарь». У нас есть другой термин — товарищ. Как к товарищу нужно относиться к женщине. И с этой точки зрения величайшая подлость и эксплуатация, когда человек относится к женщине не так — ты неси ответственность за всё, а с меня как с гуся вода.» Что он имеет ввиду? Взывает к несуществующей в большевистской идеологии совести? Ведь традиционной семьи уже как бы и нет! Затем он обращается к самой женщине, собственно, даёт ей свои советы, какой надо быть в новые времена.

«Часто идут беседы и споры о том, каков будет новый тип женщины. ...

Почему половина рода человеческого должна носить длинную одежду — юбки, которые путаются в ногах, не дают возможности сделать большой шаг, например вскочить в трамвай, и метут тротуары, неся с собой в дом колоссальное количество пыли и заразы? Почему женщина непременно должна носить длинные волосы, когда мужчины, за исключением чудаков и попов, их не носят?

Женщине косы не нужны: неудобно, грязно, приходится мыть их, ухаживать за ними. От этого скверного наследия прошлого Европа уже отказалась. (Кстати, на всех снимках 20-х, 30-х очень сложно увидеть женщин с косами).

Мы, так же как Европа, должны поставить перед собой вопрос о том, что физкультура должна сделать из женщины здоровое **существо**. **Хорошо, когда у женщины хорошие мускулы; она должна иметь сильный, правильно развитый организм, который может выдерживать всякие испытания. Ей нужна такая же закалка, как и мужчине.** (Выделено мной.-ЮП). Она создана не только для того, чтобы быть чьей-то женой; она должна быть работником, как и мужчина. Поэтому её нужно развивать в этом направлении.

... Женщины красятся. Но если у женщины будет великолепный цвет лица, который бывает у всякого здорового человека, ей не нужно будет этого, и тогда будет считаться просто безобразием преувеличивать окраску. Но пока женщина истомлена, измощена нашей городской жизнью, ей непременно хочется нарисовать на своем лице второе лицо. Грация движений есть свобода движений, есть умение владеть своим телом. Это для всякого человека обязательно. Совсем нет грации в женщине, когда она ходит мелкими шажками, делает мелкие движения, которые показывают, что она ни для чего не приспособлена, как только жить в комнате мужа. А когда женщина приобретёт **вольные движения**, она будет грациозна. Когда вы дадите

женщине возможность естественно развернуться в условиях социального быта, она будет прекрасной женщиной.»

Хорошо излагает поэт Луначарский - сразу навевается прекрасный образ мускулистой рабочей лошадки с коротко стриженной гривой, грациозно несущейся в «вольных движениях» «правильно развитого организма» наперегонки, скажем, с паровозом.

Трактористка-рекордсменка Паша Ангелина, так её звали журналисты и знала вся страна.

Ну, паровоз-не паровоз, а вот со стальным конём – трактором, советские женщины справляются уже неплохо.

Вот, скажем, Прасковья Ангелина, - совершенно правильное развитие мускулатуры, она - одна из первых женщин-трактористок. Правда, это уже 30-е годы. Результат воспитания новой женщины налицо. Гармоничная пара, трактор и человек. Сразу и не скажешь кто здесь и кому придаток.

Но как же всё-таки насчёт актуального вопроса в новом обществе - «какое место занимает человеческая любовь в идеологии рабочего класса?». Ответ даёт (и гораздо раньше Луначарского) уже зрелая 50-тилетняя Коллонтай, только что пережившая разрыв долгих и болезненных личных отношений с мужем Павлом Дыбенко²⁹⁵, публикуя в 1923 году большую статью "Дорогу крылатому Эросу!"

Да, в самый раз объясняться с молодым пролетариатом в терминах древнегреческой мифологии. И не удивительно, что она была воспринята перевозбуждённой бескультурной молодёжью, и прежде всего комсомольцами, оголодавшими по теплу солдатами, вернувшимися с фронтов, как своего рода манифест и призыв к свободной любви.

И здесь Коллонтай берёт на себя непосильную задачу, пытаясь скрестить с одной стороны интимные отношения двух свободных людей и, с другой стороны, пролетарскую идеологию, какие-то интересы коллектива, товарищескую солидарность, причём, в пафосно-поэтическом стиле.... Думаю, миссия Коллонтай оказалась не

²⁹⁵ Павел Дыбенко - революционер, депутат Учредительного Собрания от Балтийского флота, однако сам принимает участие в разгоне Уч. Собрания. Затем советский политический и военный деятель, 1-й народный комиссар по морским делам РСФСР, командарм 2-го ранга. Подавлял крестьянское восстание Антонова в Тамбовской губернии. За все заслуги арестован, обвинён, приговорён и расстрелян на полигоне «Коммунарка».

выполнима. Но послушаем её голос, голос эпохи. Коллонтай говорит о "любви-товариществе" и, правда, ни слова о свободной любви:

«Вместе с победой коммунистических принципов и идеалов в области политики и экономики неизбежно должна совершиться и революция в мировоззрении, в чувствах, в строе души трудового человечества.» ...

*«Исключительность в любви, как и "всепоглощение" любовью, не может быть идеалом любви, определяющим отношения между полами с точки зрения пролетарской идеологии. Наоборот, пролетариат, учитывая многогранность и **многострунность** (?? - ЮП) "крылатого Эроса", не приходит от этого открытия в неописуемый ужас и моральное негодование наподобие лицемерной морали буржуазии. Наоборот, пролетариат стремится это явление (результат сложных социальных причин) направить в такое русло, которое отвечало бы его классовым задачам в момент борьбы и в момент строительства коммунистического общества.» ...*

«Многогранность любви сама по себе не противоречит интересам пролетариата. Напротив, она облегчает торжество того идеала любви во взаимных отношениях между полами, которое уже оформляется и выкристаллизовывается в недрах рабочего класса. А именно: любви-товарищества...».

«Как бы велика ни была любовь, связывающая два пола, как бы много сердечных и духовных скреп ни связывало их между собою, подобные же скрепы со всем коллективом должны быть ещё более крепкими и многочисленными, ещё более органическими. Буржуазная мораль требовала: всё для любимого человека. Мораль пролетариата предписывает всё для коллектива.» ... (это как ?? – ЮП).

*«Если в любовном общении ослабевает слепая, требовательная, всепоглощающая страсть, если отомрет чувство собственности и эгоистическое желание "навсегда" закрепить за собою любимого, если исчезнет самодовление мужчины и преступное отречение от своего "я" со стороны женщины, то, зато разовьются другие ценные моменты в любви. Окрепнет уважение к личности другого, умение считаться с чужими нравами, разовьется взаимная душевная чуткость, вырастет стремление выявлять любовь не только в поцелуях и объятиях, но и в слитности действия, в единстве воли, в совместном творчестве. Задача пролетарской идеологии не изгнать Эрос из социального общения, а лишь перевооружить его **колчан на стрелы новой формации**, воспитать чувство любви между полами в духе величайшей новой психической силы -- товарищеской солидарности.» Ну и т.д.*

Интересно, а вы, читатель 21-го века, что-то здесь поняли? Что ж, Коллонтай - вполне коммунистический поэт, витающий в небесных эмпиреях с бесплотными ангелами с колчанами. Полнейшая оторванность от реалий страны. От страны только-только отхлынула волна очередного голода, на пороге тиф, испанка, концлагеря заполняются «элементами, чуждыми пролетарию происхождения» - а большевичка поёт пролетариям о многострунности Эроса? О колчанах! В порядке ли у неё психика?

Тем не менее революционная эмансипация даёт свои плоды, и молодёжь (в мягком варианте) обходится без старомодных слов «женитьба, замуж», да и без долгих ухаживаний и встреч с букетиком под часами. Время не ждёт!

И бывший красноармеец-рубака Николай Островский так описывает послевоенную бытовую сторону Павки Корчагина, а фактически самого себя, пытающегося встроиться в новый мирный быт: он с трудом подбирает слова, делая признание совсем малознакомой девушке, дочери хозяина дома, где квартирует:

« ... Жизнь надо начинать заново. Раз уже я в эту драку влез, будем доводить её до конца. И у тебя, и у меня личная жизнь сейчас безрадостна. Я решил запалить её пожаром. Ты понимаешь, что это значит? Ты станешь моей подругой, женой?

Тая слушала его до сих пор с глубоким волнением. При последнем слове вздрогнула от неожиданности.

-- ... Тебе непонятно, как это без разных там ухаживаний говорят такие вещи. Все эти антимоники никому не нужны, я тебе даю руку, девочка, вот она. Если ты на этот раз поверишь, то не обманешься. У меня есть много того, что нужно тебе, и наоборот. Я уже решил: союз наш заключается до тех пор, пока ты не вырастешь в настоящего, нашего человека, а я это сделаю, иначе грош мне цена в большой базарный день. До тех пор мы союза рвать не должны. А вырастешь — свободна от всяких обязательств. Кто знает, может так статься, что я физически стану совсем развалиной, и ты помни, что и в этом случае не свяжу твоей жизни.

Помолчав несколько секунд, он продолжал тепло, ласково:

— Сейчас же я предлагаю тебе дружбу и любовь...».²⁹⁶

Вскоре она согласится, но «жить» они будут тайно, ни свадьбы, ни помолвки не были приняты, т.е. они просто сожительствовали.

Коллонтай не унимается рушить старые устои и эмансипировать бедных женщин:

« ...В наших собственных интересах, в интересах крепости коммунистического строя — разбить во всех слоях, во всех классах устои старой, эгоистической, узко-замкнутой буржуазной семьи. Жизнь и та великая ломка былых устоев, которая совершается на наших глазах, очищают путь для строительства новых форм семьи — семьи социалистической, т. е. для воспитания детей в детских колониях, детских общежитиях.

...дети — будущее коммунистической России. Если мы сумеем их воспитать в нашем духе, никакой враг не страшен. Будущее — наше!

... Почему мы до сих пор медлим с чисто практическими, живыми, простыми мероприятиями? Почему не ведём работу пробуждения самостоятельности матерей-работниц? Почему так мало налажено в смысле строительства тех учреждений: яслей, детских колоний, широкой сети

²⁹⁶ Николай Островский. «Как закалялась сталь».

детских столовых, дворцов и домов материнства, которые сразу облегчили бы решение задачи помощи матерям в обеспечении детства? Мы, мы сами слишком косны, бездеятельны. Мы всё ждём, что кто-то за нас «всё устроит», мы привыкли жить «по указке» свыше, как жили при буржуазном строе, и забываем, что сейчас — Советская республика. А в Советской республике великое именно то, что широко открыто в ней поле для самостоятельности, для проявления почина».

«Правда» № 210, 1 октября 1918 г.

Она выступает на съезде: «...когда мы идём с агитацией на фабрики и заводы и говорим: «Стройте общественные столовые и общественные прачечные», — женщины не дают нам прохода и требуют, чтобы мы немедленно осуществили намеченный план. Если мы разъясняем значение социалистического воспитания, говоря, что такое детские колонии, трудовые коммуны, матери спешат к нам с детьми, несут их к нам в таком количестве, что мы не знаем, куда их поместить.

...Работница должна перестать быть хозяйкой на дому, выполняющей непроизводительный домашний труд, она должна внести свою лепту в общенародное хозяйство.»

«Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы». М, 1959.

Так что же, воспитание в старой семье — в корне порочно? Что ж, давайте лучше строить детские колонии-фермы, где будем выращивать новых людей-придатков без материнской ласки как мальков или устриц?

Ну, конечно, если смотришь на мир из-за зубчатых красно-кирпичных кремлёвских стен, то невольно окружающее сочно подкрасится розовой темой, и померещится не только «колчан со стрелами новой формации», а и что-нибудь поинтереснее.

Решение проблем со старорежимными порядками в семьях для старших возрастов иногда предлагалось и в более радикальном разрезе. Артём Кравченко пишет об этом:

«Впрочем, иногда, при классово неблагоприятном (с точки зрения большевистских представлений) происхождении родителей, юному коммунисту было надежнее просто **отречься** от членов собственной семьи. В некоторых советских газетах даже появилась специальная рубрика **«Отрекаемся от своих отцов»**. Какие-то отречения могли быть связаны с пониманием особенности советского общества и даже происходить по настоянию самих родителей. Но нередко речь шла и о настоящем трагическом разрыве между разными поколениями семьи. В этом контексте убийство в 1932 году Павлика Морозова²⁹⁷ иллюстрировало в том числе важную для новой власти идею завоевания нового поколения и преданности новых советских граждан коммунистическим идеалам.»

<https://arzamas.academy/materials/1499?ysclid=latdtdf7fl863147452>

На самом деле этот вопрос -какое воспитание-обучение лучше для общества — домашнее или в коллективе не так прост, и нет определённого ответа до сих пор. Я вас может удивлю, но первым, кто заговорил о сомнительности благ домашнего воспитания русских молодых дворян оказался опять-таки «наше всё» (С). В своей записке

²⁹⁷ К этому пионеру-герою мы ещё обратимся.

«О народном воспитании», поданной царю Николаю, Пушкин предупреждает ровно об этом:

«... В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребёнок окружён одними холопами, видит одни гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трёх иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем. Воспитание в частных пансионах не многим лучше; здесь и там оно кончается на 16-летнем возрасте воспитанника. Нечего колебаться: во что бы то ни стало должно подавить воспитание частное. Надлежит всеми средствами умножить невыгоды, сопряжённые с оным...»

Кстати, видимо, в развитие пушкинских идей социолог Игорь Шафаревич упоминает мнение старого большевика Мартына Лядова о воспитании нового человека в те годы:

«Можно ли коллективного человека воспитать в индивидуальной семье? На это нужно дать категорический ответ: нет, коллективно мыслящий ребенок может быть воспитан только в общественной среде... Каждый сознательный отец и мать должны сказать: если я хочу, чтобы мой ребёнок освободился от того мещанства, которое сидит в каждом из нас, нужно изолировать ребенка от нас самих... Чем скорее от матери будет отобран ребёнок и сдан в общественные ясли, тем больше гарантий, что ребёнок будет здоров».²⁹⁸

Очень похоже на пушкинские представления. Ну, хорошо, Александр Сергеевич, отобрали отрока от матери, но что взамен? И о ком ведёте речь – о дворянах или о всём населении? Про это Вы сами ничего не пишете. Ну, это, по крайней мере, честно, как и всегда, ведь все представления Ваши о системе образования ограничиваются, видимо, одним царскосельским лицеем, этой Вашей новой семьёй, одними Вашими преподавателями, лучшими в стране. Другого Вы не видели вообще. А что же можно предложить в масштабах всего населения??

А может, у самого Поэта с татан и с рара не заладились отношения? А лицейское товарищество и лучшие преподаватели того времени дали ему то, что не дали в родной семье? Во всяком случае к поэтам, как известно, стоит прислушиваться.

Но где же нашему государству напасть на всех столько первоклассных лицеев и великолепных Куницыных, и лошадей для обучения верховой езде? И рапир для фехтования?

Но вернёмся в нашу разрушенную страну. Не до рапир. Мечты Коллонтай о новом человеке не умирают. И уже в 1930 году она, на тот момент советский посол в тихой буржуазной Швеции, пишет (сожалея, что не может находиться с соратниками на XVI партийном съезде):

²⁹⁸ Игорь Шафаревич. «Социализм как явление мировой истории».

«... Новый быт коммунизма перевоспитает, пересоздаст человека. Новый человек будет индивидуальным творческим чутьём и талантами усовершенствовать этот быт, где уже не будет столько проблем экономики и на первый план выйдут вопросы взаимоотношения людей между собою и вопрос человека и коллектива, т. е. новая мораль. У них, у того счастливого человечества, исчезнет зависть, ревность, подсидка и ябедничество. Не будет ни войн, ни убийств». Что ж, хорошие слова, почти по Новому Завету, проповедующему опять же о новом человеке.

А о том, каково оказывалось воспитанию в реальных советских детских колониях-коммунах лучше почитать Антона Макаренко «Педагогическая Поэма» и «Флаги на башнях», Леонида Пантелеева и Григория Белых «Республика Шкид». Между прочим, один из самых популярных советских фотоаппаратов ФЭД – (почти точная копия немецкого аппарата «Leica II») собирается в 30-х и 40-х годах из готовых деталей Харьковской трудкоммунной имени Феликса Эдмундовича Дзержинского, откуда и аббревиатура аппарата. Коммуна эта создана из бывших беспризорников очень чтимым в СССР педагогом и писателем Антоном Макаренко.

А вот мнение писателя Андрея Синявского, испытавшего на себе методы «исправительного воспитания», правда, уже в 60-х-70-х годах:

«... советская власть не только жестока, но и очень скучна и дидактична в своей идейно-воспитательной работе. Эта власть всё время читает нотации и своим гражданам, и всему миру, всему человечеству с целью переделки «старого человека» в «нового». Советская цивилизация принимает нравоучительно-дидактический образ.

*Государственная власть воспитывает, прорабатывает, наставляет и поучает людей. Это — соединение тюрьмы со школой, притом со школой для трудновоспитуемых или дефективных детей. Поэтому воспитанию сопутствует наказание, тюрьма оказывается способом воспитания. **В итоге лагерь представляет собой образ всей советской цивилизации в миниатюре.** Неслучайно советские лагеря назывались и называются исправительно-трудовыми колониями.»²⁹⁹*

Синявский знает, что пишет -- 5 лет провёл в колонии по обвинению в антисоветской пропаганде и агитации. Но, кажется, исправительные трудовые колонии его не исправили.

Человек может быть сильнее системы.

Проповеди Коллонтай, призывы к эмансипации полов и товариществу в интиме изливаются совсем уж дикими путями. Алексей Толстой словами уже известного нам революционера Сапожкова³⁰⁰ передаёт почти манифест тех, кто особо близко воспринял призывы к новой морали:

²⁹⁹ Андрей Синявский. «Основы советской цивилизации».

³⁰⁰ Алексей Толстой «Хождение по мукам».

«Однажды, на рождестве, Сергей Сергеевич Сапожков собрал жильцов и сказал им следующее: « - Товарищи, настало время действовать. Нас много, но мы распылены. До сих пор мы выступали разрозненно и робко. Мы должны составить фалангу и нанести удар буржуазному обществу.

Для этого, во-первых, мы фиксируем вот эту инициативную группу, затем выпускаем прокламацию, вот она: «Мы — новые Колумбы! Мы — гениальные возбудители! Мы — семена нового человечества! Мы требуем от заплывшего жиром буржуазного общества отмены всех предрассудков. Отныне нет добродетели! **Семья, общественные приличия, браки — отменяются.** Мы этого требуем. Человек — мужчина и женщина — должен быть голым и свободным. Половые отношения есть достояние общества. Юноши и девушки, мужчины и женщины, вылезайте из насиженных логовищ, идите, нагие и счастливые, в хоровод под солнце дикого зверя!..»

И уже мало кого удивляют голые люди не только на страницах книг, но и свободно шествующие толпой по реальным улицам! Принадлежат они членам общества

«Долой стыд!», считающие обычное стеснение буржуазным пережитком прошлого. В основу своих идей эти люди взяли, почему-то, базовые понятия дарвинизма. Они любили твердить, что человек произошел от обезьяны, а значит сам является животным. А раз так, то ходить без одежды вполне естественно и прилично.

Демонстрации общества «Долой стыд!» в Москве и Ленинграде собирали сотни участников, которые в чем мать родила ходили с транспарантами по центральным

Рисунок из книги по сценическому искусству режиссёра Бориса Зона (двоюродного брата будущего наркома Генриха Ягоды). 1926 год.

улицам и пели революционные песни. В Москве одним из активных нудистов являлся, например, большевик с большим партийным стажем, член ЦК товарищ Карл Радек.

Реагировали на такие шествия простые «отсталые» граждане очень бурно, несмотря на то, что такие демонстрации не были редкостью. Особо оживлённую реакцию вызывали участницы демонстраций, которым из одежды разрешалось брать с собой лишь маленькую дамскую сумочку. Шествия сопровождал хохот, свист и проклятия не прогрессивных старух и прочих «мракобесов».

Не выдержал этой «свободы» даже большевистский трибун Николай Бухарин в рамках кампании против оппозиции блока Зиновьева. Вскоре он подвергается критике моральное разложение молодёжи, назвав в числе примеров такой деградации

деятельность общества «Долой стыд». По воспоминаниям Варлама Шаламова, нарком здравоохранения Николай Семашко тут же выступает со статьёй в «Известиях» о вредных последствиях для здоровья практики хождения без одежды в большом северном городе и что хождение по улицам голышом вовсе не является непременным признаком революционного человека.

Милиция стала решительно пресекать акции общества и добивается полного их прекращения. Так в СССР закатилась настоящая сексуальная революция. Подробности этого заката можно найти здесь:

https://pikabu.ru/story/dorogu_kryilatomu_yerosu_ili_kak_prokhodila_seksualnaya_ottep_el_rozhdannaya_revolyutsiy_6694002 (О других метаморфозах сексуального дискурса СССР см. в отдельном приложении.)

Правда, подобные упрощенные взгляды на отношения между мужчиной и женщиной вызревали в России уже давно. Даже Горький, как уже упоминалось, в начале 900-х, уже известный писатель и драматург, будучи в законном браке со своей женой Екатериной, открыто сожительствует с замужней же артисткой Марией Андреевой, членом РСДРП(б) и ездит с ней по заграницам.

А уже в годы с 1922 по 1929 год, на итальянской вилле близ Сорренто, которую он снимает со всей своей многочисленной семьёй, писатель живёт с другой «женой», эмансипе Марией Закревской-Бенкендорф, своей секретаршей и переводчицей. (В 1922 году она фиктивно, вынужденно, чтобы иметь возможность путешествовать по Европе и навещать в Таллине своих детей, выходит замуж за остзейского барона в свободной Эстонии и добавляет к своим фамилиям третью - «фон Будберг». О ней мы уже упоминали в связи с «заговором послов»).

1929 г. Наконец-то, свобода! Красота! Нудистский пляж под стенами самого Храма Христа Спасителя, ещё не взорванного, и напротив Дома на набережной.

При всём при этом жизнь этой «семьи» протекает в творческих трудах, никто никому не мешает, и советские власти даже «отпускают» приехать в Италию и пожить на вилле мужа Екатерину Пешкову с их сыном Максимом, и его жену Надежду Введенскую, и т.д. «И всё так чинно и благородно!» (С)

Баронесса Мария Закревская-Бенкендорф фон Будберг.

Ну и, например, по рассказам Зощенко мы видим результаты упрощения не только внебрачных, но и вполне брачных, формальных, отношений тех лет. Можно было женатому (замужней) человеку сбежать в регистрирующие органы и через 20 минут вернуться с разводом. «Всего и делов! А вы говорите – не может быть!» – с сарказмом замечает писатель.

А вот как описывается новая семья у Николая Островского. Павка Корчагин встречается неожиданно свою давнюю по комсомолу подругу, они разговорились:

« ... Рита улыбнулась своей шутке и объяснила её:

— У меня крошечная дочурка. У неё есть отец, большой мой приятель. Все мы втроём дружим, и трио это пока неразрывно. Её пальцы тронули руку

Павла.»

Трио? Дружим? Что это вообще значит? Что это за иносказания и эвфемизмы? Советский новояз?

Что ж, пониманию семьи и брака в традиционно-православном смысле в новых условиях дана окончательная отставка. Своеобразные отношения Маяковского с семьёй Осипа Брика стало распространенным примером. Эти новые веяния не обходят стороной даже будущего председателя Совнаркома. Ещё в эмиграции он знакомится революционеркой Инессой Арманд по своим подпольным делам, и она становится его очень близким другом на годы, и даже другом его семьи. Даже из Берна она уезжает вместе с Ульяновым и Крупской в том же самом «пломбированном» вагоне (см. список пассажиров стр.165). На момент знакомства она не замужем, и у неё пятеро детей. Ленин не порывает с Крупской (которую донимает щитовидка). И она делает вид, что ничего не замечает; или смиряется. О том, насколько дорога Инесса вождю, свидетельствует его забота о ней, о чём пишет Леонид Млечин в специальной главе «Любовь втроём» книги «Ленин. Соблазнение России»:

«16 декабря 1918 года Ленин дал указание коменданту Кремля Малькову:

«Подательница — тов. Инесса Арманд, член ЦИК. Ей нужна квартира на четырех человек. Как мы с Вами говорили сегодня, Вы ей покажите, что имеется, то есть покажите те квартиры, которые Вы имели в виду». Ей дали большую квартиру на Неглинной, установили высоко ценимую советскими чиновниками вертушку — аппарат прямой правительственной связи...».

Неплохо для простого друга (в списках жильцов Кремля она также присутствует. Правда, в 1920-м году Арманд умирает от холеры в Нальчике).

На тему сотворения нового человека и новых отношений в советской семье был даже снят фильм «На 3-й Мещанской»³⁰¹. Сюжет предельно упрощён — в годы нэпа из провинции в Москву приезжает типограф Владимир и временно поселяется в комнате своего фронтового друга Николая на 3-й Мещанской улице. Людмила, жена хозяина, увлекается гостем, который с ней, в отличие от мужа, очень любезен. Она не скрывает от Николая своей привязанности к Владимиру — и теперь они будут жить втроём... Отношения между троими запутываются. Но никто никому морду не бьёт, а как же — товарищество! Через некоторое время выясняется, что Людмила ждёт ребенка, и непонятно, кто же его отец. В конце концов Людмила бросает мужчин в квартире, садится в поезд и уезжает из Москвы.

(Напомнило современный французский фильм «Папаши», где та же самая ситуация, но только лет через 18 после молодых загулов, когда «отцы» случайно встречаются. В итоге, всё заканчивается чисто по-французски, все остаются довольны и счастливы, а парень, дитя любви, получает двух любящих папаш.)

Но мы же не французы, и к фильму «На 3-й Мещанской» появляются претензии. Особенно со стороны частых гостей «салона Лили Брик», которые стали упрекать сценариста этого фильма Виктора Шкловского в том, что он проявил бестактность по отношению к Маяковскому и Брикам, которых он хорошо знал и использовал в качестве прототипов персонажей фильма. А знал потому, что сам хаживал постоянно в этот «салон».

³⁰¹ Режиссёр Абрам Роом.

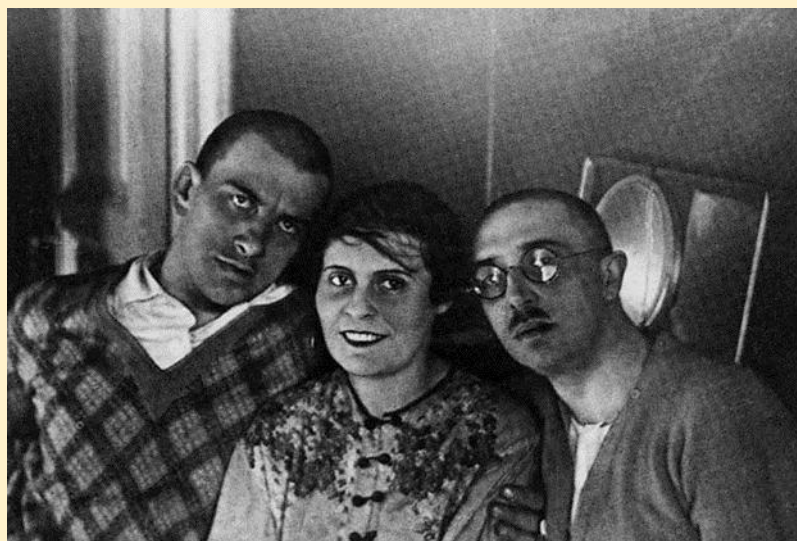

Откуда же эти упрёки и о чём тут речь? Два слова придётся сказать здесь о Бриках. Познакомившись с ними на втором году Великой войны (стр. 93) молодой Маяковский сразу и несомненно пал очередной жертвой женских чар ЛБ.

Осип Брик, уже привыкший к подобным фокусам своей жены, отнёсся к этому философски, а может и по-чекистски, – поэт ему был нужен ... В этом состояла часть его «работы» – отслеживать в салоне молодые советские дарования и сообщать о политических настроениях гостей «куда следует». Жизнь втроём не мешала этому.

Василий Катанян-мл., пасынок ЛБ в её последнем браке с Катаняном, пишет впоследствии о семейной ситуации с Маяковским:

«Только в 1918 году, проверив свое чувство к поэту, Лиля могла с уверенностью сказать Брику о своей любви к Маяковскому. Поскольку к этому времени она, как известно, уже не была женой Осипа Максимовича, эта любовь не могла омрачить ни их отношений, ни дружбу Маяковского и Брика. Ни о каком «ménage en trois» не могло быть и речи. Они все трое решили никогда не расставаться и прожили всю жизнь близкими друзьями, тесно связанными общими интересами, вкусами, делами, бытом наконец. Лилия Юрьевна любила дом, общий стол, интересных людей вокруг. Маяковский всегда имел обед, свежестиранную рубашку, был ухожен — она терпеть не могла разгильдяйство, богемность, небритых и расхристанных мужчин. Авторитет её был непререкаем, все домашние её слушались и ходили по струнке. Втроём они жили на даче в Пушкино. Одно время снимали домик в Сокольниках и жили там зимой, а у поэта была небольшая комната в коммуналке на Лубянской площади, куда он мог уединяться для работы. С 26-го по 30-й — последние четыре года — Маяковский и Брики жили в крохотной квартирке в Гендриковом переулке на Таганке, где у каждого была малюсенькая комната и одна общая — аж 14 метров!».

Маяковский, ЛБ, Осип Брик.

Брики и Маяковский – слишком большая тема, и здесь мы коснулись их вскользь, лишь для иллюстрации сложившейся в стране ситуации в любовно-семейной сфере. Но её отголосками даже ещё в 50-х годах можно считать «Высокие, высокие отношения!» в семье Хоботовых, так красочно описанные Леонидом Зориным в пьесе «Покровские ворота».

Брики и Маяковский – слишком большая тема, и здесь мы коснулись их вскользь, лишь для иллюстрации сложившейся в стране ситуации в любовно-семейной сфере. Но её отголосками даже ещё в 50-х годах можно считать «Высокие, высокие отношения!» в семье Хоботовых, так красочно описанные Леонидом Зориным в пьесе «Покровские ворота».

Введение НЭП, червонцы

С окончанием Гражданской войны Троцкий собирается не демобилизовать армию, а наоборот, милитаризовать народное хозяйство – через создание вместо

военных трудовых армий. Других способов ведения экономики большевики, вероятно, не знают. Подобное стремление к применению в экономике военно-командных методов во многом соответствовало духу времени; большевизм родился в огне и грохоте войны, и на долгие десятилетия унаследовал фразеологию «фронтов» и «кампаний» применительно к самой мирной деятельности, к той же экономике.

Между тем, целый ряд проблем - катастрофический голод в , нехватка в стране элементарных вещей (даже одежды и обуви, Горькому приходили письма от писателей помочь достать ордера на калоши), демобилизация огромной армии (бывшие бойцы могли стать армией бомжей и преступников), и прогрессирующая болезнь Ульянова (Ленина), Тамбовское крестьянское восстание, Кронштадтское восстание матросов против монопольной власти большевиков, невозможность попросту прокормить страну вместе с огромной армией, что вызывало законное недовольство населения, которое всё чаще задаётся вопросами «за что боролись?» – весь этот ком проблем подтолкнул новых хозяев с 1921 года к некоторым вынужденным переменам во внутренней и внешней политике. Сделано это было просто от безысходности, что и подтверждает факт – у большевиков не было ясного экономического видения даже ближайшего будущего, особенно продовольственного ... И они продолжают импровизировать.

Вдруг в марте 1921 года в докладе на 10-м съезде партии Ленин окатывает всех холодным душем, заявляя, что прямого пути к коммунистическому счастью мы сегодня не видим и что мы ещё на прошлом съезде думали,

*«что наше движение будет идти по прямой линии. Оказалось, как оказывалось постоянно во всей истории революций, что движение пошло зигзагами».*³⁰²

(Вот оказывается как! Ну, совсем не удивительно -- эти «зигзаги» и в экономике, и в политике, и в идеологии, и в войнах будут преследовать нас всю жизнь не только до 1991 года, но и значительно дольше.)

И далее он предлагает радикально реформировать хозяйственные отношения на селе (а далее пришлось и в промышленности), заменив продразвёрстку для крестьянских хозяйств определённым натуральным налогом на урожай с тем, чтобы оставшийся урожай крестьянин мог бы тем или иным образом обменять для себя на промышленные товары. При этом он замечает, что замена продразвёрстки продналогом будет иметь следствием частичную реставрацию капитализма, однако в условиях теперешнего самого крайнего разорения продналог необходим, т.к. должен стимулировать «старательного хозяина», хотя объективно это и ведёт к усилению «мелкой буржуазии». Звучало это совершенно контрреволюционно. Кстати, продналог первоначально устанавливается на уровне примерно 20 % от чистого продукта крестьянского труда (то есть для его уплаты требовалось сдать почти вдвое меньше хлеба, чем при продразвёрстке), причём впоследствии его планируется снизить до 10 % урожая (и уплачивать деньгами).

Более того, Ленин выступает в защиту иностранных концессий (хотя формально они были введены ещё раньше), обосновав это тем, что

«Тут думать, что мы можем вылезти без костылей, — значит ничего не понимать! Пока революции нет в других странах, мы должны были бы вылезать десятилетиями, и тут не жалко сотнями миллионов, а то и миллиардами поступиться из наших необъятных богатств, из наших богатых

³⁰² В.И. Ленин ПСС т.43.

источников сырья, лишь бы получить помощь крупного передового капитализма. Мы потом с лихвой себе вернём. Удержать же пролетарскую власть в стране, неслыханно разорённой, с гигантским преобладанием крестьянства, так же разорённого, без помощи капитала, — за которую, конечно, он сдерёт сотенные проценты, — нельзя. Это надо понять. И поэтому — либо этот тип экономических отношений, либо ничего.» В.И.Ленин ПСС т.43 стр.68.

Вот это метаморфозы! Как же так? Одной рукой стимулировать деньгами революционные движения в капстранах, а другой рукой брать кредиты и привлекать капиталы у этого самого «передового капитализма», который хочешь уничтожить? Поистине — революционный гений! Вспомним, что мы уже говорили — Ленин прекрасный тактик, сегодня он готов на всё, на любые отступления, чтобы революция выжила, а завтра — будет завтра. Какие тут долгосрочные планы?

Конечно, 10-й съезд послушной «партии» поддерживает новые тезисы Ленина в принципе и таким образом даёт старт новой экономической политике (НЭП, и пусть далее для удобства НЭП будет мужского рода), суть которой — частичное допущение в экономике рыночных отношений. Действительно, логика происходящих событий вынудила большевиков, отказавшись от продразвёрстки, постепенно пойти и на легализацию свободы торговли.

И вот с июля 1921 года разрешается владение частными торговыми заведениями. Отменяется госмонополия на большинство товаров для населения. Для мелких промышленных предприятий устанавливается упрощённый порядок регистрации, допускается использование наёмного труда до **двадцати** работников на одно предприятие по июльскому декрету 1921 года. Существующие государственные мелкие и кустарные предприятия ты можешь приватизировать (рестораны, похоронные конторы и др.). Конечно, крупные национализированные предприятия оставались государственными. Уже осенью Ленин вынужденно признаёт, что в известной мере была проведена реставрация капитализма, что его восстановление было необходимо для выживания большевизма, и пределы дальнейшего отступления неизвестны. Очень интересно!

Он говорит:

«Новая экономическая политика означает замену развёрстки налогом, означает переход к восстановлению капитализма в значительной мере. В какой мере — этого мы не знаем...уничтожение развёрстки означает для крестьян свободную торговлю сельскохозяйственными излишками ...»³⁰³.

Видимо, ключевые слова здесь — «свободную торговлю» (что-то напоминает гайдаровскую реформу 90-х). Более того (совсем интересно), вводятся определённые правовые гарантии для частных собственников. Так, в 1922 году ВЦИК издаёт декрет «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых её законами и защищаемых судами РСФСР» (звучит вполне демократично и цивилизованно) и с 1923 года вводится в действие Гражданский кодекс РСФСР, (видимо, аналогичные кодексы вводятся и в других уже союзных советских республиках), где, в частности, предусматривается право гражданина организовывать промышленные и торговые предприятия.

Удивительно, но тем самым нарушался главный принцип общественного устройства нового советского государства и статей Конституции — отсутствие

³⁰³ Доклад «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» на октябрьском II Всероссийском съезде политпросветов.

эксплуатации человека человеком, т.е. запрет наёмного труда. Тогда ради чего делалась революция и лились реки крови? Получалось, интересно – до 20 работников эксплуатировать можно, свыше – нельзя. (При этом самому государству эксплуатировать советских работников разрешалось, видимо, неограниченное количество).

Возвращающиеся с фронтов Гражданской войны в шоке – «За что боролись?»

Кроме того, в октябре принимается Земельный кодекс РСФСР 1922 года. Он юридически «навсегда отменял право частной собственности на землю», недра, воды и леса в пределах РСФСР. Тоже интересно – разве это была не вековая мечта крестьянина – иметь свой надел земли, разве не для того изгоняли помещиков и жгли их усадьбы, чтобы поделить землю между безземельными крестьянами?

Троцкий недоволен отступлениями социализма, высказываясь в духе: «дни Советской власти сочтены» и т.п. И его идеи о трудовых армиях (а несколько из них уже сформированы) с наступлением НЭПа теряют актуальность и уже в 1922 году распускаются.

Даже поэты отозвались на нововведение в экономике:

«...Давайте ж разберёмся: мы стоим у вопроса

- Вместо развёрстки ввести налог.

*Налог!! И заглох орудийный взвой;
И побросала армия деревни караулить,
Конница отплясывала кованный звон,
Справа по-три на зубах улиц.»³⁰⁴*

(Вот как - войска караулили крестьян? – чтобы не сбежали, не спрятали зерно, не запили? Вот это экономика!)

Но сейчас, в новых экономических условиях, всё будет по-другому, и деньги будут другие. Но зачем советскому человеку деньги? Оказывается, революция – революцией, а деньги всё равно всем нужны. Пока. И золото пока нужно, как оказывается. А вот потом ...потом надобность в нём отпадёт. И куда его?

(По этому поводу Алексей Толстой изобразил в "Хождениях по мукам" своего персонажа - фантазёра-оратора: «худой малый в финской шапочке задом наперёд»,— с энтузиазмом пророчествовавшего:

" через полгода навсегда уничтожим самое проклятое зло — деньги... Ни голода, ни нужды, ни унижения... Бери, что тебе нужно, из общественной кладовой... Товарищи, а из золота мы построим общественные нужники... "

Но писатель не сам нафантазировал - этой фразой писатель фактически цитирует господина Ленина. Ведь в 1921 году вождь мечтает:

304 Илья Сельвинский. «Улялаевщина».

«Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира».³⁰⁵

Мысли и мечты его, как всегда, хоть и бредовые, но мирового масштаба.)

Итак, нэп! И приходится возвращаться к нашему золоту. Новой стране оно понадобилось по своему прямому и привычному назначению.

В начале 20-х годов, в самом начале нэпа первый советский нарком финансов Григорий Сокольников (учившийся экономике до революции в Сорбонне и приехавший в войну в Россию вместе с Лениным в том же самом «пломбированном» вагон, где он был записан как Гирш Бриллиант) собирает команду из профессионалов-экономистов, в том числе «из бывших», и проводит радикальную денежную реформу, включая две деноминации советских денег.

Вообще надо сказать, что денежное обращение в СССР до сих пор полно недомолвок и загадок. Может, так происходит везде и во всём, что касается финансовой сферы? (Скажем, золото в Библии, в нашей священной книге, дважды упоминается уже на 2-й странице из 1000).

«Один ЧЕРВОНЕЦ содержит 1 зол. 78.24 дол. ЧИСТОГО ЗОЛОТА. Банковский билет подлежит размену на ЗОЛОТО. Начало размена устанавливается особым правительственным актом. Банковые билеты обеспечиваются в полном размере ЗОЛОТОМ, драгоценными металлами, устойчивой иностранной валютой и прочими активами ГОСБАНКА.»

305 Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 44. С. 225

Усилия Сокольникова по совершенствованию денежной системы, проведение деноминации не прибавляют в перспективе устойчивости обычным советским денежным знакам, они не поспевали за инфляцией. Тогда наркомфин в ноябре 1922 года (а НЭП уже набирает силу) разрешает вновь созданному Госбанку РСФСР ввести в денежное обращение наряду с «обычными» совзнаками особые билеты Госбанка - твёрдую советскую валюту, названную почему-то «червонец» по аналогии с царскими 10-ю рублями, и к тому же приравненную по стоимости к 10-ти рублёвой золотой монете **царской чеканки**. Т.е. это попытка обеспечить твёрдость бумажным деньгам золотым эквивалентом через свободный обмен этих бумажек на металл. Но слово «червонец» само по себе ничего не обозначало, и выбрано скорее всего как символическое, ассоциирующееся с прежним устойчивым червонцем³⁰⁶. Билеты выпускались достоинством в 1, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев. Билет представлял собой **одностороннюю** напечатанную бумажную светлую банкноту неопределённого цвета, и имел водяные знаки. «Твёрдость» червонцев, видимо, гарантировала надпись на билете:

(Однако, насколько известно, «особого правительственного акта» держатели червонцев так до сих пор и не дождались.) Странные цифры в надписи означают, что эквивалентное содержание золота в червонце равно по весу 1-му золотнику и 78,24 доли (а доля равна 1/96 части золотника.) Золотник – мера веса на Руси, и в соответствии с «Положением о мерах и весах» 1899 года, 1 золотник = 1/96 фунта $\approx 4,26575417$ г.

Сначала всё пошло неплохо. Не сразу, через 2 года червонец начинает котироваться на Нью-Йоркской фондовой бирже. А ещё через год его курс начинает официально котироваться на различных биржах Европы и Азии (например, на шанхайской бирже) и ряда других стран, а неофициально сделки с червонцем совершаются в Берлине и Лондоне

Именно эти бумажные червонцы летели из-под потолка театра Варьете на сеансе магии у Булгакова, вернее, у Воланда. И в «Собачем сердце» пациент профессора *«... отсчитал Филиппу Филипповичу пачку белых денег и нежно стал жать ему обе руки»*.

И именно эти червонцы упоминают Ильф и Петров в «Золотом телёнке»:

«...Наконец, Корейко вылез из-под кровати, пододвинув к ногам Остапа пачки с деньгами. Каждая пачка была аккуратно заклеена в белую бумагу и перевязана шпагатом.

— Девяносто девять пачек, — сказал Корейко грустно, — по десять тысяч в каждой. Бумажками по двадцать пять червонцев. Можете не проверять, у меня — как в банке.»

А Маяковский, который всегда в курсе происходящего, усердно уверяет сограждан:

³⁰⁶ Червонный в славянских языках всегда означал «яркий, чисто красный», и происходит вероятно от соответствующего красителя, издревле получаемого от специальных червецов (кошениль). К тому же царские и даже советские десятирублёвые банкноты имели всегда красноватый оттенок.

«Равны серебро

И новый бумажный билет,

Ныне

Меж ними

Разницы нет.

Бери,

Какая бумажка больше на вкус, –

Теперь и бумажкам твёрдый курс.»

Кроме того, одновременно с выпуском бумажных червонцев, но уже в 1923 году, стали чеканить золотую монету – тоже червонец, названная «Сеятель» по своему рисунку на реверсе, по содержанию чистого золота в точности соответствующую содержанию 10-рублёвой монете царской чеканки, откуда и взялись эти вышеприведённые цифры (интересно, что страна выпуска обозначена как РСФСР, хотя уже существовал СССР).

Однако номинал «10 рублей» на «Сеятеле» уже не указывался! И было непонятно, скольким же рублям он соответствовал? И также непонятно – где и как оборачивалась данная монета, в каких расчётах? Вряд ли ею расплачивались с советскими рабочими в заводской кассе! И ещё странность – в слове «соединяйтесь» звук «я» обозначен старославянской буквой А, в нарушение новой советской орфографии. Загадка. И судьба у этой монеты оказалась незавидной.

Возможно, надеялись ими рассчитываться за поставки с Запада оборудования, технологий, машин? Однако, случилось очевидное препятствие – «золотая блокада» западноевропейских государств, принятая по отношению к советскому «сеятелю», т.е. введён (скорее, неофициальный) запрет к принятию «сеятеля» в уплату. Ведь дипломатических отношений со страной Советов ещё почти ни у кого нет, что такое Р.С.Ф.С.Р. – мы не знаем! И эти кружочки ваши хоть и из хорошего золота, но это не валюта! Так и не вступив в серьёзный оборот она, видимо, постепенно осела по карманам населения да в хранилищах банках. Чем же расплачиваться?

Надписи «червонец» нет, зато указан определённый номинал. Надпись на аверсе «Б.М НИКОЛАЙ II ИМПЕРАТОРЪ» (Божией Милостью ...).

Однако при этом запрета на приём к выплате долгов императорскими золотыми монетами Европа не вводила, полностью доверяя монетам свергнутой монархии. Но остались ли они у новой власти? Хотя остатки «золотого эшелона» из Сибири вроде бы вернулись. И хватит ли их ...

И тут кому-то приходит идея, простая и лихая, как и все решения большевиков (может Сокольникова?) – «а мы сами отчеканем эти царские червонцы, не отличат от настоящих.»

Или иначе говоря:

*« ... если твои деньги не берут, то нужно «сделать» деньги, которые принимают везде и без вопросов. ... поступил тайный приказ «с самого верха» — Ленинградскому монетному двору отчеканить необходимое количество монет из золота, по общему виду ничем не отличающихся от последних монет императорской России. ... по отчётам уже Ленинградского монетного двора, эта продукция была замаскирована под названием «кружки крупного и мелкого достоинства». Так как времени после революции прошло немного, старый штемпельный инструмент частично был сохранен и мог быть годен к употреблению. Также работали ещё на монетном дворе старые специалисты, которые принимали непосредственное участие в изготовлении исходных императорских золотых монет. И дело пошло. В это время были отчеканены десятирублёвики датированные 1898-1904 годами (за исключением 1900 и 1903 гг) и пятирублёвики с датами 1897-1901 годов. Соответственно выплата по внешним долгам СССР на некоторое время была обеспечена, причем выплата в «твёрдой» мировой валюте — в виде полноценной императорской золотой монеты.»*³⁰⁷

В частности, авторы этой упомянутой статьи ссылаются на книгу «ЭЗГБ-ФГУП Гознак 1818-2008. История в событиях, фактах, судьбах.» (авторы А.В. Трачук, Н.М. Никифорова), где сказано, что «1925 (год). Начата чеканка золотых 10- и 5-рублевых монет («царских», **сохранившимся штемпельным инструментом**) для оплаты внешнеторговых операций (всего на 25,1 млн.руб.)». (выделено мной. - ЮП).

Вот это афера! Произошла подделка, подмена валюты, советы чеканят монеты несуществующей страны и хотят ею рассчитываться. Но странная вещь – почему-то западные поставщики всё-таки принимали эту монету (и подлинную, и поддельную) несуществующего государства. И мы же не думаем, что валютные эксперты западных банков настолько наивны, что не понимали, что они принимают фальсификат. Но может быть, даже и поддельные царские монеты ценилась настолько, что они годилась

³⁰⁷ А.И Федорин, И.И. Рылов, <https://www.staraya-moneta.ru/lib/139836/>

в уплату? Может быть просто из-за её очевидной нумизматической ценности? И всё-таки – это золото!

В любом случае большевики расплачивался с заграницей именно ими, а не советскими бумажными червонцами! И не «сеятелями. Получилось забавно и совсем уж цинично – советская республика рассчитывается профилем свергнутого и расстрелянного царя и его именем. А своих профилей нет. Плохо, когда нет своих профилей.

Тогда же при Сокольникове возобновил работу Государственный банк, по стране заработали сберкассы.

Экономист Валентин Катасонов пишет:

« ... и в Советском Союзе, и особенно за его пределами многие ждали, когда начнётся свободный размен червонцев (банкнот Госбанка СССР) на металл. Но он так и не начался. Наркома финансов Григория Сокольникова, ярого поборника продолжения и углубления НЭПа, в январе 1926 года сняли с поста наркома финансов. В декабре 1925 года проходил XIV съезд ВКП(б), на котором было объявлено, что страна берет курс на индустриализацию. Все понимали, что для проведения индустриализации нужна совсем другая экономическая политика, нежели НЭП. ... Классический золотой рубль (который характеризуется не только тем, что у него есть золотой паритет и золотое обеспечение, но и свободным разменом бумажного знака на золото) не мог стать инструментом индустриализации. На золотом червонце (в том виде, как его понимал Сокольников и другие тогдашние сторонники либерально-рыночной модели экономики) в середине 1920-х годов была поставлена точка.»³⁰⁸

Итак, затея с червонцами проваливается. Точка ставится не только на червонце, но и на самом Сокольникове. После наркомфина он служит послом в Великобритании. И за все заслуги перед советской властью (рядовая история тех лет) он был обвинён, арестован, приговорён и убит властью где-то в уральских тюрьмах в 1939 году. (Зря он стремился в Россию из Швейцарии в том самом вагоне).

А золотые червонцы (и те, и другие, и третьи) стали и будут всегда большой и всё возрастающей нумизматической ценностью.

Следует добавить, что в 1924 году, сразу после образования СССР, планировался выпуск новых золотых «червонцев-сеятелей», с замененной символикой РСФСР на СССР. Эти монеты хотели полноценно ввести в обращение по всем Союзным Республикам. Но и тут планы пошли вразрез с реальностью. На монетном дворе в 1925 году отчеканили только пробный тираж из меди и золота. До наших дней дошли только шесть экземпляров из того тиража: 5 монет из золота и 1 из меди.

Страна шарахается по «зигзагам» экономики от Военного коммунизма к мелкой частной собственности, которую нужно рассматривать как явную уступку капиталисти-

³⁰⁸

ческим принципам, что, конечно, говорит о том, что никакой продуманной политэкономической теории кроме кричащих лозунгов у большевиков не было. Перестраивать экономику приходилось наощупь, действуя от обстоятельств методом сомнительных проб и катастрофических ошибок, включая голодоморы.

Что ж, тем не менее по окончании Гражданской войны и голода 1921-1922 годов устанавливается «мирная» (очень относительно) жизнь, хотя и под лозунгами и неумолимой риторикой грядущей и такой близкой мировой революции.

И вот с 1923 года года НЭП уже приносит некоторый даже подъём уровня жизни благодаря раскрепощению народной экономической инициативы и разрешению мелкого предпринимательства. Появляются частные магазины, пошивочные ателье, пивные ларьки (как известно, «губит людей не пиво, губит людей вода!»), похоронные бюро (вспомним конкурирующие погребальные конторы «Нимфа» и «Милости просим» в «12 стульях» Ильфа и Петрова). А в «Золотом телёнке» механик Адам Козлевич организует частный извоз «Эх, прокачу!» на своей сборной конструкции «Антилопа Гну», больше напоминающей сноповязалку. Открываются кабинеты частнопрактикующих врачей, заработали аукционы. Небезызвестный профессор Преображенский в частной клинике на дому пересаживает всем желающим, но только платёжеспособным советским людям, обезьяньи органы. (И на заработанные рубли может кормить краковской колбасой приبلудную собачку ...)

Появляются предприниматели-нэпманы, разбогатевшие на этой свободе и которых современники непременно рисовали в чесучовых костюмах и канотье. Аферист же Остап Бендер, по причине вынужденной нищеты и бездомности, являл лишь пародию на них:

Новые советские буржуины разъезжают на своих авто с шофёром.

«...в зелёном, узком, в талию, костюме. Его могучая шея была несколько раз обёрнута старым шерстяным шарфом, ноги были в лаковых штиблетах с замшевым верхом апельсинового цвета. Носков под штиблетами не было.»

Владимир Гиляровский пишет:
«Наполз нэп. Опять засверкал "Эрмитаж" ночными огнями. Затолпились вокруг оборванные извозчики впереमेжку с оборванными лихачами, но всё ещё на дутых шинах. Начали подъезжать и отъезжать пьяные автомобили. Бывший распорядитель "Эрмитажа" ухитрился мишурно повторить прошлое модного ресторана. Опять появились на карточках названия: котлеты Помпадур, Мари Луиз, Валларуа, салат Оливье... Но неугрызимые котлеты--на касторовом масле, и салат Оливье был из огрызков...

Впрочем, вполне к лицу посетителям-нэпманам.

*В швейцарской--котиковое манто, бобровые воротники, соболы шубы... В большом зале -- те же люстры, белые скатерти, блестит посуда...
... Вот за шампанским кончает обед шумная компания... Вскакивает, жестикулирует, убеждает кого-то фронт в смокинге, с брюшком. Набеленная, с накрашенными губами дама курит папиросу и пускает дым в лицо и подливает вино в стакан человеку во френче. Ему, видимо, неловко в этой компании, но он в центре внимания. К нему относятся убеждающие жесты жирного фронта. С другой стороны около него трется юркий человек и показывает какие-то бумаги. Обхаживаемый отводит рукой и не глядит, а тот всё лезет, лезет...И на других столах то же.»*

Писатель Лев Шейнин пишет:

«Удивительное это было время, и удивительной была та Москва. В ней ещё уживались рядом бурлящая Сухаревка, с её бесконечными палатками, ларями и лавками и комсомольские клубы в бывших купеческих особняках, сверкавшие свежим лаком вывесок магазины и конторы первых нэпманов и аудитории рабфака имени Покровского на Моховой, где вчерашние токари, слесари и машинисты спешно готовились к поступлению в университет; огромная чёрная вывеска московского клуба анархистов на Тверской ("Анархия - мать порядка") и замысловатая живопись в кафе "Стойло Пегаса" на углу Страстной площади, где читали очень разношёрстной и не очень трезвой публике свои стихи поэты-имажинисты.» 1923 г.

Эренбург пишет о том, что он увидел в Москве в этот период:

«Старые рабочие, инженеры с трудом восстанавливали производство. Появились товары. Крестьяне начали привозить живность на рынки. Москвичи отъелись, повеселели. Я и радовался, и огорчался. Газеты писали о «гримасах нэпа». С точки зрения политика или производственника, новая линия была правильной; теперь мы знаем: она дала именно то, что должна была дать. Но у сердца свои резоны: нэп часто мне казался одной злоеющей гримасой.

Помню, как, приехав в Москву, я застыл перед гастрономическим магазином. Чего только там не было! Убедительнее всего была вывеска: «Эстомак» (желудок). Брюхо было не только реабилитировано, но возвеличено. В кафе на углу Петровки и Столешникова меня рассмешила надпись: «Нас посещают дети кушать сливки». Детей я не обнаружил, но посетителей было много, и казалось, они тучнели на глазах. Пооткрывалось множество ресторанов: вот «Прага», там «Эрмитаж», дальше «Лиссабон», «Бар». Официанты были во фраках (я так и не понял, сшили ли фраки заново, или они сохранились в сундуках с дореволюционных времен). На каждом углу шумели пивные — с фокстротом, с русским хором, с цыганами, с балалайками, просто с мордобоем. Пили пиво и портвейн, чтобы поскорее охмелеть; закусывали горохом или воблой, кричали, пускали в ход кулаки. Возле ресторанов стояли лихачи, поджидая загулявших, и, как в далекие времена

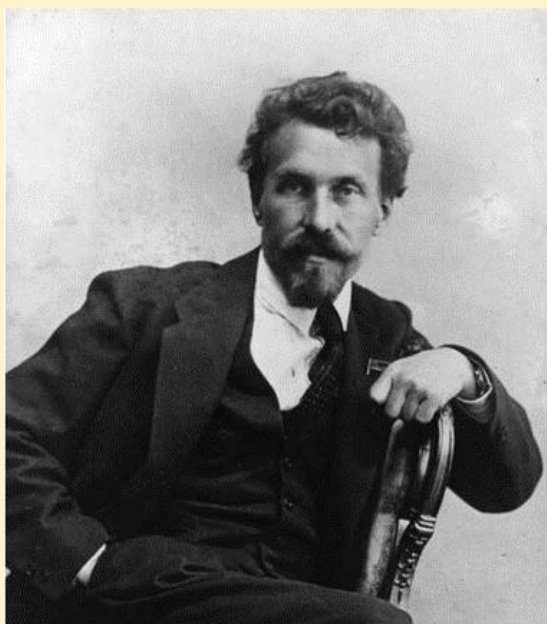

моего детства, приговаривали: «Ваше сиятельство, подвезу...». Здесь же можно было увидеть нищенок, беспризорных; они жалобно тянули: «Копеечку». Копеек не было: были миллионы («лимоны») и новенькие червонцы. В казино проигрывали за ночь несколько миллионов: барыши маклеров, спекулянтов или обыкновенных воров...».

участника гражданской войны, — он похитил вагон мануфактуры и попался случайно: напился в ресторане, разбил зеркало; на нём нашли восемь миллионов ... Миллионы бросались в голову нэпманам, они сумасбродствовали, скандалили, быстро гибли. Редко кто откладывал на черный день: люди не верили ни в долголетие нэпа, ни в ассигнации. (Что-то знакомая тема! - ЮП) Грань между дозволенной наживой и наказуемой спекуляцией была тонкой. Время от времени сотрудники ГПУ арестовывали десяток или сотню наиболее предприимчивых деляг; это называлось «снять накипь нэпа». Повар знает, когда ему снять накипь с ухи, но вряд ли все нэпманы понимали, кто они —

рыбёшка или накипь. Неуверенность в завтрашнем дне придавала развлечениям новой буржуазии особый характер. Та Москва, которую Есенин называл «кабацкой», буянила с надрывом; это напоминало помесь золотой лихорадки в Калифорнии прошлого века и уцененной Достоевщины.»

Алексей Рыков

Было и ещё кое-что, смущающее добродетельного советского обывателя, и о чём сразу предупреждает своего читателя Валентин Катаев, описывающий в 70-х годах атмосферу «той» Москвы: «Современному читателю может показаться странным, даже невероятным, что два советских гражданина запросто отправляются в казино играть в рулетку. Но не забудьте, что ведь это был нэп, — и верьте не верьте! — в столице молодого Советского государства, центре

мировой революции, имелось два игорных дома с рулеткой: одно казино в саду «Эрмитаж», другое на теперешней площади Маяковского, а тогда Триумфальной, приблизительно на том месте, где сейчас находятся Зал имени Чайковского, театр сатиры и сад «Аквариум», ... Откуда-то долетали звуки ресторанного оркестра. В двери казино входили мутные фигуры игроков...»³⁰⁹.

Казино упоминается выше и у Эренбурга. Что-то в этом описании нам сильно напоминает. Не 90-ые ли годы того же века? Неверие в отношении к власти, неверие, что этот порядок будет надолго - самая характерная черта обоих эпох!

В декабре 1924 происходит и ещё одно интересное событие – правительство Алексея Рыкова отменяет сухой закон, введённый ещё царским правительством в связи с объявлением военного положения, но государственную монополию на производство и торговлю крепким алкоголем вводит только 28 августа 1925 г., когда СНК СССР издал положение «О спиртных напитках и торговли ими», что было понятно - при разрушенной экономике бюджет требовалось наполнять любыми средствами. И на прилавки поступает первая советская водка, благодарно прозванная в народе «рыковка».

В.Мальцева сообщает подробности:

«В 1924 году М. Булгаков записал в своём дневнике: «В Москве событие – выпустили 30° водку, которую публика с полным основанием назвала «рыковкой». Отличается она от царской водки тем, что на десять градусов она слабее, хуже на вкус и в четыре раза её дороже». «Водку называют «Рыковка» и «Полурыковка». «Полурыковка» потому, что она в 30°, а сам Рыков (горький пьяница) пьёт в 60°».

В народе тогда говаривали, что, мол, новоявленная «рыковка» – это на самом деле «полурыковка», а вот настоящая «рыковка», которую делают исключительно для кремлевских вождей, имеет крепость аж 60 градусов, и означает это, что народ снова надурили. В дневнике Булгакова 1925 года есть анекдоты на водочную тему: «Если бы к «Рыковке» добавить «Семашковки» (нарком здравоохранения Н. Семашко), то получилась бы хорошая «Совнаркомовка». «Рыков напился по смерти Ленина по двум причинам: во-первых, с горя, а во-вторых, от радости».

Но вспомним, что сразу после революции продвигался жёсткий «Трезвый подход» к светлому облику строителя коммунизма: «Военно-революционный комитет запретил продажу спирта в городе; уличённые в продаже и изготовлении спиртных напитков будут арестовываться, а заведения, рестораны и притоны, где идет торговля спиртом, будут секвестрированы и переданы демократическим организациям для устройства чайных, читален, столовых и т.д.». «Звезда» 1917 г.

Однако соображения быстрого пополнения госбюджета за счёт денег, потраченных рабочими на алкоголь, перевесили все остальные. Водочная «контр-

³⁰⁹ Валентин Катаев. «Алмазный мой венец».

революция» наступала постепенно. Сначала разрешили варить пиво. В 1923 году допустили продажу наливок крепостью не выше 20 градусов.

Прошло полгода, от наливок страна не обрушилась, зато деньги бюджет пополнили. Ещё при жизни Ленина, в 1923 году ЦИК и СНК СССР издали совместное постановление о возобновлении производства и торговли спиртными напитками. НЭП охотно идёт навстречу.

Началось восстановление водочных заводов. Градусность «рыковки» колебалась, а причиной была тяга большевиков к экспериментам. Проблему эту еще за 30 лет до большевиков исследовал по поручению правительства Д.И. Менделеев. В научной работе «Рассуждение о соединении спирта с водою» он доказал, что идеальное соотношение в готовом продукте – 40%. Менделеевский фактор – 40° выгодно отличал русскую водку от прочих подобных напитков. Физиологи признали, что «менделеевское» число градусов обеспечивает наилучшую питкость водки. А ученые-химики это безоговорочно подтвердили.»³¹⁰ Тем более, что сам профессор Преображенский наставлял молодого стажёра Борменталья, что водка должна быть именно 40 градусов.

Мещанство. «Гадюка»

Что ж, мирясь с наступлением мелкого капитала и небольшим повышением уровня жизни, приходилось мириться и с наступлением нашей безвкусицы, показной роскоши нэпманов, неуёмного стремления поскорее набить желудок, нацепить крашеное манто и других признаков советского мещанства. Да и где бы могли набраться вкуса и простого достоинства доселе нищее безграмотное население?

И нувориши праздновали наступление своего времени беззастенчиво. В среде успешных дельцов любое торжество приобретало поистине дореволюционный размах. Торопились. Так, например, советские обыватели всё ещё праздновали старый Новый год, и нэпманы конечно тоже, и не щадя, буквально, живота своего. Советская пресса, конечно, негодовала по поводу нового буржуинства, и к концу этого периода началось его яростное обличение. «Огонёк» писал в 1927 году:

*"Растущее социалистическое строительство всё больше сжимает кольцо вокруг нэпача. Единственное утешение - попойка в своём кругу, при завешенных окнах. Лучший повод для этого - встреча "старого Нового года", по старому стилю. Трудящиеся уже продвинулись на тринадцать дней в 1927 году, а нэпач только-только провожает с пьяными слезами 1926-й, - иронизировал корреспондент "Огонька". - Где-то взяли напрокат серебряные сервизы, дорогие кувшины с нежной росписью, купленные на Смоленском рынке. На тарелочках времён Наполеона - моссельпромовская колбаса, рядом - белые хризантемы, икра в банке Азрыбы, и в мелком хрустальном сосуде - салат оливье..."*³¹¹

(Верно, наш национальный салат «имени Оливье» прославился ещё в нэпмановские времена. Но популярен он был у состоятельных русских, конечно,

³¹⁰ <http://22-91.ru/statya/pervaja-sovetskaja-vodka---rykovka-skazka-o-trezvosti-/17.08.2011>

³¹¹ Праздник для нэпача //Огонек. 1927. N 2.

задолго до революции. Только готовили его тогда ещё и с каперсами, это маринованные почки растения каперсника колючего.) Бдительный Маяковский в панике, и уже в 1921 году бьёт тревогу, чувствуя, что куда-то не туда поворачивает наш «корабль современности»:

О дряни

... Утихомирились

бури революционных лон.

Подёрнулась тинной

советская

мешанина.

И вылезло из-за спины РСФСР

мурло

мещанина.

... Со всех необъятных российских нив,

с первого дня советского рождения,

стеклись они

наскоро оперенья переменив,

и засели во все учреждения.

Намозолив

от пятилетнего сидения зады,

крепкие, как умывальники,

живут и поныне

тише воды.

Свили уютные кабинеты и спальни.

... На стенке Маркс.

Рамочка ала.

На «Известиях» лёжа, котёнок греется.

А из-под потолочка

верещала

оголтелая

канареица.

Маркс со стенки смотрел, смотрел...

И вдруг
разинул рот,
да как заорёт:
«Опутали революцию
обывательщины нити.
Страшнее Врангеля обывательский быт.
Скорее
головы канарейкам сверните —
чтоб коммунизм канарейками
не был побит!». 1921 год.

Что же это за коммунизм, если он может быть побит котёнками и канареицами? Они то при чём? Скорее, поэт хотел сказать, что «обывательщины нити» тянутся изнутри самого человека, из его мироощущения, а животные здесь, конечно, ни при чём. (Может он, будучи сильно брезглив, просто не любил животных в доме?)

Ну и как же было встроиться в эту новую относительно сытую «канареечную» жизнь бывшим красноармейцам, красным конникам Будённого, которые не только понюхали пороха войны, но и ядрёного пота эскадронных коней, которых пьянил сам запах и вид крови..., этим бесчисленным Бумбарашам, которые кроме как махать шашкой буквально ничему не обучены, даже своего дома, а то и родных не имеющие и, что печальнее, не знающие чтоО хотеть им в мирной сонной жизни среди примусов, среди мелких склок коммунальных квартир, рутины конторских пишмашинок. Стена отчуждения встала между новыми советскими обывателями и теми, кто страшной ценой добывал именно эту мирную рутинную жизнь, где рулили новые советские чиновники, обыватели, нэпманы.

До предела обостряет этот конфликт Алексей Толстой в рассказе «Гадюка», где он вводит в новую послевоенную жизнь бывшего ординарца эскадронного командира, бывшую девушку «из приличной семьи», потерявшую в огне войны и эту семью... всё, что можно ... и ставшую бойцом революции. А теперь она обнаруживает себя в вонючем воздухе узкого коммунального коридора, среди шипящих примусов коммунальной кухни, злословия соседей за тонкими стенками, стука унылых пишущих машинок Махорочного треста там, где она служит. И, оказывается, она не умеет строить самые простые отношения с окружающими её новыми людьми, ради которых и махала шашкой, испытывая неимоверные лишения войны. Не умеет радоваться этой новой мирной жизни. И получает от соседей за свою тихую непонятную злобу прозвище «Гадюка». Новый советский быт, ежедневная рутина оказываются сильнее светлых мечтаний бывших вояк за советскую власть; и в конце рассказа в приступе тихой ярости она делает то, что только умеет – молча стреляет и стреляет из своего маленького револьверчика в это белое лицо новой обывательщины, живого, в общем-то, человека. Жизнь «гадюки», бывшего красного бойца, на этом, скорее всего, закончится совсем. А чего же она ждала? А чего же от революции ждали все махавшие шашкой с пеной у

рта? Оказывается, вопрос то совсем не простой! Но хорошо ей помнятся заманчивые речи, с которых и начиналась её новая вера в светлое будущее! Характерный диалог с её будущим командиром надо привести почти полностью (он агитирует её пойти с ними воевать за советскую власть и стать преданным бойцом революции):

« -- ... а то прожила бы как все, -- жизнь просмотрела в окошко из-за фикуса ... Скука.

-- А это -- веселее, что сейчас?

-- А то не весело? Надо когда-нибудь и погулять, не всё же на счётах щелкать ...

-- Город весь разорили, всю Россию нашу разорили ...

*-- **Эка штука – Россия ...** По всему миру собираемся на конях пройти..., разве только у океана остановимся... Хочешь не хочешь – гуляй с нами».*

Вероятно, он имел ввиду Индийский океан, по Троцкому. Но ради чего поход? Видимо, это не «Кони с цепей сорвались», а сами люди. Ну и чем закончились эти походы для Гадюки, мы уже знаем.

Та же самая «охота погулять» у Исаака Бабеля в «Жизнеописании Павличенки, Матвея Родионыча»:

«... ребята вы ставропольские, земляки мои, товарищи, родные мои братья, ведь барин пять годов на мне долги ждал, пять пропащих годов пропал я, покуда ко мне, к пропащему, не прибыл в гости восемнадцатый годок. На весёлых жеребцах прибыл он, на кабардинских своих лошадаках. Большой обоз вёл он за собой и всякие песни. И эх, любя ж ты моя, восемнадцатый годок! И неужели не погулять нам с тобой ещё разок, кровиночка ты моя, восемнадцатый годок? Расточили мы твои песни, выпили твоё вино, постановили твою правду...».

Вот он, 18-й годок подоспел, пока молодость играет и кровь кипит! И дело есть – буржуев бить!

Ну так вот и весь сказ, и вся марксистская теория о революции, всё просто, по-русски, без затей, без всяких «каких-то немцев» Энгельсов, Каутских, Марксов, прибавочной стоимости, прочей тягомотины ... погулять охота, «раззудись рука, размахнись плечо», засиделись мы что-то в мирной жизни, к океану пора ! . «-- Эка штука – Россия ...». Что ж, это-по нашему, по Гоголю: «... Русь, куда ж несёшься ты? Дай ответ. Не даёт ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства...".

Ну, нас и занесло! Так что же там, в новой для страны жизни. А там заканчивается и этот, временный и очередной зигзаг нашей советской истории. Теперь

– закат НЭПа. Остались воспоминания о сытой жизни. Рассказывает профессиональный сидельщик за других, ведь во все мутные времена типа Нэпа, это была очень востребованная специальность:

«-Я— зицпредседатель Фунт. Я всегда сидел. Я сидел при Александре Втором “Освободителе”, при Александре Третьем “Миротворце”, при Николае Втором “Кровавом”.

И старик медленно загибал пальцы, считая царей.

— При Керенском я сидел тоже. При военном коммунизме я, правда, совсем не сидел, исчезла чистая коммерция, не было работы. Но зато как я сидел при НЭПе! Как я сидел при НЭПе! Это были лучшие дни моей жизни. За четыре года я провел на свободе не больше трех месяцев. Я выдал замуж внучку, Голконду Евсеевну, и дал за ней концертное фортепьяно, серебряную птичку и восемьдесят рублей золотыми десятками. А теперь я хожу и не узнаю нашего Черноморска. Где это всё? Где частный капитал?....».³¹²

Да, нет и не будет больше частного капитала. И прижалось, съёжилось советское мещанство. Но, кстати, в самом слове мещанин нет ничего плохого... Ещё дворянин Пушкин в «Моей родословной» так описывает своё происхождения:

«... Не офицер я, не асессор,/ Я по кресту не дворянин,³¹³/ Не академик, не профессор;/ Я просто русский мещанин.» И поэт не делает из этого никакой проблемы.

Но советское мещанство – это проблема, потому как совсем не тех людей ожидали увидеть советские лидеры в новой стране, очищенной от эксплуататорских классов, офицеры, попов, помещиков и прочих захребетников. Ожидали увидеть, видимо, красивых, сильных, день и ночь работающих, думающих о мировых проблемах, чтобы приблизить светлое мировое завтра? Да, есть такие. Но единицы. А что мы видим в массе? Мурло мещанина, присыпкинских, так хорошо и часто мерзко изображённых у Леонида Гайдая в фильмах «12 стульев» и особенно в третьем эпизоде фильма «Не может быть» по рассказам Зощенко, где свадьба. Они, люди, любят выпить, пожрать, пофлиртовать, там же модный фокстрот и душещипательные романсы... Да не может быть этого с новым советским человеком! Где же эти «бледные юноши со взорами горящими», где Павки Корчагины, скакавшие с шашками наголо ,...

Но новое мещанство – это далеко не самая бедственная сторона нового общества. Приходят проблемы посерьёзнее – в невероятно плодящуюся начальственную бюрократию лезут люди с самых низов – безграмотные, с узким горизонтом

³¹² Илья Ильф, Евгений Петров. «Золотой телёнок».

³¹³ "Дворянин по кресту" - то есть, человек, получивший дворянство за выслугу, и получавший кресты (награды) по мере успешной службы (военной или статской). Иногда таковыми становились выскочки. Т.е. Пушкин – дворянин наследственный.

представлений о мире, с мелким мышлением, но с огромным апломбом и страшным желанием отомстить кому-нибудь за свою прошлую униженность, нищету, за обиды со стороны власть имевших, и если тех, бывших, уже нет, то хоть на ком-нибудь отыграться, выместить ..., показать, кто здесь сейчас хозяин. А как же – «кто был никем, тот станет всем»! Или, по-русски говоря, «из грязи-в князи».

И вот уже упомянутый Павличенко, бывший пастух, ставший красным «генералом», раскрывает своё нутро:

«... Но я стрелять в него не стал, стрельбы я ему не должен был никак, а только потащил наверх в залу. ... И тогда я потоптал барина моего Никитинского. Я час его топтал или более часу и за это время я жизнь сполна узнал. Стрельбой,—я так вам скажу,—от человека только отделаться можно, стрельба—это ему помилование, а себе гнусная лёгкость, стрельбой до души не дойдёшь, где она у человека есть и как она показывается. Но я, бывает, себя не жалею, я, бывает, врага час топчу или более часу, мне желательно жизнь узнать, какая она у нас есть...».

Очень хотелось бывшему пастуху «жизнь узнать», почувствовать себя хозяином этой жизни, дойти до своей души, до самого низа, до предела низости, достать своё дно, до куда я могу опуститься? Это и значит – «жизнь узнать» через садизм. «Тварь ли я дрожащая или право имею?». Имеешь, говорят сверху. Такую мораль несли большевики.

О тех, кто из низов усиленно карабкается наверх, горько говорит и потомственный казак Григорий Мелехов у Шолохова в «Тихом Доне»:

«— Постой, ты не ругайся! Я по старой дружбе пришел погутарить, сказать, что у меня в грудях накопело. Ты говоришь – равнять... Этим тёмный народ большевики и приманули. Посыпали хороших слов, и попёр человек, как рыба на приваду! А куда это равнение делось? Красную Армию возьми: вот шли через хутор. Взводный в хромовых сапогах, а «Ванёк» - в обмоточках. Комиссара видал, весь в кожу залез, и штаны и тужурка, а другому и на ботинки кожи не хватает. Да ить это год ихней власти прошёл, а укоренятся они – куда равенство денется?.. Говорили на фронте: «Все ровные будем. Жалованье и командирам, и солдатам одинаковое!..» Нет! Привада одна! Уж ежели пан плох, то из хама пан во сто раз хуже! Какие бы поганые офицеры ни были, а как из казуни выйдет какой в офицеры – ложись и помирай, хуже его не найдёшь! Он такого же образования, как и казак: быкам хвосты учился крутить, а глядишь – вылез в люди и сделается от власти пьяный, и готов шкуру с другого спустить, лишь бы усидеть на этой полочке.»

Именно такие люди, «из казуни», и вылезают уже наверх в несметном количестве и будут пихаться, чтобы самым «усидеть на этой полочке». Опьянение от власти и безнаказанность для своих – два столпа новой власти.

Не об этом ли предупреждал Некрасов:

« ...Люди холопского звания –

Сущие псы иногда:

Чем тяжелей наказания,

Тем им милей господа.»

«Кому на Руси жить...».

А холопство очень трудно вытравливается. Холоп, убивший своего барина из мести или зависти, из корысти - не перестаёт быть холопом. (Интересно, сын крепостного Лопахин, купивший имение Раневских, перестал?)

Холоп хочет украсть и сразу проесть, уничтожить и убежать. И, может быть, умереть, т.к. он ни за что не хочет отвечать, даже за свою жизнь. Холоп не хочет трудиться ни для кого-то, ни для себя даже. Холоп хочет только унижать и унижаться.

Уэллс, другой взгляд на советскую жизнь

Глянем в этот момент на нашу страну немного под другим ракурсом, глазом англичанина, да не простого.

В конце сентября 1920 года осмотреться в «этом новом дивном мире³¹⁴», стране будущего, приезжает признанный европейский фантаст Герберт Уэллс со своим сыном, причём по приглашению Льва Каменева. Большую часть времени этого визита Уэллс проводит в Петрограде и прежде всего со своим другом Горьким и его окружением; и живёт со своим сыном у него же в квартире на Кронверкском. В роли бессменного переводчика у них выступает Мария Закревская не без видимого удовольствия.

Именно Горький поспособствовал посещению в октябре Уэллсом Ленина в Москве, который и удостоил его часовой беседой в Кремле. Но оба остались недовольны общением, и, конечно, по разным причинам. Уэллс – свободный путешественник, посещающий одну из горячих точек Земли для общего развития и, возможно, в поисках новых фантастических сюжетов. У него для этого много денег и времени, и желания узнать для себя новое.

У вождя же революции – всё наоборот, и нехватка времени, и забот полон рот: отовсюду лезет контрреволюция и интервенция, попы прячут церковные сокровища, по улицам бродят нищие и голодные, не до фантастов ... Берберова поэтому заметила, что Ленин говорил Троцкому об Уэллсе как о мещанине и мелком буржуа. Уэллс же сетовал, что русские совершенно не умеют разговаривать. А он что, хотел, неспешно попивая суррогатный кофе в Кремле, порассуждать о модернизме в европейской литературе, о трудностях джойсовского «Улисса», только что вышедшего ... Нет, не тем была занята голова вождя; Маяковский же всем объяснил:

³¹⁴ Название антиутопии Олдоса Хаксли.

« ... Он

в черепе

сотней губерний ворочал,

людей

носил

до миллиардов полутора,

Он

взвешивал

мир в течение ночи,...»,

Уэллс, Горький, Закревская-Бенкендорф.

-- вот масштаб задач вождя, а тут какой-то мелкий буржуа, слоняющийся по миру в поисках острых сюжетов для своих фантазий. Да, что называется -- поговорили. Два мира ... И в книге очерков Уэллса «Россия во мгле» по результатам его визита в нашу страну её вождь и мечты большевиков

выглядят несколько иначе, чем сказано Маяковским выше... Отдельная глава «Кремлёвский мечтатель» отражает его личный разговор с лидером страны и личные впечатления. По пути в Кремль он не может не отметить, что несмотря на власть коммунистов

« ... десять тысяч крестов московских церквей всё ещё сверкают на солнце. На кремлёвских башнях по-прежнему простирают крылья императорские орлы. Большевики или слишком заняты другими делами, или просто не обращают на них внимания. Церкви открыты; толпы молящихся усердно прикладываются к иконам, нищим всё ещё порой удаётся выпросить милостыню. Особенной популярностью пользуется знаменитая часовня чудотворной иконы Иверской божьей матери возле Спасских ворот; многие крестьянки, не сумевшие пробраться внутрь, целуют её каменные стены.

Как раз напротив нее на стене дома выведен в рамке знаменитый ныне лозунг: "Религия — опиум для народа". Действенность этой надписи, сделанной в начале революции, значительно снижается тем, что русский народ не умеет читать.»

После беседы писатель подтверждает, что «... мировоззрение Ленина издавна неотделимо связано с положениями марксизма о неизбежности классовой войны, необходимости свержения капиталистического строя в качестве предварительного условия перестройки общества, о диктатуре пролетариата и т.д. Он вынужден был поэтому доказывать, что современный капитализм неисправимо алчен, расточителен и глух к голосу рассудка, и пока его не уничтожат, он будет бессмысленно и бесцельно эксплуатировать всё, созданное руками человека, что капитализм всегда будет сопротивляться использованию природных богатств ради общего блага и что он будет неизбежно порождать войны, так как борьба за наживу лежит в самой основе его.»

Уэллс заключает, что

«... Россия, которая представляла собой цивилизацию западного типа — наименее организованную и наиболее шаткую из великих держав, — сейчас представляет собой современную цивилизацию *in extremis* [при последнем издыхании (лат.)]. Непосредственная причина крушения России — последняя война, которая привела её к физическому истощению. Только благодаря этому большевики смогли захватить власть. История не знает ничего, подобного крушению, переживаемому Россией. Если этот процесс продлится ещё год, крушение станет окончательным. Россия превратится в страну крестьян; города опустеют и обратятся в развалины, железные дороги зарастут травой. С исчезновением железных дорог исчезнут последние остатки центральной власти.

Крестьяне совершенно невежественны и в массе своей тупы, они способны сопротивляться, когда вмешиваются в их дела, но не умеют предвидеть и организовывать. Они превратятся в человеческое болото, политически грязное, раздираемое противоречиями и мелкими гражданскими войнами, поражаемое голодом при каждом неурожае. Оно станет рассадником всяческих эпидемических заболеваний в Европе и всё больше и больше будет сливаться с Азией.»

(Вспомним, что проявление азиатских черт в народе уже сильно пугало и Бунина, и Плеханова. Да и Блок вещал «Да, скифы - мы! Да, азиаты — мы\с раскосыми и жадными очами!»). А Блок может напророчить!

Далее Уэллс резюмирует свои наблюдения, обращаясь к читателям своих очерков:

- единственное правительство, которое может сейчас предотвратить такой окончательный крах России, — это теперешнее большевистское правительство;
- Америка и западные державы должны оказать ему помощь;
- в этом случае, большевики, возможно, сумеют создать в России новый, цивилизованный общественный строй, с которым остальной мир сможет иметь дело. Вероятно, это будет умеренный коммунизм с централизованным управлением транспортом, промышленностью и, позднее, сельским хозяйством;
- народы Запада должны понимать и уважать убеждения и принципы большевиков;
- Соединенные Штаты Америки — единственная держава, которая может взять на себя роль такого спасителя, являющегося в последнюю минуту.

С такими выводами книга Уэллса, конечно, не понравилась многим его друзьям в Англии. Ведь этой Совдепии придётся помогать!

Преемники, токсикология

Кроме трудностей экономического порядка к 22-му году появляются признаки напряжений и на внутриполитическом горизонте в связи с развивающейся болезнью Ленина, не дающей ему в полной мере выполнять свои многочисленные обязанности.

С целью разграничить обязанности перегруженного Ленина в качестве председателя Совнаркома и фактического партийного лидера в апреле на Пленуме ЦК учреждается новая должность – Генерального секретаря ЦК с назначением на эту должность Сталина, причём именно по предложению Ленина. И он же избирается членом Политбюро и Оргбюро. В то время пост генсека никому не казался как главный или вообще очень важный пост в партийной иерархии. Это же секретарь. Секретари (и генеральный), конечно, подчинялись и Политбюро, и Оргбюро, и их полномочия ограничивались решением технических и внутрипартийных задач (потому и секретари). Но ... мы же в России. К сожалению, кем-то придуманное слово «генеральный» сыграло отчасти злую шутку – ведь если генеральный, значит, для народа – самый главный! А народ, и даже партийный, соскучился, вероятно, за 5 лет хаоса и войн по «самому главному», по «хозяину земли русской», к чему привык за сотни лет монархии.

Характерно об этом же пишет Вячеслав Молотов:

*«Ленин, видимо, посчитал, что я недостаточный политик, но в секретарях и в Политбюро меня оставил, а Сталина сделал Генеральным. Он, конечно, готовился, чувствуя болезнь свою. Видел ли он в Сталине своего преемника? Думаю, что и это могло учитываться. А для чего нужен был Генеральный секретарь? Никогда не было. Но постепенно авторитет Сталина поднялся и вырос в гораздо большее, чем предполагал Ленин или чем он даже считал желательным».*³¹⁵

А пока ещё «самый главный» и по должности, и по несомненному авторитету, и по пиетету простого народа Ленин -- всё чаще и чаще выпадает из рабочего ритма и правительства, и партийных дел. И тут же, чтобы ещё туже затянулась пружина политической интриги – стала нарастать напряжённость в отношениях между ним и новым генсеком.

³¹⁵ Из книги Феликса Чуева «140 бесед с Молотовым».

Смею предположить, что это противостояние, проходящее и по линии стиля руководства, и по отношению к соратникам, и где-то уже по их личным отношениям — имеет в основе разделение всё по той же такой болезненной для России линии Восток--Запад, может быть даже по линии славянофилы--западники. Попробую пояснить.

Ленин — человек Европы, по крайней мере по внешним проявлениям — он там жил много лет, праздно гулял по бульварам, совершал променады в швейцарских горах, он лично знаком со многими европейскими социал-демократами, читал и критиковал их работы, спорил, потому что знал французский и немецкий. Его заметное грассирование в речи (что часто принималось за картавость), вряд ли наводит собеседника на мысль, что он коренной русский. В целом, исследователи сходятся на мнении, что по материнской линии он шведско-немецкого происхождения. Он хочет сделать Москву центром социалистической Европы. Он находит время побеседовать с иностранными деятелями -- англичанином Гербертом Уэллсом, американским журналистом Джоном Ридом, немецкой социалисткой Кларой Цеткин. ... другими европейцами. После Европы у него осталась привычка всегда носить жилет, галстук, ботинки, пальто. Крутой лоб и огромные залысины невольно заявляют о постоянной работе мысли. Имеет незаконченное высшее юридическое образование. Он следит за своим здоровьем, не злоупотребляет вредными привычками. Ленин (впрочем, как и Троцкий) — человек идеи, фанатик, за неё они готовы положить и свои жизни, и, конечно, бесчисленные жизни других людей, они для них просто материал для реализации идеи. Несмотря на жестокие политические решения, он может открыто улыбаться. Он экспрессивен, горячо доказывает своё и убеждает слушателя, энергично движет руками (судя по фотографиям и игровым фильмам Михаила Ромма). Он может даже истерить, если что-то пошло не по его плану. Он почти демократ с коллегами, он коллективист, может выслушать любое мнение (хотя и будет настаивать на своём). Он неприхотлив в быту, не устраивает обильных застолий с плясками и выпивкой.

Он чрезвычайно целеустремлён, и всегда в работе. *«В своей личной жизни Ленин любил порядок и дисциплину, был хороший семьянин, любил сидеть дома и работать, не любил бесконечных споров в кафе, к которым имела такую склонность русская радикальная интеллигенция.»*³¹⁶. И в этом он — не русский. Его единственная цель — мировая революция любыми средствами и любой ценой. Он говорил: *«— Никакого острова Утопии здесь нет, — резко ответил он тоном очень властным. — Дело идет о создании социалистического государства... Отныне Россия будет первым государством с осуществлённым в ней социалистическим строем... А!.. вы пожимаете плечами! Ну, так вот, удивляйтесь ещё больше! Дело не в России, на неё, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции!..»*, цитата приписывается Ленину³¹⁷.

Наоборот, Сталин — человек Азии, возможно, он осетин³¹⁸ («И широкая грудь осетина», если также верить Мандельштаму). Он почти всегда ходит в мягких кавказ-

³¹⁶ Николай Бердяев. «Истоки и смысл русского коммунизма».

³¹⁷ Георгий Соломон. «Среди красных вождей».

³¹⁸ Иремашвили (друг Иосифа по духовной семинарии) объясняет (вероятно, несправедливо) грубый и жестокий характер Виссариона, отца Иосифа, его осетинским происхождением. (Iremaschwili J. Stalin und die Tragodie Georgiens... S. 6, 11-12. Ссылка из книги Роберта Такера). Хотя Марк Алданов утверждает: «Многие считают его осетином. Это неверно — он коренной грузин.»

ских сапогах, галифе и френче, шинели. У него низкий лоб и низкая кромка жёстких поначалу чёрных волос.³¹⁹ Образование его – начальная школа и 2-3 года Тифлисской духовной семинарии. Он не знает языков, не знаком лично с европейскими деятелями, они ему не нужны. Он недолго любит иностранцев вообще, и вяло относится к деятельности Коминтерна. Он – солдат партии (правда, потом ставший генералиссимусом). Он считает себя самодостаточным, и не спешит встречаться и разговаривать с западноевропейскими левыми, потому что они с ним разговаривают на разных языках (во всех смыслах). Зато ему удобнее смотреть на Восток, к нему приезжает, например, молодые китаец Чан Кай-ши (в будущем- генералиссимус, создатель и диктатор государства на Тайване), Мао Цзэ-дун (правда, только в 1949 году), монгол Чойбалсан, учиться революции. Хотя в 30-е годы он встречался также с Роменом Роланом, Лионом Фейхтвангером, Бернардом Шоу, Анри Барбюсом, но только для пропаганды СССР на западе взамен на тиражи этих писателей в нашей стране. Как личности и писатели они ему были неинтересны.

Сталин не может искренне и широко улыбаться, тем более хохотать во все зубы, ему присуща скорее сдержанная ухмылка сквозь усы. На людях он скромнен, говорит негромко и даже поначалу неуверенно, не спешит в движениях (мешает больная левая рука?). У него хорошее зрение и очень цепкая память, особенно на людей, с кем у него был хоть небольшой конфликт. Он почти готовый тиран, хотя проявляется это пока только на женщинах – он позволяет себе откровенно грубить Крупской, тиранит (как потом выяснилось) свою жену Надежду Аллилуеву. Он любит принимать единоличные решения, тем более что должность генсека как бы уже позволяла ему это. Он всегда вынашивает свои планы и свою игру. (Вспомним замечание Троцкого в польскую кампанию: *«Сталин вёл свою собственную войну. Он хотел во что бы то ни стало войти в Львов в то время, как Смилга и Тухачевский войдут в Варшаву»*.) Он не обращает внимания на здоровье своё и чужое, много курит, любит устраивать затяжные богатые застолья по поводу и без, с долгими возлияниями и выходами танцевальных кавказских ансамблей. Отказываться от приглашения на подобные «Пир Валтасара»³²⁰ соратники уже не решаются (но это позже). Грузин Джугашвили постепенно превращается в русского Сталина. Как и всякий человек Востока он по-своему воспринимает любую идею, она для него персонифицирована, замкнута на него самого. Его на самом деле мало интересуют лозунги и идеи, главное, чтобы они помогли ему обрести и удержать власть. Вряд ли он готов отдать свою жизнь за идеи. Он будет любить похвалы и оды в свою честь.

Лишь одно у этих двух лидеров безусловно общее: люди для них -- материал в фундаменте властной пирамиды, для одного - персональной, для другого – мировой революции.

Александр Аллилуев, двоюродный брат Надежды, вспоминает свои юношеские впечатления от вечеров в Зубалово³²¹ :

³¹⁹ Александр Бек пишет о его внешности: «Твёрдо прорисован и увесистый сильный подбородок, просвечивающий из-под волос. Эту мужественную привлекательность, однако, портил низкий лоб — столь низкий, что сперва Каурову даже почудилось, будто верхняя доля скрыта хаотическим зачёсом. Убедившись в ошибке, он, впрочем, тут же нашёл оправдание этой некрасивости, воспринял её как мету простолюдина.» «На другой день».

³²⁰ Название одного из рассказов Фазиля Искандера.

³²¹ Одна из дач Сталина в бывшем имении нефтепромышленника Зубалова.

«... Сталин любил, когда собиралась большая компания. Бывало так, что за столом сидели маршалы Буденный, Ворошилов, Егоров, Тухачевский, здесь же наши родители и мы, дети. Такие сборища часто заканчивались большими возлияниями, а после них принято было бороться. Сложно было мериться силами с Тухачевским. Он был физически сильный человек, спортивный. Он своих оппонентов быстро укладывал. И в одной такой борьбе он в сильном подпитии подошёл к Иосифу Виссарионовичу и поднял его на руках, давая понять, что он может всё. Я посмотрел в глаза Сталина и увидел там такое, что сильно напугало меня и запомнилось, как видите, на всю жизнь»³²².

Что же он увидел? Но это всё будет позже, а пока ещё идёт 1922 год.

Всё сказанное выше – лишь преамбула к принципиальному разговору о «преемнике», к которому мы приступаем.

Ведь в этом году в связи с прогрессирующей болезнью Ленина, проблема эта возникает во всей своей остроте, и прежде всего в сознании самого «вождя мирового пролетариата», который конечно видит немного дальше других (сразу здесь отметим, что понятие и проблема преемника может возникнуть только в монархически или деспотически устроенном обществе; в демократическом обществе понятие «преемник» не может возникнуть в принципе).

И вот интересно, в принципе, чего же Ленин ждёт от устройства мира большевиков, и в том числе после своего ухода, который он вполне сознаёт и готовится к нему? Ведь впервые возникает проблема вполне ожидаемой смены персональной власти. Он – бессменный председатель Совнаркома и признанный партийный лидер, не смотря на введённую новую должность генсека, на которую Политбюро избрало Сталина. Т.е. через 5 лет после революции-переворота в стране не было ещё главы государства (не определялся он и в статьях Конституции 1918 года), а всеми признавался неформальный вождь, никем не избранный, кроме своих друзей из Политбюро, эдакого кооператива революционеров. Естественно, после неминуемого ухода в мир иной, место «вождя» оказывается пусто. А без вождя мы жить не умеем, всё остановится, «наш паровоз» без главного машиниста ни в какой социализм не полетит. Беда! Это в демократии легко – один президент, скажем, уходит, а из нескольких новых кандидатов избиратели выбирают другого, нового на 4 или более года, и все успокаиваются, потом опять выборы – и все дела. Но у нас же особый путь развития, нам так нельзя! А как? А мы не знаем! А пусть лучше опять будет царь!

Т.е. и в этом отношении, во внутривластном устройстве новой страны, как и в экономике, большевики не подумали далее двух-трёх лет вперёд. Да и зачем, когда скоро, вот-вот будет Мировая Советская Республика. Вот о её устройстве мы и будем думать, а пока ... пока надо устраивать временно Россию. Так кто же будет главным? Новым вождём? А в том, что вождь должен быть – вроде бы никто и не сомневается.

Рой Медведев резюмирует сомнения Ленина в этот период, которые он выразил в серии «писем к съезду», в так называемом «завещании»:

«О каждом из своих соратников Ленин говорит что-то чрезвычайно лестное. Сталин – «выдающийся вождь современного ЦК». Троцкий –

³²² Аллилуева Светлана. «Дочь Сталина. Последнее интервью».

«самый способный человек в настоящем ЦК». Бухарин – «ценнейший и крупнейший теоретик партии». Пятаков – «человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей». Но одновременно каждому из них Ленин даёт и уничтожающую по смыслу, но не по форме, политическую характеристику. Разве можно доверить единоличное руководство партии грубому, нетерпимому, нелояльному и капризному Сталину или чрезмерно хватающему самоуверенностью и чрезмерно увлекающемуся чисто административной стороной дела Троцкому, небольшевизм которого, как и «октябрьский эпизод» у Каменева и Зиновьева, Ленин не считает чем-то случайным. Нельзя, конечно, доверить руководство партией и Бухарину, теоретические воззрения

*которого «очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским», или Пятакову, на которого вообще трудно положиться ...».*³²³

(Это «завещание» так и не решились тогда предать общенародной огласке, и в общедоступной печати оно появилось только после 20-го съезда КПСС, инициатива Хрущёва. А пятеро из этих упомянутых деятелей будут различным образом выбиты из обоймы шестым, Сталиным, довольно быстро с 1936 по 1938 год, и позже всех Троцкий уже в Мексике в 1940 г.).

Стоит сказать здесь отдельно о Зиновьеве, соперничающем на равных с Троцким и Сталиным, и лучше привести свидетельства о нём Берберовой (писано ею скорее в 1919 году):

«Сейчас трудно себе представить, какую ни с чем не сравнимую власть имел этот человек, стоявший с момента Октябрьской революции на третьем месте в иерархии большевиков после Ленина и Троцкого, оставив позади себя и Каменева, и Луначарского, и Чичерина, и Дзержинского. В «Петроградской правде» каждое утро Зиновьев писал: «Я объявляю», «Я приказываю», «Я запрещаю», «Я буду карать безжалостно», «Я не потерплю»... и за этим чувствовался чудовищный аппарат неимоверной силы, который был у него в руках и которым он владел, не давая ни себе, ни другим ни минуты покоя. Всё, что он ни делал, получало, постфактум конечно, апробацию Кремля, и он это знал. С Лениным он жил в Швейцарии, с Лениным он приехал через Германию в Петроград и теперь был фактически единоличным диктатором севера России, опираясь на мощный аппарат ВЧК, созданный Урицким. Урицкого вот уже год как не было. Тысяча человек была расстреляна за него одного. Но были заместители, – и все они исчезли в конце 1930-х годов, ликвидированные в подвалах Лубянки или, может быть, в другом каком-нибудь знакомом им месте по приказу Сталина. Теперь даже о Зиновьеве нет ни строчки ни в советской истории, ни в советских энциклопедиях. Он выпал из советского исторического прошлого, как выпали Троцкий и Каменев, а Луначарский, Дзержинский, Чичерин и, может быть, сам Ленин остались в

³²³ Рой Медведев «О Сталине и сталинизме».

этом прошлом благодаря естественной смерти, преждевременно исключившей их из эпохи великого террора 1930-х годов.»³²⁴

Ну а пока именно Сталин, уже ставший генсеком, вызывает у «вождя мирового пролетариата» наибольшее беспокойство. О некоторых обстоятельствах этого 1921 года, приводящих к таким озабоченностям, Роберт Такер пишет:

«Сближение Ленина и Троцкого пробудило в Сталине (иначе и быть не могло) злобные чувства. Наряду с этим, различные эпизоды периода Гражданской войны (о них мы и упоминали выше - ЮП), в которых обнаружились отрицательные качества сталинского характера и которые показали, к каким последствиям всё это может привести (например, к интригам и склокам), породили у Ленина недобрые предчувствия относительно Сталина как личности. «Сей повар будет готовить только острые блюда», — будто бы заметил Ленин, когда Зиновьев, всё ещё строивший козни против Троцкого, ... стал в тесном кругу приближенных Ленина настаивать на кандидатуре Сталина для выборов в Секретариат»³²⁵.

Чуть позже этот же историк останавливается и на других сторонах его характера:

«Всё, что известно о детстве Джугашвили, свидетельствует о следующем: он создал себе идеализированный образ собственной личности, поначалу как воина-мстителя по имени Коба. Затем, в последующие годы учёбы в тифлисской семинарии, когда он вошёл в местное революционное подполье, его идеальным «Я» стал революционер. В то же самое время его склонность к мстительности, проявлявшаяся уже в детстве, переросла в устойчивую черту характера. К тем, кто не относился к нему так, как тому отвечал образ созданного им его идеального «Я», он проявлял острую враждебность...»

Видимо, создание собственного мифического образа воина-мстителя из несладкого детства, культивирование образа и его ментальное подпитывание приводят к тому, что и окружающий мир и люди и идеи должны подгоняться под него и служить только интересам фантомного образа, что-то вроде Голема. И Сталин до конца жизни будет лепить из себя Голема, и неважно, что называться он будет генсек, вождь, хозяин или ещё как-то.

А Троцкий даёт такую характеристику своему политическому противнику:

«Весной 1924 года после одного из пленумов Центрального Комитета, на котором я по болезни не присутствовал, я сказал Смирнову: "Сталин будет диктатором СССР". Смирнов хорошо знал Сталина по прошлой работе и по ссылке, где люди лучше всего узнают друг друга. Старый большевик И.Н. Смирнов, разгромивший и расстрелявший Колчака, а позже расстрелянный сам Сталиным вместе с Зиновьевым и Каменевым, возражал мне:

"Сталин — кандидат в диктаторы?"

Да ведь это совсем серый и

³²⁴ Нина Берберова. «Железная женщина».

³²⁵ Роберт Такер. «Сталин. Путь к власти.»

ничтожный человек. Это посредственность, серое ничтожество!"

"Посредственность — да, ничтожество — нет, — ответил я ему. — Историческая диалектика уже подхватила его своим крючком и будет его поднимать вверх. Он нужен им всем: бюрократам, нэпманам, кулакам, выскочкам, пройдохам, всем тем, которые прут из почвы, унавоженной революцией. Он способен возглавить их. Он готов возглавить их, у него есть заслуженная репутация старого революционера. Он даст этим самым прикрытие в глазах страны. У него есть воля и смелость. Он не побоится опереться на них и двинуть их против партии. Он уже начал эту работу. Он подбирает вокруг себя пройдох партии. ... если всё пойдёт автоматически дальше, как идёт теперь, то Сталин автоматически станет диктатором".³²⁶

Здесь же стоит привести и непосредственную цитату из ленинского «завещания»:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью.»

И ещё из «завещания»:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, (вообще интересное замечание -ЮП) становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или эта такая мелочь, которая может получить решающее значение.»

Вдруг Ленин получает доказательство, что его опасения — не «мелочь». Он узнаёт (не от жены, скорее от Льва Каменева), что Сталин позвонил Крупской, грубо обругал её и угрожал Контрольной комиссией ... за то, что она нарушила врачебное предписание для мужа.

Речь здесь о том, что в узком кругу «друзей» было решено сильно ограничить информирование болеющего в Горках³²⁷ Ленина о реальном положении дел и в стране, и в партии, на чём якобы настаивали лечащие врачи для его же блага. Ленин закипает и лично пишет записку (правда, только 5 марта):

³²⁶ Лев Троцкий. «Сталин».

³²⁷ Подмосковная усадьба, отобранная большевиками у вдовы и наследницы миллионера Саввы Морозова — Зинаиды Морозовой.

«Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать её. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через неё же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением Ленин».

По некоторым данным Сталин сразу же, переступив через всю свою гордыню, обратился к Крупской с извинениями и взял обратно свои слова, ибо разрыв с Лениным был бы тогда для него концом всякой карьеры. Конечно, этот эпизод только укрепил Ленина в сомнениях относительно Сталина как партийного руководителя. Сталину, однако, пришлось переступить через себя и ещё раз – когда на 13-м съезде он услышал вместе со всеми зачитываемое «письмо к съезду» с рекомендациями о его перемещении вследствие личных качеств. И на пленуме ЦК после съезда (в августе) под впечатлением «письма» Сталин вдруг заявляет об отказе от поста генсека (и даже, по утверждению Олега Хлевнюка, просит послать его на партийную работу куда-нибудь подальше, в Туруханский край, что наверняка вызвало лишь иронические усмешки его «друзей», хорошо осознающих его капризы и игру на партийную публику³²⁸.)

Однако, как считают некоторые исследователи, ещё до съезда ведущая четвёрка Троцкий, Сталин, Зиновьев и Каменев заключили между собой политическое соглашение о разделении партийной власти в интересах самой партии и убедили большинство в ЦК настаивать на отзыве Сталиным его отставки, что и произошло. Новоиспечённый генсек спасён. Лёгкая партийная буря улеглась, не начавшись ... и очень надолго. Этот афронт Сталина (по его собственному мнению) вроде бы показал его соратникам, что он вовсе и не держится за власть.

Гораздо позже в книге «Сталин», 2-й том, уже Троцкий обсуждает не только личные качества генсека, но и методы политической борьбы, переходящей в самое настоящее истребление противников (надо принимать во внимание в то же время, что пишет политический изгой, в прямом смысле изгнанный из страны бывшими соратниками по революции, полный обиды и жажды мести скорее в конце 30-х годов):

«Где маузер оказывался почему-либо неудобен, Сталин прибегал к яду. На знаменитых московских процессах раскрылось с несомненностью, что в распоряжении Сталина имеется богатая лаборатория ядов и штат медиков, которые под видом лечения устраняют неудобных Сталину лиц. Врачи точно называли те лекарства, которыми они пользовались в таких пропорциях, в таких условиях, когда они из целебных средств превращались в средства убийства. Это делалось тем легче, что большевикам, особенно ответственным большевикам, врачи назначаются Центральным Комитетом партии, т.е. Сталиным (!!! -

³²⁸ Олег Хлевнюк. «Сталин. Жизнь одного вождя».

ЮП). *Таинственно погиб в своё время Фрунзе, ставший после меня во главе Красной армии, таинственно погибла жена Сталина Аллилуева; об отравлении говорили в связи со смертью Орджоникидзе, затем Максима Горького: оба они выступили в защиту старых большевиков от истребления.».*

Так, видимо, впервые упоминается лаборатория, к которой сам Троцкий вряд ли имел какое-либо прямое отношение в силу своего функционала, но и тайной для него, как одного из лидеров страны, она не была. Далее он пишет там же, что Мария Ульянова (сестра Ленина), почему-то вступилась за Сталина, сделав заявление в том смысле, что письмо о разрыве отношений (речь как раз о письме Ленина в отношении грубости Сталина к Крупской) имело личный характер, навеяно было временными обстоятельствами, как это видно, между прочим, из того, что написано в порыве минутного гнева, вполне оправданного, а на самом деле Ленин считал и считает его настоящим революционером и другом, ведь, по её словам

«... незадолго до этого письма Ленин призывал Сталина и обращался к нему с такой просьбой, которую можно было поручить только подлинному революционеру, заслуживающему доверия. Ульянова не шла дальше этого намёка. Никто из нас, оппозиционеров, не счёл возможным расшифровывать её слова, но речь шла, разумеется, об обращении Ленина к Сталину за ядом». Это пишет Троцкий уже ближе к концу 30-х годов.

Немного по-другому описывает этот эпизод Такер:

«Хотя паралич и смерть Ленина явились для Сталина политическим спасением, нет никаких свидетельств, что Сталин что-то предпринимал, чтобы ускорить подобный исход. Это нужно особо подчеркнуть в связи с подозрением, высказанным позднее Троцким. Как он писал, на заседании Политбюро в конце февраля 1923 г. Сталин в присутствии Каменева, Зиновьева и самого Троцкого сообщил, что его (Сталина) внезапно позвал к себе Ленин и попросил яду. На замечание Троцкого, что доктор Гетье (домашний врач Ленина и Троцкого) не отказался от надежды на выздоровление Ленина, Сталин ответил:

«Я высказал ему всё это... Но он не желает слушать никаких доводов. Старик мучается и хочет иметь яд под рукой. Он использует его только в том случае, если убедится, что положение безнадежно».

По словам Троцкого, голосования не проводилось, но присутствовавшие на заседании разошлись с четким пониманием того, что просьбу Ленина они не вправе даже обсуждать. Троцкий добавил, что может ошибиться в некоторых деталях эпизода, но не в том, что он имел место».

Гораздо раньше разговор на эту же тему записывает Лидия Фотиева, секретарь:

«22 декабря (1921 г.) Владимир Ильич вызвал меня в 6 часов вечера и продиктовал следующее:

«Не забыть принять все меры достать и доставить... в случае, если паралич перейдёт на речь, цианистый калий, как меру гуманности и как подражание Лафаргу...»».³²⁹

Существуют и другие свидетельства на эту тему. Евгений Гусляров в книге «Ленин в жизни» приводит цитату К. Зелинского:

«... (Сталин только однажды разоткровенничался на эту тему в узком кругу на одной из встреч с несколькими писателями на квартире у Максима Горького. — Е. Г.) Сталин тогда говорил замечательно. Он рассказывал редкие, интимные вещи из жизни Ленина, о которых никто не знает.

— Ленин понимал, что умирает, — говорил Сталин, — и попросил меня однажды, когда мы были наедине, принести ему цианистого калия.

«Вы самый жестокий человек в партии, — сказал Ленин, — вы можете это сделать».

— Я ему сначала обещал, а потом не решился. Как это я могу дать Ильичу яд. Жалко человека. А потом, разве можно было знать, как пойдет болезнь. Так я и не дал. И вот раз поехали мы к Ильичу, а он и говорит, показывая на меня: «Обманул меня, шатается он». Никто тогда этой фразы понять не мог. Все удивились. Только я знал, на что он намекает: о просьбе Ленина я тогда же доложил на Политбюро. Ну, конечно, все отвергли его просьбу. Вот Гронский знает про это.»³³⁰

Марк Алданов в романе «Самоубийство» тоже не обошёл эту тему, и пишет о вожде и его рассуждениях о «преемниках»:

«Наиболее выдающимися были Троцкий и Сталин. Он отметил в завещании их достоинства и недостатки. Удивительно, что главный недостаток Сталина он видел в грубости. Смутно догадывался, что именно к этому человеку перейдёт вся власть. Эта мысль была чрезвычайно ему неприятна и даже страшна. Знал, однако, что и Троцкого все терпеть не могут. «Нет людей, никого нет, некому оставить дело!» Вскоре после этого на заседании Политбюро, где были Троцкий, Каменев и Зиновьев, Сталин сообщил, что Ленин желает покончить с собой: требует присылки ему яда. «Я помню, — рассказывает Троцкий, — каким странным, загадочным, несовместимым с обстоятельствами мне показалось выражение лица Сталина. Просьба, которую он нам передавал, была трагична, между тем по его лицу, как по маске, бродила нездоровая улыбка». У Троцкого возникло подозрение, что никакой просьбы от Ленина не было и что Сталин просто хочет его отравить. Было ли это верно?

³²⁹ Александр Бек. Из архива писателя. https://studopedia.su/13_19700_l-fotieva.html? Поль Лафарг, французский экономист и политический деятель, и его жена Лаура, дочь Карла Маркса, не желая быть никому обузой в старости, в 1911 году приняли цианистый калий.

³³⁰ Зелинский К. Одна встреча у Горького // Вопросы литературы. 1991. Май. С. 156

Сталин мог догадаться, что Политбюро во всяком случае не положится на него одного, пошлёт к Ленину других, поедет к нему в полном составе. С другой стороны, позднее, Ленин, уже впав в полуживотное состояние, видя это при проблесках сознания, действительно просил товарищей, гораздо более ему близких, доставить ему яд. Вероятно, тоже из-за смутных подозрений, Зиновьев поддержал решительное возражение Троцкого. Дело формально и не обсуждалось.

«Поведение Сталина, весь его вид были непонятны и зловещи». Он не настаивал. Что-то ещё произошло: телефонный разговор Крупской со Сталиным. По поручению мужа она обратилась к генеральному секретарю с каким-то запросом. Оттого ли, что он считал Ленина уже полумертвым, или просто потому, что был на этот раз не в силах скрыть свою к нему ненависть, Сталин ответил грубо и оскорбительно. Крупская заплакала и сообщила о разговоре мужу. Ленин пришёл в ярость и продиктовал, наконец, записку.

Через четыре дня его разбил третий удар.»

Интересно, почему именно к Сталину была просьба? Можно подумать, что у него сию минуту в каждом рукаве френча припрятано по пузырьку с отравой! Никаких прямых указаний на какое-либо отношение Сталина к известной лаборатории мы не находим. Но, скорее всего, как человек проницательный, Ленин понимал, что только у Сталина не дрогнет рука протянуть ему флакончик в отличие от других «сентиментальных» соратников. Сейчас мы знаем, что такая лаборатория действительно работала.

Павел Судоплатов, один из руководителей НКВД 30-х годов, ничего не скрывает, вспоминая уже в 60-х:

*«Токсикологическая лаборатория была создана в 1921 году при председателе Совнаркома В.И. Ленине, задолго до Берии и именовалась «**Специальным кабинетом**». Возможно, что Ленин просил Сталина достать ему яд именно из запасов этой лаборатории-кабинета. Первым начальником лаборатории в 30-х годах был профессор Казаков, его расстреляли в 1938 году по процессу Бухарина». ³³¹ (Скорее всего Казакова просто пристегнули к процессу, чтобы убрать свидетеля, знавшего, естественно, больше всех о «Спец. кабинете».)*

Если верить Судоплатову, то Ленин был в курсе работ по ядам в этом «спец-кабинете», и также в курсе, что Сталин вхож в те двери и что именно он может обеспечить его ядом.

Другая очень неприятная сторона личности Сталина с горечью обнаруживается его идейным учителем. Ещё в прошлом году Ленин замечает у него проявление русского шовинизма, который проявился, в частности, в чрезвычайно политически важном вопросе о форме объединения и соподчинения уже существующих к тому моменту советских республик.

³³¹ Павел Судоплатов. «Разведка и Кремль.»

Роберт Такер акцентируется на проблемах национальной самоидентификации вождей:

«Возможно, только теперь товарищи Сталина по партии начали осознавать, что сам комиссар по делам национальностей принадлежит к коммунистам, заражённым «русским красным патриотизмом», поскольку он имел склонность высказываться в духе единой и неделимой России. Поэтому можно считать парадоксальным, но вовсе не неожиданным тот факт, что Сталину и Ленину в конце концов было суждено разойтись по тому самому вопросу, который в свое время скрепил их отношения. Иначе и быть не могло ещё и потому, что насколько чужд был русский национализм ленинской натуре, настолько глубоко он укоренился в характере Сталина. Раньше уже говорилось о том, что Сталин обрусел ещё будучи молодым революционером, считая большевиков «истинно русской фракцией» марксистского движения. По иронии судьбы человек, который, по мнению Ленина, являлся ценным для партии в качестве представителя малых народов и который в течение длительного времени соглашался с таким определением этой своей основной роли в партии, представлял собою формирующегося русского националиста ещё до их встречи и за многие годы до того момента, когда, к своему ужасу, Ленин обнаружил у него вполне сформировавшиеся русские националистические взгляды. Сталин отождествлял себя с Россией, в этом крылось его надменное отношение к культуре малых народов, прежде всего кавказских (!! - ЮП), обнаруженное нами в работе «Марксизм и национальный вопрос» ...».

Там же Такер дополняет:

«... во время визита в Тифлис в 1926 г. он всячески демонстрировал своё русофильство. Будучи на спектакле тифлисского оперного театра, он, беседуя в антракте с композитором Баланчивадзе, отметил влияние произведений русских композиторов, в частности Чайковского, на грузинских композиторов.»³³²

Странные метаморфозы природного грузина! Когда же это могло начаться, русофильство? Что повлияло – мощь просторов Сибири во время ссылок? Блеск былых имперских эпохетов, которые он мог видеть на плечах русских офицеров? Непраздный вопрос, но историки в этом разберутся.

Сам же Ленин, приговаривая иногда: «Поскрести иного коммуниста — и найдёшь великорусского шовиниста», испытывал всегда глубокое отвращение к этому явлению, к царской политике «единой и неделимой России», к царской политике вообще, и особенно, вероятно, после повешения его старшего брата Александра.

И ещё раньше, перед 12-м съездом партии «...в записках по национальному вопросу, продиктованных в самом конце 1922 г. Ленин резко критиковал Сталина, его вспылчивого земляка Серго Орджоникидзе и шефа ЧК поляка

³³² Роберт Такер «Сталин. «Путь к власти».

Феликса Дзержинского как обрусевших инородцев, которые пересаливают по части «истинно русского настроения». Сталина он заклеил как «великорусского **держиморду**». Эти заметки являлись частью подготовки Ленина к смещению Сталина с поста генерального секретаря. Резкое ухудшение состояния здоровья в марте 1923 г., однако, не позволило ему присутствовать на съезде, что дало Сталину возможность выдержать это самое серьёзное испытание на пути к власти.»³³³

По этому же поводу Бек в упомянутой книге приводит диалог Сталина со своим соратником по подпольной работ. Разговор касался статьи будущего наркома по делам национальностей. В статье как бы шутя приводятся такие оценки Сталина как «...большинство меньшевистской фракции составляют евреи (не считая, конечно, бундовцев), далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские, далее идут евреи... » и далее «меньшевики -- еврейская фракция, большевики -- истинно русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром».»

Шокированный соратник пеняет ему: «... о грузинах как-то странно пишешь. Будто сам ты не грузин.

— Поймал! - Коба рассмеялся. -- И грузин и не грузин.

— Как так? Не пойму.

— Грузин по крови, а по духу... По духу уже русский. Живём в такое время. Оно перемесило.»³³⁴.

Абсолютное отсутствие чуткости и такта! Да ещё погромные настроения. Как сказали бы сейчас – берегов не видит. Тот же автор пишет о встречах Троцкого и Сталина в Европе во время партийных сходах:

«Троцкому были свойственны умственный аристократизм, сознание собственного превосходства, обособленность, или, если употреблять позднейший термин, неконтактность. Исключение он делал для немногих. Кобу, не владевшего немецким или иным европейским языком, да и по-русски говорившего с резким грузинским акцентом, к тому же лишь синтаксически примитивными, короткими фразами, возымевшего претензию отстаивать большевизм, ..., он обдал презрением. Подробности этой встречи в Вене, возможно, уже невозстановимы, но нельзя сомневаться: язвительный Троцкий до смерти обидел самолюбивого грузина. Так зародилась личная вражда.»

Конечно, Троцкий – язва для всех, а для Сталина стал к тому же катализатором его природного антисемитизма.

³³³ Там же.

³³⁴ Александр Бек. Указ Соч.

Создание СССР

Как раз в это период партийного брожения вокруг операции «Преемник», в 1922 партийное руководство решает перестроить конституционную систему федеративных отношений между самостоятельными к тому времени РСФСР, Украинской республикой, Белорусской и Закавказской. Иначе говоря, централизовать власть у слабых указанных республик. И здесь снова проявились принципиальные расхождения Сталина и Ленина по этому вопросу.

Сталин назначается главой комиссии ЦК по выработке проекта нового документа. Надо сказать, что в этом новом для всех вопросе в высших партийных кругах выявились значительные разночтения по проблеме объединения. Некоторые видели Украину, Белоруссию и Закавказскую федерацию (в которую входили Азербайджан, Армения и Грузия) непосредственно в рамках РСФСР на правах автономных республик.

Другие (сторонники крайней централизации) выступали за слияние всех существовавших республик в «Российскую Советскую Республику» и отрицали всякую федерацию, т. е. пропагандировали единую и неделимую Россию, но уже советскую. Другие партлидеры, которые представляли себе более свободное федеративное государство, где даже автономные республики имели бы союзный статус.

Сталин составляет проект жёстко централизованных отношений, т.е., не федерацию и не конфедерацию, а именно - Украине, Белоруссии, Азербайджану, Грузии и Армении предстояло войти в Российскую Федерацию в качестве автономных республик, т.е. высшие государственные органы РСФСР стали бы таковыми и для этих автономных, не равных с РСФСР, республик. Сталинский план «автономизации» воспринимается со скрипом, но партийные руководители Украины и Белоруссии не выступили против, и комиссия ЦК, заседавшая под председательством Молотова в сентябре 1922 г., принимает план автономизации.

Однако Ленин, сторонник равноправия наций, негодует и настаивает, что в резолюции не должно говориться о «вступлении» остальных республик в РСФСР (т. е. об их автономизации), а для выражения равноправия с Российской Федерацией должно быть ясно указано об их «формальном объединении с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии».

А также, вместо превращения ЦИК РСФСР в высший правительственный орган всех советских республик он настоял на создании общефедерального ВЦИК. Также федеральные функции должны осуществляться общефедеральными, т.е. союзными наркоматами, расположенными в Москве, а не сохраняться за существующими комиссариатами РСФСР. Т.е. требуется создать «новый этаж, федерацию равноправных республик»³³⁵.

Сталин раздражённо возражает, что Создание в Москве ЦИК федерации наряду с таким же органом РСФСР приведёт лишь к конфликтам и спорам, поскольку

³³⁵ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 211-213.

одно из учреждений неизбежно превратится в «нижнюю палату», а другое — в «верхнюю палату». Однако несмотря на вспышку раздражения, Сталин переступает через себя и перерабатывает резолюцию комиссии ЦК в соответствии с рекомендациями Ленина. В ней в общих чертах давалось описание федеративной системы будущего СССР, что было позднее отражено в новой Советской Конституции 1924 г. В этой изменённой форме резолюцию представили ЦК, который одобрил вариант Ленина о политическом равенстве с РСФСР других упомянутых республик, т.е. планировался именно Союз республик на правах федерации, а не РСФСР с включёнными в неё республиками на правах «автономий» (по сути автономных областей), что предполагала более ранняя резолюция, подготовленная Сталиным.

Собственно, сама Российская империя административно и была устроена почти так же, как сталинский проект — губернии, области и края без всяких национальных обозначений и, значит, без межнациональных границ (Например, Бессарабская губерния), кроме Царства Польского и Великого княжества Финляндского (названных по национальностям основного населения).

Историк Наталья Нарочницкая суммирует итоги дебатов:

«...Формально в основу создания СССР был положен проект Ленина, который отстаивал Троцкий, как наиболее близкий ему по взглядам, против концептуально отличавшегося предложения Сталин. Ленинско-троцкистская доктрина призвана была сделать СССР не продолжателем «упраздняемой» исторической России, а объединением совершенно независимых и самостоятельных наций. Сталинский проект, также произвольно крививший страну по национальному признаку, рассекая живое тело русского народа, всё же предполагал вхождение «социалистических наций» в Российскую Федерацию на правах автономий, то есть косвенно признавал историческую преемственность и факт, что эти «нации» являлись частями исторического государства российского.

ДОГОВОР

ОБ ОБРАЗОВАНИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР), Украинская Социалистическая Советская Республика (УССР), Белорусская Социалистическая Советская Республика (БССР) и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР—Грузия, Азербейджан и Армения) заключают настоящий союзный договор об объединении в одно союзное государство — «Союз Советских Социалистических Республик» — на следующих основаниях.

1. Ведущим Союзу Советских Социалистических Республик в лице его верховных органов подлежат:

- а) представительство Союза в международных сношениях;
- б) изменение внешних границ Союза;
- в) заключение договоров о приеме в состав Союза новых республик;
- г) объявление войны и заключение мира;
- д) заключение внешних государственных займов;
- е) ратификация международных договоров;
- ж) установление систем внешней и внутренней торговли;
- з) установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, а также заключение концессионных договоров;

Именно против такого преемства возражали ортодоксальные большевики-интернационалисты — Ленин, Троцкий, Бухарин, Ларин. Этот эксперимент оказался неосуществимым в полной мере.³³⁶».

И вот, торопясь, перед самым Новым годом 30 декабря в Большом театре Москвы собирается конференция делегаций от 4-х республик. С докладом об образовании СССР выступает Сталин, Ленин не присутствует по болезни. Докладчик Зачитывает текст Декларации и Договора об образовании СССР, и предлагает утвердить их сходу. Однако Михаил Фрунзе, глава делегации от Украины, возражает, и в пику Сталину и предлагает принять оба документа в основном и направить в ЦИКи союзных республик на основательную проработку перед утверждением. Его предложение принимается, и окончательное утверждение документов, в том числе Конституция, откладывается до II съезда Советов СССР. И 30-го декабря Главы делегаций первыми подписывают Договор и Декларацию. От РСФСР - Михаил Калинин, от УССР - Фрунзе, Петровский... -и т.д. Всего подписей – около 2-х десятков от каждой республики.

Таким образом Собрание делегаций от республик превращается в 1-й съезд Советов СССР. Вот так сравнительно буднично на фоне явных и неявных раундов борьбы за власть в партии, а значит и в стране, появилось новообразование СССР со столицей в Москве. А утрясание всех мелочей, формирование Госорганов Союза, шлифовка запоздавшей Конституции совершались весь 23-й год. Было решено, что союзный ЦИК будет состоять из двух равноправных палат: Совета Союза и Совета Национальностей. Только летом 1923 г. сессия ЦИК утверждает и вводит в действие **Конституцию**. А 31 января 1924 г. 2-й съезд Советов СССР утверждает Конституцию. (Тут же председателем СНК в связи со смертью Ленина назначается Алексей Рыков.). Что же получилось в итоге? И как мы начали жить в новой стране?

Конституция состояла, что необычно для мировой практики, из 2-х разделов – из Декларации об образовании и Договора об образовании СССР. Декларация заканчивается словами о новом государстве:

Первый герб СССР. Характерно, что серп и молот покрывают весь земной шар. Красочная заявка на мировую революцию? В мире поёжились.

« ... оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику (НВ !).»

Вот и цель Союза – это лишь шаг, этап по пути в Мировую Социалистическую Советскую Республику.

Там же в Декларации критикуется Запад (Ну как же не указать будущим советским людям объект их благородной ненависти!):

«Попытки капиталистического мира на протяжении десятков лет разрешить вопрос о национальности, путём совмещения свободного развития народов с системой эксплуатации человека человеком, оказались бесплодными.»

Это о чём вообще? И зачем здесь, в основном законе?

³³⁶ Наталья Нарочницкая. «Россия и русские в мировой истории».

Конституция вводит в Союзе в частности, вместо ВЧК - ОГПУ (Объединенное Государственное Политическое Управление), этому отводится целая глава ! Оно сосредоточено на целях по «... борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом», т.е. политическая полиция закрепляется навечно конституционно !!! . Кроме того, официальные документы Союза

«34. ... печатаются на языках, общеупотребительных в союзных республиках (русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, тюрко-татарский).» А где же азербайджанский? Вводится единое общесоюзное гражданство, общие деньги.

Однако множество моментов обойдены полным молчанием. Ничего не говорится кому принадлежит власть в новой стране и кто является её источником. Ничего не говорится о религиях, о гимне, о правах гражданина СССР, о выезде за границу и возвращении в Союз, о языках внутри республик (очевидно, это оговаривается в республиканских конституциях). И кто же всё-таки глава государства? Ну и конечно ни слова о демократии. Нет такого понятия в мире, а если и есть, то советскому государству оно ни к чему!

Ничего не говорится о об эксплуатации человека человеком. Отсутствие последнего момента вообще не понятно в социалистическом государстве. А, ну на дворе же расцвет НЭПа, вопрос об эксплуатации становится двусмысленным! Ведь 20 работников можно эксплуатировать! За что боролись?! – могли спросить рядовые большевики. И этот вопрос просто замолчали.

Ничего не говорится о человеке и его правах в новой стране, ни об общественных организация и партиях (в том числе о РКПб). Весь текст фактически свёлся к перечислению органов власти – кто кому подчиняется. Вся живая жизнь общества и человека остались за бортом. А ведь конституция любая должна определять в первую очередь взаимные права и обязанности человека и государства.

Вообще интересно, по-настоящему и формально существование СССР возникает с момента утверждения его Конституции 2-м Съездом Советов входящих республик 31 января 1924 года , но у нас считается его «днём рождения» 30 декабря 1922 года, когда делегаты лишь подписали Декларацию и Договор, т.е. на что они и были только уполномочены.

Может дело в том, что хотелось считать, что Союз был создан ещё при живом Ленине, который осенил «и в гроб сходя, благословил» новую страну... Что весомо. Также неупомянутым гимном, видимо по умолчанию, стал считаться Интернационал.

Кстати, небольшая деталь - в декабре 1923 года Автономная Область немцев Поволжья преобразована в Автономную ССР Немцев Поволжья с полумиллионным населением. Ей отвели территории немецких колоний, существовавших с екатерининских времён. Но долго она не просуществовала. (Вскоре после начала войны с Германией издаётся Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», и Автономная Республика немцев Поволжья была ликвидирована, после чего началась тотальная депортация немцев из районов бывшей АССР. Войсками НКВД немецкие жители в срочном порядке вывозились в отдалённые районы Сибири, Казахстана и Средней Азии, всего более 400 тысяч.)

Философский пароход

С «корабля современности» новые власти выбрасывают не только почивших классиков. Избавляются и от современных, ещё живых, но уже «ненужных» новой стране. И только в 1990 году появляется советский неологизм, Философский пароход,

Памятный знак на набережной Лейтенанта Шмидта в Петербурге на месте отправки одного из пароходов.

очень точный и быстро прижившийся. Под таким названием публикуются две статьи Сергея Хоружего³³⁷ в «Литературке» на эту тему изгнания. На самом деле под этим словообразованием сейчас понимают два парохода из Питера, один из Одессы, поезд из Москвы.

Под угрозой расстрела изгоняются в «добровольно-принудительную» бессрочную ссылку ненужные уже академики, философы,

писатели, преподаватели ВУЗов и профессора и даже несколько студентов. Среди высылаемых числятся Н. Бердяев, Иван Ильин, Л. Карсавин, Н. Лосский, В.и С. Булгаковы, Н. Котляревский, П. Сорокин, С. Трубецкой, С. Франк, всего около 170 человек. Трагедия для культуры.

По поводу этой акции Председатель Совнаркома В.Ульянов пишет Дзержинскому в мае 1922 года:

«... Вот другое дело питерский журнал «Экономист», изд[ание] XI отдела Русского технического общества. Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 (только третьем!!! Это nota bene!) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все — законнейшие кандидаты на высылку за границу. Всё это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация её слуг и шпионов и растлителей учащейся молодёжи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно

³³⁷ Сергей Хоружий, физик-теоретик, математик, философ, богослов, переводчик произведений Джеймса Джойса, в том числе «Улисс», исследователь аскетической практики исихазма.

и систематически и выслать за границу. Прошу показать это секретно³³⁸, не размножая, членам Политбюро».³³⁹

Ну, правильно, в пролетарской стране «скрипач не нужен» ©....

Зачем Пролеткульту философы, сохраняющие и развивающие мировую мысль. Лишнее! За борт современности! Кроме того, не дожидаясь высылки в годы с 1917-го по 1922-й выехали сами или просто сбежали, или изгнаны С. В. Рахманинов, С. С. Прокофьев, В. В. Набоков, И. А. Бунин, И. С. Соколов-Микитов, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, К. Д. Бальмонт, А. Белый, А. М. Ремизов, Б. К. Зайцев, В. В. Кандинский, Ф. И. Шаляпин, М. И. Цветаева, В. Б. Шкловский, Н. Н. Берберова, В. Ф. Ходасевич, М. Шагал, М. Горький, И. Куприн, Н. Бердяев, Игорь Сикорский, Николай Рерих ... всех не перечислить. Из них вернулись со временем единицы.

Писатель, журналист, потомственный дворянин М. Осоргин (Ильин) в воспоминаниях «Как нас уехали» пишет:

«Лев Троцкий в интервью с иностранным корреспондентом выразился так: **«Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно»**».

Это стало теперь легендой —

Год далёкий двадцать второй,

Уплывает интеллигенция,

Покидая советский строй.

Уезжают бердяевы, лосские,

Бесполезные для страны:

Ни историки, ни философы

Революции не нужны...

*А. Городницкий, «Последний
пароход», 2002 год*

Гениально ! Вот так всё просто – не можем терпеть не согласных с нами, а расстрелять людей с мировым именем – опасаемся, может быть много шума. А так хотелось бы поставить к стенке и «ваше слово, товарищ маузер ...!». Но ... Сочли за лучшее выслать без кровопускания – и проблема решена, и шума немного.

По воспоминаниям Фёдора Степуна — одного из пассажиров «философских пароходов», всем «высылаемым разрешалось взять: одно зимнее и одно летнее пальто, один костюм, по две штуки всякого белья, две дённые рубашки, две ночные, две пары кальсон, две пары чулок. Золотые вещи, драгоценные камни, за исключением венчальных колец, были к вывозу запрещены; даже и нательные кресты надо было снимать с шеи. Кроме вещей разрешалось, впрочем, взять небольшое количество валюты, если

*не ошибаюсь, по 20 долларов на человека; но откуда её взять, когда за хранение её полагалась тюрьма, а в отдельных случаях даже и смертная казнь».*³⁴⁰

³³⁸ Секретно, тайно и скрытно, и желательно чужими руками – это был стиль работы верхушки большевиков, ОГПУ, НКВД, КГБ и в дальнейшем, т.е. вообще всей советской власти. Революционеры-подпольщики по-прежнему чувствовали себя в подполье. Жить и действовать открыто, в полемике и в публичных дебатах о них не умели. Почти все партийные документы с самым невинным содержанием шли под грифами разной секретности.

³³⁹ <http://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/152>

³⁴⁰ Фёдор Степун. «Бывшее и несбывшееся.»

Лучшие специалисты-гуманитарии высылались в неизвестность и нищенство. Нищала интеллектуально и сама страна. Кстати, там же Степун пишет о марксизме:

««Капитал» Маркса представляет собою остро продуманный и в общем верный социологический анализ капиталистического строя Европы, но превращать социологическую доктрину марксизма в применимую ко всем временам и народам исторософскую доктрину нет никакого смысла и основания. В России марксизм победил, впрочем, не как отвлечённая философская доктрина, но как захватившая народную душу лжевера. Задача русской интеллигенции — распутать эту путаницу. Верить надо в Бога, а не в Карла Маркса; марксистским же анализом исторических грехов капиталистического строя надо пользоваться для построения свободолюбивого социалистического общества.»

Вячеслав Недошивин немного уточняет, в частности, о Льве Карсавине:

«... его арестовали в коридоре университета, отправили в тюрьму, а потом выслали на знаменитом «философском пароходе». Высылка, кстати, началась с того, что в мае 1922 г. Ленин, редактируя Уголовный кодекс, написал: «По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)... А за неразрешенное возвращение из-за границы - расстрел!» Карсавина вывезут насильно. А потом, в 1949-м, в Прибалтике, где он преподавал, арестуют вновь и отправят сначала в Ленинград, а потом в концлагерь Абезь у Полярного круга, где он и умрёт от туберкулеза. Вот «культура», которую несла в мир и Л. Рейснер.»
Потрясающе!

Лишь в 2003 году в Петербурге стыдливые потомки установят памятный знак на набережной Лейтенанта Шмидта, откуда, как явствует из надписи на гранитной стеле, и «отправились в вынужденную эмиграцию выдающиеся деятели отечественной философии, культуры и науки».

А кто не уехал сам и не изгнан властями ...что с ними? Например, нетронутый чудом в то время Павел Александрович Флоренский, священник, философ, учёный-энциклопедист позже был осужден на 10 лет заключения и выслан по этапу в восточно-сибирский лагерь «Свободный», где его определили работать в научно-исследовательском отделе управления БАМЛАГа. В 1934 года он направляется в Сковородино на опытную мерзлотную станцию для участия в исследованиях. В этом же году Флоренский этапируется со спецконвоем в Соловецкий лагерь особого назначения, где начал работать на Соловецком лагерьном заводе йодной промышленности, занимался проблемой добычи йода и агар-агара из морских водорослей и сделал более десяти запатентованных научных открытий. 25 ноября 1937 года особой тройкой НКВД Ленинградской области он был приговорён к высшей мере наказания и расстрелян. Похоронен в общей могиле убитых НКВД под Ленинградом. Сообщённая родственникам официальная дата кончины - 15 декабря 1943 года - скорее вымышлена.

Ранее, в 1921 году, как уже упоминалось, выезжает под давлением Ленина и Зиновьева сам Горький, сначала в Германию, затем с согласия нового диктатора Италии

Бенито Муссолини – в Сорренто, официально – для поправки здоровья, по сути – он уже не мог сопротивляться давлению новой власти.

Генуя, Репалло, 1922

А тем временем международные дела у страны были очень неважные, экономика лежала в агонии (НЭП ещё только нарождался) никто не хотел признавать новую советскую республику РСФСР (речь идёт до образования СССР), не понимая её природы, особенно новой большевистской власти, сам неологизм «большевик» в заграничных лексиконах стало заменять слово «бандит». Внешней торговли практически не существовало (кроме как краденными царскими и церковными ценностями, да сокровищами Эрмитажа), валюты у государства не водилось.

Да и как государство нас в Европе не признавали, знали только, что есть огромные территории бывшей царской империи. Но с другой стороны к европейскому берегу прибывается очередная эмигрантская волна из новой России, и именно они, уехавшие сами, или изгнанные, как вышеописанные пассажиры философских пароходов, или невозвращенцы, они и поддерживают представление новых послевоенных европейцев о русских и о прежней России. Новые эмигранты заявляют, что русские не умерли, и что не все «покорились звери усатому» (С), и что мы, ненужные там, будем нужны здесь, кто в Европе, кто в Америке. Кто может и чем сможет.

Но с 1922 года усилиями наших большевистских дипломатов начинается какое-то движение и на официальном уровне. Начинается подъём странных дружеских отношений недавних смертельных противников - поверженной Германии и, тоже, по сути, поверженной, России. Впрочем, при более внимательном взгляде последующие события после Версальского мирного договора развиваются вполне предсказуемо, чего, возможно, не учли или уже не могли предотвратить страны победительницы.

О чём же речь? Веймарская республика, возникшая на руинах кайзеровской Германии, и пока ещё без имперских амбиций своей предшественницы, страшно обременена репарациями и контрибуциями в пользу победителей при разрушенной финансовой системе и, как следствие, неслыханной инфляции, что очень скоро привело к повальной нищете и просто к голоду. (Вспомним, как сопровождающая Швондера «комиссарка» в кожаной чоновской тужурке, переодетая мужчиной, предлагает профессору в нашей нищей же России купить какие-то журналы в пользу голодающих детей Германии !!! (но тот, проявив стойкость, не поддался на призывы к интернациональному милосердию)).

Версаль накладывал и очень болезненные ограничения и санкции, чувствительные для немецкого воинственного духа – лимит на численность армии, запрет на развитие авиации, танков, тяжелого вооружения, химического оружия, запрет всем участникам этого договора поддерживать как-либо развитие военной инфраструктуры новой республики.

С другой стороны РСФСР – непонятное на Западе политическое образование, не государство и не империя, с идеологией, направленной на экспорт революции, не признанное ни одним «нормальным» государством, с самозванными правителями ... Также нищее, с разрушенной экономикой и огромными людскими потерями, но с мировыми революционными амбициями. И это – неприятно как минимум!

В общем, две страны изгои в окружении «приличного» общества. И тут возникает очень интересный и естественный момент для сближения этих стран. Новая Россия не считалась страной победительницей в Мировой войне (хотя, как всегда, положила больше всего своих солдат на её полях) и тем более не являлась страной-участницей Версальских соглашений и не подписывала никаких бумаг. Руки Москвы не связаны никакими обязательствами. Правда, руки Берлина наоборот связаны победителями накрепко: крохотная армия, минимум вооружений. Немецкая кузница пушек Рур оккупирован французами ... И двум униженным странам надо было быстро воспользоваться этими обстоятельствами.

И тут как раз страны победители, страны бывшей Антанты, решаются собрать почти общеевропейский экономический форум в Генуе для решения вопросов дальнейшего развития и прежде всего для восстановления разрушенного хозяйства Европы, и приглашают для участия (в чём, наверное и был особый смысл) проигравшую Германию и не проигравшую, но всё равно виноватую в национализации иностранных предприятий революционную РСФСР, которая имела полномочия на переговоры от лиц остальных советских республик.. Надо думать, именно условия доступа европейской экономики к нашим природным ресурсам и предполагались основной темой Генуэзской конференции летом 1922 года. Организаторами предполагалась резолюция, в которой от Советской России требовали признать все долги, финансовые обязательства всех прежних режимов России, принять на себя ответственность за все убытки от действий советского правительств на день Конференции. И российская делегация вроде бы готова обсуждать эти вопросы в обмен на признание Советов де-юре и предоставления ей денежных кредитов.

Однако, сходу договориться со странами Антанты не удалось. Но в целом это был прорыв, нас пригласили, с нами сели за стол переговоров, нас слушают. Маяковский, как всегда, в тренде событий и бодро сочиняет свою воображаемую речь, напутствуя нашу делегацию:

«Моя речь на генуэзской конференции»:

«...В штыки бросаясь на Перекоп идти,

мятежных склоняя под красное знамя,

трудом сгибаясь в фабричной копоти, —

мы знали —

заставим разговаривать с нами.

Не просьбой просителей язык замер,

не нищие, жмурящиеся от господского света, —

мы ехали, осматривая хозяйскими глазами

грядущую

Мировую Федерацию Советов.»

Сколько апломба и самоуверенности у самого поэта, да и у нашей делегации— не занимать! Интересно получается – бедные послевоенные страны Запада едут скромно изыскивать средства для восстановления порушенной экономики от войны. А нищие Советы едут – не мелочатся, не просителями, они уже давно в мечтах объединили всю Европу в свою Мировую Федерацию! Но это мечты о будущем.

А что же мы можем предложить Европе сегодня, в 1922 году, кроме сырья и рабочих рук?

Также и Николай Островский мечтает о сказочном самом скором будущем в разговоре с матерью:

« ...Заставил мать улыбнуться.

— Я, маманя, слово дал себе дивчат не голубить, пока во всем свете буржуев не прикончим. Что, долгонько ждать, говоришь? Нет, маманя, долго буржуй не продержится... Одна республика станет для всех людей, а вас, старушек да стариков, которые трудящие, — в Италию, страна такая теплая по-над морем стоит. Зимы там, маманя, никогда нет. Поселим вас во дворцах буржуйских, и будете свои старые косточки на солнышке греть. А мы буржуя кончать в Америку поедем.

— Не дожить мне, сынок, до твоей сказки...» . «Как закалялась сталь.»

Вот так решает бывший будённовец Корчагин - дрожи, Италия и берегись, Муссолини, жди нас с пашками, Америка! Скоро советское ортопедье застелет своими старческими мощами все твои пляжи, а твоим чипполинам и ступить будет негде! (И в то же самое время корчагины протягивают руку за хлебом этим самым буржуям, чтобы хотя бы не умерли миллионы своих же голодающих! Потрясающе! И собираются учить остальной мир как жить!)

Но матери знают цену сладким сказкам. Не дорого стоят. Вообще наивность наших рядовых и не рядовых коммунистов того времени, смешанная с нахрапистостью, поражают до сих пор.

И вот прямо в течение работы Генуэзской конференции дипломаты двух стран одни незаметно уединяются в соседнем местечке Рапалло, где договариваются об экономических и даже военных связях на будущее.

Результаты впечатляют. Так, например, при участии немцев к концу 1925 года на заводе в Филях было построено 170 цельнометаллических самолётов Юнкерс, строится химический завод по производству отравляющих веществ, в том числе иприта (русско-германское акционерное общество «Берсоль» близ Трочка (ныне Чапаевск)), на

деньги рейхсвера. Однако в дальнейшем эти большие планы сорвались, и с 1927 г. строительство велось самостоятельно. При техническом содействии фирмы «Крупп» нашей стороной налажено производство гранат и снарядов в ряде городов. Наш биолог Тимофеев-Ресовский был направлен в Германию для совместных работ и с 1925 года работал под Берлином в Институте исследования мозга Общества кайзера Вильгельма. Нарботанные там его командой результаты стали основой современной генетики и радиобиологии. Весной 1925 года на деньги Германии в Липецке организована авиационная школа и танковая школа в Казани для обучения специалистов из обеих стран. Заключены договоры о создании двух аэрохимических полигонов — под Москвой (Подосинки) и в Саратовской области под Вольском. Но, вероятно, самым важным результатом этого договора явился факт дипломатического признания РСФСР одной из больших европейских стран. Это был уже прецедент. Но и для Веймарской республики это был первый после Версаля полноценный международный договор. Это был прорыв для обеих стран.

Результаты этих договорённостей с немцами преподносились властью как настолько значительные, что даже в 1980 году писатель Савва Дангулов пишет об этих событиях небольшой роман «Заутреня в Рапалло».

Однако это экономическое сотрудничество было свёрнуто по разным причинам к концу 20-х годов, а военные объекты ещё функционировали с 1925 года по осень 1933 года (то есть до момента прихода нацистов к власти).

Повторюсь, в год заключения Рапалльского договора немцы не имели имперских амбиций (это была ещё Веймарская республика), и наши связи конечно не были нацелены на укрепление будущего нацистского режима. (И, конечно, этот договор стал большой и неприятной неожиданностью для стран бывшей Антанты, которые ни о чем существенном не договорились с нами, хотя, видимо и намеревались, прежде всего о наших минеральных ресурсах.)

Первая попытка союза с Германией. Путчи 1923 года.

Экономика экономикой, а движение к Мировой революции набирает обороты. Как казалось. И несмотря на явные революционные неудачи в направлении Польши, Ирана, Турции, Венгрии, большевики не сдаются и прежде всего имеют большие виды на Германию, поскольку и социал-демократы, и коммунисты тогда пользовались среди обедневшего немецкого населения очень большим влиянием и готовили свою революцию под руководством Коминтерна в конкуренции с только что нарождающимися нацистами. По этому поводу ближе к осени 1923 года наша власть и зависящий от нас Коминтерн активизировали подготовку там революционного переворота. В СССР для помощи бастовавшим германским рабочим был объявлен сбор средств; 1 млн золотых марок выделил Профинтерн³⁴¹. В Германию направилась

³⁴¹ Красный интернационал профсоюзов (Красный Профинтерн, Профинтерн) — международная организация радикальных профсоюзов, созданная в Москве в июле 1921 года в ходе конгресса профсоюзов, которые не вошли в Амстердамский интернационал. Создан в

«группа товарищей», имевших большой опыт революционной работы (Тухачевский, Уншлихт, Вацетис, Менжинский и др.), а также выпускники и слушатели старшего курса Военной академии РККА. В октябре 1923 года утверждается секретная комиссия для непосредственного руководства восстанием в Германии в составе: Радек (руководитель), Пятаков (заместитель руководителя), и др. На финансирование революции выделяется гигантская сумма в 300 млн золотых рублей !!! По распоряжению наркома по военным и морским делам Троцкого части Красной Армии начали выдвигаться к западным границам СССР, чтобы по первому приказу придти на помощь германскому пролетариату. Но на пути оказывалась опять та же Польша.

Между тем 10 октября 1923 года берлинская газета «Роте Фане»- Красное Знамя, орган Германской коммунистической партии — вышла с необычным текстом на русском, который был написан от руки (что выглядело очень необычно):

«Грядущая революция в Германии является самым важным мировым событием наших дней. Победа революции в Германии будет иметь для пролетариата Европы и Америки более существенное значение, чем победа русской революции шесть лет назад. Победа германского пролетариата несомненно переместит центр мировой революции из Москвы в Берлин...И.Сталин».

Лев Безыменский комментирует странный текст:

«Этот текст не был включён автором в Собрание своих сочинений. По многим причинам: первая из них состояла в дипломатической скандальности текста. В нем к перевороту в Германии призывал один из руководителей правящей партии России, которая находилась в дружественных отношениях с тогдашней Германией. Вторая — и, видимо, главная — сводилась к нежелательности для автора вспоминать об этом полузабытом эпизоде советско-германских отношений. А он был. Была попытка силой оружия свергнуть в Германии буржуазное правительство, и эту попытку поддержала и инициировала Советская Россия. Подробная документация по этому малоизвестному «эпизоду» до сих пор лежит в секретном архиве Политбюро ЦК РКП(б) (т. е. КПСС) в деле под заголовком «ГКП — Германская революция», а также в других фондах и делах Политбюро. Сегодня они читаются как некий фантастический роман, хотя в нем мелькают знакомые имена — Зиновьев, Троцкий, Молотов, Тельман, Цеткин. И Сталин!»³⁴².

Об этом же напряжённом моменте Эренбург вспоминает:

«Осенью 1923 года всем казалось, что Германия накануне гражданской войны. Стреляли в Гамбурге, в Берлине, в Дрездене, в Эрфурте. Говорили о коммунистических «пролетарских сотнях», о «чёрном рейхсвере»

противовес реформистскому Амстердамскому интернационалу — социал-демократической Международной федерации профсоюзов. Распущен за ненужностью в 1937 году.

³⁴² <http://militera.lib.ru/research/bezymensky3/02.html>.

фашистов. Канцлер Штресеман взывал к патриотизму... Гроза представлялась неминуемой. Прокатились слабые раскаты грома. Ничего, однако, не произошло. Рабочие были обескуражены, измучены. Всё мешалось в голове мещанина; он никому больше не верил; ... Социал-демократы хвастали образцовой организацией. Профсоюзы аккуратно собирали членские взносы. А решимости не хватило... Канцлер приказал распустить рабочие правительства Саксонии и Тюрингии. Я видел листовку с призывом к восстанию; люди читали и молча шли на работу...»

Зато у нас в стране власть, настраивая на скорую победу коммунистов в Германии, разослала 18 октября всем губкомам закрытое письмо «Германия накануне великих боёв», в котором утверждалось:

«Объединение Советской Германии с СССР будет последним ударом по капитализму и неизбежно приведёт скоро к рабоче-крестьянской революции в других странах Европы и всего мира».

И здесь возникла весьма щекотливая международная ситуация (и далеко не в последний раз): советская власть провоцировала немецкий народ на революцию против того самого правительства Веймарской республики, с которым только что (полтора года назад) в Рапалло заключила договор о теснейшем сотрудничестве и благоприятствовании! Вот это дипломатия! Подобный двуличный стиль международного общения советская власть сохранит надолго.

Наконец, 22 октября 1923 года вооружённое восстание начинают рабочие и портовики Гамбурга под руководством Эрнста Тельмана. Однако из-за несогласованности действий их не поддерживают в других землях. Уже через два дня после уличных боев восстание жестоко подавляется армией и полицией. КПГ попадает под запрет. Доминировавшая в советской политике коминтерновская линия к 1923 г. терпит поражение. Побед у неё не случается.

И что характерно -- этой осенью в Германии случается интересный политический казус. Униженный немецкий народ почти в равной мере поддержал как коммунистов, так и только что народившихся нацистов. Народ хотел выйти как из состояния национального унижения, так и из обыкновенной нищеты. А и те, и другие обещали как величие, так и благосостояние. Одни готовили переворот социалистический, а другие национал-социалистический, и что странно, в одни и те же дни. Но ни тот ни другой (пока) не имеет успеха.

Интересна версия австрийского писателя Стефана Цвейга о лёгкости принятия немцами нацизма:

«Ничто не сделало немецкий народ — это надо усвоить хорошо — таким ожесточённым, таким яростно ненавидящим и таким подготовленным для Гитлера, как инфляция. Ибо война, какой бы убийственной она ни была, всё же дарила часы ликования с колокольным звоном и победными фанфарами. И, по духу милитаристское государство, Германия чувствовала себя в связи с временными победами возвышенной в

своей гордости, в то время как из-за инфляции она ощутила себя лишь вываливающей в грязи, обманутой и униженной; целое поколение не забыло эти годы, не простило их германской республике и предпочло добровольно склонить голову перед своими палачами.»

И вот буквально через 2 недели после подавления попытки социалистического восстания на севере, в Гамбурге, на юге, в Баварии происходит попытка национал-социалистического переворота, известного как «Мюнхенский пивной путч». События начались в помещении огромного пивного зала - мюнхенского «Бюргербраукеллер», где проходило собрание баварских консерваторов и куда ворвались вооружённые штурмовики во главе с Гитлером, Гессом, Герингом. Люди в зале практически под дулами пистолетов выслушивают пламенную речь малоизвестного истеричного Гитлера, в которой он провозглашает начало национальной революции, призывает руководство Баварии присоединиться к ним, членам НСДАП (NSDAP, Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei – Национал-Социалистическая Немецкая Рабочая Партия), и готовиться к походу на Берлин для свержения предательского правительства Веймарской республики. Идеологией НСДАП провозглашается национал-социализм — тоталитарная идеология, которая сочетала в себе культ силы с элементами социализма, национализма-пангерманизма, расизма, антисемитизма, антикоммунизма... На другой день 9-го ноября штурмовики организуют шествие к центру города, но по пути жёстко сталкиваются с полицией. В перестрелке погибают около 20 человек с обеих сторон, будущий фюрер, Гесс и ещё несколько нацистов арестованы.

Путч прославил Гитлера и стал в итоге его путевкой в большую политику. О вожде немецких националистов написали все немецкие газеты, его портреты поместили еженедельники. Популярность НСДАП серьёзно выросла. Срок Гитлер за попытку государственного переворота получил минимальный — 5 лет, но фактически он находился в тюрьме всего восемь месяцев, написав в заключении большую часть своей книги Моя борьба и выйдя оттуда морально готовым фюрером немецкого народа. В Москве не очень переживали за поражение Тельмана, зато с интересом стали отслеживать деятельность НСДАП.

Нам не стоило бы так подробно останавливаться на этих октябрьско-ноябрьских немецких путчах, однако их последствия очень существенно скажутся на нашей как внешней, так и внутренней общественной жизни. Ведь коммунистическая революция в Германии притормозила, видимо, уже навсегда, а нацизм, укрепляясь, приведёт в итоге к колоссальным людским и материальным потерям нашей страны. Ну а пока Рапвальские соглашения и Берлинский договор с Германией 1926 года о ненападении и нейтралитете сроком на 5 лет будут мирно работать до начала 30-х годов.

Замах на союз с немцами серьёзно обосновывался теоретически, и Германию уже называли советской (см. также речь Клары Цеткин в рейхстаге в 1932 году, стр.371). Зиновьев, пока ещё председатель Исполкома Коммунистического Интернационала, главный идеолог тогдашней ВКПб и ярый сторонник сближения с Германией, которая вот-вот станет советской, пишет в сентябре 23-го года (видимо, готовясь, встретить вот-вот победу коммунистической революции) целый трактат, где в частности, говорилось:

«... 4. Что даст союз советской Германии с СССР?

Идея союза Германии с СССР пользуется в Германии широчайшей популярностью и имеет миллионы сторонников.

Советская Германия с первых же дней своего существования заключит теснейший союз с СССР. Этот союз принесет неисчислимые выгоды трудящимся массам, как Германии, так и СССР.

СССР с его преобладанием сельского хозяйства и Германия с её преобладанием промышленности как нельзя лучше дополняют друг друга. Союз советской Германии с СССР в ближайшее же время представит собою могучую хозяйственную силу. Такой союз имел бы в своем распоряжении все хозяйственные ресурсы, какие только необходимы для процветания и советской Германии, и СССР. Сельское хозяйство СССР выиграло бы в чрезвычайной степени от такого союза, ибо наша деревня получила бы на выгодных условиях необходимые ей сельскохозяйственные орудия, удобрение и т. п. Крупная промышленность советской Германии выиграла бы в не меньшей степени, ибо была бы в значительной мере обеспечена сырьем (сырьевым придатком страну хотели сделать уже тогда, и большевикам это удалось, особенно к концу жизни СССР! - ЮП) и рынками сбыта. Опасные стороны НЭПа в советской России были бы парализованы самым действительным образом.

Союз советской России с советской Германией создаст новую фазу НЭПа в России, ускорит и упрочит развитие социалистической госпромышленности в СССР и наверняка уничтожит в корне тенденцию новой буржуазии занять господствующее положение в хозяйстве нашего союза. Первая германская революция 1918 года, при всей её половинчатости и вопреки всем изменам германской социал-демократии, в большой степени помогла советской власти России устоять в гражданской войне. Надвигающаяся вторая, действительно пролетарская революция в Германии поможет советской России окончательно победить на решающем фронте социалистического хозяйственного строительства, а тем самым создаст незыблемую базу для победы социалистических форм хозяйства во всей Европе.

Союз советской Германии с СССР представит собою не менее могучую военную базу. Общими силами обе республики в сравнительно короткое время сумеют создать такое ядро военных сил, которое обеспечит независимость обеих республик от каких бы то ни было посягательств мирового империализма.

5. Соединённые штаты рабоче-крестьянских республик Европы.

При создавшемся положении вещей во всей Европе и, в особенности, в свете надвигающейся пролетарской революции в Германии и возможности

новой войны вполне своевременно выдвинуть лозунг Соединённых штатов рабоче-крестьянских республик Европы...».³⁴³

Лев Безыменский замечает по поводу этих тезисов теоретика ВКПб:

«... читая сегодня эти строки, нельзя отделаться от впечатления, что эти мысли надолго и глубоко запали в историко-политическое мышление Сталина. Как бы он впоследствии ни старался отречься от всего «зиновьевского», психологический феномен *«deja vue»* заставляет констатировать: в дни 1939 года, когда Сталин и Молотов вдруг заговорили об историческом значении советско-германского союза и выгоды их экономического и военного сотрудничества, так и хочется воскликнуть: мы это уже «проходили» у Зиновьева! Как бы читая мысли покойного Зиновьева и живого Сталина, Иоахим фон Риббентроп писал в предложенной им преамбуле советско-германского пакта: «Многолетний опыт доказал, что между немецким и русским народами существует **врождённая симпатия**. Жизненные пространства обоих народов совпадают, но не противоречат друг другу в своих природных потребностях. Экономические потребности и возможности обеих стран дополняют друг друга». ... В мышление Сталина на долгие годы (вплоть до 1949 года, когда создавалась ГДР³⁴⁴) вошла идея всепобеждающей силы советско-германского блока.»³⁴⁵

Вообще скрытая, неявная тяга нашего руководства во все времена к Германии, достойна особого интереса и отдельного разговора (может вообще всё идёт с Екатерины 2-й?).

Но вернёмся к несостоявшейся Мировой революции, вернее, к её идее, ибо сама идея ещё жива. Но что в реальности имели большевики осенью 1923 года? Три попытки вооружённым путём устроить революции в Польше, на севере Персии и в Германии закончились полными провалами. Безусловный лидер всех коммунистов и главный идеолог Мировой революции Ленин выпал из обоймы, глубоко болен и вряд ли оправится, что очень хорошо понимают российские большевики. НЭП набирает обороты, граждане отъедаются, приобретают повседневные вещи, коих были лишены за последние голодные годы, появляются новые «советские» богатеи, сорящие совденьгами в новых казино ... За что боролись? Уныние и растерянность поражают ряды новых советских идейных чиновников, партийных лидеров, пропагандистов. *Что делать?*

Эдуард Багрицкий, недавно перебравшийся в Москву, в центр будущей Мировой революции, с болью, но и с надеждой выражает эту растерянность в стихотворении

³⁴³ <http://militera.lib.ru/research/bezymensky3/o2.html>

³⁴⁴ Германская Демократическая Республика.

³⁴⁵ Лев Безыменский. «Гитлер и Сталин перед схваткой».

«Коммунары». Странно, нашёл к кому взывать революционно настроенный поэт – к тем, кто почил уж 130 лет назад, к тени Марата? Нет больше «барабанщиков предместий» Парижа. И французы уже не те! Париж уж шестой год празднует свою победу над бошами в Мировой войне и не может остановиться. Ведь захваченные почти 50 лет назад провинции Эльзас и Лотарингия опять вернулись под французский триколор. Шампанское льётся рекой, пары в дансингах отплясывают новомодные американские фокстрот и чарльстон. Дух этого праздника и послевоенной беспечности хорошо передал в двух повестях Эрнест Хэмингуэй, вспоминая свой парижский период жизни.

КОММУНАРЫ**Э. Багрицкий**

....

Ложатся пули ближе, ближе —

И вот (благословенный день!)

Летит по мёртвому Парижу

Кровавая Марата тень.

...

О барабанщики предместий,

Пусть будет яростней раскат.

Научит вас науке мести

Из гроба вышедший Марат.

...

О барабанщики предместий,

Когда же среди гулких плит

Ваш голос ярости и мести

Вновь над Парижем прогремит?

Когда ж опять предместье встанет

И заклоочет в ночь набат,

Когда ж огонь ружейный грянет

С воспламенённых баррикад?

Когда ж суровой и бесстрашной

Вы первый сделаете шаг,

Когда ж над Эйфелевой башней

Пылающий взовьётся флаг?

1923 г.

И «Кровавая Марата тень» в этом празднике совсем неуместна, и не так уж кровава. Другие интересы в мире, другие отношения выстраиваются, другие заботы обременяют людей в Европе. Мирной жизни хотят вчерашние враги.

Никогда уже не взовьётся над Эйфелевой башней «пылающий флаг» «барабанщиков предместий», красное полотнище, символ французской и Мировой революции. Это Багрицкому и другим мечтателям просто привиделось.

Смерть Ленина

Ожидаемая смерть Ленина (пришедшаяся на морозный январь 1924 года) вносит кроме всего прочего и чисто бытовые проблемы в общественную жизнь, которые (как и любая мелочь у нас) становятся неизбежно политическими – как и где хоронить тело и хоронить ли вообще? Напомню просто для сравнения, что Маркс погребён на Хайгейтском кладбище в Лондоне обычным образом среди прочих могил, возможно по еврейскому обряду. А вот останки его друга и соратника не нашли покоя -- согласно завещанию самого Энгельса его тело было кремировано, а прах развеян с мыса Бичи-Хед в Англии.

Но что делать с Лениным? На Новодевичьем кладбище среди других? Кремировать и рассеять прах над Москва-рекой? Вопрос становится политическим. Совсем не всё равно для социалистической страны, где и каким образом будет покоиться её создатель и вождь мирового пролетариата.

Начались обсуждения на самых разных уровнях. Говорят, что после того, как здоровье Ленина вновь резко ухудшилось, идею бальзамирования

впервые высказали Калинин и Сталин на совещании высших советских руководителей ещё в конце 1923 г. Почти все остальные руководители высказались против.

Так, Троцкий, как последовательный атеист и враг церкви, подчеркнул, что бальзамировать останки Ленина — это значит под коммунистическим флагом воскресить практику русской православной церкви поклонения мощам святых угодников. Бухарин негодовал, доказывая, что делать из останков Ленина бальзамированную мумию — это оскорбительно для его памяти и совершенно противоречит ленинскому материалистическо-диалектическому мировоззрению.

Такер пытается сформулировать главный мотив настояния Сталина на мумификации, а именно, что эта причина

«... связана со значением Ленина в жизни Сталина. Когда Сталин в молодости начал отождествлять себя с Лениным, взяв его за образец героя в революционном движении и намереваясь стать его боевым товарищем, он сформировал для себя собственный культ личности, ставший главной осью, вокруг которой вращался весь его внутренний мир. Это был двойной культ, при котором Ленин и Сталин как два прославляемых вождя оказывались неразрывно связанными с исторической судьбой русского коммунизма. Следовательно, взяв на себя инициативу в деле создания народного культа умершего Ленина, Сталин выразил глубоко скрытые мысли и (возможно, подсознательно) подготовил почву для будущего культа второго вождя.»³⁴⁶

Что ж, будущий «вождь» заглядывал, как и положено, на много лет вперёд. В итоге, пользуясь своим весом генсека, Сталин продавливает своё и Калинина мнение, и в итоге решают гроб с телом установить в склепе, сооружённом у кремлёвской стены на Красной площади, с тем, чтобы дать всем советским людям, кто не смог прибыть в Москву в день похорон, возможность проститься с вождём, а также сделать доступным для посещения советским народом, видимо, и в любое время.

И всегда. И через три дня после смерти вождя Президиум ЦИК СССР принимает постановление:

«Идя навстречу желанию, заявленному многочисленными делегациями, и обращениям в ЦИК Союза ССР и в целях предоставления всем желающим, которые не успеют прибыть в Москву ко дню похорон, возможности проститься с любимым вождём, Президиум Центрального Комитета Союза ССР постановляет:

- 1. Гроб с телом Владимира Ильича сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения.*
- 2. Склеп соорудить у Кремлёвской стены, на Красной площади среди братских могил борцов Октябрьской революции».*

26 января II Всесоюзный съезд Советов утверждает это постановление. Срок, на который устанавливается склеп для доступа, не оговаривается. Значит — навсегда. Следует череда постановлений. День смерти объявляется ежегодным днем траура;

³⁴⁶ Роберт Такер. «Сталин. Путь к власти».

Петроград становится Ленинградом; во всех крупных городах надлежит установить Памятники; учредить Институт В.И. Ленина и подготовить массовое издание его сочинений на различных языках, и другие увековечивающие его имя мероприятия. Надо сказать, что к тому времени у кремлёвской стены уже существует некрополь борцов за революцию, начало которому положили братские могилы - захоронения красногвардейцев, погибших при штурме Кремля в октябре 1917 г. Там же уже находится могила Свердлова. А идёт середина зимы.

Зиновьев радуется в статье в «Правде»:

«Как хорошо, что решили хоронить Ильича в склепе! Как хорошо, что мы вовремя догадались это сделать! Зарыть в землю тело Ильича — это было бы слишком уж непереносимо».

«Со временем, - продолжал он, поблизости вырастет музей Ленина, и постепенно вся Красная площадь превратится в «Ленинский городок», и в грядущие десятилетия и века сюда начнётся паломничество сотен миллионов людей не только со всех концов России, но и со всего мира.».

В последнем он угадал, но только в отношении наших людей.

Аккурат к 1924 году харьковский анатом Владимир Воробьёв разработал концепцию и практические методы сохранения тел и органов умерших. Он и биохимик Борис Збарский бальзамируют тело Ленина и помещают в быстро сооружённый деревянный мавзолей в

Первый деревянный мавзолей.

виде ступенчатого зиккурата. (В 1934 году Воробьёв и Збарский награждаются орденами Ленина «за исключительные заслуги в деле сохранения тела В. И. Ленина»). Из соратников на церемонии похорон не присутствует только Троцкий, находящийся на лечении в Абхазии. Потом будут говорить, что Сталин ему телеграфировал «похороны будут в субботу», и Троцкий не поехал, не успевал физически, но потом перенесли на воскресенье, и на воскресение он успел бы приехать.

(Наглядный пример аппаратной игры генсека - нужной телеграммой вносится нужный компрометирующий эпизод в биографию политика-соперника.)

Однако, весной при потеплении потребовались дополнительные работы по бальзамированию, и одновременно принимается решение построить долговременный мавзолей тоже из дерева к концу лета этого же года. Архитектор Алексей Щусев, назначенный главным по проекту, также останавливается на очень простом по форме относительно невысоком ступенчатом квадратном в основании зиккурате по типу месопотамских с плоским верхом, увенчанном небольшим портиком. Но при этом предусмотрен важный элемент – верхние трибуны, на которых новые вожди могли бы возноситься над новыми подданными и с которых могли бы вещать и проповедовать внимающему народу вокруг саркофага, отчего их речи неизбежно приобретали бы весомость, непогрешимость и отблеск славы основателя Страны Советов. Такое на Руси – трибуны на могиле, будет впервые.

Сам Щусев говорил: *«Я искал аналоги во всей истории архитектуры. Форму пирамид для Мавзолея на Красной площади я нашёл неподходящей. "Ленин умер, но дело его живёт" — вот, мне казалось, та идея, которая должна быть выражена в архитектуре его Мавзолея. Исходя из этого, я создал композицию ступенчатого памятника.»*³⁴⁷

Работы по возведению 2-го деревянного мавзолея.

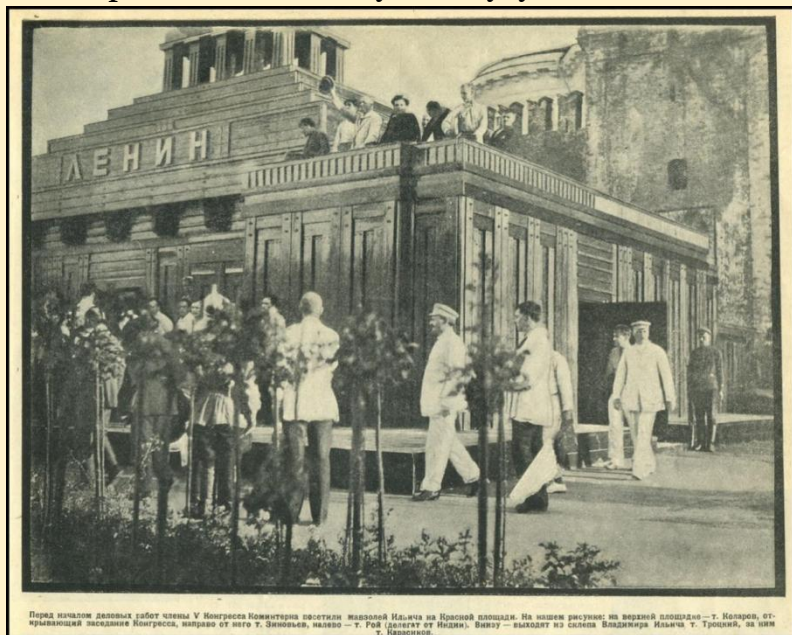
Появление мавзолея с забальзамированным телом, к почтительному созерцанию которого открыт доступ любому, стало новым явлением историко-культурологического свойства для страны и народа. Ранее таких усыпальниц на Руси не бывало, если не

³⁴⁷ Абрамов А. Правда и вымыслы о кремлёвском некрополе и Мавзолее. — М.: Эксмо, Алгоритм, 2005.

считать нетленные мощи православных святых, таких, как, скажем, Сергия Радонежского в Сергиевом Посаде, но тела которых не забальзамированы, а сохраняют нетленность в силу святости этих подвижников. И ещё, если не считать забальзамированного в 19-м веке тела великого учёного-хирурга Николая Пирогова, правда с разрешения церкви и, видимо, его самого при жизни (до сих пор оно находится в церкви-некрополе рядом с его бывшим имением в Винницкой области Украины).

Сразу же в этом году Маяковский сочиняет поэму «Владимир Ильич Ленин», верноподданническую по духу:

Второй мавзолей, тоже деревянный. Уже кто-то машет кепкой подданным.

«Время —
начинаю
про Ленина рассказ.
Но не потому,
что горя
нету более,
время
потому,
что резкая тоска
стала ясною
осознанною болью.

Время,

снова

ленинские лозунги

развихрь.

Нам ли

растекаться

слёзной лужею, —

Ленин

и теперь

живее всех живых.

Наше знание —

сила

и оружие...».

Демонстрации во время похорон Ленина.

Ну и конечно за освободившийся первый пост в государстве схлёстываются Троцкий, Сталин, Зиновьев...

Сталин выступает с очередным докладом и обращается

« ... к легенде об особой роли тов. Троцкого в Октябрьском восстании. Троцкисты усиленно распространяют слухи о том, что вдохновителем и единственным руководителем Октябрьского восстания являлся тов. Троцкий". Сам тов. Троцкий, систематически обходя партию, ЦК партии и Ленинградский комитет партии, замалчивая руководящую роль этих организаций в деле восстания и усиленно выдвигая себя, как центральную фигуру Октябрьского восстания, - вольно или невольно способствует распространению особой роли тов. Троцкого в восстании. Я далёк от того, чтобы отрицать несомненно важную роль тов. Троцкого в восстании. Но должен сказать, что никакой особой роли в Октябрьском восстании тов. Троцкий не играл и играть не мог, что, будучи председателем Петроградского Совета, он выполнял лишь волю соответствующих партийных инстанций, руководящих каждым шагом тов. Троцкого.»³⁴⁸

Внутрипартийная склока в разгаре, и в этот момент Маяковский публикует, как уже говорилось, свою поэму «Владимир Ильич Ленин», где упоминает в момент восстания и того, и другого претендента на первую скрипку во власти:

³⁴⁸ И. Сталин. Об оппозиции. Статьи и речи 1921-1927 гг. М.-Л. 1928, стр. 103- 104.

«От гуда

дрожит

взбудораженный Смольный.

В патронных лентах

внизу пулемётчики.

— Вас

вызывает

товарищ Сталин.

Направо

третья,

он

там. —

— Товарищи,

не останавливаться!

Чего стали?

В броневики

и на почтамт! —

— По приказу

товарища Троцкого! —

— Есть! —

повернулся

и скрылся скоро,

и только

на ленте

у флотского

под лампой

блеснуло —

«Аврора».»

Обычная поэма сервильного характера того времени, однако Бенедикт Сарнов обращает внимание на то, что

«Строка Маяковского - «Вас вызывает товарищ Сталин!» в этой накалённой обстановке острейшей внутрипартийной борьбы обрела совершенно особый и крайне актуальный политический смысл. И Сталин не мог этот её смысл не оценить. Этой строкой Маяковский словно бы подал ему сигнал: дал понять, на чьей он стороне в том судьбоносном противостоянии!»

Но помимо этого, очевидного, у Сталина были ещё и свои личные, не всем понятные, но для него весьма важные причины, чтобы не просто оценить эти строки Маяковского, но воспринять их как неожиданный и в ту пору необычайно ценный для него подарок.

Дело в том, что 25 октября, в тот роковой день, повернувший судьбу страны ..., Сталина в Смольном не было. Объяснить этот загадочный факт пытались многие историки Октябрьского переворота.»³⁴⁹

(Мне кажется, вряд ли поэт упоминает имя Сталина, намеренно, с умыслом угодить. Просто в те годы естественно считалось, что все сегодняшние вожди революции были в Смольном и руководили восстанием. А где же ещё им быть!). Действительно, факт странный и неоспоримый, даже в упомянутом репортаже Джона Рида об октябрьском восстании Сталин, как действующее лицо не упоминается ни разу, в отличие от многочисленных других. Сарнов добавляет:

«Книга Джона Рида, так высоко оценённая Лениным за ее точность и правдивость, была изъята, запрещена. Значит, всё, о чем говорилось в этой книге, было правдой. И значит, Сталин - вот это и было самое главное - этой правды боялся».

Зачем же Маяковский упоминает его, что он в тот день – **«работает»** в Смольном, дверь **«направо третья»**? Да ещё кого-то вызывает! Исторический вывих. И Сталин не мог не оценить этот вывих. И запомнил его и Маяковского. (Возможно именно благодаря ему ЛБ и оказалась единственной, вычеркнутой им из расстрельного списка в 37 году и потому уцелевшей. «Не будем трогать жену Маяковского.», якобы сказал он. Хотя в эти списки она попала именно как законная жена осуждённого красного военачальника Виталия Примакова, «подельника» Якира и Тухачевского.)

А в самой поэме (после высылки Троцкого в 1929 году) цензурой вычищается строчка с упоминанием Троцкого, и получилось, что «... Приказ: «В броневики и на почтамт!» исходит теперь не от «товарища Троцкого», а от «товарища Сталина». И флотский отвечает «Есть», выполняя распоряжение не Троцкого, а Сталина. И вообще во всей этой сцене есть теперь только один человек, отдающий распоряжения и приказы, которым все должны подчиняться. И человек этот - Сталин.»³⁵⁰

Получается, Маяковский – один из невольных создателей культа Сталина?

История с упоминанием имени будущего диктатора в этой поэме не закончилась просто так. Сарнов пишет о Сталине, что:

³⁴⁹ Бенедикт Сарнов. «Сталин и писатели. Сталин и Маяковский».

³⁵⁰ Там же.

«... у него были на Маяковского свои виды.» и приводит мнение мемуариста Льва Горнунга: «Говорили мне, что поэмы «Хорошо!» и «Владимир Ильич Ленин» очень понравились наверху и что было предположение, что Владимир Владимирович будет писать такие же похвалы и главному хозяину. Этот прием был принят на Востоке, особенно при дворе персидских шахов, когда придворные поэты должны были воспевать их достоинства в преувеличенно хвалебных словах...»³⁵¹.

Но по разным причинам Маяковский не стал придворным аллилуйщиком. Может, просто не успел.

Культ Ленина. Борьба в политбюро

Посмертный культ Ленина волнами расходится по стране. Иностранец Такер так описывает удивительный для него феномен:

*«Толпы правоверных или просто любопытствующих текут с тех пор ежедневно нескончаемым потоком мимо стеклянного гроба, и на Красной площади длинные очереди терпеливо ждущих людей стали привычной картиной во все времена года. Когда в 1929 г. сооружение из дерева заменили мавзолеем из гранита, культ Ленина прочно вошёл во все сферы советской общественной жизни. Институт В.И. Ленина готовил к печати собрания сочинений и проводил исследование его трудов, которые цитировались, подобно Священному Писанию, для обоснования идей по бесчисленным проблемам. Жизнь и деятельность Ленина стали темой великого множества книг, с которыми знакомились советские люди уже в первые школьные годы. Всюду ставились его портреты, статуи, бюсты. По словам иностранцев, много путешествовавших по России во второй половине 20-х годов, даже в крестьянских избах можно было встретить дешёвую репродукцию портрета Ленина, нередко висевшую рядом с иконами. Появился Музей Ленина, а «ленинские уголки» стали неотъемлемой принадлежностью любого советского учреждения — будь то школа, или деревенская изба-читальня...»*³⁵²

Множество исследователей пытались объяснить возникновение при советском коммунизме культа Ленина. Как так могло получиться — стране победившего марксизма, где абсолютно во всех сферах жизни господствует только классовый и научный подход (что на практике получилось одно и то же) вдруг возникает потребность массового, почти истерического ритуального поклонения (а это и есть культ) одному человеку, хотя и вождю, хотя и очень большому умершему вождю.

Глубоко не вдаваясь в суть проблемы, западная наука предложила ряд объяснений. Одни учёные полагали, что большевистское руководство действовало, исходя из соображений практической политики. Создавая культ усопшего вождя, оно

³⁵¹ Лев Горнунг. «Встреча за встречей. Из дневниковых записей.» В кн.: «Воспоминания о Борисе Пастернаке».)

³⁵² Роберт Такер. «Сталин. Путь к власти».

будто бы стремилось укрепить ещё молодую советскую власть среди населения, состоящего преимущественно из крестьян и привыкшего к отеческому правлению царя. Так вот вам новый царь! И в этом, конечно, никакого марксизма нет.

Такер также сам пытается дать объяснения:

«... общественный строй, руководимый людьми, воспитанными в духе марксистского рационализма, вобрал в себя отдельные элементы древней русской культуры, и прежде всего присущую ей религиозность. С этой точки зрения культ Ленина с его священными символами и тщательно разработанным ритуалом представлялся соединением некоторых элементов византийской традиции и обычаев греческого православия с советским коммунизмом, а Сталин (марксист Востока и продукт греческой православной семинарии Тифлиса) — основной действующей силой данного процесса.»³⁵³

И здесь тоже никакого марксизма нет. Что же это за общественный строй, созданный большевиками за 7 лет революции, допускающий такое совершенно религиозное почитание?

Андрей Синявский также поясняет феномен:

*« ... Почти все лозунги Революции заимствованы из Библии, но так заимствованы, что и Библии нет, и Бога отменили, а прекрасные слова остаются: «Мир — хижинам, война — дворцам», «У пролетариев — нет отечества». Ведь последняя максима «у пролетариев нет отечества» (и, соответственно: «пролетарии всех стран, соединяйтесь») — это переделанная на новый лад известная христианская формула: «нет ни эллина, ни иудея» — перед лицом Бога, перед лицом новой религии... Можно было бы написать большое исследование о словесных совпадениях и заимствованиях на тему: «Коммунизм и Библия», поскольку и коммунизм, и революция пытались воплотить в жизнь высшие запросы, содержащиеся в душе человека, и коренным образом переделать мир, отменив всю предшествующую историю человечества как неправильную и несправедливую. Коммунизм входит в историю не только как новый социально-политический строй и экономический уклад, но и как **новая великая религия**, отрицающая все другие религии. В её предвестии Пётр Верховенский говорит в «Бесах»: «Тут, батюшка, новая религия идёт взамен старой, оттого так много солдат и является...»³⁵⁴.*

Неизвестно, при чём здесь солдаты, может Достоевский имеет ввиду, что для насаждения новой религии потребуется много насилия?

(Здесь нужно чуть отступить от погребальных забот новых вождей и обратить внимание на очень существенную особенность в нашей недавней советской истории. Ведь всю дорогу нам твердили о научности нового социального учения — марксизма-ленинизма, о закономерностях классовой борьбы, о неизбежности пролетарских революций во всех развитых странах и т.д. Большевики даже ввели новые дисциплины в вузах - «Научный коммунизм», «Марксистско-ленинскую философию», даже

³⁵³ Там же.

³⁵⁴ Андрей Синявский. «Основы советской цивилизации».

«Марксистско-ленинскую эстетику», и даже основывают в 1931 году «Институт Марксизма-Ленинизма» на основе объединения Института К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК (в 1921) и Института В. И. Ленина при ЦК ВКП (б) (1923), где высоколобые дядьки почти 70 лет занимались только тем, что «научно» обосновывали неизбежность наступления коммунизма во всем мире. Сказал же Ленин: *«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно»*. И здесь хотелось бы ещё раз заострить очевидную мысль - ничего подобного их ожиданиям не произошло. Не случился коммунизм ни в самых развитых капстранах, ни в неразвитых, а в нашей стране явилась страшная пародия.

При этом каждый будущий «вождь» на самом деле **руководствуется только сиюминутными задачами** и личным видением ближайшего будущего, усматривает впереди для себя, а значит и для страны, именно свою перспективу: Троцкий – свою, Сталин – свою, Хрущёв – и т.д. И каждый понимает мир и место страны в нём в силу своей ограниченности, образованности (если она есть), и потому то шараханье и «зигзаги» становятся правилом. И каждый корёжит страну под себя ... И народ послушно и радостно идёт по очередному зигзагу.

Так что в 1924 году, та революция и предстоящая жизнь страны, как её представлял, планировал и организовывал Ленин, и как даже прописывалось в буквально только что принятой Конституции Советского Союза, -- эта ленинская фаза закончилась. Он делал историю страны под себя, под своё видение ситуации и под своё понимание. Не заглядывал он ни в какие учебники, предписывающих что и когда делать в революцию и после неё, что сейчас, что потом ... и вот оно -- здание нового мира - стоит и сверкает, правда, на ватмане, начерченное якобы по непреложным законам и незыблемым планам! Бери и строй!

Но всё время что-то будет мешать - то несознательные крестьяне, то кулаки, то враги народа подкапывают, то шпионы, то империалисты собираются напасть ... и каждая проблема конкретна и сиюминутна и решается по усмотрению того, кто именно сейчас у штурвала истории.

И вот потому мы непрерывно скачем по ухабам нашей истории - продрозвёрстка и голод, коллективизация и голод, индустриализация и репрессии, дружба с Германией и война с Германией, дружба с англосаксонским миром и холодная война с ними же, дружба с Америкой и сползание к атомной войне с ней же, дружба с Китаем и бои за Даманский остров с ними, создание вместе с восточно-европейскими «друзьями» Варшавского договора и ввод танков в туда же в Венгрию и Чехословакию, война со стилистами и фарцовщиками и тут же невероятные поэтические вечера в Политехническом, война с диссидентами и ввод «ограниченного контингента» советских войск в Афганистан, разрешение частнохозяйственной деятельности в кооперативах и тут же массовая вырубка столетних виноградников в традиционных винодельческих регионах Союза... то есть как вождя попадёт очередному большому начальнику. И на всех этих кочках никто и не вспоминал – а что там говорится об этом в наших толстых «научных» учебниках по марксизму? А ничего там не говорилось о коммунистической жизни в России... Призрак коммунизма пошутил. И улетел. «Проверка это, господа. Проверка ...», как сказал актёр Бубенцов перед смертью в известном фильме.³⁵⁵

³⁵⁵ «О бедном гусаре замолвите слово», реж. Эльдар Рязанов, сценарий Григория Горина.

Проверила нас история. На зрелость. Не прошли проверку. Но зато весело мы жили, штормило постоянно. Берегов мы и наши начальники не знали ...).

Очередные мечты. Дворец Советов (проект Бориса Иофана, победителя конкурса). Советские самолёты летят клином ! *Вот, в частности, примерно таким представлялось близкое будущее нашим кремлёвским мечтателям.*

В начале 30-х годов был объявлен закрытый, а затем открытый международный конкурс на создание проекта Дворца Советов, который должен был поражать воображение всех людей своими гигантскими размерами, роскошью отделки и символизировать победу социализма, его мощь, силу и неограниченные возможности. Вместе с венчающей его стометровой статуей Ленина высота здания должна была составить 415 м (в три раза выше, например, пирамиды Хеопса).

Также символично, что строить его предполагали на месте взорванного только что Храма Христа Спасителя – одного из архитектурных символов побеждённой старой эпохи, старого мира. Неизвестный художник изобразил толпы людей, видимо, делегатов очередного съезда Советов, стекающих к пропилеям Дворца. Аэропланы и дирижабли бороздят воздушные просторы на нем.

Некоторые из них сбиваются зачем-то в журавлиные клинья. Пафос коммунизма бьёт через край. Но это – плакатная пропаганда, картон. В реальной нашей жизни всё было прозаичнее и обыденнее.

И вернёмся к этой реальности.

Ещё гораздо ранее, в связи с потерей Лениным дееспособности, в политбюро назревает **новый фронт** – Иосиф Сталин, скромный генсек (в общем-то техническая должность в партии) с 2-летним стажем партийно-административной работы на высшем посту и никакими заслугами не обременённый (даже не понятно, оказывается, был ли он в Смольном во время октябрьского восстания), один из виновников провала наступления на Варшаву, с одной стороны,

и Лев Троцкий, с другой стороны, политический и практический тяжеловес, непосредственный организатор с лета по октябрь 1917-го самого октябрьского восстания в Петрограде (пока Ленин прятался от милиции-полиции Временного правительства по конспиративным квартирам), он же – фактический организатор и вдохновитель создания Рабоче-Крестьянской Красной Армии с нуля, он же – наркомвоенмор в новой Республике, Председатель Реввоенсовета Республики (т.е. фактически Главнокомандующий вооружёнными силами). Он же – главный оратор на всех митингах, и он же – друг советских поэтов, как это ни странно, и т.д. и т.п. ... Влияние необычайно энергичного Троцкого на умы молодого и активного населения страны огромно.

Алан Буллок добавляет к характеристикам Троцкого:

«Ныне к талантам идеолога и оратора прибавилась ещё и слава Создателя Красной Армии, а затем и «организатора победы» в Гражданской войне. Для Сталина, человека тщеславного, вдобавок отягощённого навязчивым комплексом неполноценности, такое возвышение Троцкого было невыносимо и ещё более усугублялось тем фактом, что сам Троцкий Сталина как своего соперника всерьёз не воспринимал.»³⁵⁶

Последняя фраза здесь может быть очень важна для дальнейшего понимания того, почему же Троцкий в итоге проигрывает аппаратно-политические игры сравнительно малоопытному генсеку. Недооценка противника в таких играх – непозволительна.

Буллок резюмирует: *«Прирождённый лидер, несмотря на свои слабости, игравший в годы Октябрьской революции и Гражданской войны роль едва ли не равную роли Ленина, интеллектуал и талантливый оратор Троцкий во всех отношениях был гораздо выше Сталина.»³⁵⁷*

Да, Троцкий по очкам явно вырывается вперёд, кроме одного фактора- стажа в «партии»: Сталин – в деле почти с самого начала, с 900-х годов, Троцкий – только с лета 1917 года (до этого - меньшевик).

Вообще же явное (а не скрытое, как об этом упоминает ещё Бек, см. выше) противоборство этих двух бобров начинается по крайней мере с первых лет Гражданской войны, с обороны Царицына (по поводу привлечения к командованию РККА военспецов из бывших) и особенно с проигранной Польской кампании, когда

³⁵⁶ Alan Bullock. Hitler and Stalin. Parallel Lives.

³⁵⁷ Там же. Дословно «a born leader, however flawed; second only to Lenin in the part he had played in the October Revolution and the Civil War, with natural powers as an intellectual and speaker which Stalin could never match.»

Сталин решает вести свою игру военачальника, но в конце концов его отзывают с фронта навсегда (см. стр. 307).

Но теперь со смертью Ленина бывшие соратники Троцкого как-то ополчаются на него (возможно общая усталость от его неутомимости и трескотни и вообще от революции, а в стране – нэп, относительная сытость, развлечения, совсем другая стихия, «разложение нравов», казино, гражданская война как-то отодвигается в прошлое), и он начинает терять влияние, особенно в контроле над армией. Начинаются перестановки и рокировки, и шахи ...Особенно в военной сфере. (А ведь партийными кадрами заведует сейчас именно секретарь Сталин!)

Так, например, Тухачевский, командующий прежде Западным фронтом, переводится на должность помощника начальника штаба РККА в Москву. Фрунзе назначается заместителем Предреввоенсовета, в январе 24 -го года смещается начальник политуправления Армии Антонов-Овсеенко, заменённый на Андрея Бубнова. Троцкий чувствует, что его теснят новые герои. Меняются формулировки в политических документах, так одну из тем (традиционную в течение нескольких лет) обязательной политучёбы бойцов Красной Армии «Товарищ Троцкий — вождь Красной Армии» (что является правдой) Сталин требует заменить на «Реввоенсовет — вождь Красной Армии», что звучит по крайней мере нелепо.

Одновременно вперёд выдвигается близкий соратник Ленина по европейской эмиграции и по скрыванию в Разливе Григорий Зиновьев, который волею обстоятельств выступил на двух подряд съездах РКП(б) с Политическим докладом, и потому фактически (по молчаливой традиции) претендует на роль основного преемника Ленина. Сталин предпочитает пока что оставаться на вторых ролях, и потому коллективная «тройка» Зиновьев-Каменев- Сталин ещё не рушится.

Однако ещё летом 23 года с отдыха на юге Зиновьев пишет Каменеву в Москву о своих опасениях относительно возможного диктата Сталина. Он предостерегал, что не собирается прикрывать «эти свинства», имея ввиду диктаторские наклонности генсека, и что в действительности в партии нет никакого коллективного руководства и «нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина»:

*«Если партии суждено пройти через полосу (вероятно, очень короткую) единодержавия Сталина – пусть будет так. Но прикрывать эти свинства я, по крайней мере, не намерен [...] На деле нет никакой тройки (Зиновьев имел в виду себя, Каменева и Сталина. – О. Х.), а есть **диктатура Сталина**. (выделено мной.- ЮП). Ильич был тысячу раз прав. Либо будет найден серьёзный выход, либо полоса борьбы неминуема.»³⁵⁸*

Очень интересно здесь то, что, пожалуй, впервые кто-то прямо называет поползновения Сталина на власть единодержавием и диктатурой. А не таков ли сам Зиновьев? Да и другие?

Между тем выдвижение самого Зиновьева и его амбиции приводят лишь к тому, что основной мишенью для сторонников всё ещё опасного Троцкого становится сам Зиновьев. Сталин же предпочитает лавировать на случай, если Троцкий каким-то чудом умудрится победить. На этом этапе Сталин позиционирует себя, как «умеренного», и

³⁵⁸ Олег Хлевнюк. «Сталин. Жизнь одного вождя».

даже сдерживает особо «кроважанные» требования Зиновьева (так, в январе 1924 года Зиновьев требовал арестовать Троцкого, как предположительно подготовляющего «бонапартистский» военный переворот).

По выражению историка Михаила Восленского³⁵⁹, смысл борьбы за власть в 1920-е — 1930-е годы был в том, что «коммунисты по убеждению сменились коммунистами по названию», (на ум приходит церковный термин «обмирщение» коммунистов по аналогии с обмирщением оступившегося священства). Ничего особенного. Просто грызня. Личные амбиции.

Действительно, забыто, за что воевали и за что сидели в Сибири, за какие цели погибли товарищи, на повестке дня совсем другое — власть и неудовлетворённые личные амбиции. А в борьбе за власть пригодятся и компроматы друг на друга — кто-то когда-то не то сказал, не то написал, кто-то слишком поздно назвал себя большевиком, кто-то когда-то не того поддержал ... И понеслось!

И эта война компроматов, запущенная Троцким, обрушивается на него же, нанеся вред его авторитету гораздо болезненнее, чем опять объединившимся на время «триумвирам». Более того, в январе 1925 года в ходе пленума ЦК Зиновьев и Каменев требуют исключить Троцкого из партии. Сталин, продолжая свою линию борьбы, предлагает наоборот — не только не исключать Троцкого, но даже оставить его в ЦК и Политбюро, правда, лишив его, на всякий случай, ключевых военных постов — наркомвоенмора и предреввоенсовет, выдвинув претендентами на эти посты Михаила Фрунзе, Климента Ворошилова, Михаила Тухачевского. Как потом говорил сам Троцкий, его даже устроил этот демарш соратников, т.к. снимал с него подозрения в подготовке «бонапартистского» военного переворота. Он скромно просит ЦК направить его на хозяйственную деятельность, и его товарищи на ближайшем пленуме ЦК назначают Троцкого на ряд второстепенных постов: главным комитета по концессиям, главным при ВСНХ³⁶⁰ по качеству продукции, председателем Электротехнического комитета.

Наверное, это было смешно даже самым участникам петушинных боёв. Пока смешно. Генсек же всё мотал на свой ус. При всём при этом необходимость и неизбежность мировой революции признавалась всеми как Троцким, Зиновьевым и Каменевым, так и Сталиным, который ещё в апреле 1924 года утверждал, что

«Свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране ещё не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма — организация социалистического производства — остаётся ещё впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране, без совместных усилий пролетариата нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны — об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской, как Россия, уже недостаточно, для этого необходимы усилия

³⁵⁹ Михаил Восленский. «Номенклатура». О номенклатуре в СССР.

³⁶⁰ ВСНХ — Всесоюзный совет народного хозяйства.

пролетариев нескольких передовых стран. Поэтому развитие и поддержка революции в других странах является существенной задачей победившей революции.»³⁶¹

Всё это говорилось, повторяюсь, в апреле 1924 году. (При этом надо, конечно, иметь ввиду, что многие очевидные факты биографии Троцкого позволяют предположить, что он был бы не меньшим диктатором, чем Сталин, и с не меньшей жестокостью навязывал бы свою волю.)

Тем не менее, несмотря на свою «отставку, Троцкий в октябре 1924 года опубликует статью «Уроки Октября, в которой напоминает о своей роли организатора Октябрьской революции, и в порядке «компромата» напоминает читателям, что Зиновьев и Каменев вообще были против выступления в октябре, а Сталин в нём никакой роли не сыграл. Статья провоцирует так называемую «литературную дискуссию», в которой «тройка» обрушилась на Троцкого со встречным «компроматом», припомнив ему небольшевистское прошлое (до лета 1917-го года) и взаимные перебранки с Лениным до революции.

И Сталин не остаётся в долгу, о чём Алан Буллок пишет :

*«В своей речи 19 ноября 1924 года «Троцкизм или ленинизм?» он не только дал собственную интерпретацию событиям 1917 года, но и обвинил Троцкого в попытке принизить роль Ленина, вдохновитель революции, и партии как её движущей силы, с целью подменить ленинизм троцкизмом. «Задача партии, - заявил Сталин, - похоронить **«троцкизм»** как идеологию.»»³⁶² (похоронена будет им не только идеология, но и сам «идеолог» вполне реально; правда, не скоро).*

Итак, видимо, здесь и изобретается им идеологическое пугало - **«троцкизм»**, чрезвычайно помогшее ему и завоевать власть, и удержать её. Этот один из некоторых хлёстких, страшных сталинских ярлыков вынимался из рукава «вождя» всякий раз и приклеивался ко лбу любого соратника, когда надо было дать понять этому несчастному, что он уже никто на олимпе власти, и что возможно, дни его сочтены (сначала политические). (Потому очень симптоматична и забавна ситуация, когда пытливый советский человек, например, полистает трёхтомник «Энциклопедический словарь», выпущенный у нас в конце 1953 года, и не найдёт статью «Троцкий», но зато легко найдёте статью о страшной идеологии – «троцкизме». Термин есть, а человека, его породившего, нет и никогда не было !!) При этом сам термин «троцкизм» уже мог не иметь к Троцкому никакого отношения. Важно было, только то, что О сам Сталин вкладывал в это понятие. Если же проще, в его понимании троцкизм – это всё, что активно идёт вразрез с его личными методами и целями ...

³⁶¹ Валентинов Н. Построение социализма в одной стране // Наследники Ленина / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский.

³⁶² Алан Буллок. Указ. Соч.

Ленин и Троцкий среди народа. Стоит увеличить фото и взглянуть в окружающие их лица. Кто это?

К середине 1925 году Сталин слегка подковывается теоретически, читая ленинские труды. Он находит некоторые непроработанные мысли «вождя мирового пролетариата» о «**построении социализма в отдельно взятой стране**» и горячо ухватывается за них (не есть ли это первые шаги к авторитаризму?), предлагая на их основе разработать целую доктрину, которая бы определённо указывала всем его соратникам, раздираемыми идейными и личностными противоречиями – в каких конкретно направлениях следует строить социализм и какими средствами. А конкретно на эту тему Ленин писал (правда, очень давно и в эмиграции) следующее:

*«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира.»*³⁶³

Конечно, в других своих работах он говорил о "долгой упорной борьбе социалистических республик с остальными государствами", которая должна была привести, по мнению Ленина, к "свободному объединению наций при социализме", к созданию Соединённых Штатов мира, являющихся "той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом".³⁶⁴

Но теперешнему генсеку здесь больше всего импонируют слова «... **в одной отдельно взятой стране**», а тезисы о международном характере социализма как-

³⁶³ Ленин, «О лозунге Соединённых Штатов Европы», женевская газета «Социал-демократ» в 1915 году.

³⁶⁴ Ленин В.И., Сочинения, 5 изд. Т.26. С.355

Маяковский. Фрагменты поэмы «Владимир Ильич Ленин»

Единица - вздор,
единица – ноль...

Партия -
это миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго.

Партия -
спинной хребет рабочего класса.

Партия -
бессмертие нашего дела.

Партия - единственное,
что мне не изменит.

Мозг класса,
дело класса,
сила класса,
слава класса -
вот что такое партия.

Партия и Ленин -
близнецы-братья.

Кто более
матери-истории ценен?

Мы говорим Ленин,
подразумеваем -
партия,

мы говорим
партия,
подразумеваем - Ленин.

1925

то его не греют (надо же будет с кем-то договариваться, дискутировать открыто, делиться властью!).

Поэтому он говорил ещё в 1917 году:

"Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму ... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь".³⁶⁵ Протоколы VI съезда РСДРП (большевиков). Изд. "Коммунист", 1919.

Т.е. надо понимать - «европы» нам не указ. Или иначе в более вольном изложении - ни с кем делить свою будущую власть я не намерен. (А ведь действительно – победи революция в богатой пролетарием промышленной Германии в 1919 году, или в 1923, - и весь европейский революционный центр конечно бы переместился в Берлин, в руки немецкой компартии, и конкретно в руки Карла Либкнехта и Розы Люксембург, или Эрнста Тельмана, а Москва, столица крестьянской России осталась бы навсегда европейскими задворками... А может не даром именно в Берлине оказался в дни поражения германских коммунистов в 1919 году, например, «наш» товарищ Карл Радек? Что он там делал?).

По поводу этого животрепещущего теоретического вопроса, акцентируемого Сталиным, Буллок пишет: « ... при помощи двойной фальсификации высказываний как Троцкого так и Ленина Сталину удалось добиться резкого противопоставления ленинизма, теперь понимаемого как веру в возможность построения социализма в одной отдельно взятой стране, троцкизму, который преподносился как пораженческая полуменьшевицкая антиленинская линия, тесно связано с авантюристической

³⁶⁵ Сталин, И.В. Сочинения, т.3. С.186-187 .

теорией перманентной революции.»³⁶⁶

Эта «теория» становится для него, Сталина, путеводной почти на протяжении всей его карьеры, особенно в 20-е и 30-е годы... она же становится теоретическим оправданием для всех его авантур. Он стремится замкнуться в одной стране и делать с ней свои эксперименты. И уже в декабре 1924 он выступает против продвигаемой Троцким идеи немедленного распространения революции на Запад – идеи «перманентной революции».

Запад вообще не понятен Сталину и потому пугает его. Не надо туда лезть!

Другие партийные лидеры не довольны изысканиями генсека, ведь каждый стремится в новой ситуации найти своё прочное место в партийной или государственной иерархии, через собственные представления и привлечения своих сторонников, и потому расставляет, где может, своих людей. Так, на XIV съезде РКП(б) в декабре 1925 года Зиновьев заявляет, что сталинская доктрина «отдаёт душком национальной ограниченности», и в пылу партийных склок насаждает свой «клан», своих людей в Петрограде и в Коминтерне. Ну, это не новость, так делает любой аппаратчик, это азбука аппаратных игр. Бухарин фактически единолично контролирует газету «Правда» и Институт красной профессуры. Сталин же, возглавив партийный аппарат, получает возможность продвигать своих назначенцев с особенным размахом и особенно в

губерниях в местных парткомах. Эта тенденция также пугает его соратников. На том же съезде в ходе дискуссии Лев Каменев озабоченно заявляет:

«Эту часть своей речи я начал словами: мы против теории единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя! Этими словами я и кончаю речь свою».

Похоже, Каменев не против самого Сталина, а против вождизма как принципа руководства. Но, наверное, уже поздно. Борьба, конечно, сводится не к тому – кто лучше реализует в социалистической практике, скажем, ленинские принципы партстроительства и государственного строительства, а уже выходит просто на личностный уровень, т.е. на уровень типа «а ты кто такой?». На этом фоне летом 1925 года неожиданно умирает Михаил Фрунзе, только что назначенный (в марте 1924-го) вместо Троцкого Народным комиссаром по военным и морским делам и председателем РВС СССР.

Фрунзе был ещё молод и, вероятно, заслуженно считался самым удачливым воена-

Михаил Фрунзе.

³⁶⁶ Алан Буллок. Указ. Соч.

чальником периода Гражданской войны, с непререкаемым авторитетом. Смерть наступила от общего заражения крови после несложной операции язвы желудка (по другим источникам – двенадцатиперстной кишки). Естественно, сразу появились слухи, что смерть подстроена Троцким, по другим слухам -- Сталиным, который особенно заботливо рекомендовал не тянуть с операцией. Последнее даже нашло отражение в книге «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка. Конечно, сразу воздаются непомерные почести покойному, множество топонимов по стране именуются в его честь, и даже родной ему город Пишпек в Киргизии становится городом Фрунзе.

Также Академия Генерального штаба РККА становится «имени М.В.Фрунзе». Через полгода внезапно умирает от сердечного приступа Феликс Дзержинский, как говорили, после слишком эмоционального выступления на пленуме ЦК. Политическое поле постепенно расчищается для нового витка внутреннего противоборства.

Жизнь общества. Задатки императора.

И пока наверху идут подковёрные бои местного значения, люди продолжают жить, приспосабливаясь к новым условиям нэпа. И в их жизни что-то меняется. Так, в новой стране уже видны ростки нового искусства, где применяются новаторские методы и приёмы, направленные на то, чтобы максимально донести до нетребовательного неискущённого нового зрителя, слушателя, читателя простые эмоции и мысли. Ограничений на формат новых направлений почти нет, кроме одного – любое наше искусство должно служить делу пролетариата и крепить его диктатуру. Например, кино. В 1925 году выходит сборник «Ленин и кино», в котором Луначарский размещает свою статью "Беседа с В. И. Лениным о кино", где и приводит слова вождя:

«Вы у нас слывете покровителем искусства, так вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино».

Но знаем мы об этом только со слов самого Луначарского. И последние слова из этой цитаты стали у нас тиражироваться в виде лозунгов почти на каждом кинотеатре и сельском клубе. Некоторые исследователи, цитирующие наркома просвещения, добавляют фразу «пока народ у нас безграмотен». И действительно, движущиеся картинки на большом экране могут гораздо доходчивее и гораздо быстрее донести до народа мысль и настроение вождей, чем эти не очень понятные буквы, которые ещё и в слова сложить надо. (Кстати, это противопоставление продолжается и до сих пор – и картинки снова побеждают: читают всё меньше, в экран телефона смотрят всё чаще.)

И в этом же году на экранах немногочисленных ещё советских кинотеатров выходит исторический фильм «Броненосец Потёмкин» о восстании матросов на военном корабле в ходе революционных событий 20-й давности. Прокат картины (конечно, немой и чёрно-белой) производит эффект бомбы по силе агитационного воздействия на зрителей. Режиссёрские и операторские новации и хитрости монтажа молодого (27-ми лет) киноавтора Сергея Эйзенштейна впечатлили не только смотрящее население СССР, но и зрительские массы в других странах, закупивших фильм.

«Критики тоже были в восторге: после премьеры они писали хвалебные статьи, наперебой называя фильм «победой советской кинематографии», «произведением современного киноискусства» — список можно продолжать долго. Говорили, что сравниться с «Броненосцем» не может ни одна из голливудских картин, а Сергея Эйзенштейна превозносили до небес — как гения, сотворившего чудо... В 1958 году «Броненосец “Потемкин”» вошел в число 12 лучших фильмов всех времён и народов, в 1978-м он занял первую строчку в списке ста лучших фильмов по опросу киноведов мира.»³⁶⁷

Потрясающий визуальный эффект на тогдашних зрителей произвёл, например, вдруг появляющийся в чёрно-белом кадре флаг красного цвета на мачте судна — это взрыв зрительского восприятия, факт, невиданный зрителями до сего момента. Это явилось результатом производственных новаций — сняли на плёнку белый флаг, а затем изображение флага в каждом кадре вручную раскрасили красной краской!!! Но такое нельзя было осуществить, конечно, для каждой копии, сделали, вероятно, для нескольких самых важных в прокатном отношении.

Театральный режиссёр Всеволод Мейерхольд апробирует на революционном зрителе буйство своих фантазий - конструктивистские декорации, яркую буффонаду, гротеск, биомеханика, чего не видывали ранее. Свобода театральных форм была полная.

Маяковский в 1925 году заканчивает поэму «Владимир Ильич Ленин», встреченная простыми слушателями и критиками по-разному, но, в целом, положительно. Для нас важно, как поэт передаёт отношение того общества, 20-х, к «партии» - что это, как он её ощущает, и даже, скорее, поучает слушателя и читателя? А поэт всегда держит нос по ветру, он пишет то, что видит, он — точный барометр общества, он никогда не врёт, в этом к нему не подкопаешься. А в середине 20-х это был очень важный вопрос — за кого держаться, кто сейчас «вождь» после вождя? Православия нет, самодержавия нет? Что осталось. Стадо без пастуха. И поэт даёт наводку — держись ленинской партии. Партия — это кулак, это ураган, это миллионов плечи, это хребет, это мозг, сила, дело, слава класса, и, наконец, «мы говорим партия, подразумеваем - Ленин». Вот и ответ. А отдельной личности человека и его мнению, рефлексиям Маяковский даёт предельно уничижительные эпитеты — кому ты нужен со своим голосом *«тоньше писка»*, плохо одному, *«горе одному»*, один ты — вздор, один ты -- ноль. Короче — ты, как человек, лично ты, -- никто, пыль, заткнись со своими переживаниями и мнениями и иди к нам, плечом к плечу нас поведут туда, в будущее, где за волшебной дверцей каморки папы Карло нас ждёт мировой коммунистический рай ... И там, утверждает поэт - *«...я знаю, город будет, я знаю саду цвести, / когда в стране советской / такие люди есть»*. Правда, это уже из стихотворения «РАССКАЗ ХРЕНОВА О КУЗНЕЦКСТРОЕ И О ЛЮДЯХ КУЗНЕЦКА». А свои вещи Маяковский писал совершенно серьёзно.

А Евгений Замятин ещё раньше в 1921 -1922 годах в Петрограде пишет анти-утопию «Мы», которая на русском языке впервые публикуется в 1927 году в одном издательстве в Праге и, кажется, без ведома автора. Замятин моделирует то же самое будущее в некой стране, где личности уже нет в принципе, где есть только «мы». Личность уже не нужна, она уничтожена в её духовном понимании, а есть только

³⁶⁷ <https://www.mos.ru/news/item/85296073/?ysclid=lg8x7sw7n6429982196>.

физическая единица человека с его «номером», имени нет. Так автор дневника, который и даёт нам почитать Замятин, имеет номер Д-503 (как похоже по формату на номер Ивана Денисовича Щ-851), и он объясняет нам, его очень далёким диким предкам, что, например, номера для учёта и контроля общества гораздо удобнее буквенных ФИО, которые ещё и склонять надо. А это - лишняя работа. Нерационально. И в дневнике этого номера, мы узнаём, в частности, что в их идеальном Едином Государстве (просто, без названия) всё должно быть предельно рационализировано, вычислено строго по формулам, кибернетизировано, стерилизовано, а для этого все номера (т.е. в прошлом - человеки) должны быть усреднены, не иметь личных желаний и предпочтений, симпатий и антипатий, все должны понимать общую единую цель, и смысл существования полагать в её достижении. Весь день каждого расписан по минутам. Никаких семей, секс в строго отведённое время (тоже по расписанию) и в регламентированном порядке. Рождение детей – по разнарядке, по нормативам. Это в итоге всё очень удобно и комфортно. За нарушения – наказание в виде разложения номера до состояния химически чистой воды. Но правящей партии там нет, как и не правящих, и это естественно, мы все и есть одна партия.

И номер Д-503 горд собой в едином строю этого Единого Государства:

«Мы идём – одно миллионголоное тело, и в каждом из нас – та смиренная радость, какою, вероятно, живут молекулы, атомы, фагоциты. В древнем мире – это понимали христиане, единственные наши (хотя и очень несовершенные) предшественники: смирение – добродетель, а гордыня – порок, и что «МЫ» – от Бога, а «Я» – от дьявола.».

Да, как хорошо, что есть СТАДО, и что мы - в нашем СТАДЕ,

«миллионов плечи,

друг к другу

прижатые туго.».

Удивительные параллели замятинского текста с поэмой Маяковского. Говорят, Маяковский не мог читать этот дневник, но мог слышать о его содержании от знакомых, бывших в Праге.

Замятин боится превращения страны в механистическое сонмище бездушных послушных роботов под благодеемием одного Благодетеля. И противопоставляет им людей из Зелёного леса, свободных до дикости.

Но побеждают человеко-роботы, т.е. партия, МЫ.

А вот Маяковский ничего не боится, он радуется тому, что партия – это «громящий кулак», а отдельный человек – ноль. И он сам тоже, получается. Но поэта такая ситуация устраивает, кажется. Собственно, всё, что нужно знать о советской идеологии – сказано в этой поэме - «Владимир Ильич Ленин». Поэтому то некоторые цитаты из его этих духоподъёмных стихов мы наблюдали в виде аршинных лозунгов на стенах наших зданий по всей стране до конца 80-х.

Между тем в центре театрального события 1926 года - премьеры молодёжного МХАТа-2, постановка (под художественным руководством Станиславского) пьесы Михаила Булгакова «Дни Турбиных», в центре которых - судьбы именно этих единиц, людей-человеков, объединённых лишь одним – одной семьёй, куда входят и друзья (а страны, породившей их уже нет и не будет).

Пьеса достаточно сложная для публики 20-х годов, переделанная драматургом из своего же романа «Белая гвардия».

С севера и востока на них, на их дом и их Киев идёт сила, Марс, и эту силу уже не остановят ни они сами, ни их прежний мир, ни их этот дом, ни их мама (их Королева), ни Петлюра, ни гетман, ни проигравшие войну немцы, уходящие к себе домой, и потерпевшие катастрофическое поражение.

И в старую киевскую квартиру под его зыбкий кров сбиваются осколки старого, блистательного мира, эти полковники, капитаны, поручики с выправкой и позолоченными погонами, с целованием рук даме, с точнейшим пониманием собственного достоинства и субординации, и чести. А завтра им придётся покориться новому миру, придуманному большевиками. Этот цвет русской армии и общества сбился под оранжевым абажуром между двух миров, впервые в жизни не понимая, что делать, какой и куда сделать шаг в следующую секунду, ибо каждый шаг - уже в неизвестность. Старый мир проиграл. Он и они уже ничего не решают. Завтра в дверь войдут комиссары и всё решат за них. Придут, достанут, отсидеться под абажуром не удастся. Или в расход, или в советский строй, плечом к плечу. Или сначала в строй, а затем в расход (такие как Тухачевский, например, и тысячи других). Они, собравшиеся в доме Турбиных, не суетятся, не просчитывают вариантов будущего, не обсуждают свои завтрашние действия по выживанию, как уцелеть, куда бежать. И не обсуждают бежавшего с немцами одного из своих -Тальберга. Они ждут с полным пониманием своей обречённости, своей личной и исторической, что, может быть, ещё горше. Они ведь – элита и опора той России. А сегодня

Маяковский. Фрагменты поэмы «Владимир Ильич Ленин».

...Хочу

сиять заставить заново

величественнейшее слово

«ПАРТИЯ».

Единица! -

Кому она нужна?!

Голос единицы

тоньше писка.

Партия -

это

единый ураган,

из голосов спрессованный

тихих и тонких ...

Плохо человеку,

когда он один.

Горе одному,

один не воин -...

А если

в партию

сгрудились малые -

сдайся, враг,

замри

и ляг!

Партия -

рука миллионопалая,

сжатая

в один

громящий кулак.

1925.

всё, что им остаётся – сидеть под абажуром и ждать. Чего? Неопределённость финала пьесы очень значима, его нельзя додумать, сделать другим.

Чем-то он похож на финал «Вишнёвого сада», только там люди разъезжаются каждый по своим делам, есть динамика, все в движении, значит есть надежда; кроме Фирса. А здесь – движения уже нет. Они заперты. Они все – никуда не едущие умирающие фирсы. За спиной каждого явно чувствуется присутствие смерти. Там, в той тишине, – стук топора, звук лопнувшей струны, «*порвалась связь времён*» (С), здесь – мертвецкая тишина, в которой нет и не будет уже никаких надежд. Разный уровень катастроф. Разные масштабы ломки. Там ломается судьба живших и приходящих в эту усадьбу, имение. Но мы понимаем – все уехавшие из неё будут живы, хотя и не всё у них сбудется. А здесь, на Андреевском спуске, ломается судьба страны, и мы даже не знаем – останутся ли завтра в живых Лариосик, военные чины Турбины, Мышлаевский, фат Шервинский... Офицерство – очень отягчающее обстоятельство их сословия (помня высказывание товарища Лациса).

И по разным свидетельствам можно судить, что мхатовская постановка очень нравилась Сталину, и, говорят, он её смотрел (по разным источникам) от 15 до 20 раз. Более того, когда в 1929 году из-за нападок марксистских ортодоксов-критиков и обвинений в пропаганде белогвардейщины пьесу вынули из репертуаров всех театров, именно «вождь» заступился за неё (но не за Булгакова, он наоборот отказывал практически во всех его просьбах, обозначавшихся в слёзных письмах писателя) и постановки через два года возобновились ещё лет на десять. И все гадали – в чём такое единичное пристрастие «вождя», никогда не слышавшего театралом?

Дмитрий Быков говорит о Турбиных и их друзьях:

«... Они все добрые, славные люди, и в этом-то и есть главная драма. История воздаёт не по делам ... Единственное, что можно сделать в этой ситуации, это героически принять свою участь, не пытаясь её изменить, не пытаясь купить себе новую жизнь, не пытаясь добыть права. Встретиться лицом к лицу с исторической необходимостью, не пренебрегая при этом ни своей честью, ни своим достоинством, встретить со всем сознанием обречённости, со всей гордостью обречённости...»

Сам Сталин в ответном письме к драматургу Владимиру Билль-Белоцерковскому указывал, что пьеса нравится ему, наоборот, из-за того, что в ней показано неизбежное поражение белых. Вероятно, «вождь» смотрит со сложным чувством мести, смешанной с завистью, ему хочется быть частью их, и внешне, и возможно внутренне ... И к концу будущей войны фортуна Сосо Джугашвили всё-таки облачает бывшего скромного семинариста из провинции в белый мундир с блестящими погонами, и на известной фотографии он выглядит торжествующим.

И пока будущий командующий советских писателей Горький крутит ус на итальянских виллах в тяжких размышлениях вернуться в Союз или остаться в Европе, Сталин сам лично конструирует литературную машину новой страны, просеивая творчество советских литераторов через решето вредности и полезности для страны и говорит о пьесе:

«Почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова? Потому, должно быть, что своих пьес, годных для постановки, не хватает. На безрыбьи даже «Дни Турбиных» — рыба. (...) Что касается собственно пьесы «Дни Турбиных», то она не так уж плоха, ибо она даёт больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: «если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав своё дело окончательно проигранным, — значит, большевики непобедимы, с ними,

большевиками, ничего не поделаешь», «Дни Турбиных» есть демонстрация всесокрушающей силы большевизма.»³⁶⁸

Да, понятно, раз уж элита общества, офицерство, эта белая кость, если и не пала ниц перед нами, то уж конечно бездействует в оцепенении, в признании над собой превосходства и власти большевизма. Ну как на такое не полюбоваться лишней раз!

Однако это самоочевидная трактовка не совсем объясняет частого посещения пьесы и просто «любви» к ней «вождя». Есть ещё что-то.

Быков объясняет, почему же именно эта пьеса привлекла аномальное внимание генсека:

«... Да потому, что Сталин был стихийным монархистом, а, может даже не стихийным, а вполне убеждённым...».

Далее он упоминает о возвращении через 20 лет Главнокомандующим в армию при первой же возможности почти тех же самых позолоченных погон для украшения антуража уже не царских, а советских офицеров. И полковники тоже, кстати, вернулись.

Он также вернул понятие русского национального самоощущения, т.е. фактически понятие русской нации (если взять, например, его тост на кремлёвском приеме в мае 1945 года, в течение которого он 5 раз произнёс «За здоровье русского народа»), появилось понятие чести советского (читай русского) офицера. Он вернул, или попытался, всю имперскую идеологию (стоит только послушать его речь по поводу капитуляции Японией - «Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня.», т.е. возвращение территорий бывшей Империи)³⁶⁹. И это всё в нём зрело видимо с юности, и для подпитки мечт требовались такие греющие его притягательные визуальные образы бывшего царского офицерства в этой пьесе. Что ж, так и до введения золотых императорских эполет было недалеко. На это, пожалуй, впервые обратил внимание Андрей Синявский:

«...И вдруг Сталин сказал: «Не забывайте, что мы живем в России, в стране царей. Русский народ любит, когда во главе государства стоит какой-то один человек».

Тогда никто не обратил внимания на эту фразу, и никто не подумал, что на роль императора Сталин прочит самого себя. Но сталинские слова реализовались и притом в невероятных масштабах. Основы единодержавия заложил ещё Ленин. Но Сталин сумел придать ему религиозный и даже мистический оттенок. Из русских традиций он уловил, что царь должен быть грозным, даже страшным, и в то же время дарить народу свою улыбку как высшую милость. Возможно, в этом сказалась и восточная природа Сталина, который своей монархии придал образ древних восточных деспотий...»³⁷⁰ (выделено мной.-ЮП)

Интересно, если бы, действительно, сразу после войны кто-то из близких соратников предложил наделить Сталина титулом Императора Советского Союза – нашлись бы возражающие? Не думаю. Скорее наоборот, все бы удивлённо спрашивали друг друга: «Как же это мы не догадались раньше?».

³⁶⁸ Из письма Сталина «Ответ Билль-Белоцерковскому» от 2 февраля 1929 года.

³⁶⁹ А как же мечты Ленина о поражении в войне своего правительства?

³⁷⁰ Андрей Синявский. «Основы советской цивилизации».

Салоны, ЧК, Есенин

Одно из удивительных явлений советской жизни с первых же её лет – странная взаимная тяга художников слова, пера, кисти и работников совсем другого жанра и ведомства, значком которого впоследствии явились щит и меч. И если мы уже отметили ранее моду среди левацкой творческой интеллигенции на близость к боевикам революции – чекистам, то после революции, пожалуй, явно проявился и встречный интерес работников «в кожаных тужурках» к деятельности писателей и других творческих профессиях. Но интерес этот замешан не столько на порыве к искусству, сколько на тяге профессионального свойства новой охранки: о чём говорит интеллигенция, что обсуждают, что ругают и на что жалуются, о чём хотят творить ... И литературные кружки 20-х в духе дореволюционных салонов как нельзя лучше подходят как тем, так и другим. «Товарищ маузер» здесь может расслабиться, послушать то, о чём он не имел до сих пор понятия, увидеть (и не только) красивых актрис, вдохнуть неведомых ароматов, а не пороховую гарь, намотать на ус новое понятие и щегольнуть им где-нибудь на завтрашних допросах интеллигенции у себя в подвалах. Поведать начальству самые свежие сведения о творческих планах того или другого. А «творцы» в свою очередь в приватной обстановке могут поплакаться в «кожаную тужурку» о своих бытовых горестях, которые иначе ну никак не разрешить. В общем, польза видится несомненная и, главное, обоюдная.

Например, виднейший чин в ОГПУ-НКВД в 30-50 -е годы Павел Судоплатов простодушно сообщает о ранней деятельности своей жены в Харькове:

*«... Эмма занимала в ГПУ УССР более весомое положение, чем такой новичок, каким я тогда был. Как образованной и привлекательной женщине, к тому же начитанной и чувствовавшей себя вполне свободно в обществе писателей и поэтов, ей доверили руководить деятельностью **осведомителей** в среде украинской творческой интеллигенции — писателей и театральных деятелей...», а с 1933 года её доносительские навыки пригодились и в столице:*

*«... К тому времени Эмма также перевелась в Москву и получила назначение в Секретно-политический отдел. С 1934 года в её обязанности входила работа с сетью осведомителей в только что созданном **Союзе писателей** и в среде творческой интеллигенции.»³⁷¹ (выделено мной. - ЮП).*

Вот и проясняется одна из целей создания СП и других союзов людей, занимающихся творчеством. Судоплатов ничего не говорит, как именно происходила эта сторона деятельности его жены, однако большим разнообразием, вероятно, «работа с сетью осведомителей», не отличалась. И такой формат работы с осведомителями как «литературные салоны» подошёл здесь как нельзя кстати.

Исследователь Сергей Курбатов, анализируя ситуацию в поэтических средах страны к середине 20-х пишет:

³⁷¹ Павел Судоплатов. «Разведка и Кремль».

«...революция и Гражданская война расщепили её элиту, и, прежде чем приступить к ликвидации национальной, патриотически ориентированной части России, правительству следовало «отделить агнцев от козлищ», выявить в ней своих сторонников и противников. Для этого в писательскую среду и были внедрены тайные и явные агенты политического сыска: супруги Брик, Агранов, Волович, Эльберт и множество других. Литературные амбиции привели в эту когорту присматривавших за писателями чекистов и Якова Блюмкина, который даже пользовался среди них труднообъяснимой популярностью.»³⁷²

О том же Недошивин: «И неудивительно, что в «салоне» Бриков, в доме поэта все теснее стали топтаться чекисты: Горб, Горожанин, Эльберт, супруги Воловичи и главный спец по культуре – Яков Агранов, Янечка, «милый и застенчивый». У «милого Янечки» были неприятные руки, пишет Галина Катанян, «покрытые каким-то пухом, и короткие тупые пальцы». Знала бы, что эти руки были по локоть в крови. Этот «эпилептик с бабым лицом», как скажет о нем Роман Гуль, стал «палачом русской интеллигенции». Жданов, растерзавший в 1946-м Ахматову и Зощенко, дитя рядом с ним. В 1919-м Агранов арестовывает и ведёт «дело» дочери Льва Толстого (приговор: три года концлагеря). В 1921-м руководит следствием по «Таганцевскому делу» (расстрелян Гумилёв и еще шестьдесят шесть человек). Он занимается «делами» патриарха Тихона, учёных Кондратьева и Чайнова, поэта Ганина, которого без шума расстреляют в 1925-м. А вообще, его имя и имена чекистов, «гонявших чай» у Бриков, мелькают в «делах» Мандельштама, Клюева, Бабеля, Лившица, Васильева, Пильняка, Мейерхольда, Заболоцкого.»

Этот же писатель заявляет о прямых связях Осипа Брик и Бабеля с «органами», касаясь истории большого дома ЧК на Гороховой:

«Здесь, ... на лестничных площадках уже не стоят пулемёты и никто не дымит махрой, шустро работали тогда 450 только штатных сотрудников. В том числе, к сожалению, будущий писатель Исаак Бабель (он был переписчиком в иностранном отделе), будущий хитроумный теоретик футуризма Осип Брик и – только чуть позже – крупный советский поэт ...Александр Прокофьев. ...».³⁷³ (Маяковский и Брики переехали в Москву весной 1919 г.)

Напомним, тогда же в Петрограде «работал» «комиссарский» салон Ларисы Рейснер, упомянутый выше. А исследователь Олег Климов, сообщает, изучая обстоятельства жизни фотохудожника-авангардиста Александра Родченко, близкого друга Маяковского, сообщает:

«... кроме того, в его (Родченко - ЮП) биографии прослеживается определенная связь с органами госбезопасности. Ещё в начале 1920-х годов в Москве существовал «Салон Лили Брик»; как стало известно уже в наше время, этот салон функционировал не только благодаря обаянию агента Лили Брик (удостоверение ГПУ № 15073), но и при прямой поддержке заместителя начальника секретного отдела ОГПУ Якова Агранова. Цель создания «салона» заключалась в контроле над творческой интеллигенцией. Этот «клуб» (выражаясь современным словом) писатель Пастернак вскоре назовёт «салонем милиционеров».

372 <https://esenin.ru/o-esenine/gibel-poeta/kurbatov-s-bliumkinskii-sled-v-dele-esenina>

373 Вячеслав Недошивин. «Прогулки по Серебряному веку: Санкт-Петербург.»

Другом семьи Брик и частым гостем «салона ГПУ» был и Александр Родченко.»³⁷⁴

Лиля Брик. Фото Александра Родченко.

Здесь явно указывается и принадлежность **ЛБ** к «органам», и даже номер удостоверения. Об этом невероятном факте пишет и писатель Аркадий Ваксберг: «...Речь идет о поистине ошеломительной записи, сделанной чиновником наркоминдела в «выездном деле» Лили, — такие досье заводились на каждого, кто подавал заявление о выезде за границу и кому выдавался заграничный паспорт. Заявление подано, сказано там, 24 июля (1922 года), паспорт выдан 31 июля. Хорошо и достоверно известно, что «обычным» гражданам с такой скоростью паспорта не выдавались и не выдаются. Объяснение этому феномену

содержится в другой записи, сделанной в том же досье. В графе «Перечень представленных документов» написано: «Удостоверение» ГПУ от 19/VII № 15073». И ничего больше! В графе «Резолюция коллегии НКВД» ссылки на какую-либо резолюцию нет вообще — при наличии «удостоверения ГПУ» надобности в ней, естественно, не было...».³⁷⁵

Вот так, - при наличии удостоверения ГПУ никаких резолюций и разрешений не требовалось, и закрытых дверей не существовало. И заграничные путешествия были открыты как для неё, Осипа так и для Маяковского. (Но вы же не думаете, читатель, что любой советский, скажем, фрезеровщик, мог подойти в соответствующее окошко милиции, получить загранпаспорт и проехаться с ветерком по Швейцариям и Лазурным берегам.... А кого же выпускали? А кого надо, того и выпускали, не ваше это дело ...). Однако, самое интересное в том, что эти удостоверения никаким образом не уберегали их владельцев от других путешествий - в один конец по подвалам того самого ведомства, выдающего такие удостоверения. И позже Блюмкин, и Агранов сами убедились в этом, а вот ЛБ была везучей ... но об этом позже.

Но Ваксберг подвергает сомнению эту историю с удостоверением:

«Сомнительно, чтобы Лиля была штатным сотрудником, находившимся на официальной службе в ГПУ и пользовавшимся правом на получение служебного удостоверения. Но от этой почти несомненной фальсификации ситуация не становится менее загадочной, — напротив, порождает много новых, не разгаданных до сих пор загадок.

³⁷⁴ <https://www.liveinternet.ru/users/debut/post382179271/>

³⁷⁵ Аркадий Ваксберг. «Лиля Брик. Жизнь и судьба».

Значит, такая фальсификация была кому-то нужна, значит, кто-то мог позволить себе на нее пойти. Этот «кто-то», как каждому ясно, должен был занимать в чекистском ведомстве очень высокое место (уж наверно, не меньшее, чем то, которое занимал Агранов), чтобы задумать и осуществить такой маскарад. А если всё это не было маскарадом? Если Лиля действительно служила (кем?!) на Лубянке? Даже в этом случае представить своё удостоверение в ДРУГОЕ ведомство как единственное основание для получения заграничного паспорта она могла лишь по указанию или хотя бы с согласия высокого начальства все тех же спецслужб. Таким образом, круг замкнулся.

Мы вступаем здесь в самую тёмную, в самую таинственную полосу жизни всех «сторон» пресловутого «треугольника».³⁷⁶ Каким образом и когда именно ближайшими их друзьями стали лубянские бонзы? Что именно сблизило их? Что побудило ближайших соратников «железного Феликса» столь плотно войти в круг литераторов, озабоченных всего лишь созданием «революционной поэзии»? И вроде бы ничем больше...

Потребность оградить Лилю от всяческих подозрений побуждает тех, кто писал о ней, считать Маяковского, а не её «первоисточником» этих странных связей. Что ж, возможно и это. Почему же о столь важном знакомстве нет в гигантской литературе о поэте никакой информации? Где и как произошла эта первая встреча, так и оставшаяся секретной? В биографии Маяковского прослежен каждый день, если не каждый час, и никакого упоминания о ТАКОМ знакомстве в летописях его жизни найти невозможно. Агранов и другие его коллеги, о которых речь впереди, вдруг, как бог из машины, возникают в бриковском доме и становятся друзьями всех его завсегдатаев. И эти никого не удивляет, словно появление в доме столь чуждых Маяковскому людей совершенно естественно и ни в каких пояснениях не нуждается. Тогда, может быть, вовсе не он ввёл их в бриковский дом, а кто-то другой, в чьей биографии каждый день и час просто ещё не прослежен? И не Агранов ли устроил Осипа Брика на работу в ЧК? Нельзя, разумеется, путать эпохи, перенося сегодняшнее отношение к лубянским монстрам на то отношение, которое они вызывали тогда.»

И ещё он добавляет: «Много позже Борис Пастернак доверительно сообщил драматургу Александру Гладкову, что «квартира Бриков была, в сущности, отделением московской милиции». Уж он то хорошо знал квартиру Бриков и всех её посетителей! И кто чем занимался в этой квартире, знал тоже.»

³⁷⁶ Автор имеет ввиду Бриков и Маяковского.

Сомнения Ваксберга относительно официальной службы ЛБ в ГПУ не разделяет Недошивин, который вполне основательно утверждает: «...она чекистскую «корочку», удостоверение за номером 15073, получит через три года.»³⁷⁷ и сразу даёт объёмную сноску, поясняющую эту свою основательность:

«Разумеется, рано или поздно, мы узнаем всю правду о сотрудничестве семейства Бриков с ЧК - ОГПУ - НКВД, которую так старательно затушёвывали близкие к специально собирались к ужину послушать его, ибо *«Осип любил рассказывать о кровавых пыточных ужасах, коим был свидетель»* ... Я приведу рассказ друга Маяковского, поэта-футуриста А.Кручёных: *«Ося Брик... каким-то образом - это было уже в годы нэпа... вызывал фамилии лиц, намечавшихся к аресту. И, прихватив с собой Лилу, отправлялся по известным адресам. Затаившиеся богачи принимали Осю, естественно, за своего. А он, намекнув о предстоящем аресте, сетовал на жестокости властей и Маяковскому кругу. Но некоторые подробности уже известны. Я не буду приводить мнение А.Луначарского об О.Брике как об особо «ценном» сотруднике ЧК. Не буду говорить, как О.Брик благодаря службе в органах получил в центре Москвы, заметьте, в 1920 г. квартиру, в которой поначалу тут же предлагал свою помощь. Пока не утрясётся - спрятать фамилейные ценности. Выхода не было. Ему верили. Тем, кому удавалось вырваться из лап ГПУ, Брик возвращал взятое на сохранность. Но «вырывались» не все»* ... В это трудно поверить, но факт этот, ссылаясь на родственника Бриков Л.Юдавина, мне подтвердила недавно известная московская писательница, искусствовед и краевед Н.Молева.»³⁷⁸

Этот наш подробный и может даже утомительный для нас, сегодняшних, разбор переплетений таких кажущихся несродными ветвей советской жизни совершенно необходим. С одной стороны такое переплетение показывает ту кухню, на которой варилась каша советской литературы и внешне многое объясняет в жизни советских поэтов - например, почти свободное перемещение некоторых из них по свету, с другой стороны порождает только новые вопросы – как это возможно, зачем это поэтам – настолько тесные связи с ЧК, ОГПУ? Мы ещё долго будем спотыкаться об эти «зачем» и «почему», и, может быть, мы что-нибудь поймём.

Также о странных особенностях литераторов 20-х годов, пишет исследователь Лидия Головкова:

«... Была и ещё одна особенность. Вспоминая то время, Владислав Ходасевич писал в эмиграции: **«Все известные поэты в те годы имели непосредственное отношение к ЧК»**. Итог странному сближению подвёл в свое время Генрих Ягода. Он сказал: *«Разведчиком (т.е. чекистом) надо родиться, как*

³⁷⁷ Т.е в 1922 году.

³⁷⁸ Вячеслав Недошивин. «Прогулки по Серебряному веку: Санкт-Петербург.»

поэтом». Со стороны поэтов, многие из которых были тогда совсем юными, это было **романтическое**, связанное с некоторым риском, влечение к чему-то таинственному, обладающему скрытой силой и властью над людьми. Ведь и сами поэты мечтали властвовать над людскими душами, только они стремились очаровать их, а те, другие, хотели подчинить и заставить служить своим целям. Несмотря на «душевную» близость между теми и другими, трагический конфликт был неизбежен, и он не заставил себя долго ждать.».³⁷⁹ (выделено мной. - ЮП)

Оказывается – романтика! Удивляться здесь ничему не нужно. Головкова далее многое поясняет:

«Завсегдаем «Кафе поэтов» и «Стойла Пегаса» был чекист Яков Блюмкин. Иногда он даже вёл там поэтические вечера. В не безопасной для себя дружбе с ним находились Маяковский и Мандельштам. «Дорогой Блюмочка» — называли чекиста в литературных кругах, многие поэты посвящали ему стихи, дарили книги с трогательными надписями. Но особенно близок Блюмкин был с Есениным. Сохранился автограф Есенина на книге стихов, подаренной Блюмкину:

*Дорогому товарищу Блюмкину
На весёлый вспомин рязанского озорника
Сергея Есенина.*

(Блюмкин не остался в долгу и назвал своего единственного сына Мартином — в честь героя есенинской поэмы «Товарищ».)

Есенин и Блюмкин приехали в столицу почти одновременно, в начале 1918 года. Оба были бездомными и даже жили какое-то время вместе у братьев Кусиковых Когда Кусиковых в 1920 году обвинили в контрреволюционном заговоре, арестовали и Есенина, который в то время находился у них. Но всемогущий уже тогда Блюмкин поручился за поэта, и его через 8 дней освободили из тюрьмы московской ЧК. Есенин часто появлялся с Блюмкиным на разных богемных вечеринках. В своей кожаной чекистской куртке, с неизменным маузером у пояса Блюмкин производил неизгладимое впечатление на публику, особенно женскую её часть. Но случалось всякое.

... Между поэтами и чекистом не раз вспыхивали ссоры, грозившие обеим сторонам крупными неприятностями. Был случай, когда, разругавшись со своим другом Есениным, Блюмкин выхватил оружие и грозился его сию минуту пристрелить...

Когда-то Блюмкин познакомил Есенина с Троцким. Поэт очень дорожил этим знакомством. Своему другу и родственнику поэту Василию Наседкину Есенин говорил, что считает Троцкого «идеальным законченным типом человека» и что ему «нравится гений этого человека».³⁸⁰

Об этом знакомстве исследователь Екатерина Сажнева пишет:

«Именно Яков познакомил поэтов-имажинистов со Львом Троцким, в секретариате которого числился какое-то время. Ворвался однажды в квартиру: «Есть возможность встречи со Львом Давидовичем!». Радостный

³⁷⁹ https://stop-mrakobes.livejournal.com/272907.html?noscroll&utm_medium=endless_scroll#comments

³⁸⁰ Там же.

Есенин тут же побежал в парикмахерскую мыть голову. Мариенгоф остался в постели с высокой температурой.

— Ты никуда не пойдешь, — нахмурился Блюмкин. — Не хватало ещё заразить Льва Давидовича — не дам устроить контрреволюцию!

К Троцкому в тот день отправился один Есенин. Так началось их странное знакомство, позже переросшее в сердечную привязанность. Есенину несомненно льстило, что столь занятый человек, как Троцкий, увлекается его творчеством и, отрываясь от важных государственных дел, беседует с ним. Именно Троцкий в январе 26-го года напишет и самый проникновенный некролог на смерть поэта.»³⁸¹

Ваксберг поясняет ситуацию:

«...Со слов видного в ту пору партийного деятеля, Фёдора Раскольниковца, его жена Муза (после Ларисы Рейснер) писала впоследствии в своих мемуарах: «В ГПУ, затем в НКВД <Агранову> был подчинен отдел, занимающийся надзором за интеллигенцией. <...> Характерная черта эпохи: все знали, что «Янечка» наблюдает за политическими настроениями писателей». Знали об этом, конечно, и в Водопьяном»³⁸².

Т.е. знали все, в общем-то (смотри выше замечание Ходасевича), и даже, возможно, принимали это за особого рода игру, щекочущую нервы, но игру очень опасную. (Например, так называемые «новокрестьянские» поэты из ближнего есенинского окружения к 38-му году были выкошены «органами» практически полностью, см. стр 466).

Как видим, доноительство, стукачество стало нормой в обществе, поощряемая властью, вербующее доносчиков через свою тайную полицию. Но не «со зла», с игровым оттенком! По порыву души! Но это любители. Другие же этим занимались «профессионально», на платной основе, и не обязательно деньгами. Были и другие ценности. Это такие деятели, судя по всему, как жена Павла Судоплатова, Осип Брик и др.

Норма эта, доноительство, протянется и через войну, и далее почти до конца Союза. Соломон Волков в «Диалогах с Иосифом Бродским» затрагивает эту же тему близости советских творческих деятелей с властью на примере Шостаковича, и замечает:

«...Ведь творчество Шостаковича привлекло внимание властей чуть ли не с самого начала. А времена тогда были совсем не вегетарианские. И жизнь свою можно было потерять запросто. А личное знакомство с вождями могло послужить, по крайней мере на время, какой-то **охранной грамотой**.»³⁸³

Вот в чём дело! Ваксберг в своей книге приводит один случай уже в 70-х (со слов Бенедикта Сарнова), когда на посиделках писателей кто-то «... приносит

³⁸¹ <http://esenin-lit.ru/esenin/smert/sazhneva-alibi-chernogo-cheloveka.htm>

³⁸² Аркадий Ваксберг. Указ. Соч. (В коммуналке в Водопьяном переулке жили Брики и Маяковский с 1920 по 1926 годы.)

³⁸³ Соломон Волков. «Диалоги с Иосифом Бродским».

ходивший тогда по рукам «самиздатовский» рассказ Солженицина «Правая кисть» — о перетрудившемся на своей работе чекистском палаче. «Я <вслух>, — рассказывает Сарнов, — дочитал рассказ до конца. Слушатели подавленно молчали. Первой подала голос Лиля Юрьевна. Тяжело вздохнув, она сказала: **«Боже мой! А ведь для нас тогда чекисты были — святые люди!»** И это, конечно, сущая правда. Именно так и относились к чекистам в ту пору люди ТОГО — бриковского, а не какого-то другого, круга. Общаясь с чекистами, дружа с ними, выполняя их «скромные» просьбы, они поступали по совести, а не вопреки ей. С полной и искренней убеждённости полагали, что делают правое дело. Извиняет их это или не извиняет — вопрос другой. Важно понять, какие чувства ими тогда руководили. Тогда — не потом...»

Вряд ли здесь можно и нужно верить в эту интонацию сожаления в возгласе ЛБ. Не зная, чем занимаются их друзья-чекисты на своей изнурительной «работе» — это нужно было тогда сознательно затыкать себе уши и заклеивать глаза. Более того, Ваксберг открыто пишет, что её муж «Осип тешил друзей кровавыми байками из жизни ЧК, утверждая, что был лично свидетелем тому, о чем рассказывал. А рассказывал он о пытках, об иезуитстве мастеров сыска и следствия, о нечеловеческих муках бесчисленных жертв. «В этом учреждении, — говорил Осип, — человек теряет всякую сентиментальность». Признавался, что и сам её потерял. «Работа в Чека, — констатировал Якобсон, — очень его испортила, он стал производить отталкивающее впечатление». Осип все ещё продолжал служить в ГПУ, хотя только что был «вычищен» из компартии как сын купца.»

(Тема предательства и доносов тянется мрачной полосой по нашей литературе и до 60-х годов. Эльдар Рязанов, украсив свою «Иронию судьбы» песней Таривердиева на стихи Беллы Ахмадулиной будто бы о женском одиночестве, слегка слукавил, подверстал стих под мелодраматическую интонацию своего фильма, купировав из середины подлинного стихотворения следующие строфы:

*«...Запущены моих друзей дела,
нет в их домах ни музыки, ни пенья,
и лишь, как прежде, девочки Дега
голубенькие оправляют перья.*

*Ну что ж, ну что ж, да не разбудит страх
вас, беззащитных, среди этой ночи.
К предательству таинственная страсть,
друзья мои, туманит ваши очи.»*

....

Так призови меня и награди!

Твой баловень, обласканный тобою,

утешусь, прислонясь к твоей груди,

умоюсь твоей стужей голубою.»

и тем самым в корне поменяв акценты поэтессы. Она ведь горюет о своих слабовольных друзьях, подверженных непонятной ей страсти игры в предательство, и в то же время жалеющей их, таких незащищенных среди длинных ночей, в страхе ждущих скрип тормозов у их дверей. «Ну что ж, ну что ж», круг друзей её в том 1959 году всем хорошо известен. И травля Пастернака как раз в разгаре. Но об этом в своё время.) Кстати, именно эти слова «Таинственная страсть» возьмёт Василий Аксёнов в качестве названия романа о своих друзьях-шестидесятниках. Почему же именно эти слова Ахмадулиной он выбрал для заглавия? Показались ему главными?

А пока вернёмся к Есенину, слабовольному, окружённому блюмкиными-троцкими и действительно раздираемому происходящим в стране, ведь привычная почва уходит у него из-под ног. На его родине происходит совсем не то, что ожидал крестьянский сын от новой власти. Во время путешествия на юг страны он пишет своей знакомой Евгении Лившиц летом 1920 год:

«Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжёлую эпоху умерщвления личности как живого. Ведь идёт совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определённый и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний. Тесно в нём живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений».

Он отчаивается догнать «стальную рать» и сравнивает себя с жеребёнком, который не в состоянии догнать паровоза.

Всё это он пишет с горечью и иронией о себе, о приходе много обещавшей новой власти, после которой раскол страны неизбежен, как неизбежен уход старого привычного уклада жизни.

Личная тоже идёт вразнос. В начале 1921 года он уходит от своей жены Зинаиды Райх, оставляя полуторагодовалую дочь Татьяну и ещё неродившегося Константина (будущего известного футбольно-хоккейного журналиста и спортивного статистика). Правда, при официальном оформлении развода обязуется материально обеспечивать детей (по-нашему - алименты). Зинаида Райх в будущем станет женой Мейерхольда, который усыновит детей Есенина. (Меньше чем через месяц после ареста мужа в июне 1939 года Зинаида Райх будет зверски убита неизвестными в её квартире в Брюсовом переулке. Преступление не раскрыто до сих пор.)

В разгар хандры и панихидных настроений в осень 1921 года поэт неожиданно знакомится с американской танцовщицей, феминисткой Айседорой Дункан, гастро-

лирующей в Москве. Её слава была такова, что в этом году нарком просвещения РСФСР Луначарский официально предлагает ей открыть танцевальную школу в Москве. Слава и обаяние поэта тоже сделали своё дело, и его бурный роман с «босоножкой» (как её прозвали за манеру танцевать босиком) встряхивает Есенина настолько (да и её тоже), что они официально регистрируют брак в наших органах в мае следующего года и уезжают в путешествие по Европе и США. При чём они вылетают в Кёнигсберг самолётом, совершающим первый международный рейс из Москвы. Оттуда поездом до Берлина.

За ними тянется заметный шлейф скандальных происшествий разного происхождения. Так, говорят, в Берлине, не удержавшись, Есенин эпатирует бело-эмигрантскую и буржуазную публику пением «Интернационала» и, отвечая на вопросы прессы, заявляет: в РКП (б) никогда не состоял, «потому что чувствую себя гораздо левее». Также и Дункан открыто заявляет о своих симпатиях молодой советской власти. Наши эмигранты в Европе шокированы.

По следам путешествия поэт публикует в 1923 году заметки в «Известиях» под названием «ЖЕЛЕЗНЫЙ МИРГОРОД», где с детским и даже наивным восхищением пишет:

«... Я объездил все государства Европы и почти все штаты Северной Америки. Зрение моё преломилось особенно после Америки. Перед Америкой мне Европа показалась старинной усадьбой. (не забудем, кому обязаны советские писатели и поэты возможностям путешествовать и круизничать по заграницам - ЮП).

...Я осмотрел коридор, где разложили наш большой багаж, приблизительно в 20 чемоданов, осмотрел столовую, свою комнату, две ваннные комнаты и, сев на софу, громко расхохотался. Мне страшно показался смешным и нелепым тот мир, в котором я жил раньше.

Чета Есениных на пароходе.

Вспомнил про "дым отечества", про нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за "Русь" как за грязь и вишивость. С этого момента я разлюбил нищую Россию.

Милостивые государи!

С того дня я ещё больше влюбился в коммунистическое строительство. Пусть я не близок коммунистам как романтик в моих поэмах, — я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своём творчестве. С такими мыслями я ехал в страну Колумба. Ехал океаном шесть дней, проводя жизнь среди ресторанной и отдыхающей в фокстроте публики.

ЭЛИС-АЛЕНД

На шестой день, около полудня, показалась земля. Через час глазам моим предстал Нью-Йорк. Мать честная! До чего бездарны поэмы Маяковского об Америке! Разве можно выразить эту железную и гранитную мощь словами?! Это поэма без слов. Рассказать её будет ничтожно. Милые, глупые, смешные российские доморощенные урбанисты и электрификаторы в поэзии! Ваши "кузницы" и ваши "лефы" как Тула перед Берлином или Парижем...». (Для сравнения можно вернуться к впечатлениям Горького от Нью-Йорка почти 20-летней давности.)

О своих впечатлениях поэт пишет друзьям:

Илье Шнейдеру, июнь, 1922, Висбаден:

«... Германия? Об этом поговорим после, когда увидимся, но жизнь не здесь, а у нас. Здесь действительно медленный грустный закат, о котором говорит Шпенглер. Пусть мы азиаты, пусть дурно пахнем, чешем, не стесняясь, у всех на виду седалищные щеки, но мы не воняем так трупно, как воняют внутри они. Никакой революции здесь быть не может. Всё зашло в тупик. Спасет и перестроит их только нашествие таких варваров, как мы. Нужен поход на Европу.»

Интересно! И Есенин ополчается на Европу? (Не иначе сказывается недавнее поражение от Польши! Всё-таки наши национальные чувства ущемлены.)

Пишет Анатолию Мариенгофу, июль 1922, Остенде:

«...Милый мой, самый близкий, родной и хороший, так хочется мне отсюда, из этой кошмарной Европы, обратно в Россию, к прежнему молодому нашему хулиганству и всему нашему задору. Здесь такая тоска, такая бездарнейшая «северянинщина» жизни, что просто хочется послать это всё к этой матери.

Сейчас сижу в Остенде. Паршивейшее Бель-Голландское море и свиные тупые морды европейцев. От изобилия вин в сих краях я бросил пить и тяну только сельтер.

Я последний поэт деревни

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кающихся листвою берёз.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!
1920 г.

Сорокоуст (А. Мариенгофу)

(отрывок)

3.

*Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озёрных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поездов?*

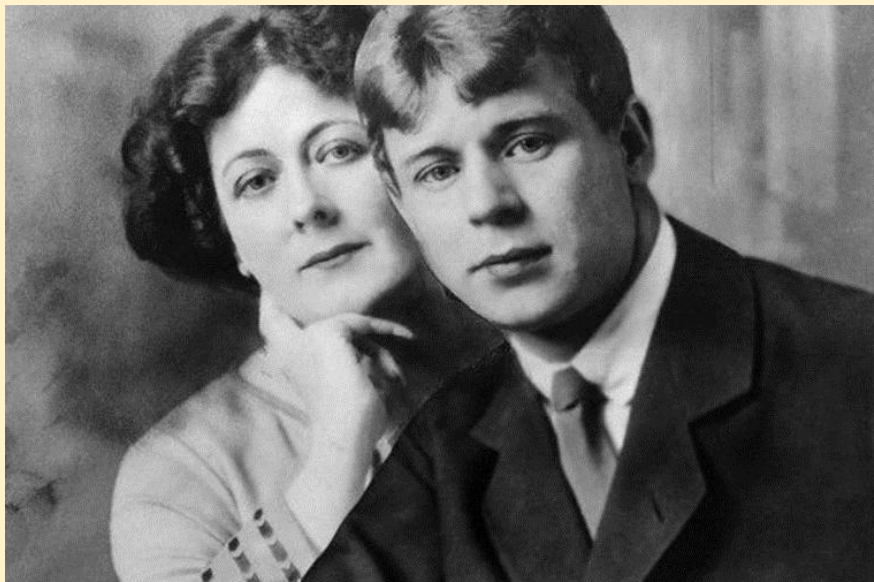
*А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребёнок?*

*Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?*

*Неужель он не знает, что в полях бессиянных
Той поры не вернёт его бег,
Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег? ...* 1920

Очень много думаю и не знаю, что придумать. Там, из Москвы, нам казалось, что Европа — это самый обширнейший рынок распространения наших идей в поэзии, а теперь отсюда я вижу: Боже мой! до чего прекрасна и богата

Дункан и Есенин

Россия в этом смысле. Кажется, нет такой страны ещё и быть не может. Со стороны внешних впечатлений после нашей разрухи здесь все прибрано и выглажено под утюг. На первых порах особенно твоему взору это понравилось бы, а потом, думаю, и ты бы стал хлопать себя по колену и скулить, как собака. Сплошное кладбище. Все эти люди, которые снуют быстрее ящериц,

не люди — а могильные черви, дома их гробы, а материк — склеп. Кто здесь жил, тот давно умер, и помним его только мы, ибо черви помнить не могут.»

Возвращаясь с женой из Америки в Европу он жалится в письме к другу Александру Кусикову:

«...Сандро, Сандро! Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется. Если б я был один, если б не было сестер, то плюнул бы на всё и уехал бы в Африку или ещё куда-нибудь. Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это бл... снисходительное отношение власть имущих, а ещё тошней переносить подхалимство своей же братии к ним. Не могу! Ей-Богу, не могу. Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу. Теперь, когда от революции остались только х.. да трубка, теперь, когда там жмут руки тем и лижут ж..., кого раньше расстреливали, теперь стало очевидно, что мы и были и будем той сволочью, на которой можно всех собак вешать.

Слушай, душа моя! Ведь и раньше ещё, там в Москве, когда мы к ним приходили, они даже стула не предлагали нам присесть. А теперь — теперь злое уныние находит на меня. Я перестаю понимать, **к какой революции я принадлежал**. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской, по — видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь».

Поэту грустно и больно на Западе, но и домой возвращаться тошно. И в одном из отрывков из незаконченной поэмы "Гуляй-поле" Есенин жалуется самой Родине:

Россия! Сердцу милый край!

Душа сжимается от боли.

Уж сколько лет не слышит поле
 Петушье пенье, пёсий лай.
 Уж сколько лет наш тихий быт
 Утратил мирные глаголы.
 Как оспой, ямами копыт
 Изрыты пастбища и доли...

Уже за время путешествия отношения молодожёнов ожидаемо разладились, уж очень они были разные люди, не по темпераменту, а по базовым ценностям в жизни, и к осени 1923 года они возвращаются в Москву уже порознь, а на следующий год Дункан покидает Страну Советов навсегда.

(Второй жене Есенина тоже не повезло дожить до старости – через три года в Ницце Дункан погибает из-за случайного попадания в спицы колеса автомобиля, на котором она ехала, обмотанного вокруг шеи длинного, по моде того времени, шёлкового шарфа.)

Поэт продолжает попытки наладить свои отношения с женщинами, с новым государством, но прежде всего с самим собой. Все эти попытки вызывают у него внутренний разлад, разрыв с привычными устоями. Он всё больше понимает, что «стальную рать» ему не понять и не догнать. Есенин много мечется, хулиганит и сам переживает свою неспособность хоть как-то держать себя в узде:

«Друг мой, друг мой,

Над пустым и безлюдным
 полем,

То ль, как рощу в сентябрь,
 Осыпает мозги алкоголь.

.....

...Месяц умер,
 Синее в окошко рассвет.
 Ах ты, ночь!
 Что ты, ночь, наоверкала
 Я в цилиндре стою.
 Никого со мной нет.
 Я один...
 И разбитое зеркало...»

«Чёрный человек». 1925.

Заметка Владимира Пяста о смерти поэта.

Всем и всегда трудно смотреть в глаза своему отражению. Поэт не зря боится и ждёт Чёрного человека.

Вдруг 29 декабря 1925 года ленинградская городская «Красная газета» выходит с сообщением о смерти 30-летнего Сергея Есенина, найденного в гостинице «Англетер»

повесившимся. Уже в текстах сообщений озвучивается факт самоубийства поэта: «... обнаружен повесившимся на трубе парового отопления».

Эта версия самоповешения и стала навсегда официальной. Однако думающих современников эта версия не могла устроить, слишком много обстоятельств было против. Странно, что никто вообще не знал, что Есенин прибыл в Ленинград, и более того, его имя не числилось в списках постояльцев гостиницы. Далее, потолки в апартаментах №5 составляли в высоту 4,5 метра, так что добраться до трубы под потолком и повеситься было невозможно без посторонней помощи. Кроме того ... Не будем здесь заниматься следствием. Энтузиасты-исследователи ищут истину до сих пор, печатают книги и статьи. Огромную работу проделал Виктор Кузнецов, член союза писателей РФ. В книге «Сергей Есенин. Казнь после убийства», вышедшей в 2006 году, на обширном материале он доказывает, что поэта на самом деле убили:

« 6. Далее, на наш взгляд, в вакханалию вмешался чекист Павел Петрович Петров (Макаревич), прятаявший свою гэнэушную физиономию под личиной кинорежиссёра Севзапкино. Человек именно его профессиональных знаний и конспиративного опыта и выступил режиссёром «постановки». Авторитетный для коменданта «Англетера» Назарова «член партии» своё задание, однако, выполнил плохо. Доверившись громилам, перетащившим труп по подвальному лабиринту из дома, как мы доказываем, следственной тюрьмы ГПУ по проспекту Майорова, 8/23, Петров не проверил подготовленный для открытого обозрения 5-й номер. В результате возникло немало недоуменных вопросов: почему верёвка обвивала горло несчастного лишь полтора раза и не было петли; как Есенин, истекающий кровью, смог с порезанными ладонями и другими ранами соорудить на столе столь сложную пирамиду и взобраться под потолок; что за страшный вдавленный след над переносицей (официальная версия — ожог); наконец, куда исчез пиджак покойного??? Кстати сказать, видевший его Оксёнов растерянно записал в «Дневнике»: «...вдоль лба виднелась багровая полоса (ожог — от накалённой трубы парового отопления, о

Русь уходящая (фрагменты)

...Друзья! Друзья!

Какой раскол в стране,

Какая грусть в кипении веселом!

Знать, оттого так хочется и мне,

Здрав штаны,

Бежать за комсомолом.

... Советскую я власть виню,

И потому я на неё в обиде,

Что юность светлую мою

В борьбе других я не увидел.

... Я человек не новый!

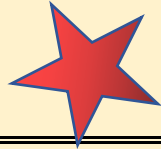
Что скрывать?

Остался в прошлом я одной ногою,

Стремясь догнать стальную рать,

Скольжу и падаю другою.

1924г.

которую он ударился головой?), рот полуоткрыт, волосы, развившиеся страшным нимбом вокруг головы. <...> Когда надо было отправить тело в Обуховку, не оказалось пиджака (где же он? Так и неизвестно)». И далее: «В гробу он был уже не так страшен. Ожог замазали, подвели брови и губы».³⁸⁴

О том же рассказывает сын поэта Николая Брауна с его собственных слов, видевшего поэта сразу же после его снятия с трубы: «В редакцию «Звезды», где в то утро были только Николай Браун и Борис Лавренёв, из «Англетера» позвонил Павел Медведев. Он попросил их прийти, сообщив, что Есенин покончил с собой. Писатели должны были увидеть Есенина мёртвым и подтвердить версию суицида. О том, как Есенин покончил самоубийством, в гостинице рассказали Медведев, Фроман и Эрлих. Но и они, как оказалось, ничего своими глазами не видели. Им тоже «рассказали». Покойный был уже приготовлен для демонстрации. Однако первоначальные фотоснимки, которыми мы сегодня располагаем, обнаруживают совсем иное. У Есенина были изрезаны, похоже, бритвой, руки. Но не поперек, а вдоль. Как при пытке. Левый глаз запал. Две пробоины чуть выше переносицы и одна — над правым глазом. А ведь Николай Леопольдович (Браун - ЮП) говорил мне о «глубоко проникающей ране под правой бровью», которая была «смертельной», о «синяке под левым глазом», о «следах побоев». Отец в голодное время, в 1919–20 годах, чтобы выжить, работал санитаром «скорой помощи». Он неплохо знал анатомию. Трупов он видел много, среди них попадались и висельники. Но у Есенина не было ни посинения лица, ни высунутого языка».³⁸⁵

По словам некоторых свидетелей, накануне дня смерти, Есенин жаловался, что в этой «паршивой гостинице» даже нет чернил, и он писал собственной кровью. Пришедшему в гости Вольфу Эрлиху он отдал листок со стихами и сказал «прочтёшь потом». После смерти поэта Эрлих отдал стихи для публикации в «Красную газету». Стихи никому не адресовались и не имели даты:

«До свиданья, друг мой, до свиданья.

Милый мой, ты у меня в груди.

Предназначенное расставанье

Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,

Не грусти и не печаль бровей,-

В этой жизни умирать не ново,

Но и жить, конечно, не новей.»

³⁸⁴ Виктор Кузнецов. «Сергей Есенин. Казнь после убийства»

³⁸⁵ <https://esenin.ru/o-esenine/gibel-poeta/braun-n-n-sergei-esenin-umer-pri-doprose>

Маяковский. Сергею Есенину.

... Надо
жизнь
сначала переделать,
переделав —
можно воспевать....
Надо
вырвать
радость
у грядущих дней.
В этой жизни
помереть
не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней.
1926 г.

ничего просто так не делают.

Статья выходит 19-го января 1926. К тому же ещё, вероятно, до публикации заключения следователей о причинах смерти поэта, но Троцкий уже всё решил:

«...Он ушёл сам, кровью попрощавшись с необозначенным другом, - может быть, со всеми нами. Поразительны по нежности и мягкости эти его последние строки! Он ушёл из жизни без крикливой обиды, без ноты протеста, - не хлопнув дверью, а тихо прикрыв её рукою, из которой сочилась кровь.»

Ну, конечно, Троцкий, красный военачальник, ещё и друг поэтов, и критик!

Чуть позже всё-таки высказывается Маяковский - в целом с осуждением и его жизни, и его самостоятельного (как считалось) ухода из неё. Он поучает ушедшего поэта, что надо бы сначала жизнь свою сделать, а потом уж вешаться. Ставит ему в вину «много пива и вина». Осталось пять лет самому Маяковскому, чтобы «... жизнь сначала переделать, переделав — можно воспевать.». Но, кажется, и у него этого не получилось.

Считается, что это последнее стихотворение поэта. Но кому оно посвящено- дискутируют до сих пор. Эрлиху? Мариенгофу? Ганину? Мы не узнаем.

После смерти поэта партийно-литературные чинуши постарались предать забвению его и сами стихи, придумав термин «есененщина» для его творчества и для поэзии его близких друзей-поэтов, хотя Есенин никогда открыто не конфликтовал с властями. Просто он не вписывался никак в новые советские рамки, в то, что, например, у Маяковского вызывало необычайный подъём: «я планов наших люблю громадьё...» и т.п.

Но совсем странно, что «Правда» помещает статью-некролог о нём и его творчестве за неожиданным авторством Троцкого. Что, не нашлось другого русского поэта или просто критика? Есенин и Троцкий? Что общего у интимнейшего русского поэта-соловья и одного из первых должностных лиц государства, революционера-трибуна еврейского происхождения? А большевики

Вскоре есенинскую поэзию вносят в ряды упаднической и не соответствующей идеям строительства социализма. Все книги поэта массово изымаются из советских библиотек, а с 1928 года и вплоть до смерти Сталина стихи поэта почти не переиздаются.

Интересно, что многим партийным деятелям, включая Николая Бухарина, поэзия Есенина нравилась, но допустить «есенинщину» как массовое явление было бы идеологически неправильно. И потому всё в той же газете «Правда» в феврале 1927 года появляется статья Бухарина «Злые заметки», яростно критиковавшая Есенина и его литературное наследие:

«...есенинщина – это самое вредное, заслуживающее настоящего бичевания явление нашего литературного дня. Есенинщина – это отвратительная, напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого ещё более гнусная.»

(Бухарин через год после смерти поэта не просто так обрушивается на него – ведь поэт всё ещё осенён благостной и в целом хвалебной статьёй Троцкого, так что филиппики от «любимца партии» прилетают рикошетом, конечно, по адресу самого Троцкого, скорее всего именно в него и целились. «Там» просто так ничего не делается!).

Близкие к Есенину поэты русской глубинки.... Николай Клюев, Сергей Клычков, Пётр Орешин, Павел Васильев, Алексей Ганин были уничтожены властями - все пятеро были арестованы большевиками по ложным обвинениям и расстреляны в 1937 году и чуть позже.

Так что наши родители в молодости вообще не знали Есенина. Лишь в ранней оттепели, после смерти диктатора печатается двухтомник «Стихотворения и поэмы». И тогда уже можно было услышать в застольях пьяными слезливыми голосами:

Клён ты мой опавший, клён заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?
...
Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.
...Сам себе казался я таким же клёном,
Только не опавшим, а вовсю зелёным.
И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал берёзку.

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.
...Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гүлкой ранью
Проскакал на розовом коне.

А в школе 60-х он «проходил» уже как классик.

Многие исследователи связывают неожиданную смерть поэта с написанием к 1924 году шокирующей поэмы «Страна негодяев», где уже само по себе название, и фамилия главного персонажа -- «комиссар Чекистов», приводят в замешательство самих

чекистов. В тексте сочувствующий коммунистам доброволец Замарашкин в глаза этому неизвестно откуда взявшемуся комиссару говорит:

«Я знаю, что ты еврей,/ Фамилия твоя Лейбман,/ И чёрт с тобой что ты жил за границей.../Всё равно в Могилёве твой дом.»³⁸⁶

А для пришлого Чекистова нет никого «бездарней и лицемерней», чем «русский равнинный мужик», и он хвалится:

*«...Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей...».*

Есенин. Из поэмы «Страна негодяев.»

*«... Я шел с революцией,
Я думал, что братство не мечта и не сон,
Что все во единое море сольются —
Все сонмы народов,
И рас, и племен.
.....
Пустая забава.
Одни разговоры!
Ну что же?
Ну что же мы взяли взамен?
Пришли те же жулики, те же воры
И вместе с революцией
Всех взяли в плен...»*

Да, он приехал в Россию «укрощать дураков и зверей», перестраивать храмы божие «в места отхожие». Себя же Есенин в поэме, видимо, ассоциирует с бандитом Номахом (анаграмма Махно? Или монах?), говорящим в том числе о Гамлете, восставшим против лжи, говорящим о себе:

«А я – гражданин вселенной,

Я живу, как я сам хочу».

Есенин-Номах ощущает себя всемирно вольным человеком, человеком Вселенной, а это уже почти преступление для советских властей. Такое не прощается. Сама фабула небольшой поэмы – это какая-то мешанина из красноармейцев, работников «щита и меча», перевозимого золота, грабежа,

поисков, сыщиков-китайцев ...и золото уходит. Какая-то откровенная пародия. Пародия на то, что происходит в стране?

Всё же Номах пытается открыть глаза Замарашкину на происходящее:

«...Все вы стадо!/ Стадо! Стадо!/ Неужели ты не видишь? Не поймёшь,/ Что такого равенства не надо?/ Ваше равенство – обман и ложь.»

Впрочем, поэма считается незаконченной и недоработанной. Но вряд ли чекисты могли пройти мимо таких оплеух в свой адрес!

³⁸⁶ Интересно, что, например, ещё один «друг поэтов» Яков Агранов родился именно в Могилёвской губернии в местечке Чечерск.

Маяковский

Но зато у других поэтов – никаких комплексов и рефлексий, другие настроения, вполне радостные - хорошо, что старая страна сдыхает. Например, Василий Александровский с энтузиазмом хоронит свою Русь, она больше не нужна:

...Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?

Что же! Вечная память тебе.

Не жила ты, а только охала

В полутёмной и тесной избе.

Костылями скрипела, шаркала,

Губы мазала в копоть икон.

Над просторами вороном каркала,

Берегла вековой тяжкий сон.

Эх, старуха! Слепая и глупая!

Разорил твою хижину внук.

.....

Злые годы над дальним болотом

Пусть шипят ему: "сгинь, изувер!"

Скрепляемый кровью и потом,

Не дрогнет СССР.

1925 год. Газета "Правда". <http://www.proza.ru/2010/10/20/1274>

И у Маяковского другие настроения, личная его жизнь и жизнь страны кипит (как кажется). Есенину – эпитафия, а нам – жить дальше, творить и строить! Маяковский – открыт, честен в грубости и ненависти, не знает слёз и жалости, рубит сплеча, ни в чём не сомневается, хамоват, прям, как шест, его перо безжалостно, как штык, его стихи как сталь:

« ...Я хочу,

чтоб к штыку

приравняли перо.

С чугуном чтоб

и с выделкой стали

о работе стихов,

от Политбюро,

чтобы делал

доклады Сталин.»

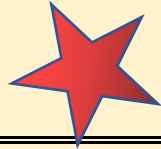
Стих «Домой», 1925.

Возможно, это второе упоминаний в его стихах Сталина. А о политбюро, вероятно, единственное в советской поэзии.

Маяковский – «выездной», и мы знаем, кому он и ЛБ обязаны своими выездами. Он несколько раз выезжает в Европу, но всегда хотел побывать в США, которые уже тогда представлялись лидером мировой промышленно-технической гонки (до депрессии 1929 года ещё далеко). Наконец, в 1925 году он участвует как рекламщик в Международной художественно-промышленной выставке от СССР в Париже (где даже награждается серебряной медалью выставки за рекламу с его текстами) и там ему удаётся получить визу в Мексику, и он уплывает в Вера-Круз. В Мехико ему помогают наши полпреды, и Маяковскому наконец удаётся получить туристическую визу в США. Там он проживает в основном в Нью-Йорке, но и посещает несколько крупных городов со своими поэтическими вечерами, где выступает перед русскоязычной публикой. Вообще удивительно, что поэт, прославившийся своей брезгливостью, боявшийся всякой заразы, носивший всегда с собой кусок мыла и постоянно мывший руки – совершил такое путешествие, да ещё практически в одиночку и без знания английского! Правда, в Нью-Йорке он встречается со своим давним соратником по кубофутуризму и соавтором сборника «Пощёчина общественному вкусу» поэтом Давидом Бурлюком, и тот становится его гидом по городу, и их постоянно куда-то приглашают.

У кого-то в гостях поэт знакомится с Элли Джонс, молодой русской иммигранткой немецкого происхождения, замужней, хотя и жившей отдельно от мужа. Два месяца они встречаются очень часто, но в людях он называет её только миссис Джонс, хотя мало для кого их отношения были тайной.

Кроме Бурлюка, покровителем Маяковского оказывается Исайя Хургин, один из руководителей и инициатор с нашей стороны создания советско-американского торгового общества «Амторг», практически единственного к тому времени торгового представительства СССР в США. К тому времени, когда Маяковский приехал в США,

Хургин успел сделать себе имя в финансовых кругах Нью-Йорка как "жизнерадостный, умный, проницательный, ироничный человек". Он помогает поэту снять квартиру в том же доме, где живёт сам и опекает его в бытовых вопросах.

Вскоре Маяковский становится свидетелем бурной борьбы за власть в Кремле, волны которой докатываются и до Нью-Йорка. Смещение с главных военных постов Троцкого потребовало и смещения его ближайших помощников, прежде всего его зама по Реввоенсовету – Эфраима Склянского, которого тут же посылают подальше, в Нью-Йорк, председателем Амторга на замену Хургина. О настоящей роли Амторга сообщает невозвращенец, бывший секретарь Сталина Борис Бажанов:

«...С Америкой дипломатических отношений нет. Там нет ни полпредства, ни торгпредства. Есть Амторг — торговая миссия, которая торгует. На самом деле она заменяет и выполняет функции и полпредства, и торгпредства, и базы для всей подпольной работы Коминтерна и ГПУ. ... Сталин ненавидит Склянского (который во все время гражданской войны преследовал и цукал Сталина) больше, чем Троцкого.»³⁸⁷

И происходит странная вещь ...Неожиданно в конце августа Маяковскому сообщают, что Исайя Хургин и Эфраим Склянский утонули во время прогулки на лодке по озеру Лонг-Лэйк к северу от Нью-Йорка. Причём свидетелей не оказывается; что именно произошло и как они могли утонуть, не выяснено до сих пор (не удивляет, что волна из Кремля может достать и до Нью-Йорка). А два месяца спустя Михаил Фрунзе, преемник Склянского в Реввоенсовете и Троцкого на посту военного комиссара, случайно умирает на операционном столе, о чём уже упоминалось. И его преемником становится Климент Ворошилов, человек Сталина до конца.

Маяковский растерян, но принимает участие в траурной процессии по переносу праха обоих на пароход до Европы, произносит речь. Но в дальнейшем об этом случае он никогда не вспоминал, не писал и не обсуждал. Видимо, об этом молчании ему

посоветовали скромные его друзья с Лубянки.

Хелен Патрисия Томпсон

ЛБ, скорее всего, знала о его романе со скромной русской эмигранткой, но особо не переживала, она понимала, что никаких последствий этот короткий роман для неё и их отношений иметь не может. Переживать ей скоро придётся по поводу совсем другой особы, гораздо ближе географически. (Но последствия всё-таки были. Американка Хелен

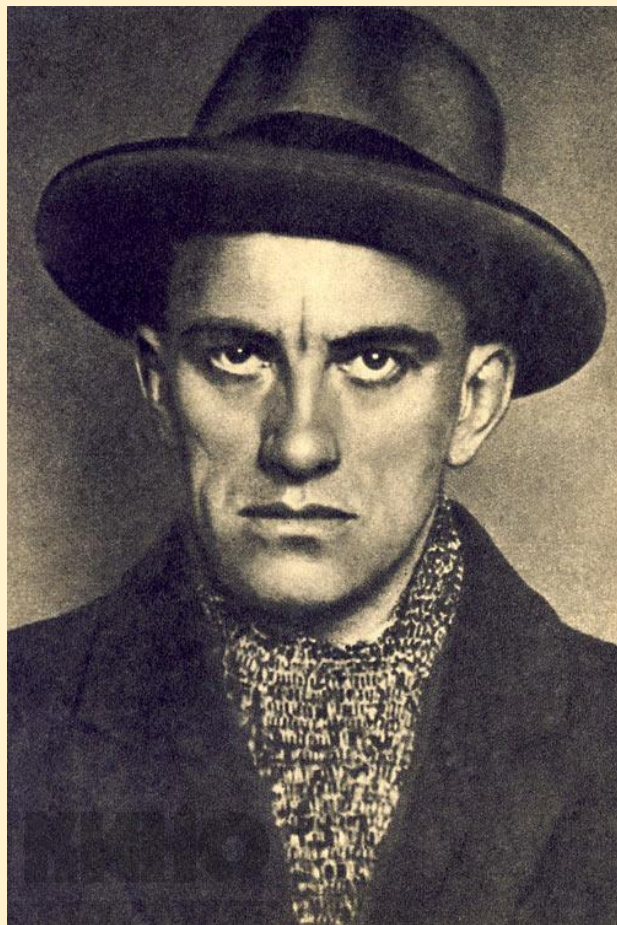
³⁸⁷ Борис Бажанов. «Воспоминания бывшего секретаря Сталина».

Патрисия Томпсон, дочь Элли Джонс, в возрасте 65 лет публично заявляет, что её настоящий отец – Владимир Маяковский, и вместе со своим сыном впервые приезжает в нашу страну. Ей почти верят. В Москве они знакомятся со своими родственниками (у поэта были две сестры), осматривают музей-квартиру поэта в Лубянском проезде, его могилу на Новодевичьем кладбище. Томпсон говорит, что помнит о единственной встрече с отцом в Ницце в 1929 году. Умерла в 2016 году в США.)

Поэт возвращается в страну, где всё увереннее набирает обороты НЭП, в магазинах появляется давно забытая еда и даже деликатесы. Советские люди постепенно отъедаются. В торговле даже появляется потребность в рекламе, и Маяковский не брезгует работать в новой области вместе с другом художником Родченко, сочиняя плакаты и слоганы к ним. Он понимает необходимость и советской рекламы, и своего участия в ней. С другой стороны он чувствует, что общественное настроение сворачивает в сторону обывательщины, нового мещанства, приспособленчества. Новая бюрократия захватывает позиции в общественной жизни. Идеалы революции остаются где-то сбоку от интересов общества. Это бесит Маяковского. Он ненавидит советский быт. А тут сытый НЭП. И он пишет в ярости:

«Но дыханием моим,
сердцебиеньем,
голосом,
каждым остриём
издыбленного в ужас волоса,
дырами ноздрей,
гвоздями глаз,
зубом,
исскрежещенным в звериный лязг,
ёжью кожи,
гнева брови сборами,
триллионом пор,
дословно —
всеми порами
в осень,
в зиму,
в весну,
в лето,
в день,
в сон
не приемлю,
ненавижу это
всё.
Всё,
что в нас
ушедшим рабым

вбито,
всё,
что мелочинным роем
оседало и осело бытом
даже в нашем
краснофлагом
строе.»

«Про это», 1923 г.

Реклама пива Родченко и Маяковского.

Вот в чём беда - всё, что было при старом режиме в людей «рабым вбито» - протащилося и к нам сюда, в новую жизнь под красным флагом. Что же это «всё»? Дмитрий Быков однозначно – традиции, норма, забота о мелком, сиюминутном.

Окружающий быт - мишень Маяковского. Но мало кто видит его «гвоздями глаз» так, как он. Он страстен в своей ненависти. Он пишет пьесы «Клоп» и «Баня» специально для постановки новаторским режиссёром Всеволодом Мейерхольдом в «его» театре. В пьесах сочетается сатира на действительность со взглядом в такое близкое идеальное и желанное будущее. В феерической комедии «Клоп» драматург фактически издевается над современной публикой, её образом жизни, для чего на сцене появляются селёдка, фокстрот, пиво ...

По сюжету бывший рабочий и партиец Присыпкин, а сегодня отвратительный тип тунеядца, попадает в наше светлое будущее в 1979 год, где не находит себе применения, неуместен, и его как, уцелевший экземпляр вымершего вида человека сажают на показ жителям 1979 года в клетку зверинца с биркой

«обывателиус вульгариус». Главное в конце – Присыпкин в ужасе тянется зрителям: «Граждане! Братцы! Свои! Родные! Откуда? Сколько вас?! Когда же вас всех разморозили? Чего ж я один в клетке? Родимые, братцы, пожалте ко мне! За что ж я страдаю?! Граждане!...». Ну, советским зрителям, особенно высокопоставленным, вряд ли нравился такой злой финал малоприятной пьесы. Это же про них, особенно тех, кто обычно сидит в первых рядах.

Похожий фантастический сюжет в драме «Баня», где в советскую современность присылается из 2030 года из светлого будущего, «оттуда», некая «фосфорическая женщина», делегатка, посланная «Институтом истории рождения коммунизма», с тем чтобы отобрать лучших представителей этого времени для переброски в будущий коммунистический век. Она уже восхищена тем, что успела увидеть и предлагает всем, у кого найдётся хотя бы одна черта, роднящая его с коллективом коммуны, — радость работать, жажда жертвовать, неутомимость изобретать, выгода отдавать, гордость человечностью, - отправиться в будущее.

Однако в самый момент старта что-то взрывается, и все кандидаты на место в будущем выбрасываются из машины времени наземь.

Получается, светлого будущего не удостоивается никто из современников, т.е. никто из пришедших на спектакль зрителей. Вряд ли им это нравилось.

В.Маяковский.

Стихи о советском паспорте
(отрывок).

(Маяковский проходит
паспортный контроль на
границе) .

.....

И вдруг,

как будто ожогом, рот
скривило
господину.

Это

господин чиновник берёт
мою

краснокожую паспортину.

Берёт -

как бомбу, берёт -

как ежа,

как бритву обоюдоострую,
берёт,

как гремучую в 20 жал
змею двухметроворостую.

... Я

достаю

из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.

Читайте,

завидуйте,

я — гражданин
Советского Союза.

1929

В. Маяковский . Поэма «Хорошо»,
отрывок

... Я с теми,

кто вышел

строить и месть

в сплошной

лихорадке буден.

Отечество

славлю, которое есть,

но трижды -

которое будет.

Я планов наших

люблю громадьё,

размаха

шаги саженьи.

Я радуюсь

маршу, которым идём

в работу и в сраженья.

..... пою мое отечество,

республику мою!

....Жизнь прекрасна

и

удивительна.

Лет до ста́

расти

нам

без старости.

Год от года

расти нашей бодрости.

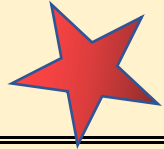
Славьте,

молот

и стих,

землю молодости.

1927

Смысл обеих пьес – очень мало кто из современников достоин войти в коммунистическое будущее. Что-то напоминает евангельское «много званых, но мало избранных», а автор примеряет на себя право мессии отделять агнецов от козлиц. Кому из его современников это могло понравиться? Драматург был обречён. Тем не менее, сам Мейерхольд восхищён и сравнивает Маяковского с Мольером.

О реакции советского чиновничества Катаев пишет:

« ... вскоре на пути «Бани», к общему удивлению, появилось множество препятствий – нечто весьма похожее на хорошо организованную травлю Маяковского по всем правилам искусства, начиная с псевдомарксистских статей одного из самых беспринципных рапповских критиков, кончая замалчиванием «Бани» в газетах и чудовищными требованиями Главреперткома, который почти каждый день устраивал обсуждение «Бани» в различных художественных советах, коллективах, на секциях, пленумах, президиумах, общих собраниях и где заранее подготовленные ораторы от имени советской общественности и рабочего класса подвергали Маяковского обвинениям во всех смертных литературных грехах – чуть ли даже не в халтуре.»³⁸⁸

К «Бане» выдвигали даже обвинения идейного характера. Газетные статьи допускали оскорбительный тон, в некоторых из них снова появилось слово «маяковщина». Впервые оно появилось в «Правде» в статье "Довольно "маяковщины!" (вспомним также недавний термин «есенинщина»). Маяковскому заявили, что он является не истинным «пролетарским писателем», а только «попутчиком»³⁸⁹.

Но вот парадокс - несмотря на настоящую войну поэта с проявлениями мещанства у других, он проявляет совершенную бесхарактерность в этом плане в отношении ЛБ и не может отказать ей в её просьбах привозить из зарубежных поездок различную женскую мелочёвку, что может быть простительно для любящего мужчины; но однажды такой мелочёвкой оказался автомобильчик «фордик», о котором она слёзно просила его в письме, не забыв сопроводить просьбу подробным описанием также запчастей к нему. (Но фордов тогда в Париж не завезли, и поэт решил на французский автопром.)

Ваксберг пишет об этом моменте в жизни ЛБ после возвращения Маяковского из Парижа в 1928 году:

« ... в её обладании появилась поистине диковинная редкость — свой автомобиль «рено». Достался он Маяковскому тяжело: с трудом удалось наскрести денег, с трудом уладить таможенные формальности (без помощи того же Агранова вряд ли это могло получиться). Самому Маяковскому автомобиль был напрочь не нужен — водить машину поэт не умел и учиться этому не хотел. ... Галстук, кстати, он привёз тоже, как и духи: и то, и другое для Лили. Но «рено» затмил все остальное.»

Мелкое тщеславие ЛБ было удовлетворено. Кроме неё теперь в Москве собственный автомобиль водила только, кажется, жена французского посла. Трудно даже себе

³⁸⁸ Валентин Катаев. «Трава забвения».

³⁸⁹ Пример советского новояза, отзвуки идеологических баталий на литературном фронте. Попутчики – подающие надежду сов. писатели, ещё не доросшие до уровня настоящего пролетарского писателя.

представить сколько усилий, денег и нервов стоила эта покупка и доставка непонятно каким образом (своим ходом, поездом?) через всю Европу маленькой «реношки».

Однако главным изменением в их жизни стало совсем другое - по приезде Маяковский рассказал ЛБ, как у них и было заведено – ничего не скрывать в личной жизни, о своём знакомстве в Париже с двадцатидвухлетней русской эмигранткой Татьяной Яковлевой и о своих небывало серьёзных чувствах к ней. Ещё бы, ей он уже посвящал свои стихи, чего до сих пор не бывало по отношению ни к одной женщине, только – Лиля.

Однако парадокс состоял в том, что эту встречу «с кем-нибудь в Париже» инициировала сама ЛБ, о чём Ваксберг пишет:

«Встречу устроила Эльза³⁹⁰, которая сама Маяковского туда привела, зная, что Татьяна будет там в это время. Свою роль «сводницы» Эльза объясняла так: с этой рослой, красивой соотечественницей она познакомила Маяковского лишь для того, чтобы избавить его от языковых проблем, а себя от обременительной необходимости постоянно быть рядом с ним в качестве переводчицы. Без консультаций с сестрой, а возможно, и без её просьбы она никогда на это бы не решилась. Шальная идея – сводить Маяковского с барышнями в его вкусе – принадлежала Лиле и использовалась ею не раз. Скорее всего, Лили и подбросила её Эльзе. Ведь Агранов, Сноб или кто-то другой из того же ведомства отлично знали, зачем Маяковский поехал в Ниццу. Только очень наивный человек мог предполагать, что Маяковский за границей был свободен от лубянского глаза.

Возможные последствия рисовались чекистским бонзам в самом мрачном виде, традиционном для них: в каждом они видели потенциального предателя и невозвращенца. Отвлечь Маяковского от дочерней привязанности, избавить от опасности превратиться в эмигрантского мужа мог, по мнению Лили, которую, вероятней всего, поставили в известность о грозящей опасности, только новый «романчик»».

Цинизм ЛБ и её окружения состоял в том, чтобы строго держать поэта на коротком поводке – и не душить в объятиях, но и не дать ему сбежать совсем. Главное, чтобы поэт не переставал петь. Ведь это приносит доход, и не только Маяковскому.

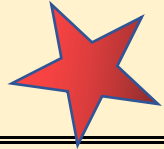
Но с Татьяной у корпорации вышла осечка – поэт влюбляется по-настоящему, и ему, судя по всему, ответили взаимностью.

И женским «безошибочным своим чутьём Лили ощутила, что ЭТА опасность куда более велика, чем та, от которой Татьяне предстояло отвлечь Маяковского. То есть, попросту говоря, Лили своими же руками, сама того не желая, толкнула его в объятия реальной, а не воображаемой соперницы, в объятия, которые оказались куда более крепкими, чем она могла предполагать.»³⁹¹

В лагере ЛБ начинается паника. Однако Ваксберг напоминает, что чекисты уже давно контролируют не только политический строй страны, но и частную жизнь интересных им граждан:

³⁹⁰ Младшая сестра ЛБ (та самая, которая и привела его в дом ЛБ ещё до Мировой войны) тогда жила во Франции и активно ей помогала. Советским людям она была известна как французская писательница Эльза Триоле и жена поэта-коммуниста Луи Арагона. Она же была первой любовью Маяковского, до ЛБ.

³⁹¹ Аркадий Ваксберг. Указ. Соч.

«Трудно поверить, что Лубянка уже и тогда не перлюстрировала письма из-за границы, тем более тех, кто её специально интересовал. А то, что Маяковский был «под колпаком», что разворачивавшийся роман с Яковлевой весьма тревожил лубянских начальников, — в этом нет ни малейших сомнений... Они понимали, что Татьяна на распутье и что её отказ от возвращения в советскую Россию мог побудить Маяковского принять самое нежелательное для них решение. Это, во всяком случае, не исключалось. Трудно представить себе, чтобы такая информация — в прямой или завуалированной, но достаточно понятной форме — не дошла бы до Лили: и Агранов, и Сноб, и другие их коллеги продолжали оставаться завсегдатаями дома на правах закадычных друзей... Впрочем, у Лили был ещё более важный информатор, чем лубянские перлюстраторы и парижский резидент спецслужб: сестра Эльза. О том, что всё время Маяковский проводит с Татьяной, сообщала в Москву она.

Верный прежнему уговору ничего не скрывать друг от друга, Маяковский, вернувшись из Парижа, признался Лиле, что отношения с Татьяной зашли достаточно далеко, что он намерен **осенью** жениться на ней и привезти в Москву. ... Было совершенно очевидно, что он и Лилия стремительно разлетаются в разные стороны.»³⁹²

Конечно, поэт уже давно должен был понимать, что ни один его шаг не остаётся без внимания органов. Однако, Недошивин пишет:

«... о слежке поэт догадался позже, когда в Америке у него родилась дочь от двадцатилетней Элли Джонс, и он, попросив ее писать ему на адрес сестры, назвав Лилию «злым гением» своей жизни, скажет вдруг, что Лилия, похоже, «о каждом его шаге сообщает в НКВД»... Что-то этот факт не поминают и сегодня те, кто выпускает восторженные книги о Лиле Брик и кто снимает о ней и ее «великой любви» бесчисленные фильмы! Да, поэта до самой смерти вели, о чем я еще расскажу, но чтобы этим занималась женщина, которую он любил, кого называл Музой, — это не укладывается в голове. Какая там Беатриче, Лаура, с которыми умильно сравнивали Лилию ее окружение и досужие «маяковеды»! Секретный сотрудник (на советском жаргоне — сексот), у которой постель — «ответственная работа» по ведомству литературы и искусства...»³⁹³.

И если роль ЛБ в этом семейном кооперативе вполне ясна, то что сказать о самом поэте? У Ваксберга в том же источнике читаем о вопросах, не имеющих ответа:

«Что побуждало самого Маяковского тесно дружить с лубянской компанией, весьма далекой от его творческих интересов, и какие связи он сам в действительности имел с крупнейшими функционерами этого ведомства? Что означает, к примеру, загадочная фраза из письма Маяковского Лиле из Парижа от 9 ноября 1924 года: «...Ничего о себе не знаю — в Канаду я не еду и меня не едут, в Париже пока что мне разрешили обосноваться две недели, <...> Как я живу это время, я сам не знаю. Основное мое чувство — тревога, тревога до слез и полное отсутствие интереса ко всему здешнему...».

Он что, в Париже сидит и ждёт куда его отправят далее и на какое задание? Похоже на это, других вариантов никак не просматривается.

Но вернёмся к цепочке событий последних полутора лет. Итак, казалось бы, осенью этого, 1928 года, он должен паковать чемоданы. Но этого не происходит. И

³⁹² Там же.

³⁹³ Вячеслав Недошивин «Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург».

разговоров о визе нет. В сложившейся обстановке вокруг поэта объяснение напрашивается само – ЛБ вместе со своими лубянскими друзьями блокируют получение Маяковским очередной визы.

Однако Ваксберг удивляет:

«... усилиями журналиста Валентина Скорятина, прошедшего в девяностые годы раскопки в лубянских архивах и в архивах наркомата иностранных дел, было неопровержимо доказано, что за выездной визой Маяковский вообще больше не обращался. Этот факт сам по себе куда более загадочен и непонятен, нежели гипотетический отказ в его просьбе о заграничном паспорте. Отказу было бы легче найти объяснение. Но что побудило самого Маяковского — добровольно! — поставить крест на своих замыслах, похоронить отнюдь не иллюзорные надежды? Почему — на самый худой конец — он даже не попытался хоть как-нибудь объяснить Татьяне столь крутой поворот?»

Ваксберг предполагает с большой вероятностью, что:

«...ему никто не отказывал в визе, потому что он и в самом деле за ней не обращался. А не обращался он потому, что кто-то УСТНО, не оставляя документальных следов, посоветовал ему воздержаться от обречённого на провал, неразумного и опасного шага. Даже если это и было сказано мягко,

Маяковский на своей выставке.

дружески, доверительно, все равно такую рекомендацию правильнее всего считать угрозой и шантажом.»

А в октябре ЛБ прилюдно и при самом Маяковском читает письмо от Эльзы из Парижа, что Татьяна собирается замуж за какого-то виконта, и уже назначена дата свадьбы. Поэт молча и с достоинством слушает. Что ж, и здесь, с Татьяной, его ждала очередная драма. Ни настоящей семьи, ни своего дома. Одна поэзия. И он продолжает работать.

Между тем в следующем феврале исполнялось 20 лет литературному дебюту Маяковского в Петрограде, и он в надежде поправить признание вокруг своего имени задумывает провести выставку о своём творчестве под скромным названием «20 лет работы». Нужно было раздобыть старые плакаты, книжки, сборники, рукописи, всё разместить. Но главное было не это, главное – кто придёт? Ведь кто придёт – от того и признание. А после провалов с Баней и Клопом – признания от друзей и властей были ему крайне необходимы. К тому же надо учитывая только что пережитую драму с Татьяной Яковлевой. Состояние поэта подходило к критическому.

Маяковский и активно поддерживающая его ЛБ составляют список гостей на открытие, готовят извещения, приглашения «званным», в число которых включают серьёзных чекистов, членов ЦК и даже его генсека, который только что в январе слушал его выступление в Большом театре, где он читал вступление к своей новой поэме «Во весь голос» по случаю шестой годовщины со дня смерти Ленина. Говорят, Сталин даже аплодировал. Но ни он, ни «друзья» из ОГПУ на выставке не появились. Ни даже друзья-стихотворцы, которые, казалось бы, «должны» оказать ему хотя бы формальное внимание, хотя бы из вежливости к собрату. Мы не говорим здесь, скажем, о Пастернаке и Шкловском, которых он буквально на днях выставил из «своего дома» в Гендриковом по пустяковым (для нас) поводам.

А другие? Не пришли другие. Пришли только самые «свои», да и простого народа, любителей его поэзии, было много. Но восторг и признание масс его не утешили. Ваксберг предполагает худшее:

«Маяковский вдруг возжаждал признания не у «массы», а у властей. У тех, кто как раз и породил жестоко осмеянный им бюрократизм! Испугался, возможно, оказаться в немилости, тонко почувствовав приближение грядущих событий и место, которое в них будет ему уготовано.»

Такое заключение печально, но, в общем-то, это только предположения исследователя, но вполне законные и вероятные. Здесь мы вступаем в полосу очень зыбких догадок -- считал ли сам себя поэт на своём месте и, самое главное, «среди своих ли я?». И даже бегло пройдясь по его стихам – нельзя не наткнуться на колючки-реперы, где поэт явно тяготится действительностью вокруг себя и даже страной, которой и в которой рождён и живёт. И это, что достаточно удивительно, – почти с самого начала сочинения им стихов:

«Я не твой, снеговая уродина.

Глубже

в перья, душа, уложись!

И иная окажется родина ...

...

Пусть исчезну,

«России». 1916.

«Ведь, если звезды

зажигают —

значит — это

Значит — это необходимо,

чтобы каждый вечер

над крышами

загоралась хоть одна звезда?!»

«Послушайте» . 1914.

Звезда нужна прежде всего ему самому. И он создаёт сам себе свою рождественскую звезду, структурируя поэму «Человек» (что интересно - как раз в дни октябрьского переворота) как евангельские события, вводя главы: «Рождество Маяковского», «Жизнь Маяковского», «Страсти Маяковского», «Вознесение Маяковского» и так далее. Религиозный подтекст подчёркивается оформлением первой обложки, на которой имя автора и название поэмы стилизуются простым крестом. Поэт преподносит себя как нового мессию?

В этой поэме он говорит Аптекарю, который подаёт ему яд, что он бессмертен и здесь только как гость:

«Скрестилась кость на кость.

Кому даёшь?

Бессмертен я,

твой небывалый гость.

... *Вздор - всё, что знаем и учим!*

Физика, химия и астрономия — чушь.

Вот захотел

и по тучам

лечу ж.

Всюду теперь! Можно везде мне.»

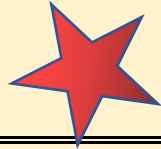
«Человек». 1917.

Пустите к зверю в сторожа.

Маяковский – по собственному мнению человек вселенских масштабов, а вселенское понимание любви шло вразрез с ежедневным, мелким, будничным. Не считал ли он себя сверхчеловеком?

И две последние его пьесы – тоже про то будущее, куда не попадут его современники. Ошиблась «фосфорическая женщина» оттуда, не тех захотела забросить в своё царство.

Но как поэту попасть туда? Навязчивое стремление самому уйти из настоящего пробивается время от времени в его стихах с тревожным суицидальным мотивом даже в далёком 15-м году:

*«Все чаще думаю —
не поставить ли лучше
точку пули в своём конце.»*

«Флейта-позвоночник» 1915 г.

Поэт, облетая дорогие ему места города, спрашивает у прохожих, чья эта улица? Ему говорят, что она давно его имени:

*« "Она - Маяковского тысячи лет:
он здесь застрелился у двери любимой".
Кто,
я застрелился?
Такое загнут!»* «Человек» . 1917.

И там же:

*«А сердце рвётся к выстрелу,
а горло бредит бритвою.»*

Но при этом почему-то предупреждает всех, что он не застрелится сам:

*«Я не доставлю радости
видеть,
что сам от заряда стих.
За мной не скоро потянете
об упокой его душу таланте.»* «Про это».

И почти те же навязчивые слова опять в записках для себя, которые приводит литературовед Яблоков:

«Пожалуй, в эти месяцы Маяковский был ближе к МХАТу, чем Булгаков. Даже о самоубийстве в последние дни жизни он размышлял «с оглядкой» на МХАТ. 12 апреля, набрасывая перед встречей с В. Полонской план решающего разговора, Маяковский записывает последним пунктом: «Я не кончу жизнь, не доставлю такого удовольствия худ. театру», (имея в виду, конечно, Яншина)»³⁹⁴.

Но, скорее всего, как замечает Быков, он имел ввиду **их** театр, МХАТ, как явление, как вместилище художественной традиции, привычных художественных норм, которые он страстно ненавидел. (Актриса Вероника Полонская стала последней серьёзной страстью поэта, но стихов ей, он, кажется, не посвящал.)

Откуда же такие суицидальные настроения? Мы узнаём, что мысль о «пуле в своём конце» преследует его по крайней мере с 16-го года. ЛБ свидетельствует:

³⁹⁴ <http://www.ejablokov.ru/article9.html>. Яншин был мужем Полонской.

«Всегдашние разговоры Маяковского о самоубийстве! Это был террор. В 16-м году рано утром меня разбудил телефонный звонок. Глухой, тихий голос Маяковского: „Я стреляюсь. Прощай, Лилик“. Я крикнула: „Подожди меня!“ — что-то накинула поверх халата, скатилась с лестницы, умоляла, гнала, била извозчика кулаками в спину. Маяковский открыл мне дверь. В его комнате на столе лежал пистолет. Он сказал: „Стрелялся, осечка, второй раз не решился, ждал тебя“»³⁹⁵.

Непонятно, как это могло совмещаться с жизнеутверждающими его стихами начала и середины 20-х годов? О чём-то догадывалась Ахматова, говоря: «Впрочем, могу вам объяснить... **Он всё понял** раньше всех! <...> ...отсюда и такой конец».³⁹⁶

О том, что Маяковский жил в како-то другом мире, пишет и Катаев:

«Он уже давно существовал в каком-то другом измерении, я же продолжал двигаться во времени и пространстве, как обычно...»³⁹⁷

Свою оценку поэту, как новому человеку, опередившему наше время, даёт и Цветаева:

«Этими своими быстрыми ногами Маяковский ушагал далеко за нашу современность и где-то за каким-то поворотом долго ещё нас будет ждать»... «Маяковский первый новый человек нового мира, первый грядущий. Кто этого не понял, не понял в нём ничего.»³⁹⁸

Непонимание между обществом и поэтом, ненужность здесь и мечта о будущем — вторая главная тема поэта.

«Я хочу быть понят

моей страной,

А если не буду понят — что ж...

По стране родной

Я пройду стороной,

Как проходит косой дождь.»

1925.

Что же случилось в апреле?

Достоверно известно, что утром 14-го апреля Маяковский и Полонская встречаются у него в комнате в коммуналке в Лубянском переулке, разговор идёт на повышенных тонах, он просит её уйти от Яншина к нему. Она не решается. После разговора Полонская спешит на репетицию, но, выходя, слышит выстрел и возвращается. Она видит Маяковского на полу, с раной в груди. Рядом - небольшой револьвер (это всё со слов Полонской). Вызванная соседями скорая фиксирует смерть от пули.

³⁹⁵ <http://mayakovskiy.lit-info.ru/mayakovskiy/bio/radzishevskij-mezhdu-zhiznyu-i-smertyu/soblazn-samoubijstva.htm>

³⁹⁶ Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой».

³⁹⁷ Валентин Катаев. «Трава забвения».

³⁹⁸ Марина Цветаева. «Владимир Маяковский и Борис Пастернак». <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/epos-i-lirika.htm>

Новость разносится по Москве. 14 апреля 1930 г. «Красная газета» сообщила (вероятно, вечерний выпуск): «Сегодня в 10 часов 17 минут в своей рабочей комнате выстрелом из нагана в область сердца покончил с собой Владимир Маяковский. Прибывшая «скорая помощь» нашла его уже мёртвым. В последние дни В.В.Маяковский ничем не обнаруживал душевного разлада и ничего не предвещало катастрофы». Катаев вспоминает:

«Очень поздним утром меня разбудил повторный телефонный звонок. Первого я не услышал.
– Только что у себя на Лубянском проезде застрелился Маяковский. Он выстрелил себе в сердце из маленького карманного маузера.»³⁹⁹

Дальнейшие события опутаны слухами. В его столе находят (кто?) две записки на трёх страничках, написанные карандашом, и датированные 12-го апреля. Кто же пишет предсмертные записки загодя? Первые две странички:

«Всем. В том, что умираю, не вините никого и, пожалуй-ста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил. Мама, сестры и товарищи, простите – это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет. Лиля – люби меня. Товарищ правительство, моя семья – это Лиля Брик, мама, сёстры и Вероника Витольдовна Полонская. Если

ты устроишь им сносную жизнь – спасибо. Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся. Как говорят – «инцидент исперчен»⁴⁰⁰, любовная лодка разбилась о быт. Я с жизнью в расчёте и не к чему перечень взаимных болей, бед и обид. Счастливо оставаться. Владимир М а я к о в с к и й.
12/ IV -30 г.»

Третья страничка: «Товарищи Вапповцы, не считайте меня малодушным. Серьёзно – ничего не поделаешь. Привет. Ермилову скажите, что жаль – снял лозунг, надо бы доругаться. В. М.
В столе у меня 2000 руб. – внесите в налог. Остальное получите с Гиза. В. М.».

Каждое слово здесь, как и записки в целом, как и ёрнический общий тон, и двухдневная свежесть – оставляют вопросы и вопросы. Похоже на какой-то несерьёзный розыгрыш. Но это дело криминалистов.

³⁹⁹ Валентин Катаев. «Трава забвения».

⁴⁰⁰ В кругу Маяковского имела хождение эта присказка «инцидент исперчен».

Катаев передаёт сумбурный разговор из окружения близких приятелей Маяковского в эти дни, шокированных произошедшим: «Сблизив головы, мы сидели в пустой, холодной пивной на Никольской ..., охваченные холодом сиротства, и говорили вполголоса о Маяковском – всё о нем, всё о нём, ..

– Если бы Брики были в Москве⁴⁰¹, он бы этого не сделал, – время от времени повторял Бабель ...

Маяковский, перенесённый на диван.

– Слушайте меня, поймите: мы все в этом виноваты. Все люди, которые его любили по-настоящему. Его нужно было обнять, может быть, поцеловать, сказать, как мы его любим. Просто, по-человечески пожалеть его. А мы этого не делали. Мы стеснялись быть сентиментальными. Мы обращались с ним, как с бронзовым. Уже как с памятником. А он был самый обыкновенный человек. Подверженный простудам.

Вечно в гриппу. Со слабыми нервами. Почему, ах, почему вы его отпустили среди ночи, не оставили у себя?

– Но разве я мог хоть на один миг предположить, что...

– Вот именно, именно! Все относились к нему, как к бронзовому. А он был «боже из мяса – бог-человек». А главное... – тут Бабель снова посмотрел на нас – на Олешу и на меня – не то вопросительным, не то пророческим взглядом.

– А главное, – медленно проговорил он, – Маяковский был слишком идеалист. ... «Любовная лодка разбилась о быт». Это как раз тот случай. Перечтите внимательно все его стихи. Мы просто ослепли, лишились разума!

– Да, да. Совершенно верно. Бабель бесконечно прав. «Она – Маяковского тысячи лет, он здесь застрелился у двери любимой», «Не поставить ли лучше точку пули в своем Конце», «Мяукал кот. Коптел, горя, ночник. Звонюсь в звонок. Аптекаря!... Протягивает. Череп. «Яд». Скрестилась кость на кость. Кому даешь? Бессмертен я, твой небывалый гость», – понимаете, товарищи:

⁴⁰¹ Бабель имеет ввиду, что Осип и ЛБ странным образом без большой необходимости в эти дни находились в Лондоне. Но на похороны приехать успели.

он был небывалый гость в нашем мире! Помните? «...И вдруг я плавно огибаю прилавок. Потолок разворачивается сам... Над домом вишу». ...

– «Над бандой поэтических рвачей и выжиг», – сказал Бабель, не слушая Олешу. – Ведь это же не просто так, для красного словца. Это написано кровью сердца. Значит, есть банда. Понимаете?

– Подождите, – сказал Олеша. – Это не самое странное.... Во всяком случае, мимо меня пронесли мозг Маяковского.

И Олеша, перескакивая с образа на образ, рассказал нам то, что потом с такой поразительной художественной точностью появилось в его книге «Ни дня без строчки».

О какой банде поэтических рвачей и выжиг говорят сами писатели, цитируя поэта? Катаев далее проникается смыслом жизни Маяковского:

«Он уже давно существовал в каком-то другом измерении,...».

Почти о том же пишет Пастернак, о своих мыслях о поэте, стоя у его гроба:

«Вдруг внизу, под окном, мне вообразилась его жизнь, теперь уже начисто прошлая. Она пошла вбок от окна в виде какой-то тихой, обсаженной деревьями улицы, вроде Поварской. И первым на ней у самой стены стало наше государство, наше ломящееся в века ... небывалое, невозможное государство. Оно стояло внизу, его можно было кликнуть и взять за руку. В своей осязательной необычности оно чем-то напоминало покойного. ...

И тогда я с той же необязательностью подумал, что этот человек был, собственно, **этому гражданству единственным гражданином**. Остальные боролись, жертвовали жизнью и создали или же терпели и недоумевали, но все равно были туземцами истекшей эпохи... И только у этого новизна времён была климатически в крови. Весь он был странен странностями эпохи, наполовину ещё неосуществлёнными.»

Пастернак говорит о необычайном ощущении времени и о том, что Маяковский был сам себе государство и единственным его гражданином. И потому по-настоящему одинок. Эта единственность в своём государстве, в своём измерении, в своём будущем, и эта огромность, и прорезающиеся, но «Ещё не появившиеся крылья»⁴⁰² и не позволили ему втиснуться в этот мирок, в эти условности, традиции. Они же не позволили создать «нормальную» семью, с «нормальным» самоваром, с детьми ... Не получилось это и с Вероникой Полонской.

⁴⁰² Сравнение принадлежит Дмитрию Быкову, отрывок из стихотворения Николая Гумилёва «Шестое чувство»: «...Кричит наш дух, изнемогает плоть, \ Рождая орган для шестого чувства.» 1920 г.

Но вокруг гроба поэта уже витали и вполне материальные заботы – о маузерах, о почерке в странных записках и поручениях покойного, о правах на издания ...

Не имея возможности и времени заниматься здесь криминалистикой, сошлёмся на тех, кто уже попытался в них разобраться. На сайте <https://foto-history.livejournal.com/14239080.html?ysclid=lqgpgrxfg7289261096> утверждают:

«... В итоге все материальные ценности Маяковского (включая наличку и кооперативную квартиру) достались "молодой вдове Поэта" Лиле Брик. Она также получила бесценный архив Поэта, а также половину авторских, от издания его стихов по всему миру. (Вторую половину получила мать Маяковского и две его сестры). Полонская же, в результате блестящей Лилиной интриги ..., несмотря на чёткое указание в "завещании", не получила вообще ничего, если не считать путёвки в какой-то санаторий. И ещё: исследователей крайне удивило то, что предсмертное письмо было почему-то написано карандашом, (чего Маяковский, обычно, не делал), что, по их мнению, является серьёзным аргументом в пользу того, что письмо подделка.

Дело в том, что хороший специалист (например, из того же ОГПУ) может легко подделать почерк любого человека. А вот, подделать текст, написанный пером, практически невозможно, поскольку, как наклон пера, так и нажим на него при письме очень индивидуальны. Отсюда и карандаш, для которого как наклон, так и нажим при письме не принципиальны. Да и заиметь авторучку Маяковского, его любимое, как он говорил, "Стило" было делом совершенно невозможным. Поэт, как уже говорилось страдал мизафобией⁴⁰³, и чтобы он кому-то дал, хотя бы поддержать, своё "Стило"? ...

Теперь, если резюмировать все вышесказанное: показания Полонской, как и её воспоминания, скорее всего, враньё, основная цель которого как-то обосновать и подтвердить официальную версию "самоубийства" от ОГПУ. Посмертное письмо - грубо сработанная фальшивка.

Основной смысл этой подделки - обозначить две темы :

Первая - Маяковский ушёл из жизни добровольно и просил никого не винить (читай не расследовать сей "исперченный инцидент").

Вторая - главным наследником и основным, как сейчас говорят, бенефициаром от изданий стихов поэта объявлялась "молодая вдова" Лиля Брик.»⁴⁰⁴

Ваксберг развивает эту тему:

⁴⁰³ Мизофобия — навязчивый страх загрязнения либо заражения, стремление избежать соприкосновения с окружающими предметами.

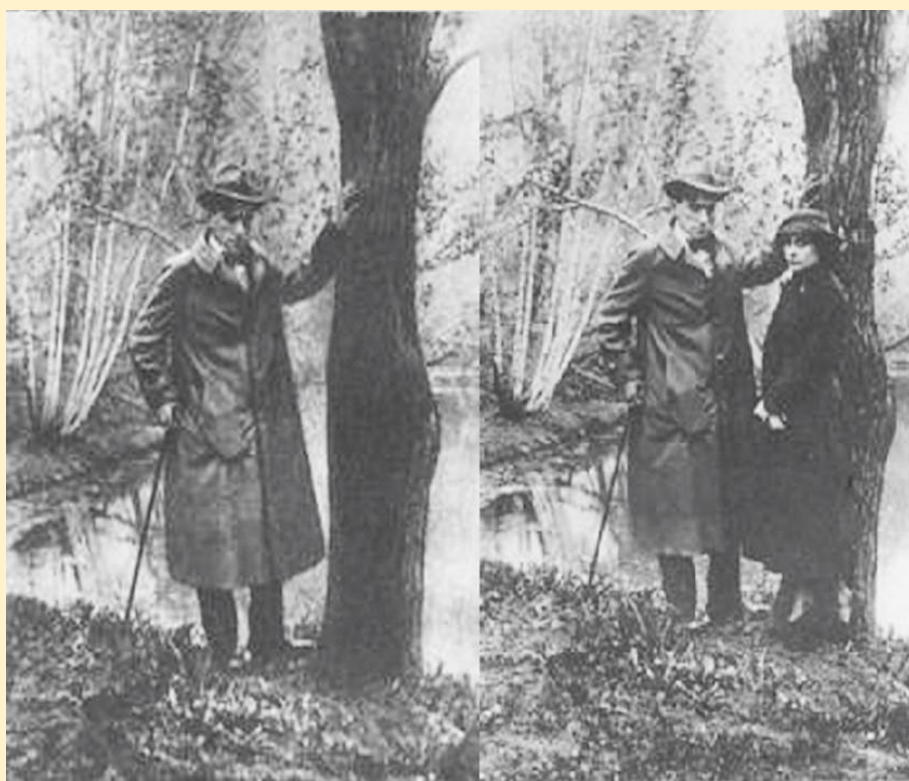
⁴⁰⁴ <https://foto-history.livejournal.com/14239080.html?ysclid=lqgpgrxfg7289261096>

«Прав у Норы⁴⁰⁵, как, впрочем, и у Лили, не было никаких. Но, ясное дело, признавая Лилю «как бы» женой Маяковского, власти не могли предоставить одновременно такой же статус еще и Норе, создавая совсем уж немыслимый для советской морали прецедент узаконенного двоеженства (на Лилино «двоежёнство»⁴⁰⁶ им волей-неволей пришлось закрыть глаза).

Самого предсмертного письма, которое можно было рассматривать как завещание, в Кремле (смертью поэта занимается Кремль??? - ЮП) не оказалось — его забрал себе Агранов. В верхах как-то поладили, потому что решение о наследовании принималось не нотариусом и не судом, а на правительственном уровне — не по закону, а «по совести». (т.е. по понятиям, как и всегда. - ЮП)

Норе позвонили из Кремля, ее вызывал на беседу чиновник по фамилии Шибайло. Вместо права на наследование он предложил ей путевку в санаторий. Просто по дурусти? Или чтобы больней уязвить? Воля Маяковского в отношении Норы исполнена не была, так же как и в отношении Элли Джонс.»⁴⁰⁷

Маяковский и Лилия Брик. После и до ретуши.

Этот последний пассаж из Ваксберга совершенно замечателен, он даёт представление о характере той эпохи и круге проблем, которые приходится разгребать в самых высших советских инстанциях (других способов, законных и принятых во всём мире, у нас не было), а именно:

- поэт, хотя и широко признанный, сам уходит из жизни и оставляет (если его записка подлинна) невнятное указание, кого считать членами его семьи;

- в эту семью попадают две его любовницы, обе замужние;

⁴⁰⁵ Так звали Полонскую в близком кругу.

⁴⁰⁶ Писатель имеет ввиду двоемужество ЛБ.

⁴⁰⁷ Аркадий Ваксберг. Указ.соч.

- само «завещание» пропадает в глубоких карманах Лубянки (позже его находят);
- надо решить – как распределить невеликое наследство поэта и будущие доходы от продаж книжек; и в Кремле решили - *не по закону, а «по совести»*, т.е. по нашим понятиям. Ведь законы и суды в Советской стране не работают. Как-то так принято.

Что же в итоге?

«Как и следовало ожидать, законом пренебрегли, — скорее всего, не потому, что так уж чтили Маяковского и его волю, а под впечатлением той реакции, которую вызвал его уход из жизни. Наследниками признавалась семья из четырех человек: Лиля Брик, мать и две сестры. Каждому из них полагалась одна четвертая часть пенсии в размере трехсот рублей ежемесячно: тогда это была неплохая сумма.

*Распределение же долей в наследстве на авторские права (всем было понятно, что это и есть реальное наследство) было определено отдельным, притом **секретным** (!!!!- ЮП), постановлением, не подлежавшим оглашению в печати. Оно закрепляло за Лилей половину авторских прав, а за остальными наследниками вторую половину в равных долях.»⁴⁰⁸*

Сёстры поэта и ЛБ были обречены на взаимную вражду пожизненно. С годами борьба с присутствием ЛБ в жизни поэта выходит почти на официальный уровень, привлекая в том числе советских волшебников-ретушёров. ЛБ вычищают-подтирают со многих фотографий, где она с Маяковским.

Но посмертные проблемы возникают не только у наследников, любовниц, следователей, Бриков и т.д. но и у идеологов власти – ведь если поэт-глашатай и трубадур революции сознательно и без видимых причин уходит из им самим воспеваемой жизни – так может дело в самой жизни? Может она на самом деле просто невыносима? С этим надо было что-то делать.

К тому же через полтора года драматург Николай Эрдман некстати публикует пьесу «Самоубийца», в которой единственный положительный персонаж пьесы, писатель, кончает самоубийством и оставляет записку: *«Подсекальников прав, жить не стоит».*»

Цензура возбудилась. Жить в советской стране не стоит?

Бенедикт Сарнов пишет: *««Верхним» своим собачьим - цензорским - чутьём он (глава Реперткома - ЮП) почуял, что самоубийство Феди Петунина и его предсмертная реплика того и гляди натолкнет кого-нибудь из зрителей на мысль,*

⁴⁰⁸ Там же.

что и Маяковский, решив в 1930 году покончить все счёты с жизнью, **тоже был прав.**»⁴⁰⁹

Допустить этого было нельзя. Поэта тоже желательно было заретушировать из жизни советского общества. И Маяковский посмертно попадает в опалу, его значение принижается. В течение следующих нескольких лет тормозится выход полного собрания сочинений поэта, обещанный однотомник даже не набирается, книги для детей не переиздают, и в книжных магазинах его нет. Память о поэте никак не поддерживается.

Современный критик Арлен Блум в книге «Советская цензура в эпоху тотального террора» пишет об идеологических нападках в начале 30-х годов на множество пролетарских писателей и поэтов:

«...Даже Маяковский, которого, кажется, трудно упрекнуть в отсутствии классового и революционного накала, не избежал общей участи. Его стихи для детей изгонялись из библиотек, подвергались самой свирепой критике в педагогической и рапповской прессе. Разгромлен был... первый сборник стихов для маленьких читателей «Маяковский - детям», вышедший уже посмертно, в 1931 году. Им резко не понравилось стихотворение «Что такое хорошо и что такое плохо?», поскольку в нём «аккуратность берётся главным признаком «хорошести», и вся вещь построена на прославлении «благовоспитанных мальчиков», под понятие которых с большим правом подойдут дети нэпманов, чем рабочих». И т.д. .. «Единственное исключение было сделано для «идеологически безупречного» стихотворения «Кем быть?»».

Видимо, исключение только потому, что там идёт речь о рабочих профессиях.

Эта обструкция издателей и других чиновников возникла у них не сама по себе, или по их убеждениям. Они привыкли держать нос по ветру, который дул из-за кремлёвских стен. А дул он в сторону поэта в те годы холодком.

Сарнов уточняет природу этого холода:

«Эта неприязнь была связана не с отношением Сталина к эстетике или поэтике Маяковского, не с отношением к его стихам, а с его реакцией на сам факт самоубийства, который он воспринял очень болезненно.»

Именно в этом дело – если уж глашатай революции сбегает с нашего корабля, ведомого великим кормчим (правда, этот эпитет возник чуть позже), то что же будет дальше?

Сарнов пишет, что ни тени жалости к человеку, решившему покончить все свои счёты с жизнью, ни тени сочувствия, ни малейшего стремления вникнуть в его драму и

⁴⁰⁹ Бенедикт Сарнов. «Сталин и писатели».

понять ее не испытывал он даже, когда дело касалось самых близких его людей. Только одно чувство в этих случаях терзало его душу:

*«Как мог он (она) нанести такой удар МНЕ!»». Личная обида – он **меня** предал, мучила его разум. Никакие другие чувства или попытки понять этого человека не рождались и не возникали у него. МНЕ нанесли удар! Обида порождает мстительность.*

Невольно Маяковский стал, видимо, первым в череде самоубийств (не считая Есенина), или попыток сбежать, лет на 20 вперёд. Действительно, через 2 года стреляется жена диктатора Надежда; неудачную попытку застрелиться предпримет его старший сын Яков, чем вызвал только поток насмешек отца: «Ха, не попал!» - любил он поиздеваться над ним после неудачного выстрела.

Но Сарнов пытается углубиться в мотивы поступка поэта:

*«Если вдуматься, для такого отношения к самоубийству Маяковского у Сталина причин было не меньше, а, пожалуй, даже больше, чем во многих других случаях. Ведь выстрел Маяковского был личным «проколом», личным поражением Сталина. Хотел того Маяковский или нет, но, выстрелив себе в сердце, он громогласно, во весь голос сказал стране и миру, что не верит в **сталинский** социализм»⁴¹⁰.*

А это уже серьёзно. А в какой социализм он верит? Другого-то у нас за окном нет. Или есть? И в январе последнего года он обращается прямо к Ленину, т.е. как бы мимо теперешнего вождя (видимо, писано к шестилетию смерти Ленина):

Во весь

медногорлый

гудочный клич,

всеми

раскатами

тракторного храпа,

тебе,

товарищ

Владимир Ильич,

⁴¹⁰ Бенедикт Сарнов. Указ. Сочинение.

сегодня

республика

делает рапорт. ...

Обещаем тебе,

работники иглы,

работники серпа

и молота:

— Мы счистим подлиз

и вредителей слизь,

мы труд

разупорствуем

второе,

но твой

человеческий

социализм

на всей

планете

построим! 1930 г. (выделено мной.-- ЮП).

Стихотворение во многом примечательное. Он обращается непосредственно к «вождю мирового пролетариата» и обещает, что, во-первых, мы построим *твой человеческий социализм*, а во-вторых, *на всей планете*. Но и то, и другое не может не вызвать по крайней мере удивление «высшей инстанции». Получается, сегодняшний, «мой» социализм тебя не устраивает, он **не** «человеческий». И кроме того, уже действует наша политика по построению социализма в одной, отдельно взятой нашей стране, а не «на всей планете». Ты не в курсе? - могли бы у Маяковского спросить те же его друзья из «органов». Ответить поэту было нечем. Но ответить надо было.

Между тем делёжка наследства «по совести» в следующие годы не успокаивает ни ЛБ, ни сестёр. Тиражей нет, доходов нет. ЛБ считает память о поэте в

стране недостаточной, как и количество тиражей «всех ста томов моих партийных книжек». Кто-то советует ей написать о ситуации «самому», и как написать, и в феврале 1935 года она сама или с помощью друзей сочиняет письмо, где говорит

«Дорогой товарищ Сталин,

После смерти поэта Маяковского все дела, связанные с изданием его стихов и увековечением его памяти, сосредоточились у меня. У меня весь его архив, черновики, записные книжки, рукописи, все его вещи. Я редактирую его издания. Ко мне обращаются за материалами, сведениями, фотографиями...»

Затем она хвалит себя за сохранение памяти о поэте, что интерес к нему растёт, и напоминает, что *«он ещё никем не заменён и как был, так и остался крупнейшим поэтом революции.»* При этом она жалуется, что государственные издания недостаточно много печатают его книги, затягивают, проявляют бюрократизм; что хотели переименовать Триумфальную площадь в честь поэта, но не сделали этого и т.д. и т.п. В заключении ЛБ просит помощи в своей работе.

Написать письмо – полдела, главное было – его доставить в Кремль подходящим образом и в подходящий момент и лично в «высочайшие руки». Судя по разным источникам, поручение выполнил друг Агранов, или новый муж ЛБ Виталий Примаков, крупный и влиятельный военачальник. Так или иначе, адресат получает письмо, на котором налагает столь желанную отправителями резолюцию, известную впоследствии всем (приведём её полностью для лучшего понимания стиля эпохи):

«Тов. Ежов, очень прошу вас обратить внимание на письмо Брик. Маяковский был и остаётся лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличное отношение к его памяти и произведениям - преступление. Жалобы Брик, по-моему, правильны. Свяжитесь с ней или вызовите ее в Москву. Привлеките к делу Таль и Мехлиса и сделайте, пожалуйста, все, что упущено нами. Если моя помощь понадобится, я готов.

Привет!

И. СТАЛИН»

Ежов уже поднимался тогда к вершине власти НКВД и очень хорошо понимал значение слова «преступление» под пером «вождя всех народов». Шестерёнки машины власти закрутились и ... и в итоге мы, подростки 60-х, узнаём, что Маяковский – первый советский поэт, и обязателен к изучению в школе.

И также нам читали в детстве:

«Кем быть?»

«У меня растут года,/будет и семнадцать.

Где работать мне тогда,/чем заниматься?

Нужные работники —/столяры и плотники!

Сработать мебель мудрено:/сначала мы берём бревно

и пилим доски/длинные и плоские...

Эти доски вот так/ зажимает стол-верстак.

От работы пила/раскалилась добела....»

Конечно, после указаний «вождя» Ежову поэт начал внедряться советскими чиновниками широко и глубоко. Это дало повод Пастернаку едко заметить, что Маяковский умер дважды: когда раздался выстрел 14 апреля 1930 года и когда прозвучала фраза Сталина о том, что Маяковский *«был и остаётся лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи»*. После этого, по словам Пастернака, Маяковского начали насаждать, как картофель при Екатерине II.

Письмо ЛБ имело ещё одно ценное последствие для неё самой. Возможно, именно благодаря ему ЛБ и оказалась единственной, вычеркнутой диктатором из одного расстрельного списка в 37 году, оказавшейся там как законный член семьи, жена красного военачальника Виталия Примакова, «подельника» Якира и Тухачевского, расстрелянных в том же году. Потому и уцелела. *«Не будем трогать жену Маяковского.»*, якобы милостиво сказал диктатор, просматривая этот расстрельный список. Возможно, по той же причине Осип Брик тоже уцелел, даже не был арестован, и умер своей смертью в конце войны.

Маяковскому в 1958 в Москве на площади его же имени всё-таки ставят *«бронзы многопудье»*, единственный памятник советскому поэту в центре города (и едва ли не выше памятников Грибоедову и Пушкину). ЛБ в 86 лет, не желая быть обузой окружающим, принимает смертельную дозу нембутала. В последнюю минуту она, наверное, вспоминала Маяковского. Как он, наверное, вспоминал перед последним выстрелом Есенина.

Конец первой части первой книги

Оглавление

Вместо пролога	5
Для заправки	6
Главная мифологема раннего СССР - Мировая революция.	32
О русском обществе в конце 19-го – начале 20-го веков	40
Чернышевский и новые люди	49
Экспансия	60
Общество в революцию 1905 г.	66
Россия – открытая страна	83
Средства РСДРПб	90
1907 – 1913 гг.	102
«Швейцарцы», конец Распутина	122
Отречение	129
История пломбированного вагона	139
Лето 17-го	155
Октябрь 17-го – февраль 18-го.	168
Декреты	172
Современники о перевороте	180
Ещё о декретах.	189
Разгон Учредительного Собрания	195
1918 год	202
Брест-Литовск	202
Организация РККА. Комиссары	210
Исход из Петрограда, голод	213
Военный коммунизм	219
Чехословацкий фактор.	224
Покушение на Мирбаха.	227
Расстрел царской семьи	233
Атрибуты РСФСР	238
Покушение на Ульянова-Ленина и Урицкого.	239
Заговор послов. Красный террор.	244
ВЛКСМ	249
Блок. 12.	251
Бунин. Окаянные дни	257

Гражданская война	265
Начало. Неизбежность.	265
Комиссары и комиссарки, репрессии	271
ВЧК как новая опричнина	279
Тамбов, Кронштадт, расказачивание	286
Польский поход, линия Керзона	292
Гилянская республика	304
Крым, Колчак	307
Итоги гражданской войны	318
Репрессии, атеизм	322
Интеллигенция, книги, ликбез	328
Голод 1920-1921. Горький.	341
Новый человек в новой семье. «Долой стыд!»	348
Введение НЭП, червонцы	364
Мещанство. «Гадюка»	377
Уэллс, другой взгляд на советскую жизнь	383
Преемники, токсикология	386
Создание СССР	399
Философский пароход	403
Генуя, Рапалло, 1922	406
Первая попытка союза с Германией. Путчи 1923 года.	409
Смерть Ленина	415
Культ Ленина. Борьба в политбюро	423
Жизнь общества. Задатки императора.	434
Салоны, ЧК, Есенин	440
Маяковский	459